НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
Інстытут гісторыі

ГІСТАРЫЧНА-АРХЕАЛАГІЧНЫ ЗБОРНІК

Выпуск 28

Мінск
«Беларуская навука»
2013

УДК [940+902/904(4)](082)

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі працягвае выданне «Гістарычна-археалагічнага зборніка». У гэтым выпуску змешчаны артыкулы гісторыкаў і археолагаў нашай краіны, прысвечаныя актуальным праблемам айчыннай гісторыі і метадалогіі гістарычных даследаванняў (раздзелы «Метадалогія гісторыі», «Археалогія»). Таксама друкуюцца матэрыялы, якія ўтрымліваюць вынікі навуковых даследаванняў супрацоўнікаў Інстытута гісторыі за 2011–2012 гг. (раздзелы «Гісторыя», «Хроніка»). Выданне прысвечана 75-годдзю з дня нараджэння М. С. Сташкевіча (раздзел «Памяці М. С. Сташкевіча»).

Выданне разлічана на настаўнікаў, прафесійных вучоных-гісторыкаў, студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў, творчую інтэлігенцыю, шырокае кола чытачоў, неабыякавых да айчыннай гісторыі; рэкамендуецца для выкарыстання ў навукова-даследчай працы і вучэбным працэсе.

Выданне адноўлена ў 1993 годзе

Укладальнікі:

М. У. Смяховіч (кіраўнік), К. Д. Ганчарэнка, Я. П. Бязлепкін

Рэдакцыйная калегія:

А. А. Каваленя, доктар гістарычных навук, прафесар (гал. рэд.);
В. В. Даніловіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (нам. гал. рэд.);
М. Г. Жылінскі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт; Л. Я. Землякоў, доктар палітычных навук, прафесар;
А. Г. Калечыц, доктар гістарычных навук, прафесар; М. П. Касцюк, акадэмік;
М. М. Крывальцэвіч, кандыдат гістарычных навук; А. М. Літвін, доктар гістарычных навук, прафесар;
В. М. Ляўко, доктар гістарычных навук, прафесар; С. Я. Рассадзін, доктар гістарычных навук, прафесар;
М. У. Смяховіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (адк. сакратар)

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук, прафесар А. Г. Калечыц
доктар гістарычных навук, прафесар А. М. Літвін

На вокладцы размешчаны фотаздымак плошчы Незалежнасці (г. Мінск).

ISBN 978-985-08-1606-1

© ДНУ «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», 2013
© Афармленне. РУП «Выдавецкі дом «Беларуская навука», 2013

З М Е С Т

ПАМЯЦІ М. С. СТАШКЕВІЧА
(да 75-годдзя з дня нараджэння)

Аляксандр Кавaленя, Вячаслаў Даніловіч, Мікалай Смяховіч. Служыў гісторыі Айчыны (да 75-годдзя з дня нараджэння Мікалая Сцяфанавіча Сташкевіча) 8
Александр Данилов. Историк Н. С. Сташкевич и его время... 14
Вадзім Гігін. М. С. Сташкевіч як даследчык гісторыі беларускіх палітычных партый 19
Владимир Козляков, Ольга Левко. Ученый, наставник, патриот (к 75-летию со дня рождения Николая Стефановича Сташкевича). 25
Евгений Барановский. Его творчество вдохновляет 30

Alexander Kovalenja, Viachaslau Danilovich, Mikalaj Smiakhovich. Serving for the Motherland history (the 75th anniversary since the birth of Nikolai Stefanovich Stashkevich) 8
Alexander Danilau. Historian N. S. Stashkevich and his time... 14
Vadim Gigin. N. S. Stashkevich as a researcher of belarusian political parties history 19
Uladzimir Kazliakou, Olga Ljauko. Scientist, teacher, patriot (to the 75th anniversary of Mikalaj Stashkevich) 25
Eugene Baranowski. Inspired by his creativity . . 30

Г І С Т О Р Ы Я

Ярослав Рассадин. Византийская анакаталипсия славянской Мореи 35
Ганна Васіленка. Гістарыяграфія і крыніцы праблемы «Дзейнасць Боны Сфорца на тэрыторыі Беларусі (1518–1555 гг.)» 45
Вадзім Аніпяркоў. Крытыка Чатырохгадовага сойма ў праграмных дакументах Таргавіцкай канфедэрацыі 52
Василий Табунов. Попытка введения белорусского языка в дополнительное богослужение римско-католического костела в 1905 г. (на примере Витебской губернии) 60
Михаил Смольянинов. Первая мировая война в историографии Беларуси 63
Ольга Дмитриева. Национальные общности на территории Беларуси накануне Первой мировой войны. Численность и состав 67
Михаил Старовойтов. Системно-компаративный подход к оценке этносоциокультурного облика населения белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–30-е годы. 76
Эммануил Иоффе. К вопросу об эвакуации населения БССР в 1941 году 83
Сергей Шабельцев. Белорусы в славянском движении в Аргентине (1941–1945 гг.) 90
Николай Нестерович. Экономика Беларуси в 1991–2000 гг.: реформирование сферы ценообразования 95
Петр Стецкевич. Организационная структура и программные установки сионистских партий, действовавших на территории Западной Беларуси в 1921–1926 гг. 100

Jaroslav Rassadin. Byzantine anakatalipsy of slavic Morea 35
Hanna Vasilenka. Historiography and sources of the subject «Bona Sforza's activity on the Belarusian territory (1518–1555)» 45
Vadzim Anipiarkou. Criticism of the Four-Year Sejm in the program documents of the Targowica Confederation 52
Vasily Tabunov. An attempt of introduction the Belarusian language in adding public liturgy of the Catholic church in 1905 (on an example of the Vitebsk province) 60
Mikhail Smalyaninau. World War I in the Belarusian historiography 63
Volha Dzmitryieva. National groups on the territory of Belarus before World War I. Quantity and structure 67
Mikhail Starovoitov. System and comparative approach to the evaluation of ethnic, social and cultural image of the Belarusian-Russian-Ukrainian border population in 1920–30's 76
Emanuil Iofe. To the question about evacuation of Belorussian population in 1941 83
Siarhei Shabeltsau. Belarusians in Slavic movement in Argentina (1941–1945) 90
Mikalai Nestsiarovich. Belarusian economy in 1991–2000: reforming of pricing 95

Piotr Stsiatskevich. Organizational structure and program of the zionist parties operated in the territory of the Western Belarus in 1921–1926 100

Іван Марцынкевіч. Асаблівасці колькаснага вызначэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў Беларускай ССР у 1944 г. – першай палове 1950-х гадоў 107
Ігар Пушкін. Стварэнне і дзейнасць дзяржаўных органаў па рэгуляванні міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь 112
Сахаб Ахмед Али Нур. Перспективы развития ирако-американских отношений в контексте войны 2003 года 116
Алтын Уалтаева. Тренд Казахстана в Центрально-азиатском регионе 121
Малик-Айдар Асылбеков. Жизненный путь и научное наследие Бегежана Сулейменова 125

Ivan Martsynkevich. The peculiarities of the quantitative determination of the invalids of the Great Patriotic War in BSSR in 1944 – the first half of 1950 107
Ihar Pushkin. Establishment and activities of state authorities on regulation of interethnic relations in the Republic of Belarus 112
Sahab Ahmed Ali Nur. Perspectives of Iraq-USA relations in the context of the war of 2003 . 116
Altyn Ualtaeva. Trend of Kazakhstan in Central Asia region 121
Malik-Aydar Assylbekov. The course of life and scientific heritage of Begezhan Suleymenov 125

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Метадалогія даследаванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы», Мінск, 9 кастрычніка 2012 г.

Прывітальнае слова ўдзельнікам Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Метадалогія дасле даванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы» дырэктара Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, кандыдата гістарычных навук, дацэнта ***Вячаслава Віктаравіча Даніловіча*** 132
Прывітальнае слова ўдзельнікам Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Метадалогія даследаванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы» акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктара гістарычных навук, прафесара ***Аляксандра Аляксандравіча Кавалені*** «Некаторыя метадалагічныя праблемы айчыннай гістарыяграфіі» 135

Welcoming speech of the International Scientific Conference «Research Methodology of the history of Belarus: Challenges, Achievements and Prospects» of the Director of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, candidate of historical sciences, associate professor ***Vyacheslav Viktorovich Danilovich*** . . . 132
Welcoming speech of the International Scientific Conference «Research Methodology of the history of Belarus: Challenges, Achievements and Prospects» Academician-Secretary of the Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of historical sciences, professor ***Alexander Alexandrovich Kovalenja*** «Some methodological problems of national historiography» 135

МЕТАДАЛОГІЯ ГІСТОРЫІ

Наталля Анофранка. Духавенства ў паўстанні 1830–1831 гг.: гістарыяграфія праблемы . . . 139
Вольга Бароўская. Праблема перыядызацыі польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг. Вызначэнне месца беларускага пытання 143
Алексей Белявский. Наука об архивах в Беларуси: методологический взгляд с позиций постмодерна. 147
Наталля Гардзіенка. Да пытання аб стане даследаванняў беларускага замежжа 151
Раіса Зянюк. Дабрачынная дзейнасць рымска-каталіцкага касцёла на беларуска-літоўскіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст.: гістарыяграфія праблемы 155
Эммануил Иоффе. Использование терминологии в исследованиях по истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 159
Алег Каляга. Структурны метад і асаблівасці вывучэння гаспадарчай дакументацыі другой паловы XVIII – першай паловы XIX ст. 163

Natallia Anofranka. Clergy in the 1830–1831 insurrection: historiography of the problem. 139
Volha Barouskaya. Problem of periodization of the Polish-Soviet negotiations 1919–1921. The Belarusian question positioning 143
Aliaksej Bialiauski. Archival science in Belarus: methodological view from the positions of postmodern 147
Natallia Hardziyenka. To the situation in study of Belarusians abroad 151
Raisa Zianiuk. Historiography of charity activities of the Roman Catholic church on Belarusian and Lithuanian territories from the end of the 18th to the beginning of the 20th century 155
Emanuil Iofe. Terminology using in researches on the history of Belarus during the Great Patriotic War. 159
Aleh Kaljaha. The structural method and features of economic documentation of the second half of 18th – first half of 19th century 163

Игорь Кандыба. Западная Беларусь 1920–30-х годов глазами «маленького человека» – проблемы и перспективы исследования 165
Міхаіл Касцюк. Метадалагічныя аспекты нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі 168
Віктар Кахновіч. Асаблівасці памешчыцкага прадпрымальніцтва ў Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст.: крыніцазнаўчы аспект 172

Уладзімір Красюк. Праблема гістарычнага кантэксту – дынаміка выяўлення. 176
Виктория Латышева. Современные методологические практики: смещение исследовательского акцента 179
Валянцін Мазец. Нацыянальныя адносіны ў БССР (1945–1991 гг.): накірункі даследаванняў . . 182
Ольга Матусевич. Основные подходы к изучению социальной памяти 187
Николай Миницкий. Теория и практика когнитивного подхода в историческом исследовании и образовании 191
Дзмітрый Моніч. Мужчына ў працах беларускіх этнографаў канца XIX – пачатку XX ст. . . . 198

Валерия Новосёлова. Проблема фиктивных и нефиктивных текстов в исторической географии средневековья (на примере испанского трактата «Книга знаний») 202
Виктор Острога. Новая и новейшая история Германии в работах белорусских историков советского периода 206
Вольга Папко. Уліковая дакументацыя ў даследаванні праблемы шляхецкай сям'і XIX – пачатку XX ст. (на прыкладзе спісаў шляхты Ваўкавыскага павету) 210
Юрий Присяжнюк. Шляхи оптимізації методологічних підходів дослідження селянства Білорусі XIX–XX стст. 214
Марианна Соколова. Компаративный подход как «контролируемое сравнение» в исследовании истории общественных движений Беларуси в XIX в. 218
Анастасия Солодилова. Когнитивные формы представления исторического знания в информационных технологиях 222
Кацярына Саўчык. Праблема карэляцыі прававога кантэнту з умовамі рэалізацыі канфесійнай палітыкі ў БССР у сучасных гістарычных даследаваннях 229
Владимир Сидорцов. Научно-понятийный аппарат исторического познания. 232
Николай Смехович. Ценности школы «Анналов...» для изучения истории Беларуси. 237
Степан Темушев. Проблема осмысления налогово-даннической системы домонгольской руси в историографии. 241

Ihar Kandyba. Western Belarus in 1920–30's, as seen by the ordinary people. Research problems and perspectives 165
Mikhail Kastsiuk. Methodological aspects of the national and state concept of the history of Belarus 168
Viktar Kakhnovich. The peculiarities of the landowners' business activity in Belarus at the end of the 19th – beginning of the 20th century: source study aspect. 172
Uladzimir Krasiuk. The problem of historical context – dynamic of expression. 176
Victoria Latyshava. Modern methodological practice: reseach focus displacement. 179

Valiantsin Mazets. National relations in BSSR (1945–1991): current trends in research 182
Volha Matusevich. The basic approaches in studying of social memory 187
Mikalai Minitski. Theory and practice of the cognitive approach in historical research and education 191
Dzmitryj Monich. Man in the works of Belarusian ethnographers at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. 198
Walerija Navasiolava. The problem of fictitious and real texts in the historical geography of the middle ages (in terms of the Spanish geographical treatise «The book of knowledge»). 202
Viktar Astroha. Modern and contemporary history of Germany in the works of Belarusian historians of the Soviet period 206
Volha Papko. The records in the study of the problems of a noble family in 19th – early 20th century (on example of nobility lists of Vaukavysk district) 210
Yuryj Prysyazhnyuk. Ways of optimizing the methodological approaches to research of the Belarusian peasantry in the 19th and 20th centuries . 214
Marianne Sakalova. Comparative approach as a «controlled comparison» in the study of the history of social movements in Belarus in the 19th century. 218
Nastassia Saladzilava. Cognitive forms of historical knowledge presentation in information technologies. 222
Katsiaryna Sauchyk. The problem of correlation of legal content with the conditions of the implementation of the religious policy in the BSSR in modern historical research studies 229
Uladzimir Sidartsou. Scientific and conceptual system of historical knowledge. 232
Mikalaj Smiakhovich. «Annals...» school value for studying the history of Belarus 237
Stsiapan Tsemushau. The problem of understanding the tax-tribute system pre-mongol Russia in historiography 241

Сяргей Токць. Парадыгмальная структура сучаснай гістарыяграфіі 245
Елена Филатова. Война 1812 г. в современной белорусской историографии 249
Алена Фірыновіч. Фарміраванне «дакументальнага капіталу» славянскай гістарыяграфіі паўстання 1863–1864 гг. 252
Ксенія Церашкова. Да пытання аб вызначэнні паняцця «мяшчане» ў заканадаўстве Расійскай імперыі 256
Людмила Ширко. Содержательные аспекты историографической рефлексии 260
Михал Яноха. Несколько замечаний о методологии исследований истории белорусской иконописи 264

Siarhej Tokts. Paradigmatic structure of modern historiography 245
Alena Filatava. The war of 1812 in the modern Belarusian historiography 249
Alena Firynovich. Formation of Slavic historiography «documental assets» of the 1863–1864 uprising 252
Ksenya Tereshkova. To the issue of the defining of the term «meschanie» in the legislation of the Russian empire 256
Ludmila Shyrko. Substantial aspects of a historiographic reflection 260
Michał Janocha. Some remarks on the methodology in the research of the history of Belarusian icons 264

АРХЕАЛОГІЯ

Галина Поплевко. Эксперименты по лепке профилированной керамики 271
Максим Челноков. Некоторые проблемы изучения этнокультурных процессов лесостепной зоны между Днестром и Доном в раннеримское время по данным археологии 279
Георгій Штыхаў. А. Р. Мітрафанаў – даследчык Полацка: пытанні датавання культурных напластаванняў Верхняга замка 289
Александр Егорейченко. Северо-Западная Беларусь в середине–третьей четверти I тысячелетия н. э. (по материалам селища Зазоны) . . . 292

Galina Poplevko. Experiments on modeling of shaped pottery 271
Maxim Chelnokov. Some problems in the study of ethno-cultural processes of the forest-steppe zone between Dniester and Don during early Roman period according to archeological data 279
Georgij Shtykhov. A. Mitrofanov – the researcher of Polotsk: questions of cultural layers dating on the Upper Castle 289
Alexander Yegoreichenko. North-Western Belarus in the middle–the third quarter of the I millennium AD (based on the materials of the Zazony settlement) 292

ХРОНІКА

Хронология важнейших событий государственного научного учреждения «Институт истории Национальной академии наук Беларуси» в 2011–2012 годах 298

Выданні дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» ў 2011–2012 гадах 302

Правілы для аўтараў 311

Chronology of the major events of the state scientific institution «The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus» in 2011–2012 298

Publications of the state scientific institution «The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus» in 2011–2012 302

Instructions for Authors 311

ПРЫНЯТЫЯ СКАРАЧЭННІ

АО	– Археологиченские открытия
АБСА	– Аб’яднанне беларускіх студэнцкіх арганізацый
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГПУ	– Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
БГУ	– Белорусский государственный университет
БДАМЛіМ	– Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва
БДПУ	– Беларускі дзяржаўны педагагічны універсітэт імя Максіма Танка
БелНДІДАС	– Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўных спраў
ВГУ	– Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
ВРФШ	– Высшая религиозно-философская школа
ГАБО	– Государственный архив Брестской области
ГАГО	– Государственный архив Гродненской области
ГАЗ	– Гістарычна-археалагічны зборнік
ГАООГО	– Государственный архив общественных объединений Гродненской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГрГУ	– Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ІМЭФ	– Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МГУ	– Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НАН Беларусі	– Нацыянальная акадэмія навук Беларусі
НАРБ	– Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь
НГАБ	– Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі
НИАБ	– Национальный исторический архив Беларуси
НПГКМЗ	– Нацыянальны полацкі гісторыка-культурный музей-запаведнік
МДАПВ	– Матэріали і дослідження з археологіі Прікарпаття і Волині
РАН	– Российская академия наук
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики
РИВШ	– Республиканский институт высшей школы
РІВШ	– Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ЦАМО РФ	– Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦНА НАНБ	– Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі

AAN	– Archiwum Akt Nowych
AGAD	– Archiwum Glówny Akt Dawnych
AR	– Archiwum Radziwillow
ARP	– Archiwum Rodzinne Poniatowskich
AT	– Archiwum Tyzenhauzów
Js Halle	– Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte Halle
MAHH	– Materialy Archeologiczne Nowej Hluty. Krakóv
MSZ	– Ministerstwo Spraw Zagranichnych
PA	– Pamyatky Archeologické. Praha
ZK	– Zbior Komierowskich
ZMN	– Zbior Muzeuma Narodnego
ZNIO	– Zaklad narodowy in. Ossolińskich

ПАМЯЦІ М. С. СТАШКЕВІЧА
(да 75-годдзя з дня нараджэння)

УДК 929(476):930.1

Аляксандр Кавaленя, Вячаслаў Данiловiч,
Мікалай Смяховіч (Мінск, Беларусь)

СЛУЖЫЎ ГІСТОРЫІ АЙЧЫНЫ
(да 75-годдзя з дня нараджэння Мікалая Сцяфанавіча Сташкевіча)

Мікалай Сташкевіч – выконваючы абавязкі дырэктара Інстытута гісторыі НАН Беларусі (1999–2004 гг.)

23 жніўня 2013 г. споўнілася 75 гадоў з дня нараджэння гэтага слыннага беларускага гісторыка, імя якога добра вядома не толькі ў нашай краіне, але і ў Расіі, Украіне, Польшчы, Германіі і іншых дзяржавах, яно навечна ўпісана ў велічную кнігу гісторыі. Па навуковых працах, падручніках і дапаможніках М. С. Сташкевіча вучацца пакаленні беларускіх студэнтаў і школьнікаў.

Гісторыя беларускага народа – гэта яго багатая спадчына, якая назапашана ў традыцыях, звычаях і абрадах, гэта яго мужнасць і самаахвярнасць, самаадданая стваральная праца на працягу тысячагоддзяў. Гэта жыватворная крыніца, якая абумовіла фарміраванне народнасці і нацыі, паспяховую рэалізацыю ідэі дзяржаўнасці. Зразумела, што многае залежыць ад аб'ектыўнага бачання гісторыі. Фундаментальнае асвятленне, захаванне і трансляцыя нацыянальнай культурнай спадчыны – адна з важнейшых задач гістарычнай навукі. Але плённае і практычнае асэнсаванне мінулага патрабуе крытычнага падыходу і грунтоўнай метадалагічнай падрыхтоўкі даследчыкаў, асабліва ў дачыненні да праблем дзяржаўнасці, вынікаў шматлікіх рэвалюцый і рэформаў, іншых праяў гістарычнага працэсу.

Менавіта такія даследчыцкія якасці былі характэрны для доктара гістарычных навук, прафесара М. С. Сташкевіча, які плённа працаваў у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі. У 2001 г. пад яго кіраўніцтвам супрацоўнікамі Інстытута гісторыі было апублікавана 9 манаграфічных твораў, 3 дапаможнікі для вучняў сярэдніх школ, шмат іншых выданняў, усяго 21 пазіцыя кніжнай прадукцыі, 583 навуковых і 102 навукова-папулярныя артыкулы, агульным аб'ёмам звыш 611 друкаваных аркушаў [5, арк. 2].

У гэтых манаграфічных даследаваннях, да прыкладу ў манаграфіі П. Ф. Лысенкі «Тураўская зямля» (Мінск, 2001), манаграфіі С. В. Тарасава «Полацк IX–XVIII стст.: гісторыя і тапаграфія» (Мінск, 2001), калектыўнай манаграфіі «Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 1. Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст.» (Мінск, 2000), археалагамі была праведзена сістэматызацыя археалагічных даных па розных рэгіёнах Беларусі для рэканструкцый этнакультурных працэсаў у эпоху жалеза і ранняга Сярэдневякоўя. Упершыню абгрунтавана гіпотэза аб наяўнасці ў Беларускім Палессі раннеславянскіх паселішчаў канца IV – VI ст. н. э., што дазваляе разглядаць гэты рэгіён як тэрыторыю раннесярэдневяковага славянства, адкуль ішло рассяленне яго ў рэгіёны Паўднёва-Усходняй і Сярэдняй Еўропы. Зроблены вывад аб наяўнасці на частцы даследуемай тэрыторыі (у Цэнтральным Палессі і Беларускім Пабужжы) помнікаў раннерымскага перыяду, якія належаць да кола постзарубінецкага і познерымска-

га перыядаў, набліжаных да кіеўскай культуры [2, с. 82–83; 5, арк. 17–18].

У манаграфіях, да прыкладу С. С. Рудовіча «Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе» (Мінск, 2001), М. П. Касцюка «Большевистская система власти на Беларуси» (Москва, 2001) і інш., гісторыкамі было адзначана, што Беларусь у 1917–1920 гг. перажывала два ўзаемна пераплеценыя працэсы: нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння і ўмацавання цэнтральнай улады. Асаблівы парубежны і прыфрантавы статус Беларусі перадвызначыў ролю, якую ў сацыяльным выбары грамадства адыгралі знешнія сілы – германскія і польскія. У барацьбе з імі перамога дасталася бальшавікам, чый сацыяльны праект у найбольшай ступені адпавядаў імкненням шырокіх народных мас.

Гісторыкі адзначылі, што нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва ў Беларусі было непарыўна звязана з уцягненнем яе ў сферу палітычных і сацыяльна-эканамічных намераў спачатку РСФСР, а затым СССР. Узаемаадносіны ўлады і грамадства ў 1930-я гады фарміраваліся як двухвектарны працэс: адносіны ўлады да народа былі абумоўлены палітыкай «рэвалюцыі зверху» і тэорыяй «вялікага скачка» ў эканоміцы і культуры, а адносіны грамадства да ўлады характарызаваліся як уцягванне яго ў гэтыя працэсы, барацьба большай часткі грамадства за выжыванне ў новых умовах, як жаданне зберагчы ранейшыя формы жыцця пры энтузіязме некаторай часткі грамадства з нагоды чакаемых перамен да лепшага [2, с. 82–83; 5, арк. 17–18].

У 2002 г. навуковыя дасягненні супрацоўнікаў Інстытута пад кіраўніцтвам М. С. Сташкевіча ў намінацыі колькасных паказчыкаў таксама былі значнымі: апублікавана 8 манаграфічных даследаванняў, 3 навуковыя зборнікі, 5 вучэбных дапаможнікаў для школьнікаў, усяго 24 пазіцыі кніжнай прадукцыі, 623 навуковыя і 134 навукова-папулярныя артыкулы, агульны аб'ём апублікаваных прац склаў 816 друкаваных аркушаў [7, арк. 2].

У падрыхтаваным «Рэестры помнікаў пражскай культуры ў Беларускім Палессі» апісана звыш 50 селішчаў, могільнікаў і асобных месцазнаходжанняў раннеславянскага перыяду, што дало магчымасць прасачыць характар і шчыльнасць рассялення славянскага насельніцтва ў V–VII стст., а таксама стварыць факталагічную базу для ўключэння Беларускага Палесся ў рэгіён фарміравання славян. Археолагамі Інстытута ў манаграфічных працах, да прыкладу, у працы Н. М. Дубіцкай «Керамическое производство Белорусского Поднепровья в VII в. до н. э. – V в. н. э.», (Мінск, 2002) асветлены тыя тэхналагічныя аспекты, якія раней не разглядаліся ці вывучаліся недастаткова глыбока. У манаграфіі Г. В. Штыхава «Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі» (Мінск, 2002) (другое выданне) прааналізаваны асаблівасці фарміравання Полацкай зямлі, Тураўскага княства і зямель Верхняга Панямоння [3, с. 90–91; 7, арк. 22, 23].

Свой унёсак у скарбонку нацыянальнай гістарыяграфіі зрабілі гісторыкі. У манаграфіі Ю. М. Бохана «Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст.» (Мінск, 2002) даследаваны комплекс баявых сродкаў на землях Вялікага Княства Літоўскага пазначанага храналагічнага перыяду, яго дынамікі і ўплыву на выдзяленне радоў войск [7, арк. 23]. Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі быў зроблены комплексны агляд ходу ваенных дзеянняў падчас вайны ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай канца XV – пачатку XVI ст. Адсутнасць у ВКЛ асобнага манарха абумовіла аслабленне палітычнай актыўнасці дзяржавы і ўмацаванне пазіцый Масквы. Даказана, што няўдачы ВКЛ на першым этапе ваенных дзеянняў былі звязаны з дыпламатычнымі пралікамі, недастатковасцю ваеннага і фінансавага патэнцыялу краіны для вядзення перманентных баявых дзеянняў [6, арк. 90–91].

У 2003 г. пад кіраўніцтвам М. С. Сташкевіча калектывам Інстытута былі выдадзены 8 манаграфій, 3 зборнікі дакументаў і матэрыялаў, 5 навукова-метадычных і навучальных дапаможнікаў для студэнтаў і вучняў школ, усяго 20 пазіцый кніжнай прадукцыі, а таксама 266 навуковых і 59 навукова-папулярных артыкулаў, шмат выданняў іншых намінацый. Агульны аб'ём апублікаваных прац склаў 578 друкаваных аркушаў [6, арк. 3]. І ў гэтых выданнях на аснове вывучэння археалагічных, нумізматычных і пісьмовых крыніц выяўлены шматбаковыя разнастайныя сувязі насельніцтва старажытнай Беларусі з народамі Свяшчэннай Рымскай імперыі. Вядома, што ў славян існаваў рабаўладальніцкі ўклад (патрыярхальнае рабства), як гэта мела месца ў многіх іншых народаў. Паказана, што ўтварэнне і развіццё раннедзяржаўнай сістэмы адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу ў Полацкай зямлі суадносіцца з іншымі сінхронна-стадыяльнымі раннедзяржаўнымі ўтварэннямі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Вызначана, што эканоміка і матэрыяльная культура Полацка IX–XVII стст. развівалася з узыходзячай дынамікай. Нягледзячы на пэўныя перыяды стабілізацыі ў XII–XIII стст. і частковага спаду ў XIV–XV стст., у цэлым гэта быў паступовы і трывалы працэс [4, с. 102–103].

Гісторыкамі былі сістэматызаваны старажытныя лацінамоўныя крыніцы па гісторыі Беларусі XIII–XIV стст. Аналіз такіх крыніц паказаў дынаміку далучэння Беларусі і Літвы да працэсаў кантынентальнай палітыкі ўжо з сярэдзіны XIII – пачатку XIV ст., дыпламатычную і этнаканфесійную актыўнасць кіруючых колаў Вялікага Княства Літоўскага ў яго адносінах з Рымам, Тэўтонскім ордэнам і іншымі еўрапейскімі краінамі. У выніку вывучэння картаграфічных крыніц істотна ўдакладнена мяжа беларускіх зямель і Наўгародскай рэспублікі ў XIV–XV стст., ахарактарызаваны змены ў тэрытарыяльным падзеле ВКЛ і Маскоўскай Русі XIV – XVI стст. Падрыхтаваны і выдадзены навуковыя працы: «...in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісто-

рыі палітычных адносін паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: сістэматызацыя і актавы аналіз. Том I», «Францыск Скарына: спадчына і пераемнікі (Апісанне спісаў, бібліяграфічных матэрыялаў пра беларускіх друкароў і асветнікаў)», «Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII стст., перыяду Вялікага Княства Літоўскага)» [4, с. 102–103].

Даследаванне асаблівасцей унутранай пабудовы ВКЛ да 1385 г. паказала, што ў адрозненні ад большасці краін Еўропы структура дзяржаўнай улады ў княстве ў гэты перыяд яшчэ знаходзілася ў стадыі фарміравання. Гэта, а таксама пагоршанне знешнепалітычнага становішча абумовілі дынастычны крызіс у канцы 70-х – 90-х гадах XIII ст., які прывёў да заключэння уніі з Польшчай. У XV–XVI стст. назіраецца ўключэнне зямель ВКЛ у еўрапейскую эканамічную сістэму, дзе княства мела ролю «пастаўшчыка сельскагаспадарчай прадукцыі» [4, с. 102–103].

Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі абагулена паказаны ўдзел беларусаў у баявых аперацыях у складзе польскай арміі, далейшы лёс тых, хто трапіў у палон, даследаваны асаблівасці ўстанаўлення нямецка-фашысцкага акупацыйнага рэжыму. На аснове новых даных аб першай маштабнай карнай экспедыцыі фашыстаў супраць насельніцтва Беларусі «Прыпяцкія балоты», паказана, што ў ёй адпрацоўваліся метады масавага знішчэння яўрэйскага насельніцтва. З прыцягненнем новых крыніц разгледжаны жыццё і дзейнасць ва ўмовах эвакуацыі насельніцтва Беларусі. Па матэрыялах даследавання падрыхтавана і выдадзена манаграфія «Забытыя жаўнеры Польскага войска ў часы Другой сусветнай вайны: матэрыялы і ўспаміны» [4, с. 102–103].

У 2000–2004 гг. вучоныя Інстытута гісторыі НАН Беларусі актыўна прапагандавалі навуковыя дасягненні ў галіне археалогіі і гісторыі, распаўсюджвалі навуковыя веды. Пры гэтым выкарыстоўваліся ўсе магчымыя сродкі масавай інфармацыі – лекцыі, канферэнцыі, друк (публікацыя навукова-папулярных брашур, артыкулаў у часопісах і газетах), тэлебачанне і радыё. У 2003 г. супрацоўнікі інстытута акадэмік М. П. Касцюк, доктар гістарычных навук, прафесар М. С. Сташкевіч, доктар гістарычных навук, прафесар У. І. Навіцкі і доктар гістарычных навук, прафесар Л. М. Лыч былі ўзнагароджаны прэміяй імя акадэміка В. А. Капцюга, якая была прысуджана за сумесную навуковую працу «Белорусы в Сибири» [6, арк. 3].

Жыццёвы шлях М. С. Сташкевіча быў тыповым для сялянскага хлапчука. Нарадзіўся Мікалай Сцяфанавіч 23 жніўня 1938 г. у вёсцы Мокрае Быхаўскага раёна Магілёўскай вобласці ў сям'і сялян-калгаснікаў Сцяфана Іванавіча і Лізаветы Іванаўны Сташкевічаў. На яго долю выпала складанае дзяцінства. Мікалаю яшчэ не было і трох гадоў, калі на беларускую зямлю прыйшла вайна. Бацька, удзельнік савецка-фінскай вайны, зноў быў мабілізаваны ў Чырвоную Армію ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Лёс уратаваў чырвонаармейца С. І. Сташкевіча, яму пашанцавала выйсці з акружэння ў магілёўскія лясы, дзе ён актыўна ўключыўся ў партызанскую барацьбу. Сцяфан Іванавіч быў у адным партызанскім злучэнні з будучым прэзідэнтам АН БССР, акадэмікам М. А. Барысевічам.

На жаль, у Беларусі былі не толькі мужныя змагары за свабоду сваёй Радзімы, але і тыя, хто імкнуўся выжыць за кошт бяды іншых. Хтосьці данёс на партызанскую сям'ю Сташкевічаў. У 1943 г. Лізавета Іванаўна была арыштавана і адпраўлена ў канцлагер у Германію, Мікалая выхоўвала бабуля Марыя Іванаўна Новікава.

Лёс, на шчасце, быў літасцівым да гэтай сям'і. Бацька вярнуўся з вайны, актыўна ўдзельнічаў у аднаўленні народнай гаспадаркі, працаваў старшынёй калгаса, але ў 1951 г. памёр. Не пакладаючы рук працавала і маці, якая вярнулася дамоў у 1946 г.

Ісці па «каляіне» пасляваеннай гароты беларускай моладзі было вельмі цяжка. Трэба было вельмі шмат працаваць і па магчымасці вучыцца. Школьныя гады Мікалая Сцяфанавіча прайшлі ў роднай вёсцы. Тут у 1956 г. ён скончыў сярэднюю школу. Мікалай бачыў, як цяжка маці, і таму накіраваўся вучыцца ў Горлаўскі горны тэхнікум, што на Украіне, каб хутчэй пайсці на свой хлеб. Ужо ў 1958–1959 гг. М. С. Сташкевіч працаваў у Енакіеве на гідрашахце № 4 майстрам цэха вентыляцыі, на свае вочы бачыў цяжкую і небяспечную працу шахцёраў.

Але сум па родных мясцінах не сціхаў у душы маладога хлопца, і ў канцы 1959 г. ён пераехаў у Магілёў, дзе ўладкаваўся слесарам на завод «Электрарухавік». Дасціпны юнак хацеў вучыцца далей, таму, працуючы на заводзе, ён старанна рыхтаваўся да ўступных экзаменаў у ВНУ. Летам 1962 г. мара здзейснілася, і М. С. Сташкевіч стаў студэнтам гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. З вялікай цеплынёй і павагай ён узгадваў грунтоўныя веды, паважлівыя і адначасова патрабавальныя адносіны да студэнтаў з боку прафесараў Л. С. Абецэдарскага, І. М. Ігнаценкі, Э. М. Загарульскага, Г. М. Ліўшыца, І. М. Лушчыцкага, М. П. Палецікі, А. П. П'янкова, У. М. Сікорскага, Р. М. Трухнова, Л. М. Шнеерсона і многіх іншых.

Зразумела, у савецкай рэчаіснасці, калі перад усім панавалі ідэалагічныя стэрэатыпы, «прарастаць» маладым энергіям і прабівацца па даследчыцкай ніве было вельмі няпроста. Але і ў гэтых абставінах перамагаў творчы пачатак. Пасля заканчэння БДУ ў 1967 г. Мікалай Сцяфанавіч па размеркаванні Дзяржаўнай камісіі быў накіраваны на працу ў Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КПБ. З самага пачатку сваёй навуковай дзейнасці ён дакладна вытрымліваў галоўнае: імкнуўся да ісціны на аснове грунтоўнага вывучэння першакрыніц і ўсебаковага аналізу гістарыяграфіі па даследуемай праблеме. М. С. Сташкевіч мэтанакіравана і энергічна вывучаў

гісторыю Беларусі перыядаў грамадзянскай вайны і аднаўлення народнай гаспадаркі. Яму пашанцавала з навуковым кіраўніком, якім стаў акадэмік І. М. Ігнаценка. Пад яго кіраўніцтвам у верасні 1973 г. ён паспяхова абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Ідэалагічная дзейнасць бальшавікоў Беларусі ў гады грамадзянскай вайны (1918–1920 гг.)».

Волю, энергію, добрыя арганізатарскія здольнасці, добразычлівыя і ў той жа час патрабавальныя адносіны Мікалая Сцяфанавіча да людзей заўважыла кіраўніцтва Інстытута гісторыі партыі. З 1974 па 1990 г. ён паслядоўна займаў пасады старшага навуковага супрацоўніка, загадчыка сектара гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, потым сектара гісторыі партыі, загадчыка аддзела гісторыі палітычных партый сацыялістычнай арыентацыі. У гэты час ім асабіста і ў суаўтарстве быў падрыхтаваны шэраг манаграфічных работ і калектыўных зборнікаў. Сярод іх найбольш значнымі з'яўляюцца: «Прыгавор рэвалюцыі: крушэнне антысавецкага руху ў Беларусі» (1985), «Бальшавікі Беларусі ў барацьбе за перамогу Кастрычніка» і «Дары данайцаў» (1987), «К. Каліноўскі: з друкаванай і рукапіснай спадчыны» і «Па волі народа» (1988), «Перабудова і міжнацыянальныя адносіны» (1989), «Старонкі гісторыі Кампартыі Беларусі: меркаванні, аргументы, факты» (1990) і інш.

У 1970–1980-я гады М. С. Сташкевіч даследаваў некалькі важных і актуальных праблем: генезіс беларускага нацыянальнага руху ў XIX–XX стст.; працэс станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці ў XX ст.; старонкі гісторыі грамадскіх рухаў і палітычных партый. У 1990 г. ён абараніў доктарскую дысертацыю па тэме «Грамадскі рух у Беларусі: асноўныя ідэйныя плыні і палітычныя партыі (1917–1925 гг.)». У публікацыях Мікалая Сцяфанавіча па гэтай праблематыцы ўсебакова паказана гісторыя агульнарасійскіх, беларускіх, яўрэйскіх і польскіх палітычных партый, якія дзейнічалі ў Беларусі ў адзначаны перыяд, прааналізавана іх роля ў станаўленні і развіцці беларускай дзяржаўнасці. Працы М. С. Сташкевіча характарызуюцца неардынарным падыходам, глыбокім навуковым узроўнем, шырокім выкарыстаннем архіўных крыніц, крытычным і аб'ектыўным аналізам айчыннай і замежнай гістарыяграфіі. Да прыкладу, распрацоўваючы праблематыку генезіса ідэйных плыняў і палітычных партый, М. С. Сташкевіч даказваў, што ў рэвалюцыйнай рэчаіснасці 1917 г. у праграмных дакументах партый і рухаў была «сфармулявана ідэя беларускай дзяржаўнасці», а затым былі вызначаны «галоўныя напрамкі барацьбы за беларускую нацыянальную дзяржаўнасць» [1, с. 259].

У сувязі з рэарганізацыяй партыйных устаноў Мікалай Сцяфанавіч у студзені 1992 г. быў прызначаны вядучым навуковым супрацоўнікам аддзела архіўнай эўрыстыкі Беларускага навукова-даследчага цэнтра дакументазнаўства і рэтраінфармацыі. У сакавіку 1992 г. ён быў залічаны на працу ў Інстытут павышэння кваліфікацыі выкладчыкаў гуманітарных дысцыплін пры БДУ на пасаду прафесара кафедры сусветнай і айчыннай гісторыі, а з верасня 1992 г., пасля рэарганізацыі гэтага інстытута, быў прызначаны загадчыкам кафедры гісторыі і беларусазнаўства Нацыянальнага інстытута гуманітарных навук, які, у сваю чаргу, у 1994 г. быў рэарганізаваны ў Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы. 24 мая 1994 г. М. С. Сташкевічу было прысвоена вучонае званне прафесара.

У 1990-я гады адбыліся радыкальныя змены ў беларускай гістарычнай навуцы. У гэты час Мікалай Сцяфанавіч значна пашырыў тэматыку даследаванняў. З 1992 па 1995 г. ён быў кіраўніком часовага творчага калектыву па даследаванні комплекснай тэмы «Грамадска-палітычны рух (канец XIX – 90-я гады XX ст.): гісторыя і праблемы сучаснасці». На матэрыялах гэтага даследавання былі падрыхтаваны некалькі калектыўных манаграфій, навучальных дапаможнікаў, навуковых і навукова-папулярных артыкулаў. Аўтарам, а таксама навуковым рэдактарам многіх з іх з'яўляўся М. С. Сташкевіч.

У лістападзе 1999 г. Мікалай Сцяфанавіч быў прызначаны выконваючым абавязкі дырэктара Інстытута гісторыі НАН Беларусі. З 2001 г. навукоўцы Інстытута гісторыі НАН Беларусі пад яго кіраўніцтвам паспяхова рэалізоўвалі Дзяржаўную праграму фундаментальных даследаванняў «Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі». Яна ўключала 22 буйныя тэмы, у рамках якіх вяліся даследаванні актуальных, недастаткова вывучаных праблем і працэсаў развіцця беларускага грамадства. Непасрэдна Інстытут гісторыі НАН Беларусі выконваў 13 тэм, з іх 7 – сумесна з кафедрамі гісторыі ВНУ нашай краіны. Сярод гэтых тэм былі такія, як: «Развіццё культур каменнага і бронзавага вякоў Беларусі ў кантэксце культурных змен Цэнтральнай і Усходніх Еўропы», навуковы кіраўнік кандыдат гістарычных навук М. М. Чарняўскі, «Сярэдневяковыя землі Беларусі ў сістэме еўрапейскіх сувязей (V–XVIII стст.)», навуковы кіраўнік доктар гістарычных навук П. Ф. Лысенка, «Вывучэнне гісторыі і археалогіі Полацкай зямлі IX–XVII стст. у кантэксце еўрапейскай цывілізацыі», навуковыя кіраўнікі: доктар гістарычных навук В. М. Ляўко, доктар гістарычных навук Г. В. Штыхаў, «Вялікае Княства Літоўскае ў кантэксце еўрапейскай геапалітыкі», навуковы кіраўнік кандыдат гістарычных навук Ю. М. Бохан, «Беларусь у сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных працэсах XX ст.», навуковы кіраўнік акадэмік НАН Беларусі М. П. Касцюк [2, арк. 4–9] і інш.

Сярод манаграфічных работ М. С. Сташкевіча варта адзначыць «Кастрычнік 1917 і лёсы палітычнай апазіцыі» (1993), «Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі» (1994), «Станаўленне і крушэнне аднапартыйнай сістэмы ў СССР (1917–1991)» (1995), «Палітычныя

партыі і палітычная апазіцыя» (1995). Ён таксама прымаў удзел у падрыхтоўцы і быў суаўтарам такіх калектыўных прац, як «Беларусь на мяжы тысячагоддзяў» (2000), «Да адзінай дзяржавы: аб стварэнні руска-беларускай Саюзнай дзяржавы» (2001), «Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.» (2001), «Гісторыя Беларусі: падручнік у 2 ч.» (2-е выд., 2006) і інш.

Мікалай Сцяфанавіч з'яўляўся членам рэдакцыйных калегій і аўтарам многіх артыкулаў «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (у 6-ці тамах), «Беларускай энцыклапедыі» (у 18-ці тамах), энцыклапедыі «Республика Беларусь» (у 6-ці тамах). Ён быў адным з тых навукоўцаў, хто стаяў ля вытокаў стварэння «Беларускага гістарычнага часопіса».

Вялікую ўвагу надаваў М. С. Сташкевіч выкладчыцкай дзейнасці: чытаў курсы лекцый і спецкурсы па айчыннай гісторыі, гісторыі грамадскіх рухаў і палітычных партый, па гісторыі дзяржавы і права Беларусі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце, Магілёўскім дзяржаўным універсітэце імя А. А. Куляшова, Мінскім інстытуце кіравання, Беларускім дзяржаўным эканамічным універсітэце, дзе з 2004 г. Мікалай Сцяфанавіч працаваў прафесарам кафедры эканамічнай гісторыі. Неаднаразова ён узначальваў Дзяржаўныя камісіі на выпускных экзаменах на гістарычных факультэтах ВНУ Рэспублікі Беларусь.

Цяжка пераацаніць уклад М. С. Сташкевіча ў распрацоўку вучэбна-метадычнай літаратуры для навучальных устаноў. Пад яго рэдакцыяй былі падрыхтаваны падручнікі і вучэбныя дапаможнікі па гісторыі Беларусі для 9-х, 10-х і 11-х класаў агульнаадукацыйных школ. Ён актыўна ўдзельнічаў у падрыхтоўцы стандартаў і навучальных праграм па айчыннай гісторыі для вышэйшых і сярэдніх навучальных устаноў, уваходзіў у склад Дзяржаўнай камісіі па падрыхтоўцы падручнікаў у сферы сацыяльна-гуманітарных дысцыплін.

Мікалай Сцяфанавіч – аўтар каля 250 навуковых і навукова-метадычных работ, у тым ліку 12 манаграфій (з іх 8 – калектыўныя). Шмат увагі надаваў М. С. Сташкевіч падрыхтоўцы маладых кадраў. Пад яго кіраўніцтвам былі абаронены 11 кандыдацкіх і 5 доктарскіх дысертацый. Навукова-арганізацыйная дзейнасць Мікалая Сцяфанавіча, яго праца па падрыхтоўцы кадраў вышэйшай кваліфікацыі ў галіне гісторыі атрымалі высокую ацэнку грамадскасці і дзяржавы. Вучоны быў узнагароджаны медалямі Францыска Скарыны, «Ветэран працы», Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета БССР.

Мы памятаем Мікалая Сцяфанавіча як выдатнага і таленавітага вучонага, прынцыповага і паслядоўнага ў адстойванні грамадзянскай пазіцыі навукоўца, шчырага і добрага чалавека. Рознабаковасць яго даследчыцкага таленту, плённасць і вынікovасць творчай дзейнасці – прыклад адданага служэння навуцы, грамадству і дзяржаве.

ЛІТАРАТУРА

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] – Мінск: Беларус. навука, 2012. – Кн. 1. – 584 с.

2. Справаздача аб дзейнасці Нац. акад. навук Беларусі ў 2001 г. / адк. рэд. Ф. А. Лахвіч. – Мінск: НАН Беларусі, 2002. – 252 с.

3. Справаздача аб дзейнасці Нац. акад. навук Беларусі ў 2002 г. / адк. рэд. С. А. Жданок. – Мінск: НАН Беларусі, 2003. – 318 с.

4. Справаздача аб дзейнасці Нац. акад. навук Беларусі ў 2003 г. / адк. рэд. С. А. Жданок. – Мінск: НАН Беларусі, 2004. – 319 с.

5. Справаздача аб выкананні плана навукова-даследчай працы інстытута // Центральный научный архив Нац. акад. наук Беларуси. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 1045.

6. Справаздача аб выкананні плана навукова-даследчай працы інстытута // Центральный научный архив Нац. акад. наук Беларуси. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 1063.

7. Справаздача інстытута аб выкананні плана навукова-даследчай працы // Центральный научный архив Нац. акад. наук Беларуси. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 1051.

Александр Коваленя, Вячеслав Данилович, Николай Смехович

СЛУЖИЛ ИСТОРИИ ОТЧИЗНЫ
(к 75-летию со дня рождения Николая Стефановича Сташкевича)

Резюме

Прослежен жизненный и творческий путь известного белорусского историка Н. С. Сташкевича, который был не только талантливым исследователем, но и опытным организатором отечественной исторической науки, заботливым воспитателем студенческой молодежи, аспирантов. Его жизненный путь – пример служения науке, обществу, государству.

Alexander Kovalenja, Viachaslau Danilovich,
Mikalaj Smiakhovich

SERVING FOR THE MOTHERLAND HISTORY
(the 75th anniversary since the birth of Nikolai Stefanovich Stashkevich)

Summary

The article traces the life and career of the famous Belarusian historian N. S. Stashkevich. He was not only a talented researcher, but also an experienced organizer of the national historical science, graduate students. His life – an example of service to science, society and the state.

Паступіў 15.04.2013 г.

УДК 929(476):930.1

Александр Данилов (Минск, Беларусь)

ИСТОРИК Н. С. СТАШКЕВИЧ И ЕГО ВРЕМЯ…

Трудно смириться с мыслью, что Николая Стефановича Сташкевича уже почти два года нет с нами. Он органично вошел в культурную ткань суверенной Беларуси, а его научные работы, монографии, учебники, статьи, лекции и выступления, сам факт жизни и деятельности существенно повлияли и, я думаю, еще долго будут влиять на понимание многих актуальных проблем отечественной истории. Н. С. Сташкевич никогда не играл роль ученого – он им был, никогда не изображал себя лучше, чем был на самом деле. Таким он и останется в нашей памяти – крупным ученым и гражданином, человеком естественным и в чем-то особенным и неповторимым. А его действительно высокий авторитет ученого был рожден и поддерживался на протяжении всей жизни напряженным каждодневным трудом, безусловной природной одаренностью и лидерской харизмой. Ученый-энциклопедист, он был человеком и гражданином поистине общенационального масштаба.

Вспоминая сегодня Николая Стефановича, перед глазами сразу встает живой образ классического хрестоматийного академического ученого или вузовского профессора из далекой послевоенной поры. Такой же – немножко неуклюжий, полноватый, в толстых очках, непременно с потрепанным портфелем в руках, до предела набитым книгами, по-юношески увлеченный наукой. А еще – его удивительная манера общения, желание объясняться ясно и доступно, внимательно выслушать собеседника, а уже затем продемонстрировать быструю и очень точную реакцию – искрометную, пламенную и емкую. При этом он мог быть порывист и крут, мог «завестись с пол оборота», и тогда уж держись. Зла, как правило, не помнил, никому по жизни не завидовал, на коллег не обижался. В нем постоянно жило неукротимое желание – найти новые факты и обязательно докопаться до истины.

Как это ни парадоксально звучит, но каждое время рождает свою версию истории. Н. С. Сташкевич был искренним приверженцем советской цивилизации. Это время было насыщено великими открытиями и свершениями, событиями радостными и трагическими, которые без всяких преувеличений во многом определили нынешнее состояние мира и его далекую перспективу. Уже более двадцати лет назад этот мир прекратил свое существование. И чем дальше уходит его время, тем более значимыми представляются итоги более чем 70-летнего советского эксперимента. Хотя для истории – это всего лишь мгновение, вспышка чрезвычайно яркого озарения. И вполне закономерно, что интерес Н. С. Сташкевича как ученого был сконцентрирован на самых сложных этапах советской и постсоветской истории, не до конца проясненных ее моментах.

Николай Стефанович всегда интересовался истоками и самим процессом системных изменений, переходных состояний, когда общественная система переживала революции, проявляла качества нового состояния. Его пытливый ум исследователя был направлен на постижение движущих сил перемен и роли личности в историческом процессе. Сложный, а подчас и трагический выбор нового пути развития, укоренение государственности в бывших республиках, а после распада Советского Союза – в самостоятельных странах, стали предметом его неустанного научного поиска. До сих пор храню в памяти его положительную реакцию на свои монографии «Переходное общество: проблемы системной трансформации» (1997) и «Власть и общество: поиск новой гармонии» (1998), в которых с позиций социологической науки рассматривались близкие по тематике проблемы. Кстати, чтобы о чем-то судить, он всегда должен был прочитать текст, и в оценках не кривил душой – говорил всегда то, что думал, в том числе и неприятное. Но когда что-то ему нравилось, не скупился на похвалу. Сам был ученым самодостаточным.

Историк Н. С. Сташкевич всегда жил интересами страны, был осознанным государственником. Хорошее знание исторического прошлого давало ему возможность видеть далеко вперед. Его прогнозы развития политических процессов на постсоветском пространстве чаще всего сбывались, хотя и не всегда радовали. В нем жило постоянное стремление к философскому, социологическому и методологическому осмыслению происходящего. Подобная литература занимала практически третью часть его огромной домашней библиотеки. В лучших своих работах и выступлениях он сумел подняться над множеством фактов и создать свои или развить уже существующие и укоренившиеся в исторической науке концепции. И сегодня, когда широким фронтом развернулись междисциплинарные исследования белорусской государственности, а ученые стремятся прояснить историю возникновения этноса белорусов, изучить их культуру, национальные особенности, традиции, быт, понять истоки духовности и жизненной силы

белорусского народа, мы вновь и вновь обращаемся к работам историка Н. С. Сташкевича.

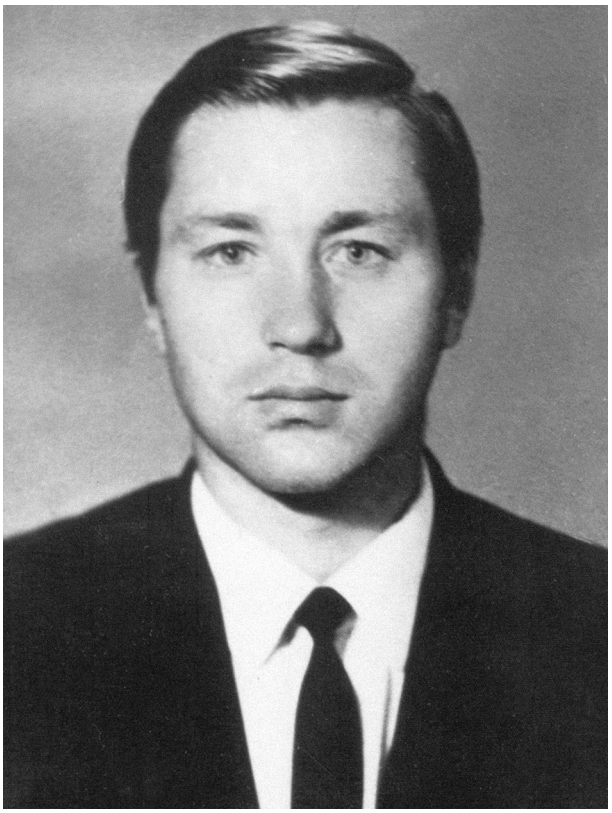
Н. С. Сташкевич – ученый-борец. Взгляды, которые сформировались у него под влиянием учителей и выкристаллизовались в процессе многолетней исследовательской работы, он защищал яростно. Здесь для него авторитетов не было. «Перевертышей», пришедших в историческую науку с перестройкой, он категорически не принимал. Особенно был нетерпим к фальсификации истории Великой Отечественной войны, реабилитации коллаборационистов, которые добровольно пошли на службу к фашистским оккупантам. Каждую новую информацию или факт искажения исторической правды, ежедневно как лавина обрушивающуюся на сознание людей, не мог принять спокойно и всегда аргументированно и строго научно давал свой исчерпывающий комментарий. Эти качества сполна раскрылись в период работы профессора Н. С. Сташкевича над редактированием 18-томной Белорусской энциклопедии.

Сегодня, видимо, еще рано давать окончательную оценку фундаментальному вкладу известного белорусского ученого-историка Н. С. Сташкевича в развитие социально-гуманитарной науки и теории государственного строительства суверенной Беларуси. Слишком мало времени прошло после его кончины. Однако уже сейчас можно вполне уверенно утверждать, что с уходом Николая Стефановича в белорусской исторической науке образовался своеобразный вакуум. Масштаб личности ученого, его авторитет и энциклопедические знания, независимость в оценках были столь впечатляющими, что еще при жизни он получил признание неформального лидера среди белорусских историков.

Ему действительно было многое дано. Несмотря на жизненные трудности и невзгоды, он – выходец из простой крестьянской семьи – как говорится, «выбился в люди». Проработав в свое время шахтером и слесарем, волею судьбы он в конце концов пришел на исторический факультет Белорусского государственного университета. Здесь же окончательно обрел свое призвание и с неимоверной настойчивостью и завидным упорством засел за книги. Книга на всю оставшуюся жизнь стала его самой большой страстью и привязанностью. За более чем сорок лет своей научной и педагогической деятельности Н. С. Сташкевич собрал уникальную домашнюю библиотеку. До последних дней своей жизни он не отказывал себе в удовольствии насладиться чтением новой книги. Был энциклопедически образованным человеком, знатоком архивных материалов, обладал феноменальной памятью.

Николай Стефанович никогда не стремился к должностям и званиям. Может быть, поэтому никогда и не занимал должностей, достойных масштаба его личности и авторитета среди научной общественности. Начав свое восхождение в науке с должности младшего научного сотрудника Института истории партии при ЦК КПБ, он под руководством академика И. М. Игнатенко нашел свою научную нишу на недостаточно освоенном еще материке, каким в то время представлялась история Беларуси. Увлекся сложным и малоизученным периодом белорусской истории начала XX века, на который пришлись революции, гражданская война, восстановление народного хозяйства. Именно в этот период формировались и исчезали политические партии и движения, получил развитие сложный процесс становления белорусской советской государственности. Вполне закономерно, что молодой историк издает одну за другой серьезные научные статьи, монографии, которые до сих пор не потеряли своей актуальности и научной значимости. Как ученый Н. С. Сташкевич работал основательно и ответственно и вполне закономерно, что он постепенно продвигался по служебной лестнице. Со временем возглавил сектор истории Великой Отечественной войны Института истории партии при ЦК КПБ, а позднее – отдел истории политических партий социалистической ориентации Института историко-политических исследований, затем Н. С. Сташкевич возглавил кафедру истории и белороссоведения Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета. С 1999 года доктор исторических наук, профессор Н. С. Сташкевич исполнял обязанности директора Института истории Национальной академии наук Беларуси. Последние годы работал профессором кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета.

Как ученый Н. С. Сташкевич не боялся конкуренции со стороны коллег. Именно поэтому в его управленческой этике доминировала научная компонента, он стремился найти понимание и общий язык со своими оппонентами, не прибегая к крайним административным мерам. Было это его слабостью или силой покажет время, но он всячески стремился сохранять и наращивать реальный потенциал исторической науки. Многие из современных историков могут назвать его своим учителем или крестным отцом. Дело в том, что долгое время он был ведущим экспертом ВАК по историческим наукам. После защиты докторской диссертации в 1990 году и утверждения работы в Высшей аттестационной комиссии он постоянно работал в диссертационных советах. В 1998 году Николай Стефанович возглавил экспертный совет Государственного высшего аттестационного комитета Республики Беларусь по историческим наукам. В 2003 году Указом Президента Республики Беларусь он был включен в состав Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, где работал два полных срока, включая 2009 год. При этом профессор Н. С. Сташкевич никогда не отрывался от повседневной университетской и академической жизни – постоянно преподавал, выполнял научные проекты Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, был научным ру-

Николай Сташкевич – студент первого курса истфака БГУ, 1962 г.

ководителем дипломных, магистерских и кандидатских работ. Официально под его непосредственным руководством защищено не так уж и много диссертаций, где-то около десятка кандидатских, и у пяти соискателей он был научным консультантом по докторским диссертациям. Зато многим из сегодняшних успешных ученых и преподавателей он дал путевку в жизнь, раздавая советы и рекомендации. Его творческая щедрость зачастую не знала границ. Если он находил что-то интересное, ранее ему неизвестное, он просто светился от счастья и непременно должен был сразу поделиться этим со своими коллегами, учениками, всеми, кто был рядом в эту минуту.

Н. С. Сташкевич был интересен молодежи. И это тоже феномен, который следует выделить особо, так как это дается далеко не всем. И здесь не только дело в его глубоких познаниях, он как бы притягивал словом, логикой, интонацией, покоряя смелостью оценок, остротой в постановке проблемы, доверительностью в разговоре, где он не учил, а на равных вел беседу. И тогда собеседник как бы сам приходил к выводам, о которых еще минуту назад даже не задумывался, признавая приоритет за профессором. А может еще и потому, что Н. С. Сташкевич никогда не приукрашивал действительность, не использовал ложь как аргумент, оставался со своим собеседником на равных и в его житейской правде искал, находил, а найдя зерно истины, мог принять его безоговорочно. Извлекать знания из событий истории, пожалуй, самое главное умение ученого-историка, и Н. С. Сташкевич владел им сполна.

Молодежь чаще смотрит на мир через учебник истории и формирует свое миропонимание, принимая во внимание примеры исторических событий и поступков героев, которые впервые предстают на его страницах. В период распада некогда единой советской страны, в состав которой входила и наша республика, возникла острая потребность в собственных учебниках истории. Была создана государственная комиссия, где знания и талант Николая Стефановича были востребованы сполна. Фактически все учебники истории для средней школы, а затем и вузов суверенной Беларуси прошли через его руки, а точнее через его сердце. И то, что сегодня в стране выросло целое поколение людей, знающих и любящих историю родной Беларуси, интересующихся своим прошлым, ищущих свои национальные корни, – немалая заслуга историка и активного исследователя земли белорусской Николая Стефановича Сташкевича.

Н. С. Сташкевич был ярким и очень интересным лектором. Мог самые сложные вопросы и проблемные ситуации «разложить по полочкам» и донести до слушателей в понятной и доступной всем форме. Никогда не уходил от острых вопросов, даже самых каверзных. Дискуссия была его стихией: он не успокаивался до тех пор, пока не видел, что его позиция понята слушателями правильно, а сам он сказал все, что считал нужным сообщить по данному вопросу. Иногда бывал осторожным, даже мог пойти на компромисс с оппонентами. Правда, только в том случае, когда на кону стоял не принципиальный, с его точки зрения, вопрос, и компромисс с его стороны не имел далеко идущих последствий для понимания доказанной и апробированной в научной литературе исторической правды. Всячески боролся с фальсификацией истории, предпринимавшейся в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, и здесь он был просто категорически непреклонен.

Всегда с любовью, образно и интересно рассказывал о своей студенческой жизни, учебе в аспирантуре, при этом с трепетом относился к своим учителям и всегда добрым словом вспоминал о них. Он стремился передать своим слушателям настроение и среду, в которых жил, работал и формировался как ученый. Перед завороженными слушателями представали увлекательные и очень искренние рассказы об атмосфере, которая царила на историческом факультете Белорусского государственного университета, об отношениях со студентами и преподавателями, о науке и ее приоритетах, о свободном времени. Понятно, что ученый и педагог Н. С. Сташкевич как порождение своего времени вобрал в себя, лучшие черты своих учителей И. М. Игнатенко, А. С. Абецедарского, В. А. Круталевича, И. Н. Лущицкого, В. М. Сикорского, Г. М. Лившица, Г. М. Трухнова, Л. М. Шнеерсона и др. Даже в какой-то степени символично, что последнюю статью, подготовленную им для «Белорусской думки», Нико-

лай Стефанович посвятил реабилитации своего учителя – профессора Л. С. Абецедарского.

Н. С. Сташкевич вышел из народа и был всегда верен своим крестьянским истокам. Его политические взгляды, духовные и нравственные начала внушали всем, кто его знал, общался, имел счастье слушать – уверенность, надежду, веру в торжество правды и справедливости. В этом большом человеке крепко сидел яростный бунтарь и осторожный мудрец одновременно, его крестьянский менталитет не смогли вытравить ни городская цивилизация, ни высокое образование или иная культурная среда. Он всегда оставался сыном своего народа, который тонко улавливал малейшие перемены в настроении широких масс, включая и рафинированную элиту, и простых людей.

Николай Стефанович Сташкевич был очень интересным собеседником. Мне часто приходилось быть тому свидетелем. Притягивала не только энциклопедичность и глубина его знаний, но и какая-то естественность в общении и доверительность, с первых минут покоряющая его слушателей. Говорил он всегда горячо и, если чувствовал, что его не понимают, мог в азарте дискуссии «уколоть», сказать для собеседника что-то обидное. Но говорил это без всякой злости, по-дружески, что не меняло его товарищеского отношения к этому человеку и не мешало в дальнейшем. В общении Н. С. Сташкевич был прост и доступен, а в ситуациях, связанных с поиском нужной ему книги, он мог быть по-детски наивным и непосредственным. Вся суета и неловкости, нередко возникавшие вокруг этого «книголюбия», нисколько не смущали его, а наоборот, еще больше подчеркивали в нем увлеченность и искренность.

Н. С. Сташкевич неоднократно участвовал в Днях белорусской письменности с коллегами из Национальной академии наук Беларуси, где всегда проявлял глубокие знания и истинно народный характер, понимание жизни простых людей, в то же время отличался умением рассказать интересно и доступно о самых сложных научных проблемах. В редкие минуты отдыха любил посидеть в компании друзей и учеников. При этом разговор часто переходил на какую-то историческую тему и Николай Стефанович полностью овладевал вниманием «честной компании», оставляя собравшимся возможность лишь восхищаться и внимать его глубоким познаниям.

Мне как-то во время отпуска довелось быть на экскурсии с Н. С. Сташкевичем в Витебской ратуше. Уже в первом зале возник серьезный спор в истолковании древних письменных источников, дошедших до нашего времени. У Николая Стефановича в этот день болели ноги и, с любезного согласия экскурсовода, он устроился у входа на стуле и, казалось, безучастно слушал отработанную и многократно повторенную речь нашего гида. Но не тут-то было, через мгновение он уже молодцевато вскочил со стула и горячо спорил с коллегами, осыпая присутствующих многочисленными цитатами из самых редких источников. Иногда казалось, что он просто нашпигован информацией, и нет такой проблемы в истории нашего Отечества, о которой он ничего не слышал и не имел бы о ней своего мнения. Тем более впечатляло, что это были не бытовые досужие разговоры, а глубокие фундаментальные знания. Надо отдать ему должное, он всегда внимательно прислушивался к мнению профессионалов и не любил всезнаек.

Конечно, разговор о Николае Стефановиче Сташкевиче, по-настоящему великом человеке, ученом и гражданине Беларуси, еще впереди, слишком многогранна эта личность и весом его вклад в историческую науку. Талант его раскрылся во всю мощь в трудное для науки и всей нашей страны время – время смуты и перемен, но оно не заставило его изменить себе, своим принципам, своему пониманию жизни. Выстояло большинство белорусских ученых, не бросившихся переписывать историю в угоду новой конъюнктуре, и одним из них был Н. С. Сташкевич. Именно такие ученые, как Николай Стефанович Сташкевич, жили правдой, были подлинными радетелями земли белорусской. Память о нем будет долгой и светлой.

Аляксандр Данілаў

ГІСТОРЫК М. С. СТАШКЕВІЧ І ЯГО ЧАС…

Рэзюмэ

Артыкул прысвечаны навуковай, педагагічнай і грамадскай дзейнасці вядомага гісторыка Мікалая Стэфанавіча Сташкевіча. Ен зрабіў значны творчы ўнёсак у распрацоўку гісторыі палітычных партый, гісторыі беларускай дзяржаўнасці, у высвятленне актуальных гістарыяграфічных праблем. Рознабаковую і шматгранную навуковую дзейнасць М. С. Сташкевіч паспяхова спалучаў з педагагічнай працай. Ён быў яркім і таленавітым лектарам, з'яўляўся аўтарам многіх раздзелаў вучэбных дапаможнікаў па гісторыі Беларусі, асновам ідэалогіі беларускай дзяржавы, удзельнічаў ў распрацоўцы вучэбных праграм названых курсаў. Інтарэс М. С. Сташкевіча як вучонага быў сканцэнтраваны на самых складаных этапах савецкай і постсавецкай гісторыі, спасціжэнні рухаючых сіл перамен і ролі асобы ў гістарычным працэсе. М. С. Сташкевіч заўсёды жыў інтарэсамі краіны, быў усвядомленым дзяржаўнікам.

Alexander Danilau

HISTORIAN N. S. STASHKEVICH AND HIS TIME...

Summary

The article is devoted to the scientific and pedagogical work of the famous historical N. S. Stashkevich. He made a significant creative contribution to the development of the history of political parties, the history of the Belarusian statehood, topical historiographical issues. N. S. Stashkevich successfully combined diverse and multi-faceted research activities with teaching. He was a bright and talented lecturer, the author of many sections of textbook on the history of Belarus, ideology of the Belarusian state, participated in the development of course training programs. The main interests of N. S. Stashkevich as a scientist focused on the most difficult stages of the Soviet and post-Soviet history, understanding of the driving forces of change and the role of the individual in the historical process. N. S. Stashkevich was a convinced statesman.

Поступила 09.04.2013 г.

УДК 930(476)(092)Сташкевіч+329(476)(091)

Вадзім Гігін (Мінск, Беларусь)

М. С. СТАШКЕВІЧ ЯК ДАСЛЕДЧЫК ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ

Навуковая спадчына доктара гістарычных навук, прафесара М. С. Сташкевіча, сапраўды, уражвае. Сярод яго даследаванняў і грунтоўныя навуковыя манаграфіі, і артыкулы, і папулярныя брашуры, і падручнікі па айчыннай гісторыі. Вядома, што галоўнай тэмай, якую распрацоўваў вучоны, было станаўленне нацыянальнай дзяржаўнасці ў XX стагоддзі. У межах гэтай праблематыкі адно з галоўных яго дасягненняў – вывучэнне гісторыі палітычных партый Беларусі.

Мікалай Сцяфанавіч доўгі час працаваў на розных пасадах у Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КПБ. У савецкую эпоху гэта быў сапраўдны інтэлектуальны цэнтр пры кіруючай партыі, чый уплыў і сфера адказнасці выходзілі далёка за акрэсленую ў назве сферу. Аднак М. С. Сташкевіч займаўся менавіта галоўнай справай – вывучэннем гісторыі Камуністычнай партыі і яе саюзнікаў і праціўнікаў у пачатку XX ст. Ужо яго кандыдацкая дысертацыя, падрыхтаваная да абароны ў 1978 г., мела адпаведную назву «Ідэалагічная работа бальшавікоў Беларусі ў гады грамадзянскай вайны (1919–1920 гг.)». Гэта было не зусім тыповае навуковае даследаванне для свайго часу. Вялікі фактычны матэрыял быў назапашаны ва ўсіх главах дысертацыі. Па-сапраўднаму наватарскай выглядала другая глава – «Барацьба бальшавікоў Беларусі з ідэалогіяй нацыяналізму». У ёй упершыню за працяглы перыяд у навуковы абарот уводзіўся значны аб'ём архіўных даных, што тычыліся дзейнасці Беларускай партыі эсэраў, Беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ), Беларускай партыі сацыял-дэмакратаў (БПСД) і Беларускай партыі сацыялістаў-федэралістаў (БПСФ), а таксама Усеагульнага яўрэйскага рабочага саюза ў Літве, Польшчы і Расіі «Бунд», Аб'яднанай яўрэйскай сіянісцкай рабочай партыі (АЯСРП) і Яўрэйскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі (ЯСДРП) «Паалей-Цыён». Значная ўвага ў даследаванні нададзена правым палітычным групоўкам, што дзейнічалі ў той час у Беларусі: «Мінскаму Беларускаму прадстаўніцтву», «Саюзу зямельных уласнікаў», «Хрысціянскай злучнасці», «Беларускаму хрысціянскаму саюзу», «Беларускай народнай партыі». У дысертацыі разглядалася гісторыя грамадскіх аб'яднанняў, якія знаходзіліся пад уплывам палітычных партый (найбольш беларускіх эсэраў) – «Усебеларускага настаўніцкага саюза», «Гродзенскай сялянскай рады» і інш. Пачынаючы з гэтай сваёй працы М. С. Сташкевіч стаў заканадаўцам у айчыннай гістарыяграфіі пры вывучэнні ідэалогіі і дзейнасці палітычных партый Беларусі ў першай трэці XX ст.

Зразумела, у кандыдацкай дысертацыі М. С. Сташкевіча відавочны метадалагічны уплыў яго навуковага кіраўніка І. М. Ігнаценкі – класіка беларускай гістарычнай навукі, які доўгі час заставаўся лідарам пры вывучэнні ўсіх пытанняў, звязаных з рэвалюцыйным перыядам. І ўсё ж, менавіта пры напісанні першай дысертацыі выкрысталізаваўся самастойны стыль М. С. Сташкевіча, ярка праявіліся яго талент даследчыка і асабаліва ўнікальныя здольнасці па абагульненні велізарнага фактычнага матэрыялу.

Трэба адзначыць, што эпоха, якая стала прадметам навуковых інтарэсаў М. С. Сташкевіча, была часам асабліва актыўнага партыйнага жыцця, імклівага нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва. І малады аўтар не баяўся паказваць, што небальшавіцкія партыі на пэўных этапах развіцця рэвалюцыі і грамадзянскай вайны мелі нават большы ўплыў, чым кіруючая кампартыя. Ён абумоўліваў сацыяльны склад і базу такіх партый, крытыкуючы іх за нацыяналізм, імкнуўся знайсці аб'ектыўную трактоўку развіцця нацыянальна-вызваленчага руху. «Больш значным была ўдзельная вага прамежкавых слаёў, пісаў М. С. Сташкевіч, – дробнай буржуазіі, і таму іх палітычныя партыі з'яўляліся больш шматлікімі, арганізацыйна лепш афармленымі» [1, с. 17].

М. С. Сташкевіч упершыню стаў разглядаць аб'ектыўныя ўмовы палітычнай барацьбы бальшавікоў з іх праціўнікамі, імкнуўся не абмяжоўвацца ідэалагічнымі стэрэатыпамі. Цікавымі выглядаюць яго вывады адносна барацьбы бальшавікоў, напрыклад, з яўрэйскімі партыямі ў Беларусі. Так, кажучы пра пазіцыю Бунда і сіянісцкіх партый ЯСДРП «Паалей Цыён» і АЯСРП да акупацыі Беларусі польскімі інтэрвентамі, гэта значыць да восені 1919 г., аўтар вылучаў дзве тэндэнцыі ў адносінах бальшавікоў з прадстаўнікамі гэтага палітычнага лагера. З аднаго боку, кіруючая партыя падтрымлівала левыя плыні сярод яўрэйскіх дробнабуржуазных нацыяналістычных груповак з мэтай паскорыць іх распад і выкараненне іх уплыву ў масах, а з другога – не перапыняла выкрываць іх ідэалогію і тактыку. Дысертант падкрэсліваў, што ў выпадку адкрытай антысавецкай дзейнасці бальшавікі не спыняліся і перад захадамі па падаўленні сваіх праціўнікаў.

Гэта кандыдацкая дысертацыя, наватарская і смелая для свайго часу, адразу звярнула на сябе ўвагу гісторыкаў і палітычных кіраўнікоў Беларусі і была пакладзена ў аснову манаграфіі «На абароне ідэй

Кастрычніка» [2]. У сваю чаргу, названая манаграфія стала добрай метадалагічнай базай для цэлага шэрага навукова-папулярных публікацый, якія М. С. Сташкевіч выпусціў у 1970–80-я гады.

Калі ў навуковых працах Мікалай Сцяфанафіч звяртаўся ў асноўным да партыйнай гісторыі, то ў яго навукова-папулярных артыкулах і брашурах усё больш увагі надавалася розным аспектам нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, праўда, з пункту гледжання партыйнай барацьбы. І гэта не дзіўна, бо менавіта прадмет вывучэння гісторыка – палітычныя партыі – і быў галоўным суб'ектам такога будаўніцтва. У гэтым сэнсе даследчык прыйшоў да шэрага цікавых вывадаў. Так, ён выступіў з крытыкай ідэалагічных пазіцый бальшавікоў Заходняй вобласці і фронту за недастатковую ўвагу да беларускага нацыянальнага пытання [3, с. 12]. Пры гэтым вучоны прывязваў вырашэнне нацыянальнага пытання да ўмоў міжпартыйнай барацьбы, больш за тое – ставіў яго ў прамую залежнасць ад ходу і вынікаў гэтай барацьбы. «Стварэнне аўтаномнай Беларускай рэспублікі, – пісаў М. С. Сташкевіч, – дапаможа адарваць дробнабуржуазныя слаі ад нацыяналістычных партый, што захоплены ідэяй стварэння буржуазнай дзяржавы» [3, с. 12–13].

Цікавай асаблівасцю прац М. С. Сташкевіча 1980-х гадоў з'яўляецца ўвага да сувязяў палітычных партый і іх лідараў з масонамі. Ён адкрыта піша аб цесных адносінах, якія існавалі ў многіх беларускіх нацыянальна-дэмакратычных арганізацый з «Беларускім брацтвам», даволі падрабязна распісвае канкрэтныя прыклады дзейнасці масонаў у Беларусі, сувязь іх ідэалогіі, прамое арганізацыйнае супрацоўніцтва паміж партыйнымі лідарамі і кіраўніцтвам масонскіх лож [3, с. 90–94]. У далейшым да гэтай тэмы гісторык амаль не звяртаўся (за выключэннем самага позняга перыяду творчасці). Але назапашаны ім і ўведзены ў навуковы абарот матэрыял дае значную падставу для абмеркавання і далейшага развіцця.

Увогуле, 1980-я гады сталі вельмі плённымі для гісторыка. У гэты час, засновываючыся на сваіх даследаваннях, М. С. Сташкевіч удзельнічаў у напісанні шэрага калектыўных прац, якія тычыліся гісторыі Камуністычнай партыі [4]. У калектыўнай манаграфіі «Бальшавікі ў барацьбе за перамогу Кастрычніка» вельмі падрабязна разглядаўся перыяд палітычнай барацьбы, найперш бальшавікоў з эсэрамі і меншавікамі, а потым і з беларускімі і яўрэйскімі палітычнымі партыямі. Пры гэтым аўтарскі стыль М. С. Сташкевіча даволі адрозніваўся, напрыклад, ад В. А. Круталевіча, які, як вядома, грунтоўна распрацоўваў тэму нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі ў гэты ж перыяд. М. С. Сташкевіч засяроджваў увагу найперш на пытаннях палітычных зносін, партыйнага складу тых альбо іншых калектыўных выбарных органаў. Вялікую ўвагу ён надаваў таму ўплыву, які аказваўся на падзеі ў Беларусі з боку кіруючых партыйных і савецкіх органаў, што знаходзіліся ў Петраградзе і Маскве. Вучоны як бы ўпісваў беларускія падзеі ў агульны кантэкст таго, што адбывалася на расійскіх прасторах.

Пацвярджэннем таго, як глыбока ведаў М. С. Сташкевіч гістарычныя крыніцы, архіўныя фонды, стаў яго актыўны ўдзел у падрыхтоўцы да выдання зборніка дакументаў «Ідэалагічная дзейнасць Кампартыі Беларусі, 1918–1945», што выйшаў у дзвюх частках [5]. Гэта кніга знаёміць шырокае кола чытачоў з вялікай колькасцю надзвычай важных дакументаў з партыйных архіваў. А. Ф. Мяснікоў, А. Г. Чарвякоў, В. Г. Кнорын і шмат хто яшчэ паўставалі ў сваіх канкрэтных дзеяннях, рашэннях, адлюстраваных у перапісцы, рэзалюцыях пленумаў, з'ездаў, сходаў. Варта падкрэсліць, што ў той час цікавасць грамадскасці да гістарычных дакументаў, асабліва з закрытых партыйных архіваў, была надзвычай высокай. Таму выхад у свет зборніка стаў сапраўднай падзеяй не толькі ў навуковым асяроддзі.

Вынікам доўгай працы даследчыка стала грунтоўная манаграфія «Прыгавор рэвалюцыі: крушэнне антысавецкага руху ў Беларусі (1917–1925)». Яна фактычна абагульніла ўсе напрацоўкі беларускай гістарычнай навукі па рэвалюцыйным перыядзе за некалькі дзесяццігоддзяў. У гэтай кнізе М. С. Сташкевіч на прыкладзе Беларусі раскрыў вопыт палітычнай барацьбы ў рэвалюцыйны час. У сваіх фармулёўках аўтар увесь час абапіраецца на камуністычны вопыт. Аднак на самой справе галоўны аб'ект даследавання зусім не Кампартыя, а якраз яе ідэйныя праціўнікі, якім прысвечана большая частка працы. І зноў на першым месцы беларускія нацыянальна-дэмакратычныя партыі і яўрэйскія сацыялісты, як сіяністы, так і Бунд, што стаяў на марксісцкіх пазіцыях. У адрозненне ад сваіх ранніх работ у «Прыгаворы рэвалюцыі» М. С. Сташкевіч большую ўвагу надаў аналізу тых палітычных працэсаў, што былі звязаны са стварэннем БНР. Менавіта ў гэтай сваёй працы ён канчаткова прыйшоў да высновы, што нельга называць БНР поўнавартаснай дзяржавай, бо гэта быў хутчэй палітычны цэнтр, які аб'ядноўваў пэўныя беларускія грамадска-палітычныя сілы, найперш тыя партыі, што выйшлі з БСГ пасля яе распаду.

«Прыгавор рэвалюцыі» ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі ўводзіў шэраг новых фактаў, якія не былі вядомы да выдання кнігі, а многія не распрацоўваліся патрэбным чынам і пасля. Напрыклад, гісторык першым заявіў пра дзейнасць беларускіх эсэраў па стварэнні антынямецкіх (у 1918 г.) і антыпольскіх (у 1919–1920 гг.) партызанскіх атрадаў. Ён агучыў свае знаходкі адносна дзейнасці «сялянскіх дружын», якія знаходзіліся пад уплывам беларускіх эсэраў, а таксама левых эсэраў [6, с. 179–180].

Значным укладам М. С. Сташкевіча ў гістарычную навуку з'яўляецца даследаванне і нават адкрыццё гісторыі цэлага шэрага палітычных партый, якія да яго прац амаль не ўзгадваліся ў гістарыяграфіі. Напрыклад, Партыя беларускіх рэвалюцыйных сацыя-

лістаў-народнікаў выйшла з небыцця менавіта на старонках навуковых прац М. С. Сташкевіча. Гісторык здолеў устанавіць, што гэта партыя ўзнікла вясной 1919 г. з леваэсэраўскіх арганізацый, якія сталі распадацца пасля ліквідацыі гэтак званага леваэсэраўскага мяцяжу ў Маскве. ПБРСН распаўсюдзіла сваю дзейнасць на тэрыторыю Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губерніі. М. С. Сташкевіч высветліў імя лідара партыі, якім з'яўляўся А. Пятроў, а таксама ідэалогію і праграму ПБРСН, асноўнымі палажэннямі якой з'яўляліся: устанаўленне дыктатуры працоўных, сацыялізацыя зямлі, кааперацыя сялян, аўтаномія Беларусі ў межах Расійскай дэмакратычнай рэспублікі. Ён прывёў і колькасць членаў партыі – 2 тысячы чалавек [6, с. 180].

Вынікі працы М. С. Сташкевіча мелі вялікае значэнне для гістарычнай навукі, вельмі актыўна выкарыстоўваліся вучонымі для правядзення далейшых даследаванняў. Працуючы ў Інстытуце гісторыі партыі, ён меў выключны доступ да закрытых тады партыйных архіваў як у Мінску, так і ў Маскве. Таму кожная яго публікацыі была сапраўдным навуковым адкрыццём, недаступным для многіх даследчыкаў. Гэта, дарэчы, абумовіла і вялікую грамадскую цікавасць да публікацый М. С. Сташкевіча.

Праца «Прыгавор рэвалюцыі» лягла ў аснову доктарскай дысертацыі М. С. Сташкевіча, прысвечанай тэме «Грамадскі рух у Беларусі: асноўныя ідэйныя плыні і палітычныя партыі (1917–1925)» [7]. Аб вялікім аўтарытэце даследчыка кажа той факт, што ён абараніў сваю дысертацыю ў форме навуковага даклада.

Даследчыцкая дзейнасць М. С. Сташкевіча прыпала на час перабудовы, а таксама перыяд пасля распаду СССР, абвяшчэння незалежнасці Рэспублікі Беларусь, калі стваралася самастойная беларуская гістарычная школа. Трэба адзначыць, што Мікалай Сцяфанавіч стаў адным з лідараў распрацоўкі метадалогіі навуковых даследаванняў у новых умовах. Пры гэтым яго погляд даследчыка адрознівала яскрава акрэсленая грамадзянская пазіцыя. М. С. Сташкевіч прыняў Рэспубліку Беларусь як самастойную дзяржаву. Зразумела, ён атрымаў магчымасць выказвацца больш свабодна адносна многіх гістарычных праблем, але гэта не азначала, што гісторык адмовіўся ад сваіх мінулых поглядаў. Ён не стаў услед за некаторымі перапісваць усе факты, мяняць чорнае на белае і наадварот. На новым этапе М. С. Сташкевіч больш рашуча і адкрыта ўказваў на недахопы Камуністычнай партыі, сярод якіх галоўным у рэвалюцыйную эпоху ён лічыў недаацэнку беларускага нацыянальнага пытання, марудныя тэмпы дзяржаўнага будаўніцтва, рэпрэсіўную палітыку Савецкай улады. Аднак ён захаваў таксама крытычны погляд на гісторыю стварэння БНР, якую

Супрацоўнікі сектара гісторыі партыі Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ. У першым радзе ў цэнтры – М. Сташкевіч

па-ранейшаму не лічыў паўнавартаснай дзяржавай, прызнаваў вялікую ролю Кастрычніцкай рэвалюцыі, найперш у сацыяльным і нацыянальна-палітычным пераўладкаванні ў Беларусі. На думку гісторыка, без рэвалюцыі не магло адбыцца і станаўленне беларускай дзяржаўнасці.

У гэты перыяд з-пад пяра М. С. Сташкевіча выходзіць шэраг артыкулаў, прысвечаных гісторыі асобных палітычных партый Беларусі [8, 9]. Іх адрознівае максімальны аб'ектывізм, які часам пераходзіць у сухое канстатаванне гістарычных фактаў, без асабістых ацэнак даследчыка, вельмі акуратнае стаўленне да адабранага матэрыялу, цытавання розных поглядаў сучаснікаў. Гэта ў значнай ступені адлюстроўвала ўвогуле настрой прафесійных гісторыкаў таго часу на зломе эпох.

У 1990-я гады М. С. Сташкевіч узначальваў кафедру гісторыі і беларусазнаўства Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы БДУ. Гэта пасада не толькі дазваляла яму працягваць актыўна і плённа займацца даследчыцкай справай, але і рыхтаваць кадры маладых гісторыкаў, падтрымліваць сувязі практычна з усім прафесарска-выкладчыцкім корпусам Беларусі, які праходзіў праз курсы павышэння кваліфікацыі ў РІВШ. Без перабольшання можна сказаць, што ў той час М. С. Сташкевіч, як ніхто з гісторыкаў, трымаў руку на пульсе часу, адчуваў патрэбы эпохі, бачыў, чаго прагне ад гістарычнай навукі грамадства.

Вялікім дасягненнем пачатку 90-х гадоў мінулага стагоддзя стала абагульняючая праца «Кастрычнік і лёсы палітычнай апазіцыі», якая выйшла ў трох частках [10]. Хаця гэта праца была апублікавана ў Гомелі пад агульнай рэдакцыяй Э. М. Энціна, М. С. Сташкевіч меў да яе самае непасрэднае дачыненне. Сама праца ўяўляла камбінаванае выданне, якое спалучала ў сабе рысы зборніка матэрыялаў і дакументаў, абсалютная большасць з якіх была надрукавана ўпершыню, і разгорнутых каментароў, якія можна ахарактарызаваць як самастойныя паўнавартасныя артыкулы. Методыка падрыхтоўкі гэтага зборніка, многія вывады, якія там зроблены, спазналі ўплыў поглядаў і ўяўленняў М. С. Сташкевіча. Фактычна сама кніга абапіраецца на тую тэарэтычную базу, якую гісторык стварыў у сваіх працах за некалькі гадоў, што папярэднічалі яе выданню.

Гэта ж можна сказаць і пра другое выданне, таксама вельмі знакавае для свайго часу – «Партыі Беларусі». М. С. Сташкевіч напісаў шэраг артыкулаў да гэтай кнігі. Але тут гісторык выказваецца ўжо больш свабодна. Ён адыходзіць ад стылістыкі сухога выкладання фактаў. На аснове глыбокага навуковага аналізу, супастаўлення даных гістарычных крыніц, выдатнага ведання архіўнага матэрыялу ён робіць абагульняючыя вывады, прычым яны адрозніваюцца смеласцю і трапнасцю. Вось як ён, напрыклад, характарызуе нацыянальную праграму БСГ: «Аналіз праграмных дакументаў БСГ паказвае, што яе палітычныя патрабаванні, у тым ліку і нацыянальныя, не выходзілі за рамкі нацыянальна-дэмакратычных памкненняў. Менавіта на аснове гэтага У. І. Ленін ахарактарызаваў БСГ як нацыянальна-дэмакратычную партыю леванародніцкага напрамку. Безумоўна, у праграмных дакументах БСГ знайшлі адлюстраванне і сацыял-дэмакратычныя ідэі, але яны не былі дамінуючымі. У тых гістарычных умовах БСГ не змагла аформіцца як нацыянальная сацыял-дэмакратычная партыя. Для гэтага ў Беларусі яшчэ не было адпаведнага сацыяльнага асяродку – развітага прамысловага пралетарыяту. Па сваім складзе яна ніколі не выступала як сацыяльна аднародная партыя. З'яўляючыся нацыянальна-дэмакратычнай партыяй, БСГ абараняла галоўным чынам інтарэсы беларускага сялянства» [11, с. 64–65].

Нягледзячы на даволі выразна праяўленую ў той час тэндэнцыю да ідэалізацыі і гераізацыі многіх беларускіх палітычных дзеячаў пачатку XX ст., М. С. Сташкевіч імкнуўся даваць ім аб'ектыўную ацэнку, не кідаючыся з адной крайнасці ў другую, рашуча ўказваў на тыя памылкі нацыянал-дэмакратаў, якія і прывялі іх да палітычнага паражэння. «Аднак беларускія сацыял-дэмакраты не былі паслядоўнымі ў вырашэнні аграрнага пытання, – пісаў гісторык. – Яны лічылі, што толькі ў ходзе рэформы, праведзенай на аснове закона, прынятага парламентам БНР, зямля можа перайсці да сялян» [11, с. 41]. Умовы дзейнасці іншай беларускай нацыянал-дэмакратычнай партыі ён характызразваў наступным чынам: «Канешне, ва ўмовах грамадзянскай вайны, калі класавыя супярэчнасці былі абвостраны да канца, БПС-Ф не здолела ўвасобіць цэнтрызм у практыку палітычнай барацьбы. Яна і сама ў канцы 1919 года далучылася да левага курсу партыі беларускіх эсэраў, якія зрабілі стаўку на "трэці шлях" у рэвалюцыі, абвясціўшы барацьбу і белым, і чырвоным» [11, с. 19].

У сваіх позніх працах М. С. Сташкевіч найбольш імкнуўся да абагульнення палітычных падзей, якія адбываліся ў нашай краіне ў першай палове XX ст. З канца 1990-х гадоў гісторык праявіў сябе як выдатны арганізатар навукі. Ён удзельнічаў у напісанні падручнікаў па гісторыі Беларусі, кіраваў аўтарскімі калектывамі, узначальваў экпертны савет па гістарычным навукам ВАК Беларусі, быў члена Прэзідыума ВАК, з 1999 па 2005 г. Выконваў абавязкі дырэктара Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Зразумела, што напружаная адміністратыўная праца не давала магчымасці для далейшага дэталёвага вывучэння архіўных фондаў, увядзення ў навуковы абарот асобных новых фактаў. Таму М. С. Сташкевіч сканцэнтраваўся на абагульненні палітычнага працэсу ў Беларусі ў першай палове XX ст., на падрыхтоўцы маладых вучоных да абароны дысертацый.

Яго позняя працы абапіраюцца на значны аб'ём гістарычнага матэрыялу, назпашанага раней. М. С. Сташкевіч імкнуўся да кампрамісу паміж рознымі супрацьлеглымі, а часам і варожымі, поглядамі на палітычную

гісторыю Беларусі, ролю тых ці іншых палітычных партый, лідараў у нашай мінуўшчыне. Вось што ён пісаў у адным са сваіх артыкулаў гэтага перыяду: «Многія і дагэтуль лічаць, што рэвалюцыя 1917 г. прадвызначыла адзіны шлях нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі, які прывёў, па сутнасці, да стварэння моцнай і развітой краіны. Па сутнасці, па выніку гэта так. Але ў цэлым з улікам альтэрнатыў такія меркаванні спрошчваюць і, натуральна, не дазваляюць усебакова асэнсаваць працэс станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў XX стагоддзі. У гэтай сувязі ўзнікае пытанне: а ці сапраўды існавалі альтэрнатыўныя шляхі нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў нас? На яго можна адказаць станоўча. У пачатку XX стагоддзя вызначыліся два асноўныя падыходы да разумення гістарычнага мінулага беларускага народа і, адпаведна, форм яго самавызначэння» [12, с. 28].

Найбольш значнай, у пэўным сэнсе абагульняючай працай М. С. Сташкевіча ў заключны перыяд яго навуковай творчасці стаў удзел у падрыхтоўцы да выдання першага тома «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.». Вучоны падрыхтаваў наступныя параграфы гэтай кнігі: «Вызначэнне праблемы беларускай дзяржаўнасці ў праграмных дэкларацыях грамадскіх рухаў у канцы XIX ст.», «Пытанне беларускай дзяржаўнасці ў праграмах і дзейнасці палітычных партый і арганізацый у пачатку XX ст.», «Станаўленне беларускіх палітычных партый, эвалюцыя іх стратэгіі і тактыкі ў нацыянальным пытанні». Як бачна ўжо з назваў, яны знаходзяцца цалкам у рэчышчы навуковых інтарэсаў М. С. Сташкевіча. Цікавай асаблівасцю гэтай працы, між іншым, з'яўляецца тое, што даследчык упершыню за многія гады вярнуўся да масонскай тэматыкі. У кнізе ёй прысвечаны нават асобны падраздзел «Палітычныя мэты масонаў» [13, с. 256–257]. У цэлым і ў гэтым калектыўным даследаванні М. С. Сташкевіч застаецца на грунце аб'ектывізму, спрабуе абагульніць розныя падыходы і ацэнкі развіцця палітычнага працэсу ў Беларусі ў першай трэці XX ст.

Уклад М. С. Сташкевіча ў айчынную гістарычную навуку вельмі вялікі. Фактычна ён стварыў уласную даследчыцкую школу вывучэння палітычнай гісторыі Беларусі XX стагоддзя. І гэтай навуковай школе ўласцівы пэўныя адметныя рысы. Па-першае, яна заснавана на дасканалым і максімальна шырокім веданні архіўных крыніц. Па-другое, ёй уласцівы ўдумлівы параўнальны аналіз праграм, іншых ідэйных дакументаў палітычных партый. Па-трэцяе, увогуле ўся гісторыя станаўлення і першапачатковага развіцця беларускай дзяржаўнасці ў XX ст. разглядаецца праз прызму партыйнага жыцця. Па-чацвертае, яскрава прасочваецца імкненне спалучыць розныя пункты гледжання на тую ці іншую навуковую праблему, пазбегнуць крайнасцей. Па-пятае, фірменны стыль М. С. Сташкевіча – схільнасць да вялікіх і грунтоўных абагульненняў.

У выніку сваёй плённай працы ў гістарычнай навуцы на працягу больш за 40 гадоў М. С. Сташкевіч дасканала вывучыў дэталі палітычнага працэсу ў Беларусі ў першай трэці XX ст. А зробленыя Мікалаем Сцяфанавічам вывады служаць зараз падмуркам сучасных навуковых уяўленняў пра той час.

ЛІТАРАТУРА

1. Сташкевич, Н. С. Идеологическая работа большевиков Белоруссии в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.01 / Н. С. Иволгина; Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск, 1973.

2. Сташкевич, Н. С. На защите идей Октября. Из истории идейно-политической борьбы в Белоруссии в годы гражданской войны. (1919–1920 гг.) / Н. С. Сташкевич. – Минск: Беларусь, 1977.

3. Ковкель, И. И. Почему не состоялась БНР? Из истории политического банкротства националистической контрреволюции в Белоруссии (1918–1925 гг.) / И. И. Коваль, Н. С. Сташкевич. – Минск, 1980.

4. Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября / А. С. Король [и др.] – Минск, 1987.

5. Идеологоическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918 – 1945: сб. док.: в 2 ч. / сост. Н. С. Сташкевич [и др.] – Минск, 1990. – Ч. 1: 1918–1928.

6. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н. С. Сташкевич. – Минск, 1985.

7. Сташкевич, Н. С. Общественное движение в Белоруссии: основные идейные течения и политические партии (1917–1925): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / Н. С. Сташкевич; Ин-т истории партии при ЦК Компартии Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск, 1990.

8. Сташкевич, Н. Социалисты-федералисты / Н. С. Сташкевич // Коммунист Белоруссии. – 1991. – № 7. – С. 68–74.

9. Сташкевич, Н. Эсеры: прошлое без будущего? / Н. Сташкевич // Коммунист Белоруссии. – 1991. – № 9. – С. 84–90.

10. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: совмест. рос.-белорус. исслед.: учеб. пособие для преподавателей и студентов вузов: в 3 ч. / под общ. ред. Э. М. Энтина. – Гомель: Белорус. агенство науч.-техн. и деловой информации, 1993. – Ч. 1–3.

11. Палітычныя партыі Беларусі / П. І. Брыгадзін [і інш.] – Мінск, 1994.

12. Сташкевич, Н. С. Трудный путь государственности / Н. С. Сташкевич // Беларуская думка. – 2008. – № 1. – С. 28–33.

13. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2011. – Кн. 1.

Вадим Гигин

Н. С. СТАШКЕВИЧ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Резюме

В статье анализируются наиболее известные труды, освещаются новаторские достижения Н. С. Сташкевича; автор характеризует творческий стиль историка, говорит о создании им научной школы.

Vadim Gigin

N. S. STASHKEVICH AS A RESEARCHER OF BELARUSIAN POLITICAL PARTIES HISTORY

Summary

The most well-known works are analyzed in the article, groundbreaking achievements of N. S. Stashkevich are highlighted, the author describes the creative style of the historian and his of the scientific school.

Паступіў 09.04.2013 г.

УДК 929(476):930.1

Владимир Козляков, Ольга Левко
(Минск, Беларусь)

УЧЕНЫЙ, НАСТАВНИК, ПАТРИОТ
(к 75-летию со дня рождения Николая Стефановича Сташкевича)

Николай Стефанович Сташкевич принадлежит к когорте замечательных ученых, обогативших белорусскую историческую науку значительными достижениями. Его перу принадлежат около 250 научных и научно-методических работ, в том числе 12 монографий (8 из них коллективные). Диапазон его научных интересов был широким и многогранным. Он внес значительный творческий вклад в разработку истории политических партий, истории белорусской государственности, способствовал научному формированию белорусской государственной идеологии, сказал свое веское слово в постановке и освещении актуальных историографических проблем.

Вся жизнь этого замечательного человека, ученого, гражданина – пример беззаветного и честного служения своему народу, горячо им любимой Беларуси. «Простой белорусский паренек из могилевской глубинки, ребенком хлебнув немало военного лиха, пройдя послевоенное полуголодное детство и сполна познав трудную школу жизни, состоялся как выдающийся ученый-историк, стал, без всякого преувеличения, совестью белорусской исторической науки», – так емко, образно и точно Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, академик А. Н. Рубинов охарактеризовал жизненный и творческий путь Н. С. Сташкевича [1, с. 3].

Студентом Белорусского государственного университета Николай Стефанович стал, имея за плечами трудовой стаж и службу в армии. Накопленный уже в то время, хотя и небольшой, жизненный опыт помогал ему глубоко и серьезно осваивать знания по мировой и отечественной истории. Большое влияние на формирование историко-философского мировоззрения Н. С. Сташкевича оказали труды русских историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, учеба под руководством Л. С. Абецедарского, И. М. Игнатенко, Л. М. Шнеерсона, П. З. Савочкина. Научным и жизненным кредо для Николая Стефановича всегда оставались проникновенные слова В. О. Ключевского: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему мы должны стремиться» [2, с. 332]. Эту глубокую мысль русского историка белорусский ученый Н. С. Сташкевич всегда старался донести до сознания своих учеников.

Пытливый и серьезный, рано овладевший методологическим инструментарием, он заметно выделялся среди других студентов. Поэтому не случайно после окончания Белгосуниверситета в 1967 г. Н. С. Сташкевич был направлен на работу в Институт истории партии при ЦК КПБ. Разумеется, специфика деятельности этого учреждения не могла не сказаться на направленности исследований молодого ученого. Однако, занимаясь историей «руководящей и направляющей силы советского общества», он и тогда придерживался главного правила исторической науки: стремился выяснить истину на основе глубокого изучения первоисточников и всестороннего анализа историографии по исследуемой проблематике.

Не случайно Н. С. Сташкевич обратился к самым сложным периодам нашей истории – Октябрьской революции и гражданской войне. Причем молодой историк начал изучать не только деятельность большевиков, но и тех сил, которые противостояли главной «пролетарской» партии в борьбе за власть. Если для подавляющего большинства историков советского периода было характерно стремление изобразить деятельность так называемых непролетарских партий как сплошь «контрреволюционную», то Н. С. Сташкевич указал на периоды в истории, когда большевики достаточно плодотворно сотрудничали с партиями, находившимися в оппозиции. При этом он одним из первых обратился к объективному анализу политических платформ этих общественных объединений, старался проследить эволюцию их деятельности.

Итогом исследований, проведенных Н. С. Сташкевичем в советский период, стали его монография «Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925)» [3], а также докторская диссертация «Общественное движение в Белоруссии: основные идейные течения и политические партии (1917–1925 гг.)», защищенная в 1990 г. В этих работах исследователем была раскрыта история общероссийских, белорусских, еврейских, польских политических партий, их организаций, действовавших в Беларуси в указанный период, проанализированы их роль и место в политических процессах. Разумеется, в данных трудах не могли не ощущаться известные штампы «классового подхода» советской историографии. Однако работы историка даже тогда представляли собой определенный прорыв в этой сложной проблематике, содержали нестандартные положения, наблюдения и выводы.

Демократизация общественно-политической жизни в начале 1990-х годов, преодоление догматизма в науке, расширение источниковедческой базы, публикация новых документов, находившихся ранее в «спецхранах» предоставили возможность исследователям более объективно и непредвзято осмыслить различные исторические сюжеты. Однако не все историки честно и добросовестно воспользовались этой возможностью. Не секрет, что некоторые из них, желая стать «первопроходцами» в устранении так называемых белых пятен в истории, стремились поменять старые, хвалебные оценки коммунистической партии на прямо противоположные, закрасить революционные события и советский период лишь черной краской. А вчерашние авантюристы, террористы и коллаборационисты в их интерпретации в мгновение ока становились «пламенными борцами за демократию, свободу и национальное Возрождение». Н. С. Сташкевич решительно и смело выступил против подобной новой конъюнктуры.

Он сделал многое для того, чтобы объективно, глубоко и всесторонне исследовать сложные проблемы исторического процесса, ранее выпадавшие по определенным причинам из поля зрения ученых. И теперь, обратившись к истокам белорусского национального движения, формированию и деятельности белорусских национальных партий, становлению белорусской государственности, Н. С. Сташкевич не изменил принципам историзма и объективности. Ученый не идеализировал деятельность этих партий, показывал их сильные и слабые стороны, степень влияния среди населения. Большой численностью партийцев каждая из них не обладала. Однако белорусские партии оказывали существенное влияние на динамику политического процесса, становление белорусской государственности. Н. С. Сташкевич глубоко и всесторонне раскрыл деятельность Белорусской социалистической громады, Белорусской партии социалистов-революционеров, Белорусской социал-демократической партии, Белорусской партии социалистов-федералистов. Результаты своих исследований он изложил в различных статьях и монографиях, учебных пособиях, старался донести до слушателей Республиканского института высшей школы [4, 5].

Исполняя с ноября 1999 г. обязанности директора Института истории НАН Беларуси и будучи председателем Совета по защите докторских диссертаций данного учреждения (2000 – май 2005 г.), Н. С. Сташкевич значительно расширил диапазон своих научных интересов и исследований. Под его руководством и при непосредственном участии в 2001–2005 гг. была реализована Государственная программа фундаментальных исследований «История Беларуси в контексте европейской цивилизации», включавшая 22 крупные темы. Он вник в проблематику изучения средневековья, во многом способствовал созданию фундаментальных трудов по истории Беларуси, начиная с древнейших времен и до наших дней.

Начав работу в Институте, Николай Стефанович знакомился с сотрудниками, посещая заседания отделов. Понимая, что возрастной уровень научных сотрудников высшей квалификации желательно подкрепить новыми специалистами, Н. С. Сташкевич был озабочен профессиональным ростом научных кадров Института истории. Поэтому, он сразу же предложил всем, у кого «лежат в столе» кандидатские и докторские диссертации, не затягивая времени, представлять их на обсуждение и продвигать на защиту. Доброжелательность и искренняя заинтересованность руководителя учреждения в улучшении ситуации с квалифицированными научными кадрами, способствовали установлению доверительных отношений между ним и теми сотрудниками, которые стремились повысить свой профессиональный статус. В то же время, будучи весьма ответственным и требовательным к научным разработкам, Николай Стефанович не только сам вникал в каждую представленную к защите диссертацию, но и постоянно напоминал руководителям отделов и семинаров, предваряющих защиту об их ответственности за качество данных работ. Особо пристально Н. С. Сташкевич изучал работы, поступавшие на защиту в Институт истории извне. В те годы многие кандидатские диссертации были посвящены средневековой тематике. Исследователи стремились высказать свое слово в вопросах политического, военного, конфессионального развития на белорусских землях, гендерных проблемах и повседневной жизни. Многие из них опирались на новые методики, которые белорусские ученые ранее не использовали. Экспертам Института необходимо было определить, насколько фактологический материал и эти методики способствуют объективному раскрытию темы диссертации, а также насколько данная тема актуальна, степень важности результатов исследования для белорусской исторической науки. Некоторые диссертации по два, а то и по три раза проходили экспертизу, прежде чем были допущены к защите. Были случаи, когда диссертации отклонял эксперт совета при постановке на очередь для защиты.

Н. С. Сташкевич рассматривал историю Беларуси как составную часть восточнославянской цивилизации, тесно связанную с историей Киевской Руси, Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, а также Великого княжества Московского и России. Исследователь признавал плюрализм мнений в исторической науке, внимательно относился к альтернативным точкам зрения, но требовал весомых доказательств от историков, стоявших на неординарных позициях. Вместе с тем он категорически не принимал экстравагантных антинаучных штампов типа «Літва – гэта старажытная назва Беларусі» или «назву “Беларусь”» прыдумалі царскія чыноўнікі» и т. д.

Наибольший вклад Н. С. Сташкевич внес в разработку истории белорусской государственности. Ее элементы он видел уже в Полоцком княжестве и Великом Княжестве Литовском. Однако, по убежде-

Заседание Президиума ВАК Республики Беларусь. Лето 2009 г. Первый слева – Николай Сташкевич

нию исследователя, впервые вопрос о белорусской государственности встал на политическую повестку дня в конце XIX – начале XX в., когда процессы национального самосознания охватили многие народы. Направления поиска собственной государственности выявились и у белорусов. Исследователь показал, что идеи автономии Беларуси в рамках будущей Российской федеративной демократической республики соседствовали с проектами независимости, Конфедерации Великого Княжества Литовского, Балтийско-Черноморского союза. Накануне Октябрьской революции, отмечал Н. С. Сташкевич, в белорусских общественно-политических объединениях обозначились две тенденции. Одна из них была направлена на провозглашение независимости парламентской республики западного образца, другая – на предоставление Беларуси статуса национально-государственной автономии в границах Российской федеративной демократической республики [6, с. 7]. В итоге по мере размежевания политических сил практически все партии и организации заявили о своем исключительном праве на представление интересов белорусского народа [7, с. 331].

Хотя провозглашение Белорусской Народной Республики стало важным этапом на пути формирования государственности, однако, как убедительно показал Н. С. Сташкевич, БНР нельзя считать реальным белорусским государством. Акт самоопределения БНР не был поддержан большинством населения Беларуси. Она не обладала государственными полномочиями. Не было армии, отсутствовала финансовая система, не сформировались органы местной власти. Вместе с тем белорусские коммунисты, деятели Белорусского национального комиссариата Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР неоднократно ставили вопрос о создании Белорусской республики на советской основе. В работах Н. С. Сташкевича убедительно показано, что провозглашение БССР 1 января 1919 г. стало важным шагом к созданию и укреплению реальной белорусской государственности.

Разностороннюю и многогранную научную деятельность Николай Стефанович успешно сочетал с педагогической. Он является автором многих разделов учебных пособий по истории Беларуси, основам идеологии белорусского государства, участвовал в разработке учебных программ указанных курсов. По инициативе профессора Н. С. Сташкевича и профессора А. А. Ковалени был разработан и включен в учебные программы вузов, средних школ, средних специальных заведений спецкурс «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Преподавание этого спецкурса сыграло важную роль в патриотическом воспитании молодежи.

Сам Николай Стефанович любил работать с молодежью. Он читал учебные курсы, проводил семинары с учителями истории, осуществлял научное руководство аспирантами, охотно давал консультации по разным серьезным проблемам докторантам. Многие историки, обладающие сегодня высокими степенями и званиями, с благодарностью вспоминают те советы, замечания и пожелания, которые они услышали от замечательного ученого и педагога. Н. С. Сташкевич подготовил пять докторов и девять кандидатов исторических наук.

Высокий профессионализм и требовательность к научным кадрам Николай Стефанович продемонстрировал в период работы в ВАК Беларуси. С 1998 по 2003 г. он являлся председателем экспертного совета № 6 (исторические науки), а с 2003 по 2009 г. входил в состав Президиума ВАК. Возглавляя экспертный совет, Н. С. Сташкевич давал возможность коллегам высказать разные точки зрения в ходе дискуссий, прислушивался к дельным предложениям, но был требовательным и принципиальным, твердо защищал историзм и объективность в науке. Его замечания, советы, пожелания во многом способствовали повышению качества защищенных диссертаций. Он чутко улавливал новизну полученных результатов, способствовал их внедрению в учебный процесс, обобщающие труды по истории. Нужно отметить, что, будучи членом Президиума ВАК, Н. С. Сташкевич посещал заседания экспертного совета по историческим наукам, когда решалась судьба проблемных диссертаций, мнения по которым разделялись. Его внимание к этим вопросам показывало всем членам совета, что он тревожится о судьбе диссертации, опасается допущения ошибки в ее оценке.

Н. С. Сташкевич воспитывал у диссертантов культуру исследования – источниковедческую, аналитическую, повествовательную. Он по достоинству оценивал результаты предоставленного труда. Радовался за соискателя, когда стиль изложения был ярким, образным, интересным. Сокрушался, если работа была написана примитивным, убогим языком, не терпел ошибок в диссертационных работах и откровенных фальсификаций. Николай Стефанович неустанно повторял, что ценность научного исследования по истории состоит не столько в том, чтобы собрать и представить нагромождение фактов, чаще всего малозначимых, а в том, чтобы выявить наиболее существенные факты и события, проанализировать их, сделать важные обобщения и выводы.

Н. С. Сташкевич часто вслух размышлял о перспективах развития исторической науки. Он полагал, что необходимо сосредоточить творческие усилия ученых-историков на дальнейшем изучении проблем истоков белорусской государственности, основных этапов формирования белорусского этноса. Был убежден, что исторические процессы, происходившие в Беларуси в конкретные периоды, нельзя рассматривать изолированно от процессов, наблюдавшихся в государствах, в состав которых входили белорусские земли. Историк обращал внимание на необходимость углубленного исследования социально-экономической истории Беларуси, формирования предпринимательства, положения сословий и классов в XVI–XIX вв., интеллигенции, их вклада в обеспечение прогресса страны. Он говорил о важности объективного, непредвзятого исследования советского периода истории с целью извлечения поучительных для общества уроков. Для него всегда оставалась очень важной тема Великой Отечественной войны. Н. С. Сташкевич считал необходимым также сосредоточить внимание коллективов ученых на изучении деятельности государственных органов по восстановлению и развитию народного хозяйства в послевоенный период, попыток демократизации советского общества после XX съезда КПСС, процессов, происходивших в области культуры, образования и здравоохранения. Он отмечал важность изучения тенденций, связанных с нарастанием кризисных явлений в советском обществе, а также проблем перехода к новым общественным отношениям в 90-е годы XX в. Тревожившие его вопросы подготовки научных кадров высшей квалификации, актуальности тем дальнейших исследований легли в основу небольшой статьи, подготовленной в соавторстве и опубликованной в журнале «Атэстацыя» в 2003 г. [8]. Написанная 10 лет тому назад, эта публикация не потеряла своей актуальности и сегодня.

Научные воззрения ученого базировались на его фундаментальных, энциклопедических знаниях. Он постоянно впитывал в себя огромный поток научной, общественно-политической информации, подвергал ее тщательному анализу, прорабатывал новейшую литературу по разным областям гуманитарных наук, старался поделиться с коллегами своими личными впечатлениями от прочитанного, сопоставить мнения. Он мог не только интересно говорить, рассказывать о чем-то, но и внимательно слушать собеседника. Сегодня многие из нас, его соратников, испытывают горечь невосполнимой утраты: как рано он ушел из жизни, как его нам не хватает, как еще много он мог сделать.

Следует положительно отметить инициативу, проявленную и успешно реализованную руководством ГУО «Республиканский институт высшей школы» (РИВШ), прежде всего его директором, профессором М. И. Демчуком по изданию избранных трудов известного ученого-историка. Недавно РИВШ выпущена книга «Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века: избранные труды Н. С. Сташкевича» [9]. В нее включены написанные историком отдельные разделы монографий, коллективных работ, статьи, опубликованные в разные периоды его научного творчества. Известные ученые написали о значении его научных работ, поделились личными воспоминаниями о встречах и беседах с Николаем Стефановичем. Книга вышла под редакцией

члена-корреспондента НАН Беларуси, профессора А. Н. Данилова и профессора В. С. Кошелева.

Научное наследие Н. С. Сташкевича является весомым вкладом в историю белорусской науки. Его работы – пример для будущих поколений исследователей. В заключение хочется еще раз вспомнить о человеческой привлекательности Николая Стефановича, его непосредственности в общении, надежности и открытости по отношению к людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубинов, А. Н. Вместо предисловия / А. Н. Рубинов // Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века: избранные труды Н. С. Сташкевича / под науч. ред. А. Н. Данилова, В. С. Кошелева. – Минск: РИВШ, 2012. – С. 3–4.

2. Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. – М.: Наука, 1968. – 525 с.

3. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н. С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 304 с.

4. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: в 3 ч. / под общ. ред. Э. М. Энтина. – Гомель: Агентство научно-технической информации, 1993. – Ч. II: У истоков политического противостояния. Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. – 228 с.

5. Палітычныя партыі Беларусі. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. – Мінск: Згода, 1994. – 264 с.

6. Сташкевич, Н. Идеология белорусской государственности в системе национальных ценностей: основные этапы ее осмысления и ее реализация в конце XIX – начале XX века / Н. Сташкевич // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. – № 5. – С. 3–13.

7. Сташкевіч, М. С. Станаўленне беларускіх партый, эвалюцыя іх стратэгіі і тактыкі ў нацыянальным пытанні / М. С. Сташкевіч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – С. 313–331. – Кн. 1.

8. Сташкевич, Н. С. Квалификационный ресурс историков / Н. С. Сташкевич, В. Е. Козляков // Атэстацыя навуковых і навукова-педагагічных кадраў вышэйшай кваліфікацыі. – 2003. – № 3(31). – С. 117–122.

9. Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века: избранные труды Н. С. Сташкевича / под науч. ред. А. Н. Данилова, В. С. Кошелева. – Минск: РИВШ, 2012. – 242 с.

Уладзімір Казлякоў, Вольга Ляўко

ВУЧОНЫ, НАСТАЎНІК, ПАТРЫЁТ
(да 75-годдзя з дня нараджэння Мікалая Сцяфанавіча Сташкевіча)

Рэзюмэ

Артыкул прысвечаны навуковай, педагагічнай і грамадскай дзейнасці вядомага гісторыка Мікалая Сцяфанавіча Сташкевіча. Ён зрабіў значны творчы ўнёсак у распрацоўку гісторыі палітычных партый, гісторыі беларускай дзяржаўнасці, садзейнічаў навуковаму фарміраванню беларускай дзяржаўнай ідэалогіі, выказаў абгрунтаваны погляд пры пастаноўцы і высвятленні актуальных гістарыяграфічных праблем. Рознабаковую і шматгранную навуковую дзейнасць М. С. Сташкевіч паспяхова спалучаў з педагагічнай працай. Ён з'яўляецца аўтарам многіх раздзелаў вучэбных дапаможнікаў па гісторыі Беларусі, асновам ідэалогіі беларускай дзяржавы, удзельнікам і распрацоўшчыкам вучэбных праграм названых курсаў.

Uladzimir Kazliakou, Olga Ljauko

SCIENTIST, TEACHER, PATRIOT
(to the 75th anniversary of Mikalaj Stashkevich)

Summary

This article is dedicated to scientific, educational and social activities of the famous historian Nicholas Stefanovich Stashkevich. He made a significant original contribution to the development of the history of political parties; the history of Belarusian statehood; he promoted scientific formation of the Belarusian state ideology and express his opinion concerning the formulation and coverage of the relevant historiographical issues. Stashkevich N. S. successfully combined diverse and versatile research activities with teaching. He is the author of many sections of textbooks on the history of Belarus, the ideology of the Belarusian state, participated in the curriculum development of those courses.

Поступила 01.04.2013 г.

УДК 930(476)(092)Сташкевич

Евгений Барановский (Минск, Беларусь)

ЕГО ТВОРЧЕСТВО ВДОХНОВЛЯЕТ

Жизнь и творческий путь Николая Сташкевича занимают в моем духовном мире такое место, которое не позволяет говорить об этом человеке в прошедшем времени. Нас объединяют годы учебы на родном истфаке в Белгосуниверситете, почти тринадцатилетняя работа в Институте истории партии при ЦК КПБ. С 1980 по 1990 годы мне как ответственному сотруднику отдела науки и учебных заведений ЦК КПБ довелось курировать научное учреждение, где Н. С. Сташкевич выступал в роли одного из организаторов и руководителей исторических исследований. На виду каждого из нас проходила и наша личная жизнь: мы создавали семьи, решали жилищные вопросы, совместно участвовали в новогодних и других празднествах. С 1981 г. мы стали проживать в одном доме, по улице Пулихова. И в то же время наши отношения оставались товарищескими, где-то формальными, но взаимно уважительными. Наши жены, решая какие-то бытовые вопросы, встречались чаще, чем мы.

Николай Сташкевич принадлежит к числу людей, родившихся накануне войны, пришедших в первый класс в полуразрушенной стране, избравших своей профессией историческую науку. Модными специальностями в то время считались технические. Но конкурс на истфак БГУ был не малый – 7 человек на место. Декан факультета Петр Захарович Савочкин заслуженно гордился большим числом одаренных студентов, целой группой ребят, пришедших после службы в армии. Автор этих строк учился на курс старше. Так состоялось наше знакомство, закрепленное совместным проживанием в студенческом общежитии по ул. Бобруйская, 9. Обстановка в нем отличалась хорошим интерьером, ухоженностью, наличием в комнатах отдыха неплохих телевизоров, высокой культурой взаимоотношений, четко работающим буфетом. Все это было результатом поселения в этом здании большой группы иностранных студентов из Кубы и ряда африканских государств.

Как бывший редактор настенной газеты истфака «Историк» могу сказать, что Сташкевич на первый взгляд походил на замкнутого студента. Но жизнь показала, что это не совсем так. На истфаке студенты за кажущуюся им придирку и особую жесткость на экзаменах несколько недолюбливали и даже сторонились профессора Н. П. Полетико (история нового времени) и члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР Л. С. Абецедарского (история Беларуси). На удивление всем Сташкевич смог войти в доверие к мэтрам истории и, рассказывая о своих с ними беседах однокурсникам, «ставил» им высокие оценки. Пристрастие к сбору книжных новинок сблизило его с лаборантом кафедры истории КПСС (к сожалению, автор этих строк не запомнил фамилию этого работника). Хобби книжника (в хорошем смысле) выделяло Сташкевича среди всех людей, с которыми я общался. Не став научным сотрудником по истории, он мог бы успешно справиться с обязанностями исследователя-филолога, специализирующегося на познании отечественной и зарубежной литературы. Так шел от курса к курсу Н. С. Сташкевич. Разные студенты вносили свой посильный вклад в повышение имиджа родного факультета. Они делали это не только в учебе, но и в спорте, общественной жизни, культурно-массовых мероприятиях. Николай Сташкевич копил и углублял свои знания как бы в стороне от всех, уединившись. Такой вид самосовершенствования оказался для него плодотворным. Он помог Николаю Стефановичу уже в студенческие годы создать базу для будущей научной работы, стать одним из лучших студентов факультета.

Выбор темы диссертационного исследования – всегда тайна, что объясняется личностными данными соискателя. Но есть в этом процессе и то, что делает его типичным. Это помощь со стороны старшего поколения. Именно так решилась и судьба в 1967 г. выпускников истфака – Николая Сташкевича и Якова Павлова, которых заметил директор Института истории партии при ЦК КПБ Илларион Мефодьевич Игнатенко и пригласил на работу в элитное по тем временам научно-исследовательское учреждение.

Несколько слов об Институте истории партии. Создан в июне 1921 г. для написания работ по истории революционного движения в Беларуси и сбора архивных материалов. Существовал и развивался как система двух отделов – сектора истории партии и партархива. Только в межвоенный период Институт истории партии подготовил и издал около 50 фундаментальных исследований, не все из которых получили положительную оценку. Ряд авторов подвергся даже критике «за отход от классовых принципов». 21 августа 1938 г. Институт истории партии был ликвидирован «за ошибки в исследовании вопросов партийного строительства» [1, л. 579, 597]. В годы войны богатейший партийный архив был вывезен вглубь страны. В послевоенный период некоторое время он находился в Могилеве. В 1956 г. был перевезен в Минск. Белорусский партархив – одно из богатейших в Европе архивных хранилищ по истории

XX века, по проблемам партизанского и подпольного движения в тылу противника. Институт истории партии при ЦК КПБ восстановлен в 1946 г. До середины 1960-х годов большинство его сотрудников составляли бывшие партработники. С приходом на должность директора И. М. Игнатенко эта традиция стала меняться в сторону увеличения выпускников БГУ, других высших учебных заведений страны.

Академик Илларион Мефодьевич Игнатенко – неординарный представитель белорусской исторической науки. В 1964 г. в возрасте 45 лет успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Беднейшее крестьянство Белоруссии – союзник пролетариата в Великой Октябрьской социалистической революции», которая прошла испытание временем. Илларион Мефодьевич возглавлял Институт истории АН БССР (1969–1975) и Институт истории партии (1966–1970; 1975–1980).

Пришедшие в Институт истории партии Николай Стефанович Сташкевич и Яков Савельевич Павлов оправдали возлагавшиеся на них надежды, что проявилось в превращении их из младших научных сотрудников в авторитетных законодателей по решению ряда сложных исторических проблем.

Что такое наука? Перефразируя слова В. И. Ленина, можно сказать: это то, что входит в кровь и плоть, быт, повседневную жизнь раз и навсегда. Из наших наблюдений, приходивших к нам во время заседаний сектора истории партии, многочисленных личных и товарищеских бесед, мы знали, что число составленных Н. С. Сташкевичем архивных карточек не вмещалось в одном шкафу, что изучаемые им непростые вопросы истории партийной идеологии в Беларуси охватывают период с конца XIX в. до наших дней. Он лучше многих знал не только белорусскую, но и российскую и зарубежную историческую литературу. Его начитанность состояла из работ таких русских историков и философов, как Н. М. Карамзин, С. Н. Соловьев, В. С. Соловьев, А. Н. Бердяев, В. О. Ключевский, М. К. Любавский и др. Из зарубежных имен ученый выделял французских, английских, американских, немецких авторов, пишущих на исторические темы. Николай Сташкевич в кругу близких друзей любил называть себя умеренным либералом с теми консервативными привычками, которые помогли англичанам из трех островов сделать существующую и сегодня, с поправками на время, могучую британскую империю. Конечно, все это было из разряда шуток, свободного времяпрепровождения. Будучи рецензентом в Белорусской исторической энциклопедии, он поддержал публикацию статьи о Белорусской Народной Республике историка А. М. Сидоревича, хотя не во всем был с ним согласен и в связи с этим сказал: «Каждый имеет право на свой взгляд в истории, главное, чтобы он не расходился с информацией достоверных исторических источников». Николай Стефанович Сташкевич достиг многого благодаря высокой принципиальности и большому труду в совокупности с отличной памятью и умением из многочисленных архивных данных реконструировать события и явления, происходившие в Беларуси в наиболее сложные периоды ее общественного развития.

Поколение Сташкевича становилось на путь научного исторического творчества в так называемый машеровский период государственного, политического, общественного развития Белорусской ССР. Это было время, когда, несмотря на определенную идеологическую зашоренность, открылся ряд архивных фондов, на страницах ведущих в СССР и БССР журналов проходили неоднократные и плодотворные дискуссии по актуальным вопросам формирования белорусской народности, нации, выходили в свет на богатой документальной базе оригинальные исследования по вопросам феодальной истории белорусских городов, на ученых советах ведущих научно-исследовательских учреждений успешно защищались докторские и кандидатские диссертации по непростым аспектам истории осуществления в БССР национально-государственного строительства, утверждения в республике нового типа межнациональных и национальных отношений.

Однако в белорусской исторической науке попрежнему оставались «белые пятна», многие – из-за слабой документальной базы исследований. В одном из минских вузов на научной конференции, посвященной 50-летию Октябрьской революции, были высказаны противоречия в адрес специфики социально-экономического развития Беларуси накануне осуществления на ее территории социалистической революции, в отдельных изданиях Академии наук БССР впервые прозвучало объяснение причин образования в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики как проявления попытки демократического решения белорусского национального вопроса. Отдельные ученые республики, солидаризируясь со своими коллегами из Киева, Львова, Ужгорода, призвали пересмотреть утверждение о существовании в раннефеодальный период у русского, украинского и белорусского народов единого Древнерусского государства, именовавшегося в официальной исторической литературе «общей колыбелью для восточнославянского этноса».

Конечно, меры принимались, ибо не все, что выдвигалось против официальных взглядов, было формальным, чисто оппозиционным. В 1970-е годы предполагалось провести в АН БССР большую научно-теоретическую конференцию с целью широкого рассмотрения теории ленинградского ученого Седова о «балтском происхождении белорусского этноса». Но задуманное по ряду местных и московских причин не состоялось. Белорусские ученые сами извлекали для себя необходимые выводы, повышали уровень исследований.

Вопросы исторического воспитания с участием Института истории партии были рассмотрены на рубеже

Н. Сташкевич (второй слева) вместе с женой Нилой Павловной (третья слева) на отдыхе. 1978 г.

1970–80-х годов. Правда, они имели место в условиях особых событий: погибшего в автомобильной катастрофе в октябре 1980 г. П. М. Машерова сменил на должности первого секретаря ЦК КПБ Т. Я. Киселев, должность умершего в ноябре 1982 г. Л. И. Брежнева занял Ю. В. Андропов. В Беларуси уход из жизни П. М. Машерова каких-то особых изменений не вызвал. А вот происходившее в Москве давало о себе знать. Но осуществлялось это не сразу, а по этапам и периодам.

В 1981 г. Институт истории партии при ЦК КПБ начал подготовку к изданию сборника статей и выступлений П. М. Машерова, в БГУ и БПИ открылись учебно-методические центры, в республике был введен единый политдень. Случилось и нечто неожиданное. Почти в это же время бывший секретарь ЦК КПБ М. В. Зимянин по неизвестной причине отказался написать воспоминание о своей работе в тылу врага в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Это произошло на фоне завершения работы по изданию трехтомника «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков».

С приходом к власти М. С. Горбачева все республики, в том числе и наша, получили задание подготовить и прислать в ЦК КПСС аналитические материалы об уровне развития исторических наук, обратив особое внимание на кадровый потенциал, тематику исследований, соотношение коллективных и монографических трудов, участие в разработке общесоюзных проблем и т. д. Письмо подписал второй человек в партии – Е. К. Лигачев. Для ответа была создана группа из 12 ведущих историков (Институт истории партии представляли Р. П. Платонов и Н. С. Сташкевич), возглавил ее М. П. Костюк. Надо сказать, что появление московского запроса и подготовка на него довольно квалифицированного ответа сыграли положительную роль в актуализации темы докторской диссертации Н. С. Сташкевича. Это было связано с признанной всеми необходимостью создания в Беларуси «обобщающих трудов по таким проблемам, как формирование белорусской народности и нации, история культуры, национально-освободительное движение и участие народных масс Белоруссии в трех российских революциях». В ответе в Москву сообщалось и о недостатках – отсутствие в работах белорусских ученых анализа сложных исторических процессов, книг, передающих национальные и культурные особенности Беларуси.

В республике в 1986 г. насчитывалось 1200 историков – научных сотрудников, преподавателей исторических кафедр. Среди них 600 кандидатов и 74 доктора наук. В общеобразовательных школах преподавали историю 6300 учителей, в профессионально-технических училищах – свыше 700, в средних специальных учебных заведениях – 415 учителей.

В 1976 г., когда Институт истории партии получил долгожданное право принимать к защите докторские диссертации, начался период руководящей организаторской деятельности Николая Стефановича в сфере науки. Под его руководством сектор с 1986 по 1990 г. обсудил и принял к защите 12 докторских и 5 кандидатских диссертаций, прорецензировал около 4 тыс. авторских листов рукописей монографий, сборников, статей, воспоминаний, документальных сборников. В связи с возникшими трудностями в процессе работы по созданию третьей части коллективного труда «Очерки истории Компартии Белоруссии» (отсутствие новой концепции по истории КПСС и советского общества) сектор подготовил и издал сборник статей и документированных материалов – «Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты». При активном участии Н. С. Сташкевича увидели свет документальные сборники «По воле народа. Из истории образования Белорусской ССР и КПБ», «К. Калиновский. Из печатного и рукописного наследия» и другие исторические труды, пользующиеся спросом и в наше время [2, л. 150–160].

Ученый оказал большую помощь в написании очерков политической истории Могилевской, Витебской, Гомельской и Гродненской областей (составление планов исследования, выработка концепции, редактирование рукописей и т. д.). Все это происходило в условиях расширения творческих связей с Институтом истории АН БССР, Главной редакцией БелСЭ, Главным архивным управлением при СМ БССР, историческими кафедрами Гродно, Могилева, Гомеля, Витебска и других городов.

Н. С. Сташкевич вышел на защиту докторской диссертации в самый разгар процесса перестройки – 7 декабря 1990 г. Защита состоялась в Институте истории партии по представленному соискателем докладу «Общественное движение в Белоруссии: основные идейные течения и политические партии (1917–1925)».

Николаю Стефановичу было задано более 20 довольно сложных вопросов. Предлагаю вниманию читателя ответ только на один из них:

«Вопрос: Чем объяснить такой длительный путь к защите?

Сташкевич: Перестройка внесла много нового в историческую науку, отвергла стереотипы и некоторые устаревшие оценки событий и явлений. Этот процесс не мог не наложить отпечаток и на взгляды соискателя, и на продолжительность подготовки диссертационной работы. Опираясь на марксистскую методологию, я стремился к объективному освещению истории белорусского общественно-политического движения, главным компонентом которого являлись политические партии» [3, л. 66].

На защите соискатель представил цельную картину существования в Беларуси политических партий в начале XX века. Картина истории политических партий Беларуси, по его мнению, складывалась из истории российских (русских) и истории местных (региональных) национальных партий. С 1917 по 1925 г. здесь функционировали 22 партии, 9 являлись белорусскими национальными партиями, 3 – буржуазными, 6 – партиями мелкобуржуазной национальной демократии. Кроме названных действовали партии, имевшие общероссийский характер (кадеты, эсеры, меньшевики), а также еврейские национальные партии.

Исходя из анализа всей совокупности материалов, автор сказал и следующее: установление однопартийной системы в Беларуси и исчезновение с политической арены партий и организаций, не разделяющих леворадикальной коммунистической доктрины, было итогом обострившейся классовой и межпартийной борьбы в ходе Октябрьской революции и гражданской войны, глубокого размежевания в обществе. … К середине 20-х годов белорусское политическое движение как единое целое распалось, отдельные его группы, оставшиеся в Западной Беларуси, под руководством КПЗБ включились в революционную борьбу.

Каких-либо принципиальных возражений по выступлению Николая Стефановича Сташкевича со стороны членов ученого совета не последовало.

7 декабря 1990 г. стало днем успешного заслуженного присуждения Николаю Стефановичу Сташкевичу степени доктора исторических наук.

В каждой исторической работе присутствует отношение автора к вопросу о роли личности в истории. Динамика и богатство собранного материала, а также сделанные выводы дают основание утверждать, что для Сташкевича в этой проблеме существуют две основные силы – герой и народ. Для героя главное – это выполнить политическую программу, закрепленную в соответствующих коллективных документах и связанную с важнейшими сторонами развития человеческого общества. Для народа – его жизненная устроенность, его тесная связь с прошлым, настоящим и будущим.

Безусловно, тема Н. С. Сташкевича не остается без внимания со стороны современных историков. Одни стремятся сказать в этом вопросе что-то свое, новое, оригинальное, другие сообщают об открытии неизвестных ранее архивных источников. Но выполненное ученым стало фактором, с которым не могут не считаться все серьезные исследователи.

Никогда не забуду нашу встречу со Сташкевичем весной 2004 г., которая характеризует такую черту историка, как решительность. Николай Стефанович исполнял тогда обязанности директора Института истории Национальной академии наук Беларуси. Он находился у себя в кабинете, прочитывая в качестве научного редактора гранки будущего учебника «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)». «Ты хочешь сделать вставку о минском подпольщике И. К. Ковалеве?» – спросил он меня. Я ответил: «Да». Он продолжил: «Тогда бери лист чистой бумаги и напиши все, что надо. А я – внесу!»

Иван Кириллович Ковалев – легендарный и трагический подпольщик, в одно и то же время. Он был главным организатором и руководителем Минского антифашистского подполья, но из-за немецкой провокации его имя почти 50 лет незаслужено находилось в забвении. Все это мне было известно как члену специальной комиссии по дополнительному изучению актуальных вопросов истории Минского партийного подполья и роли в нем секретаря Минского подпольного ГК КП(б)Б И. К. Ковалева. Я сделал свое дело, а Николай Стефанович свое. Так имя славного сына белорусского народа, мужественного подпольщика Ивана Кирилловича Ковалева оказалось на страницах массового молодежного издания. Конечно, оно уже популяризировалось, но его появление в учебнике произошло так, как здесь воспроизведено. Добавлю, что Николай Стефанович знал дискуссии по Минскому подполью и занимал правильную, подтверждаемую документами позицию.

Я написал свои воспоминания о Н. С. Сташкевиче в контексте понятий и оценок, которые тогда существовали. Так мы жили и развивались. Это был определенный научный и социальный этап в истории нашего общества и каждого из нас в отдельности.

В последний раз я встретил Н. С. Сташкевича на автобусной остановке недалеко от нашего дома. Вид у него был усталый. Он произнес только одну фразу: «Не могу жить без Нилы». Речь шла об ушедшей ранее из жизни Ниле Павловне, жене Николая Стефановича, неустанно поддерживающей домашний уют и создававшей условия для успешной научно-исследовательской работы мужа.

Н. С. Сташкевич посвятил всю свою жизнь изучению одной, но сложной темы – идеологическая и партийная борьба в Беларуси в начале XX в. Сделанное им во всех формах, научных и организаторских, стало важным вкладом в развитие белорусской исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 3. – Д. 33.
2. НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 1. – Д. 1197.
3. НАРБ. – Ф. 1440. – Оп. 5. – Д. 152.

Яўген Бараноўскі

ЯГО ТВОРЧАСЦЬ НАТХНЯЕ

Рэзюмэ

Увазе чытача прапануецца нарыс аб некаторых этапах жыццевага і творчага шляху таленавітага беларускага гісторыка Мікалая Сцяфанавіча Сташкевіча. Цэнтральнае месца займаюць студэнцкія гады, арганізатарская і навуковая дзейнасць у Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК кампартыі Беларусі, абарона доктарскай дысертацыі. Нарыс падрыхтаваны на аснове асабістых успамінаў аўтара, матэрыялаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

Eugene Baranowski

INSPIRED BY HIS CREATIVITY

Summary

This essay is about the stages in life and career of the talented Belarusian historian Nicholas Stefanovic Stashkevich. The central place is occupied by his student years, organizational and research activities at the Institute of Party History of the Central Committee of the Communist Party of Belarus, defend of doctoral thesis. Essay is based on personal recollections of the author, the materials of the National Archives of the Republic of Belarus.

Поступила 30.04.2013 г.

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(495):94(376)

Ярослав Рассадин (Минск, Беларусь)

ВИЗАНТИЙСКАЯ АНАКАТАЛИПСИЯ СЛАВЯНСКОЙ МОРЕИ

Название Пелопоннес (Πελοπόννησος) происходит от имени мифического царя Пелопса. Но с Высокого средневековья и до греческой революции общепринятым было другое: Morea, Μορέα. ’Μορέα интерпретировалось Я.-Ф. Фалльмерайером из славянского ’more [31, s. 245]. Английский монах Виллибальд, в 720-х годах на корабле обогнувший Морею, назвал ее Slawinia terra [23, c. 440].

Для обозначения возврата Мореи Византийской империей используют разные негреческие термины. В русскоязычной литературе, начиная с Г. А. Острогорского, этот процесс именуется реконкистой, правда, у Г. Г. Литаврина – в кавычках [19, с. 259; 21, с. 100]. Однако испанское и португальское «la reconquista» означает отвоевание, в 718–1492 гг., основной территории Пиренейского полуострова именно у мусульман; отсюда другое ее название: «la conquista cristiana». Если учесть, что византийцами в первый раз Морея отвоевывалась у славянских язычников, а во второй – у французских христиан, то более удачен здесь надо признать нейтральный в конфессиональном отношении термин «реоккупация», как у австралийского исследователя М. О’Рурка [36, p. 135]. У румынского исследователя А. Мадгеару то же самое обозначено как «regrecizarea» [39, p. 81]. Оказался обойденным аутентичный греческий термин ανακατάληψη, означающий, буквально, «отвоевание». Именно он представляется подходящим.

Что касается соответствующих исторических известий, то проблема в принципе не в недостатке таковых, а в их неуверенной и сбивчивой хронологии, что открывает широкие возможности для двусмысленного истолкования. Однако вопрос этот может решаться вполне однозначно. По нашему мнению, 1-й, предварительный, этап византийской анакаталипсии славянской Мореи – связан с походом Ставракия, когда этот патрикий в 783 г. вторгся также и в Пелопоннес; 2-й, начальный – от поражения славян под Патрами около 805 г.; 3-й, основной, этап – связан с деятельностью стратега фемы Пелопоннесс Феоктиста, который в 840-х годах покорил не только аркадских, но и лаконских славян; 4-й, заключительный, – начался с подавления в 941 г. пелопоннеским стратегом Кринитом восстания милингов и езеритов и закончился их крещением Никоном Метаноитом в конце X в.

То, что конкретная научная позиция здесь определяется национально-государственной принадлежностью, было откровенно заявлено при подведении итогов XVII международного конгресса византинистов 1986 г. «Историкам же славянских стран – подчеркивалось в соответствующей публикации, – представляются совершенно не оправданными ни данными письменных источников, ни материалом археологии попытки представить славян VI–VII вв. в качестве кочевников, не знавших еще элементарных форм социальной и политической организации, как и утверждения о быстром процессе ассимиляции славян Греции» [26, с. 250]. Новейшие исследования некоторых ученых демонстрируют разрыв с традицией российской славистики. При этом, к примеру, некоторые положения И. В. Денисовой противоречат фактам. Ею утверждается: «Славяне никак не вписались в имперскую знать – ни столичную, ни провинциальную, ни фемную, и тем более не включились в государственный аппарат» [9, с. 7]. Сошлемся, однако, на Порфирогенита: «…Когда один житель Пелопонниса гордился своим благородным, чтобы не сказать, худородным, происхождением, то славный Грамматик Евфимий заклеймил его следующим общеизвестным теперь ямбом: «Γαρασδοειβής ὄφις έσθλαβωμένη», «Хитрая Славянская образина». Это был тот, который выдал дочь свою, Софию, за Христофора, сына славного и доброго царя Романа» [18, с. 24–25]. Задолго до того, как этот знатный провинциал Никита стал сватом императора Романа I Лакапина (920–944), войдя в круг столичной знати, партиарший престол в Константинополе уже занимал в 766–780 гг. его тезка, Никита Славянин. Дамян Славянин во времена пелопоннесца Никиты был паракимоменом (παρακοιμώμενος), – императорским постельничим [10, с. 77]. Как на один из источников, И. В. Денисова ссылается на материалы славянского поселения, расположенного, якобы, на северо-западе Пелопоннеса. Описание почти дословно совпадает с опубликованным у В. В. Седова для «поселения в Керкыре» [ср.: 9, с. 25 и 24, с. 162]. Но «Kerkyr» – это ни что иное, как турецкое название Корфу, где в 1930 г. немецким археологом Г. Булле и был исследован соответствующий памятник, «перенесенный» В. В. Седовым с острова на материк. Нами комментировалось, как возникло

это недоразумение [22, с. 49]. Едва не превосходя некоторых западных коллег, И. В. Денисова утверждает: «Славянские миграции в Грецию и Малую Азию отличались от германской инфильтрации на территорию латинских провинций империи. Третий (славянский) этап Великого переселения народов был в значительной степени деструктивным, а не конструктивным по отношению к империи» [9, с. 7]. Мы будем основываться на противоположной оценке исторической роли славян. С их миграцией Г. Г. Литавриным связывалось преодоление Византией кризиса рабовладельческого устройства: «…благодаря славянской колонизации, резкому уменьшению крупных имений и ослаблению государственных налогов и повинностей, именно свободное крестьянство, численность которого многократно умножилась, стало исходной базой развития феодальных производственных отношений» [21, с. 101]. Итак, по отношению к византийской анакаталипсии славянской Мореи также отчетливо проявляются оба этих подхода, – объективный и, – по-видимому, преобладающий, – субъективный.

Еще в годы Второй мировой в сербской византинистике появляется предположение о завоевании полуострова и подчинении местного славянства уже в конце VIII в. «При императрице Ирине – Византия предпринимает большой поход против славян в Греции: в 783 г. логофет Ставракий с сильным войском направляется в область Фессалоники, затем идет в Грецию и на Пелопоннес и принуждает тамошние славянские племена признать византийскую власть и взять на себя уплату дани» [19, с. 255]. Современная византинистика Сербии придерживается на этот счет той же позиции. Можно прочесть, например: «…после 783 г., – т. е., в результате Ставракиевой экспедиции, – славяне Пелопоннеса были подчинены…» [12, с. 51]. В византинистике же советской на этот счет существовало, по-видимому, не столь категоричное мнение. «Поход имел, – подчеркивается О. В. Ивановой, – видимо, два неравнозначных по своим последствиям этапа: славяне в Македонии и Центральной Греции были поставлены, наконец, под власть империи, а на Пелопоннесе Ставракий провел скорее кампанию устрашения, которая не повлекла за собой их окончательного подчинения» [10, с. 69]. Итак, каково было содержание этого первого (предварительного) этапа византийской анакаталипсии славянского Пелопоннеса: покорение? акция устрашения? Обе эти различные оценки основываются на одном и том же историческом свидетельстве, по данному эпизоду вообще, кстати, единственном, – Феофановом. «В этом году, – записал он в своем «Хронографе», – Ирина, заключив мир с арабами и обретя безопасность, отправляет патрикия и логофета быстрого дрома Ставракия с большим войском против племен славян. Пройдя к Фессалонике и Элладе, он подчинил всех и сделал данниками царства. Вступил он и на Пелопоннес и доставил царству ромеев множество пленных и добычу» [23, с. 287]. По прямому смыслу известия Феофана Исповедника, военная кампания 783–784 гг. против славян состояла из двух частей, и притом весьма различавшихся не только по своему масштабу, но и по целям.

Издавна внимание уделялось именно южной, – пелопоннеской, – операции Ирининого полководца-евнуха. Ф. И. Успенский приведенное выше известие интерпретировал так: «Хотя писатель и говорит при этом, что Ставракий сначала был в Солуни, а потом в Греции, но, по всей вероятности, слава этого похода, доставившего любимцу Ирины триумф в столице, заслужена военными действиями в Пелопоннисе, куда давно не ходили имперские войска» [27, с. 1396]. Конечно, как раз накануне ценность Пелопоннеса, одной из европейских провинций, пусть византийской лишь номинально, должна была повыситься. В 782–783 гг. после некоторого перерыва арабы снова переходят в наступление в Малой Азии. Остановить их удалось лишь ценой унизительного мира, упоминаемого Феофаном [6, с. 321–322]. Интересам беспощадной императрицы Ирины вовсе не противоречила демонстрация военный силы и местному населению окраинной, самой южной, части Балканского полуострова, от столичного Константинополя довольно-таки удаленной. Однако на тот момент явно гораздо важнее было восстановить сухопутную связь столицы со вторым по значению городом империи, – Фессалониками, – посредством возвращения византийского контроля над соединяющим их участком трансбалканской дороги Via Egnatia (Ἐγνατία Ὁδός). Это требовало распространения реальной власти императрицы также и на «ославянившиеся», – западные, – части тогдашней старой фемы Θρᾴκη, оба этих города и разделявшие. Командующий Ставракий по своей основной должности как раз и был Λογοθέτης τοῦ δρόμου, т. е. буквально «знающий все о дорогах», заведующий путями сообщения империи. Согласно Феофану, главная цель на этом основном, северном, направлении тогдашней Ставракиевой кампании была достигнута полностью: славян из окрестностей Фессалоник он тогда именно «покорил» (υπέταξε), а не просто однократно υποφόρους εποίησε («сделал данниками») на какое-то время.

Принципиально иная лексика используется Феофаном для описания результатов экспедиции Ставракия на ее вспомогательном направлении, – южном, или пелопоннеском. Оттуда в Константинополь, где состоялся триумф в честь полководческого дебюта удачливого евнуха, оказались «доставленными» (ἤγαγε) и «пленные» (αἰχμαλωσία), и «добыча», т. е., в отличие от севера Греции, с Пелопоннесом византийцы обошлись тогда отнюдь не как со своей собственной территорией, когда-то утраченной, но возвращенной, наконец, под скипетр басилиссы, а именно как с вражеской, занятой лишь временно и подлежавшей ограблению.

Таким образом, утверждать, что пелопоннеские славяне оказались покорены уже в 783–784 гг. в результате нападения на них Ставракиевых войск мож-

но лишь вопреки единственному сохранившемуся историческому источнику. Сами собой отпадают предположения, что якобы в результате данной акции на полуострове была основана фема Пелопоннес, а местные славяне обращены в христианство [19, с. 257; 39, с. 80]. Мы никак не можем придерживаться той же самой точки зрения, которая наверняка была в тогдашнем Константинополе официальной. Считалось, по-видимому, что Ставракию одинаково удалось победить вообще всех славян в Греции, поскольку так бы хотелось самой императрице, афинянке родом. «Гречанка Ирина, – вполне обоснованно подчеркивает С. В. Алексеев, – потерю родной страны, засилье там "варваров", конечно, воспринимала с особой болью» [1]. Впрочем, не то что отдаленный Пелопоннес, но даже сама Эгнатиева дорога контролировалась потом византийцами лишь весьма условно. «Завоевание, – пишет австралийский исследователь М. О'Рурк о результатах Ставракиевой экспедиции в районе Фессалоник, – было неполным в течение нескольких десятилетий. И позднее, в 820 г., как мы узнаем из путешествий Св. Григория Декаполита, было фактически невозможно пересечь центральные Балканы по суше, не попадая в руки славянских бандитов» [36, p. 135–136].

Однако, как считал немецкий исследователь Ф. Греговиус, руками Ставракия императрица Ирина пыталась предотвратить превращение славянизации ее родной страны в необратимый процесс. «Все больше греческих местностей, – писал он в свое время, – были заняты, и даже приморским городам угрожал захват. Это борьба происходила между греками и варварами, которые из колонистов стали повелителями, угрожая созданием на территории Греции славянского государства» [32, s. 128–129]. Если таковая угроза правящими кругами раннесредневековой Византии и преувеличивалась, то это все равно не лишало осуществлявшуюся ими анакаталипсию, в том числе Пелопоннеса, превентивного характера. Благодаря такой политике здесь на самом рубеже VIII–IX в. и не реализовался тот же сценарий, что позднее в других частях Балкан. Хотя это удалось лишь его наследникам, но уже хорватский князь Моислав (835–850), по И. Н. Смирнову, вынашивал план «привлечь под свою власть» отделившиеся от Византии приморские города Далмации. Болгарский же хан Крум в 811 г. сумел завладеть византийской Месембрией на Черном море [7, с. 26–27; 25, с. 206]. Первым Болгарским царством в IX–X вв. вообще было абсорбировано, по Г. Г. Литаврину, множество городов византийского происхождения [21, с. 172].

Но еще до самого появления протоболгар окрестные славяне упорно пытались овладеть Фессаониками. Примечательно, что непосредственно после анализа известий из «Чудес Святого Димитрия» в классическом византиноведческом труде читаем: «Принципиальное сходство с поведением славян под Фессаоникой имели их действия на Пелопоннесе, когда в начале IX в. они предприняли осаду крупного порта Патры» [21, с. 86]. Подобно Фессалоникам, Патры тоже были не только портом. У Ф. И. Успенского перед упоминанием осады этого города славянами в «805 или 807 г.» указано, что он «имел важное значение в торговом и промышленном отношении и едва ли не превосходил самые Афины» [27, с. 102]. Попытка славян Пелопоннеса включить в свою политико-экономическую структуру такой важный урбанистический центр уже увенчалась успехом. Если верить Порфирогениту, патрасские греки, блокированные с суши и с моря, решили, не дожидаясь штурма, сдаться. На этот счет сообщается буквально следующее: «Когда прошло достаточно времени и у находящихся внутри стен начал сказываться недостаток необходимого, и в воде и в пище, они вынесли решение вступить в соглашение, получить заверение в безопасности и тогда подчинить им город» [13, с. 52]. Но патрасцы вдруг изменили свое решение, воспользовавшись сверхъестественным, будто бы, вмешательством. «Осада города, – подчеркивал Г. А. Острогорский, – была исключительно упорной, однако завершилась поражением славян, что население Патр приписывало чудесному вмешательству апостола Андрея – так же, как в свое время спасение Фессалоники приписывалось помощи св. Димитрия» [19, с. 256]. Необходимость здесь чуда уже сама по себе есть свидетельство, насколько славяне были близки тогда к полному успеху. Кстати, здесь необходимо учесть предположение Г. Г. Литаврина, что еще до того греческое население патрасской хоры уже было данниками этих же самых славян [13, прим. 2].

Что вполне могло быть именно так, а не наоборот, мешает понять, наверное, также и то, что патрасская акция пелопоннеских славян, по Порфирогениту – это εξέγερση, т. е. «восстание», – очевидно, по аналогии с упоминаемыми у него же выступлениями против византийской власти их земляков и соотечественников в серединах IX и X в. Но можно ли только поэтому считать такими же вышедшими из повиновения бунтовщиками, как те аркадские или лаконские, также ахейских славян, напавших на хору и полис Патр около рубежа VIII–IX вв.? Как минимум для этого надо было бы иметь свидетельство о предварительном признании последними власти империи. По О. В. Ивановой, некие «славяне Пелопоннеса» сделали это в результате Ставракиева похода 783 г. [10, с. 77]. Однако подобное предположение является исключительно умозрительным. Допустим, вслед за О. В. Ивановой, что какая-то часть славян Пелопоннеса все же признала над собой власть персонально императрицы Ирины. Но из этого вовсе не следует, что они автоматически сочли себя связанными теми же обязательствами по отношению к свергнувшему ее Никифору I Генику.

При ином подходе это препятствие будто бы устраняется, и пелопоннеские славяне таки выглядят мятежниками. Новизна здесь в том, что установление

законной византийской власти, против которой они потом и взбунтовались, связывалось уже не с экспедицией Ставракия в 773–784 гг., а с событиями несколько более поздними. По А. Мадгеару: кампания 805–806 гг. стратега Склира привела к тому, что под властью Византии оказался не только восточный, но и весь Пелопоннес; отвоеванные его части тогда же стали одноименной фемой. Вскоре эту власть испытали на прочность местные славяне, устроив «некоторые беспорядки», в том числе, безуспешную попытку захвата Патр в 807 г. [39, p. 83]. По П. Коматине: Никифор I победил и завоевал пелопоннеских славян еще в 805 г., но они во время арабского вторжения в византийские воды в 807 г. подняли восстание и напали на Патры, что вызвало новое вмешательство упомянутого императора [12, с. 34]. Предлагается представить, вместо одного и того же, два последовательных разных события, об одном из которых будто бы идет речь в «Монемвасийской хронике», а о втором – у Порфирогенита. Однако сравнение этих источников на этот счет давно привело к выводу скорее противоположному. В обоих случаях в центре событий упоминается некий стратег, согласно «Хронике», «из рода, именовавшегося Склирами» [23, с. 329]. По Г. Г. Литаврину, и у Порфирогенита фигурирует он самый, но только анонимно [13, прим. 9]. По А. Мадгеару, это мог быть даже и Леон Склир, назначенный в 811 г. стратегом Пелопоннеса [39, p. 124].

Мы полагаем, что неоправданное раздвоение возникло отнюдь не из-за несовпадения исторических данных, а двух предположенных упомянутыми авторами дат, одна из которых безусловно ошибочна. Это явно не первая, так как она основана на известии «Монемвасийской хроники» о том, что «авары», т. е. славяне, владели Пелопоннесом вплоть до «четвертого года царствования Никифора Старшего», приходящегося на 805–806 гг. [23, с. 338]. Откуда же взялась вторая – 807-й? Константин Багрянородный дату осады Патр славянами с суши и сарацинами с моря не приводит. Поэтому его хронология была дополнена произвольно, исходя из даты широкомасштабного арабского вторжения в византийские воды в 807 г. В частности, американский исследователь Т. Веннинг, говоря о случившихся в том году событиях, утверждает следующее: «…адмирал Хумейд совершает набег на Пелопоннес, помогая скоротечному славянскому восстанию, и затем, на обратном пути, – на Родос и Мирру» [38, p. 232]. Речь идет, конечно, о действительно нападавшем на Родос именно в 807 г. Хайсане, сирийском флотоводце багдадского халифа Гаруна аль-Рашида [36, p. 130; 37, p. 42]. Последний в Феофановом «Хронографе» именуется Аароном: «…Аарон, вождь аравитян послал Хумеида с флотом против Родоса; Хумеид, внезапно приплывши и овладевши островом, приобрел на нем великие добычи...» [15, с. 353]. О Патрах и вообще о Пелопоннесе, в этом Феофановом известии нет ни слова, что, впрочем, вполне объяснимо, если взглянуть на карту восточного Средиземноморья. Если верить Т. Веннингу, то адмирал Хумеид прошел прямо... мимо указанной самим халифом цели, т. е. острова Родос, который находится как раз на полпути между побережьем Сирии и устьем Коринфского залива с городом Патры. Но верить ему невозможно хотя бы потому, что, согласно Константину Порфирогениту, осаждать этот город пелопоннеским славянам помогали некие Αφρικής Σαρακηνοί, т. е. именно «африканские сарацины» [13, с. 52]. «Уже в самом начале IX века, при императоре Никифоре I, – писал А. А. Васильев, – африканские арабы помогали жившим в Пелопоннесе славянам во время их восстания и осады города Патр (Патраса)» [6, с. 164]. Согласно Д. Прайору и Э. Джеффрис, одна из эскадр аглабидского эмира Туниса Ибрагима I совершила набег на Пелопоннес именно в 805 г. [37, p. 45].

Удвоение событий основано в конечном счете на неправильной интерпретации исторического источника. По-видимому, Константин Багрянородный, не называя ее, подразумевает ту же самую дату первоначальной византийской анакаталипсии славянской Мореи, что и «Морейская хроника» или синодальное письмо патриарха Николая Грамматика. Арабы выступили против Патр не двумя годами позднее, а примерно тогда же, когда и стратег Склир против пелопоннеских славян. И славяне эти отнюдь не бунтовали против ранее установленной над ними власти Византийской империи, а, будучи на тот момент еще вполне независимыми, стремились к упрочению собственного доминирования на полуострове. Между прочим, договоренность славян с тунисскими арабами, достигнутая по предположению Г. Г. Литаврина в период подготовки осады Патр, также подтверждает солидный, признаваемый даже в северной Африке, тогдашний политический статус славян Пелопоннеса [13, прим. 7].

По Г. А. Острогорскому, дальнейшие события должны были развиваться так: «Постепенно где более широкой, где более узкой полосой Византия смогла охватить своими фемами практически все прибрежные территории. В прибрежных областях, которые были доступны для ее военно-морских сил и были богаты старыми городами и гаванями, Империя вновь установила свое господство и свою систему управления. На этом, правда, успехи византийской реконкисты закончились: внутренние земли Балканского полуострова и дальше оставались вне поля ее досягаемости» [19, с. 259]. Но этому противоречит одно известие «Монемвасийской хроники»: о восстановлении города Лакедемона. В отличие от Патр Λακεδαίμων расположен внутри страны, между двумя горными хребтами. Даже если считать по прямой, он удален от моря на 43 км, что равно целым двум переходам средневековой пехоты, ежедневно преодолевавшей в среднем по 20 км [14, с. 54]. «Что же до города Лакедемона, – извещает «Хроника» об акции Никифора I Геника, – то и его, возведя с основания и

поселив в нем смешанный народ, кафиров, фракисиев, армян и прочих, собранных из разных мест и городов, он снова учредил как епископию и назначил быть в подчинении митрополии Патр, подчинив ей вдобавок и две другие епископии – Мефону и Корону» [23, с. 324]. Г. Г. Литаврин считал допустимым, что заселение азиатскими стратиотами заново отстроенных городов было характерно именно для Пелопоннеса [23, с. 343]. По нашему мнению, особенность тогдашней византийской анакаталипсии Пелопоннеса могла заключаться в ее опоре именно на города-крепости, находящиеся на значительном удалении от моря и от зоны прямого действия флота. Видимо, в одно и то же время византийцами восстанавливаются не только оба важнейших порта Мессении, Μεθώνα (позднее Μεθώνη, Modone) и Κορώνα (Κορώνη, Koron), но и Λακεδαίμων в глубине соседней Лаконии.

Эта мессенско-лаконская операция должна была относится к тому же первоначальному этапу анакаталипсии Пелопоннеса, что и патрасская; она происходила или одновременно с последней, или на пять лет позднее. Хронология здесь неуверенная потому, что, с одной стороны, согласно «Монемвасийской хронике», восстановление Лакедемона и заселение его «смешанным народом» из разных фем, состоялось при патриархе Тарасии, умершем в феврале 806 г. С другой, по Феофанову «Хронографу», император Никифор «выселив христиан из каждой фемы, повелел жить [им] в славиниях, а их имущество продать» именно в 6302 г. от сотворения мира по Александрийской эре, что соответствует 810 г. [15, с. 356]. Оба эти источника повествуют, скорее всего, об одном и том же событии. Если обе эти операции осуществлялись одновременно, то получается, что в 805 г. славяне Пелопоннеса были взяты имперскими вооруженными силами в клещи: на севере полуострова византийцы, продвигаясь с востока по суше через Ахайю, деблокировали Патры; на юге они, заняв главные мессенские порты, укрепились также и в самой середине Лаконии.

Итак, в самом начале IX в. анакаталипсия Пелопоннеса привела не только к покорению, и даже закрепощению, какой-то части славян Ахайи в окрестностях приморских Патр, но к и восстановлению Лакедемона на самых подступах к Тайгетскому хребту, – т. е. к византийскому продвижению уже вплотную к горным районам, занятым, в частности, милингами. Но между этими двумя, северным и южным, должен быть еще один, – центральный, – район анакаталипсии, которая предполагала, конечно, подчинение византийской власти также и славянских земель внутри полуострова. Эту задачу унаследовала от своих предшественников Аморийская династия, которую она и успела решить, осуществив на практике третий, – основной, – этап первой византийской анакаталипсии Пелопоннесса. Однако императоры-аморийцы столкнулись здесь с одним значительным осложнением. «Следует знать, – писал император Константин VII, – что славяне фемы Пелопоннес, восстав во дни василевса Феофила и его сына Михаила, стали самостоятельными, творя грабеж, порабощение, разбой, поджоги и воровство [13, с. 53–54]. Какая именно из славянских группировок на полуострове имелась в виду определить, к сожалению, невозможно. Но есть некоторые основания полагать, что она занимала ту часть Пелопоннеса, которая тогда византийцами еще не контролировалась. Также и в этом случае нас, по-видимому, не должны смущать специфические Порфирогенитовы термины, ведь он точно также упоминает и ληστεία «грабеж», и εξέγερση «восстание», когда живописует нападение на патрасскую хору на тот момент еще вполне независимых славян Ахайи.

Таким образом, можно допустить, что на этот раз против ромеев поднялись славяне из соседней с ней Аркадии. Именно такое предположение в свое время и выдвигал А. А. Васильев: «Надо полагать, что аркадийские славяне были покорены во время этого похода Феоктиста» [4, с. 424]. Порфирогенит довольно подробно останавливается на данном событии. «В царствование Михаила, сына Феофила, – читаем у него, – в фему Пелопоннес был послан стратигом протоспафарий Феоктист, прозвище которого от Врienниев, с войском и крупными силами, а именно с фракийцами, македонцами и прочими западными фемами, чтобы воевать с ними и подчинить их. И он подчинил и покорил всех славян и прочих не подвластных в феме Пелопоннес, остались, однако, одни милинги и эзериты у Лакедемонии и Элоса» [13, с. 54]. И теперь этот поход иногда датируется именно 848 г. [38, p. 255]. Но в свое время на этот счет высказался ирландский византинист Д. Б. Бьюри. Им отмечалось, что близкая к указанной дата, 849 г., приводилась К. Гопфом, Э. Мюральтом и Г.-К. Гельцером без ее обоснования. Сам он считал, что это «восстание» славян, а также и его ликвидация, состоялись или незадолго до смерти Феофила, или в первые годы царствования Михаила [29, P. 28]. Феофил, второй император Аморийской династии, умер 20 января 842 г.; трон в двухлетнем возрасте наследовал его сын, известный впоследствии как Михаил III Пьяница (842–867) [27, с. 349]. Из этих двух предположенных дат с учетом сложившихся обстоятельств надо предпочесть более раннюю.

Правительство императрицы Феодоры, регентши, вынуждено было поторапливаться с вмешательством в дела Пелопоннеса из-за реальной угрозы его потери. Еще в 825 г. арабы заняли Крит, к 842 г. – западную Сицилию, т. е. из крупных средиземноморских островов утвердились на обоих ближайших к Пелопоннесу. У А. А. Васильева читаем: «Потеря Крита и Сицилии заставляли думать, что участь этих крайних частей империи должен был разделить и Пелопоннес» [5, с. 18]. И у Д. Б. Бьюри, соответственно: «Совпадение этого славянского движения и его решительного подавления с новым приближением

сарацинской опасности, кажется, существенным. По крайней мере, очевидно, что подчинение этого непокорного элемента было тогда особенно кстати, так как это облегчило бы задачу защиты Пелопоннеса в случае вторжения» [29, p. 28]. Потерпев неудачу в своих попытках отбить только утраченные островные владения, византийцы, по-видимому, были полны решимости не допустить потерю еще и полуостровных. Как и при Никифоре I, при малолетнем Михаиле III против полуостровного славянства планируется акция не локального, а общеимперского масштаба. На этот раз в Пелопоннес направляются стратиоты не из малоазийских, а из балканских фем. Прибыв со своими македонцами и фракийцами и другими балканцами на театр предстоящих боевых действий, протоспафарий Вриенний двинулся, по-видимому, с севера на юг, и к концу первого этапа своей кампании пересек весь полуостров, оказавшись в византийских владениях у стен Лакедемона. Дальше Феоктистовым войскам предстояло действовать в основном в горах, но и там они показали себя с лучшей стороны. Константин Багрянородный описывает второй этап Вриенниева завоевания: «Так как там есть большая и очень высокая гора, по названию Пентадактил, и так как она, наподобие шеи, вдается на большое расстояние в море, а также потому, что место это труднодоступно, они поселились на склонах этой горы, на одной стороне милинги, а на другой – эзериты. Вышеупомянутый протоспафарий и стратиг Пелопоннеса Феоктист, будучи в состоянии подчинить и их, наложил на милингов 60 номисм, а на эзеритов 300, которые они и уплачивали, когда он был стратигом как вплоть доныне слух об этом сохранился у местных жителей» [13, с. 54]. На эти мизерные, в общем, ставки выплат внимание обращалось уже издавна. В самом деле, ведь весь ежегодный πακτον, взимавшийся с целого племени милингов, был эквивалентен стоимости одного «обыкновенного», по Ф. И. Успенскому, византийского крестьянского участка в 60 модиев. Как известно, 1 модий = 839,42 м^2 [3, с. 107]. Таким образом, речь должна идти о наделе площадью всего в 5 га. «Уже из незначительности дани, – посчитал Ф. И. Успенский, – можно заключать, что или племена эти были весьма немногочисленны, или зависимость их была слишком слабая» [27, с. 102, 356]. Свои расчеты были произведены также и Г. Г. Литавриным, исходившим из того, что в X в. с примерно такого же участка в казну платили от 1 до 3 номисм. Учитывая тенденцию роста ставок налогообложения, он предложил для середины предыдущего, IX, в. снизить эту сумму вдвое, т. е. до 0,5–1,5 номисм. Но тогда выходит, что всех милингов насчитывалось, на момент первичного обложения их этим пактом, всего лишь 120 семейств. «Вряд ли такое допущение возможно: оказавшее упорное сопротивление регулярной армии племя должно было быть гораздо многочисленнее, – писал он. – …Видимо, милинги и эзериты подчинились на определенных условиях: их пакт – взнос, свидетельствующий о зависимости от империи, а не регулярный, обычный телос с ее подданных» [13, прим. 18].

«Τελος постоянно отделяется от πακτον, это подать и оброк», – специально подчеркивалось в свое время В. П. Безобразовым [3, с. 101]. С другой стороны, установлено, что термин «пактиот» у Константина Багрянородного «имеет ряд значений: от «данника» до «союзника» [17, с. 35]. Что эти пелопоннеские славяне-пактиоты интересовали Византию, прежде всего, вовсе не в качестве данников, вполне ясно из продолжения рассказа Константина о них, уже о событиях, произошедших около века спустя, в царствование его тестя и нежелаемого соправителя Романа I Лакапина (920–944). «...В царствование господина василевса Романа, – сообщает об этом император Константин, – являвшийся стратигом в этой феме протоспафарий Иоанн Протевон донес самому господину Роману о милингах и эзеритах, что, восстав, они… не согласны ходить с ним в военные походы, не склонны исполнять иные службы для казны» [13, с. 54]. В пересказанном здесь Протевоновом рапорте никакой πακτον, а тем более τελος, не упоминаются; более того, о каких бы то ни было выплатах речь не идет вообще. Из всех «служб» лаконских славян названа единственная: ходить в военные походы, очевидно, по команде стратега фемы Пелопоннес. По-видимому, она и была их главной обязанностью, которую они вынуждены были принять на себя по соглашению в результате поражения, нанесенного им протоспафарием Феоктистом Вриеннием еще около 842 г.

Не рискуя особенно ошибиться, можно предположить, что и триста лет спустя, когда славянам Лаконии пришлось в 1249 г. заключить очередной договор подчинения, на этот раз герцогу Гийому II, было воспроизведено то же самое основное их обязательство [34, p. 161]. Итак, третий, и основной, этап анакаталипсии славянской Мореи окончился в пользу Византии, в чьей власти и оказался тогда целиком весь этот важный во многих отношениях полуостров. Это было несомненным успехом Империи, особенно ярким на фоне постигших ее накануне громких внешнеполитических неудач, как на Западе, где арабам был в 831 г. сдан Палермо, так и на Востоке, где к ним же в 838 г. перешел Аморий, родной город царствовавшей династии. Успех этого третьего, – основного, или Вриенниева, – этапа византийской анакаталипсии славянской Мореи, по-видимому, также лежал в основании расцвета Византийской империи, начавшегося, по Г. А. Острогорскому, уже при последнем представителе Аморийской династии, Михаиле III, но приходящегося уже на эпоху следующей, Македонской [19, с. 287].

Очевидно, что «расцвет» здесь следует понимать довольно условно. Невозможно не учитывать, в частности, выступления против центральной власти, прокатившиеся при Романе I Лакапине по всему

государству: антиналоговое восстание 920–921 гг. в феме Лангобардия; восстание 922 г. Варды Воила в феме Халдия; восстание 938 г. Василия Медной Руки в феме Опсикий [8, с. 179]. Очевидно, что к этому же ряду событий принадлежит упомянутое выше восстание, как бы вернувшее милингов и езеритов назад в прошлое столетие, во времена до византийской анакаталипсии. Во всяком случае, незадачливый наместник Пелопоннеса Протевон вынужден был отрапортовать императору Лакапину, «что милинги и езериты совершенно вышли из подчинения, не признавая ни власти стратига, ни царских наказов; что они живут как автономное и политически независимое племя» («αλλ εισιν ωσπερ αυτονομοι και κοτοδεσποτοι»). «Весьма важное место, хорошо рисующее быт славянского колена», – прокомментировал Ф. И. Успенский это Порфирогенитово известие [28, с. 319]. Добавим: милингские αρχόντοι, знаменитые впоследствии, еще не упоминаются, но они присутствуют здесь как бы заочно. Это отразилось в той же Протевоновой жалобе на тайгетских славян: они, помимо прочего, еще и «не принимают от стратига архонта» [13, с. 54]. Таковой был им без надобности по причине наличия собственного.

В очевидном противоречии с этим эпистолярным источником находится предположение самого Г. Г. Литаврина, что еще в бытность Иоанна Протевона стратегом фемы Пелопоннес местные славяне будто бы уклонились от участия в экспедиции 935 г. патрикия Косьмы в итальянскую фему Λαγυβαρδια, и «добились замены воинской службы выплатой денег и поставкой боевых коней» [13, прим. 21]. Но Протевон ни словом не упоминает о каком-либо отступном, деньгами или имуществом. Лаконские славяне просто выразили свое несогласие участвовать в византийских военных походах, не предлагая ничего взамен. К тому же, вопреки этому предположению Г. Г. Литаврина, среди пелопоннесцев, которые предпочли тогда в Лагувардию не отправляться, «а выставить тысячу коней, оседланных и взнузданных», никаких славян не упомянуто, хотя Порфирогенит и приводит подробный реестр плательщиков этой «подати конями в феме Пелопоннес при деспоте Романе» [13, с. 61].

Датировка этого восстания милингов и езеритов издавна спорная. У разных авторов восстание приурочено и к началу, и к середине, и к концу 24-летнего Романова автократорства. Так, в середине XIX в. швейцарско-российский исследователь Э. Г. фон Мюральт указал 922 г. [35, p. 500]. К этой же дате склонялся и Г. Г. Литаврин [13, прим. 21]. В начале XXI в. Т. Веннинг назвал уже 934 г. [38, p. 303]. Наиболее обоснованная датировка предложена А. А. Васильевым. 941-й, как год этого восстания, «почти точно» определяется здесь на основании знаменитого пророчества Святого Луки насчет отвоевания Крита, предстоящего через 20 лет, т. е. в 961 г. А. А. Васильев акцентировал внимание, что удачливый предсказатель был лично дружен с Кринитом Аротром [4, с. 425]. Αροτρᾶς Κρίνίτης получил от Романа I Лакапина экстренное назначение стратегом фемы Пелопоннес, по-видимому, как раз по случаю мятежа местного славянства. По Константину Багрянородному, этим императором «сему протоспафарию Криниту было велено, чтобы он, поскольку они оказались в таком восстании и неповиновении, выступил против них, разгромил в борьбе, покорил и уничтожил их». Эта третья славянская война в Пелопоннесе в отличие от предыдущих имела, по-видимому, преимущественно характер карательной экспедиции. Не сообщая подробностей боевых столкновений, Порфирогенит приводит таковые относительно кампании по подрыву продовольственной базы противника. Кринит сорвал тайгетским славянам весь сельскохозяйственный сезон: «Итак, начав войну против них в марте месяце, сжегши их посевы и разорив всю их землю, он преодолевал их сопротивление и вражду до месяца ноября». Милинги и езериты, по-видимому, рассчитывали на силу своих позиций в труднодоступном Тайгете, не ожидая, что византийский командующий будет бить и бить по их слабому месту, не в горах, а в полях, не останавливаясь до самой поздней осени. «С этого времени, видя свою погибель, – пишет Порфирогенит, – они попросили о переговорах по поводу подчинения и о том, чтобы явилось прощение за совершенное ранее. Поэтому названный выше протоспафарий и стратиг Кринит наложил на них более тяжелые пакты, чем они платили: на милингов сверх 60 номисм, которые они платили прежде, 540 номисм, так что весь пакт их составил 600 номисм, а на эзеритов – сверх 300 номисм, уплачивавшихся ранее, еще 300 номисм, так что весь их пакт возрос до 600 номисм, которые сам протоспафарий Кринит взыскал и внес в богохранимый китон» [13, с. 54]. Итак, заключительный этап византийской анакаталипсии славянской Мореи энергичный продолжатель Вриенния, Кринит, повел весьма основательно. В источниках вообще больше уже не упоминается, чтобы славяне Пелопоннеса когда-нибудь еще хоть раз бунтовали против византийского императора. Тот же Роман I Лакапин, к примеру, совершенно напрасно опасался, чтобы они «не учинили полной гибели этой фемы», когда в нее всего через несколько лет вторглись какие-то Σκλαβησιανοι, остающиеся по-прежнему загадочными для исследователей [10, с. 75]. По Порфирогениту, лаконские славяне воспользовались вторжением «слависианов», но совсем в другом смысле: они, по его словам, «направили посланцев к господину Роману василевсу, упрашивая и умоляя простить им добавки к пактам, чтобы платить им, как они платили раньше» [13, с. 54]. В результате был издан соответствующий Романов хрисовул.

Завершение византийской анакаталипсии славянской Мореи связано, по нашему мнению, с обращением в христианство наиболее воинственных ее обитателей. «Милинги же и езериты, – предполагал

А. А. Васильев, – по всей вероятности, были крещены во время Василия I (867–886). В его правление славяне-язычники, больше других хранившие заветы своей прежней религии благодаря недоступности местности, где они жили, просили императора окрестить» [4, с. 424]. Предположение представляется ошибочным, потому что Порфирогенит сообщает о крещении «в царствование приснопамятного Василия» отнюдь не тайгетских славян, а соседних «жителей крепости Майна», специально подчеркивая при этом их неславянские как происхождение, так и этническую принадлежность [13, с. 55]. По замечанию Г. Г. Литаврина, «при Льве VI и Константине VII Багрянородном делалось все, включая подлог, чтобы доказать, что христианство утвердилось среди славян (в том числе пелопоннесских) благодаря неусыпным трудам и заботам Василия I Македонянина» [23, с. 344].

Итак, эти ученые представители Македонской династии и считали ее основателя, а своего ближайшего предка, Василия I, крестителем славянства на основе отнюдь не фактов, а, по-видимому, вследствие официальной панегерической традиции. Она хорошо отражена, в частности, в «Тактике Льва». «Наш блаженной памяти отец, император ромеев Василий, – записал ее царственный автор о славянах, – убедил их отказаться от древних обычаев, эллинизировав, подчинив архонтам по ромейскому образцу, и, почтив крещением, он освободил их от власти собственных архонтов, и научил воевать с враждебными ромеям народами. У него было заботливое сердце для того чтобы обеспечить ромеев, которые в старые времена претерпели много ущерба и поражений от славян, по причине частых их нападений» [16, с. 173]. Даже приняв рассказ Льва Мудрого (886–912) на веру, вряд ли возможно видеть в упомянутых им славянах милингов или езеритов. Ведь они, как мы знаем из сочинения Константина Багрянородного, и полвека спустя после окончания Васильева царствования архонтов «ромейского образца» не принимали. О том, какой конкретно ущерб приходилось претерпевать ромеям от славян, можно узнать из уже упоминавшегося жития Святого Никона Метаноита (?–988), проповедовавшего в Лаконии в самом конце X в. Оказывается, что управляемые неким «безбожным дуксом Антиохом» «кровожадные разбойники милинги, которые так называются местными жителями», т. е. их соседями-христианами, в частности, угоняют скот, и притом монастырский, а также похищают из отчего дома девушку-гречанку, чтобы потом ее продать… [4, с. 427]. Итак, согласно этому лаконскому житию середины XII в. и, соответственно, вопреки одной из династических легенд Македонского дома, в Пелопоннесе славяне-язычники были крещены не в IX, а лишь в конце X в. Однако по «Монемвасийской хронике» их обращение состоялось еще в самом начале IX в. при Никифоре I Генике, когда полуостровные «варвары, внемля проповедям, при помощи Божией и по милости [Его], крестились и присоединились к вере христианской во славу и благодарение Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков» [23, с. 330]. Однако, как заметил Г. Г. Литаврин, отсюда еще не следует, что обращение славян Пелопоннеса в христианство было осуществлено именно при Никифоре I, а не ко времени составления самой этой хроники, т. е. в первой трети X в. [23, с. 344]. Иная трактовка этого же известия предложена О. В. Ивановой, допустившей, что этот император «лишь официально оформил уже далеко зашедший процесс христианизации славян» на полуострове [10, с. 59]. По нашему мнению, применительно к самому началу IX в. речь должна идти о славянах из Ахайи, точнее из окрестностей митрополичьего града Патры. Между прочим, по наблюдению той же исследовательницы, случаи принудительного обращения славян-язычников в Византии в принципе не известны [10, с. 59].

Действительно, уже сама лексика соответствующих известий, свидетельствует как раз об этом. Например, согласно «Тактике Льва», Василий I этих славян именно «почтил крещением» (βαπτίσματι τιμήσας). Однако на этот счет существует также и иное мнение. «Только принудительная интеграция этих славян в социальные, политические и религиозные византийские структуры сделала возможным также и их симбиоз с греками, – пишет А. Мадгеару. – Христианизация была решающим фактором ассимиляции славян в Греции» [39, p. 80]. При этом почему-то считается, что христианизация славян Пелопоннеса в эпоху Никифора I уже закончилась, начавшись еще с кампании Ставракия. Однако реальность, особенно в указанные сроки, подобного двустороннего процесса христианизации-эллинизации полуостровного славянства, практически исключается историческими фактами, в том числе и вышеупомянутыми. Кроме того, вопреки А. Мадгеару, с одной стороны, эллинизации «варваров» вовсе не препятствовало разноверие, и, с другой, единоверие с византийцами автоматически к ней, конечно, не приводило. Так, в IV–V вв. процессам их интеграции отнюдь не препятствовало их арианство, бывшее для отцов православия, например Афанасия Великого, едва ли не отвратительнее язычества [2, с. 178]. С одной стороны, в VI в. суровость антиеретических постановлений на арианствующих готов не распространялась [11, с. 118]. С другой стороны, их потомки этнически отличались от них еще довольно четко, воспринимаясь отнюдь не как ελληνοι или γραῖκοι, а именно как γοτθογραῖκοι [33, p. 32–33]. Пелопоннеские же славяне, обитавшие в Лаконии, будучи на протяжении нескольких веков прихожанами греческой церкви, по-прежнему презентовали себя как μελιγγοί [31, p. 4, 7].

На юге Пелопоннеса славяне сохраняли свою этническую идентичность, пережив не только первую, но также и повторную его византийскую анакаталипсию в XIII в. В центре же полуострова, в Аркадии, они, подобно своим соплеменникам в северной его части, в Ахайе, довольно скоро перестают упоминаться как

σκλάβινοι/σκλάβοι. О причинах столь различных этнических судеб разных группировок пелопоннеского славянства можно судить только предположительно. Мы предлагаем учесть очень разный коллективный социальный статус, приобретенный в результате византийской анакаталипсии славянами, с одной стороны, в окрестностях Патр, и в горах Тайгета, с другой. Первые – это πάροικοι патрасской митрополии, принадлежавшие ей вместе со всем своим имуществом и обложенные помимо постоя и другими повинностями. Вторые – это συμμαχοι, т. е. военные союзники Византийской империи [10, с. 73]. Получается, что и исчезнувшие аркадские (и не только) славяне тоже были превращены в ходе анакаталипсии в чьих-то париков. Вопреки распространенному субъективному подходу, накануне византийской ее анакаталипсии славяне Мореи стояли на пороге создания собственного государства. Мини-, или полугосударство на юге полуострова удалось создать славянам-милингам, вполне состоявшимся в качестве одного из христианских народов средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. В. Славянская Европа V–VIII веков / С. В. Алексеев. – М.: Вече. – 2009. – 536 с.
2. Афанасий Александрийский. Творения: в 4 т. / Афанасий Александрийский. – 2-е изд., испр. и доп. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Собственная типография. – 1902. – Ч. 2. – 494 с.
3. Безобразов П. В. Патмосская писцовая книга / П. В. Беобразов // Византийский временник. – 1900. – Т. VII, вып. 1. – С. 68 –107.
4. Васильев, А. А. Славяне в Греции. I. Обзор исторических сведений о славянах в Греции / А. А. Васильев // Византийский Временник. – 1898. – Т. V, вып. 3. – С. 405–438.
5. Васильев, А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии / А. А. Васильев. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова. – 1900. – 183 с.
6. Васильев, А. А. История Византийской империи: в 2 т. / А. А. Васильев, пер. с англ. А. Г. Грушевого. – СПб.: Алетейя. – 2000. – Т. 1: Время до крестовых походов (до 1081 г.). – 986 с.
7. Вернадский, Г. В. Древняя Русь / Г. В. Вернадский. – М.: Аграф, 1999. – 448 с.
8. Дашков, С. Б. Императоры Византии / С. Б. Дашков. – М.: Изд. дом «Красная площадь», «АПС-книги». – 1996. – 370 с.
9. Денисова, И. В. «Византийская склавиния»: Славяне в Греции и Малой Азии (VI –X вв.): автореф. ... канд. ист. наук / И. В. Денисова. – Ставрополь, 2012. – 30 с.
10. Иванова, О. В. О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв. (преимущественно на примере славян) / О. В. Иванова // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб.: Алатейя, 2001. – С. 48–80.
11. Козлов, А. С. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV–V вв. / А. С. Козлов // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1973. – Вып. 9. – С. 114–121.
12. Коматина, П. Осниванье Патраске и Атинске митрополие и Словени на Пелопонезу / П. Коматина // Зборник радова Византолошкого института. – 2009. – Т. XLVI. – С. 27–52.
13. Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1991. – 496 с.
14. Кудряшов, К. В. Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь / К. В. Кудряшов // Труды отдела древнерусской литературы. – 1958. – Т. XIV. – С. 49–60.
15. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта в переводе с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. С предисловием О. М. Бодянского. – М.: Университетская типография. – 1884. – 370 с.
16. Лъв VI Философ – увод, превод и коментар от Г. Цанкова-Петкова // Гръцки извори за Българската история. – София: Българската Академия на науките, 1961. – Т. IV. – С. 166–174.
17. Мельникова Е. А. Название «русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин // Вопросы истории. – 1989. – № 8. – С. 24–38.
18. Об областях римской империи, сочинение Константина Багрянородного // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – 1858. – № 3. – С. 1–38.
19. Острогорский, Г. А. История Византийского государства, Г. А. Острогорский. / пер. с нем. М. В. Грацианский; ред. П. В. Кузенков / – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.
20. Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений / А. Л. Погодин. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского археолог. института, 1901. – 167 с.
21. Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука. – 1985. – 336 с.
22. Рассадин, Я. С. Экспозиция пелопоннеской археославики / Я. С. Рассадин // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2012. – Вып. 23. – С. 49–57.
23. Свод древнейших письменных известий о славянах. – М.: Восточная лит-ра РАН, 1995. – Т. II (VII–IX вв.). – 590 с.
24. Седов, В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. – М.: Знак. – 2005. – 618 с.

25. Смирнов, И. Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его Угорской короне / И. Н. Смирнов. – Казань: Университетская типография. – 1879. – 133 с.

26. XVII Международный конгресс византинистов в Вашингтоне / З. В. Удальцов [и др.] // Византийский временник. – 1988. – Т. 49. – С. 241–252.

27. Успенский, Ф. И. История Византийской Империи VI–IX вв. / Ф. И. Успенский. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2: период III (610–716 гг.) Ираклий и его преемники. Иконоборческий период (717–867 гг.) – 1666 с.

28. Успенский, Ф. И. История Византийской империи: период Македонской династии (867–1057) / Ф. И. Успенский ; сост. Л. В. Литвинова. – М.: Мысль, 1997. – 527 с.

29. Bury, J. B. The Naval Policy of the Roman Empire in relation to the Western Provinces from the 7th to the 9th century / J. B. Bury // Centenario della nascita di Michele Amari. – 1910. – Vol. II. – P. 1–34.

30. Fallmereyer, J.-Ph. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Ein historischer Versuch von Prof. J. Fallmereyer. Erster Teil / J.-Ph. Fallmereyer. Stuttgart; Tübingen: J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1830. – 488 S.

31. Glykatzi-Ahrweiler, H. Une mention méconnue des Mélingues du Taygète // Bulletin de correspondance hellénique / H. Glykatzi-Ahrweiler. – 1962. – Vol. 86. – P. 1–10.

Яраслаў Рассадзін

ВІЗАНТЫЙСКАЯ АНАКАТАЛІПСІЯ СЛАВЯНСКАЙ МАРЭІ

Рэзюмэ

Ανακατάληψη, па-грэчаску «адваяванне». Візантыйскае адваяванне паўвострава Пелапанэс (па-славянску Морѣа) адбылося ў VII–IX стст. У гэтым артыкуле прапануецца новая ацэнка (і пераацэнка) гістарычнай падзеі.

Jaroslav Rassadin

BYZANTINE ANAKATALIPSY OF SLAVIC MOREA

Summary

Ανακατάληψη in Greek means «reconquest». The Byzantine reconquest of the Peloponnese peninsula (Slavic Морѣа) happened in the 7th – 9th centuries. In this article the new estimation (and overestimation) of a historical event is offered.

Поступила 29.05.2013 г.

УДК 94(476)«1518/1555»(092)Бона Сфорца:930.2

Ганна Васіленка (Мінск, Беларусь)

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ І КРЫНІЦЫ ПРАБЛЕМЫ «ДЗЕЙНАСЦЬ БОНЫ СФОРЦА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1518–1555 гг.)»

Асоба Боны Сфорца даволі супярэчлівая ў гістарычнай навуцы. Яна авеяна вялікай колькасцю плётак аб чорным каварстве і інтрыгах каралевы. Вядома нават што і пры жыцці яна была прадметам зласлоўя жыхароў Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага, падданых гэтай венцаноснай асобы. Разам з тым, калі абстрагавацца ад свецкіх навін і палітычных інтрыг XVI ст., а зірнуць выключна на эканамічныя мерапрыемствы праведзеныя Бонай на тэрыторыі Беларусі, то яе аўтапартрэт паўстае зусім у іншым выглядзе.

Яркая гістарычная асоба, рэфарматар, прадпрымальнік, якая здолела моцна інтэнсіфікаваць эканамічныя адносіны на тэрыторыі Беларусі (асабліва ў палескім рэгіёне), надаць ім імпульс павышэння даходнасці селькагаспадарчых угоддзяў і палігона для выпрабавання новых эканамічных адносін, якія пазней падчас кіравання Жыгімонта II Аўгуста, былі аформлены ў шырокамаштабную агульнадзяржаўную рэформу «Валочная памера». Апошняя і сёння выклікае супрацьлеглыя, нават дыскусійныя, заўвагі навукоўцаў з пункту гледжання яе высокадаходнасці і рэвалюцыйнасці для тагачаснага ўзроўню сельскагаспадарчых адносін. Ёсць гісторыкі, якія нават называюць яе: «...першай буржуазнай рэформай ва Усходняй Еўропе...» [1, с. 15].

Асоба Боны, на наш погляд, была зусім несправядліва забыта айчыннай гістарыяграфіяй на доўгія дзесяцігоддзі, ажно да 1990-х гадоў. Толькі ў наш час паступова пачынаецца вяртанне гэтага імя ў гістарычную навуку. Але цалкам усё ж характэрнай рысай беларускай гістарыяграфіі ў гэтым накірунку з'яўляецца адсутнасць трывалых традыцый даследавання азначанага пытання. Тым не менш у апошні час пачалі з'яўляцца асобныя артыкулы – але, на жаль, часцей за ўсё публіцыстычнай накіраванасці – прысвечаныя Боне Сфорца, яе дзейнасці ў палітыцы, эканоміцы ці культуры ВКЛ і Беларусі.

Сёння адносна цьмянай плямай у гістарыяграфіі застаецца ўклад Боны ў палітычную гісторыю ВКЛ, што хутчэй за ўсё звязана з пэўнай абмежаванасцю базы гістарычных крыніц. А што тычыцца эканамічнай гісторыі, то яна мае даволі шырокую крынічную базу, і таму ёсць усе падставы для яе больш глыбокага высвятлення і даследавання. Асабліва многа захавалася дакументаў, звязаных з правядзеннем зямельнай рэформы «Валочная памера», а таксама з рэфармаваннем, праведзеным Бонай у даменных уладаннях напярэдадні агульнадзяржаўнай зямельнай рэформы.

Што тычыцца гістарыяграфіі, то да нашых часоў ужо ажыццёўлена пэўная праца па даследаванні эканамічных аспектаў дзейнасці Боны. Адным з першых, хто даволі глыбока займаўся вывучэннем гаспадарчай дзейнасці Боны, быў гісторык У. І. Пічэта. Яго працы: «Аграрная реформа Сигизмунта Августа в Литовско-Русском государстве» і «Белоруссия и Литва в XV–XVI стст.», з'яўляюцца асновай вывучэння і даследавання праблемы ажыццяўлення аграрнай рэформы «Валочная памера» ў ВКЛ [2, 3].

Працы У. І. Пічэты, звязаныя з зямельнай рэформай і асобай Боны, маюць непераўзыдзены аўтарытэт і, нягледзячы на значнае пашырэнне даследаванняў па праблематыцы ВКЛ у сучаснай гістарыяграфіі, па-ранейшаму з'яўляюцца базавымі для падрыхтоўкі студэнтаў гісторыкаў на гістарычных факультэтах ВНУ краіны.

Калі гаварыць пра спецыяльнае даследаванне эканамічнай дзейнасці Боны Сфорца непасрэдна на тэрыторыі Беларусі, якая, як вядома, была адной з цэнтральных тэрыторый Беларуска-літоўскай дзяржавы ВКЛ, то ў нашай краіне гэтая праблема застаецца не даследаванай. Безумоўна пэўную працу ў гэтым накірунку правёў У. І. Пічэта ў сваіх кнігах. Але гэта быў больш шырокі ахоп, прысвечаны усёй тэрыторыі ВКЛ, і таму многія з пытанняў яшчэ чакаюць сваіх даследчыкаў.

У. І. Пічэта спыніўся на асноўных, найбольш вядомых аспектах эканамічных мерапрыемстваў Боны: прасачыў рэгуляванне каралевай валаснога жыцця ў сваіх уладаннях; вызначыў строгую структуру павіннасцей адпаведна колькасці і якасці тых ці іншых зямель; апісаў барацьбу супраць злоўжыванняў дзяржаўцаў і замену іх праверанымі (адданымі каралеве) людзьмі. Значную ўвагу даследчык надаў праблеме праверкі правоў на зямельную ўласнасць. Асабліва падкрэслена, што праверка правоў выразілася ў патрабаванні юрыдычнага пацвярджэння зямельнай уласнасці шляхтай. Раскрыта і асноўная мэта правядзення праверкі каралевай. Яна мела задачу павялічыць («акругліць») колькасць дзяржаўных зямель за кошт маёмасці прыватных уладальнікаў, якія не змогуць даць юрыдычнае абаснаванне права сваёй уласнасці.

Акрамя У. І. Пічэты праблемай эканамічнай дзейнасці Боны займаўся гісторык А. С. Грушэўскі. У сваёй

працы «Пинское Полесье в XIV–XVI вв.» [4] ён звярнуўся да даследавання права Боны на Пінскае княства, а таксама прасачыў характар і гісторыю яе ўлады ў староствe. Спецыяльна быў даследаваны асобна вядомы тытул, якім каралева пазіцыянавала сваю асобу ў дакументах «пані дедзічка», альбо «пані отчычка».

Гісторык прааналізаваў спецыяльныя акты 1536 і 1546 гадоў, якія дазвалялі Боне выкупляць у прыватных асоб землі пры пагашэнні запісаных на іх грашовых сум. Аўтар падкрэсліў значэнне гэтых актаў, бо яны фактычна прадаставілі каралеве эканамічную свабоду ў зямельных аперацыях і дапамаглі набыць ёй казачнае багацце. У даследаванні вучонага знайшоў адлюстраванне і аналіз распараджэнняў Боны па Пінску (амаль да 1556 г.), частка якіх змешчана ў дадатку да кнігі. Акрамя таго, было прааналізавана судаводства, звязанае з дзейнасцю Боны, дадзена ацэнка гаспадарчай дзейнасці каралевы, а таксама «валочная памера», праведзеная ў Пінскім старостве.

Вядомы рускі буржуазны гісторык М. К. Любаўскі, у працы «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута» таксама сярод іншых праблем закранаў эканамічную дзейнасць Боны Сфорца [5]. Тут знайшлі адлюстраванне функцыі намеснікаў і іншых асоб мясцовай адміністрацыі каралеўскіх уладанняў. Дадзена характарыстыка груп залежных сялян у дзяржаўнай гаспадарцы. Прааналізавана «валока» як адзінка падаткаабкладання.

Беларускі гісторык М. В. Доўнар-Запольскі у кнізе «Очерки по истории западно-русского крестьянства» таксама звяртаўся да праблем, звязаных з эканамічнай дзейнасцю на тэрыторыі Беларусі каралевы польскай і вялікай княгіні ВКЛ Боны Сфорца [6]. Ён прааналізаваў, перш за ўсё, яе стасункі з мясцовай адміністрацыяй. Але гэтую працу нельга не разглядаць з улікам крытыкі, дадзенай у рэцэнзіі М. К. Любаўскага [7], а таксама ў артыкуле В. Ф. Голубева «Сельская грамада ў Беларусі XVI–XVIII стст.», апублікаваным у Беларускім гістарычным часопісе за 2008 г. [8, с. 8–19]. Крытыка датычыцца перш за ўсё памылковага сцверджання аб «знікненні сельскай абшчыны» на тэрыторыі ВКЛ, там, дзе была праведзена зямельная рэформа «Валочная памера».

Разам з тым праца знакамітага беларускага гісторыка і сёння захоўвае сваю актуальнасць і неацэнную значнасць з пункту гледжання заяўленай намі праблемы аб эканамічнай дзейнасці Боны на тэрыторыі Беларусі. Гэта асабліва відавочна ў дачыненні да высвятлення спецыфікі валаснога жыцця. Тым больш, што яна напісана на аснове арыгінальных матэрыялаў з Метрыкі ВКЛ.

Асаблівую каштоўнасць, на наш погляд, уяўляе вялікая колькасць цытат, якія аўтар прыводзіць, грунтуючыся на даступных яму ў той час матэрыялах Метрыкі. Апошнія характарызуюць спецыфіку ўпарадкавання гаспадарскіх валасцей і ўладанняў каралевы Боны. Многія з іх, улічваючы пэўную цяжкасць працы з матэрыяламі Метрыкі, абумоўленную ўзроўнем яе распрацаванасці, гісторыяй выдання гэтага збора дакументаў, і асабліва геаграфіяй («раскіданнасцю па Свеце»), апублікаваных матэрыялаў Метрыкі ў наш час, могуць быць выкарыстаны сучаснымі даследчыкамі (з пэўнай агаворкай) у якасці гістарычных крыніц.

Гісторык падрабязна прааналізаваў гаспадарчую дзейнасць Боны. Асобнае месца ў ёй займала рэгуляванне адносін насельніцтва і мясцовай адміністрацыі ў асобе дзяржаўцаў. У дадатку да кнігі змешчаны каштоўныя матэрыялы па Рагачоўскай, Усвятскай, Азярышчанскай і іншых валасцях. З іх вынікае, што раней, да ўмяшальніцтва каралевы ў пытанне рэгулявання адносін насельніцтва з адміністрацыяй, дзяржаўцы, карыстаючыся сваім службовым становішчам, абкладалі мясцовае насельніцтва шматлікімі дадатковымі павіннасцямі. Апошнія значна павялічвалі падатковую нагрузку на сялянства і выклікалі масавую незадаволенасць і скаргі на імя ўладальніцы зямель.

Каралева ўбачыла, што гэта наносіць вялікі гаспадарчы ўрон яе інтарэсам і сканцэнтравала спецыяльную ўвагу на дадзенай праблеме. Прыкладам з'яўляецца рэгуляванне падаткаў у Рагачоўскай, Усвятскай і Азярышчанскай валасцях. Названыя крыніцы змешчаны ў дадатку да кнігі М. В. Доўнар-Запольскага «Очерки по истории западно-русского крестьянства» і даюць магчымасць даволі глыбока, прычым, што немалаважна, на арыгінальным мясцовым матэрыяле, прааналізаваць праблему.

Польская гістарыяграфія, падчас вывучэння праблемы эканамічнай дзейнасці Боны Сфорца на тэрыторыі Беларусі ў 1518–1555 гг., таксама не можа не выклікаць даволі прыстальнай цікавасці даследчыкаў. Перш за ўсё з-за таго што ёй характэрны глыбокія традыцыі аналізу дзейнасці гэтай гістарычнай асобы як у галіне знешняй, так і ва ўнутранай палітыцы Кароны і Княства. Напрацоўкі польскіх гісторыкаў, на наш погляд, могуць быць у пэўнай ступені карыснымі для вывучэння неардынарнай асобы Боны Сфорца ў якасці фігуранта гісторыі Беларусі перыяду ВКЛ.

Адным з буйных польскіх даследчыкаў па названай праблематыцы з'яўляецца В. Пацеха. Яго праца «Каралева Бона. Часы і людзі Адраджэння» [9], была выдадзена ў 4-х тамах. Гэты шматтомнік утрымлівае багаты факталагічны матэрыял, які датычыцца сярод іншага і дзейнасці Боны Сфорца на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага. Асаблівую, спецыяльную, увагу даследчык звярнуў на адносіны Боны Сфорца з самымі магутнымі магнацкімі родамі ВКЛ, а таксама на яе дзейнасць у сферы культуры.

На жаль даследаванне гісторыка В. Пацехі абмежавана 1539 годам. І таму ў яго прадмет зусім не трапілі праблемы «смерці Жыгімонта I Старога», «падзення палітычнага ўплыву каралевы Боны», «шлюбу сына Жыгімонта II Аўгуста з Барбарай Радзівілл» і

шмат іншага. Акрамя гэтага ў выданні В. Пацехі не знайшоў колькі-небудзь значнага адлюстравання і самы знакаміты бок дзейнасці Боны – эканамічны. Амаль зусім адсутнічаюць матэрыялы пра валочнае рэфармаванне ў маёнтках каралевы за 1551–1555 гг. Гэта здарылася з прычыны таго, што даследчык планаваў яшчэ адзін, спецыяльны, том свайго выдання, прысвечаны аграрным пераўтварэнням, праведзеным каралевай, але не змог ажыццявіць гэтую задуму. Калі ж выходзіць з таго, што на сёння ёсць у наяўнасці, то дзейнасць Боны Сфорца на тэрыторыі ВКЛ у той ці іншай ступені разгледжана В. Пацехай у другім томе яго выдання [10].

Значны ўклад у раскрыццё палітычнай дзейнасці Боны Сфорца сваёй працай «Жыгімонт Стары (1506–1548)» унёс буйны польскі даследчык Ж. Вайцэхоўскі. Яго кніга прысвечана жыццядзейнасці мужа Боны Сфорца Жыгімонта I Старога, але ў ёй гісторык неаднаразова падкрэсліў цэнтральнае значэнне на палітычнай арэне Княства і Польшчы, якое займала ў той час каралева і вялікая княгіня. У сваім даследаванні Ж. Вайцэхоўскі даў адносна шырокую характарыстыку ўнутрыпалітычнай дзейнасці каралевы на тэрыторыі ВКЛ. Ён ацаніў яе палітычную дзенасць як «дынастычную» і нават параўнаў з гэтага пункту гледжання Бону з Казімірам Ягелончыкам, называючы яе прадаўжальніцай яго палітычнай лініі [11].

На думку гісторыка, Бона імкнулася ўмацоўваць пазіцыі дынастыі Ягелонаў у Польшчы і пераўтварыць яе ў спадчынную праз падтрымку з боку Вялікага Княства Літоўскага. Менавіта з гэтай мэтай, па меркаванні даследчыка, Бона дамаглася ўзвядзення малалетняга Жыгімонта II Аўгуста яшчэ пры жыцці яго бацькі на пасаду вялікага князя ВКЛ. У той жа час гісторык заўважыў, што вышэйназваны палітычны акт, ажыццёўлены з падачы Боны, пашырыў як палітычныя, так і эканамічныя магчымасці каралевы, але асабліва аблегчыў працэс выкупу з закладу дзяржаўнай маёмасці, а таксама дапамагаў у барацьбе з буйнымі магнатамі Беларуска-літоўскай дзяржавы.

Яшчэ адна польская даследчыца А. Дэмбіньска ў сваёй працы «Жыгімонт I. Зарыс спраў унутрыпалітычных у гадах 1540–1548» акрамя іншых пытанняў даволі рознабакова прааналізавала праблему падзення ўплыву Боны на ўнутрыпалітычныя працэсы княства ў апошнія гады кіравання Жыгімонта I Старога. Акрамя сказанага А. Дэмбіньска даследавала праекты польска-літоўскай уніі і асабістае станаўленне да іх каралевы Боны [12].

Даследчыца лічыць, што Бона адносілася да іх рэзка адмоўна з прычыны нежадання плаціць у дзяржаўны скарб вайсковыя падаткі з маёнткаў, якія знаходзіліся на тэрыторыі ВКЛ [12, с. 237]. Даволі шырока гісторыкам разгледжаны пытанні ўнутрыпалітычнай дзейнасці Боны, так ці інакш звязаныя з праблемай перадачы Вялікага Княства Літоўскага Жыгімонтам I Старым для кіравання Жыгімонту II Аўгусту.

Сярод сучасных даследчыкаў названай вышэй праблемы найбольш вядомай з'яўляецца М. Багуцкая. З-пад яе пяра выйшла манаграфія «Бона Сфорца». Гэта праца ўяўляе з сябе у пэўным сэнсе біяграфію вялікай княгіні ВКЛ і каралевы Польшчы. Яна ахоплівае час ад самага дзяцінства венцаноснай асобы і даведзена да самых апошніх дзён яе жыцця (непасрэдна да смерці). Акрамя гэтага даследчыцца зрабіла грунтоўны гістарыяграфічны агляд публікацый, прысвечаных асобе Боны Сфорца. Сама М. Багуцкая называла сваю работу «першай спробай поўнай і сучаснай біяграфіі, якая паказвае Бону ў шырокім кантэксце гісторыі Польшчы і Еўропы XVI ст.» [13, с. 280].

З гэтым у пэўнай ступені, сапраўды можна пагадзіцца. Даследаванне праведзена на шырокім коле гістарычных крыніц і гістарыяграфіі. Выкарыстана шмат эпісталярных крыніц. М. Багуцкая даволі падрабязна паказала дзейнасць Боны на палітычнай арэне Вялікага Княства Літоўскага. Вялікую ўвагу даследчыца надала функцыі Боны па прызначэнні на важнейшыя каталіцкія і дзяржаўныя пасады ў ВКЛ.

Акрамя гэтага ў манаграфіі праведзены адносна глыбокі аналіз эканамічнай дзейнасці Боны і перагляд высноў па дадзенай праблеме, зробленых папярэднімі даследчыкамі. У пэўнай ступені крытычна М. Багуцкая прааналізавала працу В. Пацехі. Была падкрэслена залішняя ідэалізацыя аналізуемай асобы і прадстаўленне Боны «як «добрай каралевы» і «абаронцы валасцян». Даследчыцца сцвярджала, што ва ўсіх эканамічных мерапрыемствах Бона карысталася выключна пошукам уласнай эканамічнай выгады [13, с. 220].

Не менш карыснай для вывучэння праблемы жыццядзейнасці Боны Сфорца з'яўляецца праца А. Пжэздзецкага «Ягелонкі польскія» [14, с. 220]. У рамках шматтомнага выдання аўтар ажно некалькі глаў прысвяціў шматграннай дзейнасці Боны. Выданне ўяўляецца надзвычай карысным з-за шырокай крынічнай базы, змешчанай у канцы кнігі.

У працы яшчэ аднаго польскага даследчыка А. Вычаньскага «Жыгімонт Стары» даследавана не толькі асоба, але і дзейнасць аднаго з прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў, сужэнца Боны, караля Польшчы і вялікага князя ВКЛ Жыгімонта I Старога [15]. Кніга мае таксама каштоўны матэрыял для высвятлення абазначанай намі праблемы, з прычыны таго, што дзейнасці Боны Сфорца ў дадзеным даследаванні надаецца асобнае значэнне.

Асабліва шырока тут паказаны яе гаспадарчыя здзяйсненні. На думку даследчыка, Бона імкнулася да ўзмацнення дынастыі праз стварэнне незалежных ўласных маёнткаў. Акрамя таго, аўтар прывёў даволі шырокі пералік маёнкаў Боны. Прычым як на тэрыторыі Польскай Кароны, так і ў межах ВКЛ, а значыць, і ў Беларусі.

Не пакінуў без увагі А. Вычаньскі і ўнутрыпалітычныя пытанні Беларуска-літоўскай дзяржавы,

асабліва тыя, што мелі адносіны да асобы каралевы Боны. Важнейшым сярод іх быў акт каранацыі малалетняга Жыгімонта II Аўгуста яшчэ пры жыцці яго бацькі. Разважаючы наконт гэтага пытання даследчык прыйшоў да высновы, што гэтая важная палітычная акцыя была ажыццёўлена для ўзмацнення каралеўскай улады і задавальнення спецыфічных падыходаў у галіне дынастычнай палітыкі, сфармуляваных менавіта каралевай Бонай [15, с. 47].

Панарама крыніц, якія існуюць для вывучэння праблемы «Дзейнасць Боны Сфорца на тэрыторыі ВКЛ (1518–1556 гг.)», прадстаўлена рознымі спецыфічнымі відамі дакументаў і матэрыялаў. Сярод іх ёсць, як актавыя: заканадаўчыя дакументы, пасольскія матэрыялы, граматы і іншыя, так і шматлікія наратыўныя гістарычныя крыніцы.

Бона неаднаразова выдавала ўставы, як асобным мясцовасцям, так і цэлым валасцям. Таму адным з найбольш важных відаў гістарычных крыніц па названай праблеме з'яўляецца «устава». Так, 5 верасня 1535 года, пасля неаднаразовых скарг насельніцтва, Бона выдала дакумент, які быў названы: «Устава, данная королевой Боной волостям Усвятской и Озерищской о платах и повинностях» [16, с. 32]. Гэты акт рэгуляваў адносіны паміж намеснікамі каралевы і жыхарамі асобных валасцей. Ён замацоўваў іх юрыдычнае становішча і фінансавыя адносіны да адміністрацыі і скарбу. Прапісваліся канкрэтныя абавязкі і павіннасці гараджан, якія існавалі здаўна (склаліся па «старыне»), з мэтай спыніць злоўжыванні аболецкага і ўсвятскага дзяржаўцы.

Але, нягледзячы на з'яўленне дакумента, злоўжыванні працягваліся. Тады каралева вымушана была выдаць «Лист королевы Боны державце оболецкому и усвятскому Кирдею Гричиновичу о старинных правах на выбор старцев волости Усвятской» [17], у якім ліквідавала права дзяржаўцы мець свайго прадстаўніка ў якасці «старца» на тэрыторыі воласці. Было загадана адхіліць ад службы нежаданага старца, якога прызначыў раней К. Грычыновіч, а таксама вярнуць самакіраванне воласці, згодна старадаўняму звычаю, пры якім пасада старца з'яўлялася выбарнай для жыхароў названай мясцовасці [2, с. 142–143].

У рагачоўскай воласці насельніцтва таксама скардзілася на злоўжыванні дзяржаўцы. У выніку каралева выдала «Лист королевы Боны державце рогочёвскому, данный по жалобе на него подданых села Лучинскаго о введеных здесь новинах» ад 1548 г. [18]. «Ліст» уяўляе з сябе адказ каралевы Боны на скаргі сяльчан вёскі Лучынская на рагачоўскага дзяржаўцу з прычыны новаўведзенных павіннасцей. Гэты дакумент вызваляў жыхароў ад некаторых павіннасцей, якія былі ўведзены дзяржаўцам без уліку «старыны». Але злоўжыванні працягваліся надалей, і тады каралева была вымушана выдаць новую Уставу (ад 2 чэрвеня 1544 г.), дзеянне якой было распаўсюджана на ўсю воласць цалкам: «Лист королевы Боны державце рогочевскому П. Пельжынскому о кривдах, причиненных им подданым, с описанием волостной уставы» [19]. Гэтая валасная ўстава замацоўвала павіннасці насельніцтва ў адносінах да дзяржаўцы «па старыне».

Насельніцтва абавязана было штогод дастаўляць у замак «двенадцаць вепров» пры ўмове выкупу «по слушной цене» – прымальнай для жыхароў. Устава фіксавала памеры «...пересудов, децкования и вижевого». Было адменена палажэнне аб замене натуральнай павіннасці грашовымі выплатамі. Рагачоўская ўстава ўводзіла нават асобныя абмежаванні на паўнамоцтвы дзяржаўцы. Яму забаранялася: уводзіць прымусовыя работы асоб «...которые на сторожу до замку приходят»; прызначаць цэну за пакупку жывёлы; арганізоўваць гандаль у сёлах «...горелкой и мёдам...»; прымушаць насельніцтва даваць падводы для яго асабістых патрэб і інш. [2, с. 160–161].

Асаблівую цікавасць у папярэдняй гістарыяграфіі вызвала рэформа 1552–1555 гг., што была праведзена ва ўладаннях каралевы на тэрыторыі Беларусі. Па меркаванні некаторых аўтараў, у тым ліку і У. І. Пічэты, яна з'яўляецца правобразам аграрнай палітыкі ў ВКЛ, якую праводзіў сын Жыгімонта I Старога і Боны Сфорца Жыгімонт II Аўгуст. Лічыцца, што менавіта на яе вопыт абапіраўся кароль, калі праводзіў зямельную рэформу «Валочная памера», што была распачата ў 1557 г. [20].

Асноўнай крыніцай рэформы 50-х гадоў XVI ст. ва ўладаннях Боны з'яўляецца «Уволочное измерение Пинского и Клецкого княжеств...», якое ў айчыннай гістарыяграфіі больш вядома над назвай: «Писцовая книга...» [21]. Гэты дакумент быў складзены ў выглядзе пісцовай кнігі пінскім старастам С. Хвальчэўскім. Кніга ўтрымлівае багаты факталагічны матэрыял і з'яўляецца справаздачай аб размяжоўванні зямель па прынцыпу валокі ва ўладаннях каралевы.

Тут змешчаны поўны пералік зямель і вызначаных павіннасцей, а таксама дадзена апісанне гарадоў, вёсак, маёнткаў і мястэчак, якія ўваходзілі ў пералік уласнасці каралевы. Тамсама змешчаны звесткі пра склад і характар абавязкаў адміністрацыі ўладанняў каралевы такіх, як ураднікі, войты, дзесятнікі, лаўнікі і інш. Знайшлі пэўнае адлюстраванне іх функцыі, а таксама маёмасць у выглядзе надзела зямлі, які давалі за службу. Каштоўнай інфармацыяй з'яўляюцца звесткі пра сацыяльны, нацыянальны і рэлігійны склад насельніцтва такіх гарадоў, як Пінск і Клецк. Дадзена апісанне мястэчак Мотыль, Нобель і Сіняўка.

Важная частка гэтага дакумента – «Рэестр дзялення зямлі на валокі» («Regestr pomierzania ziem na wloki»), які ў айчыннай гістарыяграфіі з падачы У. І. Пічэты вядомы пад назвай «Устава Боны») [21, с. 3–5]. Напісаны ён у выглядзе асобных палажэнняў для рэвізораў. Тэкст дакумента мае даволі абстрактны характар, таму што канкрэтныя дэталі правядзення рэформы, па задуме арганізатара, аддадзены на водкуп мясцовай улады, альбо да асобнага распараджэння каралевы як вярхоўнай уласніцы зямель.

Згодна з дакументам была ўведзена новая падатковая адзінка – валока. У тэксце ўставы таксама змешчана інфармацыя па непасрэднай канкрэтызацыі паўіннасцей з адной валокі ў залежнасці ад якасці глебы.

Што тычыцца яшчэ адной часткі дакумента названага «Реестр замен» («Regestr otmen»), які таксама прыкладзены да пісцовай кнігі, – то яго тэкст прысвечаны апісанню дзеянняў па «заменах» адных зямельных участкаў (якія раней знаходзіліся на правах маёмасці ў канкрэтных уладальнікаў) іншымі, што было санкцыянавана рэвізорамі падчас ажыццяўлення рэформы [21]. Замена, як вядома, уводзілася з мэтай акруглення участкаў і ліквідацыі цераспалосіцы, для больш зручнага размяжоўвання зямель каралевы з царкоўнымі і прыватнымі ўласнікамі.

«Замена» як гістарычны тэрмін, такім чынам, азначае: канкрэтны зямельны участак, які давалі ў абмен на адзін альбо некалькі ўчасткаў уласніка з мэтай ліквідацыі цераспалосіцы і акруглення зямель каралевы, падчас правядзення зямельнай рэформы ва ўладаннях Боны.

Важным мерапрыемствам, ажыццёўленым падчас рэформы, было вызначэнне якасці глебы ў тых ці іншых населеных пунктах. Грунт мог быць прызнаны: добрым, сярэднім, альбо дрэнным («прэдні», «сярэдні» ці «подлы» згодна з тагачаснай тэрміналогіяй). Яго колькасць падчас ажыццяўлення замен, у залежнасці ад якасці, магла быць большай альбо меншай. Калі абмен з-за мясцовых асаблівасцей не мог быць выкананы на раўназначных умовах, уласнік мог атрымаць значна большую колькасць зямлі для апрацоўкі, але параўнальна горшай якасці. У адваротным выпадку зямельны надзел мог быць меншым, але з грунтам лепшай якасці.

Даволі карыснай для даследавання азначанай праблематыкі з'яўляецца гістарычная крыніца: «Ревизия пущ и переходов…», складзеная Г. Б. Валовічам у 1559 годзе. Яна ўтрымлівае надзвычай багаты матэрыял аб дзейнасці Боны Сфорца на тэрыторыі ВКЛ. Тут прадстаўлены юрыдычныя ўзаемаадносіны Боны з канкрэтнымі прыватнымі асобамі, праваслаўным духавенствам, цэрквамі і манастырамі падчас ажыццяўлення гаспадарчага рэфармавання, а таксама кантактаў уласніцы зямель з Пінскім старастам, якія афармлены ў выглядзе «наказаў каралевы» [22].

Яшчэ адзін збор дакументаў у выглядзе рэестра памеры зямлі на валокі вядомы пад назвай «Писцовая книга бывшего пинского староства, составленая по велению короля Сигизмунда II Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостой Лаврентием Войной». Яго тэкст дае магчымасць даведацца, якія вынікі праз дзесяць гадоў мела рэфома «Валочная памера» на тэрыторыі Беларусі [23, с. 66]. Нельга не заўважыць і тое, што гэты рэестр у гісторыі Піншчыны меў некалі выключна важнае прыкладное значэнне. Яго тады выкарыстоўвалі ў юрыдычных мэтах, а на яго аснове феадальнаму насельніцтву рэгіёна выдавалі даведкі аб межах фамільных зямельных уладанняў і панскіх маёнткаў.

Для вывучэння спецыфічных рыс арганізацыі фальваркаў ва ўладаннях каралевы Боны надзвычай карысным з'яўляецца збор, які захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Тут маецца ў наяўнасці вялікая колькасць кірылічных і польскамоўных крыніц. Першым дакументам у храналагічнай паслядоўнасці гэтай калекцыі з'яўляецца «Зборнік дакументаў, што маюць адносіны да ўладанняў каралевы Боны 1532–1534» [24]. Гэты збор гісторыка-эканамічных крыніц складаецца ў асноўным з пацвярджэнняў правоў прадстаўнікоў дробнай шляхты на іх уладанні.

Наступны збор дакументальных крыніц, з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, гэта «Кніга запісаў, прывілеяў, дэкрэтаў, дарчых, прадажных актаў, узятых з іншых кніг Метрыкі па ўказанні каралевы польскай і вялікай княгіні літоўскай Боны ў 1541 г. (1387–1547)» [25]. У ім таксама, як і ў папярэднім, захоўваецца вялікая колькасць пацвярджэнняў правоў шляхты дадзенага рэгіёна.

У Нацыянальным гістарычным архіве акрамя вышэйадзначанага змешчаны два зборы дакументаў, якія маюць назву «Метрыка Боны». Адзін з іх: «Метрика королевы Боны: данины, декреты и листы поточные от року 1548 до року 1549», якія былі перапісаны ў 1597 г. [26], а другі: «Метрика королевы Боны данин, потвержений и листов розных судовых и поточных. А особно спосродку пописано святост костельных и законницы. От року 1552 до року 1555 г.», якая была перапісана ў 1597 г. [27]. Абодва названыя зборы гістарычных крыніц уяўляюць з сябе паперы дзяржаўнай канцылярыі ВКЛ і змяшчаюць дакументы па кіраванні маёнткамі каралевы польскай і вялікай княгіні ВКЛ Боны Сфорца. Пазней яны атрымалі назву «Метрыка каралевы Боны». Вядома, што падчас жыцця каралевы Боны і пазней такой назвы не існавала. У навуковы абыходак яе ўвеў С. Пташыцкі [28, с. 164]. «Метрыку каралевы Боны» можна разумець як нейкую самастойную частку архіва вялікакняскай канцылярыі. На жаль пытанне «Метрыкі каралевы Боны» мала даследавана і доўгі час амаль зусім не выклікала цікавасці ў навуковай грамадскасці.

Разам з тым так званая «Метрыка каралевы Боны» – гэта афіцыйны зборнік актаў і запісаў дзяржаўнай канцылярыі Вялікага Княства Літоўскага. Асноўным яго зместам з'яўляюцца прывілеі, імянныя граматы і запісы, якія атрымала Бона на яе землі і гарады. Утрымліваюцца там таксама і дакументы па кіраванні маёнткамі Боны.

Да «Метрыкі каралевы Боны» С. Пташыцкі аднёс таксама выданне «28-я Кніга публічных спраў Літоўскіх (1509–1544)», якое можна лічыць самым інфарматыўным сярод названых крыніц. Таксама там знаходзіцца «42-я Кніга спраў Каронных (1539–1547 г.)», «18-я Кніга запісаў Літоўскіх (1532–1534 г.)», і «25-я Кніга запісаў Літоўскіх (1541 г.)». Да «асобных» С. Пташыцкім былі прылічаны 32-я, 33-я, і 36-я «Кнігі аддзелу Запісаў Літоўскіх».

Трэба адзначыць, што «Метрыка каралевы Боны» дагэтуль яшчэ чакае савайго даследчыка. У гістарычнай навуцы закраналіся толькі асобныя яе аспекты. Сёння няма ніводнай працы, прысвечанай «Метрыцы...» [28, с. 165]. Але тое, што яна можа расказаць гісторыкам і навуковай грамадскасці шмат цікавага, немагчыма падвяргаць сумненню.

На жаль беларуская гістарыяграфія дзейнасці Боны Сфорца ў параўнанні з польскімі даследаваннямі адзначана толькі некалькімі працамі і тое выключна эканамічнай накіраванасці, аб іх мы ўжо адноўчы згадвалі ў сваёй публікацыі [29]. Польская гістарыяграфія значна больш шырокая ў дачыненні да асобы і дзейнасці Боны Сфорца. Але, нельга не заўважыць і тое, што здзяйсненні Боны, ажыццёўленыя ёй на тэрыторыі ВКЛ, польскія даследчыкі толькі закраналі. Прадметам іх мэтанакіраванага даследавання з'ўлялася гісторыя Кароны Польскай. Толькі В. Пацеха, у той ці іншай ступені, больш шырока выдзяліў гэты напрамак дзейнасці Боны і прысвяціў яму асобны том сваёй працы. Але нават даследаванне В. Пацехі, улічваючы яго абмежаванасць 1539 годам, не дае колькі-небудзь поўнай карціны шырокамаштабных здзяйсненняў Боны Сфорца на тэрыторыі ВКЛ і тым больш Беларусі.

Таму, завяршаючы агляд асноўных крыніц і гістарыяграфіі ў дачыненні да дзейнасці каралевы Боны на тэрыторыі Беларусі і Вялікага Княства Літоўскага, неабходна зазначыць, што беларуская гістарыяграфія гэтай праблемы яшчэ чакае свайго даследчыка. Такога, які б змог комплексна, выкарыстоўваючы шырокую крыніцазнаўчую базу, што існуе па азначанай праблематыцы, а таксама працы як айчынных, так і польскіх гісторыкаў, ва ўсёй паўнаце паказаць партэт названай гістарычнай асобы. Тым больш што яе жыццёвы шлях, і асабліва здзейсненае на тэрыторыі Беларусі і ВКЛ, з усёй паўнатой заслугоўваюць гэтага.

ЛІТАРАТУРА

1. Лойка, Л. В. Сучасны погляд на гісторыю Беларусі / Л. В. Лойка, Т. В Лойка // Крыжовы шлях: гістарычныя сшыткі. – Мінск: Згода, 1993. – 240 с.
2. Пичета, В. И. Аграрная реформа Сигизмунта Августа в Литовско-Русском государстве. Синодальная типография. – 1917. – Ч. 1: Подготовка и производство реформы В. И. Пичета. – 302 с.
3. Пичета, В. И. Белоруссия и Литва XV – XVI / В. И Пичета – М.: Изд-во Акад. наук СССР. – 1961. – 815 с.
4. Грушевский, А. С. Пинское Полесье в XIV–XVI вв. / А. С. Грушевский. – Киев, 1909.
5. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М. К. Любавский. – М., 1892. – 886 с.
6. Довнар-Запольский, М. К. Очерки по истории западно-русского крестьянства в XVI веке / М. К. Довнар-Запольский. – Киев: Киевская 1-я артель печатного дела, 1905. – 167 с.
7. Любавский, М. К. Довнар-Запольский, М. В. Очерки по истории западно-русского крестьянства в XVI веке. Отзыв профессора М. К. Любавского. – СПб.: Типография Акад. наук, 1907. – 50 с.
8. Голубеў, В. Ф. Сельская грамада ў Беларусі XVI–XVIII ст. / В. Ф. Голубеў // Беларускі гістарычны часопіс – Мінск, 2008. – №10 (111). – С. 8–19.
9. Pociecha, W. Krolowa Bona (1494–1557) Czasy i Lydzie Odrodzenia: w 4 t. / W. Pociecha. – Poznan, 1958. – T 2. – 249 s.
10. Pocieha, W. Krolowa Bona Czasy i ludzie Odrodzenia: w 4 t. / W. Pociecha. – Poznan, 1958. – T. 3. – 265 s.
11. Wojciechowski, Z. Zygmunt Stary (1506–1548) / Z. Wojciechowski. – Warshawa: Wydawnictwo s. Arcta, 1979. – 394 s.
12. Dembinska, A. Zygmunt I Zarys dziejow wewnetrzno-politycznych w latach 1540 – 1548 / A. Dembinska. – Poznan: Poznanskie towarzyswo przyjaciol nauk. – Zeszyt 3. – 1948. – T. XIV. – 335 s.
13. Bogucka, M. Bona Sforca / M. Bogucka. – Wroclaw: Zaklad Narodowy imienia Ossolinskich – Wydawnictwo, 2004. – 311 s.
14. Przezdziecki, A. Jagiellonki polskie w XVI wieku. Obrazy rodziny i dworu Zygmunta I i Zygmunta Augusta Krolow Polskich / A. Przezdziecki. – Krakow: Drukarnya uniwersytetu jagiellonskiego. – 1868. – T. 1. – 398 c.
15. Wyczanski, A. Zygmynt Stary / A. Wyczanski. – Warzszawa: Zamek Krolewski w Warszawie, 1985. – 66 s.
16. Устава, данная королевой Боной волостям Усвятской и Озерищской о платах и повинностях // Очерки по истории западно-русского крестьянства в XVI веке (прил.) / М. В. Довнар-Запольский. – Киев: Киевская 1-я артель печатного дела, 1905. – 167 с.
17. Лист королевы Боны державце оболецкому и усвятскому Кирдею Гричиновичу о старинных правах на выбор старцев волости Усвятской (прил.) // Очерки по истории западно-русского крестьянства в XVI веке / М. В. Довнар-Запольский. – Киев: Киевская 1-я артель печатного дела, 1905. – 167 с.
18. Лист королевы Боны державце рогочёвскому, данный по жалобе на него подданых села Лучинского о введеных здесь новинах 1548 г. (прил.) // Очерки по истории западно-русского крестьянства в XVI веке / М. В. Довнар-Запольскийю – Киев. – Киевская 1-я артель печатного дела, 1905. – 167 с.
19. Лист королевы Боны державце рогочевскому П. Пельжынскому о кривдах, причиненных им подданым с описанием волостной уставы от 2 июня 1544 г. (прил.) // Очерки по истории западно-русского кресть-

янства в XVI веке / М. В. Довнар-Запольский. – Киев: Киевская 1-я артель печатного дела. – 1905. – 167 с.

20. Устава // Часть третья Книги публичных дел. Литовская метрика отд. 1–2. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографической комиссией. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1914. – Т. 30. – 895 с.

21. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленая пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Издание Виленской Археографической комиссии. – Вильна: Типография Сыркина, 1884. – 714 с.

22. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на выходы в пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговским. Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г., с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г. – Вильна: Изд. вилен. археогр. комис., 1867. – 382 с.

23. Косман, М. З гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага / М. Косман / уклад Г. М. Сагановіча; пер. з пол. мовы С. Ішчанкі [і інш.] – Мінск: Медысонт, 2010. – 448 с.

24. Зборнік дакументаў, што маюць адносіны да ўладанняў каралевы Боны 1532 –1534 / НГАБ. – Ф. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 18.

25. Кніга запісаў, прывілеяў, дэкрэтаў, дарчых, прадажных актаў, узятых з іншых кніг Метрыкі па ўказанню каралевы польскай і вялікай княгіні літоўскай Боны ў 1541 г. (1387–1547) / НГАБ. – Ф. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 25.

26. Метрика королевы Боны: данины, декреты и листы поточные от року 1548 до року 49. 1548–1549 гг. / НГАБ. – Ф. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 32.

27. Метрика королевы Боны данин, потвержений и листов розных судовых и поточных. А особно спосродку пописано святост костельных и законницы. От року 1552 до року 1555 г. / НГАБ. – Ф. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 36.

28. Бондаренко, А. А. Метрика королевы Боны в отечественной историографии / А. А. Бондаренко // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин / Материалы XXII Междунар. науч. конф., Москва, 28–30 янв. 2010 г. – М., 2010. – С. 25–34.

29. Васіленка, Г. Ю. Аб крыніцах і гістарычных працах, выкарыстаных У. І. Пічэтам для вывучэння эканамічнай дзейнасці Боны Сфорца ў ВКЛ / Г. Ю. Васіленка / Европа: актуальные проблемы этнокультуры / Материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 28 апр. 2010 г. / БГПУ им. М. Танка; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред.), [и др.]. – Минск: БГПУ, 2010. – С. 211–214.

Анна Василенко

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПРОБЛЕМЫ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОНЫ СФОРЦА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1518–1555 гг.)»

Резюме

Проведен анализ историографии и источников по проблеме деятельности Боны Сфорца на территории Беларуси в XVI в. Историографическая часть статьи включает исследования отечественных и польских историков и показывает специфические черты отдельных работ, своеобразность отношения ученых к этой неординарной исторической личности, а также, в отдельных случаях, к характеру ее решений. В источниковедческой части подвергнуты анализу, главным образом, документы, которые имеют отношение к экономическому аспекту многогранной деятельности Боны Сфорца, опубликованные в различных источниках, а также те, которые находятся в Национальном историческом архиве Республики Беларусь. Перечень использованных источников и литературы включает 29 наименований.

Hanna Vasilenka

HISTORIOGRAPHY AND SOURCES OF THE SUBJECT «BONA SFORZA'S ACTIVITY ON THE BELARUSIAN TERRITORY (1518–1555)»

Summary

The article contains the analysis of the historiography and sources of the problem «Bona Sforza's activity on the Belarusian territory in the XVIth century». The historiographical part of the article includes research of Belarusian and Polish historians and points out the peculiar features of individual works, the original attitude of different scientists to this extraordinary historic person and also in some cases their attitude to some of her decisions. Source study part contains the analysis, mainly of the documents connected with economic aspect of versatile Bona Sforza's activity, edited in different works and also those kept in National Historic Archive of the Republic of Belarus. The list of used literature includes 29 works.

Паступіў 08.02.2013 г.

УДК 94(474/476)ВКЛ«1792/1793»:32(043.3)

Вадзім Аніпяркоў (Мінск, Беларусь)

КРЫТЫКА ЧАТЫРОХГАДОВАГА СОЙМА Ў ПРАГРАМНЫХ ДАКУМЕНТАХ ТАРГАВІЦКАЙ КАНФЕДЭРАЦЫІ

Дзейнасць Чатырохгадовага (1788–1792 г.) сойма Рэчы Паспалітай традыцыйна карыстаецца вялікай увагай. Не будзе памылкай сцвярджаць, што зараз большасць навукоўцаў з сімпатыяй ставіцца да Чатырохгадовага сойма, знаходзячы дадатковыя аргументы на карысць сваёй пазіцыі ў публікацыях даваеннай варшаўскай школы, даследаваннях аўтарытэтных гісторыкаў другой паловы XX ст. Менш увагі ў сучаснай гістарыяграфіі надаецца вывучэнню крытычных ацэнак дзейнасці Чатырохгадовага сойма, якія таксама на працягу апошніх стагоддзяў прысутнічалі ў навуковай і публіцыстычнай літаратуры [10, с. 47; 13, с. 282; 14, с. 449; 24, с. 387–388], а ўпершыню былі канцэптуальна прадстаўлены ў праграмных дакументах Таргавіцкай канфедэрацыі.

Гэта канфедэрацыя з фармальнага пункту гледжання з'яўлялася выразам грамадскага пратэсту супраць рэформ Чатырохгадовага сойма, а па-сутнасці была створана намаганнямі Расіі. Акт канфедэрацыі быў напісаны ў Пецярбургу, а затым абвешчаны пад фальшывай датай 14 мая 1792 г. у мястэчку Таргавіца на тэрыторыі Польскага Каралеўства. Па папярэднім узгадненні з Кацярынай II канфедэраты папрасілі аб яе заступніцтве, што дало войскам Расійскай імперыі падставу акупаваць землі Рэчы Паспалітай і выклікала выезд за мяжу лідараў рэфарматарскай часткі Чатырохгадовага сойма, праца якога была спынена.

Пасля далучэння караля Таргавіцкая канфедэрацыя набыла неабходныя атрыбуты дзяржаўнай улады, а яе кіраўнікі атрымалі магчымасць умешвацца ў грамадскія працэсы. З гэтай мэтай імі выдаваліся шматлікія распараджэнні, найбольш важныя з якіх мелі назву «ўніверсалы». Іх тэксты падаваліся ў газетах, акрамя таго надрукаваныя экзэмпляры ўніверсалаў вывешваліся на сценах парафіяльных касцёлаў, што дазваляе разглядаць іх як праграмныя дакументы канфедэрацыі, скіраваныя да шырокай грамадскасці [4, л. 6, 23].

Структура ўніверсалаў падпарадкоўвалася характэрнаму для часоў Барока прынцыпу падзелу тэксту на дзве ўмоўныя часткі. Такія дакументы пабудаваны на спалучэнні зместу пэўнага распараджэння і яго тлумачэння з пункту гледжання палітычнай філасофіі. Звычайна філасофскае абагульненне складала адасобленую частку тэксту і выносілася на пачатак. Працуючы з тэкстамі канфедэрацыі, даследчыкі яго, як правіла, абміналі, канцэнтруючы ўвагу на далейшым змесце дакумента.

Між тым распараджэнні канфедэрацыі ўтрымлівалі другую важную функцыю. На іх старонках таргавічане праводзілі завочную дыскусію са сваімі апанентамі па шырокім коле пытанняў грамадскага развіцця, замежнай і ўнутранай палітыкі. Разгляд дакументаў Таргавіцкай канфедэрацыі з улікам гэтага аспекту дазваляе не толькі паказаць дзейнасць яе прадстаўнікоў у кантэксце развіцця тагачаснай грамадскай думкі, але і з іншага пункта погляду паглядзець на працу Чатырохгадовага сойма, зыходзячы з таго, што агульны змест дакументаў канфедэрацыі быў пабудаваны на апаніраванні яго рэформам.

«Цяперашні сойм, – адзначалася напачатку акта Таргавіцкай канфедэрацыі, – толькі на шэсць тыдняў скліканы, прысвоіўшы сабе заканадаўчую ўладу назаўсёды, ужо як чатыры з паловай гады, пагарджаючы правам, яе ўзурпуе, кардынальныя правы парушыў, усе шляхецкія вольнасці адмяніў, а 3 мая 1791 года, перамяніўшыся ў рэвалюцыю і змову, новую форму кіравання пры дапамозе мяшчан, уланаў, салдат усталяваў з навязваннем спадчынага трону, караля ад прысягі, на pacta conventa выкананай, дазволіў вызваліць, уладу каралёў пашырыў, рэспубліку на манархію замяніў, шляхту, якая не мае ўласнасці, ад роўнасці і вольнасці адапхнуў, волю народа, пададзеную ў ваяводскіх інструкцыях, за нішто палічыў, пакаранні, прызначаныя для ворагаў айчыны, прызначыў для тых, хто б асмеліўся супраць гэткага бяспраўя пратэставаць, <…> сам, набыўшы форму канфедэрацыі, усяму народу, акрамя сябе, забараніў утвараць канфедэрацыі, <…> нас у шкодную вайну супраць Расіі, лепшага з нашых суседзяў, самага даўняга з нашых сяброў і саюзнікаў, імкнуўся ўцягнуць» [8]. Па сутнасці наступныя ўніверсалы канфедэрацыі вырашалі задачу больш падрабязна растлумачыць матывы негатыўнага стаўлення да сойма, пералік якіх коратка прыводзіўся ў таргавіцкім акце.

На думку таргавічан, лічыць Чатырохгадовы сойм нелегітымным дазваляла, па-першае, працягненне паўнамоцтваў яго паслоў на два тэрміны, што не мела прэцэдэнту ў гісторыі краіны, па-другое, надзвычайныя абставіны прыняцця Канстытуцыі 3 мая, якія канфедэраты інтэрпрэтавалі як факт дзяржаўнага пераваротy. У аднолькавым тэксце актаў утварэння рэгіянальных канфедэрацый Вялікага Княства

Літоўскага падкрэслівалася, што кіраўнікі Чатырохгадовага сойма, «здзейсніўшы здрадніцкую змову,» пры адсутнасці ў Пасольскай Ізбе большасці дэпутатаў вырашылі «за адну амаль гадзіну трэцяга мая 1791 года гвалтоўна ніколі ні ад каго не залежную Рэспубліку і яе спрадвечную свабоду ператварыць ва ўдзельную спадчыну і адной сям'і [з саксонскай дынастыі Вецінаў] аддаць» [2, л. 1].

Па меркаванні канфедэратаў забарона публічнага пратэсту супраць Канстытуцыі 3 мая і выключэнне з ліку выбаршчыкаў немаёмнай шляхты рабілі таксама несапраўднымі вынікі рэгіянальных соймікаў, якія адбыліся ў лютым 1792 г. Іх пераважная большасць скончылася ўрачыстай прысягай удзельнікаў на вернасць канстытуцыі або падзякай сойму за яе прыняцце [23]. Такі вынік таргавічане тлумачылі фактарам палітычнага прымусу. Ва ўніверсале, які 17 снежня 1792 г. абвяшчаў намеры Генеральнай канфедэрацыі абодвух злучаных Народаў, адзначалася: «Апошнія соймікі, на якіх інтрыга і дух згубы Рэчы Паспалітай кіравалі, з агульнага погляду былі справай адмоўнай. Там абывацель, які не жадаў прысягаць няволі, што садрагаўся абіраць дэлегатаў на падзяку за апранутыя кайданы быў альбо забыты, альбо да публічных абрадаў не дапушчаны» [30].

Прававой падставай утварэння канфедэрацыі яе ўдзельнікі называлі неадпаведнасць рэформаў 1790–1792 гг. артыкулам «Пакта Канвента», асабістай дамовы караля са шляхецкім народам, тэкст якіх Станіслаў Аўгуст падпісаў у 1764 г. Канстытуцыя 3 мая адмяніла «ліберум вета» і прававое адзінства ўнутры шляхецкага саслоўя – тое, што кароль пры ўзыходзе на трон абяцаў захоўваць. Таргавічане лічылі, што знявага «Пакта Канвента» разарвала «вузел караля з народам», для ўзнаўлення якога спатрэбілася далучэнне караля да канфедэрацыі (24 ліпеня 1792 г.) з наступным вырачэннем манарха рэформ Чатырохгадовага сойма (25 жніўня) [18].

У таргавіцкім акце 14 мая 1792 г. асоба Станіслава Аўгуста не была прыгадана, што фіксавала намер кіраўнікоў Генеральнай канфедэрацыі Польскай Кароны Станіслава Шчэснага Патоцкага і Севярына Жавускага правесці яго дэтранізацыю. Такія планы не знайшлі падтрымкі Кацярыны II. У гэтай сувязі адзін з консулаў Генеральнай канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага даносіў у Пецярбург, распавядаючы пра першае сумеснае пасяджэнне з канфедэратамі Польскай Кароны: «Нашы консулы, з якімі і сам князь маршалак [Аляксандр Сапега], адваротнай зусім думкі. Многіх з нас засмучае такі пачатак нашай справы, <…> тым больш, што бачым вынікі французскай рэвалюцыі, якая гэткімі забаўкамі атрымала пачатак. Ужылі справу супраць Канстытуцыі і супраць сойма <…>, а пачынаем шыканнем каралю, нібыта яго ўжо знішчылі» [7, л. 29]. На публічнай аўдыенцыі ў караля 14 кастрычніка 1792 г. консул Генеральнай канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага Юзэф Дамінік Касакоўскі прамовіў ад яе імя: «У Бацькаўшчыне сталіся звыклымі здарэнні, якія <…> прызнаваў толькі сам Ачольнік, і, як адваротны вынік, непрыязнасць да Ачольніка і Бацькі. Мы свабодныя як ад першай, так і ад другой скрайнасці» [16].

Больш кансалідавана таргавічане выступілі з крытыкай канцэпцыі «ўрадавага сойма». У выніку прыняцця Канстытуцыі 3 мая парламент атрымаў права жорсткага кантролю над урадам і заняў цэнтральнае месца сярод дзяржаўных інстытутаў Рэчы Паспалітай [36, с. 135]. Сцвярджаючы, што 3 мая 1791 г. у Рэчы Паспалітай адбыўся дзяржаўны пераварот, канфедэрацыя акрэсліла яго вынік кароткім тэрмінам «тыранія». Гэта слова стала зборным акрэсленнем прыходу да ўлады палітыкаў, якія, па сцвярджэнні канфедэратаў, аднаасобна прысвоілі сабе імя Народу, «не церпячы ні караля, ні ўрад, ні рэлігіі» [17]. Змест універсалаў канфедэрацыі паказвае, што матывам крытыкі Чатырохгадовага сойма была яго спроба стварыць унутры краіны новы баланс размеркавання ўладных кампетэнцый, пры якім узмацненне цэнтральных інстытутаў дзяржаўнага кіравання адбывалася за кошт пазбаўлення значэння такіх структур улады, як царква, правінцыя, рэгіён і саслоўе.

На думку канфедэрацыі, сойм, пасля таго, як вызваліў сваіх паслоў ад неабходнасці падпарадкоўвацца інструкцыям выбаршчыкаў, узурпіраваў уладу, каб дзейнічаць насуперак патрабаванням шляхецкай супольнасці. У сваіх дакументах канфедэрацыя неаднаразова адзначала несумяшчальнасць жаданняў выбаршчыкаў, выяўленых на соймиках 1790 г., з далейшымі рашэннямі сойма, такімі, як увядзенне спадчынай манархіі, прадстаўленне палітычных правоў мяшчанам і інш.

Таргавічане даводзілі, што да палітычнага крызісу краіну прывяла спроба сойма здзейсніць змены праз прыняцце мноства новых законаў. «Мы навучаныя досведам, – запісана ў пратаколе пасяджэнняў Генеральнай канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага ад 20 лістапада 1792 г., – што ў нашай краіне мноства законаў і ўставаў, якія нярэдка паміж сабой не стасуюцца, замест набліжэння супакою, бяспекі і справядлівасці робяцца нагодай для пастаяннай сваркі і парушэння супакою» [35].

На думку таргавічан, адносіны паміж людзьмі павінны рэгламентавацца пераважна не паперамі, а комплексам звычаяў і традыцый, сфармаваных на працягу мінулых стагоддзяў.

Зварот да мінулага – неад'емная крыніца натхнення таргавіцкіх універсалаў. У «Акце ўніі або злучэння канфедэрацый абодвух Народаў» таргавічане абяцаюць: «Не адступім ад саюзу [канфедэрацыі], пакуль усе забраныя свабоды нам не вернуць і іх на будучыню не забяспечаць», разглядаючы пры гэтым грамадства як вынік сумеснай дзейнасці пакаленняў: *«бо Вольнасць ад Продкаў прынятую Нашчадкам павінны захаваць і захаваем»* [11]. У такіх тэкстах канфедэрацыі праглядаюцца контуры філа-

софіі гісторыі, супрацьпастаўленай ідэйнай традыцыі натхняльнікаў Чатырохгадовага сойма. У інтэрпрэтацыі апошніх парадыгма мясцовай гісторыі ўвасаблялася ў праблеме ліквідацыі адставання народаў Рэчы Паспалітай ад рэшты Еўропы. На погляд таргавічан, гісторыя выяўляецца не ў форме прагрэсу з адзінай для ўсіх народаў шкалой яго вымярэння, а праз трываласць уласцівых кожнаму з іх структур, супольнасцей, палітычных традыцый, якія захоўваюцца са зменай пакаленняў.

Калі паспрабаваць уявіць алегарычны вобраз складальніка дакументаў Таргавіцкай канфедэрацыі, сваё ўвасабленне ён знойдзе ў постаці з абавязковым абаротам шыі назад. Звяртаючыся да караля, Генеральная канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага дзейнічала *«вяртаючыся да характару, уласцівага нашым продкам»* [17]. У адозве да Генеральнай канфедэрацыі Польскай Кароны яна спадзяецца *«што правы продкаў нашых будуць мець належную павагу»* [19]. Пратэстуючы супраць абмежавання дзяржаўных правоў Вялікага Княства Літоўскага, прадстаўнікі канфедэрацыі адчуваюць *«адну з найвялікшых спраў Ягелонскіх зняважанай і разваленай»* [17]. Манархія адкідваецца імі *«як урад, які з духам народа спрадвечна рэспубліканскага <...> не з'яўляецца згодным»* [2, л. 1]. Нарэшце, сама канфедэрацыя свае інстытуты стварае, *«ідучы да тых сродкаў, якія нам нашы продкі да аховы Бацькаўшчыны і свабодаў нашых пакінулі»* [2, л. 1].

Такім чынам, у разуменні канфедэратаў толькі адпаведнасць традыцыям з'яўляецца ўніверсальным крытэрыем праверкі любых палітычных канцэпцый. «Хто ведаў, якія палякам служылі законы, якія фундаменты ўтрымлівалі нашу Бацькаўшчыну <…>, адчуў напэўна, шту са свабодаў <…> яны страцілі», – пісаў маршалак Генеральнай канфедэрацыі Вялікага Княства Літоўскага А. Сапега да канфедэрацыі Рэчыцкага павета [5, л. 39].

Не выпадае здзіўляцца, што праграмны дыялог са шляхтай таргавічане вядуць на мове догмаў, якія абумоўлівалі грамадскую свядомасць на працягу апошніх стагоддзяў.

«Не будзем больш, Рэспубліканскі Народзе, падманваць сябе фальшыва пашыранымі сцвярджэннямі, нібыта Польская Рэч Паспалітая трываць [надалей] не магла,» – дэкларавала Генеральная канфедэрацыя абодвух Народаў у снежні 1792 г., рэаніміруючы канцэпцыю «безуладнага» жыцця Рэчы Паспалітай як галоўнага фактару яе захавання [19]. У разуменні таргавічан Рэч Паспалітая, аточаная трыма імперыямі, можа надалей існаваць толькі як дзяржава, якая нікому не будзе пагражаць. Як вядома, адмова ад дадзенага палажэння была зафіксавана ў палітычнай думцы эпохі Асветніцтва, а рэалізацыю знайшла ў актыўных рэформах Чатырохгадовага сойма. На думку таргавічан, гэта была злачынная авантура. Рэформы сойма ўвялі насельніцтва ў зман, узбуджаючы супраць краіны суседніх манархаў. «Усё ёсць і было зроблена, што б магло ўцягнуць польскі народ у суседнюю вайну», – пісаў 3 чэрвеня 1792 г. маршалку Ашмянскага павета Марціну Аскерку рэгіментарый войск канфедэрацыі (у далейшым – польны гетман) Вялікага Княства Літоўскага Шыман Касакоўскі. На яго думку, кіраўнікі Чатырохгадовага сойма, не маючы рэальных магчымасцей для абароны, «мэтанакіравана запалілі народ, прыносячы яго ў ахвяру, тады як самі думаюць толькі аб уласных гарантыях і гандлю» [37]. Праз месяц вайны таргавіцкі гетман не без здзеку адзначаў адносна сваіх палітычных апанентаў: «Бачыце тых аратараў, якія ўжо накіроўваюць сваё красамоўства у чужое замежжа <…> Уся іх зброя была толькі ў спакуслівым языку» [28].

Аспрэчваючы абвінавачанні ў насланні на краіну чужога войска, Ш. Касакоўскі падкрэсліваў, што, як гарантка кардынальных правоў 1773 г., расійская імператрыца самастойна «магла ўжыць зброю справядліва без справаздачы каму б там ні было з-за зламанай веры ды зневажання свайго трона, якое ўчыніў незаконны сойм»; наадварот, утварэнне канфедэрацыі прадухіліла ўваходжанне расіян на землі Рэчы Паспалітай у форме афіцыйнай вайны, што выратавала як само існаванне краіны, так і яе жыхароў, бо не дало салдатам Кацярыны II абыходзіцца з мясцовым насельніцтвам як з варожым бокам [28].

Знешнепалітычная канцэпцыя Ш. Касакоўскага пабудавана на сціслым задзіночанні з Расійскай імперыяй: «Перад Богам і Народам прысягнуў я, і тысячу разоў міла мне і кожнаму тыя шлюбы чарговы раз абнаўляць, бо не бачу і ніхто зазнаць не можа агульнага шчасця нашага толькі ў павазе таго агромістага суседняга валадарства, якое мае ўласны інтарэс бачыць нас упарадкаванымі і шчаслівымі» [28]. У развагах Ш. Касакоўскага стан рэчаў у Еўропе аддае Рэч Паспалітую ў саюз з Расіяй; гістарычнай альтэрнатывай гэтага саюзу выступае спыненне далейшага існавання Вялікага Княства Літоўскага і Польскай Кароны, тады як яго ўмовай з'яўляецца захаванне «рэспубліканскай» сістэмы, у якой Кацярына II не будзе бачыць для сябе пагрозы.

Належнае месца ў дакументах канфедэрацыі займае тэма аднаўлення гістарычных правоў Вялікага Княства Літоўскага. Генеральная канфедэрацыя Вялікага Княства праводзіла палітыку аслаблення саюзных адносін з Каронай, дэкларуючы, што імкнецца «вярнуць літоўскаму народу тыя прэрагатывы, якія трактат уніі [1569 г.] за ім замацаваў» [27]. Паколькі аўтары Канстытуцыі 3 мая ўстрымаліся ад вызначэння ў яе тэксце прававых адносін паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Польскім Каралеўствам, канфедэраты са спасылкай на гэта абвясцілі, што лічаць у выніку дзейнасці апошняга сойма ўнію 1569 г. разарванай [20]. Аднаўленнем уніі было названа злучэнне Генеральных канфедрацый «абодвух Народаў» на ўрачыстым з'ездзе ў Брэсце 11 верасня 1792 г. [11]. У інструкцыях дэлегатаў Вялікага Княства на гэты

з’езд змяшчалася патрабаванне вярнуць падзел урадавых камісій скарбу і войска, таксама ў Вялікім Княстве Літоўскім была створана асобная Камісія Нацыянальнай Адукацыі [15, с. 127–128; 34, с. 39–40]. Патрабуючы вярнуць у край войска і Асэсарскі суд, Генеральная канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага прыгадвала «народу непамерныя страты, панесеныя пасля выправаджвання магістратур з межаў нашых выключна для ўзбагачэння толькі аднаго горада [Варшавы] з пашкоджаннем трактату ўніі». «Мы бачым, – адзначалася ў тэксце адпаведнага ўніверсала, – яшчэ нашае мясцовае войска без дапамогі <…> у невядомыя бакі [раскіданае], увесь край без заслоны [пакінуты], а прыбытак з падаткаў нашых [сабраны] для ўзбагачэння чужых ваяводстваў» [3, л. 83–84]. Супрацьпастаўленне дабрабыту Вялікага Княства Літоўскага і прагненняў ваяводстваў Польскай Кароны ў прадстаўленым фрагменце пабудавана на вяртанні да дыхатаміі «свой-чужы», якая была ўласціва культуры Рэчы Паспалітай часоў сарматызму. Кожны «чужы» у варунках сармацкай традыцыі ёсць увасабленне рэальнай небяспекі, бо хоча ўзбагаціцца за кошт мясцовых жыхароў ды адабраць прывілеі, якія ім належаць [25].

Пры вывучэнні праграмных дакументаў канфедэрацыі важнай задачай з’яўляецца выяўленне ў іх тэкстах асноўных сэнсавых катэгорый, вызначэнне перыядычнасці іх ужывання і ўзаемасувязей.

Найчасцей у тэкстах канфедэрацыі прысутнічаюць паняцці «свабода» і «вера». Напрыклад, ва ўніверсале ад 17 снежня 1792 г. запісана, што «Генеральная канфедэрацыя абодвух злучаных вольных Народаў, ідучы шляхам сваіх продкаў, за аснову і першы прынцып усіх сваіх дзеянняў паклала Веру і Свабоду <…> і пастанавіла ўжыць усе сродкі да ўтрымання гэтых дзвюх спружын праўдзівага нацыянальнага шчасця» [33].

На змест дакументаў Таргавіцкай канфедэрацыі ўплывала наяўнасць у яе шэрагах каталіцкіх біскупаў, сярод якіх актыўнай палітычнай дзейнасцю ў часы канфедэрацыі адзначыўся інфлянскі біскуп Юзэф Касакоўскі. Верагодна, пад яго ўплывам таргавіцкія ўніверсалы ў дачыненні да пытанняў рэлігіі пераадолелі межы звычайнай у такіх выпадках рыторыкі і набылі форму канкрэтных захадаў па ўпарадкаванні дзейнасці Касцёла. У прыватнасці, універсал ад 27 жніўня 1792 г. даручаў біскупам загадаць, «каб Вяльможныя ксяндзы прапаведнікі, якім давяраюць расповед Божага слова, не мяшалі з прастатой Евангелля і навукай Святых Айцоў сваіх палітычных заўваг і разважанняў <…>, каб публічныя друкарні без цэнзуры духоўнага кіраўніцтва лістоў аб рэлігіі не смелі друкаваць, а тыя кнігі прадаваць і развозіць» [32].

У часы, якія папярэднічалі Таргавіцкай канфедэрацыі, многія святары адкрыта падтрымлівалі рэформы і шырока выкарыстоўвалі амбоны ў касцёлах для палітычнай агітацыі, што не засталося па-за ўвагай царкоўнага кіраўніцтва. На думку канфедэратаў, аслабленне ролі рэлігіі ў грамадстве было вынікам адыходу святароў ад выканання сваіх непасрэдных функцый ва ўмовах аслаблення механізмаў царкоўнай іерархіі і дзейнасці падпарадкаванай біскупам цэнзуры. Рэарганізацыю апошняй мусіла забяспечыць сціслае супрацоўніцтва канфедэрацкіх улад з вышэйшым кіраўніцтвам Касцёла. Прадметам цэнзуры абвяшчалася прэса, уся арыгінальная і перакладная літаратура [22, с. 38–40].

Згаданы вышэй універсал заахвочваў таксама біскупаў, «каб на адукацыю моладзі па школах мелі чулы нагляд» [32]. Такія словы выяўлялі жаданне біскупаў стаць на чале Адукацыйных камісій. Тамсама было абвешчана, што паколькі ў інструкцыях большасці паслоў на апошні сойм быў пункт аб вяртанні да сваіх абавязкаў Таварыства Ісуса, то, «шануючы волю народа, ёсць і будзе нашым наймацнейшым жаданнем ужываць усялякія спосабы да вяртання згаданага Ордэна ксяндзоў Езуітаў, даручэння яму адукацыі моладзі пад дзяржаўным кіраўніцтвам і наглядам» [32]. 20 лютага 1793 г. Генеральная канфедэрацыя абодвух Народаў прыняла рашэнне накіраваць з адпаведнай просьбай да папы Пія VI пшэмыслскага біскупа-суфрагана Міхала Рамана Серакоўскага. Просьба тлумачылася жаданнем захаваць адукацыю на грунце рэлігіі [6, л. 8].

Таксама звяртае на сябе ўвагу адсутнасць у дакументах таргавічан выразаў непрыхільнасці ў дачыненні да іншаверцаў. Паняцце веры канфедэраты разглядаюць не толькі ў значэнні каталіцкага веравучэння, а як з’яву, якая ў Рэчы Паспалітай не можа быць аддзелена «прынамсі ад хрысціянскіх цнотаў». Выдадзены 17 снежня 1792 г. у Гродне ўніверсал адзначаў на гэты конт: «Не з’яўляецца намерам канфедэрацыі ўваходзіць у таямніцы сумлення каго б там ні было альбо гвалтоўна некага зневажаць прымусам вызнаваць пануючую веру; але калі законы і ўрад наш згодна з пэўнымі правіламі церпяць рознае вызнанне, абрад і рэлігіі, не вынікае з таго, што вольна народжанаму ў хрысціянстве абывацелю адкрыта з ніякай не знацца рэлігіяй, <…> а тым самым заражаць сэрцы нявінных, зводзіць простых, спакушаць слабых, прывіваць і распаўсюджваць лібертанізм» [33]. Як паказвае апошні фрагмент, рэлігія ў праграмных дакументах Таргавіцкай канфедэрацыі разглядаецца як сацыяльны феномен, які вымагае індывідуальнай лаяльнасці ды дзяржаўнай аховы, бо выконвае шэраг важных для грамадства функцый. Варта адзначыць, што на працягу апошніх дзесяцігоддзяў XVIII ст. у Рэчы Паспалітай назіралася затуханне праяў абрадавай рэлігійнасці, якое асабліва заўважаным стала менавіта з канца 80-х гадоў XVIII ст. [9, с. 143]. Адзначаючы такую тэндэнцыю грамадскага жыцця ў сваіх дакументах, таргавічане выкарыстоўвалі яе крытыку як абгрунтаванне ўласных палітычных праграм.

Крызіс «веры» ва ўніверсалах канфедэрацыі разглядаецца як сімптом сацыяльнага разбурэння грамадства. Яго ажыццяўленне Ш. Касакоўскі прыпісаў тым, каго з’едліва акрэсліў тэрмінам «аратары». Змены

формаў грамадскай арганізацыі ў гэты час садзейнічалі вылучэнню інтэлігенцыі ў асобныя групы. Вынікам такіх працэсаў стала стварэнне грамадска-палітычных аб'яднанняў з удзелам шляхецкай і мяшчанскай інтэлектуальных эліт [12, с. 146–149, 160–161]. Такія аб'яднанні былі асабліва пашыраны падчас рэвалюцыі ў Францыі, а ў Рэчы Паспалітай найбольшую вядомасць атрымала варшаўскае «Таварыства прыхільнікаў Канстытуцыі 3 мая». Уключэнне ў такія групы было дэманстрацыяй адмовы ад статусу, навязанага феадальным грамадствам: чалавек, задзейнічаны ў іх, мог выбраць новы, не ўласцівы свайму саслоўю занятак. Таргавічане асновай грамадскай сувязі лічылі старую сістэму карпаратыўных зносін; невыпадкова, што прадукт яе разбурэння яны ўбачылі ў новых аб'яднаннях, супярэчлівых і варожых традыцыйным структурам.

У спецыяльнай рэзалюцыі ад 14 жніўня 1792 г. Генеральная канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага пацвердзіла законны характар і неабходнасць судовага пераследу кожнага, хто ўваходзіў у грамадскія аб'яднанні «пад тытулам клубаў» [21]. Дакументы канфедэрацыі адзначалі, што, супольнікі клубаў, імкнучыся да грамадскага значэння, супярэчлівага свайму сацыяльнаму статусу, накіравалі ўласны інтэлект супраць святасці нацыянальных традыцый, філасофскімі развагамі паставілі пад сумніў як звыклую сістэму сацыяльнай дыферэнцыяцыі, так і артадаксальныя нормы рэлігіі.

Спробы рэвізіі традыцыйных каштоўнасцей прадстаўнікі канфедэрацыі называлі агульнай для кантынента з'явай, а яе карані знаходзілі ў рэвалюцыйнай Францыі. Пляменнік Ш. Касакоўскага Юзэф Дамінік абвясціў на публічнай аўдыенцыі са Станіславам Аўгустам: «Празмерная ў гэтым стагоддзі мастацтва шкадлівага ўмельства ў навамодных прынцыпах так зацміла праўду, што <…> Рэлігія і Законы выстаўлены на насмешку. Прыклады такой навіны ў іншых народах стрэслі Алтары і Троны <…> Тое спакуслівае мастацтва дарвалася і да нашых абрадаў» [17]. У гэты час на захадзе Еўропы ішла вайна Прусіі і Аўстрыі супраць урада рэвалюцыйнай Францыі. Каб мець апраўданне адмовіцца ад удзелу ў гэтай вайне, расійская імператрыца была зацікаўлена надаць дзеянням канфедэратаў выгляд барацьбы супраць пашырэння ў Рэчы Паспалітай ідэй Французскай рэвалюцыі, што ўплывала як на змест таргавіцкіх дакументаў, так і ў цэлым на палітыку Рэчы Паспалітай пад кіраўніцтвам канфедэрацыі.

Закранаючы праблемы сацыяльнай пабудовы грамадства, Таргавіцкая канфедэрацыя зыходзіла з неабходнасці захаваць для кожнага жыхара краіны магчымасць карпаратыўнай аўтаноміі, якая згодна з прынцыпамі феадальнага права атаясамлівалася з катэгорыяй «свабода». Парушэнне «свабоды» выявілася ў пазбаўленні шляхецкага, мяшчанскага і сялянскага саслоўяў прафесійнай ідэнтычнасці ў выніку таго, што Чатырохгадовы сойм канчаткова адмяніў манаполію саслоўяў на характэрныя для іх заняткі. Канфедэраты звярталі ўвагу на наступствы такога рашэння. Мяшчане – запісана ва ўніверсале да гарадоў і мястэчак Вялікага Княства ад 27 кастрычніка 1792 г. – былі настроены хлуслівымі лідэрамі да захопу прэрагатыў шляхецкага саслоўя і беглі за імі, «кідаючы гандаль, варштаты, грунты і ўласнасць, апрацаваную крывёю» [26]. Сяляне, па сцвярджэнні Ш. Касакоўскага, «сапраўдныя карміцелі народа і дабрадзеі, тагачасным гвалтоўным наборам рэкрутаў, як нявінныя ахвяры, на справу [вайны] сталі выстаўлены, без увагі, што не маюць папярэдняга і патрэбнага да такой справы навучання і падрыхтоўкі» [28]. Першым сваім універсалам польны гетман Ш. Касакоўскі адмяніў рэкруцкую сістэму камплектавання войска, уведзеную соймам у 1790 г. Пад пагрозай судовага пакарання ён абавязваў памешчыкаў прымаць кожнага з сялян, хто вяртаўся дахаты з войска [28]. У сітуацыі росту сацыяльнай напружанасці сялянам загадвалася захоўваць паслушэнства сваім гаспадарам, а плябанам касцёлаў – даносіць на памешчыкаў, якія па-нялюдску абыходзяцца з падданымі [18, 32]. Востра раскрытыкаваў Ш. Касакоўскі чацвёрты раздзел Канстытуцыі 3 мая, што абвяшчаў асабістую свабоду кожнаму чалавеку, які ўваходзіў у межы Рэчы Паспалітай. Такі намер ён назваў «згубным» для краіны, бо стваральнікі асноўнага закона, дзейнічаючы «нібыта ў інтарэсах тых цнатлівых людзей», узбуджалі сялян «да бунту, зусім нічога добрага і справядлівага ім не робячы, дражнячы толькі легкаверных». [28].

У інтэрпрэтацыі пляменніка Ш. Касакоўскага Юзэфа Дамініка захаванне гармоніі ў грамадстве патрабуе «каб кожны стан, выконваючы сваю павіннасць, у яе быў улюбёны і іншаму не зайздросціў» [17]. На яго думку, Чатырохгадовы сойм, накіроўваючы сваімі законамі святароў у палітычныя аб'яднанні, сялян у войска, шляхту ў магістраты гарадоў, мяшчан у органы дзяржаўнага кіравання, паставіў пад пагрозу як трываласць усёй грамадскай сістэмы, так і адносіны паміж асобнымі сацыяльнымі групамі, бо «салдат, каплан, мешчанін і селянін пачынаў ужо забываць грамадзянства, пакліканне, стан і павіннасць, разрываючы саюз таварыства і спяшаючыся да анархіі» [17]. «Стан разбуранага парадку, – абвясціла Генеральная канфедэрацыя Вялікага Княства Літоўскага 16 верасня 1792 г., – ускладае на нас абавязак з яшчэ большай настойлівасцю дбаць аб вяртанні даўняга кіравання» [29]. Крыніцай такога кіравання таргавічане называлі «святасць уласнасці кожнага стану і абываценя» [1, л. 416–417].

Тэрмін «уласнасць» – адзін з найбольш пастаянных у тэкстах канфедэрацыі, невыпадкова яе ахова была абвешчана цэнтральным матывам дзейнасці таргавічан. Важна мець на ўвазе, што гэтае паняцце разглядалася канфедэратамі не столькі на індывідуальным, колькі на карпаратыўным узроўні. У разуменні таргавічан дабрабыт індывіда перш за ўсё палягае на прэрагатывах, уласцівых яго саслоўнай групе. Пры

такім падыходзе замах на ўласнасць акрэсліваецца як пазбаўленне саслоўяў палітычнай і эканамічнай прэрагатывы.

Напрыклад, у інструкцыі паслам Гродзенскага павета на сойм 1793 г. было пазначана, што іх першым стараннем «маюць быць прэрагатывы шляхецкага стану <…>, каб яны ад змяншэння правоў <…> назаўсёды сталі засцярожаныя, каб заканадаўчыя і выканаўчыя улады <…> без уплыву ніжэйшых станаў ім [шляхціцам] самім былі пакінуты» [1, л. 416–417]. Ранейшым рашэннем канфедэрацыі прадстаўнікі гарадоў былі выдалены з цэнтральных інстытутаў дзяржавы, а ад шляхціцаў патрабавалі адмовіцца ад прынятага імі гарадскога права [21]. Негатыўна таргавічане паставіліся да спробы Чатырохгадовага сойма адабраць права ўдзелу на соймiках у шляхціцаў, якія не мелі спадчыннай зямельнай уласнасці, бо такое рашэнне парушала прынцып юрыдычнай роўнасці ўнутры вышэйшага саслоўя [31]. Касуючы рэформы, праведзеныя Чатырохгадовым соймам у справе мяшчан, Таргавіцкая канфедэрацыя імкнулася паказаць іх неадпаведнасць інтарэсам гарадскога саслоўя. У прыватнасці, канфедэраты адзначалі, што прыняцце закона аб гарадах было нявыгадным гарадскому насельніцтву, бо дазваляла шляхціцам захопліваць пасады ў магістратах, якія дагэтуль належалі выключна мяшчанам [28].

Як бачым, праграмныя палажэнні канфедэрацыі даводзілі неабходнасць захавання асноўных кампанентаў феадальнага грамадства, што прадугледжвала замацаванне манаполіі саслоўяў на характэрныя для іх віды заняткаў і наданне прыярытэтнага значэння ў краіне партыкулярным інтарэсам.

Такім чынам, барацьба Таргавіцкай канфедэрацыі супраць Чатырохгадовага сойма была не толькі абумоўлена змаганнем (пры рашучым пасрэдніцтве Расійскай імперыі) палітычных груп за уладу, але таксама выразам сутыкнення ўнутры палітычнай супольнасці Рэчы Паспалітай супрацьлеглых ідэйна-палітычных светапоглядаў.

Вядома, што рэформы Чатырохгадовага сойма сталі выразам пашырэння ў Рэчы Паспалітай ліберальнай ідэалогіі, важныя палажэнні якой непасрэдна адлюстраваны ў тэксце Канстытуцыі 3 мая. Таргавічане сваю пазіцыю тлумачылі прынцыпам прыярытэту традыцый над нормамі права, якім абумоўлівалі немагчымасць механічнага змянення грамадства з дапамогай законаў. Важнае месца ў праграмных дакументах канфедэрацыі заняла крытыка тэндэнцый тагачаснага грамадскага жыцця, у першую чаргу секулярызацыі, спыненне якой было абвешчана адной з задач руху. З улікам гэтага можна сцвярджаць, што ў асноўных пунктах палітычная праграма таргавічан адпавядала еўрапейскаму значэнню тэрміна кансерватызм.

Дадатковай падставай для такой высновы з'яўляюцца геапалітычныя абставіны ўзнікнення таргавіцкага руху. Існаванне канфедэрацыі супала з часам барацьбы манархаў Еўропы з Французскай рэвалюцыяй і павінна было спыніць распаўсюджванне яе ўплыву ў Рэчы Паспалітай.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1755. – Воп. 1. – Спр. 77. Гродзенскі земскі суд. Актавая кніга 1792 г.

2. НГАБ. – Ф. 1899. – Воп. 1. – Спр. 1. Ваўкавыскі канфедэрацкі суд. Актавая кніга 14 ліпеня 1792 – 19 верасня 1793 г.

3. НГАБ. – Ф. 1901. – Воп. 1. – Спр. 1. Мінскі канфедэрацкі суд. Актавая кніга 5 ліпеня 1792 – 24 мая 1793 г.

4. НГАБ. – Ф. 1902. – Воп. 1. – Спр. 1. Полацкі канфедэрацкі суд. Кніга рэгістрацыі распараджэнняў аб дастаўленні правіянту і фуражу рускаму войску, памятных запісак (мемарыялаў) грамадзян, прызнання здзейсненых здзелак, аб нерухомых уладаннях, просьб аб прызначэнні апякуноў ды інш. 31 мая 1792 г. – 27 мая 1793 г.

5. НГАБ. – Ф. 1903. – Воп. 1. – Спр. 1. Рэчыцкі канфедэрацкі суд. Актавая кніга 28 жніўня 1792 г.– 8 ліпеня 1793 г.

6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 12. – Оп. 1 – Д. 215. Бумаги, относящиеся до Тарговицкой конфедерации 1792–1793 гг.

7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 41. – Оп. 1/199. – Д. 173. Рапорты Кречетникова М. Н. о продвижении русских войск в Польше и Литве 1792 г.

8 Akt Generalnej Konfederacji Dnia 14 Maja pod Targowicą skojarzonej, a D. 19 Maja Uniwersałem ogłoszonej // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 39, 31 lipca; № 41, 4 sierpnia. – S. 329–334, 357–359.

9. Historia Kościoła: w 5 t. / kom. red. L. J. Rogier, R. Aubert, M. D. Knowles; L. J. Rogier, G. de Bertier de Sauvigny, J. Hajjar. – Warszawa: Pax, 1985–1988. – T. 4: 1715– 1848. / przei. z fr. T. Szafrański; rozdz. dotyczący Kościoła w Polsce napisali S. Litak i J. Skarbek. – 1987. – 524 s.

10. Kalinka, W. Sejm Czteroletni: w 2 t. / W. Kalinka. – Wyd. 2. – Lwów: Seyfarth i Czajkowski, 1881 – T. 2, cz. 1–2. – VII, 549 s.

11. Kopia Aktu Unii, czyli połączenia się Obojga narodów // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 60, 18 września. – S. 547.

12. Kowiecki, J. U początków nowoczesnego narodu / J. Kowiecki // Polska w epoce Oświecenia: państwo, społeczeństwo, kultura / Instytut Historii Polskiej Akademii; Nauk red. B. Leśnodorski. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971. – S. 106–170.

13. Kraszewski, J. I. Polska w czasie trzech rozbiorów 1772 – 1795. Studia do historii ducha i obyczaju: w

3 t. / J. I. Kraszewski; przedmowa prof. Szymona Askenazego. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1902. – T. 2.: 1788– 1791. – 414 s.

14. Lelewel, J. Dzieła: w 10 t. / J. Lelewel; red. nacz. M. H. Serejski – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969 – T. 8.: Historia Polski nowożytnej ; Polska odradzająca się ; Paralela Hiszpanii z Polską ; Panowanie Stanisława Augusta ; Trzy konstytucje / oprac. J. Dutkiewicz. – 1961. – 690 s.

15. Michalski, J. Zagadnienie unii polsko-litewskiej w czasach panowania Stanislawa Augusta / J. Michalski // Zapiski historyczne. – 1986. – № 1. – S. 97–133.

16. Mowa JW. Korwina Kossakowskiego woiewodzica Witebskiego, konsyliaża z wojewodztwa Wileń.: do Konfederacji Generalnej W. X. Lit.: przy złączeniu się Konfederacji Obu Narodów w Brześciu Litewskim roku 1792. Dnia 11 września miana // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 66, 2 października. – S. 606–608.

17. Mowa JW. Korwina Kossakowskiego, Majora Kaw. Narod. W. W. Lit. Kons. Konf. Gener. tegoż Xstwa // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 74, 20 października. – S. 690–691.

18. Obwieszczenie Konfederacyi Generalnej W. X. Litewsk.: Dnia 3 Sierpnia Roku 1792 // Korrespondent Warszawski. – 1792 – № 48, 21 sierpnia. – S. 413–415.

19. Odezwa do Narodu // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 104, 29 grudnia. – S. 1023–1025.

20. Odezwa Konfederacyi Gen.: Litt.: do Konfederacji Gen.: Koron.: wyględem alternaty seymu // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 52, 30 sierpnia. – S. 456–457.

21. Rezolucja Konfederacji W. X. Lit. o klubach // Korrespondent Warszawski. – 1792. – Dodatek do № 57, 11 września. – S. 522–523.

22. Szczepaniec, J. Z dziejów cenzury w Polsce w okresie Targowicy / J. Szczepaniec // Sprawozdania Wrocławskiego Towarzystwa naukowego. – 1962. – Seria A. – T. 17. – S. 38–40.

23. Szczygielski, W. Referendum trzeciomajowe: sejmiki lutowe 1792 roku / W. Szczygielski. – Łódź: Wydaw. Uniwersytetu Łódzkiego, 1994. – 426 s.

24. Szujski, J. Historyi polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście / J. Szujski. – Warszawa: Księgarnia Gebethnera i Wolfa, 1889. – 492 s.

25. Tazbir, J. Stosunek do obcych w dobie baroku / J. Tazbir // Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej: materiały z sesji naukowej na temat Walka z cudzoziemszczyzną w kulturze polskiej (Ksenofobia i postawa otwarta), Warszawa, 25–27 listopada r. 1971 / Instytut Badań Literackich PAN; red. nauk. Zofia Stefanowska. – Warszawa, 1971. – S. 80–111.

26. Uniwersai do miast i miasteczek W. X. Lit. // Korrespondent Warszawski. – 1792. – Dodatek do № 83, 10 listopada. – S. 797–798.

27. Uniwersał głoszący zamiary konfederacji Generalnej Obojga Narodów wraz z wezwaniem współ-obywatelów, do komunikowania uwag i myśli, względem potrzebnych w Prawie odmian // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 81, 6 listopada. – S. 766–767.

28. Uniwersał JW. Kossakowskiego Hetmana Polnego Litt.: w Wilnie wydany // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 50. – 21 sierpnia. – S. 435–444.

29. Uniwersał Konfed. Gener. W. X. Lit.: względem Prowentów Rachunków Skarb. W. X. Lit. // Korrespondent Warszawski. –1792. – № 68. – 6 października. – S. 635–636.

30. Uniwersał ogłaszający zamiary Wolnych Obu Narodów Złączonych // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 102. – 25 grudnia. – S. 1000–1002.

31. Uniwersał ogłaszający zamiary Wolnych Obu Narodów Złączonych // Korrespondent Warszawski.

32. Uniwersał względem Duchowienstwa // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 55, 6 września. – S. 514–515.

33. Uniwersał zakazający Pism i Druków przeciw religii // Korrespondent Warszawski. – 1792. – Dodatek do № 102. – 25 grudnia. – S. 1007.

34. Wąsicki, J. Konfederacja targowicka i ostatni sejm Rzeczypospolitej z 1793 roku: (studium historyczno-prawne) / J. Wąsicki. – Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1952. – 194 s.

35. Wezwanie osob do przyeyrzenia, ułożenia i poprawienia Statutu Litewskiego // Korrespondent Warszawski. – 1792. – Dodatek do № 93, 4 grudnia. – S. 903–904.

36. Wierzbicki, A. Konstytucja 3 maja w historiografii polskiej / A. Wierzbicki. – Warszawa: Wydaw. Sejmowe, 1993. – 144 s.

37. Wypis listu JP. Kossakowskiego Gnrala Wojsk Rossyjskich do JP. Oskierki mar.: Ośmiańskiego // Korrespondent Warszawski. – 1792. – № 23, 23 czerwca. – S. 197–198.

Вадим Аниперков

КРИТИКА ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО СЕЙМА В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ТАРГОВИЦКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ

Резюме

В 1792 г. власть в Польше и Великом Княжестве Литовском перешла к Тарговицкой конфедерации. Опираясь на военную помощь России, она санкционировала процесс ревизии и частичной замены норм общественной жизни, которые установили в Речи Посполитой предыдущие носители политической власти. Свою деятельность конфедераты считали реакцией части общества на реформы Четырехлетнего сейма (1788–1792), которые называли вредными для страны. Содержание тарговицких документов предопределили геополитиче-

ские обстоятельства возникновения данного движения. Создание конфедерации совпало с борьбой монархов Европы против Французской революции и было призвано остановить распространение либеральных идей в Речи Посполитой.

Vadzim Anipiarkou

CRITICISM OF THE FOUR-YEAR SEJM IN THE PROGRAM DOCUMENTS OF THE TARGOWICA CONFEDERATION

Summary

The Four-Year Sejm's reforms were brought down by the Targowica Confederation (1792–1793) and the intervention of the Russian Empire. Confederates wanted to restore the status quo and expected that the overthrow of the May 3rd Constitution would achieve that end. This article traces different aspects of Targowica Confederation.

Паступіў 15.10.2012 г.

УДК 272–528:001.4=161.3(476.5)«1905»

Василий Табунов (Могилев, Беларусь)

ПОПЫТКА ВВЕДЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА В ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА В 1905 г. (НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Преследуя одну из своих главных задач на белорусских землях в конце XIX – начале XX века – укрепление позиций православия, в правящих кругах Российской империи при проведении политики деполонизации костела в начале XX века вновь получила распространение идея о введении «местного наречия» в дополнительное римско-католическое богослужение (первая была предпринята в 60–70-х годах XIX века – *В. Т.)*. Дополнительный стимул этому придал указ от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания, одним из важнейших положений которого было разрешение перехода из православия в другие христианские вероисповедания. Вводя указ в действие, власти, однако, не смогли просчитать его последствий. В результате начался многочисленный переход части населения белорусских земель из православия в католицизм. Только за 1905 г. в эту веру перешло более 30 тысяч человек [1, с. 129]. Сведения о численности перешедших из православия в католицизм у представителей власти и римско-католического духовенства несколько отличались. Так, согласно данным Виленской римско-католической епархии, за 1905–1909 гг. из православия в католицизм перешли 62 тысячи человек [2, с. 106]. При этом римско-католическое духовенство было убеждено, что переходы в костел имели широкое распространение среди белорусского населения [3, л. 4об.–8, 11об.–33, 37об.–38, 41об.–44].

По официальным же данным, в Западном крае за 1905–1907 гг. в католичество перешла 171 тысяча человек [4, с. 29–31].

Расхождения в сведениях о численности перешедших из православия в католицизм у представителей религиозных организаций и органов власти были вызваны их несогласованными действиями в данной области. Римско-католическая церковь придерживалась епископских указаний, а власти и православная церковь – распоряжений вышестоящего начальства. К тому же ксендзы в отличие от православного духовенства и чиновников всегда стремились более широко трактовать указ о религиозных свободах.

22 июня 1905 г. Министерство внутренних дел предписало витебскому губернатору предоставить сведения о том, «в какой мере по местным условиям, признается желательным и возможным введение в римско-католическое богослужение местных наречий, в целях разобщения католицизма от полонизма», а также о том, «насколько означенная мера совпадает с желанием самого населения и в каких именно приходах вверенной губернии…применение сей меры признавалось бы целесообразным» [5, л. 6].

Губернатор, в свою очередь, вверил сбор сведений уездным предводителям дворянства.

Их сообщения выявили расхождение мнений по поставленному перед ними вопросу – в зависимости от состава населения и исповедуемой им христианской религии (в первую очередь православия и католицизма – *В. Т.)*, а также в немалой степени еще и отличных взглядов и убеждений.

Проанализировав представленную с мест информацию, витебский губернатор, докладывая в Министерство внутренних дел о перспективах введения белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение на территории губернии, в первую очередь указал, исходя из «национальной принадлежности и родного языка», на наличие на подведомственной ему территории, четырех основных групп населения. К первой группе, составляющей 66,2% от всего населения губернии, относились «коренные русские»; вторую группу составляли латыши – 17,7%; третью – евреи – 11,7%; четвертая группа состояла из лиц «польской национальности» – 3,4%. Со своей стороны губернатор высказывал пожелание об оставлении в силе всех распоряжений, требующих «употребления русского языка, как в делопроизводстве, так и в разговорах во всех правительственных, городских и крестьянских учреждениях». Что же касалось разного рода частных обществ и организаций, то он находил вполне допустимым использование в них «местных языков… во всех тех случаях, когда членами этих учреждений по их уставам могут состоять лишь лица известной национальности, но под условием, чтобы сношения с правительственными учреждениями и лицами, а равно документы и книги, подлежащие ревизии, велись на русском языке». Во всех же остальных случаях по его мнению и «соображениям государственного порядка», введение в употребление местных языков «не вызывает серьезных возражений» [5, л. 3об.–4–4об.–5].

О представителях римско-католической конфессии в губернии им сообщалась следующая информация: всего на подведомственных ему землях проживали около 350 тысяч римо-католиков, что составило

27,1% от всех проживающих в губернии христиан. По национальной принадлежности и родному языку они делились на три основные группы: первая – русские (около 90 тысяч человек); вторая – латыши (около 220 тысяч человек); третья – поляки (около 40 тысяч человек). Таким образом, лица «польского происхождения» составляли 11,42% от общего числа исповедующих в губернии римо-католицизм; русских насчитывалось 25,12%; латышей – 62,86% [5, л. 7].

О главной же задаче – целесообразности введении в дополнительное римско-католическое богослужение местных языков, губернатор не предоставил точную и исчерпывающую информацию. Так, признавая «весьма желательным» использование «в целях разобщения католицизма от полонизма белорусского и латышского наречий», он затруднялся указать конкретно те приходы, «в которых эта мера могла бы быть осуществлена», поскольку представители всех трех национальностей входили «в число прихожан всех католических приходов». Выдвижение на первый план языка, на котором говорило большинство римо-католиков, вызывало у него опасение в появлении «нареканий со стороны меньшинства» как реакции на «стеснение свободы употребления местных наречий» [5, л. 7об.–8].

Вместе с тем губернатор находил «вполне целесообразным», не издавая конкретных распоряжений «о совершении дополнительного богослужения в тех или иных приходах на местных наречиях», вменить в обязанность римско-католическому духовенству отправлять это богослужение на том языке, на котором «произносится за общим богослужением проповедь». Согласно его точке зрения, такое распоряжение «оказалось бы в полном согласии с существующими в настоящее время в римско-католических приходах», где священники, смотря по составу собравшихся в костеле молящихся, «произносят проповедь на латышском, польском или белорусском наречиях» [5, л. 8об.–8].

Глава витебской гражданской администрации находил вопрос о введении белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение с одной стороны желательным, а с другой – преждевременным, опасаясь, что это может усугубить и без того сложную внутриполитическую обстановку в крае, тем более во время революционных событий 1905–1907 гг. Его мнение, а также мнения других губернаторов Северо-Западного края, были учтены в Петербурге при принятии решения о дальнейшей политике в данном вопросе. В итоге попытка введения белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение в начале XX столетия потерпела неудачу. Ни светские, ни церковные власти не пошли на решительные действия в этом направлении: «одни видели в нем (введении белорусского языка в костел – *В. Т.)* средство для борьбы с польским влиянием, другие – ненужность и даже опасность» [6, с. 99]. Власти пришли к выводу, что пропаганда польского влияния может вестись на каком угодно языке, а перевод службы на местный язык, с их точки зрения, только способствовал бы распространению влияния католицизма. В связи с этим вопрос о введении «местного наречия» в дополнительное римско-католическое богослужение был отложен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусы: у 12 т. / Ін-т матацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – Т. 6: Грамадскія традыцыі. – 606 с.

2. Яноўская, В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. / В. В Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.

3. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1781. Могилевская римско-католическая консистория. – Оп. 26. – Д. 1187. Экстракты из книг Витебского деканата о лицах, перешедших в католичество за 1905–1906 гг.

4. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. – СПб.: Синод. тип., 1910. – 304 с.

5. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. Витебский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 46935. Дело об отмене распоряжений, стесняющих употребление местных языков в Западном крае 1905 г.

6. Владимиров, А. П. История располячения Западно-русского костела / А. П. Владимиров. – М.: Унив. тип., 1896. – 168 с.

Васіль Табуноў

СПРОБА ЎВЯДЗЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў ДАДАТКОВАЕ БОГАСЛУЖЭННЕ РЫМА-КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА Ў 1905 г. (НА ПРЫКЛАДЗЕ ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІІ)

Рэзюмэ

У артыкуле на прыкладзе Віцебскай губерніі аналізуюцца дзеянні цывільнай адміністрацыі Расійскай імперыі наконт пытання ўвядзення беларускай мовы ў дадатковае богаслужэнне рыма-каталіцкага касцёла. Адной з асноўных мэт палітыкі Пецярбурга на беларускіх землях было ўмацаванне пазіцый праваслаўя

і аслабленне ўплыву каталіцызму. Дасягненню пастаўленай мэты павінна было садзейнічаць і ўвядзенне «местного наречия» ў дадатковае рыма-каталіцкае богаслужэнне. Але, калі належным чынам прааналізаваць існаваўшую ў дадзенай сферы сітуацыю і ўлічыць тыя абставіны, што ў свядомасці насельніцтва польская мова ўспрымалася ў якасці неад'емнай часткі прыналежнасці да касцёла і польскага народа, тады будзе зразумела, чаму любыя дзеянні, накіраваныя на дэзінтэграцыю дадзенага адзінства, выклікалі з боку веруючых і духавенства самае актыўнае процідзеянне. Засцерагаючыся ва ўмовах сацыяльных хваляванняў 1905–1907 гг. парушыць існаваўшае status quo і тым самым яшчэ больш абвастрыць унутрыпалітычную сітуацыю ў краі, улады палічылі за лепшае перанесці разгляд пытання аб увядзенні беларускай мовы ў дадатковае рыма-каталіцкае богаслужэнне на потым.

Vasily Tabunov

AN ATTEMPT OF INTRODUCTION THE BELARUSIAN LANGUAGE IN ADDING PUBLIC LITURGY OF THE CATHOLIC CHURCH IN 1905 (ON AN EXAMPLE OF THE VITEBSK PROVINCE)

Summary

In this article the actions of the Russian Empire civil authorities concerning the introduction of the Belarusian language in adding public liturgy service of the Catholic Church on an example of the Vitebsk province are analyzed. One of the main Petersburg policy objectives on the Belarusian lands was strengthening of Orthodoxy positions and weakening of the Catholicism influence. The introduction of the «local dialect» in adding public liturgy of the Catholic Church service had also to assist in attaining the objective. Having carefully examined the developed in this area situation and considering that in consciousness of the population professing Catholicism the Polish language was perceived as an integral part of belonging to the church and the Polish people, it had been thought that any action directed at disintegration of this unity, would cause an active confrontation from believers and clergy. Being concerned, in the conditions of social shocks of 1905–1907, to break the established status quo and by that to aggravate an internal political situation in the edge, the authorities considered for the best to postpone the question of the Belarusian language introduction in adding public liturgy of the Catholic church service for later.

Поступила 05.03.2013 г.

УДК 94(100).«1914/1918»:930.1(476)

Михаил Смольянинов (Минск, Беларусь)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ИСТОРИОГРАФИИ БЕЛАРУСИ

Первая мировая война 1914–1918 гг. является одним из наиболее крупных событий в истории человечества. Развязанная двумя группировками крупнейших империалистических держав − Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антантой (Англия, Франция и Россия), она втянула в свою орбиту 38 государств с полуторамиллиардным населением. Впервые в истории войн были применены новые виды вооружения и боевой техники: тяжелая артиллерия, минометы, пулеметы, огнеметы, аэропланы, танки, подводные лодки, химические отравляющие вещества, что вызвало огромные разрушения и массовые человеческие жертвы, горе и страдания многих миллионов людей.

История Первой мировой войны привлекала и привлекает внимание многих исследователей. В бывшем Советском Союзе, во многих европейских странах, а также в США издано большое количество научных трудов, сборников документов и мемуаров, в которых показаны причины, ход, результаты и последствия этой войны.

Значительный вклад в изучение проблем истории Первой мировой войны внесли военные историки России. Среди первых военно-научных работ следует назвать коллективный труд «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» в семи частях [1], трехтомное произведение участника войны генерала А. М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.», выдержавшее три издания [2]. Этот военно-исторический труд представляет первую попытку вовлечения в научный оборот широкого массива архивных материалов, в том числе и зарубежных источников. Интересной по содержанию с привлечением большого фактического материала является монография участника войны генерала А. К. Коленковского «Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г.» [3].

Несколько работ в плане изучения военной стратегии и тактики посвящены отдельным операциям Первой мировой войны, которые имели место на территории Беларуси. К ним относятся монографии Н. Е. Подорожного «Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны» [4], Н. Ф. Евсеева «Свенцянский прорыв (1915 г.)» [5], А. Н. Де-Лазари «Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.» [6].

Значительный интерес представляет коллективный двухтомный труд, подготовленный исследователями А. М. Агеевым, Д. В. Вержховским, В. И. Виноградовым и др. «История Первой мировой войны 1914–1918 гг.», в котором авторы сделали попытку осветить противоречивые военно-политические проблемы, происходившие в годы Первой мировой войны, в том числе и на территории Беларуси [7]. Много новых фактических сведений и научных обобщений содержится в монографии И. И. Ростунова «Русский фронт Первой мировой войны» [8]. Пожалуй, последней работой в советской историографии, посвященной боевым действиям Первой мировой войны, является небольшая по объему книга А. П. Жилина «Последнее наступление (июнь 1917 г.)» [9].

В белорусской историографии советского периода научная разработка истории Первой мировой войны как целостного военно-политического явления не являлась предметом специального научного исследования. Темы Первой мировой войны касались лишь в контексте общей истории Беларуси в крупных обобщающих трудах, да в плане революционной деятельности большевиков в войсках, прежде всего, Западного фронта. Предпочтение отдавалось изучению проблем Великой Октябрьской революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. И это несмотря на то, что белорусские губернии являлись передним форпостом Российской империи и стали одним из главных театров боевых действий в годы Первой мировой войны. Здесь в течение двух с половиной лет проходила линия российско-германского фронта, на котором с обеих сторон были сосредоточены войска численностью не менее 2,5 млн человек, а в Барановичах (с августа 1915 г. – в Могилеве) размещалась Ставка Верховного главнокомандующего русской армии. Около 900 тыс. человек − 50 % мужского населения белорусских губерний были мобилизованы в действующую армию [10, с. 221].

В 90-е годы XX века интерес к истории Первой мировой войны заметно вырос. На постсоветском пространстве наибольшую активность в изучении данной проблемы проявили российские историки. Ими был организован и проведен ряд научных конференций, изданы сборники документов и докладов, сделанных на научных форумах [11–13].

Белорусские историки в постсоветский период обратились, главным образом, к изучению тем, связанных с национальным движением, и процесса становления и развития белорусской государственности в годы Первой мировой войны (и опубликова-

ли монографии), а также просвещения и культуры на оккупированной территории [14–17]. Лишь отдельные исследователи занимались изучением событий и процессов, происходивших в российских армиях Западного фронта в годы Первой мировой войны, мероприятий гражданских и военных властей отдельных белорусских городов, направленных на обеспечение обороноспособности и жизнедеятельности, а также вопросов эвакуации и беженства, заключения Брестского мира и его влияния на развитие процесса государственного самоопределения белорусского народа [18–21].

Справедливости ради необходимо сказать о большой работе краеведов, журналистов, музейных работников, направленной на выявление и пропаганду исторических сведений о событиях той далекой войны. В последние годы подготовили и опубликовали свои научно-популярные работы В. В. Бондаренко, В. Н. Лигута, В. А. Богданов, Б. Б. Цитович [22–25].

В белорусской историографии ощущается значительный дефицит научных исследований событий Первой мировой войны. По объективным и субъективным причинам до сих пор не сложилась серьезная научная школа по разработке этого научного направления. Не подготовлены кадры исследователей. Не опубликовано ни одного комплексного труда по истории Первой мировой войны. Все вышеназванные монографии, а также опубликованные научные статьи в журналах и сборниках [26–34], посвящены отдельным, узким, региональным вопросам из событий периода Первой мировой войны. Большей частью это короткие, справочного характера статьи в энциклопедических изданиях или в историко-документальных хрониках районов и городов Беларуси «Память» (изданных в 1985–2006 годах), а также отдельные параграфы или разделы в научных трудах по общей истории Беларуси.

Основной причиной неисследованности истории событий Первой мировой войны в белорусском регионе, на наш взгляд, является то, что весь комплекс документов по данной теме находится за пределами нашей страны (в центральных архивах России, Украины, Литвы, Польши и Германии). Большинство белорусских историков зачастую не имеют возможности для долговременной научно-исследовательской работы в архивах Москвы, Петербурга, Киева, Вильнюса, Варшавы, Берлина.

Из краткого историографического обзора следует, что остаются не изученными такие вопросы, как проведение всеобщей мобилизации в белорусских губерниях, комплектование и формирование частей и соединений действующей армии, их участие в боевых действиях, а также формирование дружин Государственного ополчения и их назначение. Требуют своего глубокого исследования проведенные эвакуации и выселение мирного населения, реквизиции скота и запасов продовольствия и фуража, сельскохозяйственных орудий и другого имущества. Более глубокого и широкого изучения требует тема боевых действий на территории Беларуси, причины неудач и огромных людских потерь; необходимо дальнейшее выявление и осмысление социальной сути морально-политического настроения в армейской среде и обществе, раскрытие социально-классовой структуры и национального состава российских войск, дислоцировавшихся и формировавшихся на территории белорусских губерний. Только в 2011 году Институтом истории НАН Беларуси была запланирована разработка темы «Беларусь в войнах и военных конфликтах», в рамках которой будет подготовлен раздел «Беларусь в Первой мировой войне». В нем намечено осветить вышеназванные неисследованные вопросы и аспекты.

Несмотря на опубликованные работы по проблеме беженского движения, эта тема требует дальнейшей разработки: неизвестно сколько населения белорусских губерний было вывезено на восток и численность беженцев из Царства Польского, Литвы, Волыни, Гродненской, западных уездов Минской губерний осевших на неоккупированной части Беларуси, их повседневность; как проходила реэвакуация и какова была численность возвратившихся в родные места после окончания войны.

Требует всестороннего изучения такое новое явление для XX века, как «женская мобилизация» − привлечение женщин к возведению оборонительных укреплений и дорожно-строительным работам, их участие в лечебно-оздоровительной, санитарной и благотворительной деятельности. Пока не исследованными остаются проблема детской беспризорности в годы войны, забота государства об устройстве приютов, организации школьного обучения детей.

Вызванная Первой мировой войной социальная катастрофа в белорусских губерниях имела далекие последствия для общества, глубоко не изучив которые нельзя понять трансформацию психологии и массового сознания людей, приведшую к революционному взрыву.

Представляется важным проведение сравнительного анализа последствий двух глобальных военных конфликтов − Первой и Второй мировых войн в истории белорусского народа: мобилизаций, эвакуаций, участия в сражениях, сопротивления мирного населения оккупантам, планы и действия оккупационных властей, итогов и причин их отличия.

В 2014 году исполняется 100-летие со дня начала Первой мировой войны. Это достаточная дистанция во времени для того, чтобы объективно посмотреть на произошедшее, осмыслить причины и уроки глобального военного конфликта, его трагедию для многих миллионов людей. В этом плане большая работа предстоит историкам, журналистам, писателям, краеведам и музейным работникам, чтобы путем глубоких научных исследований не только устанавливать историческую правду, но и активно популяризировать исторические знания о первом глобальном во-

енном конфликте XX столетия, чтобы это служило суровым уроком и предупреждением для нового поколения и способствовало недопущению военного пожара на Земле, содействовало укреплению мира.

Следует сказать, что в последние годы в этом направлении проводится определенная работа. Началом этому послужили подготовка и проведение Институтом истории НАН Беларуси совместно со Сморгонским райисполкомом в 2007 году Международной научно-практической конференции «Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць», посвященной памяти воинов и жертв Первой мировой войны и 90-летию завершения боев за город Сморгонь. Участниками конференции были сделаны оригинальные доклады и сообщения, которые опубликованы [35]. Затем, в ноябре 2008 года Институтом истории НАН Беларуси совместно с аналитическим центром ЭКООМ была проведена Международная научно-практическая конференция, посвященная 90-летию окончания Первой мировой войны, в которой кроме белорусских историков и краеведов приняли участие гости из Германии, Венгрии, Румынии, Болгарии, России, Украины. К сожалению, доклады и сообщения, сделанные на этом форуме, не были опубликованы. 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений была посвящена Международная научная конференция, состоявшаяся 11–12 ноября 2008 года в Витебске (тезисы докладов опубликованы) [36].

25 мая 2012 г. в г. Минске состоялся Международный «круглый стол» на тему «Первая мировая война: общая история, общая память», организованный Белорусским объединением «Русь», Благотворительным культурно-историческим фондом памяти Первой мировой войны «Кроки» и Республиканским Советом общественного объединения «Белорусский суворовско-нахимовский союз» − очередное мероприятие, в рамках подготовки к 100-летию со дня начала Первой мировой войны. Будем надеяться, что подготовка и проведение таких мероприятий во время, оставшееся до столетия начала Первой мировой войны, будут развиваться с нарастающей силой. Задача историков, краеведов и журналистов – активно готовиться к этим мероприятиям и принимать участие в их работе. Святой долг живущих – чтить память погибших предков!

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. – М.: Воениздат, 1920–1923. – Ч. 1−7.
2. Зайончковский, А. М. Мировая война 1914–1918 гг. / А. М. Зайончковский. − М.: Воениздат, 1938. − 383 с.
3. Коленковский, А. К. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. / А. К. Коленковский. − М.: Воениздат, 1940. − 366 с.
4. Подорожный, Н. Е. Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны / Н. Е. Подорожный. − М.: Воениздат, 1938. − 180 с.
5. Евсеев, Н. Ф. Свенцянский прорыв (1915 г.). Военные действия на Восточном фронте мировой войны в сентябре−октябре 1915 г. / Н. Ф. Евсеев. − М.: Воениздат, 1936. − 68 с.
6. Де Лазари, А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. / А. Н. Де Лазари. − М.: Воениздат, 1935. − 58 с.
7. История первой мировой войны 1914–1918: в 2 т. − М.: Наука, 1975. − Т. 1. – 446 с. ; Т. 2. – 607 с.
8. Ростунов, И. И. Русский фронт первой мировой войны / И. И. Ростунов. − М.: Наука, 1976. − 371 с.
9. Жилин, А. П. Последнее наступление (июнь 1917 г.) / А. П. Жилин. − М.: Наука, 1983. − 103 с.
10. Беларусь: Народ. Государство. Время / А. А. Коваленя [и др.]; редкол. А. А. Коваленя (председатель) [и др.], Ин-т истории НАН Беларуси. − Минск: Беларус. навука, 2009. − 879 с.
11. Мировые войны XX века: в 4 кн. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории, Ассоц. историков Первой мировой войны; редкол.: В. А. Золотарев [и др.] − М.: Наука, 2002. − Кн. 1. Первая мировая война: ист. очерк. – 685 с.
12. Мировые войны XX века: в 4 кн. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории, Ассоц. историков Первой мировой войны; сост. А. П. Жилин; отв. ред. В. К. Шацилло. − М.: Наука, 2002. − Кн. 2. Первая мировая война: док. и материалы. – 580 с.
13. Забытая война и преданные герои / авт.-сост. Е. Н. Рудая. − М.: Вече, 2011. − 320 с.
14. Ладысеў, У. Ф. На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. − Мінск: БДУ, 1999. − 127 с.
15. Мигун, Д. А. Германия и Беларусь: уроки истории (1914–1922 годы) / Д. А. Мигун. − Минск: РИВШ БГУ, 2001. − 61 с.
16. Рудовіч, С. С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. С. Рудовіч. − Мінск: Тэхналогія, 2001. − 200 с.
17. Щавлинский, Н. Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Н. Б. Щавлинский. − РИВШ БГУ, 2000. − 21 с.
18. Смольянинов, М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов. − Минск: Беларус. навука, 2007. − 258 с.
19. Черепица, В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности / В. Н. Черепица. − Гродно: ГрГУ, 2006. − 536 с.

20. Лапановіч, С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 − кастрычнік 1917 г.) / С. Ф. Лапановіч. − Мінск: Акадэмія МУС, 2010. − 126 с.

21. Траццяк, С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі (лістапад 1917 − студзень 1919 г.) / С. А. Траццяк. − Мінск: Беларус. навука, 2009. − 208 с.

22. Бондаренко, В. В. Утерянные победы Российской империи: события Первой мировой войны на белорусской земле, изменившие ход мировой истории / В. В. Бондаренко. − Минск: Харвест, 2010. − 448 с.

23. Лигута, В. Н. Наша кровь у Сморгони / В. Н. Лигута. − Минск: Издатель В. Хурсик, 2005. − 53 с.

24. Лигута, В. Н. У Сморгони под знаком Святого Георгия / В. Н. Лигута. − Минск: Издатель В. Хурсик, 2010. − 249 с.

25. Богданов, В. А. По следам Первой мировой войны в Беларуси. Сморгонский район. Фотоальбом / В. А. Богданов. − Минск: Гольфстрим, 2007. − 64 с.

26. Бабков, А. М. Беженцы в Белоруссии в годы первой мировой войны (1915–1916) / А. М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). У 2 ч. − Мінск: Універсітэцкае, 1994. − Ч. 1. Гісторыя Беларусі: Усебеларус. канф. гісторыкаў. Мінск, 3–5 лют. 1993 г. – С. 131–138.

27. Бабков, А. М. Эвакуация промышленности Беларуси в годы Первой мировой войны / А. М. Бабков // Гісторыя. Культуралогія. Мастацтвазнаўства: матэрыялы III Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г. (Беларусіка = Albaruthenica. Кн. 21). – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. − С. 135–141.

28. Бабков, А. М. Бежанцы на Гомельшчыне ў час Першай сусветнай вайны (1915–1916) / А. М. Бабков // Гомельшчына: старонкі мінулага. – Вып. 2. – Гомель, 1996. − С. 18–21.

29. Карнялюк, В. Р. Праблема гісторыка-дэмаграфічнай характэрыстыкі бежанцаў з беларускіх зямель (1914–1918 гг.) / В. Р. Карнялюк. // Весн. Гродзенскага дзяржаўнага ўн-та. – Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія і сацыялогія. − Гродна, 2002. № 2. − С. 17–21.

30. Лапановіч, С. Першая сусветная вайна і бежанства як дзяржаўная праблема / С. Лапановіч // Беларус. гістар. часоп. − 2005. − № 10. − С. 5–12.

31. Лапанович, С. Удзел Усерасійскіх земскага і гарадскога союзаў у аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі (1914–1917 гг.) / С. Лапановіч // Беларус. гістар. часоп. − 2007. − № 6. − С. 9–17.

32. Ляхоўскі, У. Укусіла жыццё. Першая сусветная вайна ў лесах рагачоўскіх семінарыстаў / У. Ляхоўскі // Беларус. гістар. часоп. − 2006. − № 12. − С. 7–13.

33. Ляхоўскі, У. Адукацыйная палітыка германскіх улад на акупіраванай тэрыторыі Беларусі (1915–1918 гг.) / У. Ляхоўскі // Беларус. гістар. часоп. − 2006. − № 12. − С. 31–41.

34. Шчаўлінскі, М. Бежанцы і беларускі нацыянальны рух у гады Першай сусветнай вайны / М. Шчаўлінскі // Беларус. гістар. часоп. − 1999. − № 3. − С. 24–28.

35. Беларусь ў гады Першай сусветнай вайны: смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практыч. канф., Смаргонь, 18–19 мая 2007 г. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. − 740 с.

36. Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений): материалы Междунар. науч. конф., Витебск, 11–12 ноября 2008 г. / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. − Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. − 321 с.

Міхаіл Смальянінаў

ПЕРШАЯ СУСВЕТНАЯ ВАЙНА Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ БЕЛАРУСІ

Рэзюмэ

Артыкул прысвечаны становішчу па вывучэнні праблемы гісторыі Першай сусветнай вайны ў беларускай гістарыяграфіі. У ім гаворыцца аб недастатковай ступені распрацоўкі многіх падзей, яе прычынах; вызначаны пытанні, якія, на думку аўтара, патрабуюць глыбокага даследавання.

Mikhail Smalyaninau

WORLD WAR I IN THE BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary

The article is dedicated to the current state of the World War I research in the Belarusian historiography. It is stated, that more thorough research is required to study several problems, including the World War I reasons. The questions, that require more scientific attention, are highlighted in the article.

Поступила 16.11.2012 г.

УДК 314.011(476)«1897/1914»

Ольга Дмитриева (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ

Накануне Первой мировой войны на территории современной Беларуси помимо титульной нации – белорусов, проживали представители различных этнических общностей. Согласно энциклопедическим данным комплексного труда отечественных исследователей «Этнография Беларуси», этническая общность (группа) – устойчивое объединение людей, которое складывается исторически на определенной территории и характеризуется общностью языка, быта, культуры, черт психики и самосознания, отраженных в едином названии и представлении о едином происхождении [1, с. 547]. Директор института этнологии и антропологии Российской Академии наук, академик В. А. Тишков, на протяжении длительного времени занимающийся этнологией, историей межэтнических отношений, а также вопросами этнической политики и национализма, дополняет данное определение. Ученый утверждает, что «этническая общность находится в фундаментальных связях с другими общностями, в том числе государственными» [2, 3, 4].

Необходимо отметить, что исторически Беларусь всегда была полиэтническим государством. Помимо титульной нации[1] – белорусов, на этих землях проживали представители других национальных общностей, таких, как евреи, русские, поляки, украинцы, литовцы, латыши, немцы, татары и др. [5, с. 1801]. Положение этих национальных общностей на территории Беларуси накануне Первой мировой войны представляет научный интерес, в частности в вопросах анализа демографической ситуации в отношении их количественного и этнического состава.

Основным источником по изучению этнической ситуации на территории Беларуси в начале XX в. служит Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., результаты которой позволяют не только рассмотреть демографические и социальные процессы в обществе в целом, но и выделить их особенности в отдельных этнических регионах, одним из которых были белорусские земли.

Анализ данного источника дает возможность целостного построения демографической модели народонаселения Беларуси и его этнического состава за этот период времени на основе показаний респондентов об их языковой и конфессиональной принадлежности. В то же время следует отметить, что при использовании статистических данных переписи следует критически относиться к показателям источника, так как ни один из четырнадцати пунктов переписного листа не содержал в себе вопрос о национальности [6, с. 10–11].

На наш взгляд, целесообразно рассматривать национальные общности, проживавшие на территории Беларуси в годы Первой мировой войны, от наиболее представительных к наименее крупным в отношении их численности.

Накануне Первой мировой войны территория современной Беларуси находилась в границах пяти северо-западных губерний Российской империи: Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской. Эти губернии вошли в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Впоследствии административно-территориальное деление губерний притерпевало ряд изменений.

В начале XX в. Виленская губерния включала в себя семь уездов: Виленский, Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский, Свенцянский и Трокский. Согласно переписи, здесь проживало более 1 млн 591 тыс. человек. Густонаселенными были Виленский и Ошмянский уезды. Меньше всего людей проживало в самом территориально малом уезде – Свенцянском. Число жителей этого региона составило 10,8% от общего числа населения губернии. Наиболее крупными городами были Вильно, Лида, Ошмяны, Дисна и Свенцяны [8, с. 1].

Витебская губерния была наименее населенным регионом довоенной Беларуси, несмотря на одиннадцать уездов, которые входили в ее состав (Витебский, Велижский, Городокский, Двинский, Дриссенский, Лепельский, Люцинский, Невельский, Полоцкий, Режицкий и Себежский). На территории площадью 41,2 тыс. км^2 проживало около 1 млн 490 тыс. человек. Крупными уездами с высокой плотностью населения были Двинский, Витебский и Лепельский. К наиболее крупным городам относились Двинск, Витебск, Полоцк, Велиж и Режица[2]. Здесь проживало от 10 до 65 тыс. человек. В прочих городах в

---

[1]Титульная нация (син. титульное население) – коренной этнос, давший название административно-территориальной единице, хотя и не всегда составляющий большинство населения.

[2]Режица – официальное название города Резекне в Латвии в 1893–1917 гг. На тот момент город являлся территориально-административной единицей Режицкого уезда Витебской губернии.

среднем насчитывалось 2,5–9,5 тыс. человек [9, с. 614; 10, с. 1].

Гродненская губерния была самой малой административно-территориальной единицей площадью 36,3 тыс. км^2, где проживало более 1 млн 603 тыс. человек. Она включала в себя девять уездов: Гродненский, Брестский, Белостокский, Бельский, Волковысский, Кобринский, Пружанский, Слонимский и Сокольский. Вместе с тем это была третья по численности населения губерния после Минской и Могилевской. Самая высокая плотность населения была в Волковысском и Гродненском уездах, самая малая – в Слонимском уезде. Среди территориально-административных единиц с наибольшим числом жителей выделялись Брестский, Гродненский и Белостокский уезды. Меньше всего людей проживало в Сокольском уезде – 6,9% от численности населения губернии. Крупнейшими городами были Белосток – 66 тыс. человек, Гродно – 47 тыс. и Брест-Литовск – 47 тыс. человек [11, с. 3–5].

Минская губерния была самой крупной и самой населенной среди пяти белорусских губерний. Ее площадь составляла 91,2 тыс. км^2. Согласно переписи 1897 г. здесь проживало около 2 млн 147 тыс. человек. Административно губерния делилась на девять уездов: Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Мозырский, Минский, Новогрудский, Пинский, Речицкий и Слуцкий [12, с. 5]. Самыми большими по численности были Мозырский, Минский и Слуцкий уезды, население которых составляло 13,1, 12,9 и 12,1% от общего числа жителей губернии соответственно. Самым малочисленным уездом был Речицкий: в нем проживало 10,3% от всего населения губернии. Большинство городского населения этого центрального региона было сосредоточено в Минске и Бобруйске.

Могилевская губерния была второй по величине и состояла из одиннадцати уездов общей площадью порядка 45 тыс. км^2: Могилевского, Быховского, Гомельского, Горецкого, Климовичского, Мстиславского, Оршанского, Рогачевского, Сенненского, Чаусского и Чериковского. В конце XIX в. здесь проживало около 1 млн 687 тыс. человек. По численности населения эта губерния уступала только Минской. Самыми многочисленными уездами были Гомельский – 13,3%, Рогачевский – 13,3 и Оршанский – 11,9%. Наименее населенным был Чаусский уезд, насчитывавший 5,3% от численности населения [13, с. 3].

Таким образом, в конце XIX в. территорию пяти белорусских губерний площадью 253 тыс. км^2 населяли более 8,5 млн человек.

Самой крупной этнической общностью белорусских губерний накануне Первой мировой войны были белорусы. Отметим, что в рассматриваемый период они населяли преимущественно Минскую и Могилевскую губернии, а также большую часть Виленской, Витебской и Гродненской губерний [14, с. 123–124]. Анализ переписи показал, что незначительное количество белорусов также проживало в северовосточных уездах Ковенской губернии, территория которой в настоящее время входит в состав современной Литвы. Так, из семи уездов Ковенской губернии белорусы проживали в основном в Новоалександровском уезде и составляли 16,8% от общего числа жителей [15, с. 37]. Наличие здесь белорусской общности обусловлено географически. Новоалександровский уезд был самым восточным регионом Ковенской губернии и граничил с территорией Виленской губернии, где белорусы составляли большинство, – 56%. Много белорусов также проживало в Вилейском, Дисненском и Ошмянском уездах Виленской губернии [8, с. 9, 56–59].

В Витебской губернии этот показатель был ниже – 53% от всего населения региона. Наибольшее число белорусов проживало в Лепельском, Полоцком, Городокском, Невельском и Витебском уездах.

В Гродненской губернии относительный показатель белорусского населения был самым низким – 44%. Это связано с близким расположением губернии к границам территории современной Польши. Накануне войны жители Гродненщины, так же как и ранее, были подвержены польскому влиянию, говорили на польском языке и, как следствие, в некоторой степени относили себя к полякам. Больше всего представителей титульной нации проживало в Слонимском, Гродненском, Волковысском и Пружанском уездах. Отметим, что удельный вес городского населения этого региона среди белорусов также был невысоким. В самом большом по численности населения городе – Белостоке, проживало всего 2447 белорусов. Больше всего белорусов было в губернском городе Гродно – 5434 человека [11, с. 102].

В Минской губернии накануне Первой мировой войны белорусы составляли 76% от общего числа населения губернии. Больше всего населения проживало в Новогрудском, Слуцком, Борисовском и Речицком уездах [12, с. 80–83]. По числу белорусов Минскую губернию опережала только Могилевская.

В Могилевской губернии в начале XX в. насчитывалось около 1,4 млн белорусов, что составило 82% от общего числа населения. Это самый высокий показатель среди пяти белорусских губерний. Больше всего представителей титульной нации по отношению к другим этническим группам было в Рогачевском, Оршанском и Гомельском уездах, наименьший показатель приходился на Чаусский уезд. По численности городского населения белорусы уступали только евреям. Значительное число городского населения было в Могилеве и Гомеле: 12 847 и 6457 человек соответственно. В остальных городах губернии в среднем жило 1,5–3,0 тыс. человек [13, с. 96–99].

По мере развития капиталистических отношений в этот период участилась миграция белорусов в границах Российской империи. В начале XX в., особенно после революции 1905–1907 гг., усилилась тенденция переселения белорусских крестьян в Приуралье, Сибирь, на Дальний Восток. Так, если по переписи

1897 г. за пределами компактного расселения белорусского этноса проживало около 540 тыс. белорусов, то уже в период с 1907 по 1914 г. из пяти западных губерний переселилось более 335 тыс. человек. Причем 74% из них мигрировало из Виленской и Могилевской губерний [16, с. 28].

Необходимо отметить, что большинство населения было сосредоточено в сельской местности, а не в городах. Подавляющая часть крестьян белорусских губерний считали себя белорусами, а средний показатель крестьянства среди них накануне Первой мировой войны составил около 91% [8, с. 172–175; 11, с. 202; 12, с. 158–161]. Это одна из особенностей социальной структуры белорусов.

Что касается городского населения, то среди представителей белорусской национальной общности число горожан было незначительным. Те немногие белорусы, которые проживали в городах, получали доход от изготовления предметов одежды, устройства и строительства жилья и железных дорог. Совсем малая часть белорусов занималась преподаванием и врачебной деятельностью – это менее 0,1% [8, 10–13].

Узкий спектр занятий белорусов в городах отразился на их численности. По переписи 1897 г. в Витебской губернии к городскому белорусскому населению было отнесено около 29 тыс. человек, в то время как в сельской местности проживало почти 760 тыс. человек белорусского происхождения. В самом крупном городе губернии – Витебске, насчитывалось всего 8 тыс. белорусов. В остальных городах этот показатель был еще ниже. Но это вовсе не означает, что все белорусское население представляли исключительно крестьяне. Среди белорусов также были мещане и потомственные дворяне. Число дворян, духовенства, купцов и почетных граждан по губерниям было незначительным [10, с. 76].

Таким образом, накануне Первой мировой войны белорусы были самой многочисленной национальной общностью на этих территориях. Средний показатель по пяти северо-западным губерниям составил 62,2% от общего числа населения. Вместе с тем в первое десятилетие XX в. число белорусов сократилось. В основном это происходило в период революционных событий 1907 г. и вплоть до начала Первой мировой войны. Одним из важнейших факторов изменения количественного состава белорусского населения стали миграционные процессы в другие регионы Российской империи.

Важное место в годы Первой мировой войны принадлежало второй по величине национальной общности Беларуси – евреям. Согласно переписи 1897 г. в белорусских губерниях евреи составляли 14,1% от общего числа населения, это более 1 млн 202 тыс. человек. Большинство из них проживало в Гродненской (17,1%) и Минской (16,0%) губерниях [8, 10–13].

Гродненский регион лидировал по числу еврейского населения. Представители этой этнической общности населяли преимущественно Белостокский (21,1%), Гродненский (14,6%) и Слонимский (12,4%) уезды [6, с. 102–105]. В сравнении с другими национальными группами евреи выходили на первый план в таких городах, как Белосток, Гродно, Брест-Литовск, Брянск[1], Волковыск, Гониондз[2], Пружаны и Слоним [17, с. 79, 121]. Это связано в первую очередь с введением еще в конце XVIII в. черты постоянной еврейской оседлости, разрешавшей евреям селиться только в городах.

Евреи Минской губернии были второй по численности национальной общностью после белорусов и насчитывали более 343 тыс. человек. Многочисленные еврейские поселения были в Минском, Бобруйском и Пинском уездах. В остальных отдельно взятых уездах губернии проживало не менее 27 тыс. евреев [12, с. 82–83].

Еврейская общность Могилевской губернии насчитывала более 203 тыс. человек, что составило 12,1% от общего числа населения. Представительные еврейские группы проживали в Могилевском, Гомельском, Оршанском и Рогачевском уездах. Более 77 тыс. человек еврейской национальности было сосредоточено в городах, в первую очередь в Могилеве, Гомеле, Мстиславле, Орше, Рогачеве, Сенно.

В Виленской губернии показатель еврейского населения был немного выше – 12,7%. В Витебской губернии представительные еврейские общности проживали в Двинском (27,3%) и Витебском (22,7%) уездах.

Необходимо отметить, что накануне Первой мировой войны не было общей динамики численности евреев в белорусских губерниях. В целом удельный вес еврейского населения в пяти белорусских губерниях в то время составлял 13,2% (около 984 тыс. человек). В сравнении с материалами переписи 1897 г. этот показатель был ниже на 2,9%, или 218 тыс. человек, еврейского населения [18, с. 20].

Основными причинами снижения численности всего населения белорусских губерний, в том числе и евреев, были переселение вглубь страны накануне Первой мировой войны, а также последующее ухудшение социальных условий жизни, вызванное войной. Так, согласно архивным данным из книги для записи умерших евреев Носовичского общества Гомельского уезда за 1914 г., частыми были случаи с летальным исходом по причине таких болезней, как воспаление легких, чахотка и брюшной тиф. Первая мировая война

[1]Брянск – (совр. Бряньск) – город в Польше, входит в Подлясское воеводство, Бельский повет. Имеет статус городской гмины. В рассматриваемый период – заштатный город Бельского уезда Гродненской губернии.

[2]Гониондз (совр. Гонендз) – город в Польше, входит в Подлясское воеводство, Моньский повет. Имеет статус городско-сельской гмины. В рассматриваемый период – заштатный город Белостокского уезда Гродненской губернии, присоединенный к Российской империи в 1807 г.

также не создавала благоприятных условий для появления новых семей и не способствовала увеличению показателей рождаемости среди еврейского населения. Так, за ноябрь 1914 г. между евреями Носовичского общества Гомельского уезда было заключено всего три брака, а в Могилевском еврейском обществе число детей, родившихся в 1915 г., составило 374 человека [19, л. 1–5; 20, л. 3; 21, л. 1–12].

Необходимо также отметить и тот факт, что в начале XX в. произошли ощутимые демографические изменения в размещении евреев. Число евреев постепенно увеличивалось в Виленской, Витебской и Гродненской губерниях. Вместе с тем произошло существенное уменьшение населения в Минской (на 4,6%) и резкое увеличение в Могилевской (на 25%) губерниях. Причем в отдельных уездах этот показатель достигал 40%. Так, еврейское население Мстиславского уезда за период с 1897 по 1909 г. выросло с 16,7 тыс. до 23,4 тыс. человек, т. е. на 40,1%, Гомельского уезда – с 32,3 тыс. до 45,9 тыс., т. е. на 42,1% [22, с. 27–52]. Данные факты свидетельствуют об ощутимых миграционных и демографических процессах среди представителей еврейской общности.

К 1914 г. численность еврейского населения изменилась незначительно. Так, в Минской губернии удельный вес евреев составлял 13,8%, в Могилевской – 12,9, Гродненской – 16,7, Виленской – 11,2, Витебской – 13,0% [23, с. 40]. Евреи, как и ранее, продолжали оставаться одной из наиболее многочисленных общностей Беларуси. Среди основных видов деятельности этой группы можно выделить обработку дерева и металла, торговлю продуктами продовольствия, особенно зерном, изготовление предметов одежды. Так, например, по переписи 1897 г. из 46,5 тыс. жителей Минска более 3,5 тыс. евреев занимались производством одежды. Примерно столько же евреев были заняты в сфере образования Минской губернии. Только в одном Минске учебную и воспитательную деятельность осуществляли 539 человек. Были у евреев и другие источники доходов. Так, в конце XIX в. 6 тыс. евреев Гродненской губернии получали доход с капиталов, а также движимого и недвижимого имущества. Более 5,5 тыс. евреев служили в вооруженных силах Российской империи. [13, с. 178–183].

Число купцов значительно уступало числу мещан, однако среди евреев их было большинство. Согласно переписи 1897 г. 2% еврейского населения Могилевской губернии были купцами. Это был самый высокий показатель среди всех общностей губернии. Как следствие, в сельской местности практически не было евреев. Показатель еврейского крестьянства по губерниям был очень низким. Так, в Гродненской губернии среди евреев было 6,3% крестьян, в Могилевской – 3,0, а в Минской – только 1,6% [11–13]. Как было отмечено ранее, это связано с введением еще в конце XVIII в. черты постоянной еврейской оседлости, запрещавшей евреям селиться в деревнях.

Третьей по величине этнической общностью после белорусов и евреев в конце XIX – начале XX в. были русские. По данным переписи 1897 г. в пяти белорусских губерниях русские составили 5,8% от общего числа населения, т. е. порядка 493 тыс. человек. Их распределение по территории Беларуси было неравномерным. Самая большая численность и удельный вес представителей русской национальности наблюдались в Витебской (13,3%), а наименьшая – в Могилевской губерниях (3,4%) [16, с. 206].

В Виленской губернии русскими считали себя 4,9% от общего числа населения. Самая представительная группа проживала в Виленском уезде – 48,6%. Значительные группы русских были в Себежском, Велижском, Витебском, Двинском и Полоцком уездах Витебской губернии. Это был самый многочисленный регион в отношении численности русского населения. Всего здесь насчитывалось 198 тыс. русских, что составило 40,2% от общего числа жителей представленной национальной общности [10, с. 64–68].

В Гродненской губернии численность русских была немного ниже, чем в Виленской. Наиболее представительные группы русских проживали в Белостокском (18,7%) и Брестском уездах (24,0%). В девяти уездах Минской губернии русскими считали себя 3,9%. Причем самыми многочисленными уездами в отношении русского населения были Минский и Бобруйский [11, с. 102; 12, с. 8].

В конце XIX в. представители русской национальности были одной из наиболее многочисленных общностей Могилевской губернии после белорусов и евреев. Вместе с тем это была самая малочисленная губерния в отношении количества русского населения, а это около 58 тыс. человек [13, с. 96–99].

Источники свидетельствуют, что большинство русских, как и белорусов, проживало в сельской местности. Однако распределению русских поселений в белорусских губерниях была свойственна высокая урбанизированность в сравнении с другими регионами империи. По переписи 1897 г. 37,5% всех русских проживали в городах. По этому показателю они уступали только евреям, а в городах Минской и Виленской губернии даже выходили на первые позиции. Только в одном Вильно русские составляли более 20% от всего населения города [8, с. 9].

Основными занятиями горожан были частная деятельность и несение службы. Около 1,5 тыс. русских Виленской губернии были заняты в администрации, суде и полиции, тогда как среди белорусов в это же время подобные должности занимали только 457 человек [8, с. 172–173].

Отметим, что в среднем половина русского населения пяти губерний была крестьянами, треть составляли мещане, а оставшиеся были дворянами, потомственными чинами и духовными лицами. Особенностью социальной структуры русского населения на белорусских землях было и то, что среди ду-

ховенства Беларуси именно они в большей степени были служителями церквей и приходов. Белорусы, хотя и преобладали в пяти северо-западных губерниях, значительно уступали представителям русской общности по этому показателю.

Польская этническая общность Беларуси по показателю численности населения находилась примерно на одном уровне с русской. Так, согласно переписи 1897 г. в пяти белоруских губерниях проживали более 424 тыс. представителей польской общности. Однако расселение поляков на белорусских землях было неравномерным. Самые многочисленные их группы были представлены в Виленской и Гродненской губерниях [8, 10–13].

Следует отметить, что существует определенная проблема в изучении демографических процессов, связанных с польским населением, проживавшим на белорусских землях в конце XIX – начале XX в. Основой для детального изучения этого вопроса служит перепись 1897 г., в которой, как уже было отмечено ранее, использовался языковой критерий при определении этнической ситуации в Российской империи, в том числе и в белорусских губерниях. Такой подход не отражает действительную этническую ситуацию в отношении численности населения в Виленской и Витебской губерниях, так как в это время начинаются активные процессы этнической самоидентификации и большинство католического населения выбирает польскую самоидентификацию и культурную ориентацию, несмотря на использование в повседневной жизни белорусского языка [24, с. 183–185].

Так, в основе подсчетов польского историка П. Эберхардта лежит конфессиональный подход. По его мнению, к польскоязычной группе были отнесены только землевладельцы и интеллигенция, говорящая на польском языке. Жители, использующие просторечие или полько-белорусский диалект, несмотря на религиозную и национальную принадлежность, автоматически относились к белорусскоязычной группе [25, с. 29; 26, с. 173]. Исследователь отмечает, что последуюший рост католического и, как следствие, уменьшение православного населения в Виленской губернии можно объяснить частичной отменой национальных, культурных и религиозных ограничений в Беларуси и Литве в 1905 г. Это в определенной степени «ускорило» рост самосознания «тутэйшага» населения на белорусско-литовско-польской границе. Однако белорусский историк А. Смоленчук считает такое утверждение ошибочным, так как по переписи 1897 г. 40,2% польского населения в Беларуси и Литве были крестьянами [27, с. 142–145].

Несмотря на различные подходы в изучении демографических процессов польской общности в Беларуси, бесспорно то, что большинство польского населения было сконцентрировано на западно-белорусских землях, прилегающих к современной литовско-белорусской границе. Как было отмечено ранее, в конце XIX в. в пяти белорусских губерниях проживало более 424 тыс. поляков. Так, в начале XX в. в Виленской губернии поляки составляли 15,3%. Больше всего их было в Виленском и Трокском уездах, а это 73,1 тыс. и 22,9 тыс. человек соответственно.

Гродненская губерния занимала второе место по численности поляков после Виленской. Здесь проживало 10,1% поляков от всего населения региона. Вместе с тем это была наименее урбанизированная губерния: только 20% поляков жили в городах. Больше всего поляков проживали в Белостокском и Бельском уездах. Меньше всего представителей польской общности было в Сокольском уезде. Накануне Первой мировой войны число поляков губернии возросло и в 1909 г. составило 15,2% от общего числа населения Гродненского региона [18, с. 20, 102–105].

В Витебской губернии в конце XIX в. поляки составляли 2,5% от всего населения. Согласно статистическим данным переписи 1897 г. самые представительные общности были в Минском и Бобруйском уездах, что равняется 26,7 тыс. и 25,5 тыс. соответственно [10, с. 12; 7, с. 10].

Меньше всего поляков проживало в Могилевской губернии. Анализ переписи показал, что в губернии насчитывалось порядка 17,5 тыс. человек, что составило 1%. Больше всего поляков проживало в Могилевском, Гомельском, Оршанском, Рогачевском и Сенненском уездах, меньше всего – в Чаусском уезде. Тем не менее, по мнению П. Эберхардта, к 1909 г. их число возросло до 3,3%, что составило 69,6 тыс. человек [18, с. 20; 25, с. 66–67].

В начале XX в. произошли некоторые изменения относительно численности польского населения белорусских земель. Таким образом, в 1909 г. поляки Виленской губернии составили 15,3% населения, Гродненской – 4,3%, совместно в Витебской, Минской и Могилевской – 13,6%. В Гродненской губернии число поляков сократилось с 10,1 до 4,3%. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях удельный вес поляков возрос с 7,4 до 13,6% [23, с. 45–46].

Отметим, что социальная структура поляков имела свои особенности. Крестьяне составляли лишь треть всего населения. Большинство поляков белорусских губерний были потомственными дворянами или мещанами. Среди них также встречались так называемые личные дворяне[1], купцы и представители духовенства [28, с. 210]. Социальная структура польского населения повлияла на их занятия в белорусских губерниях. В сравнении с белорусами и русскими, они реже были заняты в сельском хозяйстве. В то же время представители польской этнической группы уступали евреям по числу городского населения и по количеству жителей, вовлеченных в ремесло и торговлю. Зато среди людей,

[1]Личное дворянство – категория дворян, чей статус дворянина не передавался по наследству. Получали право добиться потомственного дворянства выслугой.

получавших доход с имущества, больше всего было польских представителей.

Помимо белорусов и русских накануне Первой мировой войны на белорусских землях были представители еще одной восточнославянской общности, – украинцы. Согласно переписи 1897 г., они составляли 4,4% от общего числа населения, а это примерно 377 тыс. человек. Большинство представителей украинской национальности были расселены в южных районах Беларуси, особенно в Гродненской губернии. Густонаселенными являлись Кобринский, Брестский и Бельский уезды этого региона. Это 146 тыс., 140 тыс. и 64 тыс. человек соответственно. Меньше всего украинцев проживало в Витебской губернии – 419 человек [11, с. 102]. Анализ этих данных позволяет утверждать, что для украинцев была характерна преимущественно миграция на близкие расстояния.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что вышеперечисленные показатели в отношении белорусов, русских и украинцев не полностью отражают этно-демографическую ситуацию восточных славян в Беларуси накануне Первой мировой войны. Объясняется это тем, что с момента опубликования статистических данных переписи в 1901–1903 гг. до начала войны в 1914 г. прошло более 10 лет. Это достаточно долгий срок, учитывая постоянное изменение демографической ситуации. Вместе с тем именно перепись 1897 г. дает важнейший четко-структурированный материал для изучения в области демографии и интересна для исследования.

Вот почему на наш взгляд необходимо также использовать и другие источники, в том числе статистический материал так называемых «Памятных книжек»[1] по пяти белорусским губерниям [29, с. 270]. Содержащаяся в них информация дает возможность определить число православного населения накануне Первой мировой войны, к которому в основном относились белорусы, русские и украинцы. Так, к 1905 г. число православных Минской губернии составило более 1 млн 821 тыс. человек. Старообрядцев было более 17 тыс., к которым, как правило, относилось русское население. К 1909 г. эти показатели увеличились на 200 тыс. и 1,5 тыс. соответственно. В 1913 г. число православных достигло уже более 2 млн 146 тыс. человек, а старообрядцев – почти 20 тыс. человек [30–32]. В Виленской, Витебской, Гродненской и Могилевской губерниях в 1905–1913 гг. также наблюдалась положительная динамика увеличения численности православных и старообрядцев [33, с. 20; 34, с. 18; 35, л. 89–92; 36, с. 78; 37; 38].

Интересные сведения дает перепись о динамике численности в северных регионах. Современные балтские народы в конце XIX – начале XX в. были представлены на белорусских землях литовской и латышской этническими общностями, численность которых, согласно переписи, составляла 290 тыс. и 274 тыс. человек соответственно [10–13]. По материалам переписи литовцы наиболее компактно населяли некоторые уезды Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. Больше всего литовцев проживало в Гродненском уезде – 3,4 тыс. человек. В остальных уездах насчитывалось менее 100 человек, за исключением Слонимского. В Виленской губернии литовское население составило 17,6%. Компактные поселения литовцев были в Виленском, Трокском, Свенцянском, Лидском, Ошмянском и Дисненском уездах этого региона [8, с. 56–59; 11, с. 102–105]. Основным занятием литовцев было земледелие. Незначительная часть представителей этой общности служила и в российской армии.

Латышская общность по численности незначительно уступала литовской. В Беларуси проживало 264 тыс. латышей. Особенностью расселения данной народности на белорусских землях была их значительная концентрация только лишь в Витебской губернии: практически все население было сосредоточено в данном регионе. В Могилевской и Минской губерниях проживало около 7 тыс. и 2 тыс. человек соответственно. В Виленской и Гродненской губерниях этот показатель не достигал 500 человек [10–13]. Причиной такого высокого удельного веса в Витебском регионе стало присоединение Латгалии к Российской империи в 1772 г. после Второго раздела Речи Посполитой и ее административного включения в состав Витебской губернии в начале XIX в. [39, с. 4–7]. Так, в Двинском уезде латыши составили 39%, в Люцинском – 64, а в Режицком – 58%. Они проживали небольшими компактными поселениями на всей территории губернии. По мнению известного белорусского ученого и исследователя латышского этноса В. В. Тугая, сведения относительно латышей, белорусов и поляков можно считать занижеными в пользу представителей русской общности. Таким образом правительство стремилось показать, что Латгалия издавна являлась русской [40, с. 46].

Очень незначительной, с точки зрения ее численности, являлась немецкая общность Беларуси. В конце XIX в. на белорусских землях Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний проживало около 27 тыс. немцев, что составило 0,3% от всего населения [8, 10–13]. Однако именно по отношению к представителям этой этнической группы была проявлена наиболее четкая национальная политика со стороны российских властей во время Первой мировой войны. Вот почему для нас так важно ее рассмотрение.

Многие немцы переселились в различные регионы Российской империи еще задолго до начала войны. С течением времени они приняли российское

[1]Памятные книжки губернии – официальные провинциальные издания, которые выходили в большинстве губерний Российской империи во второй половине XIX в. на русском языке. Цель изданий – публикация сведений для разностороннего изучения губерний. Издатели – губернские статистические комитеты.

подданство и основали поселенческие колонии. Ввиду этого их можно отнести к этническим немцам. Так, на начало 1915 г. в колонии Нейдорф Домачевской волости Брестского уезда Гродненской губернии проживали 788 колонистов-лютеран и 473 колониста-католика и все они «состояли в русском подданстве с давних времен» [41, л. 32]. Некоторые немцы продолжали оставаться германскими подданными, но с началом военных действий стремились перейти в русское подданство по причине гонений со стороны местных властей.

Самая большая часть немецких колонистов была в Белостокском уезде Гродненской губернии – 76% от всего числа немецкого населения. Только на один Белосток приходилась половина всех немцев губернии [11, с. 202].

Меньше всего немцев было в Могилевской губернии – 1,3 тыс. человек. В основном немецкая общность Беларуси была занята в аграрном секторе в качестве арендаторов, управляющих, в ремесленной деятельности и торговле, в обрабатывающих промыслах и сфере обслуживания. Вместе с тем существовала и узкая прослойка городских жителей, державших магазины и предприятия. Некоторые немцы служили в вооруженных силах Российской империи.

По переписи 1897 г. в пяти белорусских губерниях проживало более 9 тыс. татар. Самыми многочисленными были Виленская и Гродненская губернии. Причем данные этой же переписи свидетельствуют о 4375 мусульманах в Виленской губернии. Больше всего татар проживало в Виленском и Трокском уездах этого региона. В 1911 г. показатель татарского населения остался на том же уровне. Компактные татарские поселения были в Гродненском, Брестском, Белостокском, Кобринском, Пружанском и Слонимском уездах Гродненской губернии. Их число варьировало в пределах от 150 до 800 человек. Значительная их часть состояла на военной службе или жила за счет дохода, полученного с капиталов или имущества [8, с. 164–171; 11, с. 202; 37, с. 209; 38, с. 249].

В начале XX в. количество татар Гродненской губернии увеличилось незначительно. В 1911 г. в губернии проживали 2807 мусульман, причем 535 из них – в Гродно. Вместе с тем в Белостокском и Брестском уездах число татар сократилось, в то время как в Волковысском уезде произошло увеличение численности рассматриваемой этнической общности [35, л. 89–92].

Довоенные показатели, возможно, были и выше, так как к этому времени некоторые татары приняли православие, и по этой причине не были внесены в данный список. Примечательно, что за 15 лет произошли изменения в географическом расселении татарской общности. Так, в 1912 г. татары уже не селились повсеместно в Брестском и Белостокском уездах, в то время как в Слонимском уезде их число возросло почти в 5, а в Сокольском – в 8 раз [11, с. 102; 42, л. 28].

Большинство «литовских» татар были заняты в аграрном секторе. Некоторые состояли на военной службе или жили за счет дохода, полученного с капиталов или имущества.

Таким образом, накануне Первой мировой войны население пяти белорусских губерний составило более 11 млн 266 тыс. человек, в то время как согласно переписи 1897 г. этот показатель был около 8 млн 520 тыс. человек. Как и в конце XIX в. самыми населенными губерниями продолжали оставаться Минская и Могилевская. Количество жителей составляло здесь около 2 млн 900 тыс. и 2 млн 350 тыс. соответственно. Отдельно в Виленской, Витебской и Гродненской губерниях проживало примерно по 2 млн человек [43].

Изучив целый ряд статистических данных, архивных материалов и тематических исследований, можно говорить о том, что в пяти белорусских губерниях в период с 1897 по 1914 г. наблюдался рост численности населения. Значительно возросло число жителей Минской и Могилевской губерний, а это на 831,8 тыс. и 664 тыс. человек соответственно. В остальных губерниях число людей увеличилось в среднем на 400 тыс. человек. Это было обусловлено дальнейшим развитием экономики, начавшимся еще в последней трети XIX в., ростом городов и торговли, новыми научными открытиями, в частности в области медицины. Все вышеперечисленные факторы способствовали улучшению условий жизни людей, росту продолжительности жизни, а также повышению уровня рождаемости.

Представленные статистические данные показывают, что полиэтническая ситуация в Беларуси, сложившаяся накануне Первой мировой войны, имела целый ряд особенностей.

Во-первых, помимо белорусов, на наших землях проживали представители различных национальных общностей: евреи, русские, поляки, украинцы, литовцы, латыши, немцы, татары. Все эти национальные общности были представлены отдельными компактными поселениями в различных частях пяти белорусских губерний.

Во-вторых, эти национальные общности были представлены отнюдь не пропорционально по отношению к друг другу. Так, если белорусы как титульная нация в конце XIX в. составляли более 5,4 млн человек, то уже самая крупная общность, следовавшая за ними – еврейская, была в 4,5 раза меньше. Далее за евреями шли группы восточных славян – русские и украинцы. Они насчитывали 493 тыс. и 377 тыс. представителей соответственно. Причем, украинцы уступали польской национальной общности белорусских земель, которые составляли в то время 424 тыс. человек. Вслед за украинцами следовали балтские народности. Это литовцы с населением в 290 тыс. человек и латыши, численность которых составляла 274 тыс. человек. Полиэтничность белорусских губерний дополнялась национальными общностями немцев-колонистов и татар.

В-третьих, расселение всех вышеперечисленных национальных общностей на территории Беларуси было неравномерным. Так, например, самые пред-

ставительные группы русских были сосредоточены в Витебской губернии, которая ближе всего располагалась к территории современной России. Как видим, в основе такого расселения лежат территориальный и геополитический аспекты. Еще одним таким примером может стать особенность расселения литовцев в Беларуси, представительные группы которых были только в Виленском регионе – 97 % от всего числа литовского населения.

В-четвертых, социальный состав населения Беларуси накануне Первой мировой войны был различным в зависимости от рассматриваемой национальной общности. Так, подавляющее большинство белорусов были крестьянами – 91%. Социальная структура русских было схожа. Однако духовенство Беларуси в большей степени было представлено именно русскими, а не представителями титульной нации. Высокая урбанизированность еврейского населения Беларуси проявилась в большом числе мещан, ремесленников и торговцев среди них. Представителей польской общности также нельзя было назвать аграриями: лишь одна треть их была вовлечена в сельское хозяйство. Вместе с тем среди поляков встречалось много мещан и дворян.

Все вышеперечисленные общности обладали свойственными лишь им особенностями социально-экономического, общественно-политического и культурного развития, что впоследствии отразилось на их положении и отношении со стороны государства и оккупационных властей в годы Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этнаграфія Беларусі / пад рэд. І. П. Шамякіна. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.
2. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
3. Тишков, В. А. Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа (лекция) / В. А. Тишков. – СПб., 2010. – 36 с.
4. Тишков, В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с.
5. Первый толковый БЭС: более 120 тыс. слов. стат., более 147 тыс. толк. ед. / отв. ред. Е. В. Варавина [и др.]. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2006. – 2141 с.
6. Население России за 100 лет. 1897 – 1997 / Госкомитет Рос. Федерации по статистике (Госкомстат России). – М.: Моск. изд. дом, 1998. – 221 с.
7. Водарский, Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.) / Я. Е. Водарский. – М.: Просвещение, 1973 г. – 159 с.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. мин. внутр. дел, 1900. – Ч. IV: Виленская губерния, тетр. 1. – 55 с.
9. Географический энциклопедический словарь: географическое название: свыше 16 000 ст. / гл. ред. В. М. Котляков. – 3-е изд., доп. – М.: Большая рос. Энцикл., 2003. – 903 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. мин. внутр. дел, 1899–1903. – Ч. V: Витебская губерния, тетр. 1–3. – 281 с.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. мин. внутр. дел, 1904. – Часть XI: Гродненская губерния. – 319 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. мин. внутр. дел, 1904. – Часть XXII: Минская губерния. – 243 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. мин. внутр. дел, 1903. – Часть XXIII: Могилевская губерния. – 276 с.
14. Забаўскі, М. М. Нацыянальна-рэлігійная палітыка царызма, урадавых партый і арганізацый на Беларусі (канец XIX ст – 1917 г.) / М. М. Забаўскі // Культурна-нацыянальныя працэсы на Беларусі ў другой палове 19 – пачатку 20 ст.: зб. навук. прац. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, Бел. Рэсп. фонд фундам. даслед. – Мінск: БДПУ, 1998. – С. 125–144.
15. Афанасьев, Д. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ковенская губерния / Д. Афанасьев. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза». – 1861. – 788 с.
16. Кто живет в Беларуси / под ред. А. В. Гурко [и др.]: Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 799 с.
17. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского: энциклопедия / науч. ред.: Ю. В. Баженов [и др.]. – Минск: Беларус. энцыкл., 2009. – 310 с.
18. Eberhardt, P. Przemiany narodowasciove na Belarusi / P. Eberhardt. – Warsawa. – 1994. – 182 s.
19. НИАБ. – Ф. 2409. – Оп. 1. – Д. 104. Книга для записи умерших евреев Носовичского общества Гомельского уезда на 1914 г. – Л. 1–5
20. НИАБ. – Ф. 3026. – Оп. 1. – Д. 78. Книга для записи бракосочетаний между евреями Носовичского общества Гомельского уезда на 1914 г. – Л. 3.

21. НИАБ. – Ф. 2409. – Оп. 1. – Д. 105. Книга для записи родившихся евреев Могилевского еврейского общества г. Могилев на 1915 г. – Л. 12.

22. Розенблат, Е. Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Е. Розенблат, И. Еленская // Диаспоры. – 2002. – № 4. – С. 27–52.

23. Карнялюк, В. Р. Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.: дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. Р. Карнялюк. – Гродна, 2001. – 108 с.

24. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович [и др.]. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.

25. Эберхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897 – 1989 / пер. з пол. У. Люкевіча. – Минск: Бел. фонд Сораса, 1997. – 227 с.

26. Кручковский, Т. Т. Поляки на Беларуси на фоне истории и современности / Т. Кручковский. – Слоним: Слоним. тип., 2003. – 271 с.

27. Смалянчук, А. Przemiany narodowosciowe na Belarusi / А. Смалянчук, P. Eberhardt. – Warszawa, 1994. – 182 s. // Беларус. гістар. агляд. – 1995. – Т. 2, сш. 1. – С. 142–145.

28. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1893. – Т. 19: Давенпорт-Десмин.– 480 с.

29. Большой белорусский энциклопедический словарь / редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.] – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – 408 с.

30. Памятная книжка Минской губернии на 1905 г. – Минск: изд. Минск. губ. стат. ком. – 1906. – 200 с.

31. Памятная книжка Минской губернии на 1909 г. – Минск: изд. Минск. губ. стат. ком. – 1910. – 189 с.

32. Памятная книжка Минской губернии на 1913 г. – Минск: изд. Минск. губ. стат. ком. – 1914. – 197 с.

33. Памятная книжка Могилевской губернии на 1905 г. – Могилев: изд. Могил. губ. стат. ком. – 1906. – 353 с.

34. Памятная книжка Могилевской губернии на 1912 г. – Могилев: изд. Могил. губ. стат. ком. – 1913. – 236 с.

35. НИАБ в г. Гродно – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 1295. Ведомость о числе жителей по вероисповеданиям по Гродненской губернии за 1911 г. – Л. 89–92.

36. Памятная книжка Витебской губернии на 1912 г. – Витебск: изд. Витебск. губ. стат. ком. – 1912. – 322 с.

37. Памятная книжка Виленской губернии на 1909 г. – Вильна: изд. Виленск. губ. стат. ком. – 1909. – 100 с.

38. Памятная книжка Виленской губернии на 1912 г. – Вильна: изд. Виленск. губ. стат. ком. – 1912. – 102 с.

39. Тугай, У. В. Латышскі этнас у сацыяльна-эканамічным і культурным жыцці Беларусі (XIX – п. п. XX ст.): аўтарэф. дыс. … д-ра гіст. навук: 07.00.02 / У. В. Тугай; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2002. – 37 с.

40. Тугай, У. В. Латышскі этнас у сацыяльна-эканамічным і культурным жыцці Беларусі (XIX – п. п. XX ст.): дыс. … д-ра гіст. навук: 07.00.02 / У. В. Тугай; Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2002. – 260 с.

41. НИАБ, в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 17. – Д. 598. Статистические сведения о мусульманах по губернии за 1912 г. – Л. 28.

42. НИАБ, в г. Гродно. – Ф. 2. – Оп. 25. – Д. 3369. Дело о сборе сведений об имущественном положении австрийских, венгерских и германских подданных по губернии. – Л. 32.

43. Статистический ежегодник России 1913 г. – СПб.: Изд. центр. стат. ком. – 1914 г. – 661 с.

Вольга Дзмітрыева

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ СУПОЛЬНАСЦІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ПАДЧАС ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ. КОЛЬКАСЦЬ І СКЛАД

Рэзюмэ

Разгледжана дэмаграфічная сітуацыя адносна насельніцтва Беларусі падчас Першай сусветнай вайны. Надаецца ўвага колькаснаму складу і сацыяльнай структуры этнічных груп насельніцтва ў азначаны перыяд.

Volha Dzmitryieva

NATIONAL GROUPS ON THE TERRITORY OF BELARUS BEFORE WORLD WAR I. QUANTITY AND STRUCTURE

Summary

Demographic situation in relation to the population of Belarus before World War I is researched. Special attention is paid to a quantitative composition and social structure of ethnic groups at the mentioned period.

Поступила 04.04.2013 г.

УДК 94:323.1:316.7(476+470+477)«192/193»

Михаил Старовойтов (Гомель, Беларусь)

СИСТЕМНО-КОМПАРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В 1920–30-е ГОДЫ

С конца XX в. после всех катаклизмов историки, как и историческая наука, находятся в поиске новых историографических традиций и переоценивают ранее существовавшие. С развалом СССР и сменой общественного строя в постсоветской историографии, в том числе и в белорусской, стал насаждаться так называемый цивилизационный подход и отвергаться формационный. Такой односторонний научный подход и методологическая упрощенность были отмечены российскими историками уже в середине 1990-х годов. Академик И. Д. Ковальченко высказал убеждение о необходимости сочетания обоих подходов для подлинно научного изучения исторических процессов [1]. На эту позицию стал и известный российский историк Ю. А. Поляков. В конце 1980-х годов он опубликовал статью, в которой на материалах истории советского общества показал многомерность исторического процесса [37]. В целом предложенная им концепция не вошла в научный оборот. Спустя пятнадцать лет автор ее кардинально развил и, доказывая необоснованность полного отказа от формационной концепции, отметил, что «к концу XX в. стала очевидной необходимость выработки новых подходов к освещению исторического процесса». «Когда рассеялся туман и утих барабанный бой, отмечает он, стало ясно, что существуют совершенно разные трактовки цивилизационного подхода». «В этом плане и Советский Союз является особой цивилизацией со своим образом жизни, специфическим социально-экономическим, общественно-политическим и духовным укладом». «Исходя из потребности, постичь и отразить многомерность исторического процесса, продолжает Ю. А. Поляков, целесообразно продумать новые методологические варианты. Нужна определенная система выявления всех составных частей исторического процесса, их типологизации с тем, чтобы путем последующего объединения создать многомерную картину прошлого. Множественность факторов и русел исторического развития требует их конкретного, но не обособленного исследования». Он использует физический термин диспергирования, что на практике «означает выделение того, что можно назвать руслами исторического процесса. Русла могут быть (и являются) совершенно различными, но обязательно – реальными; русла разумно обоснованы, осмыслены, доступны конкретному исследованию, аналитическому рассмотрению». «Поэтому первая задача исторической науки – изучение классов, слоев, групп, сословий, страт применительно к различным эпохам и народам. Изучение в соответствии с принципами историзма в динамике и во взаимодействии с другими слоями и группами». И далее Ю. А. Поляков отмечает, что «для нахождения… общего знаменателя нужно видеть русла и факты в их совокупности, определяя приоритетность, сочетании, субординированности применительно к различным эпохам и регионам» [2, с. 5, 6, 9].

В начале 1990-х годов известный историк-аграрий Л. В. Милов сказал: «Мы – и украинцы, и русские, и белорусы, и народы Поволжья и целый ряд других народов, на мой взгляд, составляем единый тип цивилизации. В этом едином типе цивилизации существуют одни и те же, с точки зрения общности, механизмы ментальности. Это вопрос очень важный, его можно раскрыть только в сравнительно-историческом плане, и, я думаю, что в будущем мы сможем выйти на эти проблемы» [28, с. 20].

Декан истфака МГУ считает, что стихийный переход в 90-е годы XX в. от концепции общественно-экономической формации к цивилизационной серьезно поколебал идею прогресса в истории [17, с. 24].

О новых подходах в исследованиях гуманитариев шла речь на Первом съезде ученых Республики Беларусь. В своем выступлении Президент Беларуси А. Г. Лукашенко отметил: «Развитие науки в этих сферах не должно быть изолированным, не должно замыкаться в узких корпоративных рамках» [26, с. 21]. Выступая на этом съезде, академик П. Г. Никитенко подчеркнул, что для совершенствования методологии в гуманитарных науках необходимо «активизировать на системной основе научные исследования…» [34, с. 47–48]. С таким подходом созвучно и мнение А. А. Ковалени о настоятельной необходимости более глубокого и всестороннего научного осмысления социально-политических процессов «з прыцягненнем арыгінальных і раней невядомых архіўных дакументальных матэрыялаў» [14, с. 83]; в этом плане история БССР 1920–30-х годов является фундаментальной и актуальной. На Первом съезде ученых Республики Беларусь А. А. Коваленя подчеркнул, «што на негатыўных з'явах 1937 г. сярэдняму пакаленню і асабліва моладзі нашы апаненты імкнуцца навязаць

ідэю непаўнацэннай нацыянальнай гісторыі. Маўляў, у БССР акрамя жудасных рэпрэсій і таталітарызму ў мінулым нічога станоўчага не было. А значыць і ў сучаснасці беларускі народ ні на што не здатны» [15, с. 76].

Мы полагаем, что крайне негативные оценки советского прошлого незаслуженно принижают значительные достижения многонациональной страны и советского народа. Не следует впадать в крайности, давая такие оценки советскому прошлому, как будто бы большевики–коммунисты осуществили девастацию в стране. Адекватные оценки героическим и трагическим событиям нашей советской истории можно дать, используя в исследованиях системно-компаративный подход.

На противоречия и ненаучность в оценке формационного и цивилизационного подходов среди белорусских историков обратил внимание известный специалист в области новейшей истории доктор исторических наук, профессор В. С. Кошелев. «В условиях информационной войны особенно актуальным и важным является всестороннее изучение исторического наследия и перспектив развития восточноевропейской цивилизационной общности, состоящей из трех братских народов – белорусского, русского и украинского. Ведь историческая миссия этих народов заключается не только в сохранении восточнославянского наследия и в передаче его новым поколениям, но и в формировании, как представляется нам, собственной модели цивилизационного развития, вполне возможно альтернативной западному мироустройству. …Изучение истории и преподавание ее на всех уровнях непрерывного образования должно опираться на прочную методологическую базу, а не на политические и идеологические мифологемы, как любят предлагать концептуалисты разных мастей. В этой связи следует признать, что формационный подход к изучению истории не исчерпал своих эвристических возможностей. Так считают многие, в том числе зарубежные, исследователи. Совсем не случаен настоящий бум марксоведения на современном Западе. Естественно, формационный подход должен применяться творчески, в сочетании с другими методологическими подходами, и прежде всего с такими, как цивилизационный, культурологический, мирсистемный и др.» [24, с. 66].

Солидаризируясь с В. С. Кошелевым, белорусский историк-методолог В. Н. Сидорцов пишет: «Сегодня недопустимо противопоставление одних подходов другим в формате “или – или”, хотя это нередко встречается, например, в соотношении формационного и цивилизационного представления истории. Такое отношение, может быть, и, надеемся, вскоре будет преодолено посредством, как модернизации первого, так и его сопряжения со вторым» [42, с. 4].

С обретением независимости Беларуси, считает В. Е. Козляков, у историков появилась возможность творческой активизации своей научной деятельности и «жгучее желание поскорее вписаться в так называемый западный вектор, «…отыскать наукообразные доводы в пользу борьбы белорусского народа за свою независимость от России, доказать историческую приверженность белорусов именно западным ценностям, убедить широкую общественность в том, что, дескать, все беды на белорусские земли приходили с Востока» [22, с. 221].

Сама жизнь заставляет исследователей обратиться к анализу исторических процессов и явлений на новом уровне. «В транснациональной историографии, – пишет Т. И. Исламов, – новое мощное звучание получил сравнительно-исторический метод (историческая компаративистика) и такие ее формы, как перекрещивающаяся история, исследование европейских и внеевропейских взаимосвязей, некоторые другие. На первый план при этом выступают не выявление сходств и расхождений, а взаимосвязи, соприкосновение, переплетение, влияние, кооперация и слияние, растворение, ассимиляция. Поскольку именно эти элементы важны для создания синтеза». Он отмечает, что не следует переоценивать новые методы, которые «…ожидает та же судьба, что и структурализм и подобные нововведения в историческом исследовании, каковых было немало в конце прошлого века. Историческая наука переживает пору обновления. Она расширяет диапазон своих исследований, совершенствует познавательный инструментарий, широко применяя сравнительно-исторический метод…» [13, с. 22].

Не прижились нововведения и в виде неолиберальных концепций. В связи с этим уместно отметить, что прав Н. В. Смехович, когда говорит об отсутствии общества, описанного в этих концепциях, или о необходимости наличия модели такого общества, скроенной «по западным меркам и пригодной для всех» [43, с. 491–492].

Как видим, новомодные концепции и методы в постсоветской историографии не приживаются без должного их осмысления и критического применения.

Поскольку исследование этносоциокультурных и демографических процессов в составе населения БРУП является многоаспектным, то здесь необходимо применение определенного методологического подхода. Для такого рода исследований применим, на наш взгляд, подход, предлагаемый историком-методологом В. Н. Сидорцовым, когда требуется «разработка методической схемы анализа, в котором сумма отдельных исследований была бы необходима и достаточна для решения проблемы в целом» [29, с. 156]. На наш взгляд, системно-компаративистский подход, или «схема анализа», как раз и позволяет решать проблему в целом.

Незаменимым атрибутом любых научных исследований независимо от их отраслевой принадлежности выступает системность. В исторической науке она так же является одним из основополагающих принципов. Принцип системности в изучении исторического процесса в сочетании с использовани-

ем историко-сравнительного метода обусловливает свойство объективности и, на наш взгляд, позволяет сочетать как формационный, так и цивилизационный подходы. Это дает возможность изучать общество как сложную, развивающуюся, управляемую социокультурную систему, как социальный организм. Развитие социокультурной системы взаимосвязано с развитием всех ее элементов, включая становление и развитие национальной государственности: территория, население, границы, политическое устройство, экономика, социальная структура, духовная жизнь и другие факторы. В этой системе человеческая активность (по терминологии Н. Н. Моисеева), мы полагаем, более всего обусловлена этническими и половозрастными признаками, производственной деятельностью, которая определяет социальную структуру общества, уровнем грамотности и образования, влияющих на интеллект, общую, профессиональную и духовную культуру индивидов. Эти процессы и явления настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены, что индивид не может развиваться вне коллективной среды. Не здесь ли кроется мифотворчество о гражданском обществе?

Народы развиваются в конкретных природно-географических и исторических условиях, создавая свою цивилизацию (культурно-исторический тип общества) и проходят на своем историческом пути ступени социально-экономического развития, соответствующие определенному способу производства, составляющему основу общественно-экономической формации (социальный тип общества). Это и позволяет учитывать системный подход.

Многомерный исторический процесс при этом рассматривается одновременно с двух взаимосвязанных сторон (цивилизационное и формационное развитие), что более полно отражает историческую реальность общественного развития и позволяет исследовать его тенденции. Мы применяем системный подход к облику (карте) человека, группы, сообщества, населения, социума. Население (социум) разделяется по демографическим (половозрастным), национальным, социальным, культурным (в нашем варианте грамотность и образование), конфессиональным признакам. Мы считаем возможным отнести их к главнейшим составляющим исторического процесса. Это есть основа социокультурного или культурно-исторического типа общества как главной системы. Параметры этих главных составляющих поддаются количественным и качественным изменениям, типологизации. Только дектолоскапические данные сугубо индивидуальны.

Системный подход – направление методологии исследования, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, т. е. рассмотрение каждого объекта как системы. БРУП – это межрегиональная (межреспубликанская) система, входившая, в свою очередь, в более сложную общегосударственную (общесоюзную) систему.

Из специальных научных методов в оптимальном соотношении с системностью возможно использование историко-сравнительного метода. Такое сочетание, на наш взгляд, обусловливает свойство объективности.

На положительные стороны и недостатки в исследовании истории становления белорусской нации и формировании ее государственности в 2001 г. указал белорусский историк С. С. Рудович. Слабые стороны он видит в следующем. «Нацыя- і дзяржаватворчы працэс у Беларусі вывучаецца хоць і дэталева, але часам без дастатковай увязкі з іншымі працэсамі ў краі і вакол яго. Недастаткова выкарыстоўваюцца магчымасці параўнальна-гістарычнага метаду, не выяўляецца агульнае і спецыфічнае ў аднатыпных з'явах у Беларусі ды іншых рэгіенах або краінах, дзеля чаго тэарытычны далягляд айчыннай гістарыяграфіі застаецца абмежаваным толькі ўласна беларускім эмпірычным матэрыялам. Асобныя факты і падзеі беларускай гісторыі нярэдка разглядаюцца ізалявана, не заўседы ўлічваеццца агульны гістарычны кантэкст, у прыватнасці палітыка суседніх дзяржаў да Беларусі» [41, с. 12].

Соглашаясь с автором в такой оценке применения компаративистского метода в исследовании национальной истории, о чем автор этих строк примерно в это же время говорил на международных конференциях в Брянске, Гомеле, Чернигове, следует все-таки отдать пальму первенства М. Блоку.

В XX в. сторонниками компаративистики как исследовательской практики были известные историки и специалисты по общественным наукам, М. Блок, М. Вебер, Т. Моммзен, А. Тойнби и др. От общих рассуждений к конкретизации собственно метода сравнительной истории перешел М. Блок. На VI конгрессе в Осло в 1928 г. он сделал доклад, который в расширенном виде был опубликован в этом же году в «Журнале исторического синтеза» («Revue de synthese hist»). Обстоятельный реферативный анализ этой статьи М. Блока недавно сделала доктор исторических наук А. Л. Ястребицкая [51], благодаря чему многие его соображения стали доступны исследователям.

В 1960–70-е годы в связи с ослаблением позиций национально ориентированной истории интерес к компаративистике значительно вырос. Известный немецкий историк Ю. Кока отмечает, что изучение национальной истории традиционно сохраняется, но «начиная с 60-х годов большое распространение получила также сравнительная история или историческая компаративистика» [23, с. 19]. Из советской историографии заслуживает внимание работа известного слависта Д. Ф. Маркова [27].

Прошло около тридцати лет, но существенных изменений в исследовании истории Беларуси, России и Украины XX века на основе компаративистского метода не произошло. В Беларуси приятным исключением являются монографии В. Е. Козлякова [21], А. Н. Куксы [25] и, в какой-то мере, Д. В. Карева [16]. Некоторый вклад в разработку проблемы внес и автор этих строк.

В российской историографии следует выделить трехтомное исследование А. И. Молчанова о триединстве восточных славян, глубинном, проверенном веками их братстве: «Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до “Беловежской пущи” (2003–2006 гг.)». Из доступных сведений по украинской историографии заслуживают внимания монография С. М. Вдовенко [6] и статья О. П. Реэнт [40].

Как видим, историография избранной нами темы невелика. Проблемы белорусско-российско-украинского пограничья не получили сколько-нибудь развернутого освещения в отечественной и в зарубежной исторической науке. Можно сказать, вопрос так никогда и не ставился, о чем автор уже писал. Теперь на это обратили внимание и другие исследователи [48]. Нам представляется, что это связано как с объективными (трудности в поиске, выявлении документальной базы для исследований такого рода), так и с субъективными причинами (необходимость скрупулезной работы по созданию такой базы, проведении расчетов, анализа и обобщений).

А. Л. Ястребицкая отмечает, что М. Блок увязывал зависимость ценности сравнительных исследований от хорошо документированных фактов. Он считал, что ограниченность человеческих сил не позволяет надеяться на появление трудов «из первых рук» широкого географического и хронологического охвата и поэтому сравнительный анализ неизбежно всегда будет уделом лишь малой части историков, так как такое исследование не из легких и требует скрупулезности [51, с. 28].

Анализируя статью, А. Л. Ястребицкая пишет, что М. Блок отмечал, что авторы монографий «в массе своей не считают долгом интересоваться материалами, раскрывающими процессы, протекающие в регионах, прилегающих к ареалу их собственных исследований, отличающимися по своим национальным либо политическим условиям от тех, которые изучают они сами» [цит. по: 51, с. 28–29]. «Дух сравнительной истории, пишет М. Блок в заключении, привел в движение локальные исследования, без которых она не может ничего, но которые, в свою очередь, без нее не ведут ни к чему. Пора перестать вести бесконечные разговоры «о своей» национальной истории, не понимая, по существу друг друга» [цит. по: 51, с. 29]. Эта мысль не потеряла своей актуальности и сегодня.

Изучение истории Беларуси только в национальном контексте сужает и обедняет белорусскую историю, а одни стереотипы заменяются другими. В рамках объема возможной публикации остановимся на конкретных примерах.

Коллективизация в силу объективных и субъективных причин не «знішчыла усіх гаспадароў-сярэднякоў», как это стало принято считать. Всесоюзная перепись 1939 г. показала, что крестьяне-единоличники в социальной структуре общества занимали определенную долю в составе занятого населения. Проведенные расчеты позволили установить белорусскую специфику. В белорусской составляющей БРУП доля крестьян-единоличников среди занятого населения была в 2 раза выше, чем в российских и Черниговской областях, в 6 раз – общеукраинского показателя, в 5 раз он был выше по Киевской и в 7 раз – по Житомирской областям. Это вызвано значительной разницей в абсолютных показателях. В белорусских областях пограничья единоличников насчитывалось 137 609 человек. Примерно столько, как в российских и украинских областях вместе взятых – 134 700 чел. От 84,5% в Житомирской области до 99,5% в Орловской единоличниками являлись титульные этносы, что отражало степень полиэтничности сельского населения. Доля лиц в возрасте старше 55 лет женщины и старше 60 лет мужчины в составе единоличников составляла в 1939 г. от 29,0–34,0 % в белорусских и украинских областях до 34,0–40,0 % – в российских. В конце 1930-х годов в белорусской составляющей БРУП доля крестьян-единоличников в составе занятого населения была самой высокой не только в пограничье, но и в целом в СССР. Вряд ли эта категория населения смогла бы переустроить деревню. О причинах этого явления подробно изложено в специальной статье автора [45].

Измерение отдельных составляющих исторического процесса и явлений предполагает получение конечного результата в количественных показателях их свойств и признаков. Этот подход к изучению обозначенных нами этносоциокультурных и демографических процессов позволяет получить обобщенную и цельную картину в отличие от описательного характера отдельных явлений. Такой прием дает возможность понять и адекватно оценить, массовые однопорядковые явления или процессы, установить (получить) более точное обобщение.

Нами установлено, что большая часть сельских семей к концу 1930-х годов уже не были многодетными, если таковой считать семью, состоящую из 5 и более человек, т. е. где трое и более детей. Не подтверждаются и данные о большом количестве семей из 8 и более человек. Это хорошо видно из комбинированной таблицы (см. стр. 80) [составлена по: 3, л. 6; 4, л. 36; 7, л. 2; 8, л. 29; 9, л. 2; 10, л. 29; 11, л. 2; 12, л. 29–30; 18, л. 2; 19, л. 29; 29, л. 2; 30, л. 29; 31, л. 2; 32, л. 29; 34, л. 2, 6; 37, л. 2; 38, л. 29; 43, л. 4, 8; 45, л. 7; 46, л. 37; 48, л. 2; 49, л. 29], дающей объемную и аргументированную информацию. Высокую оценку такого рода информационным таблицам дал Л. И. Бородкин [5, с. 11].

Последствия военно-революционных лет, принудительной коллективизации, форсированной индустриализации, миграционные процессы, в том числе и репрессивные меры, привели к значительным потерям мужского населения титульных этносов, что существенно повлияло на семейно-брачные отношения в деревнях БРУП. В связи с этим очевидна устойчивая тенденция: среди белорусов, русских и украинцев мужчин в браке состояло больше, чем женщин. Признак традиционного общества (это наличие больших семей) уходил в прошлое. Из таблицы хорошо видна

Типологизация сельских семей по числу совместно проживавших в 1939 г.

Область, республика	Количество человек							Население в браке*		
	2	3	4	5	6	7	Более 8	все	титульное	
									мужчин	женщин
Витебская	15,8	20,7	22,6	18,5	12,0	6,2	4,2	603	672	567
Гомельская	15,0	19,0	22,7	19,2	12,9	6,7	4,5	643	715	613
Минская	13,7	18,5	22,0	19,5	13,5	7,6	5,2	662	685	599
Могилевская	13,7	18,8	22,2	19,5	13,5	7,3	5,0	627	706	593
Полесская	14,5	19,5	22,6	19,3	12,5	6,8	4,8	638	695	618
БССР	14,5	19,3	22,4	19,2	12,9	6,9	4,8	624	693	595
Орловская	12,8	16,9	20,5	19,5	14,7	8,8	6,8	625	690	577
Смоленская	14,9	19,2	21,5	18,9	13,1	7,2	5,2	614	676	568
Житомирская	16,8	22,1	23,5	18,2	10,8	5,3	3,3	615	695	580
Киевская	20,5	24,5	24,5	16,7	8,6	3,5	1,7	623	723	564
Черниговская	16,9	22,3	25,0	18,9	10,7	4,6	2,5	632	706	581
УССР	18,2	23,3	24,4	17,7	9,8	4,3	2,3	634	717	586

*Старше 15 лет на 1000 чел.

явная тенденция к росту количества семей, состоящих из 2–4 чел. В данных демографических показателях, в отличие от предыдущего примера, мы не видим резких расхождений в белорусских областях в сравнении с соседними российскими и украинскими, хотя определенная специфика имеется.

Выбор такой методологии обусловлен концепцией и постановкой исследовательских задач. Изучение многоуровневой этносоциокультурной системы по схеме – область, БРУП, БССР, СССР – позволяет на основе привлечения значительного количества оригинальных источников выявить общее, типичное и специфическое в изменении этносоциокультурного облика населения БССР и, прежде всего, титульного этноса.

Выбранное нами научное направление теоретической основой имеет формационно-цивилизационный подход и базируется на позициях системно-компаративного анализа. Наш выбор такой теоретической позиции в изучении истории БССР 1920–30-х годов основан на современном уровне исторического знания, на развитии самой истории, смене ее парадигм, понимаемой не только как разрыв, но и как преемственность.

Предыдущие наши исследования (автором опубликовано около 30 научных статей и более 50 публикаций на международных конференциях об этносоциокультурных процессах в БРУП) и данный материал, на наш взгляд, свидетельствуют об этносоциокультурном единстве восточнославянских народов. В этих исследованиях была выявлена типологизация процессов и явлений, которые произошли в составе населения региона в условиях мобилизационной модернизации всех сфер жизни общества. Системно-компаративный подход позволяет установить специфику и тенденции, сделать аргументированные выводы и обобщения и дать новую адекватную оценку этносоциокультурного облика населения БССР и, прежде всего титульного, в межвоенный период.

В связи с вышесказанным можно согласиться с мнением Э. А. Позднякова: «Если то или иное научное исследование открывает что-то новое, обнаруживает ранее неизвестные стороны того или иного явления, то оно одновременно выступает и в качестве методологии», так как «…отдельной от конкретных научных исследований общезначимой методологии попросту не существует и существовать не может» [36, с. 524]. Здесь мы выделили те методы, которые содержательно вписываются в исследовательский замысел. Вышеизложенное обоснование целесообразности использования конкретных методов свидетельствует о валидности нашей методики в исследовании БРУП. Немецкий историк Ю. Кока утверждал: «Сравнение – это очень важный метод в исторической науке. Его называют “королевским путем” исторического познания» [23, с. 19].

На наш взгляд, формационный и цивилизационный подходы вкупе с использованием системного и историко-сравнительного методов поднимают исследование истории БССР межвоенного периода на более высокий теоретический уровень. Регионально-исторический подход позволяет установить, что в полиэтничной и поликонфессиональной Российской империи, а затем в СССР, социокультурный облик населения не был гомогенным. Такой подход с высокой степенью достоверности позволяет показать различия, особенности и специфику этносоциокультурных и демографических процессов, наблюдаемых в Беларуси в исследуемый период, когда происходила консолидация белорусского этноса и его территории. Это позволяет глубже понять историю нашего государства, выйдя за рамки и категории национального

государства. Нам представляется, что регионально-исторический подход дает возможность конвергировать формационную и цивилизационную концепции. Предложенный подход (метод) является одним из главных путей создания научных и объективных работ по отечественной истории, дает возможность достичь высокого уровня реализации интеллектуального потенциала исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковальченко, И. Д. Многомерность исторического развития / А. Д. Ковальченко // Свободная мысль. – 1995. – № 10. – С. 77–88.
2. Поляков, Ю. А. Как отразить многомерность истории // Ю. А. Поляков / Новая и новейшая история. – 2003. – № 4. – С. 3–10.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 257. Всесоюзная перепись населения 1939 года БССР.
4. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 429. БССР.
5. Бородкин, Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях / Л. И. Бородкин. – М.: МГУ, 1986. – 188 с.
6. Вдовенко, С. М. Україна–Белорусь: взаємовідносини на перехрестях перемін / С. М. Вдовенко. – Чернігів: Видавець Лозовий В. М., 2010. – 448 с.
7. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 375. Витебская область.
8. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 547. Витебская область.
9. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 376. Гомельская область.
10. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 548. Гомельская область.
11. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 358. Житомирская область.
12. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 530. Житомирская область.
13. Исламов, Т. И. Европейские историки о европейской истории / Т. И. Исламов // Новая и новейшая история. – 2003. – № 5. – С. 3–23.
14. Каваленя, А. А. Метадалагічныя падыходы асвятлення навейшай гісторыі Рэспублікі Беларусь / А. А. Каваленя // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность: материалы науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / НАН Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2006. – С. 78–84.
15. Каваленя, А. А. Дзяржаўнасць Беларусі: гісторыя і сучаснасць / А. А. Каваленя / Вес. Нац. акад. навук Беларусі, Сер. гуманіт. навук. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – Спец. вып. – С. 72–80.
16. Карев, Д. В. Белорусская и Украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 312 с.
17. Карпов, С. П. Университетский учебник по всеобщей истории: итоги и перспективы // Новая и новейшая история. – 2003. – № 3. – С. 21–28.
18. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 361. Киевская область.
19. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 533. Киевская область.
20. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / А. Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. –1995. – № 1. – С. 3–33.
21. Козляков, В. Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины). – Минск: БГПУ, 2001. – 246 с.
22. Козляков, В. Е. Современная историография Беларуси: некоторые тенденции в изучении отечественной истории / В. Е. Козляков // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 221–232.
23. Кока, Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире / Ю. Кока // Новая и новейшая история – 2003. – № 3. – С. 17–20.
24. Кошелев, В. С. Развитие гуманитарных наук и качество образования // В. С. Кошелев / Вес. Нац. акад. навук Беларусі, Сер. гуманіт. навук. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – Спец. вып. – С. 63–67.
25. Кукса, А. Н. Взаимодействие национальных движений Белоруссии и Украины в 1917–1922 гг. / А. Н. Кукса. – Минск: РИВШ, 2010. – 194 с.
26. Лукашенко, А. Г. Стратегия будущего / А. Г. Лукашенко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі, Сер. гуманіт. навук. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – Спец. вып. – С. 3–27.
27. Марков, Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы / Д. Ф. Марков. – М.: Наука, 1983. – 347 с.
28. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф. / отв. ред. В. П. Данилов [и др.] – М.: РОССПЭН. – 1996. – 440 с.
29. Методологические проблемы истории: учебник. Пособие для студентов, магистрантов и аспирантов ист. и философ. специальностей учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / В. Н. Сидорцов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Сидорцова. – Минск: Тетра Системс, 2006. – 352 с.
30. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 377. Минская область.
31. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 549. Минская область.
32. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 379. Могилевская область.

33. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 551. Могилевская область.

34. Никитенко, П. Г. Роль гуманитарных наук в формировании белорусской модели социально ориентированного устойчивого инновационного развития страны / Вес. Нац. акад. навук Беларусі, Сер. гуманіт. навук. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – Спец. вып. – С. 42– 49.

35. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 317. Орловская область.

36. Поздняков, Э. А. Что такое история и нужно ли ее знать? / Э. А. Поздняков. – М.: Идея-Пресс, 2010. – 608 с.

37. Поляков, Ю. А. Многомерность исторического процесса / Ю. А. Поляков // Вопросы истории КПСС. – № 9. – 1988. – С. 19–34.

38. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 380. Полесская область.

39. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 552. Полесская область.

40. Реєнт, О. П. Українсько-білоруські взаємини у XIX – на початку XX ст.: період становлення / О. П. Реєнт // Український історичний журнал. – 2008. – № 1. – С. 16–169.

41. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 201 с.

42. Сидорцов, В. Н. Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории / под ред. В. Н. Сидорцова. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 272 с.

43. Смехович, Н. В. Формирование гражданского общества в Беларуси: теория, социальный опыт и перспективы (принципы теоретико-методологического анализа проблемы) / Н. В. Смехович // Новейшая история (1991 – 2006 гг.): государство, общество, личность: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / НАН Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2006. – С. 491–497.

44. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 325. Смоленская область.

45. Старовойтов, М. И. Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-х годов (социокультурный аспект) / М. И. Старовойтов // Известия Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины. – 2011. – № 5. – С. 112–121.

46. УССР. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 256.

47. УССР. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 428.

48. Філатава, А. Межы, рэгіёны і этнічная тэрыторыя Беларусі: гістарыяграфія праблемы / А. Філатава, Н. Анофранка // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – Вып. 27.– С. 254–263.

49. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 373. Черниговская область.

50. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 336. – Д. 545. Черниговская область.

51. Ястребицкая, А. Л. Апология сравнительной истории европейских обществ: реферат /А. Л. Ястребицкая // XX век: методологические проблемы исторического познания: сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. / РАН ИНИОН; редкол.: А. Л. Ястребицкая (отв. ред.) [и др.]. – М., 2001. – Ч. 2. – С. 14–29.

Міхаіл Старавойтаў

СІСТЭМНА-КАМПАРАТЫЎНЫ ПАДЫХОД ДА АДЗНАКІ ЭТНАСАЦЫЯКУЛЬТУРНАГА АБЛІЧЧА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКА-УКРАІНСКАГА ПАМЕЖЖА У 1920–30-я ГАДЫ

Рэзюмэ

У артыкуле дадзена кароткая характарыстыка сістэмна-кампаратывісцкага падыходу і прыклады яго выкарыстання як незаменнага атрыбута пры адзнацы этнасацыякультурнага аблічча насельніцтва беларуска-расійска-украінскага памежжа ў 1920–30-я гады.

Mikhail Starovoitov

SYSTEM AND COMPARATIVE APPROACH TO THE EVALUATION OF ETHNIC, SOCIAL AND CULTURAL IMAGE OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER POPULATION IN 1920–30's

Summary

The article gives a brief description of the system and comparative approach and examples of its use as an essential attribute of the evaluation of ethnic, social and cultural image of the Belarusian-Russian-Ukrainian border population in 1920–1930's.

Поступила 11.01.2013 г.

УДК [94(476)+355.244.211(476)(091)]«1941»

Эммануил Иоффе (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БССР В 1941 ГОДУ

До сих пор в официальных изданиях проведение эвакуации подается только как подвиг советского народа под руководством Коммунистической партии, Сталина и его соратников с неоккупированных территорий СССР и Пономаренко с неоккупированной территории БССР.

Так, в энциклопедии «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945» в материале «Эвакуация» утверждается:

«...Вызванная очень неблагоприятным фронтовым положением начального периода войны, эвакуация явилась чрезвычайным звеном перестройки народного хозяйства на военный лад, развертывания в глубоком тылу главной военно-промышленной базы страны.

24.6.1941 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР создан Совет по эвакуации, который определил сроки, порядок эвакуации предприятий, материальных ценностей, пункты их размещения. Осуществлялась в зависимости от военного положения на местах и проходила одновременно по нескольким направлениям: эвакуация гражданского населения, материальных ресурсов промышленности, сельского хозяйства, транспорта, культурных ценностей.

Эвакуация в Беларуси проходила в сложной обстановке. До конца первой недели боевых действий западные и центральные области Беларуси были оккупированы, что практически сорвало возможность массовой эвакуации производительных сил из этих районов. 25.6.1941 года организована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР во главе с председателем СНК И. С. Былинским (заместители председателя – И. А. Захаров, И. А. Крупеня и др.). Комиссия возглавила работу в Могилевской, Витебской, Гомельской и Полесской областях, которые также оказались вскоре под угрозой оккупации. В июле 1941 года бюро ЦК КП(б)Б приняло дополнительные меры по усилению темпов эвакуации. На директоров предприятий и секретарей партбюро возлагалась обязанность не только осуществлять погрузку и отправку, демонтаж эшелонов с оборудованием, но и обеспечить движение их к станции назначения. Из числа гражданского населения в первую очередь эвакуации подлежали дети. На восток в июне–августе вывезено более 190 детских учреждений (около 16,5 тысяч детей). В Минске, Орше, Полоцке, Витебске, Могилеве, Кричеве, Гомеле, Лоеве и других областных и районных центрах были организованы 24 эвакопункта, где население получало помощь пищей, одеждой, медикаментами, транспортом. На эти нужды СНК БССР выделил 3 млн руб. В каждый эвакопункт направлялись уполномоченные ЦК КП(б)Б и правительства республики. Всего в восточные районы страны – в Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь и др. – выехало около 1,5 млн трудящихся Беларуси…» [1, с. 646].

Именно в таком духе – как величайшее достижение Компартии и как подвиг – оценивал эвакуацию первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Во время интервью с ним московский историк Г. А. Куманев задал вопрос: «Какова Ваша общая оценка эвакуации, проведенной в республике в первые месяцы войны?». И получил следующий ответ П. К. Пономаренко:

«Это была грандиозная производственная операция, не имевшая в истории стран и народов аналогов по своим масштабам, срокам и результатам. Следует иметь в виду, что перемещение на восток миллионных масс населения и материальных ценностей осуществлялось зачастую под огнем врага, в условиях острой нехватки транспортных и погрузочных средств, а также рабочей силы. Не имели мы необходимого опыта в таком сложном деле. Но этот процесс в целом не был стихийным, и главная цель – спасти от врага людские и материальные ресурсы страны – была достигнута.

...Уже на второй день войны, 23 июня 1941г., бюро ЦК КП(б)Б, проанализировав военное положение, пришло к выводу о необходимости развернуть эвакуацию. Это было нелегкое решение. Еще тяжелее было ставить данный вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством.

В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: “Вы думаете, это надо делать? Не рано ли?”.

Я ответил: “Обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики (Брестской, Белостокской, Пинской, Барановичской) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым”.

Подумав, Сталин сказал: “Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов и государственные ценности, какие считаете необходимым

вывезти в первую очередь. Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Все должны понимать, что эвакуация – это тоже элемент войны".

Приступив первоначально к частичной эвакуации, мы создали республиканскую эвакуационную комиссию под руководством председателя Совнаркома БССР И. С. Былинского. 24 июня в соответствии с решением бюро ЦК КП(б) Белоруссии началась эвакуация из Минска женщин и детей. Город подвергался почти непрерывным бомбардировкам.

Военная обстановка для многих районов становилась настолько угрожающей, что через несколько дней ЦК КП(б)Б и правительство республики поставили вопрос об общей эвакуации. После получения от нас шифровки об этом Сталин позвонил и сказал, что наше предложение об общей эвакуации санкционируется. Вечером того же дня он вновь позвонил и сказал: "К вашим мероприятиям по эвакуации добавьте "и лошадей". Я ответил: "Мы, конечно, имели в виду, тов. Сталин, и эвакуацию лошадей. В шифровке мы не указали об этом, потому что считали это само собой разумеющимся, поскольку в связи с острым недостатком авиа- и автотранспорта лошади являются не только объектом, но и средством эвакуации".

С огромным напряжением, в условиях вражеских бомбежек и встречных перевозок к районам боевых действий осуществлялся вывоз населения и материальных ценностей. Были разработаны маршруты движений с использованием проселочных дорог, чтобы не мешать движению войск и снабжению действующей армии. Повсеместно, особенно на узловых станциях, были организованы пункты питания и оказания медпомощи эвакуируемым, заправка горючим автомашин, снабжении фуражом лошадей и угоняемого скота... 18 августа 1941г. в своей докладной записке на имя председателя ГКО И. В. Сталина я сообщил, что "все 83 наиболее значительных завода из БССР эвакуированы полностью". В восточные районы страны удалось вывезти 16 911 единиц ценного оборудования, 832 тонны цветных металлов, 44 км силового кабеля, более 3 400 вагонов готовой продукции и свыше 2 130 вагонов металлолома. Из республики в глубокий тыл перебазировалось 109 крупных и средних промышленных предприятий» [2, с. 144–146].

В этом интервью Пономаренко предстает мудрым руководителем, который все своевременно предпринял и предусмотрел, т. е. он предстает умелым и смелым организатором эвакуации населения и материальных ресурсов из БССР.

А теперь рассмотрим, как обстояло дело в действительности.

Вот что пишет авторитетный белорусский исследователь, кандидат исторических наук, большой знаток архивных источников, лауреат Государственной премии Республики Беларусь Г. Д. Кнатько:

«П. К. Пономаренко пишет в воспоминаниях, что 23 июня 1941г. ЦК КП(б)Б пришел к выводу о необходимости начала частичной эвакуации и что, позвонив Сталину, он получил разрешение начать ее. Сопоставление мемуарных источников показывает, что власти 23 июня принимали все меры, чтобы не допустить паники, даже до использования силы вооруженных отрядов для борьбы с паникерами. Рабочие не имели права покидать предприятия, разговоры об эвакуации карались. Если допустить наличие решения об эвакуации, так оно было тайным, народ о нем не знал. Официально эвакуационная комиссия была создана 25 июня, когда руководство республики было в Могилеве, куда оно выехало вечером 24 июня после того, как целый день противник бомбил Минск» [3, с. 46–47].

В статье заместителя директора Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны И. Ю. Воронковой «Минск 22–28 июня 1941 года» есть такие строки:

«...Что касается населения Минска в целом, вопрос о его эвакуации 23 июня не поднимался. В этот день автотранспортом из города выехали в основном лишь семьи командного состава ЗапОВО. Семьи руководства Белоруссии были направлены сначала на дачи ЦК и СНК, ставшие своеобразным сборным пунктом, а затем вывезены на восток.... Тем не менее обстановка ухудшалась с каждым часом.

Начать в таких условиях (речь идет о 25 июня 1941 г. – *Э. И.*) массовую эвакуацию из Минска предприятий, учреждений, населения было уже невозможно. Подвижные пути Минского железнодорожного узла оказались разрушенными, часть подвижного состава была уничтожена. В перерывах между бомбежками отряды из рабочих, служащих и студентов пытались восстанавливать железнодорожное полотно и взлетную полосу аэродрома. Гигантские усилия предпринимались железнодорожниками, чтобы сформировать хоть какие-нибудь составы из разномастных вагонов, стоявших на запасных путях...

Сколько удалось отправить эшелонов из Минска 23–25 июня – неизвестно. По свидетельству руководства Западной железной дороги, документы об эвакуации через Минский железнодорожный узел не сохранились. Существуют лишь цифры, основанные на воспоминаниях участников событий. В воспоминаниях заведующего отделом транспорта и связи ЦК КП(б)Б М. И. Сарычева упоминаются 50 эшелонов, выехавших из города 23–25 июня. Секретарь ЦК П. З. Калинин пишет о 10 эшелонах, выехавших из города, причем только 24 июня. По-видимому последний источник и использовали белорусские историки в ряде публикаций 70–80-х годов (XX в. – *Э. И.*).

Не существует также данных о количестве минчан, которым удалось эвакуироваться по железной дороге или автотранспортом.

Так или иначе, в течение 23–24 июня из Минска успели вывезти ценности Госбанка и сберегательных касс, архивы партийных органов. По свидетельству того же М. И. Сарычева, подготовка к эвакуации шла в здании ЦК (имеется в виду старое, не сохранив-

шееся здание, стоявшее рядом с библиотекой имени Ленина по улице Красноармейской) в течение всего дня 24 июня. Как только был получен приказ об эвакуации, архивы были «с молниеносной быстротой погружены на машины и под прикрытием темноты отправлены в Могилев».

В 20–00 (по другим сведениям в 21–00) (24 июня – *Э. И.*) все центральные органы власти получили приказ командования Западного фронта эвакуироваться в Могилев. В 23–30 четверо заместителей председателя СНК выехали из Слепянки в Дом Правительства, чтобы проверить отправку архивов. Как прошла проверка, источник – дневник уже упоминавшегося И. А. Крупени, умалчивает. Такое молчание не случайно. В руки немцев, вошедших через несколько дней в город, попали почти все дела, касавшиеся государственного управления БССР, в том числе: списки членов правительства и их семей, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, важнейших государственных структур, а также все мобилизационные дела БССР.

Не успели вывезти оборудование ни одного из 332 промышленных предприятий Минска, смогли эвакуировать лишь часть коллективов нескольких из них.... В больницах Минска осталось большое количество больных и раненых. Вечером 24 июня на прием к секретарю ЦК В. Г. Ванееву, ведавшему эвакуацией, пробилась делегация работников Наркомата здравоохранения, Горздравотдела и городских больниц, в ее числе был и будущий подпольщик профессор Е. В. Клумов. Вопрос был один: что делать с пациентами? В сложившейся ситуации он остался без ответа... Утром 25 июня из Минска вырвался последний эшелон, на котором уехали сами железнодорожники» [4, с. 16, 19–21].

Многие минчане не смогли эвакуироваться, так как «неорганизованных» граждан вокзал из-за нехватки транспорта просто не принимал. Кроме того, в связи с бомбежками началась паника.

Врач Надежда Хатченко вспоминала:

«24-го в полдень, когда образовался небольшой перерыв в налетах, бросилась с детьми на вокзал, но там была такая давка, что уехать не было никакой возможности» [5].

Многим рабочим фабрик и заводов запретили уходить с работы, чтобы подготовиться к эвакуации, а оставаться на своих предприятиях до особого распоряжения. Как вспоминает секретарь-машинистка Минского молочного завода Анастасия Цитович, она ждала, но так и не дождалась распоряжения начальства об эвакуации [6].

Вечером и ночью 24 июня тысячи жителей Минска попытались самостоятельно уйти из горящего города по Могилевскому и Московскому шоссе. Зарево от минских пожаров было видно на расстоянии 120 километров.

Большинству из тех, кто шел пешком, далеко уйти не удалось – одним дорогу вскоре перерезали немецкие танки или десантники, другие просто обессилели в пути и вынуждены были вернуться, третьих вернули, обвинив в паникерстве.

Известны случаи, когда были вынуждены вернуться некоторые минчане, которым удалось уже эвакуироваться по железной дороге. Дело в том, что один из минских эшелонов был пущен под откос немецкими диверсантами в районе станции Колодищи. Ромуальд Матусевич, который вспоминал об этом, в 1941 году был 14-летним мальчиком. Он сам, его сестра, мать с новорожденным братом на руках добрались до Минска, когда там уже были немцы [7].

Авторитетный белорусский историк, профессор З. В. Шибеко отмечает:

«Наступление немцев вызвало развал советской администрации. Пинск коммунисты оставили, когда немцы находились на расстоянии более чем за 100 км. ЦК КП(б)Б на четвертый день войны был в Могилеве. Часть ответственных работников БССР уже в конце июня оказалась с семьями на легковых автомашинах в Москве, но их сразу отправили назад. Функцию управления взяли на себя органы НКВД. Но с Западной Беларуси сотрудники безопасности почти ничего не вывезли и даже не успели там провести мобилизацию призывников... Политические узники в 32 тюрьмах БССР расстреливались. Крупные промышленные предприятия, сельскохозяйственная техника, животные, зерно – все ценное эвакуировалось или уничтожалось. Почти целиком были сожжены Витебск и Полоцк. А после войны все списывалось на немцев...» [8, с. 311].

Анализируя процесс эвакуации населения и материальных ресурсов из БССР в 1941 году, польский историк белорусского происхождения Юрий Туронак приходит к такому выводу:

«...Только 29 июня, т. е. назавтра после того как немцы заняли Минск, Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК Всесоюзной Коммунистической партии большевиков направили в партийные и государственные органы прифронтовой полосы директиву, в которой очерчивались основные задачи эвакуации. Еще позже – 3 июля – эти задачи представил народу Сталин в своей речи по радио» [9, с. 41].

После того как Пономаренко со своими соратниками бежал 24 июня 1941 года в Могилев, он опасался гнева Сталина, который мог бы обвинить его в трусости. К большой радости Пантелеймона Кондратьевича Сталин простил своего выдвиженца – руководителя Компартии Беларуси.

И тогда он, зная антисемитские настроения Сталина и то, что нацисты с первых дней оккупации уничтожали евреев, решил обвинить в трусости... белорусских евреев.

В записке секретаря ЦК КП (б) Белоруссии П. К. Пономаренко «О положении в Белоруссии», которую потом назвали «Развитие партизанского движения», в Центральный Комитет ВКП(б), тов. Сталину И. В., написанной не позднее 12 июля 1941 года, говорилось:

«...Настроение белорусов исключительно патриотическое и боевое. Скот из колхозных ферм погнали, как только объявили об этом. В связи с этим не только не было инцидентов, наоборот, колхозники выделяли гонщиков, доярок – в путь следования снабдили всем.

Сейчас через Днепр и Двину прошло 350 000 голов скота. Там, где колхозники поднимают личный скот, там снимается весь колхоз и уходит. Говорят: "Трактора, лошади и скот уходят, и мы уйдем, Советская власть будет, все будет".... Как вывод, должен подчеркнуть – исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников в отличие от некоторой части служилого люда городов, ни о чем не думающих, кроме спасения шкуры. Это объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах. Их объял животный страх перед Гитлером, и вместо борьбы – бегство» [10, с. 210–211].

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло более 64 лет, но до сих пор продолжается фальсификация истории Беларуси 1941–1945 годов.

Я прежде всего имею в виду официальные цифры о количестве эвакуированных жителей БССР в июне–августе 1941 года.

В последнем томе 18-томной «Беларускай энцыклапедыі» утверждается, что всего в июне-августе 1941 года в восточные районы СССР (Поволжье, Урал, Западную Сибирь и др.) выехало около 1,5 млн жителей Беларуси [11, с. 39].

Энциклопедия «Памяць Беларусі. Рэспубліканская кніга», изданная в 2005 году, отмечает, что в тот период было эвакуировано из БССР около 1,5 млн человек [12, с. 20].

В 2008 году исследователь Л. А. Сугако пришла к следующему выводу:

«Учитывая стихийность процесса эвакуации, проблематично установить точно общую численность эвакуировавшихся из западных и центральных регионов республики, Только учтенное их количество, по данным Г. И. Олехнович, составляет 102 тыс. человек» [13, с. 19]. Она ссылается на книгу Г. И. Олехнович «Трудящиеся Белоруссии – фронту» (Минск, 1972).

В действительности, до сих пор проблема эвакуации населения БССР в годы Великой Отечественной войны, а особенно количество эвакуированных, остается «белым пятном» в исследовании истории Беларуси 1941–1945 годов и в белорусской исторической науки в целом.

Чем это объяснить?

Подразумевалось, что если ты эвакуируешься, значит ты патриот, ненавидишь врага, а если остаешься, то готов изменить Родине. Чем больше эвакуированных, тем больше Компартия воспитала патриотов.

В популярном очерке белорусских историков в эмиграции Я. Найдюка и И. Касяка «Беларусь учора і сяньня» есть такие строки:

«Жыхарства, якое не уцякала на усход, а заставалася на мейсцы, уважалася камуністамі як варожае да савецкай улады» [14, с. 259].

Сразу после Победы над германским нацизмом, особенно после речи Сталина в 1946 году, в которой он определил потери советского народа в Великой Отечественной войне в 7 млн человек, советское руководство во главе с «мудрым вождем всего прогрессивного человечества» ориентировало руководящие партийные кадры на то, чтобы они показывали меньше людских потерь, а большее количество эвакуированных, т. е. выживших.

Так, в Белорусской ССР возникли две цифры, показывающие количество эвакуированных из нашей республики – сначала 1 млн человек, а затем 1,5 млн человек. Эта дутая цифра, которая, к сожалению, дожила до наших дней и заняла прочное положение в официальных и энциклопедических изданиях. До сих пор она стала стереотипом и воспринимается как аксиома.

Без сомнения, эвакуация населения и материальных ресурсов из оккупированной территории СССР стала одновременно трагедией и подвигом советского народа. Под «мудрым руководством» Пономаренко в Беларуси было упущено время для начала организованной эвакуации населения, что привело к неоправданной гибели тысяч людей. Сам Пантелеймон Кондратьевич и большинство его соратников больше думали о спасении собственной «шкуры», чем о своевременной и хорошо организованной эвакуации. Причем их больше интересовал вывоз материальных ресурсов, секретных архивов, а не населения. Что касается Сталина, то его больше интересовала эвакуация лошадей, а не людей.

Прежде всего, попробуем ответить на вопрос: куда эвакуировалось население БССР в июне–августе 1941 года?

Как свидетельствуют различные источники, эвакуация проходила на территорию Российской Федерации, в Армянскую ССР, в Казахскую ССР и в республики Средней Азии – Узбекскую, Киргизскую, Таджикскую и Туркменскую.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся данные об эвакуированном населении БССР в регионы Российской Федерации, отдельные данные по Армянской и Туркменской ССР, составленные эвакотделом СНК БССР в 1942 году.

Перед нами два из этих списков – на 145 листов и 147 листов. Это сборные списки.

Изучая их, видишь, что жители различных населенных пунктов БССР были эвакуированы в Куйбышевскую, Молотовскую, Ярославскую, Новосибирскую, Сталинградскую, Вологодскую, Горьковскую, Свердловскую, Саратовскую, Кировскую, Рязанскую, Омскую, Томскую, Иркутскую, Ивановскую, Пензенскую, Челябинскую области, Алтайский, Орджоникидзевский, Краснодарский и Красноярский края, в Мордовскую, Башкирскую, Марийскую, Татарскую,

Чувашскую, Коми, Удмуртскую АССР, в Армянскую и Туркменскую ССР [15].

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся отдельные списки эвакуированных из БССР в Алтайский край, Сорокинский район, г. Барнаул, Старо-Бардинский район, г. Бийск, Коми АССР– Марийскую АССР, Вологодскую область, Молотовскую области, в Башкирскую АССР, Кануринский район, г. Горький, г. Семенов Горьковской области, Починковский, Гаганский и Кавернинский районы Горьковской области, Иркутскую, Ивановскую, Пензенскую, Кировскую, Рязанскую области, Краснодарский, Красноярский края, Куйбышевскую область, Мордовскую АССР, Новосибирскую, Саратовскую, Свердловскую, Сталинградскую, Тамбовскую области, в Татарскую АССР, Челябинскую область, Чувашскую АССР, Ярославскую область [16].

Имеется отдельный список на 50 эвакуированных жителей БССР в Армянскую ССР [17].

По моим подсчетам, сделанным на основании списков, хранящимся в архиве (НА РБ), число эвакуированных составило около 110 тыс. человек.

Кроме того, в Национальном архиве Республики Беларусь хранится «Справка об эвакуации населения БССР», датированная 1 июня 1942 года и подписанная председателем Совета Народных Комиссаров БССР И. Былинским. Приведем фрагменты из этого документа [18]:

«...Из Белорусской ССР было эвакуировано следующее количество основных учреждений и предприятий:

№ п/п	Учреждение	Мероприятие	Количество, тыс. чел.	Количество детей, тыс. чел.
1.	Детучреждение Наркомпроса БССР		164	14,8
2.	Установлено местопребывание детучреждений		128	12,9
3.		Именные списки на детей составлены		6,5
4.	Детучреждение Наркомздрава БССР эвакуированы и связь установлена		25	1,6 (в том числе больных 0,3)
5.		Именные списки на детей составлены		1,05

...В именные списки в 120 тыс. чел. включены все эвакуированные с предприятий и учреждений работники БССР, за исключением детучреждений.

Население БССР, по имеющимся учетным данным на 1.6.1942 г., находится в следующих областях РСФСР:

Область	Количество, тыс. чел.
Саратовская область	16,0
Татарская АССР	10,6
Башкирская АССР	9,2
Куйбышевская область	17,3
Пензенская область	16,0
Свердловская область	8,0
Сталинградская область	9,5
Тамбовская область	6,0
Молотовская область	10,0
Новосибирская область	11,0
Ивановская область	1,3
По первоисточникам	2,9
Итого по РСФСР	**117,9**
Туркменская ССР	1,6
Армянская ССР	0,6
ВСЕГО УЧТЕНО	**120,1**

Если к этим именным спискам добавить списки по Алтайскому краю на 163, 240, 504, 182, 118, 236, 333, 210, 30, 120, 456 человек, по Коми АССР на 65 человек, по Марийской АССР на 306 и 21 человек, по Вологодской области на 713 человек, по г. Горький на 276 человек, по Горьковской области на 57, 281, 81 и 76 человек, по Ивановской области на 324 человека, по Кировской области на 1550 человек, по Рязанской области на 516 человек, по Омской области на 1501 человека, по Краснодарскому краю на 705 человек, по Красноярскому краю на 586 человек, по Мордовской АССР на 3536 человек, по Орджоникидзевскому краю на 2848 человек, по Чувашской АССР на 5276 человек, то общее число эвакуированных возрастет на 21 298 человек и составит 141 398 человек или округленно 141,4 тысячи человек.

К этой цифре мы добавим численность эвакуированных детей по разным спискам – 36 850 человек.

Кроме этого, по данным Совета по эвакуации, на 15 ноября 1941 года в Казахстане находилось 13 239 беженцев и эвакуированных из БССР, в Узбекистане – 5179, в Таджикистане – 599.

Всего на 15 ноября 1941 года по данным Совета по эвакуации в РСФСР находилось 203 458 выходцев из БССР, в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане – 19 194 жителя Белоруссии. Таким образом, общая цифра составила 222 652 человека [19].

На 1 декабря 1941 года число белорусских беженцев и эвакуированных на неоккупированной территории СССР выросло до 262, 8 тыс. человек [20].

Всего на 1 декабря 1941г. в составе СССР было зарегистрировано поименно 3 млн 74 тыс. эвакуированных [21].

В наше исследование не вошли данные по Киргизской ССР.

Израильский исследователь А. Каганович утверждает:

«В свете того, что по данным Комитета по эвакуации, основанным на сведениях о железнодорожных

перевозках эвакуированных и проверок по отдельным областям, к декабрю 1941г. их было в действительности не 3 млн 74 тыс. человек, а более десяти миллионов, т. е. приблизительно на 70% больше, число белорусских выходцев в это время можно оценить методом экстраполяции в 850–880 тысяч человек… К этому времени (в 1942 году – *Э. И.*) часть белорусских мигрантов была призвана из тыла в армию. А часть стала жертвой повышенной смертности среди этой категории советских граждан (но самая большая смертность среди них была в 1942 г.). Поэтому число всех беженцев и эвакуированных из БССР можно оценить в 0,9–1,0 млн человек. Отсюда следует, что использовавшаяся в опубликованных трудах официальная цифра в 1,5 млн человек значительно преувеличена» [22, с. 261].

Анализ многочисленных и разнообразных источников, главным образом фондов Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Российской Федерации, проведенный автором этих строк по исследуемой проблеме, не позволяет согласиться с приведенными выводами А. Кагановича, основанными на предположениях.

Если учесть несколько тысяч эвакуированных из БССР в Киргизскую ССР, несколько десятков тысяч незарегистрированных и умерших в процессе эвакуации, то количество беженцев и эвакуированных жителей Белоруссии на не оккупированной территории СССР в 1941–1942 гг. составляло около 300 тысяч человек.

Предстоит поиск новых источников, как отечественных, так и зарубежных.

И все же количество эвакуированных из БССР по сравнению с фактическими завышено в несколько раз.

Само собой разумеется, что данная проблема требует продолжения исследования, т. е. изучения данных об эвакуированных из БССР по Киргизстану, о незарегистрированных беженцах, а также анализа новых источников, в том числе и зарубежных.

Без этих данных нельзя представить точную картину о численности эвакуированных из БССР в различные регионы СССР и об общем количестве беженцев и эвакуированных жителей Беларуси в 1941–1942 гг.

В то же время следует признать, что без этой эвакуации, в конце концов, не было бы и нашей Великой Победы над германским нацизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945: энцыклапедыя. – Мінск, 1990.
2. Куманев, Г. Рядом со Сталиным / А. Г. Куманев. – Смоленск, 2001.
3. Памяць. Мінск: у 4 кн. – Мінск, 2005. – Кн. 4.
4. Сообщения Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. – Минск, 2003. – Вып. 2.
5. Хатченко, Н. В. Воспоминания / Н. В. Хатченко // Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, н/в 21 334.
6. Цитович, А. Я. Воспоминания / А. Я. Цитович // Фонды БГМИОВ, н/в 8 786.
7. Матусевич. Воспоминания / Матусевич // Фонды БГМИОВ, н/в 14 733.
8. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002 / З. Шыбека. – Мінск, 2003.
9. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск,1993.
10. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 7.
11. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск, 2004.– Т. 18.
12. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга. – Мінск, 2005.
13. Сугако, Л. А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны / Л. А. Сугако // Вес. Брэсцкага ун-та, Сер. гуманітар. і грамад. навук. – 2008. – № 2.
14. Найдзюк Я. Беларусь учора і сяньня / Я. Найдзюк, І. Касяк. – Мінск, 1993.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 1963–1964.
16. НА РБ. – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 1965–1989.
17. НА РБ. – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 1966. – Л. 5.
18. НА РБ. – Ф. 7. – Оп. 3. – Д. 689. – Л. 201–209.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А 259. – Оп. 40. – Д. 3517. – Л. 18–19.
20. ГАРФ. – Ф. А 259. – Оп. 40. – Д. 3517. – Л. 4–6.
21. ГАРФ. – Ф. А259. – Оп. 40. – Д. 3030. – Л. 45.
22. Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Гомель, 28–29 верас. 2006 г.

Эмануіл Іофе

ДА ПЫТАННЯ АБ ЭВАКУАЦЫІ НАСЕЛЬНІЦТВА БССР У 1941 ГОДЗЕ

Рэзюмэ

Артыкул прысвечаны праблеме эвакуацыі насельніцтва Беларусі ў чэрвені–жніўні 1941 года. На падставе вывучэння фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі прыведзены новыя даныя аб колькасці насельніцтва Беларусі, якое было эвакуіравана ў розныя рэспублікі і рэгіены СССР у 1941–1942 гг.

Emanuil Iofe

TO THE QUESTION ABOUT EVACUATION OF BELORUSSIAN POPULATION IN 1941

Summary

The article is dedicated to the problem of evacuation of Belorussian population in June – August of 1941. On the basis of studying the funds of National Archive of the Republic of Belarus and State Archive of the Russian Federation new data about the number of Belorussian population, who was evacuated to different republics and regions of the Soviet Union in 1941–1942, is given.

Поступила 13.01.2010 г.

УДК 329.7(82)(=161.3)(091)«1941/1945»

Сергей Шабельцев (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУСЫ В СЛАВЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В АРГЕНТИНЕ (1941–1945 гг.)

История движения за единство славян в Аргентине занимает период с декабря 1941 г. по март 1949 г. Это движение стало популярным среди иммигрантов-славян, которые с началом Великой Отечественной войны выражали солидарность с Советским Союзом и со странами, борющимся против нацистской агрессии. В данной статье характеризуется участие белорусов в славянском движении в Аргентине в период с 1941 по 1945 г.: определяются мотивы, по которым иммигранты принимали в нем участие, называются факторы, содействовавшие активности белорусов, а также выявляются причины их преследования со стороны аргентинских властей.

Всемирное движение за единство славян было инициировано руководством Советского Союза после начала Великой Отечественной войны. Славянское движение было одним из средств, при помощи которого советское руководство стремилось преодолеть в тяжелые годы войны свою изолированность на международной арене. В Москве создавались различные антифашистские комитеты (ученых, женщин, молодежи и т. д.), которые формально имели статус общественных организаций и стремились вовлечь в орбиту своей деятельности представителей той или иной категории общественности за рубежом. Одним из таких «общественных» антифашистских комитетов стал созданный в столице СССР 5 октября 1941 г. Всеславянский комитет (ВК). Во время войны славянский фактор мог играть важную роль для оказания давления общественности на правительства США и Великобритании в вопросе открытия второго фронта в Европе. В связи с этим Латинская Америка, в частности Аргентина, не была приоритетным направлением деятельности ВК. Однако и в этот регион мира был организован выпуск радиопередач московского радио и были посланы информационные материалы и статьи в местные газеты. ВК с мая 1942 г. издавал свой печатный орган – журнал «Славяне», редакция которого сразу же направила письма с предложениями о сотрудничестве 15 славянским комитетам и обществам в Аргентине [1, с. 82].

Идея славянского единства в Аргентине. Славянское население в Аргентине в 1946 г. насчитывало около 800 тыс. человек, т. е. почти 5% населения страны [2, с. 22]. Но отсутствие советского дипломатического посольства в Буэнос-Айресе, географическая удаленность континента не содействовали поддержке здесь московских инициатив. Тем удивительнее выглядит местная реакция на образование ВК: по словам русского иммигранта в Уругвае, «когда до Южной Америки дошли сведения об организации в Москве Всеславянского комитета, оказалось, что идея славянского единства сразу нашла себе готовую почву в сознании славян Южной Америки. Создалось впечатление, будто идея эта где-то жила своей собственной жизнью, развивалась и созревала в умах и сердцах славян» [3].

Это впечатление подтверждается фактами: накануне Второй мировой войны в Аргентине обсуждался вопрос славянского единения, который возникал как реакция на воинствующую немецкую нацистскую пропаганду и политику. Так, белоэмигрантская газета «Русский в Аргентине» в 1938 г. после аншлюса Австрии утверждала: «Пангерманизм победоносно наступает и грозит большими бедствиями славянскому миру. Как всякое движение, он сам не остановится, его может остановить лишь организованное сопротивление, обладающее неменьшим динамизмом. А этот динамизм может родить только мощная общеславянская идея – панславизм» [4]. Та же газета 24 июня 1939 г. статьей под заголовком «Обще-Славянское единство» откликнулась на некоторые «обще-славянские нотки», звучавшие в южноамериканских газетах «Аргентинске Новине» (хорватская) и «Украинское слово». Автор статьи упомянул хорвата, «скорбящего о славянских несогласиях, напоминающего нам всем, что в глазах воинствующего пангерманизма все наши народы есть ничто иное как “славянский навоз” и зовущего всех славян к объединению» [5]. Эти статьи свидетельствуют о том, что идея славянского единения в Аргентине уже звучала накануне войны и что катализатором сближения славян в конце 1930-х годов была германская угроза.

Белорусская диаспора в Аргентине. В 1941–1945 гг. постоянными участниками славянского движения стали белорусы, которых здесь насчитывалось около 20 тыс. чел. [6, с. 407]. Почти все они являлись гражданами межвоенной Польши и, переехав в Аргентину, работали на фабриках в городах или наемными рабочими в сельском хозяйстве. Их этническое самосознание носило сложный характер: иммигранты в Аргентине считались «поляками» (как граждане Польши), но одновременно могли называть себя и «белорусами», и «русскими», а некоторые уроженцы Полесья и «украинцами». Размытость этнической идентификации белорусов позволяла им входить в различные польские и украинские организации (но не русские: русских иммигрантов в Аргентине было

крайне мало, они были социально чуждыми белоэмигрантами). В середине 1930-х годов сформировались и белорусские национальные общества, в которые могли входить представители других этнических групп (прежде всего украинцы). Эти организации с 1939 г. были объединены в Федерацию белорусских обществ и организаций в Аргентине (Белорусская федерация), которая включала в себя в 1941 г. семь обществ в Буэнос-Айресе и одноименной провинции.

Характерным примером белорусской организации, открытой и для представителей других национальностей, является общество «Беловеж» (основанное в 1938 г.). Кроме белорусов в него входили украинцы, а в качестве руководителей самодеятельности приглашали русских (часто евреев из Российской империи, называвших себя «русскими»). Учительницей русского языка для детей в «Беловеже» одно время была словачка. К слову, когда белорусы этого общества хотели провести массовое мероприятие, то они снимали помещение чехословацкого клуба «Сокол», расположенного рядом. Не случайно завсегдатай общества «Беловеж» В. Романович называет его «славянским» [7]. Тут проявлялась такая характерная черта белорусов, как отсутствие национализма, в чем было их отличие, например, от украинцев: «Особенность украинцев была в том, что они больше тяготели друг к другу. К белорусам, например, когда приходил литовец, белорус, то было все едино. А украинцы в нашей группе, в нашей диаспоре, всегда проявляли какую-то “самостийность”, какой-то гонор» [8, с. 210].

Социальная однородность белорусов (фабричные и сельские рабочие) и тяжелые условия жизни в Аргентине обусловили их симпатии к Советскому Союзу, который представлялся как государство трудящихся, где решены вопросы социального и национального неравенства. После воссоединения Западной Беларуси и БССР в 1939 г. многие из Южной Америки хотели вернуться домой, где, по их мнению, установилась справедливая коммунистическая власть. Наши земляки с негодованием восприняли нападение на СССР нацистской Германии и при активном участии белорусов, состоявших в Компартии Аргентины (КПА), стали организовываться группы по оказанию поддержки СССР. Эти группы часто действовали при белорусских организациях, и в них также были влиятельные белорусы – члены КПА. Участники движения помощи передавали собранные медикаменты, деньги, вещи и многое другое в Аргентинский демократический комитет помощи СССР (АДК), который также находился под влиянием коммунистов.

Белорусы в комитетах помощи СССР. КПА рекомендовала славянам, работавшим в составе АДК, создавать свои национальные комитеты [9, с. 134]. 6 декабря 1941 г. в Буэнос-Айресе возник Комитет за единство славян в Аргентине, в который вошли украинские, белорусские, польские, чехословацкие, болгарские и югославские организации. Еще 16 ноября 1941 г. был сформирован Белорусский демократический комитет (БДК), в состав которого в 1942 г. входило более тысячи человек. Были организованы белорусские комитеты в районе Оливос (Буэнос-Айрес), на Док-Суде (провинция Буэнос-Айрес).

Помимо собственных национальных комитетов белорусы участвовали в работе украинских, украинско-белорусских и общеславянских организаций по оказанию помощи СССР. Примером может служить возникновение Славянского комитета помощи СССР в районе Вижа Бертет (территория Чако). 9 ноября 1941 г. сельхозрабочие и фермеры основали временный Комитет помощи. Постепенно количество членов организации увеличилось до 50, и руководителем комитета выбрали Ивана Вирша. «Потому что тов. И. Вирш является чехословаком и в Комитете есть члены белорусы, на том же собрании было решено назвать Комитет Славянским. Реорганизованный Комитет начал свою деятельность, но не только среди славян, а развернул свою работу среди всех жителей местечка Вижа Бертет и в отдаленных околицах. Комитет Помощи в В. Бертет теперь состоит из двадцати национальностей, среди которых преобладают украинцы» [10].

Оказание белорусами помощи СССР было вызвано в первую очередь их желанием помочь своим близким: у многих на родине остались родственники, и, помогая Советскому Союзу и Красной Армии, иммигранты приближали для них наступление свободы. СССР для многих белорусов в Аргентине стал также «идеологической» родиной – страной, где установилась такая социальная система, о которой они мечтали. Большинство жителей СССР составляли славянские народы (русские, украинцы и белорусы), из-за чего эпитет «славянский» для иммигрантов из Западной Беларуси был вполне приемлем в названии комитета помощи. Тем самым белорусы приглашали к участию в работе такой организации представителей и других национальностей. Иными словами, национально-белорусский характер деятельности при оказании помощи Советскому Союзу не имел большого значения – главным была сплоченность идеологически близких по духу людей и оказание поддержки гражданам СССР без различия их национальности. Именно такая категория славян (без национальной обособленности и просоветски настроенных) была необходима для движения за единство славян в Аргентине.

Комитет за единство славян в Аргентине готовил созыв Славянского конгресса в Буэнос-Айресе, открытие которого намечалось на 14 августа 1942 г. Однако полиция в последний момент взяла обратно свое разрешение на проведение конгресса: «В своем ответе на протесты подготовительного комитета съезда министр внутренних дел недвусмысленно подчеркнул, что причиной вмешательства властей в этот вопрос был «коммунистический характер славянского движения и его поддержка Москвы»» [11, с. 116]. Вышесказанное свидетельствует о том, что аргентин-

ские власти препятствовали развитию славянского движения по политическим причинам. Оказание помощи СССР являлось для белорусов выражением их патриотизма, однако двойственность работы комитетов помощи, включавшей в себя наряду с национальным и коммунистический компонент, ставило под угрозу закрытия организации из-за идеологической составляющей их работы.

Коммунистическая ангажированность участников движения помощи СССР. Проблема многих белорусов, участвовавших в движении помощи СССР, заключалась в том, что любовь к родине и приверженность к коммунистической идеологии были для них слабо разделяемы. Для того чтобы эти понятия слились в одно целое, свою лепту внесла и советская пропаганда. Выше уже говорилось о том, что ВК проводил радиотрансляции некоторых своих мероприятий за рубеж. Например, за период с августа 1941 г. по конец 1942 г. в эфире транслировалось восемь митингов антифашистских комитетов, а также радиомитинги представителей польского, украинского, белорусского народов [1, с. 78]. У радио Москвы была хорошая слышимость в Аргентине: «с детства помню радиоприемник, который отец купил в кредит, только бы слушать передачи с родины по ночам, из-за разницы во времени. Во время войны он повесил карту на стене возле радиоприемника и каждую ночь переставлял флажки, приколотые накануне по всей линии фронта, ходил хмурый, как тень, собирал средства и вещи, которые направлялись на помощь фронту, слепо верил в диктатуру пролетариата и мудрость великого кормчего» [12, с. 229–230].

Другим каналом пропаганды была пресса – печатный орган ВК «Славяне», а также славянские газеты за рубежом. Русская секция ВК подготавливала материалы для аргентинских газет «Русский в Аргентине» и «Эхо» [1, с. 108]. Первая хоть и являлась белоэмигрантской, в 1941 г. заняла позицию поддержки СССР. А газета «Эхо» была открыта после начала Великой Отечественной войны белорусскими иммигрантами (в ней сотрудничали также и русские): редакторами «Эхо» в разное время были белорусы И. Альсевич, А. Коршун, П. Козиол; в ней была постоянная рубрика «Белорусская страничка», где помещались отчеты комитетов помощи и публиковались списки жертвователей. Рассчитана газета была в первую очередь на белорусов, а также украинцев, ориентированных на русский язык.

Тематика материалов, направлявшейся белорусской секцией ВК в Латинскую Америку, была следующей: «Борьба белорусских партизан», «Зверства немцев в Белоруссии», «Белорусские писатели в дни войны», «Белорусский театр и война» [1, с. 108]. Эти материалы публиковали для иммигрантов: например, в «Белорусском иллюстрированном календаре на 1943 г.» (это альманах Белорусской федерации) была помещена статья «Истребители белорусской культуры. Радиограмма от Славянского Комитета в Москве специально для белоруссов в Аргентине» [13]. Порой эти статьи вмещали в себя массивную советскую пропаганду: в журнале «Славяне» статья с говорящим названием «Белорусский народ полон решимости отстоять завоевания Октября» перед описанием ужасов оккупации содержится объемное вступление с рассказом об успехах коммунистического правления в Беларуси после революции 1917 г. [14].

Советская пропаганда в материалах, присылаемых из Москвы, вызывала опасения со стороны аргентинского руководства, выражавшего больше симпатий Германии и Италии. Внутриполитический фактор тоже имел значение: КПА в стране преследовалась, а легально действовавшее славянское движение распространяло коммунистическую агитацию. При этом члены КПА «рассматривали движение за оказание материальной помощи Советскому Союзу как главное направление, как центральное звено не только движения солидарности с народами, подвергшимися фашистской агрессии, но и всей борьбы за широкое национальное единство демократических и антифашистских сил» [15, с. 65].

I Латино-Американский Славянский конгресс. Потерпев неудачу в Буэнос-Айресе, устроители несостоявшегося славянского конгресса решили провести его в столице Уругвая – г. Монтевидео. К этому их побуждало и то, что прибытие на конгресс в августе 1942 г. многочисленных представителей продемонстрировало внушительные масштабы славянского движения. Новосозванный форум состоялся 23–25 апреля 1943 года под названием I Латино-Американский Славянский конгресс. ВК в Москве участвовал в подготовке данного мероприятия: «разослал славянским газетам Латинской Америки статьи и материалы по вопросам славянского единства, развернутый отчет о работе IV пленума Комитета, где был изложен примерный проект его программы, а также ряд программ руководителям славянских организаций и газет» [1, с. 114–115]. На конгрессе была озвучена приветственная телеграмма от ВК в Москве, и направлена ответная телеграмма в адрес его председателя.

Из 390 делегатов Конгресса 260 человек представляли Аргентину, среди которых было, в частности, 70 украинцев, 58 югославов и 50 белорусов. Кроме того, на съезде присутствовало и 14 белорусов, живших в Уругвае [16, p. 73]. Материалы Конгресса – «Primer Congreso Eslavo Latino-Americano» – были опубликованы в том же году в Буэнос-Айресе в типографии белоруса И. Альсевича. В этом сборнике размещены среди прочего приветственные телеграммы в адрес Конгресса от белорусского культурного общества на Док-Суде (провинция Буэнос-Айрес) и от белорусской молодежи (15 подписей, скорее всего, того же общества).

На I Латино-Американском Славянском конгрессе провозглашались приветствия национальных делегаций, из-за отсутствия времени не все они были озвучены, но все опубликованы в «Primer Congreso Eslavo

Latino-Americano». Приветствие от белорусов Латинской Америки подписано жителем Аргентины Т. Кулачком, а приветствие от Белорусской федерации в Аргентине стоит за подписью ее председателя Михаила Берняковича и секретаря А. Ульчика. Помимо этого, на Конгрессе принимались декларации национальных делегаций, и в белорусской говорилось о разрушениях и ужасах оккупации, партизанском движении в Беларуси, победах Красной Армии, а затем звучал призыв: «Уже близка народная победа, и наш первейший долг – вложить все силы в скорейшее поражение гитлеровских варваров. Мы обещаем исполнить этот долг! Поэтому сегодня как никогда необходимо единство славян, чтобы координировать и усилить помощь армиям в борьбе против наци-фашистской оси, и в первую очередь помочь Красной Армии, которая несет основное бремя войны. Укрепить узы дружбы между славянами Латинской Америки и выявить саботажников и агентов, которые проникли в наши ряды и действуют как пятая колонна против свободы и независимости наций Америки. Да здравствует первый съезд, символ единства славян Латинской Америки!» [16, p. 66]. Кстати, под этой декларацией стояло 84 подписи, что говорит о том, что белорусское присутствие на Конгрессе было большим: помимо делегатов были и приглашенные гости.

О темах, обсуждаемых на Конгрессе, говорят принятые его итоговые резолюции: «За единство славян», «Помощь славянским народам», «За сотрудничество с латиноамериканскими народами», «Против пятой колонны», «Создать комиссию по взаимоотношениям славян в Латинской Америке». Среди них обращает на себя внимание резолюция, призывавшая бороться против «противников демократии» среди иммигрантов, которых называли «пятой колонной».

Белорусские организации после государственного переворота 4 июня 1943 г. Однако призывы из Монтевидео к участию в борьбе против «наци-фашистов» в Аргентине не могли найти широкий отклик среди жителей этой страны. Военное правительство, пришедшее к власти после государственного переворота 4 июня 1943 г., отменило действие конституции, подвергло преследованиям левые организации, и пострадали в первую очередь коммунисты. Работа БДК была парализована; 30 июля 1944 г. была закрыта и Белорусская федерация в Аргентине, а вместе с ней и многие входившие в нее общества. Продолжали свою легальную деятельность только белорусские общества «Культура» и «Белорусская библиотека имени И. Луцкевича», которые, прославляя СССР и Красную Армию, проповедовали невмешательство в политическую жизнь в Аргентине. По их инициативе в октябре 1944 г. был создан Белорусский центр помощи родине (БЦПР), который «за короткое время сделал 5 денежных посылок в Монтевидео: всего на сумму – $4618» [17] (в Монтевидео в то время уже открылась советская миссия).

Интересно, что в письме в адрес Центрального Комитета Красного Креста БССР руководители БЦПР (В. Круковский, Е. Саливончик, С. Маркушевский, П. Трушкин) называли свою организацию «Белорусский Комитет Помощи Родине и Объединение Славян» [18, л. 106–109]. Тем самым была предпринята попытка в объединении славян, которые бы просто помогали европейским странам в борьбе против нацизма. Но при этом они не хотели участвовать в политических баталиях внутри Аргентины на стороне КПА. Данное течение среди славян, возглавляемое «Белорусской библиотекой им. И. Луцкевича», «Украинским домом» и газетой «Русский в Аргентине», члены КПА называли «оппозицией большинству». Противостояние представителей «большинства» и «оппозиции» обострится после войны, а пока белорусы для оказания помощи родине пользовались теми легальными возможностями, которые предоставлял БЦПР.

Таким образом, движение славянской солидарности – это явление, инициированное в 1941 г. руководством СССР, которое пытлось заручиться морально-психологической и материальной поддержкой славянского населения зарубежных стран. Идея славянского единства нашла многочисленных сторонников среди жителей Аргентины. С самого начала в нем активно принимали участие белорусские иммигранты, которые в силу размытости собственной национальной идентификации с легкостью входили в состав славянских объединений. Белорусы создавали национальные комитеты помощи родине, были соучредителями Комитета за единство славян в декабре 1941 г., делегировали своих представителей на Славянские конгрессы в августе 1942 г. (Буэнос-Айрес) и в апреле 1943 г. (Монтевидео). Такой активности белорусов способствовало их желание помочь родине, которая подверглась нападению агрессора, а также их идейная коммунистическая ангажированность. На протяжении всего периода войны белорусы продемонстрировали высокий уровень патриотизма, а расхождения проявились только по вопросу участия иммигрантов во внутриполитической борьбе в Аргентине на стороне КПА. Однако интернационализм, включенность в многоэтничные славянские группы помощи и солидарности с СССР являлись характерной чертой белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мосейкина, М. Н. Деятельность советских антифашистских комитетов по укреплению солидарности и связей с народами Латинской Америки в 1941–1956 гг.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / М. Н. Мосейкина. – М., 1986. – 221 с.

2. Руденко, А. В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / А. В. Руденко. – М., 1975. – 29 с.

3. Пучков, П. Славяне в Уругвае / П. Пучков // Славяне. – 1944. – № 4. – С. 35.

4. Пангерманизм или Панславизм? // Русский в Аргентине. – 1938. – 19 марта. – С. 1.

5. Обще-Славянское единство // Русский в Аргентине. – 1939. – 24 июня. – С. 2.

6. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945 / Ю. Грыбоўскі. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.

7. Герасюк, І. Эмігрант / І. Герасюк // Народная газета. – 1997. – 23 студз. – С. 3.

8. Романович Василий Афанасьевич // Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.): зб. дакументаў і ўспамінаў / С. Шабельцаў (склад.). – Мінск: Медысонт, 2009. – С. 199–227.

9. Руденко, А. В. Белорусские иммигранты в антифашистском движении Аргентины / А. Руденко // Латинская Америка: современный этап развития: в 2 кн. – М.: ИЛА, 1975. – Кн. 2. – С. 122–141.

10. Слов'янський Ком. Допомоги С. Р. С. Р. у Віжа Бертет (Чако) // Ілюстрований народний календар на рік 1943. – Буенос-Айрес, 1942. – С. 61–62.

11. Стрелко, А. А. Славянское население в странах Латинской Америки (исторический очерк) / А. А. Стрелко. – Киев: Наукова думка, 1980. – 142 с.

12. Шэрман, К. «Мерыканцы» / К. Шэрман // Таямніцы почырку. Літаратурна-крытычныя артыкулы, эсэ. – Мінск: Маст. літ-ра, 1995. – С. 209–244.

13. Шевченко, В. Истребители белорусской культуры. Радиограмма от Славянского Комитета в Москве специально для белоруссов в Аргентине / В. Шевченко // Белорусский иллюстрированный календарь на 1943 г. – Буэнос-Айрес, 1942. – С. 145–146.

14. Наталевич, Н. Белорусский народ полон решимости отстоять завоевания Октября / Н. Наталевич // Славяне. – 1942. – С. 36–42.

15. Бойко, П. Н. Солидарность аргентинского народа с Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны / П. Н. Бойко // Советский Союз – Латинская Америка в годы второй мировой войны. К 30-летию Победы. – М.: ИЛА, 1975. – С. 56–75.

16. Primer Congreso Eslavo Latino-Americano. Edicion que engloba todos los materiales del congreso. – Buenos Aires: Imprenta de Jose Olsiewicz, 1943. – 79 p.

17. Белорусский центр помощи родине // Иллюстрированный календарь на 1948 г. – Буэнос-Айрес, 1947. – С. 228.

18. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 62. – Д. 516. Докладные записки, представления и информации МИД БССР. Т. 2 (с 10 июля по 30 декабря 1959 г.)

Сяргей Шабельцаў

БЕЛАРУСЫ Ў РУХУ СЛАВЯН У АРГЕНЦІНЕ (1941–1945 гг.)

Рэзюмэ

Даецца характарыстыка ўдзелу беларусаў у славянскім руху ў Аргенціне падчас Вялікай Айчыннай вайны. Славянскі рух быў ініцыяваны савецкім кіраўніцтвам; у Аргенціне актыўны ўдзел у яго фарміраванні прымалі члены кампартыі Аргенціны. Беларусы актыўна ўдзельнічалі ў руху славян: збіралі грашовыя і матэрыяльныя сродкі для СССР, выказвалі маральную падтрымку Савецкаму Саюзу. Яны склалі адну з самых прадстаўнічых дэлегацый на І Лаціна-Амерыканскі Славянскі Кангрэс. Актыўнасці беларусаў садзейнічала іх жаданне дапамагчы радзіме, якая стала аб'ектам агрэсіі з боку нацыскай Германіі. Камуністычная ангажаванасць беларусаў-удзельнікаў славянскага руху выклікала занепакоенасць аргенцінскіх улад, якія спачувалі фашысцкім рэжымам у Еўропе і не жадалі распаўсюджвання камуністычных ідэй у сваёй краіне. Але і ў складаных умовах рэпрэсій 1943–1945 гг. беларусы змаглі працягваць збор грошай і матэрыяльных рэчаў для СССР.

Siarhei Shabeltsau

BELARUSIANS IN SLAVIC MOVEMENT IN ARGENTINA (1941–1945)

Summary

The favourable foundations for the development of Slavic movement in the 1940s of XX century are given. Belarusian participation in Slavic movement in Argentina during the Great Patriotic War is characterized; factors that contributed to Belarusians' activity in Slavic movement are given. Communist involvement of the participants of Slavic solidarity movement, which caused their persecution by Argentinean government, is determined.

Поступила 07.06.2012 г.

УДК [338.24.021.8+338.5](476)(091)«1991/2000»

Николай Нестерович (Минск, Беларусь)

ЭКОНОМИКА БЕЛАРУСИ В 1991–2000 гг.: РЕФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

Рассматривая экономическое развитие Беларуси в последнее десятилетие XX века, ясно видно, что оно шло в направлении трансформации от директивно-командной (социалистической) к рыночной (капиталистической) модели хозяйствования. Другими словами, Беларусь стала страной с переходной экономикой. В эту группу вошли и другие бывшие республики СССР, а также постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы.

Приступить к рыночному реформированию экономического механизма заставил глубочайший социально-экономический кризис, охвативший эти страны и показавший, что переход к рыночной экономике неизбежен. Кризис в белорусской экономике начался в 1991 г., когда впервые произошло абсолютное падение производства промышленности, которая, как известно, в основном определяет динамику валового внутреннего продукта (в результате последний в этом году составил лишь 98,8 % к уровню 1990 г.) [1, с. 37], и в последующие годы принял затяжной характер. Результаты экономического кризиса, его глубина проявились как в материальном производстве, так и в финансах, в социальной сфере. За 1991–1995 гг. в Беларуси производство валового внутреннего продукта упало на 35 %, продукции промышленности – на 39, продукции сельского хозяйства – на 26, потребительских товаров – на 40 % [2, с. 43]. Быстро раскручивалась спираль инфляции: в течение 1991–1995 гг. потребительские цены возросли в 50,4 тыс. раз. За это время размер средней реальной заработной платы снизился почти на 45 %. Снова появилась безработица. Количество только зарегистрированных безработных увеличилось с 2268 человек в 1991 г. до 131 043 в 1995 г., что составляло 2,7–2,9 % экономически активного населения республики (уровень скрытой безработицы по экспертным оценкам составлял 10–20 %) [2, с. 126, 150; 3, с. 12, 17].

Мировой опыт показывает, что основными практическими задачами при проведении рыночных реформ являются: во-первых, либерализация и стабилизация экономики, во-вторых, создание преимущественно частной экономики, в-третьих, создание системы социальной защиты, способной смягчить социальные последствия перехода к рынку. Переходя к рыночным преобразованиям, все без исключения постсоциалистические страны исходили из этих общих закономерностей. Однако осуществили они их в разной степени.

В Беларуси курс на реформы был взят в октябре 1990 г., когда Верховный Совет БССР одобрил «Основные положения Программы перехода Белорусской ССР к рыночной экономике» [4]. Этой же цели служили и принятые в последующее время Государственная программа Белорусской ССР по стабилизации экономики и социальной защите населения (июнь 1991 г.) [5], Государственная программа приватизации (июнь 1993 г.) [6], Программа неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса (сентябрь 1994 г.) [7], законы о собственности, Национальном банке, банках и банковской деятельности, о предприятиях, об аренде, индексации доходов населения с учетом инфляции, Кодекс о земле (декабрь 1990 г.) [8–14], о крестьянском (фермерском) хозяйстве (февраль 1991 г.) [15], предпринимательстве, экономической несостоятельности и банкротстве, занятости населения, об инвестиционной деятельности (май 1991 г.) [16–19], иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь (ноябрь 1991 г.) [20], о ценных бумагах и фондовых биржах, о товарных биржах (март 1992 г.) [21, 22], акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и обществах с дополнительной ответственностью, о противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции (декабрь 1992 г.) [23, 24], о разгосударствлении и приватизации государственной собственности (январь 1993 г.) [25], Таможенный кодекс (февраль 1993 г.) [26], о праве собственности на землю (июнь 1993 г.) [27], об именных приватизационных чеках (июль 1993 г.) [28] и т. д. Законы должны были создать правовую базу для кардинальных экономических преобразований и с их помощью способствовать выходу из глубокого социально-экономического кризиса.

Однако анализ этих рыночно ориентированных программ и законов показывает, что они зачастую не учитывали специфики истории и менталитета белорусского народа, конкретных социально-экономических, демографических, природно-географических и других условий республики, строились на рафинированном понимании рыночного хозяйства. С другой стороны, руководство Беларуси в значительной мере все еще находилось в плену старых плановых схем и организационных систем административного управления. В итоге четкое представление, как о перспективной модели национальной экономики Беларуси,

так и о путях и способах ее создания отсутствовало. Как следствие, принятые рыночно направленные по своей сути программы и законы приходилось постоянно корректировать. Например, изменения и дополнения в закон о собственности и в закон об аренде только в период с декабря 1990 г. по январь 1994 г. вносились трижды [29–31]. Все это стало существенным субъективным фактором (причиной), способствовавшим углублению кризиса в белорусской экономике и задерживающим процесс ее реформирования. Даже в 2000 г. Президент Беларуси А. Лукашенко в своей директиве «О стиле и методах работы Совета Министров Республики Беларусь по решению вопросов социально-экономического развития страны» констатировал, что «в работе Совета Министров Республики Беларусь продолжает иметь место формальный, бессистемный подход к проведению экономической политики, отсутствие продуманных механизмов экономических преобразований» и требовал от него «пересмотреть стиль и методы своей работы», осуществлять разработку программ социально-экономического развития республики «на основе альтернативных предложений, исходя из комплексного анализа сложившейся социально-экономической, демографической и экологической ситуации, научно-технического и производственного потенциала страны, состояния природных ресурсов, внешнеполитических и внешнеэкономических факторов» [32]. Реформирование экономики, таким образом, проводили методом проб и ошибок, без научно обоснованной концепции реформ.

Из опыта стран, которые уже решили задачу перехода от централизованно планируемой к рыночной экономике и вывели ее из кризиса, следует, что на раннем, начальном этапе переходного процесса центральное место занимают два тесно связанные между собой комплекса реформ – широкомасштабная либерализация (свободное ценообразование и прекращение контроля со стороны государства в торговле, беспрепятственное создание частных компаний) и сопровождающая ее последовательная стабилизация (снижение инфляции, введение финансовой дисциплины и преодоление диспропорций в народном хозяйстве). Либерализация необходима, так как, предоставляя предприятиям и населению право самостоятельно принимать экономические решения, позволяет преодолеть две фундаментальные проблемы планово-централизованной экономики – искаженную систему стимулов и недостаток информации. Стабилизация также является неотъемлемой частью переходного процесса, поскольку макроэкономический дисбаланс сводит на нет все достижения либерализации и других рыночных реформ. Кроме того, либерализация и стабилизация являются основой экономического роста, а также структурных преобразований экономики [33, с. 7–10, 28–29].

Рассматривая сегодня пройденный Беларусью в 1991–2000 гг. путь, можно констатировать, что ее руководство добилось за это время определенных позитивных результатов в деле решения одной из важнейших задач либерализации экономики – реформирования системы ценообразования. В соответствии с принятой Программой перехода республики к рыночной экономике белорусское правительство 28 декабря 1991 г. постановило: осуществить начиная с 3 января 1992 г. переход к применению свободных розничных цен на товары народного потребления (кроме хлеба и хлебобулочных изделий, молока и молочной продукции, детского питания, мяса и мясопродуктов, исключая мясные консервы, копчености и полукопченые колбасы), тарифов на услуги населению, а также свободных оптовых цен и тарифов на продукцию (работы, услуги) производственно-технического назначения, «определяемых ее производителями и потребителями на договорной основе с учетом экономически обоснованных затрат, получения необходимой прибыли и конъюнктуры рынка». Для недопущения необоснованного роста государственных розничных и оптовых цен и тарифов были установлены предельные уровни их повышения [34, 35]. Итогом дальнейшего реформирования сферы ценообразования стало освобождение к 1996 г. от всех видов ценового контроля и регулирования подавляющей части товаров народного потребления (кроме черного хлеба, молока и мяса), практически всей продукции белорусской промышленности, большинства сельскохозяйственной продукции [36, с. 56].

Однако во второй половине 1996 г. руководство Беларуси стало двигаться в противоположном направлении. 30 августа был издан указ Президента «О некоторых мерах по упорядочению ценообразования на территории Республики Беларусь», который восстановил государственное регулирование цен на широкий ассортимент товаров, разрешил местным органам управления контролировать цены на «социально значимые товары», заморозил до конца 1996 г. цены на ряд важных товаров [37]. В последующие годы государство также предпочитало регулировать цены в административном порядке, периодически осуществляя административно-командный «возврат цен», устанавливая «правильные» цены [38–40]. Апогеем такой политики стал указ Президента от 19 мая 1999 г. «О некоторых мерах по стабилизации цен (тарифов) в Республике Беларусь», который «в целях улучшения социально-экономического положения населения, недопущения необоснованного повышения цен (тарифов) и совершенствования системы ценообразования» отменил действие вышеназванного президентского указа от 30 августа 1996 г. и установил еще более широкий, чем был по нему перечень товаров (работ, услуг), цены и тарифы на которые регулировали органы государственного управления [41]. В оставшийся период 1999 г. и в 2000 г. этот перечень пополнился новым, хотя и небольшим количеством видов товаров, работ и услуг (табачные изделия, драгоценные металлы и камни, кожевенное

сырье и льноволокно, дополнительные платные услуги правового характера государственных нотариальных контор, обучение в детских школах искусств, Национальной школе красоты) [42].

В конце исследуемого периода государство сохраняло административное регулирование цен по основным позициям (топливо, связь, строительство, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и др.), на товары, работы и услуги субъектов хозяйствования, занимавших доминирующее положение на товарных рынках республики. Начатая в 1992 г. реформа ценообразования, растянувшаяся на длительное время, не привела к полной либерализации цен. Хотя осознание необходимости более решительных действий в этом направлении во властно-управленческих структурах существовало, о чем свидетельствовало принятое Советом Министров и Национальным банком республики 29 декабря 2000 г. решение о проведении в 2001 г. «работы по поэтапному сокращению перечня товаров (работ, услуг), в отношении которых осуществляется государственное регулирование цен (тарифов)» [43].

Весьма скромные результаты реформирования сферы ценообразования являлись одним из проявлений отсутствия продуманной, научно обоснованной концепции реформирования белорусской экономики. Последнее привело к тому, что в процессе реформирования получило распространение применение методов, соответствующих рыночной экономике, но неадекватных сложившейся в республике ситуации. Эффект их использования у нас оказался диаметрально противоположным ожидаемым результатам. Вследствие широкомасштабной либерализации цен формировавшиеся десятилетиями диспропорции в производстве и потреблении выплеснулись единовременно в 1992 г. в форме резкого роста цен, увеличившихся в последующие несколько лет в сотни и тысячи раз, а предложение в остававшейся неконкурентной (т. е. нерыночной) среде в силу свертывания производства резко сократилось, что в результате привело к интенсивной инфляции, увеличению безработицы, возрастанию разрыва между спросом и предложением, все более неравномерному распределению доходов населения и к другим негативным явлениям в экономике.

Осознание ущербности слепого копирования существующих рыночных экономических теорий, необходимости их использования в соответствии со складывающимися обстоятельствами, со спецификой белорусской экономики привело к усилению во второй половине 1996 г. государственного административного регулирования цен, все более нараставшего в последующие годы рассматриваемого нами периода. При этом, исходя из уже приобретенного негативного опыта рыночного реформирования экономики Беларуси, был взят курс на постепенные, эволюционистские преобразования ее на рыночной основе, без попыток методом кавалерийских наскоков решать сложные проблемы хозяйственной жизни, в том числе и такую, как реформирование сферы ценообразования. Этот опыт убедительно доказывал, что зрелую рыночную экономику, которая присуща, например, таким странам, как Англия, Франция, Германия, создать в одночасье нельзя. Для этого данным странам потребовалось несколько веков эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2008: стат. сб. / Мин-во статистики и анализа Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2008. – 598 с.

2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2002: стат. сб. / Мин-во статистики и анализа Респ. Беларусь; редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2002. – 611 с.

3. Беларусь: Среда для человека: Национальный отчет о человеческом развитии, 1996 / Е. Агранович-Пономарева [и др.]. – Минск, 1996. – 216 с.

4. О переходе Белорусской ССР к рыночной экономике: постановление Верховного Совета Белорусской ССР, 13 окт. 1990 г. // Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. – 1990. – № 29. – Ст. 553.

5. О Государственной программе Белорусской ССР по стабилизации экономики и социальной защите населения: постановление Верховного Совета Белорусской ССР, 12 июн. 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 23. – Ст. 313.

6. О Государственной программе приватизации: постановление Верховного Совета Республики Беларусь, 16 июн. 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 26. – Ст. 329.

7. О Программе неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса: постановление Верховного Совета Республики Беларусь, 30 сент. 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – № 25–26. – Ст. 483.

8. О собственности в Белорусской ССР: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 11 декабря 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1990. – № 2. – Ст. 13.

9. О Национальном банке Белорусской ССР: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 14 дек. 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1990. – № 2. – Ст. 16.

10. О банках и банковской деятельности в Белорусской ССР: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 14 дек. 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1990. – № 2. – Ст. 15.

11. О предприятиях в Белорусской ССР: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 14 дек. 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 3. – Ст. 13.

12. Об аренде: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 12 дек. 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 1. – Ст. 1.

13. Об индексации доходов населения с учетом инфляции: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 21 дек. 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1990. – № 2. – Ст. 19.

14. Кодекс Белорусской ССР о земле, 11 дек. 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 2. – Ст. 11.

15. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 18 февр. 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 12. – Ст. 125.

16. О предпринимательстве в Белорусской ССР: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 28 мая 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 19. – Ст. 269.

17. Об экономической несостоятельности и банкротстве: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 30 мая 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 19. – Ст. 271.

18. О занятости населения Белорусской ССР: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 30 мая 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 19. – Ст. 273.

19. Об инвестиционной деятельности в Белорусской ССР: Закон Белорусской Советской Социалистической Республики, 29 мая 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 22. – Ст. 300.

20. Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1991. – № 35. – Ст. 625.

21. О ценных бумагах и фондовых биржах: Закон Респ. Беларусь, 12 марта 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 11. – Ст. 194.

22. О товарных биржах: Закон Республики Беларусь, 13 марта 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 11. – Ст. 196.

23. Об акционерных обществах, обществах с ограниченной ответственностью и обществах с дополнительной ответственностью: Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 35. – Ст. 552.

24. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции: Закон Респ. Беларусь, 10 дек. 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 36. – Ст. 569.

25. О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 19 янв. 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 7. – Ст. 41.

26. Таможенный кодекс Республики Беларусь, 3 февр. 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 12. – Ст. 122.

27. О праве собственности на землю: Закон Респ. Беларусь, 16 июня 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 23. – Ст. 285.

28. Об именных приватизационных чеках Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 6 июля 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 25. – Ст. 305.

29. О внесении изменений и дополнений в Законы Республики Беларусь «О собственности в Республике Беларусь», «Об аренде», «О предприятиях в Республике Беларусь»: Закон Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1992. – № 19. – Ст. 302.

30. О внесении изменений и дополнений в Законы Республики Беларусь «О собственности в Республике Беларусь», «Об аренде», «О товарных биржах», «Об экономической несостоятельности и банкротстве»: Закон Респ. Беларусь, 17 июня 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 26. – Ст. 325.

31. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты, связанные с вопросами экономических отношений: Закон Респ. Беларусь, 18 янв. 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – № 6. – Ст. 72.

32. Об утверждении Директивы о стиле и методах работы Совета Министров Респ. Беларусь по решению вопросов социально-экономического развития страны: Указ Президента Респ. Беларусь, 14 янв. 2000 г., № 18 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 2000. – № 2. – Ст. 44.

33. От плана к рынку: Отчет о мировом развитии – 1996: пер. с англ. – Вашингтон: Всемирный банк, 1996. – 311 с.

34. О дальнейшей либерализации розничных цен: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 дек. 1991 г., № 495 // Собрание постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1991. – № 36. – Ст. 456.

35. О переходе к применению в республике свободных оптовых и закупочных цен: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 дек. 1991 г., № 497 // Собрание постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1991. – № 36. – Ст. 458.

36. Беларусь: цены, рынки и реформа предприятий; пер. с англ. – Вашингтон: Всемирный банк, 1997. – 248 с.

37. О некоторых мерах по упорядочению ценообразования на территории Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 авг. 1996 г., № 345 //

Собрание указов Президента и постановлений Кабинета Министров Республики Беларусь. – 1996. – № 25. – Ст. 643.

38. О некоторых мерах по упорядочению экономических отношений: Декрет Президента Респ. Беларусь, 4 авг. 1997 г., № 14 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1997. – № 22–23. – Ст. 786.

39. О внесении изменений в Порядок формирования цен на лекарственные средства, изделия медицинского назначения и медицинскую технику: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 июня 1998 г., № 938 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1998. – № 17. – Ст. 462.

40. О некоторых мерах по усилению контроля за соблюдением дисциплины цен: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 10 февр. 1999 г., № 209 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1999. – № 5. – Ст. 132.

41. О некоторых мерах по стабилизации цен (тарифов) в Республике Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 19 мая 1999 г., № 285 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1999. – № 15. – Ст. 412.

42. О внесении изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 19 мая 1999 г. № 285: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 нояб. 1999 г., № 670 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 1999. – № 32. – Ст. 944.

43. О Государственной программе антиинфляционных мер на 2001 год: постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Национального банка Республики Беларусь, 29 дек. 2000 г., № 2012/61 // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. – 2000. – № 36. – Ст. 1025.

Мікалай Несцяровіч

ЭКАНОМІКА БЕЛАРУСІ Ў 1991–2000 гг.: РЭФАРМАВАННЕ СФЕРЫ ЦЭНАЎТВАРЭННЯ

Рэзюмэ

У артыкуле аналізуецца працэс рэфармавання сферы цэнаўтварэння ў Рэспубліцы Беларусь у 1991–2000 гг. Паказаны яго этапы, складанасці і вынікі.

Mikalai Nestsiarovich

BELARUSIAN ECONOMY IN 1991–2000: REFORMING OF PRICING

Summary

The process of reforming of pricing in Belarus in 1991–2000 is analyzed in the article. Stages, problems and results of this process are described.

Поступила 17.12.2012 г.

УДК 946.7

Петр Стецкевич (Гродно, Беларусь)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И ПРОГРАММНЫЕ УСТАНОВКИ СИОНИСТСКИХ ПАРТИЙ, ДЕЙСТВОВАВШИХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921–1926 гг.

Изучение деятельности еврейских политических партий на территории Западной Беларуси в 1921–1926 гг. является необходимым условием для понимания процессов политического развития региона. Вместе с тем история сионистских партий и организаций на территории Западной Беларуси в 1921–1926 гг. ранее не являлась темой отдельного исследования. Все вопросы, которые касались данной темы в советский период, рассматривались в рамках изучения национально-освободительного, рабочего и революционного движений, деятельности коммунистических партий и организаций [1–13]. В 90-е годы XX века первыми к проблеме деятельности отдельных еврейских политических партий на территории Западной Беларуси обратились брестские и гродненские исследователи. Глубиной и детальной проработкой архивных источников отличаются статьи и материалы А. Н. Свирида, В. В. Шепетюка, А. Мощука, В. Костючика, А. Н. Чернякевича, О. Соболевской, В. Гончарова, Э. Г. Иоффе [14–23]. В них авторы прослеживают деятельность некоторых еврейских партий и организаций (Бунд, Поалей-Сион и др.) на территории Полесья, Гродненщины и Западной Беларуси в целом в межвоенный период, анализируют состояние развития еврейского общества в регионе. Однако работ, посвященных детальному рассмотрению организационных основ и идеологических платформ сионистских партий и организаций в Западной Беларуси, в отечественной историографии до сих пор нет.

В 20–30-е годы XX века в польской историографии началась разработка тем, связанных с деятельностью политических партий в межвоенной Польше. В это время увидели свет работы А. Белциковской, Т. Селимовского, Б. Васютыньского [24–27]. В них содержится значительный фактологический материал по всем современным авторам политическим партиям, в том числе и сионистским. В то же время степень влияния этих партий на территории Западной Беларуси в данных монографиях не отражена. В 1960–90-е годы вышли работы Е. Хольцера, Е. Томашевского, Я. Волконовского, в которых предложен подробный анализ политической структуры, сложившейся в межвоенный период в Польше, приводится классификация еврейских партий по характеру и содержанию их программ [28–31]. Некоторое внимание в исследованиях указанных авторов отводится организационным основам и программным положениям сионистских партий и организаций. Однако данный материал носит общепольский характер, авторы не приводят конкретных примеров деятельности сионистских партий на территории Западной Беларуси.

Таким образом, в отечественной и зарубежной исторической литературе рассмотрены лишь отдельные аспекты проблемы. Однако в настоящее время отсутствуют работы, которые рассматривали бы ее в качестве самостоятельной темы исследования, а не в контексте революционного, национально-освободительного, рабочего и других движений.

Сионистское движение играло важную роль в политической жизни еврейского населения II Речи Посполитой. Преследуемое царскими властями, рассеянное в ходе Первой мировой войны сионистское движение на территории бывшей царской России возродилось лишь в период немецкой оккупации. Первая региональная конференция польских сионистов прошла в Варшаве в марте 1916 г., вторая – через полгода. Оккупационные власти легализировали сионистские организации в апреле 1917 г. Первая конференция сионистов в возрожденной Польше состоялась в 1919 г. [32, л. 27].

Крупнейшей сионистской партией была «Сионистская организация в Польше», члены которой называли себя «общими сионистами». Она делилась на три автономные составляющие – для бывшей части Российской империи, Западной Галиции и Слензка, Восточной Галиции. В СО наблюдались острые разногласия между фракциями, прежде всего между двумя главными: «Время строить» и «На страже» [28, s. 265]. В 20-е годы XX в. в партии начинает усиливаться влияние фракции ревизионистов, во главе которой стоял В. Жаботинский.

Руководящие органы «Сионистской организации в Польше» – ЦК, ревизионная комиссия, партийный суд – избирали на проходившей один раз в год конференции представителей партии со всей страны. В течение года руководство «Сионистской организацией в Польше» осуществлял ЦК, состоявший из 25 человек.

«Сионистская организация в Польше» входила в состав Всемирной сионистской организации, высшим органом власти которой являлся сионистский конгресс. При решении вопросов, касавшихся Палестины, «Сионистская организация в Польше» следо-

вала инструкциям Центрального управления Всемирной сионистской организации в Лондоне. Программа партии определялась на сионистских конгрессах, а ее тактика зависела от рекомендаций Исполнительного комитета. Принципы внутренней политики сионистов определялись на съездах партий отдельных стран. В 1919 г. на территории Польши партия насчитывала 26 тыс. членов, объединенных в 180 местных организаций [32, л. 26].

Отделения партии функционировали в большинстве поветовых центров Западной Беларуси.

К октябрю 1923 г. только в Новогрудском воеводстве СО насчитывала 1500 зарегистрированных членов, не считая большого числа сочувствующих. Во главе организации в регионе стоял Мендель Гинзбург, в состав президиума входили также – доктор Я. Нахумовский, доктор М. Ясиновский, Кацав Израэль, Яцек Ясиновский, В. Сегалович [33, к. 13–15].

На территории Виленского округа СО имела: городской комитет в Вильно по ул. Людвисарской, 4, руководителем которого являлся И. Бергер; отделение Центрального комитета СО в Козянах; первичные организации в Радошковичах, Вилейке, Городке, Лебедеве Вилейского повета; Глубоком Дисненского повета [34, л. 4]. К 1925 г. партия насчитывала в Вильно более 1000 членов. Во главе организации стояли: инженер К. Шапиро, И. Бергер, С. Богуланский, доктор А. Красносельский, И. Ходыш, Н. Штерн, А. Лип и др. В Виленском округе партия насчитывала около 80 отделений [35, л. 478].

В Полесском воеводстве крупные отделения СО к середине 20-х годов XX века существовали в Бресте, Кобрине, Столине, Пинске, Лунинце, Жабинке, Давид-Городке и ряде других городов [32, л. 26].

На территории Белостокского воеводства наиболее крупные отделения СО существовали в Белостоке и Гродно [28, s. 268].

Внутри СО шли острые идеологические споры, что нашло свое отражение в программных установках партии. Каждая из партийных фракций выдвигала собственную программу построения еврейского государства в Палестине. Главной целью фракции «Время строить» было скорейшее достижение еврейского большинства среди населения Палестины. Для этого, по мнению членов фракции, следовало стремиться к увеличению источников финансирования колонизационной деятельности на территории Палестины. Особенно большое внимание сторонники фракции уделяли поощрению частной инициативы в деле возрождения Палестины. По мнению членов группы «На страже», главной задачей при решении палестинского вопроса было «недопущение несионистских элементов к руководству строительством автономии, что может угрожать планам создания еврейской государственности в Палестине» [32, л. 26]. Ревизионисты в своей палестинской программе на первый план выдвигали вопросы создания политических и экономических условий для скорейшей еврейской колонизации Палестины. Они требовали от английских властей бесплатно передать евреям необрабатываемые земли в Палестине, провести там аграрную реформу, ввести протекционистские законы для еврейской промышленности. Они выступали также за создание в Палестине еврейских вооруженных сил и передачу государственных постов в руки евреев [32, л. 26].

Первоначально СО была конструктивно настроена по отношению к польским властям. В ноябре 1918 г. она высказалась за независимое демократическое польское государство и за реализацию широкого самоуправления национальных меньшинств. Партия стремилась к обеспечению культурно-национальной автономии евреев, основанной на организации еврейских гмин, которые должны были носить светский характер. Национальным языком, по мнению сионистов, являлся иврит. Идиш как язык народных масс допускалось использовать в странах проживания еврейской диаспоры, в том числе в Польше [28, s. 267].

В период 1920–1921 гг. в партии усилилось влияние левой фракции «На страже», которая – в противоположность игравшей до этого главную роль фракции «Время строить» – стремилась активно участвовать в политической борьбе в Польше. Члены фракции «На страже» проявляли готовность к сотрудничеству с партиями других национальных меньшинств, противником чего выступала фракция «Время строить», трактовавшая интересы еврейского меньшинства в Польше как совершенно независимые от интересов других меньшинств [28, s. 267].

К сионистскому движению принадлежала также партия сионистов-ортодоксов «Мизрахи». Всемирная организация «Мизрахи» объединяла партии в 23 странах. «Мизрахи» в Польше являлась второй по своей численности после такой же организации в США. Штаб-квартира Центрального управления Всемирной организации «Мизрахи» находилась в Иерусалиме. Решения ЦК партии по сионистским вопросам являлись обязательными для всех национальных партий этой идеологической федерации. Во Всемирной сионистской организации «Мизрахи» являлся самостоятельной фракцией [32, л. 26–27]. Руководящими органами «Мизрахи» во II Речи Посполитой являлись: всеобщий съезд, проходивший каждые два года; Центральный совет, в который входило 50 человек; Исполнительный комитет в составе 10 человек. Всеобщий съезд состоял из делегатов, выбранных местными комитетами партии. Центральные комитеты «Мизрахи» существовали в Варшаве, Вильно и Львове. Председателем партии «Мизрахи» в 1920-е годы был депутат сейма Х. Фарбштейн [32, л. 26–27].

Среди сионистских организаций во II Речи Посполитой «Мизрахи» по количеству членов и своему влиянию занимал второе место после «Сионистской организации в Польше». Партия имела около 400 отделений во всех городских центрах страны, за исключением ее западных воеводств. Число членов

«Мизрахи», которые платили партийный «шекель», составляло 100 тыс. человек [32, л. 27].

На территории Западной Беларуси отделения «Мизрахи» существовали в Брестском, Пинском, Кобринском поветах Полесского воеводства [36, л. 320].

В Новогрудском воеводстве партия имела свои комитеты в Барановичах, Лиде и Несвиже [37, л. 188]. Их возглавляли такие известные деятели партии, как раввин Л. Брот, Х. Фарбштейн [38, л. 28].

Отделения «Мизрахи» действовали также в Белостокском воеводстве. Одно из них существовало в Сувалках. Председателем отделения был Чопа Кирсмианский, заместителем председателя являлся Хена Кирсмианский, обязанности секретаря выполнял Шоха Шонтеф. Отделение объединяло 20 членов [39, с. 193].

Наиболее активную деятельность на территории Западной Беларуси партия «Мизрахи» вела в Виленском воеводстве. В Вильно помещение «Мизрахи» находилось на ул. Троицкой, 22. Здесь располагался Окружной ЦК партии [32, л. 26]. Во главе партии на Виленщине стояли сенатор И. Рубинштейн, Я. Клейнштейн, М. Ступель и другие [40, л. 601]. Мизрахисты пользовались в воеводстве значительным влиянием. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1925 г. печатный орган партии «Das Wort» только в Вильно имел около 800 подписчиков [35, л. 629].

В своей программе на первый план партия «Мизрахи» выдвигала вопрос создания в Палестине еврейской национальной автономии, а затем и государства. «Мизрахи» стояла на позиции наибольшего расширения «Еврейского агентства», которое занималось вопросами переселения евреев в Палестину. Поэтому партия не препятствовала участию в строительстве еврейского государства в Палестине несионистских элементов. Руководство «Мизрахи» считало, что евреи в первую очередь должны были заселять уже существовавшие в Палестине города и строить новые, считая это наиболее быстрым и эффективным способом колонизации края [32, л. 26–27].

В Польше «Мизрахи» добивалась полного гражданского и национального равноправия евреев. Однако в программных документах партии подчеркивалось, что «обязанностью евреев считается соблюдать лояльность по отношению к государству» [32, л. 27]. Политическое урегулирование еврейской проблемы в Польше партия видела в предоставлении евреям национальной автономии, основанной на еврейских национально-религиозных гминах, объединенных в союз еврейских гмин Речи Посполитой. В своей программе «Мизрахи» использовала лозунг «Религия, наука и труд». В выступлениях лидеров партии отмечалось, что национально-культурное развитие еврейского народа должно осуществляться на принципах иудаизма и сообразно с еврейскими традициями. Образование, по их мнению, должно было носить светско-религиозный характер. Поэтому партия стремилась к созданию религиозных еврейских школ, которые в то же время давали бы необходимое светское образование в соответствии с государственной программой. «Мизрахи» также требовала автономии для еврейских школ под надзором государства. Партия традиционно поддерживала школы, обучение детей в которых велось раввинами. В качестве национального языка евреев мизрахисты признавали только иврит. Экономическая программа партии сводилась к подготовке еврейской молодежи к труду на земле. Подчеркивание роли религии, как в повседневной жизни евреев, так и в сфере образования являлось одним из наиболее важных отличий в программных установках партии «Мизрахи», которые во всем остальном были близки к программам других сионистских партий [32, л. 26–27].

В составе Всемирной сионистской организации «Мизрахи» сотрудничала с другими идейно близкими организациями в вопросах защиты принципиальных тезисов сионистской программы, а также в вопросах сионистской политики в Польше. По религиозным вопросам партия вела острую борьбу с ортодоксальным «Союзом Израиля». По отношению к левым партиям «Мизрахи» занимала враждебную позицию [32, л. 26].

Третьей существовавшей в Польше партией сионистского толка была «Всемирная сионистская партия труда» (ВСПТ), образованная в 1920 г. на съезде в Праге в результате объединения партии «Молодой рабочий» и правого крыла партии «Молодежь Сиона» [28, s. 270].

ВСПТ объединяла отделения в 17 странах мира. Ее центральное руководство находилось в Иерусалиме. Партия принимала участие в работе сионистских конгрессов. Высшим руководящим органом ВСПТ во II Речи Посполитой был съезд делегатов партии. На съезде выбирали ЦК, секретариат, ревизионную комиссию и партийный суд. Низшей ячейкой партии являлось отделение. Штаб-квартира партии находилась в Варшаве [32, л. 26].

На территории Западной Беларуси ВСПТ пользовалась незначительным влиянием. Отделения партии существовали в Пинском, Лунинецком и Брестском поветах Полесского воеводства [41, л. 3].

На территории Новогрудского воеводства в 1921–1926 гг. партия имела три поветовых отделения – в Слониме, Барановичах и Клецке. Партия постепенно распространяла свою деятельность на территорию Молодечненского и Вилейского поветов. Так, по отчетам полиции известно о существовании первичной организации партии в Илье, которую возглавлял Хаим Мендель. В ней состояло 10 членов. Подобная организация численностью в 20 членов существовала в Долгинове. В Красном руководителем организации являлся Хаскель Гуревич, и она насчитывала 25 членов [42, л. 108–109].

На территории Виленского воеводства первое отделение ВСПТ было зарегистрировано только в марте 1925 г. [43, л. 66].

Программа партии была принята на III Всемирной конференции в Берлине. Ее основными положениями были: создание в Палестине национального еврейского центра; подготовка кадров трудящихся для эмиграции в Палестину; политическое объединение евреев в странах их компактного проживания; защита экономических интересов еврейских рабочих; возрождение и внедрение древнееврейской культуры в государствах со значительной еврейской диаспорой.

Значительное влияние в Польше имели партии сионистско-социалистической направленности. Среди них наибольшей поддержкой у еврейского населения пользовалась Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион». В годы Первой мировой войны партия подвергалась репрессиям со стороны немецких и австрийских оккупационных властей. После восстановления польской государственности в ноябре 1918 г. партия развернула активную организационную деятельность. В конце 1918 г. в Варшаве состоялся первый съезд «Еврейской социал-демократической рабочей партии "Поалей Цион" в Польше» [32, л. 26–27].

В 1920–1922 гг. внутри партии имели место сильные трения, во многом связанные с разногласиями по поводу отношения к революции в России. В июле 1920 г. в Вене на V Всемирной конференции в партии произошел раскол. Большинство делегатов из Польши заняло доброжелательную позицию по отношению к Советской России, при этом не отмежевываясь от палестинских дел, меньшинство же высказалось за сотрудничество со Всемирным сионистским конгрессом, не отказываясь при этом от социалистических целей. В результате этих событий в Польше были образованы две самостоятельные партии: «Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион»» (более известная под названием «Поалей Цион» левая) и «Еврейская социалистическая рабочая партия "Поалей Цион"» («Поалей Цион» правая) [15, с. 168–169].

Партия «Поалей Цион» левая входила в состав всемирного союза «Еврейской социал-демократической рабочей партии "Поалей Цион"» и координировала с ним свою деятельность относительно вопросов, касавшихся Палестины. Во II Речи Посполитой «Поалей Цион» левая имела следующую структуру. Первичными ячейками партии были местные группы (менее 50 членов) и организации (более 50 членов). Во главе групп и организаций находились местные комитеты. Группы и организации одного или нескольких воеводств входили в окружную организацию, которую возглавлял окружной комитет. Высшим органом власти являлся съезд делегатов партии. На нем выбирался верховный совет, который, в свою очередь, избирал ЦК, ревизионную комиссию и партийный суд [32, л. 26–27].

В 1926 г. партия «Поалей Цион» левая насчитывала в Польше около 9000 членов, объединенных в 196 организациях и группах [32, л. 26]. На территории Западной Беларуси партия активно действовала в Виленском, Полесском и Новогрудском воеводствах.

В Полесском воеводстве первичные организации партии действовали в Брестском, Пинском, Лунинецком и Косовском поветах [44, л. 83].

В Виленском воеводстве партия имела секретариат в Вильно, который возглавлял М. Ерик [35, л. 526].

«Поалей Цион» левая выступала с программой создания еврейской государственности в Палестине на социалистических началах. Временным решением еврейского вопроса должна была стать национально-культурная автономия евреев в Польше. Однако считалось, что автономию удастся получить только после победы в Польше социалистической революции [28, s. 272]. Несмотря на это руководство партии последовательно высказывалось за независимость Польши и признавало польскую государственность без всяких оговорок. Что касается проводимого польским правительством политического курса, то к нему партия относилась резко отрицательно. «Поалей Цион» левая выступала за создание в Польше единой профессиональной организации пролетариата без учета национальной принадлежности. Партия требовала исключения религиозных функций из компетенции еврейских гмин и признания идиш национальным языком евреев в Польше [32, л. 26–27].

В 1925 г. IV съезд «Поалей Цион» левой утвердил решения предыдущих съездов (II и III), на основании которых «Еврейская социал-демократическая рабочая партия "Поалей Цион"» не вступила ни в один из существовавших Интернационалов [32, л. 26–27].

Партия «Поалей Цион» правая принимала участие в сионистских конгрессах, однако не делегировала своих представителей в исполнительный орган Всемирной сионистской организации. «Поалей Цион» правая принадлежала также ко II Интернационалу. Руководящими органами партии являлись всеобщая конференция, партийный совет и ЦК. Конференции партии собирались один раз в год. ЦК проводил свои собрания один раз в квартал. Он состоял из пленума, созываемого для решения особо важных вопросов, и исполнительного органа, в который входили члены центрального комитета, проживающие в Варшаве [32, л. 26].

На территории Западной Беларуси первоначально партию «Поалей Цион» правая поддерживала сравнительно небольшая часть еврейского населения региона. Партия подвергалась нападкам со стороны ортодоксов и Бунда, однако успешно развивалась во всех самоуправленческих еврейских организациях и еврейском кагале. На территории Новогрудского воеводства партия имела 14 отделений: в Лиде, Ивье, Несвиже, Клецке, Городее, Новогрудке, Любче, Кореличах, Слониме, Щучине, Столбцах, Воложине, Барановичах и Ляховичах. Самое крупное отделение «Поалей Цион» правая находилось в Барановичах. В 1925 г. оно насчитывало 90 членов. В Несвиже местное отделение партии объединяло 30 человек. По данным за 1926 г. отделения «Поалей Цион» пра-

вая в Слониме и Столбцах насчитывали 55 и 44 члена соответственно [37, л. 193].

Отделения партии «Поалей Цион» правая существовали также в Виленском воеводстве [40, л. 600].

Основными программными установками партии «Поалей Цион» правая являлись: создание в Палестине еврейского государства, основанного на социалистических принципах; культурная и национальная автономия еврейских гмин с светской структурой и демократическим самоуправлением; выделение религиозных дел из компетенции еврейских гмин; обязательное изучение еврейскими детьми в школе идиш и иврита [15, с. 170]. «Поалей Цион» правая сотрудничала с сионистскими партиями и организациями в деле строительства еврейского государства в Палестине, она вела непримиримую борьбу с ортодоксами по вопросам, касавшимся еврейского светского образования. Негативным было отношение партии к Бунду и «Поалей Цион» левой [32, л. 26].

Таким образом, сионистское движение на территории Западной Беларуси в 1921–1926 гг. имело широкое представительство в лице еврейских сионистских партий, которые обладали разветвленной сетью местных отделений и организаций, объединявших значительную часть еврейского населения региона и оказывавших серьезное влияние на общественно-политическое и экономическое положение края, его культурную и религиозную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политические партии в Польше, Западной Белоруссии и Западной Украине / под ред. С. Скульского. – Минск: Изд-во АН БССР, 1935. – 264 с.
2. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы: в 2 т. – Минск: Госиздат, 1962–1972. – 2 т.
3. Революционный авангард трудящейся молодежи Западной Белоруссии (1921–1930 гг.). Документы и материалы. – Минск: БГУ, 1978. – 327 с.
4. У суровыя гады падполля. Успаміны былых членаў КПЗБ – актыўных удзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі. – Мінск: Выд. паліт літры, 1958. – 360 с.
5. Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920–1939 гг.). – Вильнюс, 1968. – 561 с.
6. Годы испытаний и мужества. – Минск: Беларусь, 1973. – 416 с.
7. История Белорусской ССР: в 2 т. / под общ. ред. Л. С. Абецедарского. – Минск: изд-во АН БССР, 1961. – 2 т.
8. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. – Минск: Госиздат БССР, 1962. – 222 с.
9. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск: Наука и техника, 1978. – 359 с.
10. Игнатенко, И. М. Дорогой борьбы и созидания / И. М. Игнатенко, А. Н. Мацко. – Минск: Беларусь, 1979. – 174 с.
11. Мацко, А. Н. Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.) / А. Н. Мацко. – Минск: Беларусь, 1972. – 336 с.
12. Ладысев, В. Ф. В борьбе за демократические права и свободы (из исторического опыта КПЗБ, 1926–1938 гг.) / В. Ф. Ладысев. – Минск: Беларусь, 1988. – 191 с.
13. Ладысеў, У. Ф. КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў. – Мінск: БДУ, 1976. – 204 с.
14. Евреи Гродненщины: жизнь до катастрофы / под ред. В. Гончарова, О. Соболевской. – Донецк, 2005. – 347 с.
15. Свирид, А. Н. Еврейская социалистическая рабочая партия «Poalej cjon» в Полесском воеводстве / А. Н. Свирид // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблема развіцця заходняга рэгіена Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст. 23–24 крас. 1998 г.: у 2-х ч. – Брэст: Выд-ва С. Лаўрова, 1998. – Ч. 2. – С. 168–173.
16. Свирид, А. Н. Еврейская ортодоксальная партия «Агудат Израэль» и еврейское политическое движение во II Речи Посполитой (1919–1939 гг.) / А. Н. Свирид // Моладзь Берасцейшчыны: зб. студэн. навук. прац. – Брэст, 1997. – С. 30–37.
17. Свирид, А. Н. Сионистская партия труда «Hitachuuth» («Объединение») во II Речи Посполитой с момента образования до государственного переворота 1926 г. / А. Н. Свирид // Моладзь Берасцейшчыны: сб. науч. ст. студ. ист. факультета Брестского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – Вып. 2. – Брест, 1995. – С. 69–75.
18. Костючик, В. Бунд в политической жизни Польши в межвоенный период (20–30 годы) / В. Костючик // Моладзь Берасцейшчыны: сб. науч. ст. студ. ист. факультета Брестского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – Вып. 2. – Брест, 1995. – С. 62–68.
19. Мощук, А. К вопросу о взаимоотношениях Бунда и Польской социалистической партии на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. / А. Мощук // Материалы X ежегодной Междунар. междисциплин. конф. по иудаике. – М., 2003. Ч. 1. Академическая сер. Вып. 12. – С. 123–132.
20. Мощук, А. Польский Бунд – между социал-демократией и большевизмом / А. Мощук // Материалы Одиннадцатой ежегодной Междунар. междисциплин. конф. по иудаике. – М., 2004.Ч. 1. Академическая сер. Вып. 16. – С. 241–251.

21. Шевелев, Д. Осмотр развития еврейских исследований в Беларуси на границе XX–XXI вв. / Д. Шевелев // Беларускі гістарычны агляд: навуковы часопіс. – Т. 10. Сшытак 1–2 (18–19). – Снежань 2003. – С. 188–200.

22. Шепетюк, В. В. Из истории сионистского движения в г. Пинске: конец 20-х годов XX в. / В. В. Шепетюк // Моладзь Берасцейшчыны: зб. студэн. навук. прац. – Брэст, 1997. – С. 39–43.

23. Чернякевич, А. Н. Гродненская еврейская община в годы польско-советской войны 1919–1920 гг. / А. Н. Чернякевич // Евреи Беларуси: история и культура: сб. науч. тр. – Вып. 6 / сост.-ред. И. Герасимова. – Минск: Четыре четверти, 2001. – С. 96–111.

24. Belcikowska, A. Stronnictwa i związki polityczne w Polsce: charakterystyki, dane historyczne, programy, rezolucje, organizacje partyjne, prasa, przywódcy; Dodatek: Polityczne związki młodzieży w Polsce / A. Bełcikowska; część ogólną oprac. J. Belcikowski; słowo wstępne napisał A. Romer. – Warszawa: Dom Książki Polskiej, 1925. – 1086 s.

25. Belcikowski, J. Stronnictwa, Partie, Unie, Federacje, Kluby Polityczne w roku 1921 / J. Belcikowski. – Warszawa-Lwów: Dom Książki Polskiej, 1922. – 56 s.

26. Selimowski, T. Polskie legalne stronnictwa polityczne: zarys popularny / T. Selimowski. – Wyd. 3. – Warszawa: nakł. aut., 1930. – 95 s.

27. Wasiutyński, B. Ludność żydowska w Polsce w wiekach X1X–XX / B. Wasiutyński. – Warszawa, 1930. – 225 s.

28. Holzer, J. Mozaika polityczna II Rzeczypospolitej / J. Holzer. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1974. – 670 s.

29. Tomaszewski, J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1990. – 114 s.

30. Tomaszewski, J. Najnowsze dzieje żydów w Polsce (do 1950 roku) / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1993. – 500 s.

31. Wolkonowski, J. Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i na Wileńszczyźnie 1919 – 1939 / J. Wolkonowski. – Bialystok: WUB, 2004. – 463 s.

32. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Ф. 1. – Оп. 9. – Д. 2145. Сведения МВД и воеводских управлений о состоянии и деятельности еврейских политических партий и группировок.

33. Архив Новых Актов в Варшаве. – Ф. «MSW». – Sygnt. 975/1. Отчеты по Новогрудскому воеводству за 1923 г.

34. Литовский Центральный государственный архив (ЛЦГА). – Ф. 53. – Оп. 23. – Д. 805. Циркуляр делегата правительства на Виленской земле в деле деятельности политических течений на территории Виленского воеводства (1925 г.).

35. ЛЦГА. – Ф. 53. – Оп. 23. – Д. 811. Отчеты о политической и общественной жизни в Вильно и воеводстве (1926 г.).

36. ГАБО. – Ф. 2001. – Оп. 4. – Д. 2426. Отчеты об общественно-политическом положении на территории Полесского воеводства.

37. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 662. – Оп. 3. – Д. 38. Месячные отчеты и донесения Новогрудского воеводского управления об общественно-политическом движении.

38. ГАГО. – Ф. 209. – Оп. 1. – Д. 10. Донесения тайного агента о еврейском населении и списки членов еврейских организаций.

39. Сарочык, В. Л. Яўрэйскія палітычныя партыі ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. / В. Л. Сарочык // Заходні рэгіен Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зб. навук. арт. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І. П. Крэнь [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2006. – С. 188–197.

40. ЛЦГА. – Ф. 53. – Оп. 23. – Д. 810. Отчеты о политической и общественной жизни в Вильно и воеводстве (июль–декабрь 1925 г.).

41. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 9. – Д. 204. Сведения об общественно-политическом движении нацменьшинств в Полесском воеводстве.

42. Зональный государственный архив Минской области в г. Молодечно. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 77. Месячные отчеты о политическом и общественно-экономическом движении в повете и периодические отчеты о морально-политическом состоянии повета.

43. ЛЦГА. – Ф. 53. – Оп. 23. – Д. 809. Отчеты о политической и общественной жизни в Вильно и воеводстве (конец 1924 – июнь 1925 гг.).

44. ГАБО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 768. Отчеты ДОК IX об общественно-политическом движении на территории корпуса (1922–1924 гг.).

Петр Сцяцкевіч

АРГАНІЗАЦЫЙНАЯ СТРУКТУРА І ПРАГРАМНЫЯ ЎСТАНОЎКІ СІЯНІСЦКІХ ПАРТЫЙ, ЯКІЯ ДЗЕЙНІЧАЛІ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў 1921–1926 гг.

Рэзюмэ

У артыкуле разглядаюцца працэсы ўзнікнення і станаўлення сіянісцкіх палітычных партый, праводзіцца аналіз іх праграм, выяўляюцца арганізацыйныя асновы і колькасны склад на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў перыяд з сакавіка 1921 па май 1926 г. Храналагічныя рамкі дадзенага даследавання абмежаваны з часу падпісання Рыжскага мірнага дагавора і ўваходжання Заходняй Беларусі ў склад Польшчы да майскага пераварота 1926 г.

Piotr Stsiatskevich

ORGANIZATIONAL STRUCTURE AND PROGRAM OF THE ZIONIST PARTIES OPERATED IN THE TERRITORY OF THE WESTERN BELARUS IN 1921–1926

Summary

This article presents processes of rise and development of the Zionist political parties. Its schedule positions, revealing organizational bases and number on the territory of the Western Belarus from the March 1921 to May 1926 period are analyzed. Chronological framework of given research is limited to signing of the Riga Peace Treaty and an entry of the Western Belarus into Poland before May revolution in 1926.

Поступила 24.04.2013 г.

УДК 335.29(476)(091)«19»

Іван Марцынкевіч (Мінск, Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ КОЛЬКАСНАГА ВЫЗНАЧЭННЯ ІНВАЛІДАЎ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ ССР У 1944 г. – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1950-х ГАДОЎ

Вызваленне Беларусі ад акупацыі і ўзнаўленне дзейнасці дзяржаўных органаў дазволіла савецкаму кіраўніцтву зрабіць першыя крокі ў справе аднаўлення народнай гаспадаркі. Нягледзячы на тое што ваенныя дзеянні яшчэ не былі завершаны, у вызваленыя рэгіёны пачалі прыбываць дэмабілізаваныя інваліды Вялікай Айчыннай вайны. Перад супрацоўнікамі раённых і абласных аддзелаў сацыяльнага забеспячэння была пастаўлена задача арганізаваць дакладны кантроль і ўлік дэмабілізуемых інвалідаў вайны. Рашэнне дадзенай праблемы патрабавала самых сур'ёзных адносін з боку бальшавіцкіх органаў улады, паколькі ад гэтага залежалі паспяховасць і мэтавасць сацыяльнага забеспячэння ў адносінах да дадзенай катэгорыі грамадзян. Былі абазначаны асноўныя напрамкі кольказнага вызначэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якія патрабавалі дакладнага ўліку і кантролю з боку партыйных органаў сацыяльнага забеспячэння. Першачарговай задачай у гэтай справе стала вызначэнне іх агульнай колькасці, размежаванне па групах.

Каб забяспечыць дэмабілізаваных інвалідаў вайны хаця б мінімальнымі сродкамі для існавання, на вызваленых тэрыторыях аддзеламі сацыяльнага забеспячэння вялася напружаная работа па прадастаўленні ім працоўных месцаў. Падлягала строгаму ўліку і колькасць працаўладкаваных з агульнага ліку інвалідаў вайны, прычым падлічвалася таксама іх ўладкаванасць па групах інваліднасці. Для правядзення ўліку былі вызначаны шэсць асноўных абласцей занятасці інвалідаў, куды яны накіроўваліся на працоўныя месцы: прамысловасць, кааперацыя інвалідаў, надомнікі, сельская гаспадарка, партыйныя і кіруючыя пасады ў адпаведных установах, іншыя арганізацыі.

Пэўная частка дэмабілізаваных па стане здароў'я воінаў не магла быць працаўладкавана па прычыне як фізічнай нямогласці, так і нізкай працоўнай кваліфікацыі. Усё гэта абумовіла яшчэ адзін з напрамкаў, па ім неабходна было арганізаваць падлік. Пад увагу браліся інваліды Вялікай Айчыннай вайны, якія навучаліся і адначасова былі працаўладкаваны. Гэта катэгорыя фіксавалася органамі сацыяльнага забеспячэння па групах інваліднасці. Да яшчэ адной катэгорыі з агульнай колькасці скалечаных вайной воінаў адносіліся тыя, хто па выніках праходжання ўрачэбна-працоўных камісій (УПЭК) былі прызнаныя працаздольнымі і накіраваны на працоўныя месцы, аднак па розных прычынах адмовіліся ад прапанаваных вакансій. У такіх выпадках, паводле існуючага заканадаўства, яны пазбаўляліся права атрымліваць пенсіі і павінны былі ўлічвацца аддзеламі сацыяльнага забеспячэння на рэгіянальным і рэспубліканскім узроўнях.

Сістэма збору звестак аб колькасным складзе, навучанні і працаўладкаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны будавался па прынцыпу прадастаўлення перадачы даных з ніжэйстаячых у вышэйстаячыя інстанцыі. Міністэрствам сацыяльнага забеспячэння была распрацавана спецыяльная форма ўліку, якую запаўнялі райсабесы і перадавалі ў вобласць. Там фарміраваліся зводныя ведамасці па раёнах і з агульнай колькасцю па вобласці. Заключным звяном ў справе іх падліку з'яўляўся наркамат сацыяльнага забеспячэння БССР (пазней гэтая функцыя была ўскладзена на статыстычнае ўпраўленне), дзе складалася справаздача аб колькасці і працаўладкаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны па рэспубліцы ў разрэзе абласцей. Пытанне ўліку дэмабілізаваных з'яўлялася не проста статыстычнай інфармацыяй. Ад дакладнасці яе прадастаўлення залежала якасць жыцця, памеры сацыяльнай дапамогі, якую атрымлівалі інваліды і ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны.

Колькасныя звесткі аб дэмабілізаваных па стане здароў'я вайскоўцах сталі фіксавацца пасля вызвалення першых тэрыторый БССР, аднак больш дакладныя даныя былі афармлены аддзеламі сацыяльнага забеспячэння толькі пад канец 1944 г. і з'яўляліся дакументамі строгай сакрэтнасці. Па стане на 1 кастрычніка 1944 г., паводле справаздачы «Аб колькасці і працаўладкаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны па Беларускай ССР», была падлічана іх колькасць у Віцебскай, Гомельскай, Мінскай, Магілёўскай, Палесскай абласцях і складала па рэспубліцы 13 261 чалавек, з іх 229 – I групы, 6976 – II групы і 6056 – III групы [1, арк. 6]. Удзельная вага пазбаўленых пенсій за адмову ад прапанаванай працы на гэты час складала толькі 141 чалавек і з'яўлялася неістотнай. Значныя зрухі былі дасягнуты ў справе працаўладкавання інвалідаў вайны. Найбольшая іх колькасць была занята ў сельскай гаспадарцы – 4962 чалавекі. Наступнай галіной народнай гаспадаркі, у якую яны працаўладкоўваліся (асабліва ў першыя гады пасля вызвалення), з'яўляліся партыйныя і іншыя кіруючыя пасады ва ўстановах і арганізацыях. На 1 кастрычніка 1944 г. іх доля склала 1690 чалавек.

У іншых арганізацыях – кааперацыі, прамысловасці і сярод надомнікаў – налічвалася 940, 260, 240 і 36 чалавек адпаведна. У справе навучання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны новым прафесіям і спецыяльнасцям іх колькасць таксама яшчэ была невялікай – 150 чалавек. Агульны лік занятых на працы і тых, хто праходзіў навучанне новым прафесіям і спецыяльнасцям, складаў 8 278 чалавек (з іх 19 – першай, 3121 – другой і 5138 – трэцяй групы. Па ўсіх вышэйзгаданых катэгорыях да канца 1944 г. дынаміка пільна адсочвалася аддзеламі сацыяльнага забеспячэння кожны месяц у разрэзе па абласцях (табл. 1) [1, арк. 6, 10, 23].

Паводле лічбавай даведкі «Аб стане дзяржаўнага забеспячэння і бытавога ўладкавання сем'яў ваеннаслужачых і партызан па БССР на 31 снежня 1944 года» органамі сацыяльнага забеспячэння была ўзята на ўлік 601 861 сям'я ваеннаслужачых і партызан, у тым ліку 17 860 сямей афіцэраў. За гэты час было разгледжана 855 334 заявы на прадмет устанаўлення грашовых дапамог і пенсій і выдзелена 204 106 грашовых дапамог, адмоўлена ў аказанні дапамогі і пенсіях 115 660 заяўнікам. Нягледзячы на напружную работу сабесаў, значная частка (10 538 заяў) на канец 1944 г. так і засталася неразгледжанай [1, арк. 6].

Адным з самых напружаных у справе ўліку інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны стаў 1945 г. Калі ў першым паўгоддзі асаблівага росту колькасці інвалідаў не назіралася, то ў другой палове 1945 г. сітуацыя стала няўхільна змяняцца ў бок павелічэння, што было абумоўлена дэмабілізацыяй першай чаргі трынаццаці старэйшых узростаў (23 чэрвеня 1945 г.) і другой чаргі асабовага складу дзеючай арміі, якая пачалася 25 верасня 1945 г. Завяршыць іх звальненне ў запас планавалася ў другой палове 1945 г. [2, с. 145–147]. Такім чынам, калі на 1 сакавіка 1945 г. агульная колькасць інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў БССР складала 28 615 чалавек [1, арк. 8], то ўжо ў ліпені, пасля пачатку звальнення ў запас, гэтая лічба вырасла амаль удвая – да 49 625 [1, арк. 20], а да канца года склала 78 066 чалавек (1161, 36 083 і 40 822 I, II і III груп адпаведна). Разам з тым органамі сацыяльнага забеспячэння вялася далейшая работа па працаўладкаванні і навучанні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. На 1 снежня 1945 г. 57 991 чалавек з іх ліку атрымаў новыя прафесіі і спецыяльнасці і набыў працоўныя месцы. Самай шматлікай катэгорыяй па-ранейшаму заставаліся інваліды III групы – 37 921 (19 960 – II і 110 – I групы). Прычым як і ў папярэдні час, большасць з дэмабілізаваных па стане здароў'я вайскоўцаў былі працаўладкаваны ў сельскай мясцовасці (39 853 чалавек) [1, арк. 4].

Да канца 1946 г. аддзеламі сацыяльнага забеспячэння БССР была завершана праца па ўстанаўленні агульнай колькасці дэмабілізаваных інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Калі ў 1945 – сярэдзіне восені 1946 г. сабесамі фіксавалася іх паступовае павелічэнне, то ўжо ў кастрычніку агульная колькасць інвалідаў склала 90 489 чалавек, што стала максімальнай лічбаю за ўвесь час праведзенага ўліку. На гэты час з прынятых на ўлік інвалідаў-франтавікоў самай шматлікай па-ранейшаму заставалася катэгорыя інвалідаў III групы – 51 633, 37 267 адносілася да II і 1584 – III (табл 2) [3, арк. 5]. З другой паловы 1946 г. сярод гэтых катэгорый грамадзян пачала назірацца тэндэнцыя да колькаснага памяншэння, выкліканая перш за ўсё станам здароў'я. Высвятленне агульнай колькасці дэмабілізаваных інвалідаў вайны ўплывала і на саму сістэму іх падліку. Першапачаткова сабесамі фіксавалася іх дынаміка па месяцах, аднак, пачынаючы з IV квартала 1946 г., падлік пачалі праводзіць паквартальна. Сама форма і крытэрыі, па якіх адсочвалі колькасны склад інвалідаў вайны, пакуль заставаліся без змяненняў [4, арк. 64].

Высвятленне агульнай колькасці воінаў, якія страцілі на фронце сваё здароў'е, дазволіла скіраваць намаганні сабесаў на больш пільны ўлік працаўладкаваных, а таксама занятых атрыманнем новых прафесій і спецыяльнасцей. Важнасць гэтай справы была абумоўлена неабходнасцю забеспячэння іх працоўнымі месцамі і прадастаўлення адукацыйных паслуг, што не было б эфектыўным пры ўмове дрэнна арганізаванага ўліку ў гэтай галіне. Сведчаннем пільнай увагі з боку органаў сацыяльнага забеспячэння непасрэдна да ўліку працаўладкаванай часткі інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны пацвярджаюць тлумачальныя запіскі Міністэрства сацыяльнага забеспячэння БССР, якія пачалі прадастаўляцца з сярэ-

Табліца 1. **Справаздача аб колькасці і працаўладкаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны па стане на 1 кастрычніка 1944 года па Беларускай ССР**

Вобласць	Колькасць інвалідаў, якія атрымліваюць пенсію				Пазбаўлены пенсіі за адказ ад работы	З агульнага ліку тых, хто атрымлівае пенсію на справаздачную дату										
	Усяго	у тым ліку інвалідаў				Колькасць працуючых						Колькасць інвалідаў, што навучаюцца	УСЯГО працуе і навучаецца	У тым ліку інвалідаў		
		I гр.	II гр.	III гр.		у прамысловасці	у кааперацыі інвалідаў	на даму	у сельскай гаспадарцы	у адпаведных установах	у іншых арганізацыях			I гр.	II гр.	III гр.
Віцебская	1915	45	980	890	11	20	33	4	734	255	206	8	1260	13	493	754
Гомельская	4545	66	2328	2161	29	107	105	3	1756	523	277	69	2840	4	953	1883
Мінская	791	36	430	325	–	8	12	14	92	137	26	13	302	1	95	206
Магілёўская	4060	62	2289	1709	35	84	72	6	1580	497	231	50	2520	1	1037	1482
Палеская	1950	20	959	971	66	21	38	9	800	278	200	10	1356	–	543	813
Усяго	**13 261**	**229**	**6976**	**6056**	**141**	**240**	**260**	**26**	**4962**	**1690**	**940**	**150**	**8278**	**19**	**3121**	**5138**

Табліца 2. **Справаздача аб колькасці і працаўладкаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны па стане на 1 кастрычніка 1946 года па Беларускай ССР**

Вобласць	Колькасць інвалідаў, якія атрымліваюць пенсію				Пазбаўлены пенсіі за адказ ад работы	З агульнага ліку тых, хто атрымлівае пенсію на справаздачную дату										
	Усяго	у тым ліку інвалідаў				Колькасць працуючых						Колькасць інвалідаў, што навучаюцца	УСЯГО працуе і навучаецца	У тым ліку інвалідаў		
		I гр.	II гр.	III гр.		у прамысловасці	у кааперацыі інвалідаў	на даму	у сельскай гаспадарцы	у адпаведных установах	у іншых арганізацыях			I гр.	II гр.	III гр.
Баранавіцкая	4686	84	1823	2779	75	71	38	–	3287	312	326	33	4101	13	1314	2774
Брэсцкая	4828	88	1948	2792	143	20	26	–	4010	246	244	81	2627	17	1811	2799
Бабруйская	10 548	159	4523	5866	77	487	94	44	5579	1049	1023	273	8543	24	2856	5665
Віцебская	10 167	139	3579	6449	124	418	145	11	5122	932	1277	171	8976	5	1984	6086
Гомельская	11 525	104	4399	6932	255	525	192	6	6116	1044	693	429	9005	10	2293	6702
Гродзенская	2904	39	1232	1033	52	120	28	22	1924	344	208	49	2695	18	1047	1630
Мінская	10 396	207	4271	5918	101	270	203	20	5249	1260	646	192	7840	12	2507	5321
г. Мінск	2180	48	898	1234	93	264	8	5	160	517	415	357	1728	5	569	1154
Магілёўская	13 891	291	6609	6991	203	499	185	34	7262	1229	887	235	10 241	20	3586	6635
Маладзечанская	3071	26	1284	1761	42	29	10	6	2433	238	176	10	2902	7	1157	1738
Пінская	4801	94	2069	2638	5	61	16	1	3554	245	195	61	4143	2	1560	2581
Полацкая	2814	77	1976	2764	65	139	71	8	3012	318	472	67	4087	9	1361	2717
Палеская	6673	138	2659	3876	9	61	58	8	3269	765	965	116	5244	8	4771	3765
Усяго	**90 489**	**1584**	**37 267**	**51 633**	**1214**	**2875**	**1067**	**165**	**50 995**	**8191**	**7532**	**2108**	**43 284**	**19**	**23 516**	**49 567**

дзіны 1947 – пачатку 1948 г. разам са справаздачамі аб колькасці пенсіянераў і працаўладкаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Так, на 1 студзеня 1948 г. па БССР было ўлічана 76 692 чалавекі, якія сталі інвалідамі пасля 22 чэрвеня 1941 г., што складала 91,8% супраць 90,1% на 1 кастрычніка 1947 г. ад удзельнага ліку працаўладкаваных (без уліку інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны з афіцэрскага складу) [5, арк. 87].

У гэты ж час быў уведзены яшчэ адзін асобна вызначаны крытэрый уліку. Абласныя аддзелы сацыяльнага забеспячэння павінны былі прад'яўляць не толькі інфармацыю аб колькасным складзе, размеркаванні на працу ў галіны народнай гаспадаркі БССР, але і працэнт працаўладкаваных інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны III групы. Тыя з іх, якія па заключэнні УПЭК былі аднесены па стане здароў'я да гэтай групы, падлягалі працаўладкаванню. Калі інвалід вайны адмаўляўся ад прапанаванага працоўнага месца, яго маглі пазбавіць пенсіі ў адпаведнасці з дзеючым заканадаўствам. Колькасць такіх грамадзян пастаянна змянялася, аднак іх склад не быў звязаны з павелічэннем ці памяншэннем агульнай лічбы інвалідаў-франтавікоў. Калі на кастрычнік 1946 г. з 90 489 (найбольшай зафіксаванай органамі сацыяльнага забеспячэння колькасці інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны) ад прапанаванай працы адмовілася толькі 1214 інвалідаў III групы, то па стане на 1 студзеня 1947 г. іх колькасць дасягнула 8126 (адносна агульнай у 77 207 чалавек) [3, арк. 5; 5, арк. 118].

Другая палова 1948–1949 гг. сталі часам выпрацоўкі больш аптымальнай формы ўліку франтавікоў-інвалідаў. У гэты час праходзілі паступовыя змены ў самых формах справаздачнасці і ўліку інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Пры іх выпрацоўцы Міністэрства сацыяльнага забеспячэння па-ранейшаму зыходзіла з тых патрэб інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якія ў далейшым трэба было рэалізоўваць на практыцы. Сама сістэма ўліку да канца 1940-х гадоў пачала набываць не толькі статыстычную функцыю, з дапамогай якой было магчыма пэўным чынам карэктаваць тую ці іншую галіну сацыяльнага забеспячэння. Па меры адраджэння народнай гаспадаркі сістэма ўліку пачала істотна ўплываць на памеры выдзяляемага фінансавання. Гэта акалічнасць на фоне паступовага вырашэння праблем працаўладкавання і працоўнага навучання садзейнічала спрашчэнню саміх форм справаздачнасці і ўліку. Так, у справаздачы «Аб колькасці інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны па Беларускай ССР» па стане на I квартал 1949 г. указваліся не ранейшыя паказчыкі, па якіх папярэдне праводзілася колькаснае вызначэнне, а фіксавалася толькі наяўнасць тых інвалідаў-франтавікоў, якія былі працаўладкаваны, праходзілі навучанне ці былі заняты на працы і навучаліся адначасова.

Яшчэ адным новаўвядзеннем стаў асобны ад радавога і сяржанцкага складу ўлік афіцэраў-інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, аднак высвятленне іх колькасці праводзілася па тых жа крытэрыях, што і ўсіх астатніх інвалідаў вайны. Колькасць працуючых на той час інвалідаў-афіцэраў склала 766 чалавек. Агульная колькасць з іх – працаўладкаваных і тых, хто навучаўся новым прафесіям, – склала 779 чалавек [6, арк. 3].

Пачынаючы з другога квартала 1949 г. у формы справаздачнасці было дададзена яшчэ некалькі пунктаў, якія адлюстроўвалі не толькі колькасць інвалідаў вайны з радавога, сяржанцкага і афіцэрскага складу, іх працаўладкаванне і навучанне, але і агульныя сумы прызначаных ім пенсій і грашовых дапамог. Так, на 75 925 ваеннаслужачых, якія сталі інвалідамі пасля 22 чэрвеня 1941 г., за II квартал 1949 г. было выдадзена 8 539 993 руб., у той час як на 885 афіцэраў – 178 041 рублёў [6, арк. 36, 36зв.].

Да канца 1950 г. у сістэме ўліку і формах запаўнення справаздачных дакументаў зноў адбыліся змены. Раней улік інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны праводзілі паквартальна, зараз жа змяненні ў іх колькасным складзе адсочвалі раз у паўгоддзе. Такія справаздачы маглі ўтрымліваць пісьмовыя дадаткі ці тлумачальныя запіскі, у якіх параўноўвалася дынаміка ў колькасным складзе інвалідаў або прадастаўляліся звесткі па дадатковых пунктах. Так, у тлумачальнай запісцы да справаздачы «Аб агульнай колькасці і працаўладкаванні пенсіянераў па форме 1-й за першае паўгоддзе 1953 г. па Беларускай ССР» прыводзілі лічбы па стане на 1 ліпеня 1953 г. у параўнанні з 1 ліпеня 1952 г. Колькасць інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны за гэты час зменшылася на 2065 чалавек, што ў асноўным адбывалася за кошт інвалідаў II-й групы – 1788 і III-й групы – 365 чалавек, у сувязі са зняццем інваліднасці і выездам па-за межы рэспублікі.

З агульнай колькасці інвалідаў вайны ў гарадской мясцовасці на гэты час пражывала 15 794 чалавекі, ці 22,9%. У асноўным гэта былі інваліды III-й групы – 11 018 чалавек, ці 16% ад усёй іх колькасці. Па стане на 1 ліпеня 1953 г. з агульнага ліку інвалідаў-франтавікоў былі працаўладкаваны і навучаліся 61 200 чалавек ці 88,7%. Колькасць працуючых і праходзячых навучанне інвалідаў I групы склала толькі 13% ад усіх інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, у параўнанні з 12% улічаных на 1 ліпеня 1952 г., II групы – 79,6%, калі ў 1952 г. іх колькасць складала 82,6%, III групы – 96,7% супраць 97,4% у папярэднім годзе [7, арк. 2–3].

Усяго на 1 ліпеня 1953 г. было ўлічана 60 307, ці 87,4%, інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, занятых на працы ў разнастайных галінах народнай гаспадаркі. Найбольшую колькасць складалі інваліды, якія былі заняты ў сельскай гаспадарцы – 67,2%, а таксама на кіруючых пасадах у арганізацыях і ўстановах – 20,1%. Па даных справаздачы на 1 ліпеня 1952 г. з усіх працуючых з абмежаванымі фізічнымі магчымасцямі, працуючых на некваліфікаваных працах, мелі патрэбу ў перакваліфікацыі 511 чалавек, перакваліфікавана і навучана за справаздачны перыяд было 390 чалавек [7, арк. 4].

Абагуленыя і выразна сістэматызаваныя звесткі па рэспубліцы прадастаўляліся Міністэрствам сацыяльнага забеспячэння штогадова па новым ўзоры, які ўтрымліваў агульную колькасць інвалідаў вайны (асобна па I, II і III групах), працэнт іх працаўладкаванасці, а таксама размеркаванне па галінах народнай гаспадаркі на працоўных месцах, іх навучанне.

Такая сістэма колькаснага вызначэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны праіснавала да 1956 г., калі перад Міністэрствам сацыяльнага забеспячэння была пастаўлена новая задача – перагледзець пытанне колькаснага вызначэння інвалідаў адпаведна закону «Аб дзяржаўных пенсіях».

Такім чынам, сістэма колькаснага вызначэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў Беларускай ССР у 1944 – першай палове 1950-х гадоў прайшла значны шлях эвалюцыі. За гэты час ад першасных задач па вызначэнні агульнай колькасці інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны і размежаванні іх па групах была пабудавана дзейсная сістэма збору звестак аб колькасным складзе, навучанні і працаўладкаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны на прынцыпе прадастаўлення звестак ад ніжэйшых у вышэйшыя інстанцыі. Распрацавана спецыяльная форма ўліку, якая відазмянялася, карэктавалася ў залежнасці ад тых задач, якія ставіла перад сабой дзяржава ў галіне сацыяльнага забеспячэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Пытанне іх ўліку стала не проста статыстычнай інфармацыяй, а займала важнае месца ў рэгуляванні і фінансаванні гэтай галіны. Выразна выбудаваная сістэма вызначэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны дазволіла да канца 1946 г. устанавіць агульную колькасць інвалідаў вайны ў Беларускай ССР, аператыўна і эфектыўна рэагаваць на новыя рэаліі і адпавядаць патрабаванням часу ў далейшым.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Воп. 37. – Спр. 133.
2. Сборник Законов СССР. «Указов Президиума ВС СССР 1945–1946 гг.». – М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1947 г.
3. НАРБ. – Ф. 4п. – Воп. 37. – Спр. 182.
4. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 5. – Спр. 802.
5. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 5. – Спр. 1251.
6. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 5. – Спр. 2213.
7. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 5. – Спр. 4018.

Иван Мартинкевич

ОСОБЕННОСТИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНВАЛИДОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1944 г. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х ГАДОЎ

Резюме

В данной статье автор рассматривает особенности определения количественного состава инвалидов Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы в БССР. На основании официальных документов и архивных материалов анализируются основные направления, критерии и формы учета, по которым велась работа с целью определения количественного состава данной категории населения.

Автор приходит к выводу, что система учета инвалидов Великой Отечественной войны в БССР в 1944 г. – первой половине 1950-х годов прошла значительный путь эволюции на протяжении рассматриваемого периода. За это время была выстроена ее действенная система и разработаны специальные формы учета, которые видоизменяли и корректировали в соответствии с теми задачами, которые ставило правительство республики в области социальной политики.

Ivan Martsynkevich

THE PECULIARITIES OF THE QUANTITATIVE DETERMINATION OF THE INVALIDS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN BSSR IN 1944 – THE FIRST HALF OF 1950

Summary

In the article the author examines defining characteristics of the quantity of disabled of the Great Patriotic War in the early postwar years in the BSSR. On the basis of official documents and archival materials the main trends, criteria and forms of accounting the number of invalids are analyzed.

The author comes to the conclusion that the accounting system of disabled of World War II in Belarus in first half of 1950 has come a long way of evolution. During this time an effective system was built and special forms of accounting, which have been adapted and adjusted accordingly to the tasks, which the government of the republic put in the field of social policy.

Пастуніў 01.11.2012 г.

УДК 94(476)+323.15(476)

Ігар Пушкін (Магілёў, Беларусь)

СТВАРЭННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ ПА РЭГУЛЯВАННІ МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫХ АДНОСІН У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Пасля атрымання незалежнасці ў Беларусі ўзнікла неабходнасць у рэарганізацыі існуючых і стварэнні новых структур органаў дзяржаўнай улады, у тым ліку ў сферы міжнацыянальных адносін. У беларускай навуцы гэта пытанне мала даследавана. Стварэнне і дзейнасць адпаведных органаў улады згадаваліся толькі ў кантэксце дзяржаўнай нацыянальна-канфесійнай палітыкі ў некаторых публікацыях С. Буко, Н. Бурай, В. Касовіч, А. Макрушыч, А. Осіпава, В. Паўлоўскай, І. Пушкіна, М. Рыбакова [1, 2, 10–13, 15, 17].

Рэгуляваннем міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь займаліся прадстаўнічыя і выканаўчыя органы дзяржаўнай улады. Вопыт вырашэння праблем міжнацыянальных адносін у судовым парадку ў краіне адсутнічае.

У 1970–80-я гады пытанні міжнацыянальных адносін не знаходзілі адлюстравання ў працы якога-небудзь спецыяльнага органа Вярхоўнага Савета (ВС) БССР. Пасля правядзення ў 1990 г. выбараў у мясцовыя і Вярхоўны саветы сталі адбывацца змены ў падыходах да вырашэння міжнацыянальных праблем у Беларусі. 21.09.1990 г. у Сакратарыяце ВС унутры аддзелаў былі ўтвораны сектары. У складзе аддзела па пытаннях сацыяльнага і культурнага развіцця з'явіўся сектар па пытаннях адукацыі, культуры і міжнацыянальных адносін. 1.06.1990 г. у ВС былі ўтвораны пастаянныя камісіі, сярод якіх – Камісія па нацыянальнай палітыцы і міжнацыянальных адносінах. У лютым 1993 г. змянілася яе назва – Камісія ВС Рэспублікі Беларусь па нацыянальнай палітыцы і пытаннях СНД. 16.01.1996 г. была ўтворана Камісія па правах чалавека, нацыянальных пытаннях, СМІ, сувязям з грамадскімі аб'яднаннямі і рэлігійнымі арганізацыямі. Сёння профільнай структурай у Палаце прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь з'яўляецца Пастаянная камісія Палаты прадстаўнікоў па правах чалавека, нацыянальных адносінах і сродках масавай інфармацыі. У Савеце Рэспублікі міжнацыянальныя адносіны ўваходзяць у круг пытанняў Пастаяннай камісіі па адукацыі, навуцы, культуры і сацыяльным развіцці. У выніку іх дзейнасці на працягу 1990–1996 гг. у Беларусі створана заканадаўчая база для дзейнасці нацыянальных супольнасцей і стабільных, канструктыўных міжнацыянальных адносін. Былі прыняты Законы: «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь», «Аб культуры ў Рэспубліцы Беларусь», «Аб адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь», «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь», «Аб бежанцах» і інш. [14, с. 108–109; 12, с. 189–190].

Спецыяльных дзяржаўных органаў у сістэме вышэйшай выканаўчай улады, якія займаліся праблемамі нацыянальных супольнасцей, у Беларусі да сярэдзіны 1990-х гадоў не існавала, не было і механізмаў супрацоўніцтва ўладных структур і нацыянальных аб'яднанняў. Развіццём адукацыі на роднай мове займалася Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. Падтрымку і фінансаванне іх культурных ініцыятыў ажыццяўляла Міністэрства культуры. Яно арганізацыйна і фінансава падтрымлівала арганізацыю нацыянальных фестываляў, вылучала сродкі на правядзенне конкурсаў, выстаў, утрыманне мастацкіх калектываў нацыянальных аб'яднанняў, мэтанакіравана займалася забеспячэннем спрыяльных умоў для развіцця мастацкай творчасці нацыянальных супольнасцей [5, 8].

У мэтах эфектыўнага супрацоўніцтва дзяржаўных органаў кіравання Беларусі і грамадскіх арганізацый нацыянальных супольнасцей у студзені 1995 г. была створана Каардынацыйная рада па справах нацыянальных меншасцей пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь. Старшынёй рады з'яўляўся намеснік Прэм'ер-міністра Рэспублікі Беларусь. Рада павінна была садзейнічаць захаванню і развіццю культур нацыянальных супольнасцей, яе рашэнні насілі рэкамендацыйны характар.

З мэтай правядзення эфектыўнай нацыянальнай палітыкі неабходна было вызначыць становішча спраў, якое склалася ў сферы забеспячэння правоў нацыянальных супольнасцей, іх надзённыя праблемы і ўлічыць традыцыі, што склаліся гістарычна. Таму 21–22.05.1996 г. у Віцебску была праведзена першая нацыянальная навукова-практычная канферэнцыя «Нацыянальныя меншасці Беларусі: шляхі супрацоўніцтва і згоды». Выпрацаваная ўдзельнікамі канферэнцыі «Канцэпцыя нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі» вызначыла асноўныя напрамкі стварэння і дзейнасці праграмы тэарэтычнага забеспячэння і практычнай рэалізацыі нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных супольнасцей з улікам стратэгічных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь, накіраваных на захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці краіны [9].

У студзені 1997 г. Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь быў падпісаны ўказ «Аб сістэме рэспубліканскіх ор-

ганаў дзяржаўнага кіравання, падпарадкаваных ураду Рэспублікі Беларусь», паводле якога Рада па справах рэлігій пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь ператваралася ў Дзяржаўны камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей (Дзяржкамітэт). У лістападзе 2001 г. ён быў ператвораны ў Камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь (Камітэт), які з'яўляўся рэспубліканскім органам дзяржаўнага кіравання і падпарадкоўваўся Ураду Рэспублікі Беларусь [16, с. 41–44]. 15.07.2006 г. пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь Камітэт быў рэарганізаваны і ў структуры Урада з'явіўся апарат Упаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцей. Упаўнаважаны прызначаецца на пасаду Прэзідэнтам па прапанове Савета Міністраў і падпарадкоўваецца Ураду. Пры Упаўнаважаным дзейнічаюць кансультатыўныя Міжэтнічая рада і Экспертная рада.

02.12.1997 г. пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь «Аб каардынацыйным Савеце па справах нацыянальных меншасцей Беларусі» было вырашана стварыць у пачатку 1998 г. пры Дзяржкамітэце – Каардынацыйную раду па справах нацыянальных меншасцей для садзейнічання рэалізацыі правоў грамадзян розных нацыянальнасцей, каардынацыі дзейнасці рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання па стварэнню ўмоў і аказанню дапамогі ў асветніцкай дзейнасці аб'яднанням нацыянальных супольнасцей Беларусі, выпрацоўкі рэкамендацый па практычным ўвасабленні дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі. Рада стваралася як грамадскае фарміраванне. У яе склад увайшлі прадстаўнікі міністэрстваў, органаў кіравання, нацыянальна-культурных аб'яднанняў Беларусі [16, с. 46; 11, с. 50–51]. На яе пасяджэннях абмяркоўваліся пытанні міжнацыянальных адносін і статутнай дзейнасці аб'яднанняў. Праз раду дзяржава мела магчымасць кантраляваць і кіраваць дзейнасцю нацыянальных аб'яднанняў.

У 2004 г. была створана Кансультатыўная міжэтнічная рада (рада). Яна ў рамках сваёй кампетэнцыі супрацоўнічала з Упаўнаважаным, садзейнічала захаванню і ўмацаванню міжнацыянальнай згоды ў Беларусі, стварэнню адпаведных умоў для рэалізацыі праў грамадзян розных нацыянальнасцей на адраджэнне сваіх нацыянальных каштоўнасцей, адукацыйна-асветніцкай, культурна-творчай, інфармацыйнай і іншай дзейнасці, рыхтавала прапановы па ўдасканаленні ўзаемадзеяння грамадскіх аб'яднанняў нацыянальных супольнасцей, каардынавала дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў, прадстаўнікі якіх уваходзілі ў склад рады. Па прапанове Упаўнаважанага, рада размяркоўвала дзяржаўныя фінансавыя сродкі, накіраваныя на падтрымку праектаў з удзелам нацыянальных супольнасцей. Вырашаліся пытанні аб памяншэнні памераў арэндnай платы шэрага грамадскіх этнакультурных аб'яднанняў, аб ільготным падаткаабкладанні нацыянальных аб'яднанняў у гарадах і раёнах, на тэрыторыі якіх яны дзейнічалі, і інш. [17, с. 19–22]. У 2010 г. у склад рады ўваходзілі 25 членаў – прадстаўнікоў нацыянальна-культурных грамадскіх аб'яднанняў і іх саюзаў, зарэгістраваных у адпаведнасці з заканадаўствам Рэспублікі Беларусь.

Вялікі аб'ём працы па каардынацыі дзейнасці нацыянальных грамадскіх арганізацый ускладаўся на Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур, які быў створаны ў 1994 г. і ўваходзіў у склад Міністэрства культуры. У яго кампетэнцыю ўваходзіла арганізацыйна-метадычная дапамога і матэрыяльная падтрымка нацыянальных супольнасцей у справе адраджэння і далейшага развіцця нацыянальных культур. На базе цэнтра ў 1995–2000-х гг. дзейнічаў шэраг самадзейных мастацкіх калектываў нацыянальных супольнасцей. Пры яго дапамозе нацыянальна-культурныя аб'яднанні праводзілі свае традыцыйныя святы: «Курбан-Байрам», «Пурым», «Ханука», «Мертышор» і інш. [19; 11, с. 53; 13, с. 158]. З 2005 г. ён стаў падпарадкоўвацца апарату Упаўнаважанага [4].

На рэгіянальным і мясцовым узроўні ва ўсіх абласных выканаўчых камітэтах, а таксама ў Мінскім гарвыканкаме былі створаны саветы (аддзелы) па справах рэлігій і нацыянальнасцей. Іх задачы галоўным чынам аналагічныя кругу задач, якія вырашаюцца Упаўнаважаным, за выключэннем удзелу ў распрацоўцы заканадаўства і міжнароднага супрацоўніцтва. У абласцях і гарадах ствараліся Каардынацыйныя рады грамадскіх і нацыянальных аб'яднанняў, палітычных партый і прафсаюзных арганізацый горада. Правядзеннем культурных мерапрыемстаў для нацыянальных супольнасцей, камплектаваннем бібліятэчных фондаў на мовах супольнасцей у ліку іншага займаліся аддзелы культуры адпаведных выканкамаў.

У Беларусі існавала «Праграма мер па рэгуляванні этнаканфесійнай сітуацыі ў Рэспубліцы Беларусь», якая разлічвалася на пэўныя перыяды. Мясцовымі ўладамі распрацоўваліся і дзейнічалі рэгіянальныя праграмы. Яны, як правіла, былі разлічаны на два гады [17, с. 19–22]. Прыярытэт у дзейнасці адпаведных дзяржаўных органаў атрымоўвалі праекты, праграмы і мерапрыемствы, якія мелі міжкультурны характар, інтэрнацыянальны кірунак. Найбольш удалым кірункам дзейнасці органаў дзяржаўнага кіравання Беларусі стала правядзенне фэстываляў нацыянальных культур, якія значна актывізавалі культурна-асветніцкую дзейнасць нацыянальных аб'яднанняў, шырока папулярызавалі іх творчыя дасягненні. У перыяд з 1996 па 2012 г. адбылося 9 фестываляў [6].

Аналіз дзейнасці дзяржаўных органаў па рэгуляванні міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь дазваляе вылучыць некалькі этапаў: 1) першая палова 1990-х гадоў – гэта перыяд, калі дзяржава прытрымлівалася ліберальнай мадэлі нацыянальна-канфесійных адносін. Праводзілася палітыка неўмя-

шальніцтва ў дзейнасць грамадскіх нацыянальна-культурных аб'яднанняў; 2) з 1996 г. – этап характарызуецца паступовым адыходам ад ліберальнай да мадэлі супрацоўніцтва (кааперацыйнай мадэлі) дзяржаўна-нацыянальных адносін; 3) з пачатку 2000-х гадоў у нацыянальнай палітыцы Рэспублікі Беларусь заўважаецца імкненне да кантролю, унармавання і рэгулявання грамадскай дзейнасці, пераважае падтрымка інтэрнацыянальнага і выкарыстанне праграмных метадаў працы [3; 7; 18].

Такім чынам, у навейшай гісторыі Рэспублікі Беларусь для рэгулявання міжнацыянальных адносін і вырашэння праблем нацыянальных супольнасцей быў створаны адпаведны орган дзяржаўнай улады, які імкнуўся забяспечыць умовы для захавання самабытнасці і выканання заканадаўства ў сферы рэалізацыі праў нацыянальных супольнасцей. Органамі прадстаўнічай улады была прынята нарматыўна-прававая база, якая стварала досыць камфортныя ўмовы для развіцця культур нацыянальных супольнасцей і задавальнення іх этнакультурных запатрабаванняў. У краіне адбывалася падтрымка ініцыятыў і супрацоўніцтва з нацыянальнымі грамадскімі арганізацыямі для захавання ў беларускім грамадстве стабільнасці, дыялогу і супрацоўніцтва ў сферы міжнацыянальных адносін. Праз дзейнасць СМІ вялася прапаганда нацыянальнай адметнасці і культурнай шматвобразнасці. Прыкладаліся намаганні для захавання моў і адукацыі на родных мовах нацыянальных супольнасцей. У структурах Міністэрстваў культуры, адукацыі, інфармацыі працавалі спецыялісты, якім было даручана аказваць дапамогу грамадскім нацыянальна-культурным аб'яднанням. У Беларусі былі створаны мінімальна неабходныя ўмовы для захавання і развіцця культуры нацыянальных супольнасцей, дзейнасці іх арганізацый.

Згодна з заканадаўствам, нацыянальная палітыка органаў дзяржаўнага кіравання падзялялася на: аказанне матэрыяльнай і арганізацыю метадычнай дапамог, правядзенне выстаў, фестываляў нацыянальных культур і мастацтваў; адзначэнне галоўных дат у гісторыі той ці іншай нацыянальнай супольнасці, дапамогу ў фінансаванні мастацкіх калектываў, кардынацыю дзейнасці нацыянальных грамадскіх аб'яднанняў, Беларускага дзяржаўнага інстытута праблем культуры, Камітэта па справах рэлігій і нацыянальнасцей і мясцовых ораганаў улады.

Дзяржаўная падтрымка культурнай дзейнасці нацыянальных супольнасцей і кантроль за іх грамадскімі арганізацыямі актывізаваліся з другой паловы 1990-х гг. пасля стварэння органаў, адказных за правядзенне нацыянальна-канфесійнай палітыкі. За апошнія 10 год статус дзяржаўнага органа вышэйшай выканаўчай улады, які каардынаваў узаемаадносіны дзяржавы з нацыянальнымі супольнасцямі, зніжаўся.

Нацыянальная палітыка дзяржаўнай улады насіла характар пратэкцыянізму і здзяйснялася ў цэлым выверанымі, прадуманымі крокамі, пры наяўнасці пэўных недахопаў, якія можна выправіць. У дзеяннях улад прасочвалася схіленне да комплекснага вырашэння існуючых праблем нацыянальных супольнасцей.

У выніку правядзення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі, якая забяспечвала задавальненне культурна-асветных запатрабаванняў нацыянальных супольнасцей з улікам агульнанацыянальных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь, у грамадстве склаліся стабільныя міжнацыянальныя адносіны. Інтэрнацыянальны характар беларускага грамадства і палітыка беларускай дзяржавы, якая была накіравана на захаванне і ўмацаванне дадзенай сітуацыі, гарантавалі сацыяльную стабільнасць.

ЛІТАРАТУРА

1. Буко, С. Республика Беларусь – страна межнационального мира и согласия / С. Буко // Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь: даведнік / склад. Н. В. Ходар. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2004. – С. 3–5.

2. Бурая, Н. В. Уплыў дзяржаўнай палітыкі на развіццё нацыянальных і канфесіянальных адносін у Беларусі (1992–2004 гг.) / Н. В. Бурая // Весці БДПУ. Сер. 2. – 2007. – № 1. – С. 46–49.

3. Галіновая праграма «Захаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь да 2005 г.» / Міністэрства культуры Рэсп. Беларусь. – Мінск: БелДІПК, 2002. – 168 с.

4. Дакументы аб перадачы ДУ «Рэспубліканскі цэнтр нацыянальных культур». 2005 г. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 1072. – Арк. 1–20.

5. Дакументы аб супрацоўніцтве Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь з культурнымі аб'яднаннямі нацыянальных меншасцей. 1993 г. // НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 33. – Арк. 11, 22.

6. Дакументы аб ходзе падрыхтоўцы і правядзенні Усебеларускага фестывалю нацыянальных культур // НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 471. – Арк. 4–9, 15; Спр. 804. – Арк. 1–169; Спр. 960. – Арк. 1–222; Спр. 962. – Арк. 11–12.

7. Дзяржаўная праграма «Функцыянаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь да 2005 г.» / Міністэрства культуры Рэсп. Беларусь; нав. рэд. У. П. Скараходаў. – Мінск: БелДІПК, 2002. – 70 с.

8. Звесткі аб творчай дзейнасці нацыянальных культурна-асветных аб'яднанняў у Рэспубліцы Беларусь. 2004 г. // НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 474. – Арк. 30.

9. Канцэпцыя нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі / навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – Мінск: Рэсп. цэнтр нац. культур, 1996. – 34 с.

10. Касовіч, В. Ф. Дзяржаўная палітыка ў адносінах да нацыянальных меншасцей у Рэспубліцы Беларусь / В. Ф. Касовіч // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя: Матэрыялы Міжнар. навук.-тэа-

рэт. канф., Мінск, 18–19 крас. 2003 г. – Мінск: БДПУ, 2004. – С. 224–225.

11. Макрушич, Е. Н. Этнокультурная политика в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1995–1998 гг.) / Е. Н. Макрушич // Весн. Гродзенскага дзяржаўнага ун-та імя Я. Купалы. – 2008. – № 1. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. – С. 49–55.

12. Осипов, А. Этнокультурная политика в Беларуси: сопоставление с международным контекстом / А. Осипов // Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире / сост., авт. предисл. А. Осипов, А. Василевич. – Минск: Медисонт, 2012. – С. 171–198.

13. Паўлоўская, В. П. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па развіцці культурна-асветніцкай работы сярод нацыянальных меншасцей Беларусі на сучасным этапе / В. П. Паўлоўская // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1997. – С. 153–160.

14. Пушкін, І. А. Дзейнасць Вярхоўнага Савета БССР – Рэспублікі Беларусь па заканадаўчым забеспячэнні міжнацыянальных адносін (1990–1996 гг.) / І. А. Пушкін // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. / ГрГУ им Я. Купалы; редкол.: М. А. Можейко (отв. ред.). – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 105–109.

15. Пушкін, І. А. Заканадаўчыя асновы міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991–2010 гг.) / І. А. Пушкін // Весн. Брэсцкага ўн-та. – 2012. – № 1. Сер. 1.– С. 70–79.

16. Пушкін, І. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.): манаграфія / І. А. Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А. Куляшова, 2007. – 206 с.

17. Рыбаков, М. Л. О межнациональных отношениях и государственной политике в Республике Беларусь / М. Л. Рыбаков // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. / ГрГУ им Я. Купалы; редкол.: М. А. Можейко (отв. ред.). – Гродно: ГрГУ, 2010. – С. 19–22.

18. Рэспубліканская праграма па захаванні і падтрымцы народнага мастацтва, народных промыслаў і рамёстваў у Рэспубліцы Беларусь, зацверджаная 28.12.2000 г. № 05 / 239 // Рэгіянальныя мэтавыя праграмы: некаторыя пытанні тэорыі і практыкі: мат. да творчага семінара / склад. А. М. Боганева, Л. І. Міхальчук. – Мінск, 2001. – С. 22–53.

19. Справаздача Рэспубліканскага цэнтра нацыянальных культур. 2000 г. // НАРБ. – Ф. 974. – Воп. 4. – Спр. 407. – Арк. 128–138.

Игорь Пушкин

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Резюме

В статье анализируется государственная политика в сфере регулирования межнациональных отношений и решения проблем национальных общностей Республики Беларусь. В 1990-х годах органами представительной власти была принята нормативно-правовая база, создавшая достаточно комфортные условия для развития культур национальных общностей и удовлетворения их этнокультурных потребностей. В середине 1990-х годов был создан орган исполнительной государственной власти для обеспечения условий сохранения этничной самобытности и выполнения законодательства в сфере реализации прав национальных общностей. В статье выделены три этапа в деятельности государственных органов по регулированию межнациональных отношений и определены основные направления национальной политики в Республике Беларусь, которая носила характер протекционизма.

Ihar Pushkin

ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF STATE AUTHORITIES ON REGULATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The article analyzes national policy in regulation of interethnic relations and solution of national groups problems of the Republic of Belarus. Regulatory and legal basis that created favorable conditions for developing cultures of ethnic groups and meeting their ethnic cultural needs was adopted by governmental bodies in 1990s. The body of executive and state power was established in the middle of 1990s to provide conditions for keeping ethnic originality and complying with the legislation in the sphere of realization ethnic group rights. Three stages in the activities of state bodies on interethnic relations regulation are described and main directions of the national policy in the Republic of Belarus that was characterized by protectionism are determined.

Паступіў 27.03.2013 г.

УДК 327(567:73)

Сахаб Ахмед Али Нур (Минск, Беларусь)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИРАКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ВОЙНЫ 2003 ГОДА

Война против Ирака оказалась не только одним из главных внешнеполитических свершений администрации Дж. Буша-младшего, но и на долгие годы стала одним из доминирующих факторов, влияющих на американское стратегическое мышление на Ближнем Востоке и в мире. Зачастую при этом оперативные краткосрочные проблемы заслоняли проблемы стратегические – а именно, как, в какой форме будет в дальнейшем существовать государство Ирак, как будут выстраиваться его отношения с США после войны и свержения прежнего режима. Однако невнимание американских, иракских, иных региональных наблюдателей к проблеме будущего формата ирако-американских и региональных отношений – это лишь видимость. В действительности уже на этапе подготовительных обсуждений целесообразности ведение войны против Ирака в США формировалось видение того, как именно должно происходить развитие ситуации на Ближнем Востоке после свержения С. Хусейна.

Безусловно, было совершенно очевидным, что режим санкций должен быть снят, поскольку даже по оценкам независимых от С. Хусейна обозревателей в результате затянувшегося военного противостояния с США и экономической блокады Ирак оказался в крайне тяжелом социально-экономическом положении. Его экономика в силу нехватки финансовых средств, сырья, запчастей и оборудования находилась в состоянии, близком к критическому. Резко выросла внешняя задолженность страны. Однако ее возможности по погашению долга были весьма ограничены. Значительно упал жизненный уровень населения, численность которого составляла 22,3 млн человек (2001 г.). Остро ощущалась нехватка продовольствия и медикаментов. В результате санкций смертность увеличилась почти в 20 раз [5, p. 24; 7, p. 48].

В 1999 г., согласно только официальной статистике, каждый месяц от болезней в Ираке умирали 9–10 тыс. человек, из них 6–6,5 тыс. детей в возрасте до пяти лет. Для сравнения – до операции «Буря в пустыне» детская смертность составляла в среднем 372 человека в месяц [6, p. A01].

Однако решение гуманитарного вопроса не представлялось возможным без решения комплекса проблем в сфере государственного управления, изменения политической структуры в Ираке, решения этнических, конфессиональных, идеологических противоречий между разными группами населения страны. Наконец, требовалось продумать систему мероприятий по формированию положительного имиджа США и американцев среди граждан Ирака и других арабских и мусульманских стран.

Еще до начала военной операции можно было спрогнозировать, что независимо от того, сколько времени займет свержение правящего режима, возникнет множество существенных проблем, способных осложнить послевоенное восстановление страны и выстраивание новых отношений США с Ираком. К наиболее значимым из таких проблем следует отнести проблему иракских беженцев и перемещенных лиц; потенциальную возможность разрастания международного терроризма; возможное усиление сепаратистских и сектантских тенденций в сопредельных с Ираком странах; рост международной преступности, не имеющей военно-политической подоплеки. Эти проблемы неизбежно выдвигались как наиболее реальные и неизбежные для жизни Ближнего Востока на долгие годы и даже десятилетия [1, с. 680].

В условиях глобализирующегося мира внутренние беспорядки, а тем более военный конфликт на территории одного государства неизбежно влекут региональные и, зачастую, глобальные последствия. Очевидно, что даже если ситуация в Ираке будет развиваться по пути устойчивого улучшения, возникшие в результате многолетнего противостояния США и Ирака и последующей войны не исчезнут сразу. Если же ситуация в Ираке будет ухудшаться, то и региональные последствия также будут усугубляться.

Мировая история учит, что послевоенное восстановление любой страны является достаточно хрупким процессом, способным в любой момент прерваться, чтобы обернуться новым конфликтом. Политическая история Ближнего Востока, в том числе в новейшее время, непрерывно подтверждает эту истину. В данном контексте принципиально важным является, чтобы именно иракцы а не американцы определяли будущее Ирака. И следует признать, что в целом США декларировали именно такую цель – свергнуть С. Хусейна не только для обеспечения собственных стратегических интересов, не только для обеспечения региональной безопасности, но и для освобождения народа Ирака и предоставления ему новых возможностей развития [4, с. 3–4].

Поэтому жизненно необходимо осознание Вашингтоном неизбежности распространения послевоенных проблем за пределы Ирака и осознание того, что процесс восстановления нормальной жизни и

взаимоотношений может занять долгие годы, потребовать привлечения значительных финансовых, технических, образовательных ресурсов. Это тем более важно, что после военной агрессии, которую большинство арабского населения региона считает несправедливой, даже временные и обратимые проблемы в Ираке могут привести к катастрофическим результатам для американских интересов на Ближнем Востоке, если усилия по их решению окажутся недостаточными.

В связи с этим представляется целесообразным проведение следующих мероприятий по восстановлению партнерских отношений между Ираком и США.

Как американским, так и иракским гражданским и военным официальным лицам необходимо быть готовыми к тому, что наиболее перспективной и опасной угрозой является этнический и конфессиональный конфликт. Если такой конфликт выйдет за пределы Ирака, это может иметь катастрофические последствия как для региона, так и для американских интересов. Взаимная конфессиональная нетерпимость и ненависть способны привести к общественным беспорядкам и подорвать стабильность в сопредельных с Ираком странах, а также в иных государствах региона. Кроме того, Соединенным Штатам следует предусмотреть возможность долгосрочного конфликта между иракскими суннитами и шиитами, который может резко усилиться после вывода американских войск из Ирака, независимо от того, как долго они тут будут находиться и выстраивать новую политическую систему.

Потенциал для распространения подобной угрозы связан с недовольством ближневосточных шиитов своим политическим, социальным и экономическим положением в родных странах, управляемых суннитами. Для регулирования данной проблемы, для выстраивания доброжелательных отношений с Ираком и, наконец, для обеспечения собственного доминирования в регионе Вашингтону следует признать необходимость проведения демократических реформ, подразумевающих достижение более справедливого отношения к шиитам в арабских странах. Сокращение или полное устранение дискриминации шиитов в суннитских странах являются важным компонентом любой стратегии сдерживания конфессиональных конфликтов – даже если достижение полной демократии на Ближнем Востоке и является весьма отдаленной перспективой [2, с. 64–65].

Кроме того, Вашингтону следует внимательно рассматривать угрозу конфессиональных конфликтов в соседних с Ираком странах. Даже если эти страны являются противниками США. Скатывание Сирии в хаос и анархию не будет служить интересам ни США, ни Израиля, ни нового Ирака. В современных условиях Ближнего Востока баасистский режим в Дамаске является своего рода гарантией против вероятности формирования агрессивного исламистского режима, способного бросить новый вызов как союзникам США в регионе, так и непосредственным интересам самих США [2, с. 67].

Руководство Соединенных Штатов должно дать понять своим друзьям и союзникам в Ираке, что в случае необратимых потрясений их встретят в США и предоставят убежище, а не бросят на произвол судьбы, вынужденных самостоятельно искать спасения в Ираке или других странах. Такая позиция вовсе не будет означать пораженческих настроений. Скорее наоборот, она может убедить новую иракскую администрацию в том, что США готовы поддерживать ее независимо от тех проблем, с которыми они могут столкнуться. Как любая иная форма страховки, этот подход ориентирован на то, чтобы помочь спокойному функционированию новых иракских властей и укреплению ирако-американского сотрудничества.

В этом же контексте властям США следовало бы продолжить и расширять программы, дающие возможность симпатизирующим иракцам и их семьям въезжать в США, получать здесь образование, вид на жительство, а также возможность главам этих семей возвращаться в Ирак, чтобы работать вместе с американцами и новой администрацией на благо построения нового Ирака. Готовность Америки защитить семьи таких сторонников позволит закрепить дружеские связи и увеличит число сторонников новых ирако-американских отношений. Кроме того, вполне вероятно, что когда такие семьи почувствуют, что жизнь в Ираке налаживается и им ничто не угрожает, они смогут вернуться на родину, увеличив здесь присутствие дружественных Вашингтону граждан.

Американское руководство также должно осознавать, что если суннитские племенные группы в Западном Ираке не смогут поддерживать хорошие отношения друг с другом и с центральным правительством в Багдаде, то после ухода американцев из Ирака сюда могут прийти иностранные террористы и их финансовые потоки. Поэтому не следует повторять такую ошибку, как роспуск иракской армии в 2003 году и однозначно пресекать возникновение возможных локальных политических активистов. Односторонняя ориентация исключительно на ключевых иракских лидеров может привести к внутри- и межконфессиональным проблемам, способным обратить Западный Ирак в состояние хаоса и анархии. Если иракские лидеры будут настроены искать политические преимущества, погружая страну в состояние перманентного конфликта, то американские силы едва ли смогут этому противостоять. Возрастет вероятность проникновения из-за границы террористических групп, что способно усугубить ситуацию и превратить Ирак или его отдельные районы в место подготовки террористов.

Для восстановления доверительных ирако-американских отношений США должны предпринять все возможные усилия по минимизации возможности проникновения в Ирак членов Аль-Каиды как в настоящем, так и в будущем. Однако особенно актуальным

это станет после вывода американских сил из Ирака, когда иракское правительство будет самостоятельно стремиться удержаться у власти и расширить свои полномочия. Не исключено, что подобные мероприятия потребуют ограниченных контактов и даже взаимодействия с Сирией и Ираном. Представляется, что это могло бы принести пользу региону в целом и ирако-американским отношениям в частности [2, с. 143–149].

В рамках сотрудничества с иракскими властями Вашингтон должен сделать все возможное для создания и постоянного поддержания информационной базы данных, отражающей все действия и перемещения иностранных бойцов, покинувших Ирак. США также следует сотрудничать в этом деле со всеми арабскими государствами, включая Сирию, а также иными мусульманскими странами региона и Израилем.

Как американским, так и иракским руководителям необходимо помнить (и, соответственно, действовать), что Аль-Каиде, по большому счету, нечего предложить арабскому миру, что этой организацией преподносится в качестве героической борьбы против западных и в первую очередь американских войск. Кроме того, когда в результате действий Аль-Каиды гибнут мирные граждане арабских стран, это способствует росту антитеррористических настроений в обществе и встречает сопротивление со стороны государства. В то же время если активистам Аль-Каиды противостоят американские военные, это может вызывать обратный эффект. По этой причине целесообразно, чтобы основные боевые действия против Аль-Каиды вели силы арабских государств, даже если их действия менее эффективны, чем американские. Потенциальные и реальные усилия арабских стран (в первую очередь – Ирака) по оказанию антитеррористической поддержки дружеским арабским государствам должны поощряться не только военно-техническим, но и постоянным финансово-экономическим сотрудничеством со стороны США на протяжении всего периода борьбы против терроризма [3, с. 209].

Кроме того, значительную проблему, как в настоящем времени, так и в перспективе, представляет собой иракская организованная преступность. Нельзя исключать возможность того, что она может влиться в состав международных преступных группировок, чему способствует, пусть даже невольно, вынужденная миграция иракцев в результате военных действий. В будущем ключевой проблемой может стать торговля наркотиками, однако в настоящее время главным источником доходов таких преступных групп является торговля оружием. Вашингтону следует способствовать скорейшей стабилизации внутриполитической жизни в Ираке, налаживанию полноценного функционирования системы государственного управления в этой стране, чтобы иракские власти могли успешно справляться с проблемой организованной преступности. С учетом того, что многочисленные региональные, племенные, военные руководители неизбежно будут стремиться получать дополнительную прибыль извне, а также с учетом возможного участия в такой деятельности коррумпированных чиновников, иракскому руководству необходимо быть готовому к жестким мерам по снятию этой проблемы. И Вашингтон должен будет оказывать помощь иракскому правительству, особенно в деле поиска и поимки преступников, находящихся за пределами Ирака [2, с. 68].

Одной из ключевых задач США, решение которой способно закрепить дружественные ирако-американские отношения, является обеспечение территориальной целостности Ирака. Американцам необходимо понимать разницу между мирным Ираком, находящимся под американским военным управлением, и независимым единым Ираком. Такой Ирак, в котором все части страны получают выгоду от сотрудничества с центральной властью в Багдаде, чрезвычайно важен для интересов США в регионе. В этом смысле положительную роль может сыграть возвращение иностранных нефтяных компаний в Ирак, если оно не поддерживает курдский сепаратизм и не поощряет суннитско-шиитское противостояние. Аналогичным образом, никакие ирако-американские договоренности и соглашения в сфере безопасности, включая наличие военных баз, не должны давать возможности развиться курдскому сепаратизму – это может иметь непредсказуемые последствия для всего региона [2, с. 114–115].

Важной проблемой является также нормализация демографической ситуации в Ираке и контроль над миграционными потоками. Сотни тысяч иракцев, бежавших из страны за прошедшие годы, нуждаются либо в достойном обустройстве своей жизни в новых странах пребывания, либо в возможности возврата на родину – также с обеспечением условий для нормальной жизнедеятельности. Помощь со стороны США в реализации такой политики, безусловно, окажет самое благоприятное воздействие на развитие ирако-американских отношений.

Также для оптимизации ирако-американских отношений Вашингтону следует продолжать и расширять координацию действий с сопредельными Ираку арабскими странами в деле решения связанных с Ираком проблем. В прошлом результаты таких действий были незначительными, но по мере установления полномасштабных дипломатических отношений с Ираком со стороны Иордании, Саудовской Аравии, Бахрейна и Кувейта положение будет изменяться. Более того, по мере уменьшения американского присутствия в Ираке, национальные интересы соседних государств подтолкнут их к проведению политики выстраивания добрососедских отношений с Багдадом, даже если его правительство будет преимущественно шиитским и поставлено во главе страны при помощи войск США. Здесь ключевой проблемой будет недопущение сценария, при котором суннитские государства поддерживали бы суннитских максима-

листов в Ираке, в то время как Иран поддерживал бы здесь радикальных шиитов [3, с. 106, 243–245].

Человеческий, территориальный, сырьевой потенциал Ирака столь велик для арабского мира, что постепенная нормализация межарабских отношений представляется только вопросом времени. И грамотная позиция США в данном вопросе будет способствовать укреплению как в целом арабо-американского, так и собственно ирако-американского сотрудничества.

Таким образом, целенаправленная политика США на свое закрепление на Ближнем Востоке в качестве единственной сверхдержавы привела к военной агрессии против Ирака, завершившейся свержением и казнью С. Хусейна, полной перестройкой всех институтов иракского государства. На этом этапе США вступили в конфронтацию не только с мировым сообществом в рамках ООН, но даже со своими западноевропейскими союзниками. В настоящее время Ирак представляет собой один из крупнейших очагов напряженности на Ближнем Востоке. Очевидно, что подобная ситуация сохранится достаточно долго. В то же время смена правящего режима и постепенное формирование новой политической системы предоставляет Ираку и США возможность для выстраивания новой системы двусторонних отношений, перспективы которых представляются вполне реалистичными.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аллауи, А. А. А. Оккупация Ирака. Выиграна война, убытки мира / А. А. А. Аллауи. – Times, 2009. – 694 с.

2. Батар, С. Новый Ирак и новая мысль. / С. Батар. – Бейрут: Дар аль-Калима аль-Хурра; Женева; Багдад: Месопотамия, 2010. – 175 с.

3. Даххан, А. Необходимые перемены в Средней Азии (Ирак, Сирия, Саудовская Аравия, Египет, Иран) / Э. Даххан. – Бейрут: Дар аль-Марифа, 2006. – 399 с.

4. Мусхаб, З. М. А. Ирак под иностранной оккупацией (20 марта – 3 апреля 2003 г.) / З. М. А. Мусхаб. – Б. м.: Аль-Напраз, б. г. – 471 с.

5. A Selected Annotated Bibliography of Articles on the Gulf War 1990–1991. Vol. 3. – Washington: Kuwait Embassy Information Center, 1995. – 488 p.

6. Clinton, W. J. Status on Iraq. Communication from the President of the United States. March 10, 1997 / W. J. Clinton. – Washington: U. S. Government Printing Office, 1997. – 6 p.

7. Ekeus, R. Yes, Let's Go Into Iraq – With an Army of Inspectors // Washington Post [Electronic resource]. – 2002. – Sept. 14. – Mode of access: http://www.washingtonpost.com/ac2/wp-dyn/A16366-2002-Sep14?language=printer. – Date of access: 06.02.2009.

Сахаб Ахмед Алі Нур

ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ ІРАКА-АМЕРЫКАНСКІХ АДНОСІН У КАНТЭКСЦЕ ВАЙНЫ 2003 ГОДА

Рэзюмэ

Вайна ЗША супраць Ірака ў 2003 годзе прывяла да звяржэння і смерці С. Хусейна, поўнай трансфармацыі грамадска-палітычнага жыцця краіны. Пры гэтым разам са знікненнем Ірака як рэгіянальнай пагрозы ў выглядзе экспансіянісцкага рэжыму Саддама Хусейна, паўстаў новы комплекс пагроз, зыходзячых з новага Ірака. Паўсталі праблемы тэрарызму і верагоднасць падзелу краіны па этна-канфесійнай прыкмеце. Замест аднаго Ірака могуць паўстаць тры незалежныя дзяржавы ці канфедэрацыі: вольны Курдыстан на поўначы, шыіцкі Ірак на поўдні і суніцкі Ірак у цэнтры. ЗША ў дадзеным працэсе належыць адна з ключавых роляў. І далейшае развіццё ірака-амерыканскіх адносін будзе залежыць ад таго, які варыянт будучай дзяржаўнасці Ірака падтрымае Вашынгтон.

Перспектывы стабілізацыі сітуацыі ў рэгіёне і пабудавання новага фармату ірака-амерыканскіх адносін злучаны са здольнасцю і гатовасцю як новых улад Ірака, так і ЗША ажыццяўляць сумесную барацьбу па ліквідацыі сацыяльна-палітычных, эканамічных і ідэалагічных наступстваў вайны. У гэтай сувязі прапануецца аналіз пэўных кірункаў у сферы ірака-амерыканскага супрацоўніцтва пасля звяржэння ўлады С. Хусейна, якія могуць прывесці да нармалізацыі адносін паміж дзвюма краінамі і ператварэнні іх у хаўрусніцкія.

Sahab Ahmed Ali Nur

PERSPECTIVES OF IRAQ-USA RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE WAR OF 2003

Summary

War of the USA against Iraq in 2003 led to overthrow and execution of S. Hussein, as well as to complete transformation of political life in Iraq. Notwithstanding the disappearance of the Hussein's Iraq as an expansionist regional threat a number of new threats from the new Iraq emerged. Problems of terrorism and probability of the partition of the country on ethno-confessional principle appeared. On the place of one Iraq three independent states or confederations can be created: free Kurdistan in the north, Shiite Iraq in the South and Sunni Iraq in the center. The USA plays one of key roles in this process. And the further development of the Iraq-USA relations will depend on what position to the statehood of Iraq Washington to support.

Prospects of stabilization in the region and creation of a new format of the Iraq-USA relations are connected with ability and readiness of both the USA and the Iraqi new authorities to carry out joint actions for elimination of sociopolitical, economic and ideological consequences of war. In this aspect the analysis of certain directions in the sphere of the Iraq-USA cooperation after overthrow of the power of S. Hussein which can lead to normalization of the relations between the two countries and their transformation to the allied is offered.

Поступила 01.06.2012 г.

УДК 94:35(574)

Алтын Уалтаева (Алматы, Казахстан)

ТРЕНД КАЗАХСТАНА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

В 2011 году независимости Республики Казахстан исполнилось 20 лет. За прошедшие два десятилетия Казахстан состоялся как стабильно растущее, признанное всем мировым сообществом государство, региональный лидер в Центральной Азии, автор либо активный участник ряда континентальных межгосударственных проектов и структур. В настоящее время наша страна ставит перед собой амбициозную задачу масштабного модернизационного прорыва [4].

Фундаментальные трансформации произошли не только в Казахстане, но и в мире в целом: пройден длинный путь от иллюзий времен конца «холодной войны» к вырисовывающимся очертаниям реально многополярного мира; мировая экономика прошла через небывалый по масштабам глобальный кризис, значимость и значение которого еще только предстоит в полной мере осознать человечеству. Именно в контексте мировых процессов следует подводить итоги пройденного пути и намечать основные вектора развития нашей страны в будущем. В статье будет сделана попытка осмыслить объективно сложившееся, потенциально возможное положение Казахстана в мировой внешнеполитической системе. Общеизвестным является определение, данное Казахстану Президентом Н. А. Назарбаевым в Стратегии «Казахстан-2030»: «Мы – евразийская страна, имеющая собственную историю и собственное будущее» [5].

Современная мировая политика стала ареной обостряющейся борьбы глобального и внутриполитических начал, где последовательно уменьшается роль национальных государств, растет их зависимость от международного сообщества в плане решения проблем, требующих соединения усилий многих государств. При решении крупных международных конфликтов, предполагающих выработку интегрированных позиций, много исходит от политики группы наиболее развитых и мощных в экономическом и военном отношениях стран и их военно-политических союзов.

По этой причине под влиянием интеграционных факторов в мире активно формируются предпосылки для дальнейшего сплочения национальных государств, создания более гуманистического мирового порядка, постепенного складывания глобального гражданского общества, утверждения норм и принципов культуры мира в отношениях между народами. Все больше государств переносят акценты сотрудничества из военной сферы в финансовую и экономическую области. Практическими результатами таких интеграционных связей уже сегодня можно назвать: подрыв монопольного положения великих держав как единоличных вершителей судеб мира; демократизацию международного сотрудничества, подразумевающую увеличение доступа населения к информации и вовлечение в принятие касающихся их решений; реальное углубление сотрудничества стран в рамках объединенной Европы, ряд центростремительных тенденций внутри СНГ.

С другой стороны, расширение ресурсной базы отдельных государств, действие норм международного права, способствующих соблюдению их равноправия на мировой арене, усиление влияния цивилизационных факторов на внешнюю политику правительств обусловливают укрепление позиций национальных правительств в контексте мировой политики. Эти тенденции укрепляют роль различных политических и культурных международных центров, усиливают их самодостаточность, что формирует тенденции и направления развития многополярного мира.

Наряду с этим отдельные государства стремятся заявить о себе на мировой арене: о своих интересах и целях в авторитарной манере, пытаясь диктовать другим странам свою волю и навязывать им свои интересы. Такая авторитарная политика возрождает неототалитарные тенденции в мировой политике, и многополярность как принцип начинает подвергаться серьезным испытаниям.

И как следствие глобализации мировой политики в современном мире существенно изменилось понимание силы и безопасности. В частности, усиление разносторонности межгосударственных отношений в сфере обмена технологиями, информационных обменов, предусматривающих собственные правила игры и баланс ресурсов, превращает понятие силы в характеристику, как преимуществ, так и уязвимости отдельных стран. В соответствии с этим понятие безопасности стало выявлять не только большую зависимость от позиций иных государств, но и свою внутреннюю структурированность. В подтверждение этого ученые говорят о наличии политических, экономических, гуманитарных, экологических компонентов государственной безопасности на мировой арене.

Основанный на этих тенденциях современный сложный и многообразный мир международной политики качественно и количественно расширил число политических субъектов на мировой арене. Деятельность международных организаций, культурные и туристические обмены, механизмы народной дипломатии, укрепляющей отношения между народа-

ми, и другие формы деятельности придают международным политическим процессам новый, более содержательный характер.

Неуклонное расширение субъектов международной политики влечет за собой и разрастание мотиваций поведения во внешнеполитической сфере. Сила, престиж, выживание, усиление контроля над ресурсами и многое другое становятся источниками постоянных и непрогнозируемых подвижек в мировой политике.

Реальность современных международных отношений предполагает первостепенную ориентацию государств на правовые нормы и регуляторы внешнеполитических связей. Одновременно нуждается в качественном обновлении и система международного права, требуются изменения структуры ООН и других международных организаций в соответствии с произошедшими изменениями и целями гуманизации и демократизации мировой политики.

В многовекторной внешней политике Казахстана приоритетными всегда были отношения со странами Центральной Азии. В прошлом данный регион представлял собой множество локальных областей абсолютно не совпадающих ни с политическими, ни с этническими границами современных республик. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что Центральная Азия – это относительно недавно возникший международный регион, который еще не имеет четкой и внутренне непротиворечивой системы международных институтов и организаций. Государства центрально-азиатского региона входят или активно сотрудничают с региональными международными организациями, представляющими совершенно разные регионы мира [7].

Так, одной из инициатив по развитию интеграционных процессов в Центральной Азии стала идея со стороны Казахстана в лице президента Н. А. Назарбаева о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Она была впервые представлена Президентом Республики Казахстан на 47-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 года [1, л. 8]. Глава Казахстана подчеркнул в своем выступлении, что суть данной инициативы заключается в стремлении возобновить ранее не увенчавшиеся успехом попытки создать эффективную и универсальную структуру по обеспечению безопасности на Азиатском континенте. В отличие от других регионов мира подобная структура в Азии еще не сформирована.

В период с 1993 по 1998 год были проведены встречи экспертов МИД азиатских стран, создана Специальная рабочая группа (СРГ) для разработки проектов базовых документов СВМДА – «Правил процедуры СВМДА», «Декларации принципов СВМДА», «Структур и институтов СВМДА», прошло два Совещания заместителей глав внешнеполитических ведомств СВМДА [2, л. 5].

Прошедшая в сентябре 1999 года в г. Алматы 1-я Встреча министров иностранных дел государств – членов СВМДА и подписание в ходе ее Декларации принципов, регулирующих отношения между государствами – членами СВМДА, стали крупнейшим достижением казахстанской дипломатии с момента выдвижения Президентом Н. А. Назарбаевым инициативы по созданию многостороннего механизма безопасности и сотрудничества в Азии. Таким образом, впервые были заложены юридические основы системы азиатской безопасности с конкретными действиями, мерами и механизмами обеспечения стабильности в регионе.

3–5 июня 2002 года в г. Алматы был проведен первый Саммит СВМДА, в котором приняли участие Президенты Казахстана, России, Китая, Пакистана, Турции, Монголии, Кыргызстана, Таджикистана и Афганистана, Премьер-министры Азербайджана и Индии, уполномоченные официальные лица Ирана, Египта, Палестины и Израиля, представители государств-наблюдателей США, Индонезии, Малайзии, Японии, Таиланда, Вьетнама, Украины и Республики Корея, а также руководства организаций-наблюдателей ОБСЕ, ООН и ЛАГ.

В ходе Саммита были подписаны Алматинский Акт и Декларация об устранении терроризма и содействии диалогу между цивилизациями.

Уникальность Алматинского Саммита состоит в том, что в нем приняли участие лидеры стран, находившиеся в то время в состоянии обострения конфликтов между ними: Индия и Пакистан, Палестина и Израиль. Тем самым, СВМДА уже тогда смогло подтвердить свое предназначение, т. е. стать открытым форумом для диалога с целью поиска компромиссных путей урегулирования проблем и конфликтов.

В октябре 2004 года в г. Алматы состоялась 2-я Встреча министров иностранных дел государств – членов СВМДА. Значимым накануне встречи событием стало принятие Королевства Таиланд семнадцатым по счету государством – членом СВМДА. Формат диалогового форума, в рамках которого функционирует СВМДА, находит все больше сторонников на Азиатском континенте.

Главным результатом Министерской встречи стало принятие Каталога мер доверия, Правил Процедуры и Декларации Министерской встречи СВМДА, подведших итог двухлетней работы специальных рабочих групп, разрабатывавших указанные документы [3].

В Декларации отражены консолидированное видение и позиции государств – членов СВМДА по ключевым вопросам безопасности в мире и регионе. Главы делегаций подчеркнули необходимость разработки единого подхода к решению неурегулированных проблем, направлений дальнейшего взаимодействия в контексте реализации мер доверия, закрепленных в Каталоге.

По мнению участников встречи, значение принятого Каталога мер доверия СВМДА трудно переоценить. Впервые в истории азиатского континента появился столь масштабный документ, предусматри-

вающий многостороннее сотрудничество государств по широкому спектру вопросов стабильности и безопасности.

В рамках продолжения дальнейшей работы по реализации решений Саммита и Министерской встречи СВМДА главными целями являются:

– разработка проекта Соглашения о Секретариате СВМДА и создание Секретариата. С 2004 года ведется активная работа в рамках СРГ по разработке данного документа, который заложит правовую основу создания и функционирования Секретариата Совещания. В Соглашении будут определены функции, организационная структура и принципы финансирования рабочего органа СВМДА. В частности, в нем оговаривается, что Секретариат будет обеспечивать необходимую секретариатскую и административную поддержку встречам в рамках СВМДА на различных уровнях;

– выработка механизмов реализации Каталога мер доверия. Комплекс мер доверия в столь широком формате закреплен на сегодняшний день только в документах Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в том числе Венском документе 1990 года.

На прошедшем в августе 2005 года заседании Комитета старших должностных лиц был обсужден вопрос о создании двух экспертных групп по разработке механизма реализации Каталога мер доверия. По его итогам принято решение о создании Специальной рабочей группы (СРГ) СВМДА по разработке применения мер доверия в экономическом, экологическом и гуманитарном измерениях, а также утвержден документ, регламентирующий деятельность Группы («Круг ведения»). В компетенцию созданной СРГ также включен вопрос борьбы с новыми вызовами и угрозами.

В декабре 2005 года в г. Алматы состоялось первое заседание созданной СРГ, которое имело важное практическое значение с точки зрения выработки механизмов имплементации Каталога мер доверия СВМДА, положения которого государства-члены намерены выполнять на принципах добровольности и в приемлемом для них формате. Предварительно всем государствам-членам был направлен документ «Видение Председателя», в котором были отражены предложения Казахстана по реализации этих мер доверия на начальном этапе. Данный документ был разработан на основе предложений всех заинтересованных казахстанских министерств и ведомств, и послужил базисом для обсуждения вопросов в формате СРГ. В ходе заседания, в результате острых дискуссий, казахстанской стороне удалось добиться консенсуса между всеми участниками СРГ о целесообразности разработки двух важных документов, которые стали своеобразной платформой для дальнейшей работы.

Первый – разработанные на основе предложений РК «Кооперативные подходы по реализации мер доверия СВМДА» («Кооперативные подходы»), предусматривающий четкое разделение мер доверия по соответствующим направлениям и содержащий основополагающий механизм их имплементации.

Второй – «Предложения государств-членов по разработке применения мер доверия СВМДА в экономическом, экологическом и гуманитарном направлениях в области борьбы с новыми вызовами и угрозами» («Предложения»), аккумулирующий детализированные предложения стран-участниц в плане конкретизации механизмов их реализации.

25 августа 2008 г. в Алматы прошла 3-я Встреча министров иностранных дел СВМДА, которые подвели итоги проделанной работы и приветствовали вступление в процесс Иордании и Объединенных Арабских Эмиратов в качестве новых стран-членов, а также приняли Декларацию «Прогресс СВМДА в реализации мер доверия». Очевидно, что при заинтересованности стран-участников процесс СВМДА может стать форумом для диалога заинтересованных сторон с шансом в перспективе стать нормотворческим международным институтом. Реализация данной идеи способна стать базой на пути к созданию макрорегиональной системы безопасности, а также активизировать процессы экономического, культурного и социального взаимодействия азиатских государств [6, с. 245–254].

На Азиатском континенте попытки выработать меры доверия предпринимаются в рамках Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (РФА). Однако на сегодняшний день реализация мер доверия в РФА планируется поэтапно и в рамках отдельного субрегиона. В отличие от РФА, процесс СВМДА призван действовать всеобъемлюще в масштабах всего азиатского континента.

В настоящее время государствами – членами СВМДА являются Афганистан, Азербайджан, Китай, Монголия, Египет, Индия, Иран, Израиль, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Палестина, Россия, Таджикистан, Таиланд, Турция, Узбекистан; государствами–наблюдателями – Индонезия, Япония, Южная Корея, Малайзия, Украина, США, Вьетнам, а организациями-наблюдателями – ООН, ОБСЕ, ЛАГ.

В целом стратегическое развитие государств Центральной Азии в их интеграционном направлении следует рассматривать с точки зрения взаимодействия и движение к стабильному и бесконфликтному регионально интегрированному центрально-азиатскому сообществу.

Появление в центре евразийского континента пяти новых независимых государств: Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана – положило начало формированию центрально-азиатской подсистемы международных отношений. Новый регион стал полем пересечения интересов и объектом внешнеполитического воздействия не только азиатских, но и мировых государств и международных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. АП РК. – Ф. 75-Н. – Оп. 1. – Д. 464. – Л. 8.
2. АП РК. – Ф. 75-Н. – Оп. 1. – Д. 465. – Л. 5.
3. Дипломатический курьер. – № 1. – 2005.
4. Козырев, Т. Казахстан между Востоком и Западом / Т. Козырев // Мысль. – 2011. – № 4. – С. 4–12.
5. Назарбаев, Н. А. Казахстан – 2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев: Послание Президента страны народу Казахстана / Н. А. Назарбаев. – Алматы: Жеті жарғы, 2005. – 144 с.
6. Султанов, Б. К. Казахстан сегодня / Б. К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 416 с.
7. Токаев, К. К. Казахстан и Азиатский Континент / К. К. Токаев // Дипломатия Республики Казахстан. – Астана: Елорда, 2003. – 552 с.

Алтын Уалтаева

ТРЭНД КАЗАХСТАНА Ў ЦЭНТРАЛЬНА-АЗІЯЦКІМ РЭГІЁНЕ

Рэзюмэ

Аўтар даследаваў гісторыю Рэспублікі Казахстан за два мінулыя дзесяцігоддзі, падчас якіх краіна здзейснілася як прызнанае ўсім сусветным супольніцтвам дзяржава, стала рэгіянальным лідэрам у Цэнтральнай Азіі, актыўным удзельнікам шэрага міждзяржаўных рэктаў і структур.

У шматвектарнай знешней палітыцы Казахстана прыарытэтным заўсёды былі адносіны з краінамі СНД, Еўропы і Цэнтральнай Азіі. Так, адной з ініцыятыў па развіцці інтэграцыйных працэсаў у Цэнтральнай Азіі стала ідэя з боку Казахстана ў асобе прэзідэнта Н. А. Назарбаева аб скліканні Нарады аб узаемадзеянні і мерам даверу ў Азіі. Яна была ўпершыню пададзена на 47-й сесіі Генеральнай Асамблеі (ААН).

Стратэгічнае развіццё дзяржаў Цэнтральнай Азіі ў іх інтэграцыйным накірунку разглядаецца з пункту погляду ўзаемадзеяння і руху да стабільнага і бесканфліктнага рэгіянальна інтэграванага цэнтральнаазіяцкага супольніцтва.

Altyn Ualtaeva

TREND OF KAZAKHSTAN IN CENTRAL ASIA REGION

Summary

The author investigated the history of the Republic of Kazakhstan for the past two decades, during which the country was held as steadily growing, recognized by the world community and became a regional leader in Central Asia and an active participant in a number of international projects and continental structures. Currently, Kazakhstan has set itself the ambitious task of large-scale modernization breakthrough.

In a multi-vector foreign policy of Kazakhstan the priority had always been the relationship with the countries of the CIS, Europe and Central Asia. So, one of the initiatives for the development of integration processes in Central Asia has been the idea of the Kazakh President Nursultan Nazarbayev about the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia which was first presented at the 47th session of the UN Assembly.

Overall, the strategic development of the Central Asian states in the direction of integration is considered from the point of view of interaction and movement to a stable and non-conflict regionally integrated Central Asian community.

Поступила 26.12.2012 г.

УДК 94(574)(092)

Малик-Айдар Асылбеков (Алматы, Казахстан)

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕГЕЖАНА СУЛЕЙМЕНОВА

Многовековая историческая наука Казахстана в советский период подверглась крупным репрессиям и другим серьезным испытаниям, из-за чего прошла сложный и противоречивый путь, на котором теряла своих ярких и талантливых представителей. Первое поколение советских историков Казахстана, к числу которых относятся С. Асфендияров, Т. Рыскулов, Г. Тогжанов, П. Г. Галузо и другие, подверглось политическим репрессиям в 1930-е годы из-за обвинений в буржуазном национализме, троцкизме, правом и левом уклонах и других отклонениях от генеральной линии господствовавшей в Советском союзе Коммунистической (большевистской) партии и основополагающих учений классиков марксизма-ленинизма. На смену этому, почти полностью уничтоженному репрессиями поколению историков (за исключением случайно выжившему в Карлаге П. Г. Галузо), пришла профессиональная молодежь, получившая высшее историко-педагогическое и экономическое образование в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Одессе, Воронеже, Алматы и других городах Советского Союза. Это были: А. Х. Маргулан, А. Н. Нусупбеков, Е. Б. Бекмаханов, Б. А. Тулепбаев, Х. М. Адильгереев, Т. Е. Елеуов, А. Б. Турсунбаев, Г. Ф. Дахшлейгер и др., внесшие крупный вклад в развитие исторической науки Казахстана в период Второй мировой войны и послевоенные годы вплоть до 1980-х годов. К этой когорте крупных советских историков Казахстана второго поколения относится и Бегежан Сулейменов – член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии им. Ч. Ч. Валиханова, один из крупнейших исследователей истории Казахстана XVIII – начала XX в.

В историческую науку Бегежан Сулейменович пришел в конце 1930-х годов, после успешного окончания исторического факультета Московского государственного педагогического института имени Карла Либкнехта, позднее носившего имя В. И. Ленина. Он слушал лекции и прошел школу таких знаменитых русских ученых, как В. В. Струве, С. Ф. Ольденбург, С. В. Тарле, Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, Н. М. Дружинин и др. [2, с. 14, 25].

Бегежан Сулейменов родился 12 декабря 1912 г. в ауле № 13 Челкарской волости Актюбинского уезда Тургайской области (ныне Актюбинской). К слову надо сказать, что его ближайший родственник, бывший ректор Шымкентского педагогического института Байзак Ермекбаев лично автору данной статьи в 1982 г., в связи с 70-летним юбилеем Б. Сулейменова, отмечая, что они являются ровесниками (ему тогда было 75 лет) сказал: «Беке, после Итжеккена (ссылки в Сибирь), видимо, помолодел на 5 лет». Сказать, что у Бегежана Сулейменовича было трудное детство – значит не сказать ничего. Когда мальчику было пять лет в марте 1917 г. после тяжелой болезни скончался его отец – Сулеймен, сын крупногобия рода Кабак отделения Айт племени Шекти – Алимулы – Младшего жуза – Нияз Отаралы. Дед Бегежана Сулейменовича Ниязби был одним из наиболее авторитетных лидеров казахов Младшего жуза, активно боролся против захвата казахских земель Приаралья Хивинским ханством, поддерживал весьма тесные связи с Оренбургским генерал-губернаторством. Это подтверждал другой крупнейший советский историк Ермухан Бекмаханов, да и сам Бегежан-ага неоднократно говорил об этом, добавляя, что является ближайшим родственником – жиеном (по материнской линии) Котибара батыра – предводителя воинственного племени Шектинцев, из которого вышли вслед за Котибаром предводители многих восстаний казахов Младшего жуза против колониальной политики Российской империи и среднеазиатских ханств, как Жанкожа, Есет, Бекет и др. У отца Бегежана – Сулеймана – было 9 детей. Бегежан в детстве переболел оспой, следы которой остались у него на лице. Мать – Набира Жиенкулкызы – не захотела, чтобы ее дети – сироты, оказались под чужой крышей, категорически отказалась выйти замуж по закону аменгерства за ближайшего родственника покойного мужа, за что была убита летом 1920 г. на глазах девятерых своих детей, в том числе восьмилетнего Бегежана, – ее по решению руководителей этого рода казнили, привязав к хвосту необъезженной лошади [2, с. 12–13]. Это зверство, круглое сиротство, нищета, последующие лишения и невзгоды не только сформировали мужественный, но в целом бунтарский облик молодого Бегежана, но и оставили неизгладимые следы в его характере, неспокойном, взрывном и бескомпромиссном. Он был нетерпим к малейшей несправедливости.

Через два года после гибели матери Бегежан ушел в ближайший аул и поступил учиться в начальную школу к Мубаракша Низамуддинову, считавшемуся в своем окружении весьма образованным учителем. После него учился в семилетней школе в центре Челкарского района, а в 1929 г. приехал в Алма-Ату, работал на строительной базе Центрального института труда кузнецом, старшим рабочим, зав. произ-

водством, зам. председателя оргбюро краевого совета стройкооперации. Одновременно, без отрыва от работы, учился на вечернем рабфаке, подготовительной группе техникума, на подготовительных курсах высших учебных заведений [2, с. 13–14]. Все это дало возможность волевому и устремленному к получению всестороннего образования молодому Бегежану Сулейменовичу и в 1937 г. поступить в одно из крупных высших учебных заведений не только Москвы, но и всего Советского Союза – Московский государственный педагогический институт им. Марка Либкнехта.

Годы учебы в этом престижном вузе столицы Советского Союза для студента Бегежана были весьма плодотворными. Он не пропускал лекций знаменитых историков-профессоров, активно выступал на семинарских занятиях, до закрытия засиживался в Ленинской библиотеке, скрупулезно прочитывал исторические, географические и этнографические труды российских ученых по Казахстану и Средней Азии. Особое внимание он уделял изучению средневекового периода и колониального прошлого угнетенных народов Российской империи, их социально-экономическому развитию, хозяйственной жизни, быту, культуре, национальным обычаям и традициям. Профессор Фаворский в характеристике, данной им ученику Бекежану Сулейменову, особо отмечал его глубокие знания по историографии народов СССР XIX века, умение глубоко, всесторонне и объективно анализировать исторические события, рекомендовал его в аспирантуру, ибо видел в нем будущего крупного ученого-историка [2, с. 14–15].

Московское образование ценилось в Союзе весьма высоко, в особенности у историков Казахстана и Средней Азии, среди которых таких были единицы. Научно-педагогическая деятельность Бегежан-аги началась в 1938 г. старшим преподавателем первого высшего учебного заведения Казахстана – Казахского педагогического института имени Абая, куда он прибыл из Москвы по направлению Министерств просвещения Российской Федерации и Казахской ССР. Тем самым московское образование открыло перед Бегежан-агой широкую дорогу, как в историческую науку, так и в педагогическую деятельность в столице Казахской ССР – Алма Ате. Его сразу избрали членом ученого совета пединститута, он активно включился в преподавательскую и общественную работу, весьма горячо поддерживал научные направления, разрабатываемые Алькеем Хакановичем Маргуланом, в особенности его книгу «Едыге в истории и преданиях» (1944 г.), подвергшуюся необоснованной и тенденциозной критике историков-партийцев. Он был одним из горячо поддержавших избрание А. Х. Маргулана членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР (1946 г.) [2, с. 15–16].

Оставаясь по штатному совместительству доцентом КазПИ им. Абая, в 1942–1943 гг. Бегежан-ага был директором Института иностранных языков, открытого в 1941 г. За короткое время Бегежан-ага сделал многое для развития и укрепления материально-технической базы, профессорско-преподавательского состава, улучшения учебного процесса, воспитания будущих преподавателей иностранных языков, которых не хватало для общеобразовательных школ и высших учебных заведений. Были открыты новые кафедры, в особенности французского языка, увеличилось число преподавателей иностранных языков, в том числе французского – в 2 раза, оборудованы новые кабинеты по методике преподавания иностранных языков и т. д. Бегежан-ага особое внимание уделял приему и обучению казахской молодежи. Достаточно сказать, что в 1941 г. в институте из 160 студентов только 8 были казахами. Привлечение казахов в институт, обеспечение их общежитием и стипендией были особой заботой Бегежан-аги [2, с. 15–16].

В ноябре 1943 г. руководство Казахского филиала Академии наук СССР в лице К. И. Сатпаева, лично знавшего Бегежан-агу как одного из талантливых казахских историков, подающего большие надежды в будущем, приглашает его на должность заместителя директора Объединенного Института казахского языка, литературы и истории этого филиала. На этой должности он проработал до разделения этого института в июне 1945 г. на два научных учреждения: Институт языка и литературы и Институт истории, археологии и этнографии. В новом историческом институте Бегежан-ага заведовал отделом истории дореволюционного Казахстана. Некоторое время работал ученым секретарем Отделения общественных наук Академии наук Казахской ССР.

Бегежан-ага в апреле 1945 г. по особому разрешению Всесоюзного комитета по высшей школе при Совете народных комиссаров СССР, на Ученом совете Казгосуниверситета им. С. Кирова успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Реформы 1867–1868 гг. в Казахстане». В ее поддержку выступили доктор исторических наук Д. Пакуль, кандидаты наук А. Попов, А. Х. Маргулан, Е. Бекмаханов и др. [4, с. 397–398]. После возвращения из заключения в 1954 г. Бегежан-ага вплоть до конца своей жизни работал в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР, в основном заведовал отделом истории дореволюционного Казахстана.

Особняком стоит вопрос об участии Бегежана Сулейменовича в острых, в основном тенденциозных дискуссиях, развернувшихся в конце 1940-х – начале 1950-х годов по вопросу о национально-освободительном движении казахов под предводительством Кенесары Касымова, освещенном в монографии Ермухана Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века». (Алма-Ата, 1947), под редакцией доктора исторических наук, профессора, лауреата Сталинской премии М. П. Вяткина.

Начало этих дискуссий, имевших трагические последствия для интеллигенции Казахстана, было положено еще в 1944 г. в связи с выдвижением на

Сталинскую премию первого обобщающего труда «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», подготовленного и изданного в 1943 г. в Алма-Ате группой московских и ленинградских ученых из Института истории АН Союза ССР, во главе с заместителем директора, членом-корреспондентом АН СССР, доктором исторических наук, профессором А. М. Панкратовой совместно с казахскими учеными. Тенденциозные, зараженные великодержавным шовинизмом рецензенты: член-корреспондент АН СССР А. И. Яковлев, а также А. В. Ефимов, С. К. Бушуев и другие русские историки подвергли необоснованной критике «Историю Казахской ССР», в особенности ее главу XIV «Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова (1837–1947 годы)», написанную Ермуханом Бекмахановым. Они выступили против критики завоеваний и колониальной политики Российской империи, объясняя, что они носили оборонительный, закономерный и прогрессивный характер, выступали против освещения национально-освободительной борьбы казахов против царизма, обвиняли авторов «Истории Казахской ССР» в отсутствии благожелательности не только к политике Российской империи, но и к русскому народу. Руководитель Агитпропа ЦК ВКП(б) Александров считал что: этот труд антирусский и в нем не учитывается, что Казахстан стоял вне истории и только Россия поставила его в ряд исторических народов [5, с. 336–342]. Дальнейший ход дискуссий известен, об этом я докладывал на научной конференции, посвященной 115-летию со дня рождения академика А. М. Панкратовой, состоявшейся 16 февраля 2012 г. в Институте истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова и Центральной научной библиотеке НАН Республики Казахстан. Тон, заданный небольшой группой русских историков Москвы, поддержанный Агитпропом ЦК ВКП(б), получил поддержку отдельных коллег и в Казахстане, среди которых был и Бегежан Сулейменов. Он особенно резко выступал на дискуссии по книге Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XX века» в Академии наук Казахской ССР в июле 1948 г. В машинописном варианте стенограммы этой дискуссии выступление Б. Сулейменова 19 июля занимает 40 страниц (425–465). В книге М. Сарсеке Бекмаханов. – Москва: Молодая гвардия; Астана: Фолиант. 2010., говорится: «на пятый день заседания на трибуну поднялся заведующий отдела XIX века Института истории, кандидат исторических наук Бегежан (Бек) Сулейменов. О нем ходили слухи, что он питомец московского вуза, в то время это необычный престиж. В общем считалось, что Бек Сулейменулы, историк от Бога, знает, мол, цену и, конечно, всегда может сказать веское слово (только захочет ли?)» [6, с. 213]. Тот же писатель М. Сарсеке, анализируя выступление Б. Сулейменова, вынужден признать по своему его аргументированность, последовательность, силу воздействия на участников дискуссии: «Критический тон Б. Сулейменова становился все неистовее. Он уже более получаса только фактами крыл коллегу. В зале стояла полная тишина. А с трибуны лился словесный поток. Кое-кто уже стал думать, неужели у известного и уважаемого историка накопилось столько желчи, чтобы так бить младшего коллегу» [6, с. 215]. Свое часовое выступление Бегежан Сулейменов заканчивает семью выводами, которых вкратце приводим ниже, сохраняя текст без изменений. «Первое – характер восстания антиколониальный… Второе – восстание, возглавляемое Кенесары Касымовым, является стихийным… Третье – Кенесары Касымов является одним из крупных, весьма талантливых, восприимчивых умов своего времени. Никто не собирался его вычеркивать из истории. Четвертое – автор допускает большие ошибки… представляя восстание казахов под предводительством Кенесары Касымова [как] борьбу против русской экспансии, (за освобождение) от гнета русские… Пятое – автор напрасно считает, что якобы в движении Кенесары участвовали “крепостные крестьяне”… Шестое – никак нельзя согласиться с автором, что якобы Кенесары стремился ликвидировать институт барымты, феодальной раздробленности. Вся история движения полна барымтой, разорением мирных казахских аулов (родов Жаппас, Шекты, Аргын и др.), об этом достаточно приводит фактов сам автор… Седьмое – автор считает, что у Кенесары было государство почти сложившееся. В самом деле, у него не было и не могло быть такого государства… Автор напрасно оправдывает агрессивные действия Кенесары против киргизского народа». Бегежан Сулейменов закончил свое выступление со словами: «итак, мы решительно выступаем против бездейственности и извращений истории казахского народа в книге Бекмаханова, которая является с практической стороны недоброжелательной, а в идеологическом отношении – несостоятельной. Мы прямо ставим вопрос автору – хватит ли у него смелости открыто отказаться от своих ошибочных взглядов и признать свои ошибки...» [7, с. 458–464]. У сегодняшних историков есть возможность проанализировать основные выводы выступления Б. Сулейменова, но со своей стороны лишь замечу, что один из самых ярых и последовательных критиков Е. Бекмаханова, каковым является Б. Сулейменов, не смотря на его резкий тон, все же не считал движение Кенесары реакционным, феодально-монархическим, а наоборот антиколониальным, стихийным, а действия Кенесары против неприсоединившихся казахских родов – неправильным, его войну против киргиз – ошибочной и неправомерной. По этому мы считаем, что Б. Сулейменова, исходя из вышеуказанного, никак нельзя причислять к группе Т. Шоинбаева, С. Е. Толыбекова, Х. Г. Айдаровой, М. В. Жизневского, А. Нурканова, М. Б. Ахинжанова и др., которая, по утверждению М. Сарсеке, «тупо и постыдно хулила книгу» Е. Бекмаханова [6, с. 227]. К тому же, этим своим утверждением М. Сарсеке противоречит себе, вспомним хотя бы то, что он писал о

личности и выспуплении Б. Сулейменова на дискуссии 19 июля 1948 г. Незаурядная личность – Бегежан Сулейменов стоял и в этом вопросе особняком, имел свое особое место. Тем более у Бегежана Сулейменова были весьма натянутые, если не сказать, враждебные отношения со многими из вышеуказанной группы ученых. К числу «тупых» и «постыдных» нельзя отнести и С. Е. Толыбекова, крупнейшего исследователя казахского кочевого общества.

В связи с этим необходимо особо отметить, что после статьи «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» (Правда, 26 декабря 1950 г.), а также развернувшейся в Казахстане широкой компании по «разоблачению» буржуазных националистов, Бегежан Сулейменов оказался в чрезвычайно сложных и трудных условиях. Почувствовав, какие угрозы жестоких репрессий приносят длившиеся с 1940-х годов дискуссии по движению Кенесары Касымова, он начинает менять свои позиции. В постановлении судебной коллегии Верховного суда Казахской ССР от 17 июля указывалось: «Если в 1948 г. [Бегежан Сулейменов] характеризовал феодально-монархическое восстание Кенесары Касымова как националистическое, в 1951–1952 гг., в ходе научных обсуждений в АН КазССР, он открыто занял противоположную сторону» [6, с. 396]. Кроме этого он активно защищал классика казахской литературы Мухтара Ауэзова, крупных абаеведов А. М. Жиренчина и Х. М. Мухамедханова. В частности, 7 апреля 1951 г. на Объединенном Ученом Совете Института истории, археологии и этнографии и Института языка и литературы АН КазССР, в ответ на нападки Х. Жумалиева на М. Ауэзова, он особо подчеркивал: «Мухтар Ауэзов в вопросах абаеведения является новатором и в своих последних произведениях стоит на марксистской позиции… Большая заслуга М. Ауэзова заключается в том, что он поднялся на прочную позицию, и мы должны судить о нем по последним работам» [1].

Следует также особо подчеркнуть, что гонения на ученых Казахстана в конце 1940-х – начале 1950-х годов не были изолированным явлением, а являлись органической частью изменившейся национальной политики Компартии Советского Союза, когда на смену идей пролетарского интернационализма пришли великодержавно-шовинистические взгляды, восхвалялся русский народ, который стал «Великой Русью», главным среди других равных народов Советского Союза, превозносились Иван Грозный, Петр I, Екатерина II и другие русские цари, а также Александр Невский, Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов и другие полководцы и военачальники России. Выступления завоеванных и угнетенных народов Кавказа, Татарии, Башкирии и других против царизма, его колониальной политики и местных эксплуататоров, поддерживавших самодержавие, носившие национально-освободительный характер, пересматривались, а ученые по этим направлениям исторической науки преследовались: азербайджанский историк Гейдар Гусейнов – автор монографии о Шамиле, получившей Сталинскую премию, повесился, а татарские и башкирские ученые пострадали за Едиге.

Летом 1952 г. безжалостная машина политических репрессий была пущена в ход, под нее попали не только историки Б. Сулейменов, Е. Бекмаханов и другие, но и писатели-ученые Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Е. Исмаилов, Х. Жумалиев и др. В 1952 г. 17 июля КГБ арестовал Б. Сулейменова, а 5 сентября – Е. Бекмаханова [2, с. 28]. Писатель Медеу Сарсеке пишет: «…. оба историка, по мнению многих их сослуживцев, стоили один другого. Оба были талантливы, обладали обширными знаниями, прекрасно владели казахским и русским языками и по своей образованности стояли на голову выше коллег… Они постоянно ссорились. Результат их упрямства оказался плачевным. Оба загремели в лагерь, по иронии судьбы ели кашу из одного котла, лежали рядом на деревянных досках двухэтажных нар…. Разумеется, перестали спорить, прекратились взаимные укоры. Выходит, поумнели» [6, с. 396–397].

Здесь возникает вопрос: как же так, «разоблачали» Е. Бекмаханова, а посадили раньше и освободили позже Б. Сулейменова. Думаю, что этот серьезный факт в судьбе двух крупнейших советских историков Казахстана требует более серьезного и специального изучения. Мы же, со своей стороны считаем, что действия и выступления Б. Сулейменова в 1951–1952 гг. против разоблачителей, в особенности против руководства ЦК Компартии Казахстана во главе с Ж. Шаяхметовым сыграли здесь главную роль – чтобы расправиться с Е. Бекмахановым, в первую очередь им нужно было изолировать Б. Сулейменова от общества.

В сибирских лагерях оба крупнейших историка Казахстана помирились, поддерживали друг друга. Волевому Бегежан-ага пришлось взять под свою опеку мягкого по характеру и больного легкими Ермахана Бекмаханова несмотря на трагическую гибель верной супруги – Лидии Александровны Вагановой, бросившейся под поезд в Новосибирске из-за отказа охранников дать возможность переговорить с мужем, проезжавшим через этот город по этапу в вагоне зеков. Об этом они не раз рассказывали после освобождения. Позже, на свободе они тесно сотрудничали в научной сфере, часто встречались. Е. Бекмаханов был одним из оппонентов докторской диссертации Б. Сулейменова.

После смерти И. В. Сталина наступила так называемая хрущевская оттепель и академик А. М. Панкратова и другие советские историки добились пересмотра дела Е. Бекмаханова, который был освобожден из тюрьмы Бодайбо Иркутской области 3 мая 1954 г., а Б. Сулейменов – 21 октября 1954 года.

Бегежан Сулейменов 2 июня 1964 г. на Объединенном Ученом совете Отделения общественных наук Узбекской ССР защитил докторскую диссертацию на основе опубликованной монографии «Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – на-

чале XX в. (1867–1907 гг.)» – Алма-Ата, 1963. – 412 с. Его официальными оппонентами являлись: члены-корреспонденты АН КазССР, доктора исторических наук Е. Б. Бекмаханов (по болезни не смог приехать в г. Ташкент) и А. Н. Нусупбеков, видные ученые-историки Узбекистана, доктора исторических наук Х. Ш. Иноятов и Х. Т. Турсунов. Объединенный Ученый совет единогласно проголосовал за присвоение Б. С. Сулейменову ученой степени доктора исторических наук [2, с. 16–17].

Долголетняя последовательная и плодотворная научная деятельность Бегежан-ага органически связана главным образом с разработкой актуальных проблем истории Казахстана XVIII – начала XX вв. Постараемся указать на основные направления его научных исследований:

1) присоединение Казахстана к России, этапы этого процесса, результаты и последствия;

2) подготовка и проведение Российской империей территориально-административных реформ в Казахстане, особенности 1867–1868 гг., превращение его в управляемую по российским законам национальную окраину этой империи;

3) аграрная политика царизма в Казахстане, в особенности переселенческое движение, ее результаты и последствия для казахских шаруа, у которых по императорскому закону отнимали плодородные земли, объявляя их собственностью русского самодержавия;

4) социально-экономическое положение крестьян переселенцев и казачества, их классовое расслоение и т. д.

5) положение колониального казахского аула, начало его оседания, развитие земледелия, орошения, сенокошения, полеводства, земледельческих орудий, товарно-денежных отношений, байской кабалы, классовое расслоение шаруа и т. д.;

6) классовая борьба в колониальном казахском ауле, особенности ее проявления и результаты;

7) национально-освободительное движение казахов против колониального гнета Российской империи, в особенности восстания казахов в Тургайской и Уральской областях в 1868–1869 гг., восстание 1916 г., об Амангельды Иманове и др.;

8) революционное движение в Казахстане (аграрное, рабочее и др.) в годы первой русской революции 1905–1907 гг., столыпинской реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.) и т. д.;

9) просветительская деятельность Ыбрая Алтынсарина (издание его избранных произведений в 3-х томах), Абубакира Диваева и др.

Труды Сулейменова по этим и другим актуальным вопросам истории Казахстана XX–XIX вв. – начала XX в. являются крупным вкладом в историческую науку Казахстана, а его статьи, доклады в особенности такие крупные его монографии, как «Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867–1907 гг.)» (Алма-Ата, 1963), «Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 гг.» (Алма-Ата, 1977), «Казахстан в составе России» (Алма-Ата, 1981) и др. до сих пор, и после смены Советской власти, ликвидации господства Коммунистической идеологии в условиях независимости Казахстана не потеряли своей научной ценности и с успехом используются нашими современниками, в особенности учеными-историками и студенческой молодежью.

При этом основные положения и выводы научных работ Бегежан-аги в то, советское, время являлись новаторскими, аргументированными, базировались на богатой и разнообразной источниковой базе, в особенности на архивных документах и материалах, выявленных им в ЦГИА в Ленинграде, ЦГИА и ЦГВИА в Москве, центральных государственных архивах Узбекистана и Казахстана, областных архивах Саратова, Омска, Оренбурга и т. д.

Вынужденный признавать так называемую …прогрессивность присоединения Казахстана к России, Бегежан-ага – особо подчеркивал, что «агрессия не может быть прогрессивной, а история не знает случая, чтобы какой-нибудь народ добровольно принимал агрессию» [9, с. 14–15] По мнению Б. Сулейменова колониальная политика царизма была реакционной, грабительской, а так называемая прогрессивность заключалась в развитии производительных сил Казахстана – колонии, в частности в строительстве железных дорог, промышленных предприятий, городов, развитии торговли и т. д., а главным образом – в совместной борьбе казахских и русских трудящихся против царизма, гнета местных феодалов и кулачества.

К этому следует также добавить, что Бегежан-ага своими советами, содержащимися в его монографии «Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX в. (1867–1907 гг.)», помог историкам-демографам провести правильный подсчет общей численности населения и национального состава Казахстана по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в соответствии с приближенным к нему размерам современной территории. Отмечая, что «накануне реформы 1867–1868 гг. (в Казахстане) насчитывалось около 2 млн казахов», Бегежан-ага считал, что в шести областях края, Букеевской Орде и Мангышлакском уезде проживало 5 219 317 человек. Вместе с тем Бегежан-ага в своей монографии указывал, что для более точного учета численности населения Казахстана по вышеуказанной переписи необходимо: 1) исключать из Смеречинской области Северную Киргизию (Пржевальский и Пишкекский уезды), из Сырдарьинской – Амударьинский отдел и Ташкентский уезд с г. Ташкентом, из Акмолинской – Омский уезд с г. Омском; 2) включать Букеевское ханство (Внутреннюю орду) Астраханской губернии и Мангышлакское приставство (уезд) Закаспийской области» [8, с. 23–24].

Исходя из этого положения Б. Сулейменова, мы – историки-демографы, сумели провести уточненный подсчет численности населения и национального состава Казахстана в 1897 г., что явилось отправной

точкой для сравнительного анализа демографического развития населения по переписи 1920, 1926, 1939 г., вплоть до наших дней, национальной переписи 1989 г., а также переписей суверенного Казахстана 1999 и 2009 г. [3, с. 110–111].

Разумеется, что в условиях диктата однопартийной системы, безраздельного господства узкокласовой идеологии и нетерпимости к инакомыслию Б. Сулейменов был вынужден трактовать многие вопросы истории дореволюционного Казахстана только в дозволенных политической цензурой рамках. Тем не менее в его работах, как было указано выше в связи с так называемой прогрессивностью присоединения Казахстана к России, имелись смелые взгляды и новаторские подходы. Это относится и к освещению жизни и деятельности одного из лидеров движения Алаш, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета Жакыпмырза Акбаева, крупного востоковеда Абубакира Диваева, писать и публиковать работы о них тогда было отнюдь не безопасно [10, с. 28–34; 11, с. 41–48].

Будучи одним из крупнейших историков по дореволюционному Казахстану, Бегежан-ага являлся не менее сильным источниковедом и историографом этого сложного, богатого значительными событиями периода. Он работал во всех крупных архивах и библиотеках России, Узбекистана, Казахстана и других регионов Советского Союза, выявлял и собирал важнейшие сведения по этому периоду, которые легли в основу целого ряда сборников материалов и документов под его редакцией, такие, как «Восстание 1916 года в Казахстане». – Алма-Ата, 1947. – 213 с., «Революция 1905–1907 гг. в Казахстане» (Алма-Ата, 1949), «Рабочее и аграрное движение в Казахстане (1907–1914 гг.)» (Алма-Ата, 1957) и др.

Таким образом, научно педагогическую деятельность Б. Сулейменова условно можно разделить на два этапа.

I этап – 1938–1952 гг. – становление ученого, защита кандидатской диссертации, присвоение звания доцента, первые научные и научно-популярные статьи, доклады, сборник документов и материалов и т. д.

II этап – 1954–1984 гг. – плодотворная 30-летняя научная деятельность: крупные монографии, научные статьи, доклады, ряд сборников документов и материалов, защита докторской диссертации, присвоение ученого звания профессора, избрание членом-корреспондентом АН КазССР, лауреат Государственной премии Казахской ССР им. Ч. Ч. Валиханова и др.

Бегежан-ага являлся членом Главной редколлегии и одним из основных авторов пятитомной «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (Алма-Ата, 1977–1980 гг.), в особенности ее третьего тома, около половины, которого был написан Б. Сулейменовым. Этот обобщающий труд по истории Казахстана был удостоен Государственной премии Казахской ССР. К сожалению, самого Б. Сулейменова, по разным чисто субъективным причинам среди числа лауреатов этой премии не оказалось.

Несмотря на такие и другие зигзаги судьбы, Бегежан-ага к этому периоду был уже крупным ученым, специалистом по истории Казахстана XVIII – начала XX в., пользовался заслуженным авторитетом не только у историков Казахстана и Средней Азии, но и Москвы, Ленинграда, а также других республик Советского Союза. Создал новую семью, имел двух дочерей (Акжанну и Жанар), сына (Жанибека). Сейчас его супруга – Казима Жагыфаровна с детьми хранит очаг Бегежан-ага в тепле и уюте, воспитывает его внуков.

Сегодня, отмечая 100-летие со дня рождения Бегежана Сулейменова, мы особо подчеркиваем его крупный вклад в историческую науку Казахстана, чтим и преклоняемся перед его светлой памятью, постараемся и дальше продвигать основные направления его научных исследований в условиях суверенного Казахстана, когда открылись широкие возможности для развития Отечественной исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив НАН РК. – Ф. 74. – Оп. 1,9,6. – Д. 108–109.

2. Асылбеков, М. Х. Бегежан Сулейменов – тарихшы – ғалым / М. Х. Асылбеков, С. А. Ескалиев. – Алматы, 2001.

3. Асылбеков, М. Х. Население Казахстана в конце XIX – начале XX вв. (1897–1917 гг.). / М. Х. Асылбеков, А. М. Жаркенова. – Алматы. – С. 4–5; История независимого Казахстана. – Алматы, 2011.

4. Библиография обществоведов Казахстана. – Алма-Ата: Наука, КазССР, 1986.

5. Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М: РОССПЭН, 2011.

6. Сарсеке, М. Бекмаханов. / М. Сарсеке. – М.: Молодая гвардия; Астана: Фолиант, 2010.

7. Стенограмма дискуссии по книге тов. Бекмаханова. Казахстан в 20–30-е годы XIX века: июль 1948 года. – Алма-Ата, машинописный вариант.

8. Сулейменов, Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней XIX – начало XX в (1867–1907 гг.). / Б. Сулейменов. – Алма-Ата, 1963.

9. Сулейменов Б. Казахстан в составе России. / Б. Сулейменов, В. Я. Басин. – Алма-Ата, Наука, 1981.

10. Сулейменов Б. Аграрный вопрос и национально-освободительное движение в Казахстане в годы первой русской революции / Б. Сулейменов. // Изв.

АН Казахской ССР, Сер. общественных наук, 1966. – Вып. 1.

11. Сулейменов Б. Некоторые вопросы истории Казахстана в трудах А. А. Диваева / Б. Сулейменов. // Изв. АН Казахской ССР, Сер. истории, археологии и этнографии – 1959. – № 1.

Малік-Айдар Асылбекаў

ЖЫЦЦЁВЫ ШЛЯХ І НАВУКОВАЯ СПАДЧЫНА БЕГЕЖАНА СУЛЕЙМЕНОВА

Рэюмэ

У артыкуле даследавана навуковая дзейнасць аднаго з першых пакаленняў гісторыкаў Казахстана Бегежана Сулейменава, жыццёвы шлях якога прайшоў праз цяжкія гады станаўлення і развіцця гістарычнай навукі рэспублікі. Ён быў падвергнуты рэпрэсіям і іншым сур'ёзным выпрабаванням.

Аўтар зрабіў аналіз асноўных палажэнняў і вынікаў навуковых прац Б. Сулейменава, якія ў савецкія часы з'яўляліся наватарскімі, грунтаваліся на багатых і разнастайных крыніцах, архіўных дакументах і матэрыялах, знойдзеных у Ленінградзе, Маскве, ЦГА Узбекістана і Казахстана, абласных архівах Саратава, Омска, Арэнбурга і іншых гарадоў.

Malik-Aydar Assylbekov

THE COURSE OF LIFE AND SCIENTIFIC HERITAGE OF BEGEZHAN SULEYMENOV

Summary

In this article the author studied the scientific activity of Begezhan Suleymenov (one of representatives of the 1st generation of Kazakhstan's historians), who's life passed in difficult years of formation and development of the Republic's historical science, he was subjected to repressions and other serious testing.

B. Suleymenov came to historical science in the late 1930-s, after he successfully graduated from historical faculty of Karl Liebknecht Moscow State Pedagogical Institute. In April, 1945 he successfully defended the candidate thesis on a subject «The Reforms of the 1867–1868 in Kazakhstan» at the Academic Council of S. Kirov Kazakh State University, and in 1964 he defended his Doctoral Dissertation on a subject «The Agrarian Issue in Kazakhstan in the last third of the XIX – early XX centuries» at the Integral Academic Council of Social Sciences Department of Uzbek SSR.

He was subjected to political repressions for his political views as a bourgeois nationalist (in 1952), and was rehabilitated after the I. Stalin's death.

The author analyzed the basic ideas and conclusions of scientific works of B. Suleymenov, which in the Soviet period were innovatory, argumentative, they were based on a rich and various source base, especially on archive documents found in Leningrad, Moscow, Central State Archives of Uzbekistan and Kazakhstan, regional archives or Saratov, Omsk, Orenburg etc.

Поступила 15.01.2013 г.

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі
«Метадалогія даследаванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы»,
Мінск, 9 кастрычніка 2012 г.

Прывітальнае слова ўдзельнікам Міжнароднай навуковай канферэнцыі
«Метадалогія даследаванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы»
дырэктара Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
кандыдата гістарычных навук, дацэнта
Вячаслава Віктаравіча Даніловіча

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Сардэчна вітаю вас у сценах Інстытута гісторыі НАН Беларусі – вядучай навуковай установы краіны ў галіне гістарычных навук.

У сучасных умовах, зыходзячы з дзяржаўных пазіцый, наш інстытут не толькі ажыццяўляе навуковыя даследаванні, але і імкнецца развіваць прыкладны напрамак сваёй дзейнасці, пашыраць гістарычную асвету, прапагандаваць гісторыка-культурныя традыцыі нашай Бацькаўшчыны. Разам з тым мы выдатна ўсведамляем праблемы, якія стаяць перад сучаснай гістарычнай навукай Рэспублікі Беларусь, і вядзем работу па аб'яднанні намаганняў гісторыкаў для іх вырашэння.

Намаганні вучоных Інстытута гісторыі НАН Беларусі, гістарычных кафедр ВНУ ў рамках выканання заданняў падпраграмы «Гісторыя, духоўная і матэрыяльная культура беларускага народа» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2011–2015 гг. «Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі» пры падтрымцы кіраўніцтва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў, за што мы вельмі ўдзячны акадэміку-сакратару Аляксандру Аляксандравічу Кавалені, канцэнтруюцца на актуальнай праблематыцы, канцэптуальных навуковых і метадалагічных пытаннях у трактоўцы шматвекавой гісторыі беларускага народа.

Можна канстатаваць факт узрастання цікавасці да метадалогіі даследавання гісторыі. Па сутнасці, сённяшні форум з'яўляецца традыцыйным, бо гэта ўжо трэцяя канферэнцыя, прысвечаная метадалогіі даследаванняў гісторыі Беларусі: першая адбылася 26–27 кастрычніка 2006 г., а другая – 22–23 кастрычніка 2008 г. Гэтыя метадалагічныя канферэнцыі ўзнялі цэлы шэраг важных для айчыннай гістарычнай навукі пытанняў.

Так, была агучана прапанова праводзіць на ўзроўні агульнанацыянальных выданняў навуковыя дыскусіі па актуальных праблемах метадалогіі, гістарыяграфіі, крыніцазнаўства і ўвогуле гісторыі Беларусі; адзначана запатрабаванасць аналізу гістарычных каранёў і крыніц беларускай дзяржаўнасці, шляхоў, форм і метадаў яе эвалюцыі, фарміравання ідэалогіі дзяржаўнасці на розных этапах жыцця і дзейнасці народа.

У выніку ўжо ў 2007 г. вучонымі Інстытута гісторыі быў арганізаваны сумесны з «Беларускім гістарычным часопісам» круглы стол «Рэвалюцыі 1917 года ў лёсах Беларусі». Яго ўдзельнікі закранулі самыя розныя аспекты Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый, іх уплыў на Беларусь, на наша грамадства. У гэтым жа годзе ў інстытуце адбыўся круглы стол «Станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці ў геапалітычных працэсах IX–XX стст.», які меў канцэптульны характар.

У сувязі з 90-годдзем абвяшчэння БНР вучонымі Інстытута гісторыі НАН Беларусі ў 2008 г. быў арганізаваны круглы стол у рэдакцыі газеты «СБ – Беларусь Сегодня», прысвечаны гісторыі Беларускай Народнай Рэспублікі. Падзеяй дзяржаўнай значнасці стала Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя ўтварэння БССР)», праведзеная 18 снежня 2008 г. У працы гэтай канферэнцыі прынялі ўдзел больш за 230 навукоўцаў, а таксама прадстаўнікі органаў улады, дыпламатычнага корпуса, дэпутаты: Старшыня Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь Барыс Васільевіч Батура, глава Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь Уладзімір Уладзіміравіч Макей, Генеральны пракурор Рэспублікі Беларусь Рыгор Аляксеевіч Васілевіч, Старшыня Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі Міхаіл Уладзіміравіч Мясніковіч, Міністр адукацыі Рэспублікі Беларусь Аляксандр Міхайлавіч Радзькоў і інш.

Важным этапам апрабацыі напрацовак па навейшай гісторыі Рэспублікі Беларусь стала арганізаваная 24–25 лістапада 2011 г. сумесна з Акадэміяй кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Рэспубліка Беларусь. 20 гадоў незалежнасці», у якой прынялі ўдзел больш за 180 вучоных.

Вялікую карысць у справе пашырэння сярод беларускага грамадства найноўшых айчынных канцэп-

туальных напрацовак у галіне гістарычнай навукі меў праведзены 23 сакавіка 2012 г. у рэдакцыі газеты «Звязда» круглы стол на тэму «На чым заснавана дзяржаўнасць Беларусі?»

Знакавай падзеяй стала Міжнародная навуковая канферэнцыя «Полацк у гісторыі і культуры Еўропы», прысвечаная 1150-годдзю Полацка – калыскі беларускай дзяржаўнасці і арганізаваная 22–23 мая 2012 г. у Полацку сумесна з Полацкім гарадскім выканаўчым камітэтам, Полацкім дзяржаўным універсітэтам і нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеем-запаведнікам. Удзел у яе працы прынялі больш за 110 прадстаўнікоў айчынных і замежных навуковых і вышэйшых навучальных устаноў, архіваў, бібліятэк, сродкаў масавай інфармацыі.

Навейшыя дасягненні гістарычнай думкі, канцэптуальныя метадалагічныя падыходы знайшлі адлюстраванне ў такіх знакавых для ўсёй краіны акадэмічных выданнях, як першы том унікальнага трохтомнага «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі» (Мінск, 2009), які з'яўляецца вынікам творчага супрацоўніцтва вучоных Інстытута гісторыі НАН Беларусі, Рэспубліканскага ўнітарнага прадпрыемства «Белкартаграфія», Дзяржаўнага камітэта па маёмасці Рэспублікі Беларусь і Дэпартамента па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь; калектыўная манаграфія «Беларусь: Народ. Государство. Время» (Минск, 2009), дзе ўпершыню ў гісторыі нашай краіны на аснове нацыянальна-дзяржаўнай ідэалогіі прадстаўлена гісторыя Беларусі са старажытных часоў да сучаснасці, раскрыты месца і роля беларускага народа ў развіцці еўрапейскай цывілізацыі, гэта выданне стала пераможцам у намінацыі «Лепшае масава-палітычнае выданне» нацыянальнага конкурсу «Мастацтва кнігі – 2010», а таксама атрымала дыплом пераможцы і Гран-пры Міжнароднага конкурсу «Навуковая кніга – 2010», які адбыўся ў Маскве; першая кніга калектыўнай манаграфіі «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» (Мінск, 2011), дзе грунтоўна прааналізаваны перадумовы, якія садзейнічалі фарміраванню нацыянальна-дзяржаўнай ідэі беларускага народа, складаны працэс афармлення беларускай дзяржаўнасці, комплексна асветлены і абгрунтаваны яе асаблівасці на розных гістарычных этапах.

Сапраўдным прарывам у гістарыяграфіі Беларусі, Расіі і Украіны стала паспяховая рэалізацыя ў 2007–2010 гг. акадэмічнымі гісторыкамі трох краін сумеснага навуковага даследавання «1941 г.: краіна ў полымі» па комплексным вывучэнні гісторыі пачатку Вялікай Айчыннай вайны. У выніку з прыцягненнем новых дакументаў, выяўленых у архівах Беларусі, Расіі, Украіны і Германіі, апублікаваны калектыўная манаграфія, а таксама зборнік дакументаў і матэрыялаў («1941: Страна в огне»: кн. 1. «Очерки» (М., 2011); кн. 2. «Дакументы и материалы» (М., 2011), якія прадстаўляюць цэласную карціну падзей 1941 г., адпавядаючую іх бачанню гісторыкамі Расіі, Беларусі і Украіны; змяшчаюць вялікую колькасць найноўшых факталагічных і статыстычных даных, тэарэтычных абгрунтаванняў. Гэта першая пасля распаду СССР буйная міжнародная гістарычная праца аб пачатковым этапе Вялікай Айчыннай вайны. Развіццём трохбаковага даследавання сёння з'яўляецца распрацоўка сумеснага навуковага праекта «Краіна ў полымі. Гады карэннага пералому, 1942–1943».

У 2008–2010 гг. вучонымі Інстытута гісторыі НАН Беларусі і Інстытута расійскай гісторыі РАН выкананы цікавы навукова-даследчы праект «На шляхах індустрыяльнай мадэрнізацыі: параўнальны аналіз працэсаў у Расіі і Беларусі ў XX стагоддзі». У выніку ўпершыню ў адзіным тэарэтыка-метадалагічным і канкрэтна-гістарычным даследаванні выяўлены агульныя і асаблівыя рысы індустрыяльнай мадэрнізацыі ў Расіі і Беларусі ў XX ст. у кантэксце рэвалюцый, рэформаў, трансфармацый.

На нашых метадалагічных канферэнцыях таксама агучвалася ідэя перавыдання прац класікаў беларускай гістарыяграфіі. У выніку ў 2009 г. выйшла падрыхтаванае вучонымі Інстытута гісторыі НАН Беларусі перавыданне даследавання М. Доўнар-Запольскага «Дзяржаўная гаспадарка Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах» з грунтоўнымі навуковымі каментарамі.

Удзельнікі метадалагічных навуковых форумаў адзначалі як важны напрамак працы вучоных-гісторыкаў узаемадзеянне з Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь.

У 2008 г. з удзелам прадстаўнікоў Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь адбылося пасяджэнне па пытаннях выдання падручнікаў для сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў. Падчас яго абмяркоўвалася метадалогія даследавання і метадалогія выкладання гісторыі ў школе і ВНУ. Пры гэтым аказаліся вельмі карыснымі напрацоўкі акадэмічных метадалагічных канферэнцый, што пацвердзіла іх навукова-практычны статус.

Прыкладам аб'ектыўнага навуковага падыходу да стварэння вучэбнай і метадычнай літаратуры з'яўляецца вучэбна-метадычны комплекс «Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны)» (Мінск, 2006–2009), які ўключае праграму, падручнік, даведнік, рабочы сшытак, хрэстаматыю, дапаможнік для настаўніка. Ён быў прызнаны лепшым сярод краін СНД.

Разам з тым вопыт маёй працы ў складзе секцыі па гісторыі і грамадазнаўству пры Нацыянальным інстытуце адукацыі, а таксама ў Бюро навукова-метадычнага савета пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь сведчыць, што яшчэ далёка не ва ўсіх вучэбных і метадычных дапаможніках мы бачым аб'ектыўны навуковы падыход. Нажаль працягваюцца спробы палітызацыі і раманізацыі гісторыі, замяшчэння суб'ектыўным успрыманнем таго ці іншага аўтара рэальнага гістарычнага працэсу, што з'яўляецца вельмі небяспечным.

Так, некаторымі аўтарскімі калектывамі прапаноўваюцца хрэстаматыі, у якіх са 164 змешчаных тэкстаў толькі 75 з'яўляюцца вытрымкамі з дакументаў, астатнія – цытаты з мастацкіх (44), публіцыстычных (24), навуковых (10) твораў і успамінаў (11). Прычым цытаты вялізныя, па некалькі старонак.

Часам у матэрыялах дапаможнікаў пераважае негатыў і барацьба (рэлігійная, сацыяльная, палітычная, нацыянальная). Узнікае заканамернае пытанне, а дзе стваральная праца народа? Незразумела, як ён жыў і развіваўся. Дзе культура, развіццё сельскай гаспадаркі і прамысловасці? Толькі турмы, растрэлы, знявагі і адсутнасць пазітыву. У выніку ствараецца ўражанне, што мы зноў вяртаемся ў часы КПСС толькі з супрацьлеглым пунктам гледжання.

У гістарычнай навуцы Беларусі існуе неабходнасць працягу і пашырэння даследаванняў ролі і месца беларускіх зямель ў складзе ВКЛ, Расійскай імперыі і СССР. Па-ранейшаму вельмі актуальным з'яўляецца ўсебаковае вывучэнне агульнасці гістарычнага лёсу народаў, якія ўтвараюць адзіную ўсходне-славянскую цывілізацыю.

Спасціжэнне гісторыі, выкарыстанне розных даследчыцкіх падыходаў пры яе вывучэнні патрабуе міждысцыплінарных намаганняў, асэнсавання з метадалагічнага пункту гледжання месца гістарычных ведаў у сістэме сучаснага грамадазнаўства. Навуковы і практычны інтарэс маюць пытанні метадалагічнага ўзаемадзеяння і, зразумела, тэорыя і метады непасрэднага гістарычнага даследавання.

Несумненна, што на сённяшняй канферэнцыі мы павінны надаць увагу не толькі метадалагічным праблемам гістарычных даследаванняў, але і пытанням гістарычнай адукацыі ў нашай дзяржаве – Рэспубліцы Беларусь. Думаю, што мы не можам не закрануць тых праблем, з якімі цяпер сутыкаюцца выкладчыкі ВНУ, калі рэзка скарацілася колькасць гадзін на выкладанне гісторыі Беларусі, назіраецца агульная небяспечная тэндэнцыя дэгуманітарызацыі вышэйшай адукацыі, якая вядзе да няздольнасці маладога пакалення на сучасным узроўні асэнсоўваць праблемы і перспектывы развіцця грамадства і дзяржавы, вырашаць жыццёва важныя задачы. Не ў лепшым становішчы ў гэтых адносінах знаходзіцца і агульнаадукацыйная сярэдняя школа. Усе гэтыя пытанні неабходна абмяркоўваць і знаходзіць шляхі іх вырашэння.

Рыхтуючы дадзеную канферэнцыю, мы хацелі б, каб яе ўдзельнікі прадставілі навейшыя даследаванні па гісторыі Беларусі ў люстэрку парадыгм XXI ст. Пажадана, каб у нас была зацікаўленая і прафесійная размова аб навацыях, дасягненнях і праблемах у гістарычнай метадалогіі, гістарыяграфіі і крыніцазнаўстве, у распрацоўцы і выкладанні палітычнай, эканамічнай, сацыяльнай гісторыі, дапаможных гістарычных дысцыплін.

Сёння мы працягваем рэалізоўваць тыя ідэі, якія былі агучаны на мінулых метадалагічных канферэнцыях. Не ўсё ўдаецца зрабіць, не ўсё запланаванае можна ажыццявіць адразу. Але калі не мець ідэй, калі іх не выказваць і не абмяркоўваць, то ўвогуле нічога не будзе. У сувязі з гэтым заклікаю ўдзельнікаў навуковага форума шчыра дзяліцца думкамі і прапановамі. Мы адкрытыя, каб выслухаць усіх.

Я ўпэўнены, што праца сённяшняй канферэнцыі ў такім рэчышчы будзе пладатворнай, канструктыўнай і, безумоўна, унясе значны ўклад у далейшае развіццё і ўдасканальванне гістарычных даследаванняў і адукацыі.

Жадаю ўсім удзельнікам форума новых творчых дасягненняў на карысць гістарычнай навукі, дзеля росквіту нашай Бацькаўшчыны!

Прывітальнае слова ўдзельнікам Міжнароднай навуковай канферэнцыі
«Метадалогія даследаванняў гісторыі Беларусі: праблемы, дасягненні, перспектывы»
акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктара гістарычных навук, прафесара
Аляксандра Аляксандравіча Кавалені

НЕКАТОРЫЯ МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Шаноўныя калегі!

Па даручэнні Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі дазвольце шчыра вітаць усіх вас у сценах галоўнага нацыянальнага навуковага храма з нагоды пачатку работы вельмі важнага навуковага форума!

Прадстаўленая ў праграме канферэнцыі тэматыка дакладаў і выступленняў, на мой погляд, дазволіць сумеснымі намаганнямі падвесці некаторыя вынікі айчыннай гістарыяграфіі і вызначыць найбольш актуальныя напрамкі вырашэння праблемных пытанняў, што будзе садзейнічаць далейшаму творчаму руху гістарычнай навукі.

Агульнавядома, што ГІСТОРЫЯ – навука асаблівая. Дакладнасць высноў гістарычнай навукі фарміруецца на працягу многіх дзесяцігоддзяў і стагоддзяў. Гісторык заўсёды ведае непараўнальна больш, чым сучаснікі і ўдзельнікі непасрэдных падзей, калі ён выкарыстоўвае навуковую метадалогію, абапіраючыся на важнейшы прынцып гістарычнага пазнання – гістарызм.

Праўда, сёння з'явілася шмат прац, калі так званыя гісторыкі не асэнсоўваюць, не вывучаюць, а ствараюць мінулае на свой манер. Я думаю, што ў гэтым ёсць і наша віна, што навукова-папулярная гістарычная літаратура вымірае. Яе выцясняюць і замяняюць сачыненні на псеўдагістарычныя сюжэты, мэтай якіх з'яўляецца не жаданне даць веды, а здзівіць і пацешыць чытача. Гэтая літаратура мае яскравы камерцыйны характар, бо яна выдаецца з адзінай мэтай – забяспечыць выдаўцу прыбытак. Прычым многія выданні маюць значныя тыражы і шырока распаўсюджваюцца праз электронную інфармацыйную прастору і аказваюць адмоўны ўплыў на фарміраванне грамадскага светапогляду.

Гэта не адносіцца да прац акадэмічных вучоных. У апошнія гады вучоныя Інстытута гісторыі НАН Беларусі разам з гістарычнай супольнасцю краіны зрабілі значны крок наперад у арганізацыі навуковых даследаванняў. Адным з напрамкаў гэтага руху з'яўляецца працэс абмеркавання нашых дасягненняў у форме канферэнцый, палемікі на старонках сродкаў масавай інфармацыі па самых актуальных пытаннях айчыннай гісторыі.

Калі паставіць пытанне, чым жа вызначаюцца навуковыя дасягненні для гісторыкаў, то адказ, на маю думку, будзе наступным. Не толькі новымі ідэямі ў галіне гістарыяграфіі, але і наступным іх увасабленнем у манаграфічных працах і выданнях. Безумоўна, да такіх даследаванняў можна аднесці многія публікацыі, якія былі падрыхтаваны супрацоўнікамі Інстытута гісторыі.

Гэты год у нашай краіне абвешчаны «Годам кнігі», таму можна сказаць, што выданні навуковай кніжнай прадукцыі пад грыфам Інстытута гісторыі НАН Беларусі і ўвогуле Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі з'яўляюцца важным укладам у папулярызацыю не толькі нацыянальнай навукі, але і культуры, і мовы, паколькі значная частка кніжнай прадукцыі пад грыфам Аддзялення выходзіць на беларускай мове. Заўважу, што ўклад акадэмічных навукоўцаў у падрыхтоўку і выданне літаратуры даволі трывалы. Напрыклад, за 2006–2010 гады вучоныя змаглі апублікаваць больш за 7,5 тысяч артыкулаў і тэзісаў, падрыхтавалі і выдалі звыш 430 кніжных выданняў, у тым ліку 327 манаграфій.

Тут можна назваць цэлы шэраг прац, якія выклікалі станоўчы грамадскі рэзананс і высока ацэнены навуковай супольнасцю. Сярод іх калектыўная манаграфія «Беларусь: Народ. Дзяржава. Час» (Мінск, 2009), якая стала пераможцам у намінацыі «Лепшае масава-палітычнае выданне» нацыянальнага конкурсу «Мастацтва кнігі – 2010» і была адзначана Гран-пры на Міжнародным конкурсе «Навуковая кніга – 2010». Вялікую цікавасць выклікаў выхад першага тома «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі», выдадзенага сумесна з Дэпартаментам па архівах і справаводстве Міністэрства юстыцыі, РУП «Белкартаграфія», які адлюстроўвае перыяд ад з'яўлення чалавека на тэрыторыі Беларусі і да 1569 года. Дадзенае выданне не мае аналагаў на прасторы СНД. Станоўча ацэнены навуковай грамадскасцю калектыўная манаграфія «Белавежская пушча: вытокі запаведнасці, гісторыя і сучаснасць» (Мінск, 2009) і фотаальбом «Зямля сілы. Белавежская пушча» (Мінск, 2009). Добрым вынікам стаў выхад да 70-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР зборніка дакументаў і матэрыялаў «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…» у 2 кнігах (Мінск, 2009). Падзеяй у грамадскай дум-

цы стаў выхад кніг серыі «Старажытныя гарады Беларусі». Свет ужо ўбачылі манаграфіі «Полацк», «Віцебск», «Пінск». Нашы дасягненні – гэта творчая праца нашых навукоўцаў. Хачу выказаць словы ўдзячнасці дырэктару Інстытута гісторыі В. В. Даніловічу, намесніку па навуковай рабоце М. Г. Жылінскаму, кіраўнікам цэнтраў В. М. Ляўко, М. У. Смяховічу, загадчыку аддзела А. М. Літвіну, загадчыку сектара В. В. Яноўскай.

Што тычыцца выданняў па метадалогіі і гістарыяграфіі, то на пачатку 2011 г. выйшла калектыўная манаграфія «На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы», а таксама фундаментальныя выданні «Беларусь – страницы истории», першая частка «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя», завяршаецца праца над другой часткай і другім томам Вялікага гістарычнага атласа. У названых выданнях аналізуюцца канцэптуальныя метадалагічныя падыходы, якія прымяняліся і прымяняюцца ў дачыненні да гісторыі Беларусі. Паказваецца месца айчыннай гістарычнай навукі сярод іншых, у першую чаргу гістарыяграфій суседніх з намі краін. Аўтары, сапраўды, шмат у чым прадставілі новы погляд на гістарычны працэс, асабліва на фарміраванне беларускай дзяржаўнасці.

Нельга не адзначыць таксама, што значны ўклад у развіццё метадалогіі даследаванняў гісторыі Беларусі зрабілі ў сваіх публікацыях М. Мініцкі, У. Сідарцоў, А. Нечухрын, М. Смяховіч, М. Мацюшэўская, В. Шутава, А. Кур'яновіч, М. Сакалова і інш.

І гэта нягледзячы на тое, што праблематыка тэарэтыка-метадалагічных аспектаў гістарычных даследаванняў апынулася ў фокусе ўвагі айчынных гісторыкаў толькі ў апошнія дзесяцігоддзі – у 1990-я гады былі апублікаваны падручнікі па метадалогіі гісторыі, а даследчыкі звярнуліся да вывучэння метадалагічных праблем.

Трэба адзначыць, што на дадзеным этапе распрацоўка тэарэтыка-метадалагічнага інструментарыя айчыннай гістарыяграфіі ажыццяўляецца на падставе аналізу, засваення і адаптацыі трох тэарэтычных традыцый: дарэвалюцыйнай расійскай філасофіі гісторыі і сацыялогіі (М. Карэеў, М. Кавалеўскі, А. Лапо-Данілеўскі), метадалагічных работ савецкіх гісторыкаў і філосафаў (М. Кавальчанкі, Ж. Кэлі, Б. Юдзіна, Л. Бародкіна і інш.), а таксама заходнееўрапейскіх і амерыканскіх даследчыкаў.

Пры гэтым само паняцце «метадалогія гісторыі» не атрымала пакуль выразнага вызначэння. З аднаго боку да метадалогіі адносяць любыя канструкцыі, якія тычацца больш высокага ўзроўню абстракцыі, чым простае апісанне эмпірычных фактаў. З другога – існуе ўяўленне пра метадалогію гістарычных даследаванняў як пра нейкі неўпарадкаваны набор гнасеалагічных і анталагічных пабудоў і прыкладных методык даследавання. Я думаю, што выступленні нашых вядучых спецыялістаў дазволяць унесці пэўны дынамізм у распрацоўку і гэтай праблемы.

Зразумела, што пошук метадалагічных падыходаў не можа адбывацца ў замкнутай прасторы. Па гэтай прычыне вельмі важнай задачай супольнасці беларускіх гісторыкаў з'яўляецца наладжванне навуковага дыялогу з замежнымі калегамі, які падштурхне развіццё беларускай гістарычнай думкі. За апошнія гады і ў гэтай справе зроблены крок наперад. Толькі ў гэтым годзе на базе Інстытута гісторыі адбыўся арганізаваны сумесна з прадстаўнікамі паўночнаамерыканскай і ўкраінскай гістарычнай школ круглы стол на тэму «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў амерыканскай і ўкраінскай гістарыяграфіі». Падчас круглага стала адным з аб'ектаў абмеркавання стала дысертацыя Андэрса Рудлінга «Бітва за Беларусь: уздым і падзенне беларускага нацыянальнага руху ў 1906–1931 гг.», якая была абаронена ў 2010 г. ва ўніверсітэце Эдмантана ў Канадзе. Такім чынам, можна канстатаваць, што існаванне незалежнай Рэспублікі Беларусь, беларускай гістарычнай навукі павялічвае цікавасць да нас у тым ліку і з боку паўночнаамерыканскіх гісторыкаў. І разам з тым абавязвае нас быць адкрытымі да навуковай дыскусіі па праблемах нашай гісторыі і метадалогіі яе даследавання.

У лютым 2012 г. адбыўся арганізаваны Інстытутам гісторыі сумесна з рэдакцыяй газеты «Советская Белоруссия» круглы стол, прысвечаны развіццю гуманітарнай навукі ў Рэспубліцы Беларусь, падчас якога ўздымаліся важныя пытанні ў тым ліку і пытанні пра канцэптуальнае асэнсаванне айчыннай гісторыі ў беларускай гуманітарнай навуцы.

У гэтым годзе праводзіцца шэраг канферэнцый, прысвечаных 200-гадоваму юбілею вайны 1812 г. Беларускія землі гэтая падзея закранула непасрэдным чынам. Вайна вельмі абвастрыла пытанні, звязаныя з гісторыяй беларускай дзяржаўнасці, па якіх апошнімі гадамі вядуцца шматлікія навуковыя дыскусіі. Інстытут гісторыі НАН Беларусі разам з прадстаўніцтвам Рассуспрацоўніцтва ў Беларусі правёў шэраг канферэнцый і іншых маштабных мерапрыемстваў, прысвечаных гэтай тэме. Як прыклад можна прывесці міжнародны круглы стол «Отечественная война 1812 года в исследованиях белорусских и российских ученых» (Гомель – Мазыр, 22–23 снежня 2011 г.) і міжнародную канферэнцыю «Отечественная война 1812 года в судьбах народов России и Беларуси» (Магілёў, 25–27 ліпеня 2012 г.).

Кажучы пра дыскусіі вакол тэмы 1812 г., мы сыходзім з таго, што некаторыя ангажаваныя палітыкі спрабуюць адгарадзіць гістарычным плотам Беларусь ад Расіі. У гэты працэс, а так было ўжо не раз, уцягваюць гісторыкаў, каб у палітычнай барацьбе выкарыстаць гераічныя і трагічныя ваенныя падзеі. У шэрагу публікацый сцвярджаецца, што вайна 1812 г. для беларусаў з'яўлялася не Айчыннай. Давайце звернемся да важнейшага для нас метадалагічнага прынцыпа гістарызма, які патрабуе вывучаць мінулае ва ўзаемасувязі з улікам канкрэтна-гістарычнага становішча адпаведнай эпохі і ўзаемаабумоўленых

падзей. Паступаць па-іншаму – значыць дзейнічаць не толькі антынавукова, але і пазбаўляць права на праўду тых, хто разам з рускімі змагаўся на Барадзіно, трымаў у аблозе французскія гарнізоны на акупаванай тэрыторыі Беларусі, вёў партызанскую барацьбу. Не прызнаваць гэта – значыць не паважаць уласную гісторыю, працу многіх пакаленняў беларусаў, хто разам з іншымі народамі ствараў адну з найвялікшых дзяржаў, дзе зараджалася і сучасная Беларусь.

Так было, жадаем мы таго ці не. Я вымушаны неаднаразова падкрэсліваць, адзначу гэта і сёння: гісторыя толькі тады добра служыць народу і Айчыне, калі яна аб'ектыўна асвятляе падзеі, калі белае называецца белым, а чорнае – чорным, а не наадварот. Гісторыя павінна садзейнічаць кансалідацыі народа, вучыць верацярпімасці, а не нагнятаць супрацьстаянне і канфлікты. У гісторыі было ўсё, але гонарам народа заўсёды і ва ўсе часы былі перамогі і дасягненні.

Думаю, што сёння нам неабходна больш актыўна ўздымаць праблему інтэграцыі гуманітарных ведаў. Гэта тым больш актуальна, што гістарычная навука ў параўнанні з іншымі грамадска-гуманітарнымі навукамі выступае як навука комплексная, інтэгральная, якая мае справу з усімі грамадскімі з'явамі і працэсамі, якія імі вывучаюцца. Кожны даследчык-гісторык павінен прафесійна валодаць тэорыяй, метадалогіяй і метадамі не толькі гістарычнай навукі, але і тых навук, якія вывучаюць сацыяльна-эканамічныя і палітычныя з'явы і працэсы. Дарэчы, гэта не новы пасыл, аб інтэграцыіі навук гаварыў у свой час Іван Дзмітрыевіч Кавальчанка [1, с. 275–277].

Вядома, перанос ідэй і пасылак навуковага пазнання з адной вобласці навукі ў іншую не павінен быць механічным, каб прадэманстраваць інтэграцыйнасць даследавання. Важна ўмела і творча выкарыстоўваць паняційна-катэгарыяльны апарат і метады даследаванняў розных галін ведаў. Гэта дапаможа не толькі творчаму пошуку і інтэграцыі, але і з'яўленню новых ідэй, падыходаў і метадаў, якія дапамогуць раскрываць многія складаныя падзеі і факты не толькі далёкага мінулага, але і нашых дзён. Гэта важна асабліва сёння, каб своечасова адказваць на выклікі, якія нараджаюцца ў глабалізуючымся сусветным грамадстве. На мой погляд, гэта патрабуе не толькі міждысцыплінарнага характару працы гісторыка, але і цесных творчых кантактаў паміж усімі абласцямі сацыяльна-гуманітарных навук. Тым больш, што сучасныя тэндэнцыі развіцця і інтэграцыі навукі сведчаць аб пранікненні ў грамадска-гуманітарныя даследаванні матэматычных і прыродазнаўчых метадаў, што павышае глыбіню і дакладнасць вынікаў нашых навук. Упэўнены, што такі падыход толькі ўзбагаціць навуковыя гістарычныя даследаванні, дапаможа з найбольшай аб'ектыўнасцю адлюстроўваць рачаіснасць. Тым больш, што аб'ектам пазнання гістарычнай навукі, з'яўляецца ўся сукупнасць з'яў, падзей і працэсаў грамадскага жыцця. Задача гісторыкаў з найбольшай аб'ектыўнасцю і дакладнасцю, як патрабуе прынцып гістарызму, прадставіць іх грамадству.

Памятаеце, у свой час паэт звяртаючыся да гісторыка ад імя грамадства патрабаваў аднаго:

«Все снова неясно, непросто –
Колеблются чаши весов.
В глазах от имен зарябило.
Осмысливай смолкшие дни,
Но помни –
что было, то было.
И как бы тебя не знобило,
Всю жесткую правду верни» [2, с. 10].

Упэўнены, што нават у наш прагматычны час гэтыя словы паэта не страцілі сваёй актуальнасці.

Важным напрамкам нашай дзейнасці з'яўляецца работа па выкарыстанні навуковых дасягненняў у ВНУ і школьных адукацыйных установах. Дадзены факт значна актуалізуецца ў сувязі са скарачэннем тэрміну навучання ў шэрагу ВНУ і змяншэннем колькасці гадзін, якія адводзяцца на курс «Гісторыя Беларусі». Дадзеная праблема будзе больш прадметна разгледжана ў выступленні дырэктара Інстытута гісторыі НАН Беларусі В. В. Даніловіча.

Жадаю паспяховай і плённай працы ўсім яе ўдзельнікам!

Дзякую за ўвагу.

ЛІТАРАТУРА

1. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 438 с.

2. Ошанин, Л. Историку // Л. Ошанин. Ты есть у меня или нет? Новая книга стихов. – М., 1999.

Александр Коваленя

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Резюме

В приветственном слове затронуты и проанализированы основные направления развития белорусской исторической науки на современном этапе. Названы основные проблемы и очерчены перспективы развития.

Alexander Kovalenja

SOME METHODOLOGICAL ISSUES OF BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary

In his welcoming speech, Alexander Kovalenja touched upon and analyzed major recent developments in Belarusian historical studies. He pointed out major problems and outlined prospects of development.

Пастуніў 18.12.2012 г.

МЕТАДАЛОГІЯ ГІСТОРЫІ

УДК 27-725-9(476)«1830/1831»:930.1

Наталля Анофранка (Мінск, Беларусь)

ДУХАВЕНСТВА Ў ПАЎСТАННІ 1830–1831 гг.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

Праблема ўдзелу святарства ў паўстанні 1830–1831 гг., у той ці іншай ступені, знайшла адлюстраванне як у айчыннай, так і ў замежнай гістарыяграфіі (у асноўным польскай). У польскай гістарыяграфіі праблема ўдзелу каталіцкага і ўніяцкага духавенства беларуска-літоўскіх губерняў разглядалася фрагментарна, у сувязі з аналагічнымі працэсамі ў Царстве Польскім. У той жа час польскія даследчыкі адзначалі, што рэакцыя вышэйшага каталіцкага і ўніяцкага духавенства беларуска-літоўскіх і ўкраінскіх зямель на паўстанне адрозніваласа ад рэакцыі вышэйшага кліра Царства Польскага. У беларуска-літоўскіх губернях «польскі дух» быў слабейшы, а святарства і шляхта былі больш звязаны з расійскім дзяржаўным апаратам, чым у Царстве Польскім [12, s. 45].

Гэта выснова не перашкаджала пэўнай ідэалізацыі пазіцыі беларуска-літоўскага духавенства. У першую чаргу польскія даследчыкі апелявалі да двух адозваў жмудскага біскупа Ю. Гедройца [10, s. 89; 12, s. 46]. Першы зварот да духавенства і насельніцтва, які Ю. Гедройц зрабіў ў красавіку 1831 г. (калі павет, дзе знаходзілася яго рэзідэнцыя, быў ахоплены паўстаннем), польская даследчыца Г. Дылянгова ахарактарызавала як «гарачая адозва» [10, s. 89]. У ёй біскуп удзел у паўстанні назваў заслугай і абавязкам. Аднак ужо ў другой адозве ў маі 1831 г., калі паўстанне ўтаймоўвалася пры дапамозе арміі, ён называў яго бунтам. Польскія даследчыкі змену поглядаў Ю. Гедройца тлумачылі ціскам на яго з боку расійскага ўрада [9, с. 80; 12, s. 46]. У сувязі з гэтым неабходна заўважыць, што пастарскую прамову ў падтрымку паўстання Ю. Гедройц выдаў пасля звароту да яго паўстанцаў падтрымаць іх адозву да насельніцтва [12, s. 46]. Таму выступленне Ю. Гедройца магло быць вымушаным крокам у небяспечных умовах узброенай барацьбы ў краі. На карысць такой версіі сведчаць паводзіны асобных каталіцкіх і ўніяцкіх святароў і настаяцеляў манастыроў на тэрыторыі занятай паўстанцамі. Пад ціскам ці па загадзе паўстанцаў яны чыталі паўстанцкія адозвы ці прыводзілі да прысягі насельніцтва, што было прызнана ў час следства [4, арк. 17; 5, арк. 46; 6, арк. 2 адв.]. Таксама звяртае на сябе ўвагу тое, што акрамя красавіцкай адозвы, фактаў падтрымкі біскупам Ю. Гедройцам паўстання ў Царстве Польскім няма. З пачаткам паўстання на польскіх землях ён не выклікаў перасцярогі як нядобранадзейны з боку расійскага ўрада. Пра гэта сведчыць урачыстая абвестка і віншаванні з 50-годдзем капланскага служэння Ю. Гедройца, якія былі змешчаны побач з прапагандысцкім матэрыялам аб падзеях у Царстве Польскім у шостым нумары «Літоўскага кур'ера» ад 14 студзеня 1831 г. [11].

Польскія гісторыкі звярнулі ўвагу на пазіцыю ўніяцкага мітрапаліта І. Булгака. На думку М. Жыўчынскага І. Булгак лічыў Польшчу сваёй радзімай і хацеў бы падтрымаць паўстанне. Такая выснова была зроблена на падставе аналізу тэксту пастарскага звароту [12, s. 46]. Аднак у самім звароце не толькі няма пацвярджэння таго, што ўніяцкі мітрапаліт лічыў Польшчу радзімай, але ўтрымліваецца выказванне, якое дэманструе дыстанцыянаванасць біскупаў ад польскага народа – «соплеменный нам польский народ» [7, арк. 2]. Прычыну таго, што І. Булгак не падтрымаў паўстанне, М. Жыўчынскі бачыў у яго асабістай нерашучасці, залежнасці ад расійскага ўрада, а таксама ў тым уплыве, які на яго аказваў І. Сямашка, які рэдагаваў пастарскі зварот [12, s. 45]. На думку Г. Дылянговай, тое што І. Булгак у сваёй адозве паўстанне называе бунтам, было выклікана тым, што ён не толькі ратаваў сябе і сваю пасаду, але і ўніяцкую царкву [10, s. 90]. На думку даследчыцы, з-за таго што паўстанцы змагаліся не толькі за свабоду краю, але і за рэлігію, епіскапы маглі б прыняць больш актыўны ўдзел у паўстанні. Але гэтаму супрацьдзейнічалі наступ праваслаўя і расійская сістэма залежнасці каталіцкага касцёла ад дзяржавы, а таксама магчымае нявер'е ў вынікі барацьбы, што прымушала біскупаў мяняць свае погляды [10, s. 90].

М. Жыўчынскі бачыў прычыну далучэння ніжэйшага каталіцкага духавенства беларуска-літоўскіх губерняў да паўстання ў незадаволенасці канфесійнай палітыкай расійскага ўрада, якая праводзілася напярэдадні паўстання [12, s. 51]. Сугучную думку выказала і Г. Дылянгова. Яна лічыла, што каталіцкае духавенства беларуска-літоўскіх зямель адчувала значна большы ціск з боку праваслаўнай дзяржаўнай улады, чым духавенства Царства Польскага. Таксама яна адзначыла, што духавенства Літвы і Русі нашмат больш было пакарана за ўдзел у паўстанні, чым духавенства з польскіх зямель [10, s. 94].

Называючы формы ўдзелу каталіцкага і ўніяцкага духавенства ў паўстанні на беларуска-літоўскіх землях, польскія даследчыкі вылучалі: выкананне функцый капеланаў у паўстанцкіх атрадах, агітацыю насельніцтва ў падтрымку паўстання, арганізацыю і кіраванне ўзброенымі атрадамі. Аднак пры гэтым прыводзіліся толькі адзінкавыя прыклады такой дзейнасці і адзінкавыя прозвішчы [12, s. 52]. Гэта не толькі не дазваляе вызначыць, якая форма ўдзелу каталіцкага і ўніяцкага духавенства ў паўстанні пераважала на беларуска-літоўскіх землях, але і ацаніць, наколькі масавы быў ўдзел духавенства ў рэзістансе.

У беларускай гістарыяграфіі тэма ўдзелу духавенства ў паўстанні 1830–1831 гг. пачала распрацоўвацца адносна нядаўна. Варта адзначыць, што ў 90-х гадах XX ст. беларускія даследчыкі ў значнай ступені патрапілі пад уплыў польскай гістарыяграфіі. Напрыклад, І. Ганчарук сцвярджаў, што ў паўстанні ў рознай ступені былі задзейнічаны ўсе іерархічныя структуры каталіцкай царквы – біскупы, святары, дыяканы, а таксама царкоўнаслужыцелі і манахі. Лічба тых, хто асудзіў паўстанне, пазначалася значна меншай, і, галоўным чынам, гэта прадстаўнікі вышэйшага духавенства. Услед за польскімі даследчыкамі І. Ганчарук выказаўся пра немагчымасць даць адназначную ацэнку іх дзейнасці. Бо яны ў большай ступені залежалі ад цэнтральных улад і пад прымусам агучвалі пастарскія пасланні з асуджэннем паўстання [1, с. 633].

Адыход ад польскай гістарыяграфічнай традыцыі назіраецца ў манаграфіі В. Гарбачовай. Даследчыца сцвярджала, што адносіны духавенства беларуска-літоўскіх губерняў да паўстання 1830–1831 гг. не былі аднолькавымі. Вярхі каталіцкага і ўніяцкага кліру рашуча выступілі супраць паўстання, імкнучыся ўтрымаць ад удзелу падпарадкаванае ім духавенства [2, с. 136]. У публікацыі А. Карповіча, прычына выступу вышэйшага духавенства супраць паўстання зводзілася не толькі да залежнасці ад расійскага ўрада, але палягала ў рэчышчы асабістых і маёмасных інтарэсаў. Вышэйшае царкоўнае кіраўніцтва баялася згубіць аўтарытэт і ўплыў, а галоўным чынам значную асабістую маёмасць. Вышэйшаму каталіцкаму духавенству ў 1831 г. належала 19 319 сялян мужчынскага полу, якія прыносілі 154 331 рублёў серабром гадавога прыбытку. Той жа біскуп Ю. Гедройц штогадова меў прыбытак ад уласных маёнткаў да 20 тысяч рублёў серабром [3, с. 63].

Беларускія даследчыкі вылучаюць прычыны, якія паўплывалі на ўцягванне ў паўстанне 1830–1831 гг. прадстаўнікоў сярэдняга і ніжэйшага каталіцкага і ўніяцкага духавенства. На думку І. Ганчарука, фактары, якія ўплывалі на актыўнасць каталіцкага святарства беларуска-літоўскіх губерняў, былі – арганізацыйна-іерархічнае падпарадкаванне не Варшаве, а Магілёўскаму архібіскупу, які знаходзіўся ў Пецярбургу; іншым, чым у Польшчы было адміністрацыйнае і нацыянальнае становішча на тэрыторыі Беларусі, дзе большасць насельніцтва складалі беларусы [1, с. 634].

Іншы падыход да фактараў, якія паўплывалі на ўдзел духавенства ў паўстанні, адлюстраваны ў манаграфіі А. Філатавай. Паводле даследчыцы, прысутнасць каталіцкага святарства ў паўстанні 1830–1831 гг. сведчыла пра захаванне ідэалаў Рэчы Паспалітай сярод каталіцкага і ўніяцкага духавенства, традыцыйнасці ў сістэме адукацыі, прыналежнасці духавенства да вышэйшага саслоўя былой Рэчы Паспалітай. Асноўнай прычынай удзелу святарства ў паўстанні было тое, што каталіцкая царква ўсё яшчэ захоўвала сваё ўплывовае палажэнне ў грамадстве беларуска-літоўскіх губерняў і не хацела яго губляць. А. Філатава выказала думку, што менавіта дачыненне некаторых святароў да паўстання 1830–1831 гг. дало магчымасць ураду Расійскай імперыі ў наступныя гады праводзіць больш паслядоўную палітыку ў дачыненні да каталіцкай царквы [9, с. 82].

На думку В. Гарбачовай, у асноўным у паўстанні ўдзельнічалі прадстаўнікі ніжэйшых і сярэдніх слаёў каталіцкага кліру, якія кіраваліся сваім асабістым выбарам. Пры гэтым яна адзначыла высокую актыўнасць манаства некаторых каталіцкіх манастыроў – Драгічынскі францысканскі кляштар, Лідскі піярскі кляштар, Глыбоцкі кармеліцкі кляштар, піярскі кляштар у Лужках, картэзіянскі кляштар у Картуз-Бярозе, Навагрудскі дамініканскі кляштар [2, с. 136].

Беларускія гісторыкі звярнуліся і да выяўлення форм удзелу каталіцкага і ўніяцкага духавенства беларуска-літоўскіх зямель ў паўстанні. А. Філатава адзначыла, што ксяндзы і манахі розных ордэнаў чыталі ў храмах звароты паўстанцкага камітэту, прымалі прысягу на вернасць (прыводзілі да прысягі), некаторыя накіроўваліся ў паўстанцкія атрады [9, с. 80]. У сваю чаргу В. Гарбачова вылучыла наступныя формы актыўнасці і ўдзелу – прывядзенне да прысягі; прапаганда паўстання і распаўсюджванне ў парафіях паўстанцкіх пракламацый; збор грашовых ахвяраванняў, зброі, харчавання, амуніцыі для паўстанцаў; знаходжанне святароў у якасці капеланаў у паўстанцкіх атрадах. Паводле даследчыцы вышэйшай формай удзелу каталіцкага кліру ў паўстанцкім руху была барацьба са зброяй у руках супраць расійскіх войскаў, а таксама стварэнне і кіраўніцтва асобнымі атрадамі [2, с. 136–137]. Асноўная функцыя, якую выконвала на яе думку духавенства – «гэта ідэалагічны ўплыў на прыхаджан, стварэнне для разгортвання паўстання найбольш спрыяльнай атмасферы, выкарыстанне рэлігійных пачуццяў для прыцягнення ў паўстанцкі рух» [2, с. 138].

А. Радзюк, даследуючы ўдзел духавенства ў паўстанні ў Гродзенскай губерні, зрабіў спробу выявіць формы ўдзелу, уласцівыя для белага і чорнага духавенства. Так, чорнае духавенства актыўна садзейнічала распаўсюджанню ўзброенай барацьбы праз агітацыю. Пры гэтым ён фіксуе выпадкі такой агітацыі яшчэ ў снежні 1830 г. Гэта дзейнасць чор-

нага духавенства ў плане агітацыі і прапаганды яшчэ больш актывізавалася пасля пачатку паўстання ў Літве і Беларусі [8, с. 219–220]. У адрозненні ад белага, чорнае духавенства не мела такой магчымасці ўплываць на насельніцтва. Манахі ўзаемадзейнічалі непасрэдна з паўстанцамі, калі населеныя месцы патраплялі пад кантроль інсургентаў. Менавіта ў гэты час манахі актыўна агітавалі насельніцтва далучыцца да паўстання, уступаць у іх атрады. А. Радзюк адзначыў, што менавіта падчас знаходжання паўстанцаў у Лідзе, Ашмянах, Лужках, Маладзечне, Радашковічах, Глыбокім, Вілейцы, Бярозе-Картузскай, Драгічыне актывізавалася дзейнасць манахаў мясцовых каталіцкіх ордэнаў. Аўтар прыходзіць да высновы, што падтрымка манахамі паўстанцаў садзейнічала павелічэнню паўстанцкіх шэрагаў [8, с. 220]. Таксама А. Радзюк адзначыў удзел манахаў ў паўстанцкіх атрадах, дзе выконвалі функцыі капеланаў, арганізацыі паўстанцкіх атрадаў, у некаторых мясцовасцях духавенства ўваходзіла ў склад павятовых паўстанцкіх камітэтаў. Акрамя таго, прадстаўнікі духавенства прыводзілі да прысягі інсургентаў, збіралі, выраблялі зброю, ахвяравалі грашовыя сродкі, давалі прытулак паўстанцам, служылі святочныя службы, пастаўлялі апалчэнцаў [8, с. 221].

Як бачна, вызначэнне форм удзелу прадстаўнікоў духавенства ў паўстанні 1830–1831 гг. у беларускіх гісторыкаў практычна супадае. У той жа час даследчыкі падаюць удзел каталіцкага кліру ў паўстанцкім руху як цалкам добраахвотны. Факт прымусу ці вымушанасці выбару той ці іншай стратэгіі паводзін у надзвычайных умовах узброенай барацьбы ў той ці іншай мясцовасці ўлічваецца ў меншай ступені.

Разнастайныя формы ўдзелу, а таксама апісанні дзеянняў канкрэтных духоўных асоб прыводзяць да праблемы ацэнкі актыўнасці і той ролі, якую адыграла каталіцкае і ўніяцкае духавенства ў паўстанні ў беларуска-літоўскіх губернях. Услед за польскай гістарыяграфічнай традыцыяй, удзел сярэдняга і ніжэйшага духавенства ў паўстанні на беларуска-літоўскіх землях ацэньваецца як актыўны [1, с. 634; 2, с. 136; 3, с. 63]. Напрыклад, А. Радзюк прыйшоў да высновы, што каталіцкае духавенства з'яўлялася адным з асноўных рухаючых элементаў паўстання на землях Беларусі, што духавенства беларуска-літоўскіх губерняў больш актыўна падтрымала паўстанне, чым каталіцкі клір у Царстве Польскім [8, с. 221]. У сувязі з гэтым істотнае значэнне маюць звесткі пра колькасць прадстаўнікоў каталіцкага і ўніяцкага духавенства, якія бралі ўдзел у паўстанцкім руху. В. Гарбачова ў сваёй манаграфіі прывяла статыстычныя звесткі па беларуска-літоўскіх губернях і вызначыла, які працэнт ад агульнай колькасці паўстанцаў складалі прадстаўнікі духоўнага саслоўя. Так, па Гродзенскай губерні католікаў – 39, уніятаў – 6, праваслаўных –2; па Мінскай – католікаў 39, уніятаў 6, праваслаўных 1; у беларускіх паветах Віленскай губерні католікі – 23, уніяты – 3; а ў Віцебскай і Магілёўскай губернях святарства не ўдзельнічала ў паўстанцкім руху. Такім чынам, усяго ў паўстанні з духавенства бралі ўдзел 101 каталік (4,5% ад усіх паўстанцаў), 18 уніятаў (0,8%), 3 праваслаўныя (0,1%) [2, с. 127]. Таксама статыстычныя даныя па ўдзелу духавенства ў паўстанні прывёў А. Карповіч. Паводле яго падлікаў у беларускіх паветах Віленскай губерні ў паўстанні ўдзельнічалі 22 духоўныя асобы (19 католікаў, 2 уніяты і 1 праваслаўны), у Віцебскай губерні – 4 (католікі), Гродзенскай губерні – 65 (57 католікаў і 8 уніятаў), Мінскай губерні – 70 (56 католікаў і 14 уніятаў), Магілёўскай губерні – 1 уніяцкі святар. Такім чынам, усяго ў паўстанні ўдзельнічалі 162 прадстаўнікі духоўнага саслоўя (136 католікаў, 25 уніятаў, 1 праваслаўны) [3, с. 64]. А. Карповіч вызначыў, што па Мінскай губерні ад агульнай колькасці каталіцкага духавенства ўдзельнікі паўстання складалі ўсяго 13,8% [3, с. 64].

Прыведзеныя даныя (хаця і маюць пэўныя разыходжанні) паказваюць, што ўдзел каталіцкага духавенства ў паўстанні быў заўважны, але ў той жа час падцвярджаюць выснову А. Філатавай, аб тым, што значная частка духавенства (а як паказваюць даныя – падаўляючая частка) увогуле не брала ўдзел у паўстанні або аказвала пасіўную дапамогу [9, с. 80]. Прычыну неўдзелу часткі каталіцкага духавенства ў паўстанні І. Ганчарук тлумачыў супрацоўніцтвам з расійскім урадам ці іх перакананнем ў недапушчальнасці для хрысціян узброенага спосабу барацьбы [1, с. 634]. Аднак такое тлумачэнне з улікам таго вялікага працэнта прадстаўнікоў духавенства, што не прынялі ўдзел, можа прывесці да высновы, што большасць каталіцкага кліру падтрымлівала менавіта расійскі ўрад. А гэта, у сваю чаргу, не спалучаецца з негатыўным і падазроным стаўленнем расійскай адміністрацыі да каталіцкага духавенства ў час паўстання, а таксама са зменамі канфесійнай палітыкі царскага ўрада пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. Такім чынам, каб аб'ектыўна паказаць ролю і ўдзел каталіцкага і ўніяцкага духавенства ў падзеях паўстання 1830–1831 гг. неабходна разглядаць не толькі святароў – удзельнікаў паўстання, але выявіць прычыны таго, што ўтрымала большую частку каталіцкага і ўніяцкага духавенства ад удзелу ў паўстанцкім руху на беларуска-літоўскіх землях. У сваю чаргу, такі падыход зверне ўвагу беларускіх гісторыкаў на праблему ўзаемаадносін расійскага ўрада і насельніцтва беларуска-літоўскіх губерняў у час падзей 1830–1831 гг., на праблему узаемадачыненняў паўстанцаў і насельніцтва, а таксама на выбар стратэгіі паводзін жыхароў (у тым ліку і духавенства) ва ўмовах знаходжання ў тыле дзеючай арміі і ў час узброеных хваляванняў у асобных мясцовасцях.

ЛІТАРАТУРА

1. Ганчарук, І. Г. Да пытання аб ролі каталіцкай царквы ў вызваленчым руху Беларусі ў XIX ст. / І. Г. Ганчарук // Наш радавод. Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XVIII – пач. XX стст.»: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Гродна, 28 верасня – 1 кастрычніка) 1992 г. Кн. 4 (частка 3). Гродна, 1992. – С. 633–642.
2. Гарбачова, В. В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі / В. В. Гарбачова. – Мінск: Бел. дзярж. ун-т, 2001. – 184 с.
3. Карпович, О. В. Участие христианского духовенства Беларуси в освободительном движении 30-х годов XIX века / О. В. Карпович // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. гуманитар. наук. – Новополоцк: Полоцкий государственный университет. – 2011. – № 9. С. 63–67.
4. НГАБ. – Фонд 561. – Воп. 1. – Спр. 3. Алфавитный список всех лиц о коих производилась переписка в Минской губернской комиссии высочайше утвержденной по делам о бывшем в 1831 году мятеже. Часть вторая К-П.
5. НГАБ. – Фонд 561. – Воп. 1. – Спр. 5. Копия алфавитного списка всех лиц коих производилась переписка в Минской губернской комиссии высочайше утвержденной по делам объявившим в 1831 г. мятеж. (Р – Я).
6. НГАБ. – Фонд 1297 – Воп. 1. – Спр. 5436. Дело о предоставлении могилевского губернатора о доставлении сведений о монахе Бернардинского ордена Ясевиче (1831).
7. НГАБ. – Фонд. 1430. – Воп. 1. – Спр. 2788. Обращение митрополита Греко-униатской церкви И. Булгака. (20 января 1831 г.). Арк. 2
8. Радзюк, А. Р. Удзел духавенства ў нацыянальна-вызваленчым руху 30-х гг. XIX ст. на Беларусі / А. Р. Радзюк // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2009. – Ч. 2. – С. 219–223.
9. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск: Беларус. навука, 2006. – 192 с.
10. Dylągowa, H. Duchiwieństwo katolickie wobec sprawy narodowej (1764–1864). / H. Dylągowa. – Lublin: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego KUL, 1983. – 196 s.
11. Kuryer Litewski № 6. 14 студзеня 1831 г.
12. Żywzcyński, M. Watykan wobec powstania list opadowogo / M. Żywzcyński. – Kraków: Universitas, 1995. – 137 s.

Наталья Анофренко

ДУХОВЕНСТВО В ВОССТАНИИ 1830–1831 гг: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Резюме

В статье проведен историографический обзор малоисследованной в белорусской исторической науке темы – участие духовенства белорусско-литовских земель в восстании 1830–1831 гг. Было выявлено, что основное внимание историков сосредотачивалось на отношении высшего и низшего католического и униатского духовенства к восстанию, на основных формах участия представителей духовенства в восстании, а так же на количественном составе клириков в повстанческом движении. В то же время причины не участия подавляющего количества духовенства в восстании, взаимоотношения католического и униатского духовенства как с российским правительством, так и с повстанцами требуют дальнейшего исследования.

Natallia Anofranka

CLERGY IN THE 1830–1831 INSURRECTION: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Summary

The article provides an overview of studies devoted to participation of clergy in the 1830–1831 insurrection. It is stated that historians focus on the highest and lowest ranks of the clergy, forms of participation and on various quantitative aspects. At the same time, the reason for non-participation of the overwhelming number of clergy, relations between Catholic and Uniate clergy as well as their relations to Russian government require further research.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК 327(476:4-470)«1919/1921»

Вольга Бароўская (Мінск, Беларусь)

ПРАБЛЕМА ПЕРЫЯДЫЗАЦЫІ ПОЛЬСКА-САВЕЦКІХ ПЕРАГАВОРАЎ 1919–1921 гг. ВЫЗНАЧЭННЕ МЕСЦА БЕЛАРУСКАГА ПЫТАННЯ

Беларускае пытанне – сістэма ўзаемазвязаных паміж сабой тэрытарыяльных, дзяржаўна-палітычных, ваенных, сацыяльна-эканамічных, культурных праблем, звязаных з лёсам беларускіх зямель, якія былі разгледжаны на польска-савецкіх перагаворах 1919–1921 гг.

Перагаворы – адзін з метадаў альтэрнатыўнага ўрэгулявання (у параўнанні з ваеннымі спосабамі) спрэчных сітуацый паміж Польшчай і РСФСР. Камунікацыя паміж бакамі адбывалася шляхам прамых формаў перагавораў-сустрэч (Белавежа, Мікашэвічы, Мінск, Рыга) ці апасродкавым шляхам – праз накіраванне рознага віду дакументаў дыпламатычнай перапіскі (асабістыя і вербальныя ноты, мемарандумы, звароты). Польска-савецкія перагаворы адбываліся ў часавым прамежку 30 снежня 1918 г. – 18 сакавіка 1921 г. у рамках пяці этапаў, вылучэнне якіх адбывалася ў залежнасці ад прыняцця бакамі той або іншай формы вырашэння беларускага пытання пад уплывам агульнага ваенна-аператыўнага становішча на Заходнім фронце.

Пераважна ў польскай і савецкай гістарыяграфіі складанне цэласнай карціны польска-савецкіх перагавораў сутыкалася з праблемай вызначэння моманту пачатку перагаворнага працэсу. Савецкая гістарыяграфія за кропку адліку прымае 22 снежня 1919 г. [1] або 28 студзеня 1920 г. [2], ці наогул за першапачатковы прымае мінскі этап перагавораў (жнівень – верасень 1920 г.) [3], часта ў некаторых даследчыкаў сустракаецца ўспамін непасрэдна пра рыжскія сустрэчы [4]. У рамках польскай гістарыяграфіі падаецца больш грунтоўнае апісанне розных этапаў перагавораў, якія часцей распачынаюць з лютага 1919 г. (місія А. І. Венцкоўскага) [5], але на жаль да гэтага часу не было створана цэласнай сістэмы перагаворнага працэсу.

Пачатак польска-савецкім перагаворам быў пакладзены 30 снежня 1918 г., накіраваннем асабістай ноты Народнага камісарыята замежных спраў РСФСР да Міністэрства замежных спраў Польшчы, у якой упершыню ўзгадваецца беларускае пытанне ў якасці спрэчнага для польскага і савецкага бакоў. Польшча спрабуе перакласці адказнасць за пачатак ваенных дзеянняў на савецкі бок, накіроўвае абвінавачванне ў правядзенні «імперыялістычнай і агрэсіўнай палітыкі», у заняцці часткі беларускіх зямель, якія з'яўляюцца «бяспрэчна польскімі» [6, с. 17]. Лагічны канец перагавораў адзначаецца падпісаннем канчатковага мірнага дагавору ў Рызе 18 сакавіка 1921 г.

Пачатаковы этап польска-савецкіх перагавораў абмежаваны адрэзкам 30 снежня 1918 г. – сярэдзіна чэрвеня 1919 г.: сітуацыя першых дыпламатычных і ваенных сутыкненняў паміж бакамі, агучвання магчымых узаемавыключаючых формаў вырашэння беларускага пытання – савецкай мадэлі і польскіх: інкарпарцыянісцкай і федэралістычнай мадэляў.

Непасрэднай прычынай дыпламатычнай перапіскі паміж бакамі стаў факт актыўнага прасоўвання войскаў Чырвонай Арміі ўглыб беларускіх зямель. Камандуючы Заходняй арміяй А. Снесароў выдаў загады ад 9 і 13 снежня 1918 г., у якіх Чырвонай Арміі ставілася задача выйсці на лінію Вільна – Гродна – Масты – Лунінец – Пінск, не ўрывацца ў этнаграфічныя межы Польшчы [7, с. 78]. Кіраўніцтва РСФСР лічыла, што, калі яны спыняцца на гэтай лініі, то этнічная мяжа польскай дзяржавы не будзе парушана. Польскія ж улады бачылі сітуацыю з іншага боку. Усталяванне савецкай улады ў Беларусі і размяшчэнне на яе тэрыторыі частак Чырвонай Арміі ўжо былі расцэнены палякамі як акупацыя польскіх тэрыторый. Польскія ўлады адмовіліся наладзіць дыпламатычныя зносіны з РСФСР і прызнаваць нацыянальныя савецкія рэспублікі, якія былі створаны ў канцы 1918 – пачатку 1919 г. у Беларусі, Украіне і Прыбалтыцы.

Этап адзначаецца накіраваннем Польшчай «спецыяльнай» місіі А. І. Венцкоўскага ў Маскву для вырашэння справы Расійскага Таварыства Чырвонага Крыжа. Згодна з меркаваннямі Ю. Мархлеўскага, сапраўднай прычынай місіі А. І. Венцкоўскага была «неабходнасць рэабілітаваць сябе перад сусветнай грамадскай думкай у сувязі з інцыдэнтам з місіяй Чырвонага Крыжа» і «замаскіраваць свае захопніцкія планы, узбудзіць надзеі на мірнае вырашэнне канфлікту» [8, с. 129–130]. Хоць у польскай гістарыяграфіі існуе супрацьлеглы пункт гледжання, згодна з якім місія Венцкоўскага мела на мэце «дасягнуць кампраміс паміж бакамі і такім чынам спрыяць мірнаму вырашэнню спрэчных пытанняў» [9, s. 127–128]. Асновай для пабудовы апошняга тэзіса выступаюць прапановы Цэнтральнага Рабочага камітэта ППС да ЦК РКП(б), якія былі прадстаўлены савецкаму кіраўніцтву А. І. Венцкоўскім, аб «усталяванні мяжы на аснове самавызначэння насельніцтва спрэчных тэрыторый шляхам поўнага вываду пабочных войскаў і правядзення галасавання ва ўмовах поўнай свабоды» [10, s. 33]. Прапановы ППС савецкім кіраўніцтвам былі ўспрыняты

ў асноўным станоўча, аднак з унясеннем некаторых дапаўненняў: 25 сакавіка 1919 г. была выказана згода на правядзенне плебісцыта «працоўных мас» на тэрыторыі Літвы і Беларусі пры ўмове вываду «чужых войскаў» [6, с. 76]. Катэгорыя «чужыя войскі» распаўсюджвалася выключна толькі на польскія вайсковыя часткі, якія да сярэдзіны сакавіка 1919 г. авалодалі Слонімам і Пінскам, Ваўкавыскам, Брэстам, Скідзелем, вілейска-маладзечанскім раёнам. Вайсковыя адзінкі Чырвонай Арміі, прадстаўленыя часткамі Заходняга фронту, прызнаваліся ў якасці ўзброеных сіл новаўтворанай Літ-БелССР, і таму не траплялі ў катэгорыю «чужых войскаў».

Савецкае кіраўніцтва напярэдадні перагавораў мела надзеі вырашыць мірным шляхам усе спрэчныя пытанні паміж бакамі, у тым ліку і «тэрытарыяльныя спрэчкі» з урадамі савецкіх рэспублік Літвы і Беларусі, «да якіх мы маем намер звярнуцца з прапановай нашых паслуг з мэтай дапамагчы ў вырашэнні гэтых пытанняў» [9, s. 127–128] і стварэнні змешанай камісіі з прадстаўнікоў Літвы, Беларусі і Польшчы [10, s. 114–115]. Таму да справы сустрэчы польскай дэлегацыі савецкае кіраўніцтва аднеслася надзвычай сур'ёзна, для яе суправаджэння быў прыстаўлены экскорт на чале з А. Песткоўскім [11, л. 6–7]. Але разлікі на мірную дамову паміж бакамі не былі рэалізаваны.

Пасля азнаямлення з прадстаўленымі дакументамі савецкае кіраўніцтва вызваліла частку інтэрніраваных асоб, была створана змешаная польска-савецкая камісія па вырашэнні справы заложнікаў, у склад якой уваходзіла па тры прадстаўнікі ад кожнага боку. Прапановы аб пачатку перагавораў па тэрытарыяльных пытаннях, а таксама прыняцце ўмовы аб правядзенні плебісцыта на тэрыторыі Літвы і Беларусі засталіся без адказу. Польскі ўрад, які не разглядаў магчымасць дасягнення паразумення дыпламатычным шляхам, заявіў, што «паўнамоцтвы Венцкоўскага абмяжоўваюцца толькі вызваленнем заложнікаў» [12, с. 55]. Пачатак ваенных дзеянняў палякаў замарудзіў правядзенне і ажыццяўленне мірных ініцыятыў абодвух бакоў. Узаемаадносіны звяліся да накіравання пратэстаў у адрас Польшчы аб незаконным захопе памежных тэрыторый.

Другі этап польска-савецкіх перагавораў або белавежска-мікашэвіцкі цягнуўся з канца чэрвеня па канец снежня 1919 г. Прычыны, асноўны змест, вынікі сустрэч у Белавежы і Мікашэвічах былі прадвызначаны ходам грамадзянскай вайны ў Расіі, адносінамі краін Антанты і ЗША да польскай і рускай праблем, ходам польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Польска-савецкае збліжэнне праз вядзенне неафіцыйных (тайных) перагавораў у ліпені, кастрычніку–снежні 1919 г. было выклікана непасрэднымі поспехамі «белых» войскаў на Усходнім (май–чэрвень 1919 г.) і Паўднёвым (жнівень–кастрычнік 1919 г.) франтах грамадзянскай вайны. Незацікаўленасць кіраўнікоў антыбальшавіцкіх сіл у стварэнні самастойнай польскай дзяржавы выклікала імкненне польскага кіраўніцтва да заключэння часовага перамір'я на Заходнім фронце, каб такім чынам змяніць раўнавагу сіл на адзначаных франтах грамадзянскай вайны на карысць Савецкай Расіі. Арганізацыя польска-савецкага дыялогу адбывалася ва ўмовах павышанай сакрэтнасці і была абумоўлена імкненнем польскага кіраўніцтва (у першую чаргу бельведэрскага лагера) захаваць у тайне ад краін Антанты і ЗША і ад палітычных апанентаў сам факт вядзення пэўных палітычных перагавораў. Неафіцыйны (тайны) характар місіі Ю. Мархлеўскага падкрэсліваў важнасць пытанняў, якія абмяркоўваліся падчас сустрэч. Уключэнне пытанняў гуманітарнага напрамку ў спіс праблематыкі служыла толькі прыкрыццём, своеасаблівай шырмай для абмеркавання палітычных праблем. Адбывалася ўскоснае агучванне беларускага пытання ў выглядзе польскай федэралісцкай і савецкай мадэлі, бакамі была дасягнута дамоўленасць аб усталяванні дэмаркацыйнай лініі: Ноўгарад-Валынскі (Звягель) – Алеўск (па лініі Сарны – Ковель) – р. Пціч – Бабруйск з апорай на Бярэзіну – Бярэзінскі канал – р. Дзвіна з утварэннем нейтральнай дзесяцікіламетровай зоны.

Трэці або барысаўскі этап – студзень–май (чэрвень) 1920 г. Этап не адзначаны непасрэдна наладжваннем польска-савецкіх сустрэч, мірныя прапановы бакоў насілі стратэгічны характар, з'яўляліся часткай ваенных акцый. Кіраўніцтва абодвух бакоў пачало актыўную падрыхтоўку да будучых ваенных кампаній (польскае наступленне красавіка – мая 1920 на Паўднёва-Заходнім фронце, майскае і чэрвенскае наступленне Чырвонай Арміі на Паўночна-Заходнім фронце), таму дасягненне пэўнага кампрамісу паміж бакамі, прыняцце той або іншай формы вырашэння беларускага пытання было немагчымым. Дыпламатычная перапіска паміж кіруючымі органамі адказных за міжнародную дзейнасць звялася да ўзаемных абвінавачванняў, мела на мэце высветліць агульную пазіцыю бакоў адносна спрэчных пытанняў, магчымасць атрымання пэўных стратэгічных уступак, патрабаванні бакоў былі значна завышаны (напрыклад польскія тэрытарыяльныя патрабаванні ў межах 1772 г.).

Мінскі – жнівень–верасень 1920 г. – этап адзначаецца сустрэчамі дэлегацый абодвух бакоў у Баранавічах (1 жніўня 1920 г.) і Мінску (17 жніўня – 2 верасня 1920 г.). З пераносам у пачатку жніўня 1920 г. баявых дзеянняў на тэрыторыю Польшчы выразна праступілі палітычныя матывы і мэты вайны з боку савецкага ўрада. З абарончай яна пераўтварылася ў сродак экспарту сусветнай рэвалюцыі. Ва ўмовах, якія склаліся, магчымасць мірнага вырашэння польска-савецкага супрацьстаяння была мінімальнай. Сустрэча польскай дэлегацыі на чале з віцэ-міністрам замежных спраў В. Урублеўскім з упаўнаважаным Заходняга фронту К. І. Шутко і ўпаўнаважаным Генеральнага штаба Лбовым, якая адбылася 1 жніўня 1920 г. у Баранавічах, закончылася безвынікова. Фармальнай падставай для правалу з'явілася тое, што

паўнамоцтвы польскай дэлегацыі былі падпісаны Галоўным камандаваннем, а не польскім урадам, таму польская дэлегацыя, на думку савецкага кіраўніцтва, не мела паўнамоцтваў на заключэнне перамір'я. Значна завышаныя патрабаванні савецкага боку падчас мінскага этапу перагавораў, якія не ўлічвалі змены ваенна-аператыўнага становішча, тым не менш паслужылі асновай для працягу перагавораў ў Рызе.

Заключным звяном польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг. стала мірная канферэнцыя ў Рызе. Храналагічна рыжскія польска-савецкія перагаворы можна падзяліць на два этапы: 1) з 21 верасня па 12 кастрычніка 1920 г. – перыяд пошуку кампрамісу паміж бакамі шляхам узаемных уступак, вырашэння тэрытарыяльнага пытання і праблемы самавызначэння нацый, падрыхтоўкі і падпісання прэлімінарнага мірнага трактата. Беларускае пытанне разглядалася дзвюма дэлегацыямі без непасрэднага ўдзелу беларускіх прадстаўнікоў у якасці самастойнай дэлегацыі; 2) з 17 лістапада 1920 г. па 18 сакавіка 1921 г. – перыяд падрыхтоўкі і падпісання канчатковага мірнага дагавора, урэгулявання спрэчных фінансава-эканамічных, юрыдычных, тэрытарыяльных пытанняў. Увага на беларускае пытанне звярталася ўскосна падчас карэктыроўкі мяжы паміж бакамі пры вырашэнні некаторых эканамічных аспектаў. Першы этап рыжскіх польска-савецкіх перагавораў стаў лёсавызначальным для беларускіх зямель. Падчас мірнай канферэнцыі былі прадстаўлены розныя варыянты вырашэння будучыні тэрыторыі Беларусі, выбар на карысць той або іншай альтэрнатывы, на жаль, ажыццяўляўся без удзелу зацікаўленага боку, беларускія прадстаўнікі выступалі ў якасці назіральнікаў у складзе польскай ці савецкай дэлегацый. Беларускае пытанне, у адрозненні ад іншых спрэчных момантаў рыжскіх польска-савецкіх перагавораў, не было дакладна вызначана напярэдадні кіраўніцтвам абодвух бакоў, прапанаваныя старшыням дэлегацый інструкцыі проста абыходзілі яго сваёй увагай. Пастаянныя змены ў ваенна-аператыўным становішчы на фронце (прасоўванне польскіх войскаў углыб беларускіх зямель, намаганні Ю. Пілсудскага па рэалізацыі федэралістычнай праграмы шляхам супрацоўніцтва з дзеячамі Найвышэйшай Рады БНР, актывізацыя ваенных дзеянняў П. М. Урангелем) прымушалі кіраўніцтва Савецкай Расіі мець у запасе некалькі магчымых шляхоў вырашэння беларускага пытання.

Сумяшчэнне дзвюх альтэрнатыў вырашэння спрэчных пытанняў (ваеннай і перагаворнай), выкарыстанне перагаворнага працэсу ў ваенна-стратэгічных мэтах адлюстроўваюць складаны і супярэчлівы характар узаемаадносін паміж варагуючымі бакамі. Складанне цэласнай сістэмы польска-савецкіх перагавораў 1919–1921 гг., іх перыядызацыя дазволіць паказаць эвалюцыю і варыятыўнасць формаў вырашэння беларускага пытання.

ЛІТАРАТУРА

1. Шчарбакоў, В. К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і белапольская акупацыя / В. К. Шчарбакоў. – Мінск: Белдзярж. выд-ва, 1930. – 127 с.; Каменская, Н. В. Белорусский народ в борьбе за Советскую власть / Н. В. Каменская. – Минск: изд-во АН БССР, 1963. – 263 с.; Кузьмин, Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты / Н. Ф. Кузьмин. – М.: Госполитиздат, 1958. – 344 с.

2. Шкляр, Е. Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюции (1919–1920 гг.) / Е. Н. Шкляр. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1962. – 176 с.; Ісачанка, С. М. Правал амерыкана-англійскіх агрэсіўных планаў у Беларусі ў 1917–1920 гг. / С. М. Ісачанка. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1954. – 118 с.; Лочмель, І. Ф. Барацьба беларускага народа супраць інтэрвентаў / І. Ф. Лочмель. – Мінск: Дзярж-выд. пры СНК БССР, 1940. – 114 с.

3. Тихомиров, А. В. Фактор Беларуси в процессе советско-польского мирного урегулирования (1920–1921 гг.) / А. В. Тихомиров. // Российские и славянские исследования / Белорусский государственный университет. – Минск: БГУ, 2008. – Вып. 3: в 2 ч. – Ч. 1. – С. 93–100.

4. Маргунский, С. П. Создание и упрочение Белорусской государственности, 1917–1922 / С. П. Маргунский. – Минск: Изд-во акад. наук БССР, 1958. – 258 с.

5. Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski. 1864–1945: w 3 t. / W. Pobóg-Malinowski. – Paryż-Londyn, 1953–1960. – T. 1: 1914–1939. – 1956. – 687 s.; Gostyńska, W. Tajne rokowania polsko-radzieckie w Mikaszewiczach (sierpień – grudzień 1919) / W. Gostyńska // Z pola walki. – 1967. – №4. – S. 53–79.; Sieradzki, J. Białawieża i Mikaszewicze, mity i prawdy. Do genezy wojny pomiędzy Polską a RSFrR w 1920 r. / J. Sieradzki. – Warszawa: wydawnictwo Ministerstwa obrony Narodnej, 1959. – 115 s.; Kumaniecki, J. Pokój polsko-radziecki 1921. / J. Kumaniecki. –Warchawa: Biblioteka Narodowa, 1985. – 240 s.; Wandycz, P. S. Soviet-polish relations: 1917–1921 / P. S. Wandycz. – Cambridge: Harvard University Press, 1969. – 403 p.

6. Документы внешней политики СССР: у 24 т. – Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. / ред. кол. Г. К. Деев [и др.]. – М., 1958. – 803 с.

7. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. – Минск: Экономпресс, 2011. – 416 с.

8. Черных, М. М. Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. / М. М. Черных. – М.: ИСБ, 1990. – 229 с.

9. Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski. 1864–1945: w 3 t. / W. Pobóg-Malinowski. – Paryż-Londyn, 1953–1960. – T. 1: 1914–1939. – 1956. – 687 s.

10. Gostyńska, W. Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. / W. Gostyńska. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 414 s.

11. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі. – Фонд 122. – Воп. 1. – Спр. 14. Перапіска Іофэ з НКЗС (з Мінска і Вільна) аб прыездзе з Польшчы місіі Венцкоўскага і пра перагаворы з ім. – 52 л.

12. Версальский мирный договор / под ред. Ю. В. Ключникова, А. В. Сабанинова. – М.: Литиздат НКИД, 1925. – 198 с.

Ольга Боровская

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1919–1921 гг. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА БЕЛОРУССКОГО ВОПРОСА

Резюме

Белорусский вопрос – система взаимосвязанных между собой территориальных, государственно-политических, военных, социально-экономических, культурных проблем, связанных с решением судьбы белорусских земель, которые рассматривались на польско-советских переговорах 1919–1921 гг. Польско-советские переговоры происходили во временном промежутке 30 декабря 1918 г. – 18 марта 1921 г., в рамках пяти этапов, выделение которых происходило в зависимости от принятия сторонами той или иной формы разрешения белорусского вопроса, под влиянием общего военно-оперативного положения на Западном фронте.

Volha Barouskaya

PROBLEM OF PERIODIZATION OF THE POLISH-SOVIET NEGOTIATIONS 1919–1921. THE BELARUSIAN QUESTION POSITIONING

Summary

Belarusian question – system of interconnected regional, public and political, military, social, economic and cultural problems associated with the fate of the Belarusian lands that were considered in the Polish-Soviet negotiations 1919–1921. Polish-Soviet talks took place in a time interval of December, 30, 1918 – March, 18, 1921 in the framework of the five phases, the selection of which occurred according to the acceptance by the parties of any form of Belarusian question solutions and under the influence of a common military-operational situation on the Western Front.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК 930.251(476)(075.8)

Алексей Белявский (Минск, Беларусь)

НАУКА ОБ АРХИВАХ В БЕЛАРУСИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ПОСТМОДЕРНА

С XIX в. понятия «история» и «архив» рассматриваются в исторической науке и в архивоведении как тесно связанные, взаимодополняющие. Сохранится ли status quo в XXI в.? Возможно, сейчас подобное сомнение покажется неуместным и даже неестественным. Однако напомним: такое соотношение существовало не всегда. До XIX в. – на протяжении большей части своего существования – историописание понималось как разновидность литературного творчества. Даже в конце упомянутого столетия один из наиболее последовательных сторонников написания истории именно на основе оригинальных источников Э. Фримэн называл филологию важнейшей спутницей истории, без которой немыслимо существование последней [8, с. 36]. В свою очередь, архивы долгое время понимались как государственное (либо частное) учреждение, часть канцелярии или регистратуры, «место такое, где государственные письма нужные, яко тайные, тако и явные хранятся» (определение В. Н. Татищева, цит. по Т. И. Хорхординой [9, с. 22]). Такое наполнение понятий, конечно, не исключало их взаимосвязи, но и не делало ее обязательной. Только победа нового, позитивистского, подхода к написанию истории, основанного на обязательном использовании оригинальных документов, «источников», представленного немецкой исторической школой, изменило ситуацию и привело к появлению «источниковедения» как специальной исторической дисциплины, связавшей обе сферы деятельности: сохранение документов и историографию. Научная логика позволяет предположить, что явление, имевшее начало, может иметь и пределы – и внимательный анализ процессов, происходивших в науке в двадцатом столетии, подсказывает, что для историков и архивистов наступило время задаться вышеозначенными вопросами и попытаться найти на них какие-то ответы.

Что же именно в традиционной концепции истории в настоящий момент является мишенью критики? В этой концепции история представляет собой метанарратив, «доброкачественность» которого основана на использовании «источников»: объектов, предполагающих единство материальной и информационной составляющих. Это – метанарратив, научно обоснованный «профессионалами», маргинализирующий «любительское» изустное предание, монополизирующий термин «история». В такой эпистемологической ситуации архивы становятся ключевой частью структуры научного исторического познания (и конструируемой на его основе прошлой социальной действительности), предполагаемо основанного на таких материально-информационных объектах, относительно которых для нас актуальны категории «оригинальности», «подлинности» и «копийности». Именно эти категории в совокупности с определенным образом регламентированными методами их изучения придают «достоверность» историческим фактам – установленным на основе изучения «подлинных» источников. Последние, следовательно, выступают в роли знаков или образов, отражающих фундаментальную реальность (хоть и прошлую). Именно в связи с этим их свойством возникает необходимость заботиться о сохранности таких «подлинных» или «оригинальных» источников. Именно это становится жизненным стимулом существования архивов как собраний «оригинальных», и потому – единственных в своем роде исторических источников. В итоге мы имеем стройную систему, напоминающую величественное здание классической физики. Однако о судьбе последней, наверное, нет особой нужды напоминать. Итак, любой, даже внешне незначительный «кирпичик» этого здания, нетвердо стоящий на своем месте, потенциально может привести к разрушению всего строения. Крах классической физики уже эхом отзывается историкам в весьма обоснованной и разносторонней критике писателями-постмодернистами самой возможности достижения объективного исторического знания.

Одна из сторон этой большой проблемы, которой я предлагаю коснуться здесь, это то, каким образом может сказаться на архивах возможное изменение психологических условий сохранения и потребления информации в связи с радикальными и очень быстрыми изменениями технологических условий, а следом (или параллельно) – изменение концепции «исторического источника» и «исторического исследования». К рассуждениям на эту тему подталкивает стремительное распространение «потоковой» передачи данных в операционной системе «облако». Грозят ли новые технологии уничтожением самой концепции коллекционирования информации, закрепленной на материальных объектах? По-видимому, да. Некоторые факты, на которых основано это предположение: в прошлом году объем музыки, «скачанной» в Интернете, впервые превзошел продажи музыкальных компакт-дисков; «е-книги» в мгновение

ока превратились из новинок в рынок на миллиарды долларов; «поток» становится преобладающим способом просмотра фильмов и ТВ-программ. Для многих современных людей обладание материальным информационным объектом заменяется его одноразовым «потоковым» потреблением. На что-то большее в мире информационного изобилия просто не остается времени [4].

Каковы возможные последствия описанных технологических изменений в информационной среде для источниковедения и архивоведения? В первую очередь стоит обратить внимание на происходящий разрыв информационной и материальной составляющих того, что мы традиционно рассматриваем как «источник». Прежде понятие «аутентичности» даже в сфере коллекционирования подразумевало наличие каких-то физических отличий в «аутентичном» объекте по сравнению с «копиями»: будь то просто лучшее качество звука и полиграфии, позволяющее полнее воспринимать информацию, или наличие затрудненных для копирования элементов. Признаки уникальности делали материальный предмет объектом собирания и сохранения. Но каким образом может быть организовано собирание материальных информационных объектов, если их материальная составляющая полностью утратит признаки аутентичности или уникальности? Например, архив, комплектующийся произведениями литературы и искусства (скажем, БГАМЛИ), обращается к музыкальному исполнителю с просьбой о передаче записи концерта. Десяток лет назад совершенно очевидно существовал оригинальный идентифицируемый носитель, на который была произведена запись, к тому же обычно качественно превосходящий любую копию с него. Так же очевидно решался и вопрос ценности при определении объекта хранения. Сейчас можно получить через Интернет, либо другим путем, тот же самый набор нулей и единиц, который хранится на компьютере потенциального источника комплектования. С архивной точки зрения возникает вопрос: чей набор будет предпочтительным для архивного хранения? Помимо этого, в чем будет ценность или необходимость хранения, например, именно в этом архиве цифрового кода, потенциально существующего в неограниченном количестве абсолютно идентичных экземпляров? Кто вообще должен заниматься сохранением информации, доступной через разного рода «файлообменники», и не зафиксированных на каких-либо иных носителях, кроме одного-двух винчестеров?

Отличие архива от библиотеки именно в том, что первый хранит предположительно уникальные по каким-либо параметрам документы. Чем цифровой архив будет отличаться от библиотеки, если речь идет уже не об «оцифрованных» оригиналах, а об информации, уже в момент фиксации закодированной в форме, не содержащей признаков аутентичности? Допустим, такие признаки (типа ключа) можно разработать и организованно внедрить на государственном уровне. Однако как быть с «документами», создающимися частными лицами? И разве задачу архивов можно сводить только к хранению документов, «отражающих» деятельность системы государственного управления? Задача архива – скорее в сохранении социальной памяти в потенциальных «исторических источниках», и переход этой памяти в неидентифицируемые на предмет аутентичности формы создает угрозу самому существованию архивов в их традиционной форме. Добавим для полноты картины еще и неизбежность физического разрушения большинства бумажных оригиналов документов, созданных в двадцатом веке, в ближайшие сто лет. Не разрушится ли в связи со всем этим и сама концепция «оригинала» документа и чем это обернется для концепции «архива»?

Впрочем, проблемы цифровых документов и электронных архивов уже не оригинальны и обсуждаются достаточно давно. Сложнее обстоит дело с информацией, хранящейся на «удаленном сервере» и потребляемой в «облаке». Как быть с организацией сохранения такой информации для «исторических» нужд? Что станет с массовыми источниками, не приведет ли развитие «облачных» технологий к исчезновению по ненадобности массовых средств фиксации информации? Например, архивы могут превратиться в некий виртуальный сегмент «облака», не хранящий информацию, а только определенным образом организующий ее потребление. В этом случае еще одна угроза для архивов может носить психологический характер – если привычка к разовому потреблению информации вытеснит-таки психологическую склонность к ее сохранению. Проблема «delete generation» уже начинает беспокоить целый ряд зарубежных архивистов, таких как П. Карнаби, Р. Розенцвейг [1, 5].

Чем эти проблемы актуальны для историка? В источниковедении отрыв информации от материального носителя приводит к разрушению традиционного понимания исторического источника как «материального объекта с идентифицируемой информацией», а с ним – и объективной основы знания о прошлом. Если история перестанет мыслиться как действительно имевшие место события, восстановленные на основе подлинных источников, что произойдет с концепцией архива как комплекса таких источников? Уже сейчас популярны рассуждения об архивах как о способе конструирования социальной памяти [2]. С такой точки зрения архив превращается из исторически сформировавшегося собрания подлинных документов-памятников, отражающих действительные события, в ловко сконструированную властью зеркальную комнату, собранную из кривых зеркал, искажающих факты и прошлую действительность, отражающих намерения автора и восприимчивость современных ему читателей [3]. Каждое из таких зеркал – знак, указывающий на скрытое за ним значение, а не сосуд, наполненный событиями и фактами.

Таким образом, «источник» становится уже знаком, маскирующим и искажающим фундаментальную

реальность. В этом случае можно зайти еще дальше и выдвинуть утверждение, что если история – искусственный конструкт, то нет принципиальной разницы между такими конструктами, основанными на «подлинных» источниках и на «неподлинных», ведь в любом случае они не «воспроизводят» подлинные события. Где же тогда будет проходить граница между «подлинностью» и «неподлинностью»? Где найти ту истину, относительно которой можно отличить репрезентацию от симуляции? Получается, что зеркала нет, и знак маскирует отсутствие фундаментальной реальности. А ведь даже само понятие потребления информации, о котором шла речь до сих пор, еще в прошлом веке было оспорено Ж. Бодрийяром, считавшим, что в современном обществе произошла подмена информирования «знаковыми бомбардировками» [7, с. 73–74], т. е. процесс декодирования сообщения подменен наслаждением его визуальной формой (совокупностью знаков). Отсюда и утверждение, что современное общество нужно маркировать уже не как «информационное», а «постинформационное». В итоге источник-знак вообще теряет отношение к какой бы то ни было реальности, становясь своим собственным симулякром в чистом виде. Теперь вместо проблемы исчезновения информации путем физического уничтожения мы сталкиваемся с проблемой ее исчезновения путем субституции. Есть ли место в таком «мире-матрице» для архивов, и если да – то в какой форме?

В некотором смысле представление об этом можно получить присмотревшись к нашим белорусским реалиям. Есть такая «первая ласточка» – «Беларускі архіў вуснай гісторыі» [6], веб-проект, задуманный как альтернатива официальным архивам и официальной истории, как попытка реконструкции истории Беларуси новейшего времени на основе методов «устной истории». «Архив» представляет собой онлайн-публикацию так называемых «документов устной истории», материалов из коллекций белорусских исследователей. Специфика именно архивной стороны проекта в том, что его содержание составляют не сами «подлинные» документы, по-прежнему хранящиеся у своих владельцев, и даже не материальные носители с их цифровыми копиями, а именно информация в виртуальной среде. Использование по отношению к проекту такого типа термина «архив» можно рассматривать и как определенный шаг к новой артикуляции понятия.

В описанной ситуации возможным выходом для архивиста становится смещение внимания от проблем оригинальности единиц информации к проблемам сохранения их естественных связей. Это позволит архиву по-прежнему служить основой в творчестве историка, задачей которого будет мыслиться уже не столько воссоздание объективной картины прошлой действительности, сколько – создание теоретических моделей, позволяющих непротиворечиво объяснить основную часть не опровергнутых в настоящий момент фактов прошлого и делать хоть в какой-то степени оправдывающиеся прогнозы, т. е. соответствовать основным современным требованиям к научной теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carnaby, P. The Delete Generation: Citizen-created content, digital equity and the preservation of community memory [Electronic resource] / P. Carnaby. – Mode of access: http: // www. natlib. govt. nz / catalogues / library-documents / delete-generation. – Date of access: 07.10.2012.

2. Cook, T. Archival Science and Postmodernism [Electronic resource] // Archival Science. Vol. 1, № 1 (2000): 3–24 / T. Cook. – Mode of access: http: // www. mybestdocs. com / cook-t-postmod-p1-00. htm. – Date of access: 18. 03. 2012.

3. Cook, T. Fashionable Nonsence or Professional Rebirth: Postmodernism and the Practice of Archives [Electronic resource] // Archivaria № 51, (spring 2001) / T. Cook – Mode of access: http: // www. mybestdocs. com / cook-t-postmod-p2-00. htm. – Date of access: 12. 05. 2012.

4. Della Cava, M. R. Digital cloud devours our books, CDs, DVDs, photos [Electronic resource] // USA Today / Life / Marco R. Della Cava. – Mode of access: http: // www. usatoday. com / life / lifestyle / story / 2012-03-12 / entertainment-in-the-clouds / 53555458 / 1?csp=fbfanpage. – Date of access: 16. 03. 2012.

5. Rosenzweig, R. Scarcity or Abundance? Preserving the Past in a Digital Era [Electronic resource] // The American Historical Review. Vol. 108, № 3. / Roy Rosenzweig – Mode of access: http: // www. historycooperative. org / journals / ahr / 108. 3 / rosenzweig. html. – Date of access: 12. 05. 2012.

6. Беларускі архіў вуснай гісторыі [Электронны рэсурс] / Беларускі архіў вуснай гісторыі. – Рэжым доступу: http: // www. nashapamiac. org / archive / home. jsp. – Дата доступу: 07. 10. 2012.

7. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. / Пер. с фр. Н. В. Суслова / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 100 с.

8. Фриман, Э. Методы изучения истории / Э. Фриман; пер. с англ. П. Николаева. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 200 с.

9. Хорхордина, Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. / Т. И. Хорхордина. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – 525 с.

Аляксей Бяляўскі

НАВУКА АБ АРХІВАХ У БЕЛАРУСІ: МЕТАДАЛАГІЧНЫ ПОГЛЯД З ПАЗІЦЫІ ПОСТМАДЭРНІЗМУ

Рэзюмэ

Артыкул прысвечаны праблеме ідэнтыфікацыі беларускага архівазнаўства ў сучасных культурных умовах. Ці можа гэта навука працягваць працаваць пры дапамозе метадаў, што з'явіліся ў эпістамалагічнай сітуацыі, якая цяпер з'яўляецца больш фактам мінулага, чым сучаснасці? Аўтар выказвае меркаванне, што структура прадукавання, спажывання і назапашвання інфармацыі ў сучасным грамадстве, якое вызначаецца ў залежнасці ад пазіцыі даследчыка як «інфармацыйнае», «постінфармацыйнае», «постсучаснае», патрабуе істотных змен адносна яе рэтраспектыўнага кампанента. Прадмет абмеркавання – пытанне: як у зменлівым інфармацыйным і метадалагічным кантэксце выбудаваць адносіны архіва і гістарычнай навукі, якія існуюць магчымыя шляхі развіцця архіваў і даследавання метадалогіі архівазнаўства ў Беларусі.

Aliaksej Bialiauski

ARCHIVAL SCIENCE IN BELARUS: METHODOLOGICAL VIEW FROM THE POSITIONS OF POSTMODERN

Summary

The article addresses the issue of identification of the Belarusian archival science in contemporary cultural conditions. Can the science that studies the archives continue to work with its object by methods that emerged in the epistemological situation which is now more a fact of the past rather than of present? The author makes the assumption that the structure of production, consumption and accumulation of information in modern society, determined, depending on the position of the researcher as «information», «postinformational», «post-modern», requires significant changes in relation to its retrospective component. The issue of discussion is the question of how, in a changing informational and methodological context archive and historical science can build their relationships, what are the possible ways of development of archives and research methodology of archival science in Belarus.

Поступила 18.12.2012 г.

УДК 9.0.476(045)

Наталля Гардзіенка (Мінск, Беларусь)

ДА ПЫТАННЯ АБ СТАНЕ ДАСЛЕДАВАННЯЎ БЕЛАРУСКАГА ЗАМЕЖЖА

Даследаванне гісторыі і сучаснасці беларускага замежжа ў метраполіі пачалося са з'яўленнем на мапе незалежнай Рэспублікі Беларусь. Асобныя спробы вывучэння тых ці іншых аспектаў прысутнасці суайчыннікаў па-за межамі бацькаўшчыны рабіліся яшчэ ў першай палове XX ст., некаторыя працы з'яўляліся ў асяроддзі эмігрантаў у 1950–1980-х гг., аднак мэтанакіраванае вывучэнне беларускай прысутнасці ў свеце пачалося ад 1991 г. Менавіта тады з'явілася першая праца «Беларуская эміграцыя» Б. Сачанкі [11], сталі актыўна публікавацца на старонках перыядычнага друку матэрыялы пра суайчыннікаў за мяжой.

На пачатку 1990-х быў створаны аддзел, які займаўся праблемамі беларускай дыяспары ў Інстытуце гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук. Пад кіраўніцтвам Г. Сяргеевай гэты аддзел прычыніўся да шэрага публікацый па гісторыі беларускага замежжа, у тым ліку і энцыклапедычнага кшталту [12; 14; 16; 21]. Аднак ці не найбольш важным даробкам самой Г. Сяргеевай стаў вялікі аглядны артыкул, прысвечаны беларускай дыяспары ў нацыянальнай гістарыяграфіі [13]. На жаль, ніякіх адмысловых выданняў, прысвечаных менавіта праблемам беларускага замежжа, аддзел выдаць не паспеў, а пасля сыходу з пасады кіраўніцы, у хуткім часе, і сама структура, якая займалася вывучэннем праблем беларускай прысутнасці ў свеце, спыніла сваё існаванне.

У 1990-х гг. дзейнічаў і яшчэ адзін інстытут вывучэння праблем дыяспары – Навукова-даследчы цэнтр імя Ф. Скарыны, створаны А. Мальдзісам. Тут была сабраная даволі багатая калекцыя выданняў замежных беларусаў, былі наладжаны кантакты з асяродкамі і асобнымі дзеячамі, штогод публікаваліся матэрыялы канферэнцый на старонках часопіса «Кантакты і дыялогі», а таксама зборнікаў «Беларусіка= Albarutheniса». Аднак і гэты цэнтр з пачаткам XXI ст. спыніў сваё існаванне.

У адзначаны час над праблемамі беларускай прысутнасці ў розных краінах, некаторымі аспектамі гісторыі дыяспар працавалі таксама паасобныя даследчыкі [10; 17]. Актывізавалася і дзейнасць эміграцыйнай структуры – Беларускага інстытуту навукі і мастацтва (БІНіМ) у Нью-Ёрку – сябры якой сталі больш публікаваць як даследчыя працы, так і зборы твораў эміграцыйных паэтаў і пісьменнікаў, дакументаў эміграцыі [7; 18]. Публікацыі БІНіМа рабілі ўпыў на даследаванні ў метраполіі.

Перыяд 1991–2000 гг. можна вызначыць як час існавання інстытуалізаванага эміграцыязнаўства ў Беларусі, калі невядомая раней тэма толькі «адчынялася» для метрапольных даследчыкаў, што суправаджалася бракам крыніц і не заўсёды крытычным стаўленнем да іх, а таксама своеасаблівай эйфарыяй першаадкрывальніцтва. Разам з тым у гэты час дзейнічалі адмысловыя структуры, якія гуртавалі зацікаўленых навукоўцаў, вызначалі перспектыўныя кірункі даследаванняў.

Ад пачатку 2000-х гг. пачынаецца своеасаблівы «неінстытуалізаваны» перыяд даследаванняў беларускага замежжа, калі вывучэнне згаданай праблематыкі стала справай асобных энтузіястаў-даследчыкаў. Гэта адбілася і на колькасці публікацый, і на іх характары. З аднаго боку, сталі з'яўляцца асобныя працы, што абапіраліся на больш шырокую базу крыніц і ўлічвалі напрацоўкі папярэдняга перыяду, а таксама не былі абмежаваныя інстытуцыйнымі ўстаноўкамі. З другога, колькасць навукоўцаў, што займаюцца праблемамі замежжа выразна зменшылася, і сталі з'яўляцца невысокага ўзроўню кампіляцыйныя працы, што нічога не дадавалі да наяўных ведаў па тэме [2]. Наогул жа, беларускае эміграцыязнаўства ў гэты час выразна фрагментавалася па асобах і тэмах, па-за якімі амаль не з'яўляліся новыя публікацыі.

Тым не менш праз больш чым дваццаць гадоў сучасных даследаванняў беларускага замежжа сёння можна зрабіць спробу абагульнення яго дасягненняў і аналізу наяўных праблемных момантаў.

Да дасягненняў можна аднесці з'яўленне абагульняльных даследаванняў беларускай прысутнасці ў асобных краінах: ЗША, Аўстраліі, Вялікабрытаніі, Малдове, а таксама некаторых аспектаў гісторыі беларускага замежжа: перыядычнага друку, літаратуры, вайсковых і рэлігійных арганізацый і г. д. [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 19]. Важнай з'яўляецца і ўсё больш шырокая публікацыя разнастайных раней невядомых крыніц па гісторыі і сучаснасці дыяспар, што ажыццяўляецца як у асобных выданнях, так і на старонках штогадовіка «Запісы Беларускага інстытуту навукі і мастацтва», які на пачатку XXI ст. пераўтварыўся з выключна эміграцыйнага ў сумесны ньюёркска-мінскі праект. Тым не менш згаданыя дасягненні айчыннага эміграцыязнаўства можна ацаніць як даволі сціплыя, асабліва калі параўноўваць з узроўнем даследавання аналагічнай тэматыкі ў суседніх краінах: Літве, Польшчы, Украіне, Расіі.

Для айчынных даследаванняў беларускага замежжа ўласцівы шэраг невырашаных тэарэтычных і практычных пытанняў, якія з аднаго боку ўплываюць

на якасць прац, з другога, на іх цікавасць для калег з іншых краін.

Адно з нявырашаных пытанняў сучаснага эмігрыязнаўства варта назваць тэрміналагічным, і існуе яно ў некалькіх аспектах. Першы: неабходнасць размежавання паняццяў «дыяспара», «эміграцыя», «замежжа». Трэба ўлічваць, што гэтыя тэрміны адрозніваюцца аб'ёмам і зместам, на што зважаюць калегі з іншых краін [15]. У нас жа даследчыкі часта ставяць знак роўнасці паміж гэтымі паняццямі [8].

Другі аспект тэрміналагічнага пытання, не вырашаны сёння, гэта вызначэнне паняцця «беларуская эміграцыя» – нацыянальнай прыналежнасці эмігрантаў з Беларусі ў розныя часы і ў розных рэгіёнах. Застаецца адкрытым пытанне, ці магчыма называць беларускай эміграцыю XIX – пачатку XX стст., калі самі тагачасныя эмігранты сябе беларусамі не лічылі. Ці лічыць, напрыклад, структурай беларускай дыяспары Федэрацыю рускіх канадцаў, створаную ў 1931 г. выхадцамі пераважна з «усходніх крэсаў» Польшчы? Або ці можна называць беларускай дыяспарай клубы савецкіх грамадзян у пасляваеннай Аргенціне, куды ўваходзілі беларусы, украінцы і рускія, і дзе практычна не было нацыянальнай беларускай дзейнасці?

Таксама цікавае метадалагічнае пытанне даследавання прысутнасці выхадцаў з Беларусі ў Ізраілі. Ці магчыма казаць пра менавіта «беларускіх» прэзідэнта Шымона Перэса (нар. 1923), або прэм'ер-міністра Менахема Бэгіна (1913–1992)? І як наогул даследаваць феномен беларускага зямляцтва ў Ізраіле?

З пытаннямі тэрміналогіі часткова звязана і статыстычнае пытанне. На сённяшні дзень няма агульных статыстычных даследаванняў беларускага замежжа ні ў розныя гістарычныя перыяды, ні ў сучаснасці. Вызначэннем колькасных характарыстык хваляў беларускай эміграцыі перашкаджае тое, што выхадцаў з беларускіх зямель да 1991 г. амаль нідзе не фіксавалі асобна, а калі і фіксавалі, дык выпадкі гэтыя былі фрагментарныя і не маглі стаць асновай статыстычных даследаванняў. Існуючыя лічбы беларускай прысутнасці ў заходніх краінах цягам XX ст. вельмі прыблізныя і абапіраюцца на меркаванні саміх эмігрантаў, пераважна не падмацаваныя фактычнымі доказамі. Таму зафіксаваная ў даведніках лічба ў 2–3 млн беларусаў у замежжы выглядае надзвычай прыблізнаю [1, с. 21].

Што ж датычыць колькасных характарыстык эміграцыйных працэсаў апошняга дваццацігоддзя, то тут існуе іншае статыстычна-метадалагічнае пытанне – праблема адэкватнага ўліку эмігрантаў. Параўнальны аналіз афіцыйных статыстычных звестак эміграцыі з Беларусі ў асобныя краіны і звестак міграцыйных службаў тых жа краін сведчыць пра выразную розніцу паказчыкаў. Так, паводле афіцыйнай версіі, цягам 2000–2009 гг. з Беларусі ў ЗША выехалі 8 814 чалавек, звесткі ж амерыканскай статыстыкі за аналагічны перыяд сведчаць пра 23 575 чалавек беларускага паходжання, зарэгістраваных у якасці імігрантаў у гэтай краіне. Аналагічныя несупадзенні існуюць і ў звестках па іншых краінах, што сведчыць пра істотныя метадалагічныя праблемы айчыннай міграцыйнай статыстыкі. Апошнія, у сваю чаргу, не даюць магчымасці рэальна ацаніць аб'ёмы штогадовай эміграцыі і яе размеркаванне па краінах, а таксама ўплыў на мясцовыя дыяспары.

Важнай праблемай даследаванняў беларускага замежжа з'яўляецца праблема даступнасці крыніц. Сам прадмет даследавання сведчыць пра апрыёры шырокую геаграфічную раскіданасць неабходных даследчыкам звестак, калекцый, архіўных збораў. Безумоўна, пэўная частка матэрыялаў, асабліва перыядычных выданняў, збіраліся і збіраюцца рознымі структурамі ў метраполіі. Аднак асноўныя архіўныя фонды раскіданы па сховішчах Лондану, Нью-Ёрку, Стамфарду, Атавы, Таронта, Парыжу і г. д. Без дакументаў саміх дыяспар немагчыма даследаванне іх праблем. Доступ жа да архіваў ускладняюць праблемы не толькі геаграфічнай адлегласці, але і фінансавання. Апошняе магло б вырашацца з дапамогай дзяржаўных і недзяржаўных фондаў, калі б была відавочная запатрабаванасць такіх даследаванняў у краіне.

Да пытання даступнасці замежных архіваў варта дадаць адсутнасць апісанняў наяўных у іх беларускіх фондаў ці асобных дакументаў. Часта даследчыкі не маюць неабходнай інфармацыі, каб эфектыўна ажыццяўляць пошук дакументаў, што яшчэ больш ускладняе працу.

Крыніцазнаўчая праблема шмат у чым перадвызначыла і характар даследаванняў беларускага замежжа. Пераважная большасць з іх грунтуецца на даступных апублікаваных крыніцах. Не дзіўна, што найбольшая колькасць публікацый прысвечана літаратуры беларускага замежжа, а таксама перыядычнаму друку. Апошняму вельмі спрыяе выдадзеная грунтоўная бібліяграфія беларускага і беларусаведнага друку на Захадзе В. і З. Кіпеляў [22].

З іншага боку, за апошняе дзесяцігоддзе было апублікавана шмат архіўных дакументаў, твораў мемуарнай літаратуры, эпісталярнай спадчыны эмігрантаў. Паступова кола даступных крыніц пашыраецца. Робяцца спробы асэнсавання спецыфікі выкарыстання ў даследаваннях замежжа тых ці іншых відаў дакументаў [20].

Тым не менш шмат што застаецца не выкарыстаным сёння нават з тых архіваў, што даступныя ў метраполіі. Прыкладам, застаюцца маласкарыстанымі фонды таварыства «Радзіма», чыя дзейнасць па дачыненнях з суайчыннікамі за мяжой у савецкія часы сёння недаследавана. Мала выкарыстоўваюцца даследчыкамі зборы Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына», ды зборы перыёдыкі Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, або Цэнтральнай навуковай бібліятэкі.

Асаблівасці наяўнай крыніцазнаўчай базы ўплываюць не толькі на тэматыку даследаванняў, але і на іх характар. На першае месца, найчасцей,

ставіцца праблема ўвядзення ў навуковы абыходак новых крыніц або абагульненне ўжо вядомых звестак. Рашэнне больш сур'ёзных аналітычных задач пераважна не ставіцца на парадак дня. Сёння ў беларускім эміграцыязнаўстве амаль цалкам адсутнічаюць параўнаўчыя даследаванні. Гэта датычыць не толькі супастаўлення беларускай актыўнасці ў розных краінах, але і параўнанняў з сітуацыямі ў іншых нацыянальных дыяспарах. Не паўстаюць на беларускім матэрыяле актуальныя сёння ў іншых краінах даследаванні эміграцыйнай штодзённасці, гендернай, палітычнай, лінгвістычнай, эканамічнай праблематыкі. Вельмі мала даследуецца і феномен беларускіх дыяспар на постсавецкай прасторы.

Нягледзячы на пэўныя істотныя здабыткі, можна канстатаваць, што сучасныя даследаванні беларускага замежжа сур'ёзна саступаюць узроўню распрацоўкі праблем дыяспары у суседніх краінах. Адсутнасць інстытуцыйнага вывучэння мае вынікам эпізадычнасць прац, адсутнасць развіцця эміграцыязнаўства як напрамку. Як следства, узнікаюць складанасці не толькі з тлумачэннем гісторыі беларускай прысутнасці ў свеце і адэкватнай ацэнкай яе сучаснага стану, але і з нават самым простым прагназаваннем перспектыў развіцця беларускага замежжа, выкарыстання яго патэнцыялу.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларускае замежжа=Белорусское зарубежье. – Мінск: БелЭн, 2010. – 480 с.
2. Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану / М. М. Бацян [і інш.]. – Мінск, 2006. – 160 с.
3. Гарбінскі, Ю. Беларускі рэлігійны друк на Захадзе: пэрыёдыка, графічныя друкі 1945–2005 / Ю. Гарбінскі. – Нью-Ёрк; Варшава, 2009. – 884 с.
4. Гардзіенка, Н. Беларусы ў Аўстраліі: да гісторыі дыяспары / Н. Гардзіенка. – Мінск, 2004. – 465 с.
5. Гардзіенка, Н. Беларусы ў Вялікабрытаніі / Н. Гардзіенка. – Мінск, 2010. – 617 с.
6. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармацыях 1918–1945 / Ю. Грыбоўскі. – СПб.: Неўскі Прасцяг, 2006. – 832 с.
7. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Беларусь, 1993. – 348 с.
8. Коваль, В. Перыядычныя выданні беларускай дыяспары як гістарычная крыніца (1939–1960 гг.) / В. Коваль. – Мінск: РІВШ, 2008. – 166 с.
9. Кошалеў, М. Гісторыя беларуска-малдаўскіх узаемаадносін / М. Кошалеў, Т. Папоўская. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 187 с.
10. Савік, Л. Пакліканыя. Літаратура беларускага замежжа / Л. Савік. – Мінск, 2001. – 478 с.
11. Сачанка, Б. Беларуская эміграцыя / Б. Сачанка. – Мінск, 1991. – 111 с.
12. Снапкоўскі, У. Беларуская палітычная эміграцыя (1945–1990) / У. Снапкоўскі // Полымя. – 1997. – № 2. – С. 201–239.
13. Сяргеева, Г. Беларуская дыяспара ў нацыянальнай гістарыяграфіі XX стагодзьдзя / Г. Сяргеева // Запісы БІНіМ. – №25. – Нью-Ёрк; Мінск, 2001. – С. 5–40.
14. Сяргеева, Г. Дыяспара / Г. Сяргеева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1996. Т. 3. – С. 328–336.
15. Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры / В. А. Тишков // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сб. ст. под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН. – 2001. – С. 9–44.
16. Ціхаміраў, А. Адраджэнскі рух пачатку XX ст. і масавая эміграцыя з беларускіх зямель / А. Ціхаміраў // Беларусіка. – Кн. 5. – Мінск, 1995. – С. 31–36.
17. Чыквін, Я. Далёкія і блізкія, Беларускія пісьменнікі замежжа / Я. Чыквін. – Беласток, 1997. – 201 с.
18. Юрэвіч, Л. Беларуская мэмуарыстыка на эміграцыі / Л. Юрэвіч. – Нью-Ёрк, 1999. – 360 с.
19. Юрэвіч, Л. Літаратурны рух на эміграцыі / Л. Юрэвіч. – Мінск, 2002. – 242 с.
20. Юрэвіч, Л. Шматгалосы эпісталярыум: Гісторыя людзей і ідэй на эміграцыі ў ліставанні / Л. Юрэвіч. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 660 с.
21. Языковіч, Л. Беларуская царква на эміграцыі як захавальніца духоўнай нацыянальнай спадчыны / Л. Языковіч // Славянскія культуры пасля Другой сусветнай вайны. – Мінск, 1996. – С. 380–384.
22. Kipel, V. Belarusian Publishing in the West: A Bibliography = Беларускі друк на Захадзе: Бібліяграфія / V. Kipel, Z. Kipel. – Нью-Ёрк; Варшава, 2006. – 841 с.

Наталья Гордиенко

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Резюме

Статья представляет собой попытку анализа 20-летней истории научного изучения белорусского присутствия в мире, особенно на Западе. Автор определяет основные нерешенные вопросы современного бело-

русского эмиграциеведения: терминологический, статистический, источниковедческий. Малодоступность и рассеяние источников серьезно влияет на содержание и направления исследований, предопределяя их преимущественно описательный характер. Отсутствие специальных научных структур, заинтересованных в изучении истории и современности белорусского зарубежья, приводит к фрагментарности работ по этой проблематике в последнее десятилетие.

Natallia Hardziyenka

TO THE SITUATION IN STUDY OF BELARUSIANS ABROAD

Summary

The article is an attempt of analysis of the 20-years history of studies in the sphere of the Belarusian emigration, especially in the West. Author says, that there are few main issues in contemporary emigration research: terminological, statistical and the problem of sources. The last one has the great influence to the content and nature of research works and publications that are mostly descriptive ones. Absence of special research institutions interested into study of Belarusians abroad have made research work in this sphere very fragmentary.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК: 930.2:272–46(476–89+474.5–89)«17/19»+272–46(476–89+474.5–89)«17-19»(093.2)

Раіса Зянюк (Мінск, Беларусь)

ДАБРАЧЫННАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА НА БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ XVIII – ПАЧАТКУ XX ст.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

Дабрачыннасць у агульнахрысціянскай традыцыі разумеецца як праяўленне хрысціянскай міласэрнасці ў адносінах да бліжняга. Апошняя, у сваю чаргу, была абавязковай у рэлігійнай практыцы кожнага хрысціяніна і ў дзейнасці канкрэтнай царквы і рэлігійнай арганізацыі. У дадзеным артыкуле пад дабрачыннасцю разумеем здзяйсненне духоўнымі асобамі рымска-каталіцкага веравызнання альбо афіцыйнымі арганізацыямі рымска-каталіцкага касцёла (напрыклад, манаскімі ордэнамі альбо іх асобнымі кляштарамі, касцёламі, парафіямі і інш.) дзеянняў і ўчынкаў бязвыплатнага характару, скіраваных на карысць грамадства, а таксама матэрыяльную і духоўную дапамогу патрабуючым асобам. Традыцыйна, накірункамі дабрачыннай дзейнасці каталіцкай царквы былі: а) міласціна (матэрыяльная дапамога патрабуючым), б) утрыманне шпіталяў і дагляд за хворымі і састарэлымі, в) клопат аб дзецях-сіротах, г) бясплатная адукацыя і выхаванне дзяцей і падлеткаў.

У дадзеным артыкуле звернемся да аналізу гістарыяграфіі, прысвечанай дабрачыннай дзейнасці рымска-каталіцкага касцёла на беларуска-літоўскіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст. Спецыяльнага даследавання, цалкам прысвечанага дадзенай праблеме не існуе. На розных этапах вывучаліся розныя складаючыя пытання, прычым розныя навукі па рознаму разумелі феномен дабрачыннасці. У гісторыі дабрачыннасць даследавалася ў рамках 1) краязнаўства, часткі гісторыі краю ці рэгіёна; 2) персанальнай гісторыі праз вывучэнне біяграфіяў духоўных асобаў, якія займаліся мецэнацкай дзейнасцю; 3) матэрыяльнай гісторыі (праз даследаванне гісторыі канкрэтных помнікаў архітэктуры, культуры і мастацтва); 4) гістарычных формах, накірунках і механізмах дабрачыннай дзейнасці; 5) гісторыі дзейнасці дабрачынных арганізацый [25, с. 13]; 6) канфесійнай гісторыі; 7) гісторыі адукацыі; 8) гісторыі арганізацыяў рымска-каталіцкага касцёла.

У рамках ***краязнаўства*** дабрачынная дзейнасць каталіцкага касцёла асвятлялася з пачатку XX ст. у працах Ю. Ядкоўскага [5], Я. М. Гіжыцкага [4]. Аўтары ў нязначнай ступені асвятлялі праблему, ускосна згадваючы пра дабрачынныя ініцыятывы. Так, Я. М. Гіжыцкі пры даследаванні гісторыі Мазыра значную ўвагу надае адукацыйным ініцыятывам марыявітак і езуітаў. Адначасова аўтар звяртае ўвагу на дабрачынную адукацыйную дзейнасць марыявітак, якія частку дзяўчат (тых, якія паходзілі з бедных сем'яў) навучалі бясплатна [4]. На сучасным этапе ў краязнаўчых працах таксама згадваюцца дабрачынныя ініцыятывы каталіцкага касцёла. Асаблівасцю гэтых прац з'яўляецца адсутнасць аналізу дзейнасці дабрачынных устаноў, а толькі яго апісанне.

Персанальная гісторыя рымска-каталіцкага касцёла палягае, перадусім, на даследаваннях біяграфій іерархаў і выбітных прадстаўнікоў духавенства. І так, дабрачыннасць, як адзін з накірункаў дзейнасці канкрэтных прадстаўнікоў духавенства, адзначаецца ў даследаваннях біяграфічнага характару (напрыклад, аўтарства А. Фаецкага [3], М. Папова [27]). Дзейнасць прадстаўнікоў духавенства ў галіне дабрачыннасці часцей за ўсё абмяжоўвалася выдзяленнем матэрыяльных сродкаў на канкрэтныя ініцыятывы (падтрымку шпіталяў, школ, таварыстваў дабрачыннасці) [13].

Даследаванні ў галіне ***матэрыяльнай гісторыі***, звяртаючыся да даследавання гісторыі канкрэтных касцёлаў і кляштараў (перадусім як помнікаў архітэктуры) не абміналі ўвагай і тыя дабрачынныя ініцыятывы, якія гістарычна спадарожнічалі канкрэтнаму аб'екту. Шэраг аспектаў дадзенай тэмы раскрываецца ў даследаваннях гісторыі каталіцкіх касцёлаў [24]. Так, у артыкуле У. Дзянісава «Касцёлы г. Мінска ў XVI – пачатку XX стст. (паводле дакументаў НГАБ)» аўтар згадвае пра апеку над дзяўчатамі-сіротамі, якая рэалізавалася пры кляштары мінскіх бернардзінак, бясплатнай адукацыі для бедных дзяўчат пры кляштары бенедыктынак, выхаванні хлопчыкаў-сірот шляхецкага паходжання ў бенедыктынцаў, шпіталі пры кляштарах баніфратраў і рохітаў. Наяўнасць падобных дробных звестак характэрна таксама для энцыклапедычных выданняў (напрыклад, «Каталіцкія храмы Беларусі» [26]).

Гістарычныя формы, накірункі і механізмы дабрачыннай дзейнасці ў большай ступені даследуюцца ў працах расійскіх даследчыкаў. У сучаснай расійскай гістарыяграфіі дабрачыннасць даследуецца ў некалькіх накірунках: як дзяржаўная, прыватная і саслоўная. Так, А. Ю. Горчава ў сваёй працы даследуе феномен жабрацтва і дабрачыннасці ў Расіі. Аўтар закранае таксама перыяд з канца XVIII – пачатку XX ст., дзе адзначае асноўныя мерапрыемствы расійскага ўрада па барацьбе з жабрацтвам і дабрачыннасць насельніцтва ў адносінах да патрабуючых

асоб [23]. Аднак аўтар адзначае, што «пачынаючы з царавання Кацярыны II дзяржаўная апека паглынае прыватную, альбо ставіць яе пад дзяржаўны кантроль» [23, с. 76], што не зусім адпавядае рэчаіснасці, паколькі А. Горчава пад «прыватнымі» разумее выключна свецкія дабрачынныя арганізацыі і ўстановы. Пры разглядзе «дабрачынных устаноў, заснаваных іншаземцамі і іншаверцамі», аўтарка акцэнтуе ўвагу выключна на дзейнасці евангелічна-лютэранскай царквы [23, с. 85–87].

У працы «Благотворительность и милосердие в России» яе аўтар П. В. Уласаў пры асвятленні дабрачыннай дзейнасці хрысціянскіх цэркваў згадвае выключна ініцыятывы праваслаўнай царквы [22]. У гэтай жа працы, падчас асвятлення становішча апекі над псіхічна хворымі людзьмі, аўтар не згадвае шпіталі ордэна баніфратраў і рохітаў, якія дзейнічалі ў беларуска-літоўскіх губернях у канцы XVIII – першай палове XIX ст., у той час як дзейнасць гэтых шпіталяў была скіравана менавіта на дапамогу псіхічна хворым людзям. Такім чынам, рымска-каталіцкі касцёл як суб'ект дабрачыннай дзейнасці, як і непасрэдна дабрачынная дзейнасць каталіцкага касцёла ў расійскай гістарыяграфіі застаецца па-за межамі ўвагі даследчыкаў. Польская гістарыяграфія мае даследаванні як па агульнай гісторыі дабрачыннасці [8], так і асвятляе канкрэтныя формы і змест дабрачыннай дзейнасці каталіцкага касцёла.

Першыя спробы вывучэння ***гісторыі і дзейнасці дабрачынных арганізацый*** адносяцца яшчэ да пачатку XIX ст. У гэты час ў Вільні выдаваўся часопіс «Дзеі краёвай і замежнай дабрачыннасці», у якім розныя аўтары асвятлялі гісторыю, стан і дзейнасць дабрачынных устаноў рымска-каталіцкага касцёла. Дадзеныя працы носяць апісальны характар, аднак значнасць іх для нас відавочная, паколькі ў большасці выпадкаў яны былі напісаныя відавочцамі і арганізатарамі дзейнасці падобных устаноў. Гэтае ж выданне асвятляе становішча і дзейнасць шпіталяў як асобных інстытутаў (артыкул «Стан шпіталяў і парафіяльных школак у Віленскай дыяцэзіі (...)» [17, s. 1 – 9]). У часопісе асвятляецца таксама дабрачынная дзейнасць рэлігійных брацтваў, напрыклад, так званых таварыстваў на выпадак смерці. Мэтай таварыстваў была дапамога бедным сем'ям у выпадку смерці таго, хто быў яе карміцелем [2, s. 62–68]. Часопіс таксама дае магчымасць ацаніць заангажаванасць прадстаўнікоў рымска-каталіцкага духавенства ў справы дабрачыннасці і, перадусім, яе матэрыяльнай успамогі. Дзякуючы звесткам, пададзеным у азначаным перыядычным выданні, бачна, хто і як дапамагаў Таварыствам дабрачыннасці, што дзейнічалі як у губернскіх, так і павятовых гарадах. Так, мінскаму Таварыству дабрачыннасці фінанасава дапамагаў С. Богуш-Сестранцэвіч, ксёндз Антоні Дзядэк, ксёндз-канонік Мэнчынскі, кляштар мінскіх сясцёр-бернардзінак [19, s. 273–275], ксёндз-біскуп Я. Дэдэрка і г. д. Часопіс асвятляе таксама праявы «ўнутранай» дабрачыннасці, да якой можна аднесці клопат аб састарэлых і хворых духоўных асобах.

У беларускай гістарыяграфіі тэма раскрываецца ў шэрагу артыкулаў, якія асвятляюць розныя аспекты дабрачыннай дзейнасці каталіцкага касцёла. Так, у артыкуле А. Хмяльковай даследуецца дзейнасць праваслаўнай і каталіцкай цэркваў у галіне апекі над дзецьмі сіротамі. Аўтар, аналізуючы меры па дабрачынным навучанні і выхаванні сірот, прыходзіць да высновы, што часта канфесійныя дабрачынныя ўстановы былі «адзінымі арганізацыямі ў сваёй мясцовасці, якія дапамагалі бедным» [29, с. 246].

Працы ў галіне канфесійнай гісторыі пачалі з'яўляцца ўжо ў сярэдзіне XIX ст. Пралат С. Шантыр у даследаванні гісторыі каталіцкага касцёла ў Расійскай імперыі звярнуў увагу і на дабрачыннасць рымска-каталіцкай царквы (напрыклад, канвікты пры школах [18, s. 206–208]). Даследаванне гісторыі Віленскай дыяцэзіі аўтарства Я. Курчэўскага ў найбольш поўнай меры дае ўяўленне пра маштабы дабрачыннай дзейнасці рымска-каталіцкага касцёла на беларуска-літоўскіх землях [7]. Аўтар апісаў практычна ўсе дабрачынныя ініцыятывы каталіцкага касцёла: утрыманне шпіталяў, школ, фінансаванне канкрэтных ініцыятыў, дзейнасць брацтваў у галіне дабрачыннасці, апека над дзецьмі-сіротамі і г. д. Менавіта гэтая праца стварае базіс для далейшых даследаванняў дабрачыннасці рымска-каталіцкага касцёла. На працягу апошняга дваццацігоддзя канфесійная гісторыя стала адным з прыярытэтных накірункаў гістарычнай навукі. У дадзенай галіне плённа працуе шэраг беларускіх даследчыкаў: В. Яноўская, А. Філатава, І. Ганчарук С. Марозава. Нягледзячы на агульную распрацаванасць асноўных накірункаў канфесійнай гісторыі, дабрачыннай дзейнасці ўвага ў даследаваннях надаецца невялікая. У працах па гісторыі хрысціянскай царквы пераважаюць даследаванні дабрачыннай дзейнасці праваслаўнай царквы [30].

У ***працах па гісторыі адукацыі*** даследчыкі таксама асаблівым чынам не канцэнтруюцца на пытаннях дабрачыннасці рымска-каталіцкага касцёла. Аднак фінансавую дапамогу бедным вучням і бясплатную адукацыю, якую давалі ўсе узроўні каталіцкіх навучальных установаў, разглядаў А. Самусік. У артыкуле, прысвечаным манаскім гімназіяльным вучылішчам Гродзенскай губерні, аўтар паказвае сувязь паміж прыватнымі грашовымі ахвяраваннямі і рэалізацыяй дабрачыннай дзейнасці манаскім духавенствам, якое ўтрымлівала школы. Так адбывалася, напрыклад, у школе гродзенскіх дамініканцаў, дзе апошнія, дзякуючы шэрагу ахвяраванняў, маглі навучаць 10 бедных дзяцей бясплатна [28, с. 45].

Гісторыя арганізацый рымска-каталіцкага касцёла на беларуска-літоўскіх землях пачала даследавацца ў XIX ст., калі з'явіліся працы па гісторыі асобных кляштараў, ордэнскіх правінцый, дабрачынных арганізацый. Да іх адносяцца даследаванні Я. М. Гіжыцкага (пісаў пад псеўданімамі Смора, Валыняк),

Жыскара («Нашы касцёлы»). Дабрачынная дзейнасць даследуецца таксама як адзін з аспектаў пры вывучэнні гісторыі каталіцкіх манаскіх ордэнаў на беларуска-літоўскіх і польскіх землях. Менавіта гэтыя працы побач з даследаваннямі гісторыі дабрачынных устаноў маюць найбольшую інфармацыйную змястоўнасць па праблеме. Так, у працах Ю. Макарчыка [9], [10] даследуецца гісторыя літоўска-беларускай правінцыі францысканцаў. Аўтар у асобны параграф выдзяляе дабрачынную дзейнасць францысканцаў на беларуска-літоўскіх землях. Да яе формаў аўтар залічвае ўтрыманне шпіталяў пры кляштарах, і апісвае дзейнасць асноўнай колькасці з іх у перыяд з канца XVII да сярэдзіны XIX ст. Падобнага роду даследаванні маюць як іншыя правінцыі канкрэтных ордэнаў і кангрэгацый (дамініканцы [1], [20], [21], місіянеры [6], [11], [14], [15], [16] і інш.), так і іх асобныя кляштары (напрыклад, кляштар картузаў у Бярозе [12]).

Падсумоўваючы, можна адзначыць нераспрацаванасць тэмы ў айчыннай гістарыяграфіі. Недаследаванымі застаюцца наступныя аспекты: 1) магчымасць рымска-каталіцкага касцёла займацца дабрачыннасцю; 2) рэалізацыя дабрачынных ініцыятыў каталіцкага касцёла; 3) формы і змест дабрачыннай дзейнасці каталіцкага касцёла.

ЛІТАРАТУРА

1. Brzoziecki, S. Litewska prowincja dominikanów / S. Brzoziecki // Dominikanie. Gdańsk – Polska – Europa: materiały z konf. międzynar. 9 – 10 maja 2002 r.; red. D. A. Dekański, A. Golembnik, M. Grubka. Gdańsk; Pelpin. – 2003. – S. 139 – 167.
2. Dzieje dobroczynnosci krajowej i zagraniczney z wiadomościami ku wydosonaleniu jey służącemi. – Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1824. T. 4. – S. 62 – 68.
3. Fajecki, A. Biskupi z naszej Almy (Katalog biskupów z pośród b. wychowanków Rz. – Kat. Akademii Petersburskiej od r. 1842 – 1918) (Przyczynek do dziejów Akademii) / A. Fajecki. – Warszawa, 1938. – 17 s.
4. Giżycki, J. M. Luźne kartki z przeszłości. Mozyrz / J. M. Giżycki. – 13 s.
5. Jodkowski, J. Grodno / J. Jodkowski. – Wilno, 1923. – 50 s.
6. Księga pamiątkowa trzechsetlecia zgromadzenia księży misjonarzy 1625 – 1925. – Krakow: Nakład i wydawnictwo księży misjonarzy, 1925. – 309 s.
7. Kurczewski, J. Biskupstwo Wileńskie / J. Kurczewski. – Wilna, 1911. – 378 s.
8. Leś, E. Zarys historii dobroczynności i filantropii w Polsce / E. Leś. – Warszawa, 2001. – 220 s.
9. Makarczyk, J. Kustodia Grodzieńska zakonu braci mniejszych konwentualnych w latach 1687 – 1832 / J. Makarczyk. – Гродна: Гродзенская дыяцэзія рымска-каталіцкага Касцёла ў Рэспубліцы Беларусь, 2006. – 220 с.
10. Makarczyk, J. Prowincja litewsko-białoruska zakonu braci mniejszych konwentualnych w latach 1687 – 1845 / J. Makarczyk. – Grodno: Grodzieńska Diecezja Rzymsko-Katolicka, 2012. – 555 s.
11. Misjonarze sw. Winsentego a Paulo w Polsce (1651 – 2001) / red. W. Bomby [i i.]/ Krakow, 2001. – T 1–2. – 330 s.
12. Popowska, M. Rys dziejow Kartuzji Bereskiej w latach 1648 – 1831 /M. Popowska. – Wilno, 1938. – 125 s.
13. Salwa, T. Ks. Andrzej Pohl (1742 – 1820). Życie i działalność. Praca licencjacka pisana pod kierunkiem ks. prof. Dr M. Żywczynskiego / T. Salwa. – Lublin, 1962. – 166 s.
14. Salwa, T. Litewska prowincja księży misjonarzy. 1794–1842 / T. Salwa. – Kraków, 1981. – 89 s.
15. Smora. XX Misyonarze w Siemiatyczach, Smiłowiczach, Orszy i Oświeju // Roczniki obydwóch zgromadzen św. Wincento a Paulo, 1913, rok XIX. – S. 37 – 56.
16. Smora. Z przeszłości obydwóch zgromadzeń w zaborze Rossyjskim // Roczniki obydwóch zgromadzeń św. Wincentego a Paulo. Rok XIX, Kraków, wyd. i nakład ks. Misjonarzy. – S. 37 – 56, 128 – 150, 226 – 249, 324 – 348.
17. Stan szpitalów i szkołek parafialnych w dyecezyi Wileńskiey w powiecie i dekanacie kowieńskim, podług generalnej wizyty odprawioney, roku 1821 przez miejscowego dziekana X. Filipa Kopeckiego kan. brzeskiego // Dzieje dobroczynnosci krajowej i zagraniczney z wiadomościami ku wydoskonaleniu jey służącemi. – Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1824. – T. 4. – S. 1 – 9.
18. Szantyr, S. Zbiór wiadomości o Kościele i religii katolickiej w Cesarstwie Rossyjskiem, a szczególniej w prowincjach od Polski przyłączonych od czasu pierwszego rozbioru Polski aż do końca panowania Aleksandra I i poązatków panowania cesarza Mikołaja I. Zebrany z pism urzędowych, dokumentów i własnego widzenia / S. Szantyr. – Poznan, 1843. – Cz. 1 – 2. – 303 s.
19. Towarzystwo dobroczynności w Mińsku // Dzieje dobroczynności krajowej i zagraniczney z wiadomościami ku wydoskonaleniu jey służącemi. – Wilno: Typografia A. Marcinowskiego, 1823. T. 3, N 9–12. – S. 273 – 275.
20. Wołyniak. Wykaz klasztorów Dominikańskich prowincji Ruskiej / Wołyniak. – Kraków: nakładem oo. Dominikanów, 1923. – 340 s.
21. Wołyniak. Wykaz klasztorów Dominikańskich prowincji Litewskiej / Wołyniak. – Kraków: nakładem oo. Dominikanów, 1917. – 320 s.
22. Власов, П. В. Благотворительность и милосердие в России / П. В. Власов. – Москва: Центрполиграф, 2001. – 445 с.
23. Горчева, А. Ю. Нищенство и благотворительность в России / А. Ю. Горчева. – Москва: Духовное врзрождение, 1999. – 223 с.

24. Дзянісаў, У. Касцёлы г. Мінска ў XVI – пачатку XX стст. (паводле дакументаў НГАБ) рэжым доступу: http: // niab. by / stat / dzianisau_kascioly / Дата доступу: 2 кастрычніка 2012 г.

25. Клецина, А. А. Современные социальные исследования благотворительности в России: трактовки и подходы // Благотворительность в России / А. А. Клецина, А. В. Орлова. – СПб.: Лики России, 2001. – С. 9 – 17.

26. Кулагін, А. М. Каталіцкія храмы Беларусі / А. М. Кулагін. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2008. – 487 с.

27. Попов, М. А. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: роль в формировании правительственной политики по отношению к Римско-католической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.): дисс. ... канд. ист. наук 07.00.02 – Минск, 2008. – 131 с.

28. Самусік, А. Ф. Манаскія гімназіяльныя вучалішчы Гродзенскай губерні ў першай трэці XIX стагоддзя // Весн. Гродзенскага дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя, філасофія, паліталогія і сацыялогія, культуралогія, мастацтвазнаўства, педагогіка, псіхалогія, правазнаўства, філалогія. – Гродна: ГрДУ, 2007 – 2010. – С. 44–48.

29. Хмелькова, Е. Н. Опека православной и католической церкви над детьми сиротами в Гродненской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Е. Н. Хмелькова // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.: у 2 ч. – Гродна: ГрДУ, 2009. – Ч. 1. – С. 243 – 246

30. Яноўская, В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі ў 1863 – 1914 гг. / В. В. Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 198 с.

Раиса Зенюк

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Резюме

В статье исследуется историография благотворительной деятельности римско-католической церкви на белорусско-литовских землях в конце XVIII – начале XX вв. На основе анализа научной литературы можно выделилить основные направления исторической науки, в которых в той или иной мере затрагивается проблема: 1) краеведение; 2) персональная история; 3) материальная история; 4) исторические формы, направления и механизмы благотворительной деятельности; 5) история благотворительных организаций, 6) конфессиональная история; 7) история образования; 8) история организаций римско-католической церкви.

Raisa Zianiuk

HISTORIOGRAPHY OF CHARITY ACTIVITIES OF THE ROMAN CATHOLIC CHURCH ON BELARUSIAN AND LITHUANIAN TERRITORIES FROM THE END OF THE 18th TO THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Summary

The article is dedicated to the research on historiography of charity activities of the Roman Catholic Church on Belarusian and Lithuanian territories from the end of the 18th to the beginning of the 20th century. Based on the analysis of scientific sources we may name several mainstreams of historical science more or less concerning the item: 1) local history 2) personal history 3) material history 4) historical formats, courses an mechanisms of charity activities 5) history of charity organizations 6) history of religious confessions 7) history of education 8) history of the organizations of the Roman Catholic Church.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК 94(476)«1941/1945»

Эммануил Иоффе (Минск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

За последние 20 лет белорусская историческая наука достигла немалых успехов в освещении неизвестных и малоизвестных страниц истории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, в исследовании «белых пятен» в историографии и источниковедении истории этого судьбоносного периода для белорусского народа.

В то же время в работах историков по этой проблеме наблюдается разнобой в использовании терминов, который очень вредит объективности и правдивости изучения истории Беларуси в 1941–1945 годах.

Так, в издании «Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга» есть такие строки:

«З першых дзен фашысцкай акупацыі на тэрыторыі Беларусі быў устаноўлены крывавы акупацыйны рэжым, які ажыццяўляўся войскамі вермахта, нямецка-фашысцкай акупацыйнай адміністрацыяй, службамі СД і СС, ваенна-палявымі і мясцовымі камендатурамі, паліцыяй і жандармерыяй. Маючы на мэце ліквідацыю нацыянальнай дзяржаўнасці Беларусі і пераўтварэнне яе ў калонію Германіі, фашысты расчлянілі тэрыторыю Беларускай ССР....» [7, с. 22–23].

Термины «немецко-фашистский апарат», «антифашистская борьба», «антыфашистское движение», «немецко-фашистскими войсками» можно найти в пятом томе шеститомника «Гісторыя Беларусі» под редакцией академика М. Костюка [3, с. 487, 490, 550, 590].

Дело в том, что термины «фашизм», «фашисты» стали стереотипами со времен Великой Отечественной войны и не отражают всей сущности режима, который сложился в Германии в 1933–1945 годах, его проводников и сторонников.

Частично это объясняется сходством многих черт политического режима в СССР времен Сталина и Германии времен Гитлера и то, что единственной правящей партией Германии была Национал-социалистская партия Германии, а в СССР – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), в построении которых было немало общего. Советская пропаганда делала все, чтобы рядовые граждане не видели никаких проявлений общности и подобия нацизма и сталинизма. И тогда по воле «великого вождя народов» было принято решение вместо термина «нацизм» преимущественно использовать термин «фашизм».

Дело дошло до того, что термин «нацизм» исчез в большинстве энциклопедических изданий, включая «Военный энциклопедический словарь» (М., 1983), «Великая Отечественная война: энциклопедия» (М., 1985), «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941 – 1945 гг. Энцыклапедыя» (Мінск, 1990). Вы не найдете этого термина во «Всемирном энциклопедическом словаре» на 60 тысяч словарных статей и 1640 страниц (Минск, 2003), в пятом томе энциклопедии «Республика Беларусь«(Минск, 2007), в «Ваеннай энцыклапедыі Беларусі», вышедшей в свет в Минске в 2010 г.

Фашизм (от лат. fasio, итал. fascizmo – пучок, связка, объединение) – правоэкстремистское политическое движение, возникшее в обстановке революционных процессов, охвативших страны Западной Европы после Первой мировой войны и победы революции в России. Родиной фашизма являются Италия и Германия, где возникли первые фашистские организации и партии.

Идеология фашизма – это воинствующий антидемократизм и антимарксизм, расизм и шовинизм, доведенный до истерии, возвеличивание тоталитарного государства, несущего ответственность как в физическом, так и в духовном смысле за индивидуальные судьбы и боровшегося за единство нации. В идеологии фашизма особое место занимала концепция нации как высшей и вечной реальности, основанной на общности крови. Отсюда вытекала задача сохранения чистоты крови и расы. Нации при этом делились на высшие и низшие. В фашистском обществе высшие нации должны были господствовать над низшими, беспощадно подавляя попытки сопротивления с их стороны.

Впервые термин «нацизм» в энциклопедической литературе Республики Беларусь появился в 2000 г. в 11-м томе 18-томной «Беларускай энцыклапедыі». В материале «Нацизм» отмечается: «Нацызм, нацыянал-сацыялізм, германская разнавіднасць фашызму, паліт. рух, ідэалогія і дзярж. рэжым Германіі ў 1933 – 1945.... З канца 1930-х г. фаш. агрэсія прывяла да распаўсюджвання нацысцкіх парадкаў і дзейнасці рэпрэсіўнага апарата на акупіраваныя краіны. Паражэнне фаш. Германіі ў 2-й сусв. вайне (1945) паклала канец панаванню Н.» [1, с. 220].

Если «Новейший энциклопедический словарь» (М., 2006) дает определение нацизма как идейно-политического течения ультраправого толка, разновидность фашизма, отличительной чертой которой является ведущая роль теории превосходства биологически «избранной расы», то третье издание «Большого иллюстрированного энциклопедического

словаря» (М., 2009) подчеркивает: «Национал-социализм (нацизм), доктрина национал-социалистской рабочей партии Германии 1921– 1945 гг. Основана на принципах превосходства арийской расы и биологического расизма, включающего антисемитизм, национализм, антикоммунизм, антидемократизм и ограничение интеллектуального развития».

Таким образом, в большинстве случаев при исследовании истории Белоруссии 1941–1945 гг. вместо использования терминов «фашизм», «фашисты», «фашистский», «фашистская» более целесообразнее и объективнее использовать термины «нацизм», «нацисты», «нацистский», «нацистская».

До настоящего времени почти во всех школьных и вузовских учебниках по истории Беларуси, в подавляющем большинстве официально изданных публикациях подчеркивается, что партизанское движение в Беларуси в годы Великой Отечественной войны носило «всенародный характер». Речь идет о стереотипе, который долгие годы внедрялся в сознание советских людей, а сегодня внедряется в сознание жителей Беларуси, особенно молодежи нашей страны.

В нашей республике термин «всенародная партизанская война» вошел в научный оборот в 1949 г. после выхода в свет первой части книги министра государственной безопасности БССР Л. Ф. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков». Пик распространения термина о «всенародном характере» партизанского движения на белорусской земле пришелся на 1983–1985 гг., когда в БССР вышел в свет трехтомник «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны».

В действительности партизанское движение в Беларуси, как и на всей оккупированной территории СССР, в 1941–1944 гг. никогда не носило «всенародного характера». Оно носило «народный характер» и то только в 1943–1944 гг. Такой же «народный характер» партизанское движение на территории БССР имело по формам и методам борьбы с нацистами и их пособниками.

По каким же основным критериям следует оценивать характер партизанского движения на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны?

Во-первых, по соотношению количества коллаборационистов и партизан.

Во-вторых, по степени и размаху партизанского движения на территории Западной Беларуси в 1941–1942 и в 1943–1944 гг.

Горькая правда состоит в том, что во многих регионах Беларуси в начальный период Великой Отечественной войны коллаборационистов было значительно больше, чем партизан.

Так, за июль–сентябрь 1941 г. в централизованном порядке было сформировано свыше 430 партизанских отрядов и организационных групп, в которых насчитывалось более 8 300 человек [6, с. 284].

В то же время авторитетный исследователь германского оккупационного режима в Беларуси в 1941–1944 гг. К. И. Козак, характеризуя нацистскую службу порядка, отмечает: «Наиболее массовыми формированиями являлись вспомогательные полицейские подразделения, организованные в соответствии с распоряжением от 7 июля 1941 г. для обеспечения безопасности, охраны военных и других объектов, ведения борьбы с партизанами, выполнения широкого круга военно-экономических мероприятий. В первый период они формировались из местного населения на добровольных началах. В итоге местная полиция действовала под началом германского военного командования. Проведенный подсчет позволил определить их во всех районах в составе более 300 гарнизонов не менее 30 тыс., при этом около половины составил местный элемент. Как правило, гарнизон находился в крупных населенных пунктах, на железнодорожных станциях. Там же были созданы полицейские участки и опорные пункты, в каждой волости – полицейские посты (10–50 человек)» [2, с. 102].

По мнению белорусского историка З. Шибеко, «в конце 1941 г. 12 тысячам партизан противостояло до 16 тысяч полицейских, которые в составе немецких воинских соединений участвовали в борьбе со «сталинскими бандитами» и в репрессиях против евреев» [9, с. 316].

Значительный рост численности партизан Беларуси начался со второй половины 1942 г., когда их количество начало превышать количество коллаборационистов всех мастей на белорусской земле. Именно тогда начался переход к партизанской войне, которая к началу 1943 г. приобрела «народный характер».

Следует заметить, что в западных областях БССР партизанское движение в 1941–1942 гг. развивалось значительно медленнее, чем в восточных областях республики. В начале войны в этих районах значительная часть местных жителей вела себя пассивно, занимала нейтральную выжидательную позицию по отношению к оккупационной администрации и войскам вермахта. Определенная часть населения Западной Беларуси враждебно реагировала на действия партизан и даже помогала нацистам бороться с патриотами. И это не случайно. Многие жители этого региона были недовольны предвоенной политикой советской власти, которая допускала перегибы при проведении коллективизации, широко применяла репрессии, аресты. Сотни крестьянских семей, не пожелавших вступать в колхозы, выселялись за Урал, в Сибирь и другие отдаленные районы СССР.

В 1943 г. ЦК КП(б)Б и Белорусский штаб партизанского движения разработали планы перераспределения партизанских сил как внутри зон и областей республики, так и между ними путем перемещения отдельных групп, отрядов и бригад из районов относительно большого их сосредоточения в те места, где таких формирований было значительно меньше. Осо-

бое внимание при этом уделялось переходу отрядов и бригад из восточных в западные области Беларуси. Все это нашло отражение в постановлении ЦК КП(б)Б от 22 июня 1943 г. «О дальнейшем развертывании партизанского движения в западных областях Белоруссии».

В мемуарах начальника БШПД П. З. Калинина есть такие строки: «22 июня 1943 года состоялось очередное заседание бюро ЦК КП(б)Б под председательством П. К. Пономаренко. В повестке дня заседания был единственный вопрос: «О мероприятиях по дальнейшему развертыванию партизанского движения в западных областях Белоруссии». Обсуждался заранее написанный текст письма ЦК подпольным обкомам и райкомам партии «О военно-политических задачах работы в западных областях БССР» [5, с. 308 – 309].

Когда в партизанские отряды и бригады, прибывшие из восточных областей и в новые, формирующиеся отряды стало вступать немалое количество жителей Западной Беларуси, появились основания считать, что партизанское движение и в этом регионе также приобрело народный характер.

Таким образом, если действовать по принципу «Платон мне друг, но истина дороже», необходимо использовать термин «народный характер партизанского движения в Беларуси в 1943–1944 годах», а не термин «всенародный характер партизанского движения в Беларуси в 1941–1944 годах».

Во многих исследованиях белорусских историков о Великой Отечественной войне на территории БССР до настоящего времени употребляется термин «гестапо», «гестаповцы», «гестаповский» и производные от них.

Белорусский историк Г. Д. Кнатько даже пытается аргументировать применение этих терминов. Рассматривая деятельность полиции безопасности и СД в Минске в годы войны, она подчеркивает: «Аддзел IV займаўся непасрэднай расправай з праціўнікамі рэжыму. Узначальваў яго крымінальны саветнік оберштурмфюрэр СС Г. Хойзер, які лічыўся намеснікам Э. Штраўха (начальника полиции и безопасности и СД генерального округа «Беларусь» оберштурмбанфюрера СС. – *Э. И.*). І хоць нідзе не згадвалася слова «гестапа» (тайная дзяржаўная паліцыя), менавіта так супрацоўнікі ведамства называлі гэты аддзел. Усіх, хто насіў форму з чэрапам на фуражцы, насельніцтва называла гестапаўцамі»[8, с. 62].

Употребление термина «гестапо» неправильно. Дело в том, что Главное Управление Имперской Безопасности первоначально состояло из семи, а с 1944 г. – из восьми управлений. Ко времени окончания Второй мировой войны в Германии имелись следующие полицейские службы: 1) Полиция безопасности – «Зипо»; 2) Полиция порядка – «Орпо».

В состав полиции безопасности (СД) входили тайная государственная полиция (гестапо) и уголовная полиция. Они работали самостоятельно, но в тесном контакте друг с другом.

Гестапо вело борьбу с политическими противниками нацистского режима. Его начальником был группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Генрих Мюллер. На оккупированной территории СССР гестапо как самостоятельное учреждение не функционировало [4, с. 81].

До сих пор в ряде официальных изданий утверждается, что «белорусский народ на борьбу с немецкими оккупантами подняла Коммунистическая партия Советского Союза и ее составная часть – Коммунистическая партия Белорусии». Правда остоит в том, что во многих населенных пунктах Беларуси народ поднялся на борьбу стихийно, а в других местах его подняли на борьбу с нацистами партийные, комсомольские и советские органы, особенно органы НКГБ и НКВД.

В 2009 г. в издательстве «Беларусь» впервые в нашей стране вышел в свет справочник «Высшее партизанское командование Белорусси. 1941–1944» под общей редакцией автора этих строк. Я предлагал в названии этого справочника другой, более объективный и более правдивый термин: «Высшее советское партизанское командование Белоруссии. 1941 – 1944», аргументируя это тем, что в годы войны, кроме советских партизан, подчинявщихся ЦШПД и БШПД, на территории нашей республики воевали части Армии Крайовой, ОУН-УПА и националистических партизан, которые не подчинялись ни ЦШПД, ни БШПД, ни подпольным обкомам и райкомам партии. Но главный редактор издательства не согласился с моими аргументами. До сих пор продолжаю считать, что более объективным и более правдивым названием справочника было бы «Высшее советское партизанское командование Белоруссии. 1941–1944».

В справочных и энциклопедических изданиях БССР и Республики Беларусь до сих пор используется неточный термин «Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б». Эта группа была создана 20 марта 1942 г. и была расформирована в сентябре 1942 г. в связи с созданием Белорусского штаба партизанского движения. В действительности точным, правильным термином, который необходимо использовать в научном обороте, является термин «Северо-Западная оперативная группа ЦК КП(б)Б и СНК БССР».

К сожалению, в работах ряда белорусских исследователей по истории Беларуси 1941–1945 гг., опубликованных на белорусском языке, вместо терминов «яўрэй», «яўрэі» используются термины «габрэй», «габрэі», «жыд», «жыды». Если термины «габрэй», «габрэі» очень хитрые, тонко продуманные, искусственно придуманные скрытыми врагами еврейского народа и являются проявлениями скрытого антисемитизма, хотя на первый взгляд носят нейтральный характер, то термины «жыд», «жыды» носят оскорбительный для белорусских евреев, всего еврейского народа характер, являются неприкрытым проявлением антисемитизма и способствуют разжиганию межнациональной розни.

Причем отдельные исследователи ссылаются на написание этого термина в польском языке. Но мы говорим о белорусском языке, а не о польском. Конечно, это не касается использования данных терминов из исторических источников, в которых как написано, так и надо публиковать.

Ограниченный размер доклада не позволяет автору этих строк остановиться на других терминах, использование которых является спорным и заслужиет научных дискуссий.

К сожалению, многие исследователи истории Беларуси в период Великой Отечественной войны не придают должного внимания используемым терминам, что в той или иной степени влияет на объективность и правдивость освещения этой проблемы и в той или иной мере тормозит развитие исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск: БелЭн, 2000. – 560 с. – Т. 11.

2. Беларусь, 22 июня 1941 года: Говорят архивы…– Минск: БелНИИДАД, 2001. – 145 с.

3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Беларусь у 1917 – 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – Т. 5. 613 с.

4. Гладков, Т. К. В дебрях нацистских спецслужб / Т. К. Гладков // Битвы разведок. 1941–1945. – Москва: Вече, 2005. – С. 68 – 90.

5. Калинин, П. З. Партизанская республика / П. З. Калинин. 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Беларусь, 1968. – 384 с.

6. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.

7. Памяць Беларусі. Рэспубліканская кніга. – Мінск: БелЭн, 2005. – 592 с.

8. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Мінска; у 4 кн. – Мінск: БелТА, 2005. – Кн. 4. – 912 с.

9. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795 – 2002) / Шыбека, З. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.

Эмануіл Іофе

ВЫКАРЫСТАННЕ ТЭРМІНАЛОГІІ Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Рэзюме

Артыкул прысвечаны праблеме выкарыстання тэрміналогіі ў даследаваннях па гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Аўтар аспрэчвае мэтазгоднасць ужывання тэрмінаў «фашызм», «фашысты», «усенародны характар партызанскага руху на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гадах», «гестапа на акупаванай тэрыторыі БССР», «вышэйшае партызанскае камандаванне Беларусі» і інш.

Emanuil Iofe

TERMINOLOGY USING IN RESEARCHES ON THE HISTORY OF BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Summary

The article deals with the use of terminology in research on the history of Belarus during the Great Patriotic War. The author challenges the feasibility of use of the terms «fascism», «fascists», «all-people character of the partisan movement in Belarus in 1941–1944», «Gestapo on the occupied territory of the BSSR», «supreme guerrilla commanders of Belarus» etc.

Поступила 18.12.2012 г.

УДК 930.2

Алег Каляга (Гродна, Беларусь)

СТРУКТУРНЫ МЕТАД І АСАБЛІВАСЦІ ВЫВУЧЭННЯ ГАСПАДАРЧАЙ ДАКУМЕНТАЦЫІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст.

У якасці альтэрнатывы традыцыйным для айчыннай гістарычнай навукі метадалагічным падыходам варта звярнуць увагу на структуралізм як асобы даследчы напрамак. Аб гэтым сведчаць вынікі вывучэння гаспадарчай дакументацыі фонду Слізняў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Гродна. Размова ідзе пра комплекс дакументаў, які храналагічна ахоплівае другую палову XVIII – першую палову XIX ст. [4].

Прыхільнікі выкарыстання структурнага метаду лічаць, што ён працуе пры наяўнасці трыяды неабходных складаючых: калі ўдаецца знайсці сістэму, якая функцыянуе, вызначыць адзінку структуры, выявіць правілы функцыянавання структурных адзінак у сістэме [1, с. 493]. У гэтым сэнсе зварот да гаспадарчай дакументацыі даказвае, што ў прынцыпе ўсе з пералічаных умоў тут прысутнічаюць.

Сістэма, у якую ўключаны, напрыклад, інструкцыі службовым асобам памешчыцкіх гаспадарак – гэта сістэма дакументаабароту, якая забяспечвала жыццядзейнасць кіраўніцкага механізма. Неабходна падкрэсліць, што гэту сістэму можна эмпірычна назіраць, дзякуючы таму, што адной з галоўных умоў упарадкавання архіўных дакументаў з'яўляецца максімальна дакладнае захаванне структурна-функцыянальных сувязей першасных сістэм, у якіх ажыццяўляўся інфармацыйны абмен. Па-за межамі першапачатковай інфармацыйнай сеткі немагчыма выявіць змест, сапраўдны гістарычны «сэнс» інфармацыйнага рэсурсу, які ўзнікаў у адпаведнай кропцы, дзе сустракаліся сістэмы, структуры і функцыі дакумента. Далей у сістэме гаспадарчага дакументаабароту можна вызначыць адпаведную структуру: гэта дакументы з дастаткова ўстойлівымі фармулярамі, дзякуючы якім структурныя адзінкі можна знайсці і распазнаць. І, нарэшце, трэці кампанент, неабходны для прымянення структурнага метаду: кожная разнавіднасць дакументаў вылучаецца не толькі ўстойлівасцю фармуляра (структуры), але адначасова характарызуецца рухомасцю ў абазначэнні ўласнай функцыі. Атрымліваецца, што ў сістэме дакументаабароту структурныя элементы перамяшчаюцца па пэўных правілах, выконваючы ў залежнасці ад мэтавага прызначэння тыя ці іншыя функцыянальныя абавязкі [3, с. 241]. Такім чынам, сістэма гаспадарчых дакументаў стварае добрую глебу для прымянення структурнага метаду, а гэта, у сваю чаргу, адкрывае магчымасці для паслядоўнага аднаўлення звязанага з крыніцамі гістарычнага кантэксту.

Прапанаваныя метадалагічныя пастулаты патрабуюць распрацоўкі спецыфічнай методыкі аналізу гаспадарчай дакументацыі. Так, з'яўляючыся састаўной часткай сістэмы дакументаабароту, інструкцыі мелі ярка выражаную нарматыўную накіраванасць. Яны запускалі механізм прыняцця многіх гаспадарчых і адміністрацыйных рашэнняў. У выніку ўзнікалі ўмовы для стварэння і ўвядзення ў абарачэнне дакументаў новых разнавіднасцей.

С пазіцый структурнага метаду можна вызначыць наступныя этапы вывучэння гаспадарчых інструкцый:

аналіз сістэмы дакументаабароту памешчыцкіх гаспадарак у цэлым (выяўленне сукупнасці гаспадарчых дакументаў, паміж якімі існавала цесная ўнутраная сувязь, характарыстыка гістарычных умоў іх стварэння і функцыянавання);

аналіз структуры гаспадарчых інструкцый (вызначэнне ўнутранай формы (фармуляра) дакументаў, класіфікацыя апошніх у залежнасці ад вынікаў параўнальнага вывучэння фармуляраў);

аналіз функцыянавання гаспадарчых інструкцый (аднаўленне парадку іх распрацоўкі, рэдагавання, зацвярджэння і распаўсюджання, знаёмства з нормамі інструкцый, асаблівасцямі выканання адміністрацыйна-гаспадарчых распараджэнняў памешчыкаў на практыцы).

Істотным дапаўненнем прапанаванай методыкі павінна стаць ідэнтыфікацыя асоб, якія ўдзельнічалі ў распрацоўцы гаспадарчых дакументаў. Пры вырашэнні праблемы аўтарства тэарэтычны арыенцір неабходна шукаць сярод палажэнняў метадалогіі крыніцазнаўства вядомага расійскага даследчыка А. С. Лапа-Данілеўскага. У прыватнасці, ён падкрэсліваў, што гістарычнае пазнанне магчыма толькі на аснове крыніцы як рэалізаванага прадукта мэтанакіраванага чалавечага мыслення (псіхікі) [2, с. 36]. Адсюль можна зрабіць вывад аб важнасці ўсебаковага вывучэння асобы аўтара, які ствараў інтэлектуальны прадукт і тым самым даваў жыццё будучаму інфармацыйнаму рэсурсу.

У дачыненні да гаспадарчай дакументацыі другой паловы XVIII – першай паловы XIX ст. праблема аўтарства застаецца асабліва вострай. Адну з галоўных прычын, што перашкаджае вызначыць аўтараў падобных дакументаў, неабходна шукаць у наяўнасці стэрэатыпа ўспрыняцця канцылярскай службы, які ўкараніўся ў свядомасці многіх гісторыкаў. Служачыя канцылярый лічыліся другараднымі выканаўцамі,

ценявымі фігурамі, маўклівымі праваднікамі чужых інтарэсаў. Таму ў крыніцах дзейнасць канцылярскіх устаноў (асабліва на ранніх этапах іх існавання) падаецца вельмі эпізадычна, звесткі аб людзях, якія забяспечвалі дакументаабарот у дзяржаўных і прыватных структурах кіравання, прадстаўлены адрывачна і няпоўна. Вельмі часта работу з гаспадарчымі дакументамі ўскладняе іх храналагічная і тэрытарыяльная адасобленасць, лаканічнасць запісаў, адсутнасць супастаўных крыніц, якія на пэўным этапе разам з вывучаемымі дакументамі ўтваралі самастойныя дакументальныя комплексы.

Атрыбуцыі дакументаў гэтага віду перашкаджае і яшчэ адна спецыфічная асаблівасць. З'яўляючыся вынікам калектыўнай творчасці, гаспадарчыя дакументы пазбаўлены індывідуальнага твару, для большасці з іх па прычыне масавасці характэрны аднатыпная форма, аднародны, аналагічны ці паўтаральны змест. Тым не менш гісторыку, які падпарадкоўваецца агульным правілам пошуку аб'ектыўнай інфармацыі аб падзеях мінулага, атрыбуцыя падобных дакументаў дапамагае ўсвядоміць, з кім ён «размаўляе», каму задае свае пытанні і хто на гэтыя пытанні адказвае.

У выніку структурны метад фарміруе новае кола даследчых праблем. Вырашаць іх неабходна за кошт прыцягнення разнастайных крыніц, якія дзякуючы сваёй прыналежнасці да сістэмы гаспадарчага дакументаабароту, здольны дапоўніць і пашырыць уяўленні аб інфармацыйным патэнцыяле вывучаемых дакументаў. Такі падыход прадыктаваны тым, што гаспадарчыя дакументы другой паловы XVIII – першай паловы XIX ст. не з'яўляюцца самадастатковымі, ізаляванымі на момант свайго стварэння і функцыянавання.

ЛІТАРАТУРА

1. Йоас, Х. Социальная теория. 20 вводных лекций / Х. Йоас, В. Кнёбль. – Спб: Алетейя, 2011.

2. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории: в 2-х т. / А. С. Лаппо-Данилевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 2

3. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008.

4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна. – Фонд. 1663. – Воп. 1.

Олег Коляго

СТРУКТУРНЫЙ МЕТОД И ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ст.

Резюме

Статья посвящена рассмотрению особенностей использования структурного метода при изучении хозяйственной документации второй половины XVIII – первой половины XIX в., хранящейся в фонде Слизней Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно. Особого внимания заслуживает предлагаемая автором методика анализа инструкций представителям помещичьей администрации. Указывается на важность установления лиц, которые имели отношение к разработке хозяйственных документов.

Aleh Kaljaha

THE STRUCTURAL METHOD AND FEATURES OF ECONOMIC DOCUMENTATION OF THE SECOND HALF OF 18th – FIRST HALF OF 19th CENTURY

Summary

The article is dedicated to the consideration of the peculiarities of the usage of the structural method when studying the economic documentation of the second half of the 18th century – the first half of the 19th century which is kept in the Slizneys fund of the National Historic Archives in Grodno. Special attention deserves the author's method of the analysis of the instructions for the representatives of the landlords' administration. It is important to discover the persons who had the direct relation to the elaboration of the economic documents.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК 930.2

Игорь Кандыба (Минск, Беларусь)

ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ 1920–30-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время, несмотря на многочисленные работы историков, исследование роли «маленького человека» в истории зачастую считают «забавой для любителей», не придавая ему должного значения в изучении фактов, событий и исторических явлений. В то время как на Западе истории повседневной жизни людей стало придаваться первостепенное значение еще в 60-х годах XX в., о чем красноречиво свидетельствуют работы Фернана Броделя [8] и Альфа Людтке [9].

История повседневности ни в коем случае не выступает альтернативой традиционной истории, не противопоставляет себя ей, но дополняет, позволяет раскрыть невидимые ранее грани привычных вещей. И именно она является тем звеном, которое позволяет связать воедино фрагментарные, неполные или разобщенные представления о сложных исторических системах, позволяет получить объективное представление об изучаемом объекте даже там, где объективность навряд ли возможна. Классическим примером такого объекта является Западная Беларусь в 20–30-х годах XX в. – система сложная хотя бы потому, что не существует единой точки отсчета, на которую можно опираться исследователю.

В советской историографии раздел Беларуси однозначно назывался актом исторической несправедливости, в то время как антисоветские историки и на Западе и у нас придерживаются диаметрально противоположного мнения, называя «воссоединение» Западной и Восточной Беларуси «оккупацией».

Проблема состоит в том, что окончательную точку в спорах ученых не может поставить никто, и навряд ли сможет в ближайшем будущем, так как даже по имеющимся документальным источникам довольно тяжело определить – какая из сторон является в большей степени правой. Хотя бы потому, что документы архивов в большинстве своем отражают точку зрения политических режимов, эти документы производящих. В то время как сомневаться в подлинности и достоверности содержащейся в них информации не приходится, возникают сильные сомнения в оценке ее ценности для комплексного, системного изучения явления.

В этих условиях наибольший объективизм возможен лишь при обращении к истинным первоисточникам – свидетельствам о жизни людей, проживавших на занятой Польшей территории и переживавших события в полной мере. Маленький человек – вот самый ценный источник в данном контексте.

В этом случае вместо рассуждений о возрождении феодальных отношений, институте осадничества, земельной реформе и прочих «институциональных» проявлениях политики польских властей, более целесообразно обратиться напрямую к свидетельствам очевидцев, например, воспоминаниям Я. И. Ждановича, жителя Клецка: «Работа была – каторжная. Моя тетка сорвала себя живот и скоро умерла. Я ей помогал. Мне было лет 10–11. Работал чтобы покормили и дали каких грошей 10» [5, с. 190].

Всего несколько слов из воспоминаний, и вниманию пытливого историка сразу представляется проблема выживания детей в таких жестких условиях. К слову, эта проблема в современной историографии поднимается очень редко, разве что в трудах по психоистории. А сколько боли и надежды в письмах крестьян польским властям, в ожидании хотя бы минимального облегчения существования. Крестьяне из деревни Перевозки Поставского повета пишут: «В нашей деревне бедная почва… Хозяева в деревне все малоземельные… Хлеба своего у некоторых хозяев до Рождества не хватает… Во время мировой войны деревня наша была сожжена, хозяйства уничтожены. Многие из них не имеют еще необходимых строений, а здесь еще и тяжелые налоги навалились. Скота у нас нет на продажу. Нет и чем его кормить» [4].

Да что там говорить – на белорусских землях царил настоящий голод! Читаем в газете «Вольная думка» за 1929 г.: «Кожная беларуская вёска, кожны беларускі селянін больш-менш добра знаёмы з голадам, бо кожнаму беларускаму бедаку-селяніну штогод прыходзіцца ад вясны, а то і ад каляд да жніва перабівацца паўголадам... Голад так страшны, што сваімі памерамі перавышае голад, які быў на Віленшчыне зараз па вайне. Прычына голаду – неўраджай, спазнённая вясна. Сяляне пазамыкалі хаты і разам з жонкамі і дзецьмі ляжалі, чакаючы, калі смерць скароціць іх галодныя мукі» [1, с. 29–30].

А сейчас вернемся к воспоминаниям Я. И. Ждановича, где далее следует весьма любопытный материал. Оказывается, что проблема вовсе не такая плоская, как представлялась советским исследователям и нельзя однозначно утверждать, что в Западной Беларуси царила беспощадная эксплуатация местного населения, граничащая чуть ли не с рабством. Читаем: «...А уже в 1935 или 1936 г. поляки прислали инструктора. Учил красить в любой цвет. Собрал собрания, сказал, что слабая производительность, мало

зарабатываете. Сказал «Приносите все бочки в этот дом». И от сырой кожи вел весь процесс, до самого пошива, учил раскрою, пошиву, вышивке. Словом, красиво стали делать. Еще обрабатывали землю, у нас были сенокосы для коней, сеяли пшеницу, жито, делали огороды. Все наши поля были в одном месте, сенокосы – около речки» [5, с. 190].

И вот уже совершенно другая картина перед нами. Оказывается, довольно расхожее представление о Беларуси в составе Польши как об «экономическом придатке» вовсе не должно носить изначально негативного смыслового оттенка. Поляки рассуждали исключительно экономическими категориями (в отличие, например, от немцев в годы Великой Отечественной войны), и заботились о производительности труда, которая не могла быть сильно высокой при чуть ли не умирающих от голода рабочих.

В архивах Беларуси хранятся документы, свидетельствующие о поддержке белорусского населения польскими властями на местном уровне, охране памятников, павших в Первой мировой войне, благоустройстве дорожных конструкций, таких как распоряжение уполномоченного государственной организации за состоянием военных захоронений в виленском воеводстве пану старосте Ошмянского повета [3]. В этих документах однозначно указываются жесткие меры пресечения при попытках разграбления или повреждения памятников войны.

Как видно из документов, охране историко-культурного наследия в Западной Беларуси уделялось значительно большее внимание, чем в Восточной Беларуси, где все, связанное с дореволюционным периодом, уничтожалось и предавалось забвению.

С 1795 г. подавляющее большинство населения территории будущей Беларуси подвергалось целенаправленной идеологической обработке и находилось полностью под влиянием мощнейшей системы – Российской Империи, полностью или частично идентифицируя себя с «русским» народом, поэтому столь резкое включение простого человека в чужеродную систему вызывало вполне объяснимое внутреннее отторжение. Так, например, в воспоминаниях А. М. Сущука – ветерана войны и труда читаем: «...Как мы жили до сентября 1939 года на «крэсах всходних»?

Как мачеха не может стать родной матерью, так и чужое государство – родиной. Было именно так. Это подтверждалось, например, разъяснением министра иностранных дел Польши полковника Ю. Бека: «Мы закрываем в Западной Белоруссии белорусские школы и заменяем их польскими, потому что белорусы вообще отсталый, дикий народ, белорусский язык – язык отсталый, который приносит мало пользы».

Какое счастье в таком отечестве-мачехе?

Ныне трудно представить, что на Кобринский повет с населением 113 248 человек (1931) приходилось единственное среднее учебное заведение – гимназия в Кобрине. На все Полесское воеводство – ни одного высшего учебного заведения. И это в центре так называемой цивилизованной Европы!» [6, с. 431].

И действительно, как не мачехой можно назвать государство, которое путем насилия заставляет принимать другую веру, учить и использовать совершенно другой язык, опираться на чуждую систему ценностей.

Просоветски настроенная интеллигенция видела Западную Беларусь в единой свободной белорусской державе, сражалась за ее воссоединение с остальной частью. Один из таких патриотов, бывший ученик Клецкой белорусской гимназии, а в советское время известный белорусский композитор, А. К. Шидловский сказал: «Мы были больше белорусами, чем коммунистами. Коммунистическая идея отождествлялась с белорусской» [5, с. 222]. Достаточно неожиданное заявление, учитывая, что политика белорусизации в восточной части Беларуси в начале тридцатых годов была полностью свернута и подобные заявления могли вызвать серьезные последствия.

Западная Беларусь сама по себе была своеобразной границей – буфером между глобальными макросистемами, двумя моделями развития общества – западной и коммунистической. Однако не следует забывать, что была также и вполне материальная граница между двумя государствами и были люди, живущие вдоль ее, и взгляды их на окружающую действительность позволяют создать своеобразную модель «пограничного» существования людей на всей территории Западной Беларуси.

Ниже приведены воспоминания жители деревни Короневщина А. Додзя: «Косім сена ля самай граніцы. Адзін наш дзядзька салдату польскаму кажа: «Пан жолнеж, дазвольце з дачкой пагаварыць». А ў яго дачка на тым боку замужам ды сена якраз грабла. Салдат кажа: «Ідзь, мув!» – і засмяяўся. Дзядзька і пайшоў. А Воля яго як убачыла, кінула адразу грабцоў і пайшла, каб не бачыцца. Праз колькі дзён заўважылі – няма дыму над яе хатай. Дзядзька хацеў потым з тымі людзьмі пагаварыць, то яны замахалі і кажуць: «Ідзі, а то будзе і нам, што тваёй Волі» [5, с. 232].

Перебежчиков было много, и все они по-настоящему верили, что за польско-советской границей всего хватает, что там живут богато и счастливо. Почти все, кто уходил, не оставили после себя следа в истории. Советская репрессивная машина работала исправно.

Анализируя воспоминания, переписку и другие производные повседневной жизни людей необходимо четко разграничивать подходы к исследованию свидетельств простых людей, зачастую необразованных, и интеллигенции, общественных деятелей, лидеров, в информации которых содержится гораздо меньше субъективизма, но больше внимания уделяется деталям, нюансам. Подобное наблюдается в дневниковых записях известного белорусского художника Язэпа Дроздовича, жившего на оккупированной Польшей территории и оставившего после себя целый массив записей о различных сферах повседневной жизни народа.

Дроздович в своих воспоминаниях не только описывает действительность вокруг, но и дает ей оценку, рассуждает о возможных причинах и последствиях, что дает исследователю, владеющему междисциплинарным инструментарием почти безграничные возможности по получению качественно новой информации, до этого не введенной в научный оборот.

Таким образом, даже имея на руках неоднозначную и скудную источниковую базу, используя как традиционный, так и интеграционный взгляд на проблему – с позиции личности в истории, исследователь имеет возможность значительно расширить поле зрения, строить более объективные выводы и суждения. Благодаря обращению к источникам истории повседневности появляется возможность осуществления одной из главных задач историка – построение модели общества в рассматриваемый им период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: документы и материалы. – Минск: Госиздат, 1972. – Т. 2.

2. Зональный государственный архив г. Молодечно. Фонд. 4. – Оп. 1. – Д. 380. – Л. 360.

3. Зональный государственный архив г. Молодечно. Фонд. 4. – Оп. 1. – Д. 580.

4. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд. 882. – Оп. 1. – Д. 3.

5. Памяць: Клецкі раён: гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Рэд.-уклад. М. С. Кусянкоў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1999.

6. Памяць: Кобрынскі раён: гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / Рэд.-уклад. Л. Р. Казлоў. – Мінск: БЕЛТА, 2002.

7. Маладосць. – №5. – 1991.

8. Braudel, F. The Structures of Everyday Life / F. Braudel. – London: Collins, 1981. – 623 p.

9. Lüdtke, A. The Historiography of Everyday Life. In Culture, Ideology and Politics, edited by Raphael Samuel and Gareth Stedman Jones. / A. Lüdtke. – London: Routledge, 1982. – 318 p.

Ігар Кандыба

ЗАХОДНЯЯ БЕЛАРУСЬ 1920–30-х ГАДОЎ ВАЧЫМА «МАЛЕНЬКАГА ЧАЛАВЕКА» – ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ДАСЛЕДАВАННЯ

Рэзюмэ

Варта зазначыць, што падзел Беларусі на Усходнюю і Заходнюю ў пачатку 20-х гадоў XX ст. успрымаўся савецкай гістарыяграфіяй выключна як акт гістарычнай несправядлівасці, у той час як на Захадзе навукоўцы прытрымліваліся супрацьлеглага пункту гледжання. База крыніц па дадзенай праблеме ўключае ў сябе неадназначныя матэрыялы, што патрабуе ад навукоўцаў звароту да сведчанняў простых беларусаў, якія жылі па розных баках савецка-польскай мяжы. У дадзенай працы прапануецца аналіз як традыцыйнага, так і інтэграцыйнага поглядаў на праблему – з пазіцыі асобы у гісторыі.

Ihar Kandyba

WESTERN BELARUS IN 1920–30's, AS SEEN BY THE ORDINARY PEOPLE. RESEARCH PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Summary

It is worth to mention that Soviet historiography considered the separation of Belarus to the East and West parts after the ending of the World War I as an act of injustice. The Western historiography considered exactly the opposite. The database of sources contains highly controversial material on the subject, reflecting those diametrically opposite approaches of two competing systems. In the purpose to overcome this issue historians on both sides need to realise the importance of microhistory – the history of everyday life of the ordinary people, who used to live on both sides of the Belarusian-Polish border at that time. The article offers an analysis of both traditional and innovative view of the problem – from the perspective of individual in history.

Поступила 18.12.2012 г.

УДК 94(476):930.2(049.32)

Міхаіл Касцюк (Мінск, Беларусь)

МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ НАЦЫЯНАЛЬНА-ДЗЯРЖАЎНАЙ КАНЦЭПЦЫІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

Як вядома, у агульных рысах нацыянальна-дзяржаўная канцэпцыя гісторыі Беларусі існуе каля 20 гадоў. Спачатку яна фарміравалася як нацыянальная, а затым была трансфармавана ў нацыянальна-дзяржаўную. Гэта было заканамерна, улічваючы прынцыповыя абставіны, звязаныя са станаўленнем Рэспублікі Беларусь як самастойнай, сувярэннай дзяржавы.

З самага пачатку нацыянальна-дзяржаўная канцэпцыя гісторыі Беларусі знаходзіла сваё ўвасабленне ў гістарычных публікацыях практычна па ўсіх перыядах мінулага нашай Бацькаўшчыны. Гэта было істотнай з'явай, таму што стаяла задача, каб беларускі этнас, беларуская нацыя, як і ўвесь беларускі народ, выступалі ў якасці аб'екта і суб'екта гістарычнага працэсу. Такі падыход быў надзвычай важным, асабліва калі ўлічыць, што да гэтага часу такое становішча фактычна не наглядалася.

У сувязі з гэтым паўстае актуальнае і практычна не асветленае пытанне, якое заключаецца ў тым, наколькі магчыма разглядаць і характарызаваць нацыянальна-дзяржаўную канцэпцыю гісторыі Беларусі з метадалагічнага пункту гледжання. Гэта тым больш неабходна, калі мець на ўвазе тыя метадалагічныя падыходы, якія практыкаваліся ў савецкія часы і вызначалі змест і характар гістарычных даследаванняў.

Ужо сама нацыянальна-дзяржаўная канцэпцыя гісторыі Беларусі з самага пачатку свайго фарміравання не мела на мэце, што яна павінна рэгламентаваць даследчыка і фактычна ўказваць яму, што і як пісаць. На жаль, да такой практыкі ў свой час гісторыкі ў многім былі прывучаны, таму што вымушаны былі ёй падпарадкоўвацца. Нават маючы пэўныя матэрыялы, на падставе якіх можна было зрабіць нестандартныя вывады, яны ўсё ж такі павінны былі арыентавацца на афіцыйную ідэалогію і практыку.

Аднак адказ ад гэтай прынцыповай установкі не адзначае, што нацыянальна-дзяржаўная канцэпцыя гісторыі Беларусі не мае сваіх падыходаў метадалагічнага характару. Яны, канешне, не могуць быць па-ранейшаму жорсткімі патрабаваннямі, але пэўная арыентацыя на выпрацаваныя прынцыпы не можа не прысутнічаць, каб навуковае даследаванне не расплывалася па змесце і форме ў розныя напрамкі. Ад гэтага зніжалася б яго навуковая каштоўнасць і грамадская вартасць.

У першую чаргу гістарычныя працы, выкананыя на аснове нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі, не могуць не грунтавацца на адпаведнай тэарытычнай базе. Паставіўшы ў цэнтр гістарычных даследаванняў народ Беларусі, мы канстатуем неабходнасць павышанай увагі да больш шырокага і глыбокага тэарытычнага ўзроўню нашых прац. Тэорыя гістарычнага працэсу заўсёды з'яўлялася падмуркам навуковых пошукаў.

Каб дасягнуць гэтай мэты неабходна выкарыстанне шырокага спектра тэарытычных вучэнняў, а не толькі марксісцка-ленінскага, як гэта рабілася раней. Пры гэтым мы маем на ўвазе не супрацьлеглую пазіцыю – поўнае адвяржэнне марксізма-ленінізма, а крытычныя адносіны да яго палажэнняў і выкарыстанне таго, што ў той ці іншай ступені вытрымала выпрабаванне жыццёвай практыкай.

Неабходнасць належнага тэарытычнага ўзроўню ў нашых працах патрабуе выкарыстоўваць і тыя грамадскія плыні, якія ў свой час супрацьстаялі марксісцка-ленінскім тэарытычным установкам, і якія ўзначальвалі К. Каўцкі, Э. Бернштэйн, В. Пляханаў і многія іншыя. Яны, як вядома, фактычна поўнасцю адвяргаліся марксісцка-ленінскай ідэалогіяй і практыкай, хаця мелі права на існаванне і на пэўныя пазіцыі ў сацыяльна-эканамічным і грамадска-палітычным жыцці.

Тэарытычны ўзровень прац, выкананых на аснове нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі, не можа быць належным без больш шырокага, чым раней, выкарыстання беларускай гістарычнай думкі ў сярэднявечныя і іншыя часы. У першую чаргу нам неабходна абапірацца на зробленае ў гэтых адносінах Францыскам Скарынам і яго паслядоўнікамі, не ігнараваць, а выкарыстоўваць спадчыну прафесароў-гісторыкаў Віленскага ўніверсітэта і іншых нашых далёкіх папярэднікаў.

Асабліва неабходна мець на ўвазе навуковыя распрацоўкі тых прадстаўнікоў гістарычнай думкі Беларусі, якія ўзначальвалі яе ў бурлівыя першыя дзесяцігоддзі XX стагоддзя – У. Ігнатоўскага, М. Доўнар-Запольскага, У. Пічэты і некаторых іншых. Калі бальшавіцка-савецкая ўлада, рэпрэсіруючы навукоўцаў, забараняла іх працы, то гэта сведчыла толькі аб сугуба адміністрацыйных падыходах і ні ў якім разе не аб абвяржэнні зробленых імі даследаванняў. Выкарыстанне і памнажэнне гісторыкамі Рэспублікі Беларусь іх навуковага наследства – наша адна з важнейшых задач.

Натуральна, што тэарытычны ўзровень навуковых распрацовак па гісторыі Беларусі не можа быць на

належным узроўні, калі не выкарыстоўваць беларускую філасофскую думку эпохі Сярэднявечча, іншых гістарычных перыядаў. Гэта неабходна дапаўняць таксама навуковымі здабыткамі па гісторыі беларускай этнаграфіі, літаратуры, мовазнаўства, педагогікі, другіх напрамкаў ведаў.

Важным метадалагічным аспектам нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі з'яўляецца тое, што нацыянальны інтарэс пры гэтым можа і павінен выконваць агульнаграмадзянскія функцыі. Ён не раз'ядноўвае, не супрацьпастаўляе людзей розных нацыянальнасцей, а аб'ядноўвае іх у межах адной краіны і супадае з яе дзяржаўнымі інтарэсамі. У гэтым – адна з важнейшых навуковых асаблівасцей і грамадска-палітычнае значэнне такога падыходу.

Такія і іншыя метадалагічныя падыходы павінны перш за ўсё ўжывацца пры выкананні найбольш важных напрамкаў гістарычных даследаванняў. Сярод самых прыярытэтных праблем беларускай гістарычнай навукі – гісторыя беларускай дзяржаўнасці. У апошнія два дзесяцігоддзі па ёй асабліва шмат зроблена ў калектыўных і спецыялізаваных выданнях. Гэта – і «Нарысы гісторыі Беларусі» ў дзвюх частках [1; 2], і «Гісторыя Беларусі» ў шасці тамах [3; 4; 5; 6; 7; 8], і «Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці» [9], і першая з дзвюх кніг па «Гісторыі беларускай дзяржаўнасці» [10] і інш.

Пры гэтым асабліва важнай з'яўляецца праблема перыядызацыі беларускай гісторыі. Ва ўмовах сувярэннай незалежнай дзяржавы – Рэспублікі Беларусь тут сталі пераважаць падыходы, звязаныя з палітычнай гісторыяй, у першую чаргу па гісторыі беларускай дзяржаўнасці, калі беларускі народ у той ці іншай ступені, у тых ці іншых формах і ў адпаведных абставінах меў свае дзяржаўныя ўтварэнні.

Адзін з важнейшых метадалагічных аспектаў нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі заключаецца ў тым, што толькі тады яна дасягне сваёй мэты, калі выкананыя на яе аснове даследаванні будуць як мага больш аб'ектыўнымі. Гэта універсальны прынцып любой гістарычнай навукі, у тым ліку, канешне, і беларускай. Вось да чаго імкнуцца даследчыкі многіх краін, але вынікі, натуральна, розныя.

Як вядома, гэта можа быць дасягнута шляхам максімальнай набліжанасці да праўды жыцця ў адпаведныя гістарычныя перыяды ці эпохі. Пры гэтым важна дасягаць як мага большай аддаленасці (па-магчымасці) ад задач тых ці іншых бягучых палітычных абставін. Гісторыкам заўсёды няпроста, а нярэдка цяжка дыстанцыравацца ад патрабаванняў правячых структур, але імкненне да гэтага заўсёды было важнай умовай іх паспяховай працы.

Такім чынам, працягваюць заставацца актуальнымі сфармуляваныя ў сярэдзіне 90-х гадоў XX стагоддзя важныя прынцыпы, з выкананнем якіх у першую чаргу можна дасягаць максімальнай аб'ектыўнасці ў гістарычных даследаваннях. Гэта, як вядома, па-першае, неабходнасць дэпалітызацыі гістарычных распрацовак, а таксама, па-другое, дэпартызацыі нашых даследаванняў. Разам узятае ўсё гэта павінна прывесці да важнага выніку, а менавіта, па-трэцяе, да дэідэалагізацыі гістарычных твораў.

Як крытычна не адносіцца да гэтых метадалагічных прынцыпаў, але даследаванні беларускіх гісторыкаў у сваёй абсалютнай большасці выконваюцца з іх улікам ці на іх аснове. З набыццём новага вопыту ў развіцці гуманітарных навук у Рэспубліцы Беларусь іх прымяненне пашыраецца. Даследчыкі-гісторыкі ўсё больш ацэньваюць магчымасць працаваць на іх аснове. Гэта, несумненна, спрыяе павышэнню навуковай якасці і грамадскаму гучанню нашых работ.

У дадзеных абставінах асабліва ўзрастае адказнасць тых даследчыкаў, якія распрацоўваюць праблемы гістарыяграфіі. Аб'ектыўная ацэнка ранейшых прац – надвычай адказная справа. Пры гэтым нельга не ўлічваць грамадска-палітычныя асаблівасці таго часу, калі яны ствараліся. Таму ў дзейнасці гістарыёграфа важна выдзяляць у аналізуемых працах станоўчае і не ігнараваць яго, і, канешне, адказацца ад кан'юнктурнага, што суправаджала дадзеныя работы.

Зразумела, што нашыя даследаванні, заснаваныя на нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі, пастаянна павінны папаўняцца дакументальнымі сведчаннямі. Іх пошук, як і крытычнае стаўленне да ранейшых крыніц – важная ўмова паспяховага руху наперад. У гэтым праяўляецца дынамізм гістарычнай думкі, яе эвалюцыя, імкненне да ўсё новых і новых гістарычных вышынь.

Важна, што гэтыя важнейшыя падыходы да нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі і яе метадалагічных аспектаў у асноўным не супярэчаць дзяржаўнаму стаўленню да гістарычных распрацовак. Таму тое, што выконваецца на аснове і ў межах дзяржаўных праграм па гістарычнай навуцы можа і павінна ўлічваць дадзеныя крытэрыі. Фактычна на практыцы гэта мае месца.

Найбольш паказальная ілюстрацыя такіх падыходаў – змяшчэнне ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь (першай і наступных рэдакцыях) тэзіса, што дзяржаўнасць на беларускіх землях мае шматвекавую гісторыю [11, с. 3]. Гэты прынцыповы запіс у свой час быў зроблены па настойлівым прадстаўленні беларускіх гісторыкаў і ў першую чаргу Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Ён з'явіўся і з'яўляецца важнай падставай для навуковых гістарычных напрацовак па гэтай надзвычай актуальнай, палітычна завостранай праблеме.

Аднак у сувязі з тэндэнцыямі развіцця сусветнай гістарычнай навукі ў апошнія дзесяцігоддзі ўзнікае, у прыватнасці, пытанне ўзаемаадносін нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі і яе метадалагічных аспектаў з цывілізацыйнымі падыходамі, якія ўжо значны час практыкуюцца даследчыкамі

многіх краін [11]. У аснове яны станоўча ўспрымаюцца і беларускімі гісторыкамі.

Відавочна, што гэтыя падыходы – і нашыя, якія ўтрымлівае нацыянальна-дзяржаўная канцэпцыя гісторыі Беларусі з яе метадалагічнымі аспектамі, і цывілізацыйныя – не супярэчаць адзін другому. Айчынныя даследчыкі гісторыі Беларусі ў пэўнай ступені выкарыстоўваюць практыку цывілізацыйных падыходаў. Пры гэтым яны не ігнаруюць, у прыватнасці, і ранейшую перыядызацыю гістарычнага працэсу па сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных фармацыях. Крытычна ставячыся да іх, беларускія гісторыкі рухаюцца далей у сваіх навуковых распрацоўках.

На наш погляд, гэта толькі некаторыя з важнейшых метадалагічных аспектаў нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі. Але і яны дазваляюць канстатаваць, што ў яе межах і на яе аснове даследчык, несумненна, атрымоўвае большыя правы не толькі ў выбары тэматыкі, але і яе рэалізацыі на падставе, канешне, больш грунтоўнай дакументальнай базы.

Кіруючыся прынцыпамі нацыянальна-дзяржаўнай канцэпцыі гісторыі Беларусі і яе метадалагічнымі аспектамі, даследчыкі маюць больш рэальныя магчымасці наблізіцца да гістарычнай ісціны. Гэта з'яўляецца важнейшай задачай, выкананнем нашага грамадзянскага і прафесійнага абавязку перад беларускім грамадствам і яго суверэннай дзяржавай – Рэспублікай Беларусь.

ЛІТАРАТУРА

1. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.;
2. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал: М. Касцюк, (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – Т. 1: Старажытная Беларусь. Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2008. – Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага. – 688 с.
5. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2004. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – 344 с.
6. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / М. Біч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.). – 518 с.
7. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.
8. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. – 728 с.
9. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 615 с.
10. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2-х кн. Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.
11. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 3-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2008. – 64 с.
12. Тойнби, А. Д. Постижение истории: Сб. / А. Д. Тойнби; пер. с англ., сост. А. П. Огурцов. – М.: Прогресс, 1991. – 795 с.

Михаил Костюк

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

Резюме

Исходя из положений национально-государственной концепции истории Беларуси, выясняются ее методологические стороны – теоретическая основа, включающая широкий спектр общественных учений и достижения в гуманитарной области белорусского этноса, нации, народа; стремление к максимальной объективности в отражении исторического процесса; соотношение национально-государственной концепции истории Беларуси с цивилизационными подходами и другое.

Mikhail Kastsiuk

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE NATIONAL AND STATE CONCEPT OF THE HISTORY OF BELARUS

Summary

The author analyzes the methodological aspects of the history of Belarus according to its national and state concept. These aspects include the theoretical basis (a wide range of public doctrines and achievement in humanitarian field of the Belarusian ethnos, the nation, peoples), aspiration to the maximum objectivity in reflection of historical process, a ratio of the national and state concept of the history of Belarus with civilizational approaches, etc.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК 323.31(476)(043.3)+947.6

Віктар Кахновіч (Мінск, Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ ПАМЕШЧЫЦКАГА ПРАДПРЫМАЛЬНІЦТВА Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.: КРЫНІЦАЗНАЎЧЫ АСПЕКТ

Сялянская рэформа 19 лютага 1861 г. прывяла да значных зменаў у сферы гаспадарчых практык у дваранскіх маёнтках. Адзначым, што многія мадэлі гаспадарання (арыентаваныя на высечку і распрацоўку лясоў, прамысловасць, насенную і племянную гаспадарку) набылі сваё перадавое значэнне яшчэ ў дарэформенны час, але менавіта парэформенны перыяд стаў той эпохай, калі дваранская гаспадарка ў поўнай меры была ўцягнута ў стыхію таварна-грашовых адносін і мадэрнізацыі [1, с. 114–117]. У беларускай сучаснай гістарыяграфіі прынята палажэнне, што ў 90-я гады XIX ст. закончыўся крызіс і пачаўся ўздым у сельскай гаспадарцы краіны – перадусім дзякуючы тэхнічнаму (новае абсталяванне і рыштунак) і тэхналагічнаму (новыя формы арганізацыі вытворчасці і аграпрыёмы) прагрэсу ў маёнтках памешчыкаў Беларусі [2, с. 56; 3, с. 77]. Праз гэта час на мяжы XIX і XX стст. прыцягвае асаблівую ўвагу. Апроч таго, ёсць крыніца, што дазваляе дастаткова падрабязна разгледзець рэалізацыю прадпрымальніцкай ініцыятывы ў маёнтках, пры гэтым – датычна дастаткова буйнога масіву гаспадарак. Гэтая крыніца – «Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах», якія мелі 2 выданні (4 выпускі ў 1897 г. і 5 – у 1900–1904 гг.).

Раней у айчыннай гістарыяграфіі ўжо меў месца зварот даследчыкаў да дадзенай крыніцы [4; 5]. Аўтар пашырае напрацоўкі ў дадзеным кірунку і развівае раней прыменены на практыцы метадалагічныя прынцыпы пры вывучэнні вышэйадзначанай крыніцы, для разгляду гаспадаркі ў найбольш перадавых маёнтках Беларусі. Адзначым, што менавіта такія маёнткі – тыя, што мелі тавар для прадстаўлення на рынку – патрапілі ў згаданае раней выданне. Пры ўсёй непаўнаце і абмежаванасці крыніцы, аб чым ужо пісалася [10; 1, л. 55–59], крыніца тым не менш можа даць шэраг цікавых звестак.

Пры разглядзе гаспадарак паводле даведніка пачатку XX ст. было вылучана тры групы маёнткаў. Гэта было зроблена ў адпаведнасці з ранейшым вопытам [5]. Усяго было налічана 135 маёнткаў з 274 прамысловымі прадпрыемствамі [6; 7]. Пры падліках прадпрыемстваў узнік шэраг праблем. Так, у крыніцы апроч «фабрык» або «заводаў» паказваліся як прамысловыя аб'екты млыны (паравыя і ўсе іншыя), сукнавальні, а таксама пазначэнні кшталту «производство масла» ці «производство сыра», сушылкі для фруктаў і лекавых раслін, слясарныя і рамонтна-тэхнічныя майстэрні. Мяркуем, што іх варта таксама залічваць да прамысловай сферы. Напрыклад, «масладзельня» Ксаверыя Вайніловіча, што мела гадавы аб'ём вытворчасці ў 500 пудоў у маёнтку Макраны Слуцкага павета [6, с. 146–147]. Падобны падыход быў у аўтара і раней, але на новым этапе яму ўдалося ўдакладніць ранейшыя даныя (аб колькасці прадпрыемстваў у Брэсцкім павеце і інш.) [1, с. 183–184, табл. В2. 12, табл. В2. 13].

Заўважым, што са 135 гаспадарак (якія былі падлічаны па 35 беларускіх паветах) 134 належалі дваранам (дзедзічным і асабістым). Выключэнне тут складала толькі гаспадарка Школы садоўніцтва, агародніцтва і хмеляводства ў Бабруйску. Сапраўды, гэтае назіранне дазваляе гаварыць пра гегемонію прадпрымальнікаў з памешчыцкага асяродка ў беларускай вёсцы. Між тым датычна інфарматыўнасці крыніцы прызнаем, што тая асвятляе прадпрыемствы і прамысловыя гаспадаркі-маёнткі ў Беларусі досыць няпоўна. Так, да гаспадарак 3-й групы (з праявамі прадпрымальніцкай ініцыятывы высокага ўзроўню) належыла 119 маёнткаў або 88,1% са 135. Амаль ва ўсіх былі прамысловыя аб'екты. Аднак шэраг прадпрыемстваў (Кяневічаў з вядомай сваёй прадукцыяй у Еўропе Капцэвіцкай лесапільна-фанернай фабрыкай, з вінакурнымі і рэктыфікацыйным заводамі, Марыі Крывашэінай – смалакурны і дзегцярны заводы ў маёнтку Людзяневічы – толькі ў Мазырскім павеце) – упушчаны.

Асаблівы інтарэс прадстаўляюць супастаўленні, што даюць магчымасць адказаць на пытанне: якую частку ад усіх маёнткаў Беларусі складаюць тыя, што трапілі ў даведнік пачатку XX ст. Супаставім 134 дваранскія гаспадаркі згаданага даведніка з колькасцю маёнткаў у Беларусі (у межах 35 беларускіх паветаў), што былі дадзены ў працы А. П. Жытко [3, с. 197, табл. 3. 45], і атрымаем: яны складуць толькі 0,83 % ад усіх маёнткаў паводле пазямельнага перапісу 1905 г. (16 283) ці толькі 1,01 % ад агульнай колькасці землеўласнікаў-дваранаў паводле перапісу 1877 г. (13 335). Характэрнай асаблівасцю групы перадавых прадпрыемстваў Беларусі таго часу была наяўнасць прамысловай вытворчасці. У гэтым дачыненні ёсць усе падставы падтрымаць ранейшы тэзіс аб прамысловай дзейнасці як неабходнай умове для камерцыйнага поспеху таго ці іншага маёнтка. Менавіта таму асабліва прыцягвае ўвагу прамысловасць у маёнтках.

Даныя «Кратких справочных сведений о некоторых русских хозяйствах» былі прааналізаваны па-

Прадпрыемствы ва «ўзорных» маёнтках Беларусі канца XIX – пачатку XX ст.

I група прамысловых аб'ектаў	Колькасць	%	II група прамысловых аб'ектаў	Колькасць	III група вытворчых аб'ектаў	Колькасцьць
Вінакурныя заводы	97	57,1	Торфараспрацоўкі	4	Лясныя пітомнікі	21
Піваварныя заводы	5	2,9	Майстэрні*	14	Конныя заводы	23
Бульбяна-крухмальныя заводы	11	6,5	Сукнавальні	8	Хмельнікі	7
Лесапільныя заводы	7	4,1	Маслабойні, сыраварні*	70	Садовыя пітомнікі	55
Шкіпінарна-дзегцярныя заводы	12	7,1	Крупарушкі	18	Прамысловыя агароды	7
Цагельныя заводы	14	8,2	Вінаробчыя майстэрні	2	Сады (дзесяцін)	101 800)
Вапнавыя заводы	5	2,9	Сушыльні (фруктаў і траваў)	2	Парнікі, аранжарэі	3
Сенапрэсавальны завод	1	0,6	«Завод касцянай мукі»	1	Сельскагаспадарчая школа	1
Тарфянаперапрацоўчыя заводы	2	1,2	Млыны	92	Пчольнікі (лік вулляў)	26 (620)
Чарапічныя і ізразцовыя заводы	6	3,5	У тым ліку для памолу касцяной муки	1	Птушнікі	11
Папяровыя і заводы драўлянай масы (цэлюлозныя)	4	2,4	У тым ліку паравыя	16	Пітомнікі дэкаратыўных і лекавых раслін	3
Маслабойныя заводы	4	2,4	У тым ліку вадзяныя	73	Пітомнік вярбы	1
Суконны завод	1	0,6	У тым ліку іншыя	2	«Воўначасальня»	1
Шкляны завод*	1	0,6	Усяго	211	Усяго	260
Усяго прамысловыя прадпрыемствы I гр.	170	100	Разам з прадпрыемствамі I гр.	381	Усяго прадпрыемстваў усіх груп	641

*Відавочна, што немалы лік шкляной вытворчасці на Беларусі ў прааналізаванай крыніцы не ўлічаны.

водле складу вытворчасці, што і было адлюстравана ў асобнай табліцы [6, 7]. Былі вылучаны, як тое было апрабавана раней [5], тры групы прадпрыемстваў. Да першай аднесены ўласна прадпрыемствы фабрычна-завадскога тыпу (у адпаведнасці з прамым указаннем крыніцы); да другой – розныя млыны, торфараспрацоўкі, маславарні і сыраварні, іншыя дробныя прадпрыемствы (саматужная прамысловасць); да трэцяй – лясныя і садовыя гадавальнікі, пчольнікі, прамысловыя агароды і сады, іншыя аб'екты. Усе яны адлюстроўвалі, мяркуем, добрую гаспадарчую інтуіцыю ўласнікаў (раслі патрэбы горада, што пашыраўся тады нават у Беларусі).

З табліцы відаць, што сярод прадпрыемстваў прамысловасці пераважалі бровары: 97 або 57,1% ад агульнага ліку. Заўважым, што 97 згаданых вінакурань складалі 22,7 ад агульнага іх ліку (428) у 5 «беларускіх» губернях у 1900 г. ці 32,2% да 301 дваранскай вінакурні па стане на 1901 г. [3, с. 185, табл. 3. 41, графа 7, с. 187, табл. 3. 45]. Разам з тым у 135 гаспадарках, паводле даведніка пачатку XX ст., налічваўся 41% (уключаючы 170 прадпрыемстваў 1 групы і 16 паравых млыноў[1]) ад усіх 454 прадпрыемстваў у 35 беларускіх паветах на 1901 г. [3, с. 173–174, табл. 3. 36, 3. 38]. Аднак калі супаставіць колькасць прадпрыемстваў фабрычна-завадскіх і кустарных, то атрымаем, што прыведзеныя даведнікам пачатку XX ст. маёнткі Беларусі засяроджвалі да 84 усіх дваранскіх прамысловых прадпрыемстваў.

Працягнем аналіз і прымем колькасць дваранскіх прамысловых прадпрыемстваў (454) за пэўны арыенцір у справе высвятлення колькасці «новых эканомій» (ці перадавых і паспяховых маёнткаў Беларусі таго часу). Канешне, адзначым пэўную ўмоўнасць самога падыходу ды непаўнату тых звестак, якія маем на сённяшні момант. Такім чынам, суаднясём гэты ўмоўны паказчык (454 прадпрыемствы) з агульным лікам дваранскіх валоданняў на 1905 г. (16283). У выніку атрымаем толькі каля 3% «новых эканомій» па краіне ад агульнага ліку дваранскіх маёнткаў. Безумоўна, дадзеная лічба, дастаткова невялікая, – выклікае рознага роду пярэчанні. Між тым інфармацыйнай базы, што дазваляла б сучаснаму даследчыку эканамічнай гісторыі Беларусі сцвярджаць аб больш высокім узроўні паспяховасці мясцовых маёнткаў, на дадзены момант няма. Апошняе адпавядае настрою сучаснікаў, што ў асноўнай сваёй масе, асабліва пасля рэвалюцыйнага выбуху 1905–1907 гг., адыходзілі ад спраў

[1]Паравыя млыны ў той час адносіліся да прамысловых прадпрыемстваў, аб чым выразна сведчаць разнастайны статыстычныя і справаводчыя крыніцы эпохі.

на зямлі. Тое ж адпавядала агульным тэндэнцыям у Расійскай імперыі напярэдадні Першай сусветнай вайны і рэвалюцыі 1917 г.

Звернемся і да іншага аспекту нашага прадмета. Падцвярджаецца тэзіс аб канцэтрацыі рыс перадавой гаспадаркі ў буйных маёнтках (звыш 500 дзес.) [1, л. 183, заўвага 3]. Супаставім і атрымаем прыкладны лік «новых маёнткаў» па 35 беларускіх паветах 18,3% (2487) да агульнай лічбы «латыфундый», ці да 32,5% у групе маёнткаў з больш чым 1000 дзес. (1398) [3, с. 197, Табл. 3. 45]. Таксама неабходна лічыцца з тым, што сярод вывучаных 135 маёнткаў 112 ці 83% складалі тыя, што мелі звыш 500 дзес. У той жа час толькі 15 маёнткаў налічвалі ад 100 да 500 дзес. (11,1%), 1 (ферма Бабруйскай школы садаводства, агародніцтва і хмелеводства) – 70 дзес. (0,7%), і яшчэ па 7 (5,2%) – колькасць зямлі не была паказана.

Агульны атрыманы вынік назіранняў карэліруе з тым, што быў зроблены расійскім даследчыкам В. М. Нікуліным адносна рэгіёна Паўночнага Захаду Расіі [8, с. 31–32], блізкага па ўмовах мясцовасці да Беларусі. Поруч з тым праз сітуацыю з крыніцазнаўчай базай нельга прыняць 135 «узорных» маёнткаў, што былі адабраны складальнікамі даведніка пачатку XX ст., у якасці рэпрэзентатыўнага партрэта гаспадаркі памешчыкаў Беларусі [4]. Больш ці менш ясную карціну згаданая вышэй крыніца дазваляе атрымаць для абмежаванага ліку так званых «узорных» ці «інавацыйных» маёнткаў. Але тое толькі 4,5% ад усіх буйных маёнткаў краіны. Між тым менавіта гэтая невялікая частка маёнткаў засяроджвала 4/5 прамысловых прадпрыемстваў дваранаў Беларусі, а таксама ўяўляла з сябе перадавыя тэндэнцыі ў аграрнай і лесатэхнічнай сферы.

Падобных разлікаў у айчыннай гістарыяграфіі не прыводзілася, але, з апорай на прыведзеныя вышэй лічбы, можна меркаваць, гіпатэтычна, што колькасць інавацыйных маёнткаў (паводле фіксацыі прыкмет прамысловай дзейнасці ў маёнтках) дасягала 1/5 ад усіх латыфундый Беларусі. Мяркуем, што менавіта апора на прамысловую ініцыятыву, эксплуатацыю лясоў, а таксамам доўгатэрміновыя высілкі і інвестыцыі ў жывёлагадоўлю і ўсё болей падпарадкаванае яму земляробства – дазволілі да канца XIX ст. знайсці сваё месца на рынку інавацыйнай частцы маёнткаў. У доказ перадавой ролі прамысловай ініцыятывы варта прывесці некаторыя назіранні з даследаванага даведніка. Так, толькі 21 са 135 «узорных» маёнткаў (15,6%) не мелі прамысловых прадпрыемстваў, але толькі 9 (6,7%) – не мелі зусім ніякай вытворчасці. Прамысловы характар перадавых гаспадарак сумяшчаўся з адкормам жывёлы, з наяўнасцю племянной і насенневай гаспадаркі. Шматгаліновы характар гаспадарак – відавочны, але патрабуе свайго ўдакладнення і тлумачэння.

Так, пасля прамысловасці (і гандлю лесам) другім па значнасці фактарам прагрэсу варта абазначыць жывёлагадоўлю. Выяўляецца, што ў 100 маёнтках са 135 можна знайсці адкорм і продаж жывёлы гаспадаркамі (мясная арыентацыя), а ў 60 выпадках – продаж малочнай прадукцыі (малочная арыентацыя, што, як правіла, перасякалася з мясной). Паказальна, што 73 са 135 гаспадарак (54,1%) – гандлявалі племянной жывёлай, насеннем і сажанцамі. Такім чынам, трэцім па значнасці фактарам прагрэсу ў маёнтках выступала земляробства.

Не выклікае сумніву, што 135 разгледжаных маёнткаў Беларусі былі сапраўднай апорай эканамічнага прагрэсу ў сельскай гаспадарцы краіны. Аднак наяўныя крыніцы не дазваляюць статыстычна дакладна адказаць, якой была сітуацыя ў 95 дваранскіх землеўладанняў Беларусі або ў 4/5 латыфундый краіны. Пэўна, нейкая частка з іх была здольная (набывалі добрае насенне, саджанцы і племянны прыплод жывёлы) паспяхова з прыбыткам весці гаспадарку. Яшчэ большая колькасць маёнткаў (верагодна да 3/4 латыфундый і звыш 1/4 агульнай колькасці) маглі існаваць дзякуючы распрацоўцы лясных багацяў. Аднак мела месца і, відаць, панавала агульная з іншымі рэгіёнамі еўрапейскай часткі Расійскай імперыі тэндэнцыя – скарачэнне землеўладання і распродаж маёнткаў, зыход уласнікаў апошніх у іншыя сферы жыццядзейнасці. І ўсё гэта адбывалася на фоне цярпячай крызіс і адсталай ў сваёй масе сялянскай гаспадаркі.

ЛІТАРАТУРА

1. Кахновіч, В. А. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861 – 1917 гг.: дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.03 / В. А. Кахновіч; БДУ. – Мінск, 2010. – 220 с.

2. Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму: вуч. дапаможнік у 5 ч. / склад. А. П. Жытко [і інш.]; пад агульн. рэд. А. П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2005 – 2009. – Ч. 3: Аграрная гісторыя: сацыяльна-эканамічныя і палітычныя праблемы. – 2008. – 214 с.

3. Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861 – 1914 гг. / А. П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2003. – 233 с.

4. Киштымов, А. Л. Экономический потенциал белоруской усадьбы в конце XVIII – начале XX века / А. Л. Киштымов // Исторические усадьбы Беларуси: материалы Междунар. конф., Залесье (Сморгонский р-н), 4–5 сентября 2003 г. – Минск: Четыре четверти, 2003. – С. 90–123.

5. Кахновіч, В. А. Асаблівасці памешчыцкага прадпрымальніцтва на Палессі ў канцы XIX – пачатку XX ст.: метадалагічны аспект / В. А. Кахновіч // Методы исследований истории Беларуси: материалы Междунар. научн.-практ. конф., Минск, 22–23 октября 2008 г. / редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 76–80.

6. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах: в 5 вып. / Мин-во земледелия и гос. имуществ, Деп-т земледелия; сост. под рук. В. И. Масальского. – 2-е изд. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1901–1905. – Вып. 3. – 1901. – 546 с.

7. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах: в 5 вып. / Мин-во земледелия и гос. имуществ, Деп-т земледелия; сост. под руков. В. И. Масальского. – 2-е изд. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1901–1905. – Вып. 4. – 1904. – 332 с.

8. Никулин, В. Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дисс. … д-ра ист. наук: 07. 00. 02 / В. Н. Никулин; Калининградский гос. ун-т им. И. Канта. – СПб., 2006. – 43 с.

Виктор Кохнович

ОСОБЕННОСТИ ПОМЕЩИЧЬЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Резюме

Автор анализирует развитие предпринимательства помещиков в Беларуси на основе данных наиболее полно отражающего ситуацию справочного издания начала XX в. Целью статьи является выявление и анализ особенностей предпринимательской активности в имениях после отмены крепостного права. В то же время автор не только останавливается на частной проблеме признаков помещичьего предпринимательства, но также предлагает наблюдения и практические рекомендации при изучении источников того типа, который рассмотрен в данной статье. Вопросы рассматриваются через призму проблемы эффективной собственности.

Viktar Kakhnovich

THE PECULIARITIES OF THE LANDOWNERS' BUSINESS ACTIVITY IN BELARUS AT THE END OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY: SOURCE STUDY ASPECT

Summary

The author analyzes the development of the landowners' business activity in Belarus on the basis of the full reference publication data of the beginning of the 20th century. The main aim of the article is to reveal and analyze the specific features of the estates' management after the abolition of the serfdom. At the same time the author not only represents the local problem but also offers the actual and important approaches to the source study and use of methodology. The main attention is paid to the problem of the effective property.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК 930.2

Уладзімір Красюк (Мінск, Беларусь)

ПРАБЛЕМА ГІСТАРЫЧНАГА КАНТЭКСТУ – ДЫНАМІКА ВЫЯЎЛЕННЯ

Глабалізацыйныя і лакальныя трансфармацыі, якія сёння вызначаюць развіццё соцыуму, не заўседы задавальняюць грамадства, выклікаюць патрэбу ўважліва, а калі трэба, па-новаму прааналізаваць сітуацыю, якая склалася не раптам, а мае вытокі ў мінулым. Пашырэнне і паглыбленне праблемнага поля функцыянавання чалавечай супольнасці адбываецца з улікам пошуку неабходных метадалагічных прыёмаў. Адносна гісторыі Беларусі можна сказаць, што паслядоўна склаліся розныя, у тым ліку і супярэчлівыя канцэптуальныя падыходы да разумення нашага мінулага, якія маюць адпаведныя сацыяльна-філасофскія абаснаванні.

Гістарычны кантэкст развіцця грамадства выяўляецца па меры «ўваходжання» даследчыка ў арэол зместу дакладнай эпохі, у якой існуе народ. Метадалагічным атачэннем даследавання з'яўляюцца крытэрыі раскрыцця доказу, абаснавання ідэі, свайго бачання праблемы. Нават летапісанне гэта не простая падача фактаў, падзей, у ім заўсёды прысутнічае летапісец са сваім бачаннем гэтых падзей.

Сёння шмат гавораць пра тое, што гісторыю можна перапісваць нанова. Здавалася б, пры розных крытэрыях падыходу асновай з'яўляюцца гістарычныя факты. А што такое гістарычны факт? Агульны адказ – тое, што дакладна ўстаноўлена. А як быць з Напалеонам, Аляксандрам I і некаторымі асобамі бліжэйшага часу, якія па афіцыйных меркаваннях памерлі там і сям, а на самой справе ёсць сведчанні, што гэта не так? Што лічыць у такім выпадку за гістарычны факт?

Выяўленне гістарычнага кантэксту патрабуе сінтэзацыі адпаведных метадалагічных прыёмаў, якія складаюць дакладную метадалогію даследавання. Возьмем, да прыкладу, працу вядомага філосафа, гісторыка, літаратуразнаўцы І. Дварчаніна (1895–1937) над вывучэннем спадчыны Ф. Скарыны. У сваёй доктарскай дысертацыі «Францыск Скарына як культурны дзеяч і гуманіст на беларускай ніве», якую ён паспяхова абараніў у Карлавым універсітэце ў 1926 годзе, вучоны стварае свой метадалагічны пазітыў выяўлення гістарычных умоў, асаблівасцей творчай дзейнасці, духоўнага патэнцыялу, ідэйных перакананняў беларускага першадрукара. Дварчанін выкарыстоўвае наступныя метадалагічныя прыёмы гісторыка-літаратурнага пазнання, мэта якога даследаванне грамадска-філасофскай думкі канкрэтнай гістарычай эпохі ў асобе Ф. Скарыны. У сваёй суцэльнасці выкарыстоўваюцца наступныя метады: гістарычны, параўнальны, якія дапаўняюцца, як гаворыць Дварчанін, методыкамі філалагічнай, публіцыстычнай і іншымі. Даследчык лічыць, што выпрацоўка методыкі абумоўлена «… характарам стымулявання і ўзроўнем зацікаўленасці ў ім, а таксама пытаннем, якое неабходна высветліць» [1, с. 13].

У распрацоўцы метадалогіі для выяўлення гістарычнага кантэксту галоўная роля належыць яе філасофскаму абаснаванню, інакш кажучы, філасофіі як метадалогіі навуковага даследавання наогул.

Задачы філасофіі ў адносінах да гісторыі рознабаковыя. У філасофіі гісторыі прысутнічаюць выпрацаваныя светапоглядныя аспекты пазнання гістарычнай рэальнасці. Анталагічны аспект у тым, што філасофія спрыяе тэарытычнаму разуменню гістарычнага працэсу, вызначэнню ў ім неабходнасці і выпадковасці, аб'ектыўных умоў і суб'ектыўнага фактару. Гносеалагічны аспект дапамагае даследаваць спецыфіку гістарычнага пазнання. Метадалагічны аспект узбройвае гісторыка арсеналам метадаў гістарычнага пошуку. Лагічны аспект задае тон спосабам гістарычнага тлумачэння і аналізуе лагічныя формы выяўлення гістарычных ведаў. Прыярытэтная роля філасофіі належыць шырокаму колу даследаванняў логіка-гносеалагічнай спецыфікі гістарычных тэорый, канцэпцый.

Цікавасць да светапогляднага, філасофскага асэнсавання гісторыі ўзнікае у Новы час, дакладней – у эпоху Асветніцтва. У ракурсе асветніцкай разважнасці да гісторыі падыходзілі з навучальнымі мэтамі, яна выконвала прагматычную функцыю. Іншае разуменне гісторыі было ў рамантыкаў канца XVIII – пачатку XIX стагоддзяў – як ідэалізацыя мінуўшчыны (Іенская школа ў Германіі). У Беларусі гэта было характэрна для філаматаў і філарэтаў). Для Г. Гегеля гістарычны працэс укладаўся ў абстрактную схему, якая падпарадкоўвала гістарычную рэальнасць логіцы развіцця абсалютнага духу. Нэаканцыянцы Бадэнскай школы, выступаючы супраць усякай метафізікі, даследавалі не праблемы гістарычнага быцця, а праблемы пазнання, метадалогіі гістарычнага аналізу. М. Вэбэр, які прытрымліваўся пазітывісцка-канціянскай арыентацыі, таксама займаўся ў асноўным гносеалагічнымі праблемамі гісторыі. Задачаю стварэння спецыяльнага метаду гістарычнай навукі, пабудовы асобай тэорыі гістарычных ведаў займаліся В. Дыльтэй у Германіі, Б. Крочэ ў Італіі, Р. Колінгвуд у Англіі, Н. І. Карэеў у Расіі.

У пачатку XX ст. у філасофіі гісторыі акрэсліваецца пазіцыя, накіраваная супраць гносеалагізму і метадалагізму. Праблемным полем даследаванняў стаў разгляд гістарычных фактаў, працэсаў, з'яў, гэта значыць разгляд прадмета даследаванняў замест разгляду ведаў

аб ім. Ствараюцца філасофска-гістарычныя канцэпцыі, якія вывучаюць менавіта не прыроду гістарычных ведаў, а прыроду гістарычнага працэсу. Гэта працы О. Шпенглера, А. Тойнбі, А. Вэбэра, І. Хёйзінгі.

Гісторыка-матэрыялістычныя пазіцыі К. Маркса і Ф. Энгельса пачалі фарміравацца ў 40-я гады XIX ст., калі стаў афармляцца новы метад даследавання. Пры дапамозе гэтага метаду, які за аснову пры вывучэнні эвалюцыі грамадства браў спосаб вытворчасці і грамадскія адносіны, была створана мадэль, якая дапамагала зразумець працэсы, што мелі месца ў жыцці чалавечай супольнасці. Аднак наяўнасць такой мадэлі зусім не азначала магчымасць «падгонкі» рэальных фактаў і падзей пад тэарытычныя схемы, тым больш не была раўназначна наяўнасці дэтальных ведаў аб усіх працэсах, што мелі месца ў гістарычным быцці. Адкрыццё навуковага метаду аналізу грамадскіх з'яў не азначала авалодвання поўнай карцінай ведаў аб гэтых з'явах, а было адкрыццём іх законаў, сродкам далейшага развіцця навуковай тэорыі.

У канцы XIX – напачатку XX ст. склаліся тры асноўныя лініі ў адносінах да гісторыі. Яны былі прадстаўлены марксізмам, пазітывізмам і ідэалістычнымі філасофскімі плынямі (нэакантыянства, «філасофія жыцця» і інш.), якія ў XX стагоддзі дапаўняліся новымі накірункамі. Разгледзім некаторыя з іх.

Калі паўстала праблема стварэння лагічнага аналізу распрацовак ў гістарычнай навуцы, то аднымі з першых адгукнуліся пазітывісты. Лагічны аналіз гістарычнага даследавання можна ажыццяўляць з розных філасофскіх пазіцый. Аднак першапраходцамі былі прадстаўнікі філасофіі лагічнага пазітывізму, якія імкнуліся сканструяваць лагічную схему гістарычнага тлумачэння. Яна паралельна была створана К. Попера і К. Гемпелем, атрымаўшы назву Попера-Гемпеля.

У цэлым гэтая схема не прапаноўвае агульнай тэорыі навуковага тлумачэння, абмяжоўваючыся лагічным аналізам прычыннага тлумачэння якой-небудзь падзеі. Тэорыя К. Попера з'яўляецца дэдуктыўнай, паколькі яна прадугледжвае, што суджэнне аб тым, што падлягае тлумачэнню павінна быць выведзена з суджэння, якое тлумачыць. Гэта так званая «тэорыя ахопліваючага закону», бо згодна з ёю, суджэнне, якое тлумачыць, павінна змяшчаць апроч суджэння аб зыходных умовах падзеі, якая тлумачыцца, адзін ці больш універсальных законаў.

Аднак гэтыя ўніверсальныя законы павінны паддавацца эмпірычнай праверцы на аснове вядомага «прынцыпу фальсіфіцыруемасці» Попера. К. Гемпель дадае, што гісторыя ў большасці выпадкаў дае нам не дакладнае тлумачэнне, у сэнсе магчымасці дэдуцыраваць падзею з універсальных законаў, але нешта накшталт «тлумачальнага эскіза». Эскіз патрэбна «напоўніць», для гэтага неабходны далейшыя эмпірычныя даследаванні, накірунак якім дае эскіз.

У першыя дзесяцігоддзі XX ст. атрымала вядомасць тэорыя структурна-функцыянальнага аналізу сацыяльна-гістарычных з'яў Т. Парсанса і Р. Мертана. Згодна з ёй грамадскія працэсы бачыліся ў структурна-раздзеленай цэласнасці, дзе кожны элемент мае сваё функцыянальнае прызначэнне.

Напрыканцы XX стагоддзя заявіў аб сабе ў якасці інтэрпрэтатара гістарычных ведаў постмадэрнізм. У адносінах да гісторыі, гістарычных падзей філасофія постмадэрну выступае ў плане адмаўлення ідэі цэлага, разрыву «повязі часоў», нездольносці асэнсавання праблем. Гістарычныя праблемы ў іх сутнасці проста ігнаруюцца. Пры дапамозе канцэпцыі постсучаснасці мінулае «ўпісваецца» ў сённешняе, становіцца не перадумовай апошняга, а яго неад'емнай састаўной часткай. Інтэрпрэтатыўны розум як феномен постмадэрна адмаўляе пошук гістарычнай ісціны, замест уводзіцца перакіданне версіямі ў працэсе вольнага дыялогу. Не маючы патрэбу працаваць у рэжыме навуковых катэгорый постмадэрнісцкае разуменне гістарычнага тэксту не прызнае канцэпту, пры дапамозе якога можна арганізаваць тлумачэнне. Тэкст можа па-рознаму быць асэнсаваным. Ж. Дэрыда дэканструкцыю тэксту падае як метад аналізу, які занава абасноўвае акт пазнання, пры гэтым кантэкст праблемы можа мець варыятыўны характар. Пры дапамозе паняцця «рызома» – павярхоўнасць, які ўвялі Ж. Дылёз і Ф. Гватары, адхінаецца дакладнасць, праца прымае гульнявы характар.

Ж. Бадрыяр, аналізуючы сітуацыю, якая склалася ў сучасным навуковым пазнанні, сцвярджае, што рэальнасць у сілу сваёй фрагментарнасці, не можа быць адэкватна асэнсавана і сістэматызавана. Ніякая тэарытычная сістэма не зможа змясціць у сабе «рэальнасць». Гэта таму, што падзея заўсёды папярэднічае тэорыі; тэорыя з'яўляецца тады, калі сама падзея стала другой. Таму для стварэння тэорый, якія тлумачаць гісторыю і сучаснасць, патрэбны іншы стыль мыслення. На змену логіцы павінен прыйсці асацыятыўна-гульнявы стыль інтэлектуальнай дзейнасці. Пры дапамозе паняцця «сімулякр» фіксуецца «… спосаб ажыццяўлення падзеяснасці, які рэалізуецца ў акце семіозіса і не мае іншай формы быцця, апроч перцэптыўна-сімвалічнай…» [2, с. 727].

Такім чынам, агляд розных метадалагічных падыходаў да аналізу гістарычных з'яў і іх інтэрпрэтацыі сведчыць, што кантэкст іх выяўлення залежыць ад філасофска-светапоглядных установак аўтараў, стваральнікаў тэарытычных установак. Пры гэтым мае значэнне факт адносін аўтараў да дзеяснасці створаных імі тэорый: выяўленне гістарычнага кантэксту бачыцца ў залежнасці ад канечных вынікаў даследаванняў. Калі сістэма Попера-Гемпеля прэтэндуе на дасягненне гістарычнай ісціны, то пазіцыя постмадэрністаў адваротная – яна прадугледжвае розныя інтэрпрэтацыі. Для вывучэння гісторыі Беларусі традыцыйна прыменяецца дыялектыка-матэрыялістычная метадалогія, якая, аднак, не пазбаўлена неабходнасці кантактавання з іншымі, альтэрнатыўнымі традыцыямі.

ЛІТАРАТУРА

1. Дварчанін, І. С. Францішак Скарына як культурны дзеяч і гуманіст на беларускай ніве / І. С. Дварчанін. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 187 с.

2. Можейко, М. А. Симулякр / М. А. Можейко // Постмодернизм: энцикл. / ред. А. И. Мерцалова. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – С. 727–728.

Владимир Красюк

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА – ДИНАМИКА ВЫРАЖЕНИЯ

Резюме

В статье рассматриваются методологические приемы выявления исторического контекста. Отражена роль философии в построении исторических теорий и концепций. Изучается динамика развития и взаимодействия методов исторической науки.

Uladzimir Krasiuk

THE PROBLEM OF HISTORICAL CONTEXT – DYNAMIC OF EXPRESSION

Summary

The article touches upon different research methods of historical context study. The role of philosophy in building historical theories is revealed. Dynamics of development and interaction of historical methods are analyzed.

Паступіў 18.12.2012 г.

УДК 378.4(476.5)(063)

Виктория Латышева (Минск, Беларусь)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: СМЕЩЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО АКЦЕНТА

Очевидно, что в последние десятилетия исследования в области социальной истории стали одной из наиболее динамично развивающихся областей исторического знания. Генез претерпело само понятие «социальная история», ее подходы и методы.

Современная историография богата исследованиями, объектом которых стали всевозможные стороны «социального организма», а именно различные социальные группы. Эта практика была характерна для марксистской традиции в советской историографии, когда объектами являлись такие группы, как «рабочие», «крестьяне», «буржуазия» и т. п. Имеет свое законное продолжение подобная практика и в последующий период. Здесь мы сталкиваемся с очевидным и закономерным осознанием существования «множественности» подобных объектов. И это вполне объяснимо: история как наука давно перестала быть «узкой» дисциплиной. На ее основе возникли разнообразные направления со своими источниковой базой, смысловыми понятиями, методами исследования, кругом специалистов.

Показательна в этом отношении тематика статей, публикуемая на страницах такого известного ежегодника, как «Социальная история», первый выпуск которого увидел свет в 1998 году. Уже беглый просмотр работ, напечатанных на его страницах, показывает очевидность того, что на смену упомянутым выше социальным группам отечественной истории пришли исследования, проведенные через призму, например, жизни священников [5], «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» [9], «провинциальных обывателей» [1], женщин [8], детей [4] и т. д.

Особое внимание исследователей обращено на советскую межвоенную действительность. Именно она развернута в динамичное представление различных по сути трансформаций советского общества. Здесь мы встречаем большое разнообразие выделенных социальных групп в качестве объектов исследовательского интереса. Обращает внимание, например, исследование В. С. Тяжельниковой, посвященное представителям правящей партии – коммунистам середины 1920-х годов [10]. Широко известной стала работа Ш. Фицпатрик, в которой посредством описания обыденной жизни советских горожан раскрывается «повседневный сталинизм» 1930-х годов [11].

В целом обращение к определенной социальной группе в современных исследовательских практиках опирается на принцип историзма и не является неким «ноу хау». Однако очевидно смещение выбираемых объектов в сторону обновления последних и установление их тесной связи с ценностными ориентирами.

В последние годы нельзя не говорить о дальнейшем обновлении объектов исторических исследований в заданном направлении. В первую очередь приковывает внимание группа, название которой имеет строго социальное звучание – душевнобольные. Еще бы: в мире насчитывают более полумиллиарда душевнобольных, количество которых продолжает расти. (Как известно, медицина в данном случае оперирует точным диагнозом, а не обобщенным названием.) В одной из опубликованных лекций доктор медицинских наук И. Д. Муратова подчеркнула: «Психиатрия (наука и практика), действительно, из всех медицинских дисциплин является наиболее уязвимой и чувствительной ко всякого рода кризисам в обществе, ортодоксальным перегибам в естественных и мировоззренческих науках и за свою историю пережила немало «перестроек» и «ломок» [6].

До последнего времени данная группа игнорировалась в исследованиях отечественных историков. С одной стороны, за этим стоял один из векторов советской внутренний политики, который смог сделать из научно-практической отрасли медицины свою карательную машину. С другой стороны, в самом обществе по сей день прочно живут мифы о «дурачках» и «психах» как о людях, по меньшей мере, вызывающих лишь наши улыбки. Оставаясь на подобных позициях, исследователь, как минимум, демонстрирует бытовой, но не научный уровень своих изысканий, что дискредитирует историю как науку.

Сегодня целевая группа душевнобольных становится объектом междисциплинарных исследований на постсоветском пространстве. Внимание к ней со стороны исследователей не случайно. Еще в 1930-е годы видный советский ученый В. А. Гиляровский заметил: «Психиатрия – это зеркало, в котором отражаются все теневые стороны жизни» [2; с. 23]. Актуализация рассматриваемого объекта отражает состояние современного общества. Видится возможным констатировать, что оно готово взглянуть на себя в это «зеркало». Даже по тому «как устраивает общество своих душевнобольных можно судить об уровне его культуры, цивилизации» [3; с. 18].

Исследовательский выбор рассматриваемой группы имеет и методологический «фундамент». Он связан с ролью и функцией такого принципа в историче-

ском исследовании, как принцип ценности в истории. Вопросы, связанные с поиском и утверждением ценностных ориентиров, приобретают свою остроту в обществе. Именно история должна дать ответы на вопросы современности, что, в свою очередь, и вызывает обновление не только методов, но и самих объектов исследования.

Рассматриваемая группа предстает как междисциплинарный объект исследования. С одной стороны, она требует привлечения знаний из различных отраслей науки: психиатрии, истории медицины, юриспруденции, лингвистики, социологии, психологии и т. д. С другой стороны, исследования подобных объектов взывает к различным, не всегда традиционным группам источников. Здесь оправданным видится привлечение произведений литературы, данных устной истории, демографических и статистических показателей во времени и другие. Она требует поиск и не совсем традиционных для отечественной историографии путей исследования. В частности, как показал наш опыт, продуктивными являются методы, направленные, например, на воссоздание восприятия данной группы в межвоенном обществе посредством реконструкции в нем образа душевнобольных.

И здесь открывается оборотная сторона феномена междисциплинарности. История способна не только использовать наработки и методы других отраслей научного знания, но и сама обогащать их. При этом приходится учитывать особенности ее места и роли в такой интеграции.

Источниковая база изучения рассматриваемого явления весьма ограничена в целом. К примеру, в Национальном архиве Республики Беларусь данный массив представлен малочисленными документами, хранящимися в фонде № 46 Наркомата здравоохранения БССР. К тому же время изрядно потрепало этот фонд. Как отмечается в пояснительной записке к описи № 1 фонда № 46, «Архивный фонд до начала Отечественной войны находился на хранении в ЦГАОР БССР в гор. Могилеве. Документальные материалы не были эвакуированы во время войны, это отразилось на сохранности и состоянии материалов. В фонде сохранились документальные материалы в основном за 1919–1925 гг. и очень незначительное количество дел за 1926–1941 гг. (по 1–3 ед. хр. за год), причем за 1928, 1931–1932, 1934–1937 гг. материалы вообще не сохранились» [7; л. 4].

Сужение базы происходит также из-за того, что душевнобольные люди не могли (и не могут) оставлять источников личного происхождения, по которым можно было бы судить об эффективности проводимых мер по оказанию им медицинской и иной помощи. В силу естественных причин не представляется возможным всесторонне изучить состояние этой социальной группы глазами ее представителей. Тем не менее возможность приблизиться к пониманию культуры ее существования, например в межвоенный период, имеется – путем поиска и анализа символических элементов, в том числе – слов, образов и поступков, характерных для общества того времени в целом, позволяющих раскрывать самих себя и позиционировать других. Исторические исследования нацелены на реконструкцию, пусть и частичную, прошедшего времени, связанного с такой группой населения, как душевнобольные. Их жизнь ассоциировалась с теми установками, которые доминируют в обществе того или иного времени. В данном случае лакмусовой бумажкой может быть обывательское восприятие этой целевой группы. Его определением выступали, как правило, государственная политика и ментальные установки различных групп населения. Если первая определяющая могла изменяться и довольно часто, то вторая – отличалась явным консерватизмом.

Таким образом, возникает ряд задач, требующих своего решения: выделение социальных и правовых векторов советской политики по отношению к душевнобольным; определение различных аспектов поведения с душевнобольными, проявлявшихся в символической форме и получивших закрепление в межвоенный период; раскрытие региональных особенностей и ментальных установок различных групп населения (на примере БССР); характеристика восприятия душевнобольных в советском обществе. Это задачи, как и тема в целом, ранее не были объектом научно-исторического исследования.

Решение означенных задач актуально и возможно на основе источников самого различного происхождения. Среди тех источников, которые привлекли наше внимание, отметим материалы фондов Народного комиссариата здравоохранения, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, в Государственном архиве Российской Федерации, а также в областных архивах Беларуси. Кроме этого известную ценность представляют источники по белорусским филологии и фольклору, литературные произведения межвоенного периода, ставшие классикой, материалы, размещенные в прессе, опубликованные и неопубликованные интервью и воспоминания современников прошедших событий, нормативная правовая база, а также нормы психиатрии того времени.

Рассматриваемая социальная группа интересна не просто как междисциплинарный объект в наше время научной интеграции. Оправданность и необходимость ее научно-социального изучения важны и как мультиобъекта, которым увлечена современная наука, что является следствием и ее развития, и возрастания запросов общества, предъявляемых к научному знанию.

В целом феномен меж- и мультидисциплинарности, на наш взгляд, продиктован возрастанием роли личности в настоящем и, следовательно, в прошлом – для познания этого явления в наши дни. Актуальна также ревизия давно сложившихся направлений в других областях научного познания, ориентированных на понимание разнообразия мира людей в независимости от их физического и психического здо-

ровья. В противном случае, мы рискуем попасть в ловушку идеализации человека как исторического объекта междисциплинарности. Кроме того, игнорируя указанное многообразие, мы игнорируем и социальные функции истории, принципы ее научного познания, в очередной раз подвергая историческую науку возможной дискредитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухараев, В. М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX / В. М. Бухараев // Социальная история: ежегодник, 2000. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). – 2000. – С. 19–34.

2. Гиляровский, В. А. Психиатрия: руководство для врачей и студентов / В. А. Гиляровский. – Л.; М.: Биомедгиз. 16 тип. треста «Полиграфкнига» в Москве, 1935. – 750 с.

3. Корсаков, С. С. Избранные произведения / С. С. Корсаков. – М.: Гос. Изд-во мед. лит., 1954. – 266 с.

4. Кошелева, О. Е. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени / О. Е. Кошелева // Социальная история: ежегодник, 1997. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1998. – С. 177–205.

5. Леонтьева, Т. Г. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.) / Т. Г. Леонтьева // Социальная история: ежегодник, 2000. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. – С. 34–57.

6. Муратова, И. Д. История развития психиатрической службы на Севере / И. Д. Муратова. http: // www. talagi. ru / history_1. htm. – Дата доступа: 28.06.2012.

7. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 46. – Оп. 1-1а.

8. Пушкарева Н. Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории / Н. Л. Пушкарева // Социальная история: ежегодник, 1997. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1998. С. 69–95.

9. Смирнова Т. М. Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917–1920 годов. (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) / Т. М. Смирнова // Социальная история: ежегодник, 2000. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. – С. 87–127.

10. Тяжельникова В. С. Самоубийства коммунистов в 1920- годы / В. С. Тяжельникова // Отечественная История. 1998, № 6. – С. 158–173.

11. Фицпатрик, Ш., Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. [пер. с англ. Л. Ю. Пантина] – 2-е изд. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.

Вікторыя Латышава

СУЧАСНЫЯ МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПРАКТЫКІ: ЗРУШЭННЕ ДАСЛЕДЧАГА АКЦЭНТУ

Рэзюмэ

Сучасныя метадалагічныя практыкі ў гістарычным даследаванні разглядаюцца праз прызму магчымасці і неабходнасці зрушэння даследчага акцэнту на прыкладзе выяўлення сацыяльнага партрэта савецкага грамадства на розных этапах яго існавання. У першую чаргу звяртаецца ўвага на неабходнасць даследавання розных аспектаў жыцця самых неабароненых слаеў насельніцтва. Прапанаваныя ідэі дазваляюць пашырыць базу крыніц і метадалогію яе аналізу.

Victoria Latyshava

MODERN METHODOLOGICAL PRACTICE: RESEACH FOCUS DISPLACEMENT

Summary

Modern methodological practice in historical research are viewed through the prism of the possibility and necessity of displacement research focus on the example of identifying a social portrait of the Soviet society at various stages of its existence. In the first place the attention is paid to the need of studying the various aspects of the lives of the disadvantaged. The proposed idea can extend the source base and the methodology of its analysis.

Поступила 19.12.2012 г.

УДК [94(476)+323.1(476)(091)]«1941/1991»

Валянцін Мазец (Мінск, Беларусь)

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ АДНОСІНЫ Ў БССР (1945–1991 гг.): НАКІРУНКІ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

Праблема вывучэння нацыянальных адносін у Савецкай Беларусі на працягу акрэсленага перыяду адносіцца да ліку найбольш шматгранных і складаных. Важнейшымі аспектамі гэтай праблемы з'яўляюцца накірункі і механізм ажыццяўлення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў БССР, уплыў дзяржаўнай палітыкі на нацыянальна-культурнае развіццё этнічных супольнасцей рэспублікі. Вывучэнне назапашанага ў сферы нацыянальных адносін вопыта будзе ў сучасных умовах садзейнічаць правядзенню ўзважанай і паслядоўнай дзяржаўнай палітыкі ў гэтай сферы.

Першая спроба аналізу стану нацыянальных адносін у БССР першага пасляваеннага дзесяцігоддзя была зроблена ў калектыўнай працы «Фарміраванне і развіццё беларускай сацыялістычнай нацыі» [53]. Для гэтага выдання, як і для іншых абагульняючых прац беларускіх даследчыкаў, было характэрна ўхваленне дзяржаўнай палітыкі па нацыянальным пытанні, увага акцэнтавалася на адлюстраванні станоўчых вынікаў нацыянальнага і культурнага развіцця саюзных рэспублік у разглядаемы перыяд [4; 10; 53]. Канцэптуальныя падыходы даследчыкаў да вывучэння стану нацыянальных адносін грунтаваліся на партыйнай ідэалагеме аб тым, што ў СССР, у тым ліку і ў БССР, нацыянальнага пытання не існуе, бо яно паспяхова вырашана.

Інтэрнацыяналізацыя літаральна ўсіх бакоў жыцця грамадства як вынік правядзення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі пераканаўча паказана ў працах А. Галаўнёва [11], А. Галаўнёва і А. Мельнікава [12], П. Сіліванчыка і А. Мельнікава [51], Я. Карнейчыка [18]. Пра гэта яскрава сведчаць нават толькі назвы работ, прысвечаныя дадзенай праблеме: «У адзінай сям'і брацкіх культур» [1], «Аб пралетарскім інтэрнацыяналізме» [50].

Асобныя аспекты дадзенай праблемы знайшлі сваё адлюстраванне ў публікацыях П. Петрыкава [48], А. Люцко [25; 26], І. Марчанкі [40; 41], Я. Мазуравай [38]. Аўтары гэтых публікацый прыводзяць багаты фактычны матэрыял, на аснове якога можна правесці абагульняючы аналіз рэалізацыі нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі ў розных галінах вытворчасці і грамадскім жыцці рэспублікі.

Цікавасць даследчыкаў да праблемы нацыянальных адносін прыкметна павялічылася ў другой палове 80-х гадоў XX ст.

На супярэчнасці ў сферы нацыянальных адносін аднымі з першых звярнулі ўвагу І. Марчанка і У. Навіцкі. [39]. Адлюстраваўшы дасягненні ў накірунку інтэрнацыянальнага выхавання, аўтары калектыўнай манаграфіі адзначаюць пры гэтым як негатыўную з'яву значнае скарачэнне сферы ўжытку беларускай мовы, асабліва ў галіне адукацыі, паказваюць першыя крокі на шляху пераадольвання крызісных з'яў у сферы нацыянальных адносін. Засяродзіць увагу на праблемах нацыянальнага будаўніцтва ў БССР меў на мэце складальнік зборніка «Перабудова і міжнацыянальныя адносіны» А. Русецкі [47].

Са станаўленнем незалежнасці Рэспублікі Беларусь адбываецца пераасэнсаванне сутнасці і вынікаў нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі, якая праводзілася ў БССР. Першыя публікацыі, якія пабачылі свет у 1990-я гады, былі пераважна навукова-папулярнымі і мелі культурна-асветніцкую накіраванасць. Пры гэтым у большасці даследаванняў, што выйшлі пасля 1991 года, аўтарамі адзначаецца негатыўны ўплыў палітыкі, якая праводзілася партыйна-дзяржаўнымі органамі БССР на працягу 1945 – 1991 гг. у сферы нацыянальнага жыцця на развіццё культуры як тытульнай – беларускай нацыі, так і іншых этнічных супольнасцяў рэспублікі.

Так, Л. Лыч у сваіх літаратурна-гістарычных артыкулах, выдадзеных асобнай кнігай [24], звяртае ўвагу на небяспеку знікнення беларускай мовы, а разам з ёю – і беларускай нацыі, што, паводле яго высновы, было вынікам правядзення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі. У навукова-папулярным выданні «Міжнацыянальныя дачыненні на Беларусі (верасень 1943 – кастрычнік 1964 г.)» аўтар на прыкладзе БССР паказвае, як у выніку правядзення савецкай палітыкі збліжэння і зліцця нацый і іх культур адбывалася дэнацыяналізацыя палітычнага, эканамічнага і духоўнага жыцця беларускага народа, дэфармацыя яго нацыянальнай самасвядомасці [23, с. 2].

М. Касцюк, разглядаючы асноўныя тэндэнцыі, працэсы і рысы нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі, робіць выснову, што ў БССР «працэс дэнацыяналізацыі асноўнага этнасу зайшоў даволі далёка» [19, с. 288].

У калектыўнай манаграфіі Л. Лыча і У. Навіцкага адлюстраваны складанасці і супярэчнасці нацыянальна-культурнага жыцця ў БССР, адзначаецца ўзмацненне русіфікатарскіх тэндэнцый у культурным жыцці на працягу акрэсленага перыяду, падкрэсліваецца выключна вялікая роля ідэалагічнага фактару ў дадзенай галіне [22].

Працэсы, якія адбываліся ў сферы міжнацыянальных адносін у рэспубліцы на працягу 1985–

1991 гг., аўтарамі «Нарысаў гісторыі Беларусі» Л. Лычом і У. Навіцкім характарызуюцца як «нацыянальна-культурнае адраджэнне» [24, с. 466.]. Тэрмін «духоўнае адраджэнне» для абазначэння змен нацыянальна-культурнага жыцця выкарыстоўвае таксама і З. Шыбека. [55, с. 384 – 400]. Характарызуючы 1945 – 1991 гады як «перыяд татальнай савецкай дамінацыі і беларускага рэгіяналізму», ён паказвае не толькі разбуральныя для беларускай нацыі наступствы нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі, але і спробы арганізацыі супраціву працэсам дэнацыяналізацыі і русіфікацыі [55, с. 338 – 400].

У калектыўнай манаграфіі А. Залескага і П. Кобрынца [14] на багатым фактычным матэрыяле раскрываецца працэс русіфікацыі сістэмы сярэдне-спецыяльнай і вышэйшай адукацыі ў БССР як вынік мэтанакіраванай нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі.

Характарызуючы працэсы, якія адбываліся ў сферы нацыянальных адносін у БССР на працягу 1940–1970-х гг., Т. Мікуліч адзначае: «захапленне партыйна-дзяржаўных лідэраў у другой палове 50 – пачатку 60-х гадоў XX ст. лозунгам аб непазбежнасці зліцця нацый у ходзе будаўніцтва камуністычнага грамадства, абвешчанага бліжэйшай перспектывай, пацягнула за сабой перабольшванне ролі мовы міжнацыянальных зносін і прыніжэнне ролі нацыянальных моў» і «вынікам такой палітыкі з'явілася падзенне прэстыжу беларускай мовы на ўсіх узроўнях» [42, с. 95].

Асобныя аспекты нацыянальных адносін у БССР закранае ў сваёй манаграфіі В. Шадурскі [54]. У прыватнасці, аўтарам была зроблена выснова аб тым, што ў выніку ідэалагічных кампаній другой паловы 1940-х гадоў «дзеянні ўладаў нанеслі сур'ёзны ўрон беларускай культуры, а таксама культурам іншых народаў, якія з'яўляюцца неад'емнай часткаю культурнай прасторы Беларусі» [54, с. 27]. Характарызуючы падзеі 50 – 80-х гадоў XX ст., В. Шадурскі прыходзіць да высноў, што «сваімі праціўнікамі партыйна-дзяржаўны апарат лічыў актыўных прыхільнікаў нацыянальнага адраджэння» [54, с. 76], а «прыхільнікі інтэрнацыяналізацыі паводле савецкага ўзору, якія лічылі Беларусь культурнай правінцыяй СССР, рабілі стаўку на хутчэйшае зліццё з рускай культурай, на пашырэнне выкарыстання рускай мовы ва ўсіх сферах» [54, с. 77].

Асноўныя накірункі і механізм ажыццяўлення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў БССР на працягу пасляваенных дзесяцігоддзяў знайшлі сваё адлюстраванне ў шэрагу публікацый В. Мазеца [27; 28; 29; 31; 32; 34; 36]. У прыватнасці, асобныя аспекты праблемы ім былі закрануты ў калектыўнай манаграфіі «Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе». Разглядаючы нацыянальна-дзяржаўную палітыку, якая праводзілася ў БССР на працягу 1944 – 1953 гг., аўтар прыходзіць да высновы, што галоўнай яе мэтай з'яўлялася «нівеліроўка нацыянальных адметнасцей», што абумовіла барацьбу «партыйна-дзяржаўных органаў супраць любых праяў нацыянальнага руху» [33, с. 404 – 405].

Не засталіся па-за ўвагаю даследчыкаў і пытанні ўплыву дзяржаўнай палітыкі на нацыянальна-культурнае развіццё этнічных супольнасцей (нацыянальных меншасцей) Беларусі. Першыя крокі ў гэтым накірунку былі зроблены Міжнароднай Акадэміяй вывучэння нацыянальных меншасцей, Міжнароднай асацыяцыяй беларусістаў і Інстытутам гісторыі НАН Беларусі. Менавіта дзякуючы іх высілкам былі праведзены канферэнцыі і апублікаваны іх матэрыялы, а таксама некалькі тэматычных навуковых зборнікаў, прысвечаных разгляду становішча прадстаўнікоў асобных этнасаў, якія спрадвеку жывуць на беларускай зямлі [2; 3; 44; 45; 46; 56].

У манаграфіі І. Пушкіна разглядаецца ўдзел этнічных супольнасцей, якія ён характарызуе як нацыянальныя меншасці, у грамадска-палітычным жыцці БССР на працягу 1919 – 1990 гг. [49]. Асобная глава гэтай кнігі прысвечана перыяду 1945 – 1990 гг. Даследчык прыходзіць да высновы, што «узровень этнічнай самасвядомасці ў прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей быў значна вышэй, чым у беларусаў» і канстатуе, што на «працягу 1945 – 1991 гг. у выніку мэтанакіраванай нацыянальнай палітыкі партыйна-дзяржаўных органаў у БССР адбылося выцясненне рускай мовай моў нацыянальных меншасцей БССР з грамадска-палітычнага жыцця, культурна-адукацыйнай сферы» [49, с. 183].

У параўнанні з іншымі этнічнымі супольнасцямі найбольшая колькасць даследаванняў прысвечана становішчу яўрэяў і развіццю іх культуры ў складаны пасляваенны перыяд. У першую чаргу неабходна адзначыць публікацыі Э. Іофе [15; 16], Л. Смілавіцкага [52] і В. Мазеца [37]. Асобныя пытанні развіцця яўрэйскай культуры ў пасляваенны перыяд аналізуюцца ў тэматычных зборніках [3; 13; 43]. У манаграфіі Э. Іофе адлюстраваны ўплыў нацыянальна-дзяржаўнай палітыкі на становішча яўрэяў і развіццё іх культуры ў БССР. Аўтар, абапіраючыся на аналіз багатага фактычнага матэрыялу, робіць выснову пра відавочную антысеміцкую накіраванасць дзяржаўнай палітыкі ў БССР на працягу разглядаемага перыяду [16].

Становішча польскай этнічнай супольнасці ў рэспубліцы разглядаецца ў публікацыях А. Вялікага [7; 8; 9], Э. Ярмусіка [57] і В. Мазеца [30].

Ролі ўкраінцаў у палітычным, культурным жыцці Беларусі, працэсах адбываўшыхся ў гэтай сферы ў другой палове XX ст., прысвечаны артыкулы Г. Курыловіч [20] і В. Мазеца [35].

Разглядаючы становішча татараў на Беларусі ў другой палове XX ст. нельга не пагадзіцца з меркаваннем вядомага даследчыка дадзенай праблемы І. Канапацкага, што да пачатку 1980-х гадоў татарская культура ў БССР не развівалася. Таму дадзены перыяд гісторыі беларускіх татараў мала даследаваны, хаця апошнім часам робіцца нямала для таго, каб запоўніць

гэты прабел. Па гісторыі і культуры беларускіх татараў была выдадзена калектыўная манаграфія, у якой разглядаюцца асобныя моманты пасляваеннага жыцця татараў і стан іх культуры [17]. У трох частках былі апублікаваны матэрыялы першай міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы», прысвечанай 600-годдзю татарскага асадніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім, а таксама іншых канферэнцый, прысвечаных рэлігіі і культурнаму жыццю татараў [6].

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што ў айчыннай гістарычнай навуцы назапашаны даволі значны фактычны матэрыял па асобных аспектах акрэсленай праблемы. У прыватнасці, былі разгледжаны асноўныя накірункі рэалізацыі нацыянальнай палітыкі КПСС у БССР, удзел этнічных супольнасцей у грамадска-палітычным жыцці рэспублікі, стан іх нацыянальна-культурнага жыцця. У якасці дэфініцый, якімі часцей за ўсё карысталіся даследчыкі для характарыстыкі сутнасці і накіраванасці нацыянальнай палітыкі, неабходна адзначыць тэрміны «інтэрнацыяналізацыя», «дэнацыяналізацыя» і «русіфікацыя». Адбываўся паступовы пераход ад публіцыстычнага да навукова-папулярнага і навуковага асэнсавання і асвятлення сутнасці і характару нацыянальных адносін у Савецкай Беларусі перыяду 1945–1991 гг.

ЛІТАРАТУРА

1. Бармичев, В. В единой семье братских культур / В. Бармичев – Минск, 1965. – 140 с.
2. Беларусіка=ALBARUTENIKA. Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны; рэд. А. Мальдзіс [і інш.] – Мінск, 1994. – 431 с.
3. Беларусіка=ALBARUTENIKA. Кн. 4: Яўрэйская культура Беларусі і яе узаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі / Міжнар. асац. беларусістаў, Нац. навук.-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны; рэд. В. Рагойша [і інш.]. – Мінск, 1995 – 381 с.
4. Братское сотрудничество Белорусской ССР с союзными республиками. – Минск: Наука и техника, 1974. – 208 с.
5. В союзе равных и суверенных: развитие сов. федерации и нац.-гос. стр-во белорус. / Ин-т филос. и права АН БССР; редкол.: С. Г. Дробязко [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1982. – 208 с.
6. Вывучэнне і захаванне культурнай спадчыны татарскага народа на Беларусі: матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф. – Мінск, 1999. – 191 с.
7. Вялікі, А. Ф. Палякі ў Савецкай Беларусі: «дваістыя стандарты» нацыянальнай палітыкі КПБ (1944 – 1991 гг.) / А. Ф. Вялікі // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы навук. канф., Мінск, 6 – 7 снеж. 2001 г. – Мінск: Дэполіс, 2001. – С. 292 – 297.
8. Вялікі, А. Ф. Змяненні ў нацыянальна-дэмаграфічнай сітуацыі заходніх абласцей Беларусі пасля падпісання дагавора 16 жніўня 1945 г. аб савецка-польскай дзяржаўнай граніцы. / А. Ф. Вялікі // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17 – 18 верас. 1999; адк. рэд. П. І. Брыгадзін, У. Ф. Ладысеў. – Мінск: БДУ, 2000. – С. 259 – 267.
9. Великий, А. Ф. Национально-демографическая ситуация в западных регионах Беларуси. 1944 – 1950 гг. / А. Ф. Великий // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. – Мінск, 1998. – С. 112 – 122.
10. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал.: І. М. Ігнацека (старшыня) [і інш.]. – 1972 – 1975. – Т. 5: Беларуская ССР у перыяд стварэння развітога сацыялістычнага грамадства і будаўніцтва камунізму (1945 – 1974 гг.) / А. А. Філімонаў [і інш.]. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1975. – 776 с.
11. Головнев, А. И. Интернациональное и национальное в развитии социалистической культуры / А. И. Головнев. – Минск: Беларусь, 1974. – 206 с.
12. Головнев, А. И. Сближение национальных культур в процессе коммунистического строительства / А. И. Головнев, А. П. Мельников. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 176 с.
13. Евреи Беларуси. История и культура: сб. статей. Вып. 1–6. / Отв. ред. И. П. Герасимова. – Минск, 1997 – 2001.
14. Залесский, А. И. О национальных отношениях в Советской Белоруссии: Ист. очерки / А. И. Залесский, П. Н. Кобринец. – Гродно: Гродненский гос. ун-т, 1992. – 192 с.
15. Иоффе, Э. Г. По достоверным источникам. Евреи в истории городов Беларуси / Э. Г. Иоффе. – Минск: Четыре четверти, 2001. – 300 с.
16. Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси: краткий научно-популярный очерк / Э. Г. Иоффе. – Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. – 292 с.
17. Канапацкі, І. Б. Гісторыя і культура беларускіх татар / І. Б. Канапацкі, А. І. Смолік. – Мінск: Навука і тэхніка, 2000. – 258 с.
18. Карнейчык, Я. Беларуская нацыя. Гістарычны нарыс / Я. Карнейчык. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 309 с.
19. Касцюк, М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. Касцюк. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 307 с.
20. Курыловіч, Г. М. Украінцы на Беларусі / Г. М. Курыловіч / Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі: зб. навук. арт. – Мінск, 1998. – С. 123–129.
21. Лыч, Л. Беларуская нацыя і мова: літ.-гістарыч. арт. / Л. Лыч – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – 277 с.

22. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – 453 с.

23. Лыч, Л. М. Па шляху нацыянальна-культурнага адраджэння / Л. М. Лыч, У. І. Навіцкі // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2 / М. П. Касцюк, І. М. Ігнаценка, У. І. Вышынскі і інш., Інстытут гісторыі АНБ. – Мінск: Беларусь, 1995. – С. 466.

24. Лыч, Л. М. Міжнацыянальныя дачыненні да Беларусі (верасень 1943 – кастрычнік 1964 г.) / Л. Лыч – Мінск: Галіяфы, 2009. – 284 с.

25. Люцко, А. В. Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке кадров. 1943–1945 гг. / А. В. Люцко – Минск: Изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1973. – 160 с.

26. Люцко, А. В. Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке кадров. 1946–1950 гг. / А. В. Люцко – Минск: Изд БГУ им. В. И Ленина, 1975. – 176 с.

27. Мазец, В. Г. Асіміляцыя нацыянальных меншасцяў у БССР у 1945 – 1985 гг. як вынік дзяржаўна-нацыянальнай палітыкі / В. Г. Мазец // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: сб. научн. работ. – Вып. 3 / сост. И. Кузнецов, Я. Басин; науч. ред. В. П. Андреев. – Минск, 2007. – С. 207 – 238.

28. Мазец, В. Г. Культурна-моўная асіміляцыя літоўскай і латышскай этнічных супольнасцей у БССР (1945 – 1989 гг.) / В. Г. Мазец // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы II Междунар. науч.-теор. конф., Минск, 25 апр. 2008 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М Танка, редкол. В. В. Тугай (отв ред.), А. П Житко [и др.]. – Минск БГПУ, 2008. – С. 364–365.

29. Мазец, В. Нацыянальна-дзяржаўная палітыка і змены этнічнай структуры насельніцтва Беларусі ў 1945 – 1989 гг. / В. Мазец // Беларусь у XX стагоддзі: сб. науч. работ. – Вып. 2. – Мінск: Б. в., 2003. – С. 234 – 241.

30. Мазец, В. Г. Нацыянальна-дзяржаўная палітыка і трансфармацыя становішча польскай этнічнай супольнасці ў БССР (1944 – 1989 гг.) / В. Г. Мазец // Гіст.-арх. зб. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – Вып. 27. – С. 276–281.

31. Мазец, В. Г. Нацыянальна-дзяржаўная палітыка ў БССР (1944 – 1953 гг.): тэндэнцыі і формы рэалізацыі / В. Г. Мазец // Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя з дня ўтварэння БССР): матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 18 снеж. 2008 г. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; рэдкал.: А. А. Кавaленя (старш.) [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2009. – С. 314 – 318.

32. Мазец, В. Г. Нацыянальна-дзяржаўная палітыка ў БССР у 1945–1991 гг. і яе ўплыў на нацыянальную самасвядомасць / В. Г. Мазец // Человек. Цивилизация. Культура: тезисы докл. IX Межвуз. науч.-теор. конф., Минск, 23 апреля 2004 г.: тезисы докл. / МГЭИ; ред. совет: А. Н. Алпеев [и др.] – Минск: Веды. – С. 20 – 24.

33. Мазец, В. Г. Нацыянальна-дзяржаўная палітыка (1944 – 1953 гг.) / В. Г. Мазец // Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.]; рэдкал.: А. А. Кавaленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – С. 378 – 405.

34. Мазец, В. Г. На шляху да незалежнасці. Змены ў нацыянальна-культурным жыцці ў БССР у 1985–1991 гг. / В. Г. Мазец // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 8. – С. 12–22.

35. Мазец В. Г. Роля ўкраінцаў у грамадскім і культурным жыцці Беларусі (1945 – 1989 гг.) // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы Міжнар. навук. канф. Мінск, 18 – 19 сак. 2003 г. / рэдкал.: У. І. Навіцкі (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – С. 312 – 315.

36. Мазец, В. Г. Тэндэнцыі дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў БССР у 1950-я гады. / В. Г. Мазец // ARCHE. – 2011. – №10. – С. 68–85

37. Мазец, В. Г. «Яўрэйскае пытанне» у кантэксце нацыянальнай палітыкі ў БССР (канец 1960-х – 70-я гг.) / В. Г. Мазец // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы II Междунар. науч.-теорет. конф., Минск. 25 апр. 2008 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка, редкол. В. В. Тугай (отв ред.) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2010. – С. 279 – 281.

38. Мазурова, Я. С. Государственные трудовые резервы Белоруссии в годы четвертой пятилетки / Я. С. Мазурова – Минск, 1962. – 104 с.

39. Марченко, И. Е. Белорусская ССР: курсом перестройки / И. Е. Марченко, В. И. Новицкий / под ред. М. П. Костюка. – Минск: Наука и техника, 1989. – 173 с.

40. Марченко, И. П. Рабочий класс БССР в послевоенные годы. 1945 – 1950 / И. П. Марченко. – Минск: Изд. АН БССР, 1962. – 259 с.

41. Марченко, И. П. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР / И. П. Марченко. – Минск: Наука и техника, 1977. – 247 с.

42. Мікуліч, Т. М. Мова і этнічная самасвядомасць / Т. М. Мікуліч; навук. рэд: В. К. Бандарчык. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – 159 с.

43. Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі: зб. навук. арт. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка; Фонд фундам. даслед. Рэсп. Беларусь; пад рэд. А. А. Кавалені. – Мінск, 1998. – 144 с.

44. Нацыянальныя меншасці Беларусі: тэмат. зб. навук. прац. / навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – Брэст; Мінск; Віцебск, 1996. – Кн. 1. «Канцэптуальныя пытанні развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі». – 79 с.

45. Нацыянальныя меншасці Беларусі: тэмат. зб. навук. прац. / навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – Брэст; Мінск; Віцеск, 1996. – Кн. 2. «Гісторыя асадніцтва нацыянальных меншасцей і міжэтнічных зносін на Беларусі». – 80 с.

46. Нацыянальныя меншасці Беларусі: тэмат. зб. навук. прац. / навук. рэд. С. А. Яцкевіч. – Брэст; Мінск, 1996. – Кн. 3. «Актуальныя праблемы нацыянальна-культурных меншасцей Беларусі». – 78 с.

47. Перабудова і міжнацыянальныя адносіны – Перестройка и межнациональные отношения / Склад. А. У. Русецкі. – Мінск: Беларусь, 1989. – 221 с.

48. Петриков, П. Т. Организация и деятельность постоянных комиссий местных советов Белоруссии (1944 – 1970) / П. Т. Петриков. – Минск: Наука и техника, 1971– 199 с.

49. Пушкін, І. А. Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919 – 1990 гг.): манаграфія / І. А. Пушкін. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2010. – 319 с.

50. Серова, И. И. О пролетарском интернационализме / И. И. Серова. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 144 с.

51. Силиванчик, П. П. Взаимообогащение и сближение национальных культур в период строительства коммунизма / П. П. Силиванчик, А. П. Мельников. – Минск: Изд-во БГУ, 1974. – 63 с.

52. Смиловицкий, Л. Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905 – 1953 г.: сб. ст. – Минск: АРТИФЕКС, 1999. – 361 с.

53. Фарміраванне і развіццё беларускай сацыялістычнай нацыі. – Мінск: Выд. АН БССР, 1958. – 270 с.

54. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945 –1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. – Минск: БГУ, 2000. – 285 с.

55. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795 – 2002) / З. Шыбека – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – 489 с.

56. Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы навук. канф., Мінск, 6 – 7 снеж. 2001 г. – Мінск: Дэполіс, 2001. – 388 с.

57. Ярмусик, Э. С. Римско-католический костел на Гродненщине: время перемен (80 – 90-е годы XX века) // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. проф. У. Д. Розенфельда. – Гродно: ГрГУ, 2001, Ч.2. – С. 102–108.

Валентин Мазец

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БССР (1945–1991 гг.): НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Резюме

В статье рассматриваются достижения отечественной историографии по проблеме национальных отношений в Советской Беларуси (1945 – 1991 гг.). Автор приходит к выводу, что по отдельным аспектам данной пробемы накоплен значительный фактический материал. В частности, в работах исследователей были рассмотрены основные направления реализации национальной политики КПСС в БССР, состоянии национально-культурной жизни национальных меншинств Беларуси.

Valiantsin Mazets

NATIONAL RELATIONS IN BSSR (1945–1991): CURRENT TRENDS IN RESEARCH

Summary

The article reviews achievements of Belarusian historiography concerning the issue of national relations in the Soviet Belarus (1945–1991). The author argues that considerable facts material on several aspects of this subject exists. In particular, scholars have studied main directions of the CPSU national policy in the BSSR, national and cultural life of national minorities in Belarus.

Паступіў 19.12.2012 г.

УДК 316.74:81+930.1

Ольга Матусевич (Минск, Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

В связи со значительным распространением идей постмодернизма в исторической науке весьма обсуждаемой стала тема исторической репрезентации. Крайние сторонники постмодернистских теорий ставили знак равенства между историописанием, историческим романом и личными воспоминаниями, утверждая, что каждый имеет право писать «свою» историю, ставя под сомнение научные основания исторических исследований. В результате этих споров сформировалось несколько концептуальных подходов относительно репрезентации событий прошлого в науке и памяти (индивидуальной и групповой). Востребованными стали работы не только по методологии и теории истории, но и социальные теории памяти. Проблема коллективной памяти вызывала особый интерес, поскольку стало очевидным, что именно она является основой идентичности социальных групп и общностей (включая этносы и нации), а также основой лигитимизации власти. На данный момент можно констатировать, что сложилось несколько подходов к изучению социальной памяти.

Формирование и функционирование обыденных знаний о прошлом, а также их содержание являются предметом научного интереса как истории (в том числе устной истории, роль которой в данной статье не рассматривается), так и социологии. Эти науки применяют различный инструментарий и методики изучения феномена памяти. Междисциплинарность данных исследований, с одной стороны, способствует взаимному обогащению, идейным заимствованиям и активному диалогу исследователей, с другой стороны, ведет к концептуальной и методологической путанице.

Один из наиболее известных подходов к изучению коллективной памяти предложил французский историк П. Нора. Для исследования памяти он предложил в качестве эвристического инструмента понятие «места памяти», «в которых общество... добровольно сосредотачивает те воспоминания, которые оно считает неотъемлемой частью своего индивидуального облика: точки на карте... монументы... символические места... функциональные места... у этих мемориалов есть собственная история» [1, с. 157]. И именно эту историю, так называемую историю второго уровня, призвал изучать П. Нора. Данная исследовательская стратегия предусматривает не изучение самого прошлого, а его репрезентации в настоящем, не факты, а образы и их эволюцию в социальном пространстве.

Другой весьма распространенный среди историков подход к изучению памяти проиллюстрирован в публикациях Л. П. Репиной. Она вписывает изучение социальной памяти в рамки исследований исторической культуры. По ее мнению, сотворенная историками и ставшая памятью история соединяется в понятии историческая культура с воспринимающим ее историческим сознанием. Источниковой базой для ее изучения является «обширный и разнородный материал исторической (памятники устной традиции, анналы, хроники, летописи, «церковные истории», «истории народов», «естественные истории»), публицистической и художественной литературы, а также документов частного и публичного характера, который так или иначе отражает социальное бытование представлений о прошлом в элитарной и народной культуре и их роль в общественной жизни и в политической ориентации индивидов и групп, <... > включая динамику взаимодействия представлений о прошлом, зафиксированных в коллективной памяти различных этнических и социальных групп с одной стороны, и исторической мысли той или иной эпохи – с другой, притом, что ученое знание влияет на становление коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов» [2, с. 8].

Иную точку зрения представляют И. М. Савельева и А. В. Полетаев. Данные российские исследователи концентрируют свое внимание на изучении массовых представлений о прошлом, что, по их мнению, больше соответствует предмету современных исследований памяти. Эти представления формируются в результате обмена информацией и взаимодействия в обществе, поэтому они социальны. Они могут быть индивидуальными или групповыми (семейными, общинными, национальными и т. д.). Употребляя понятие «социальные представления» также подчеркивается, что их содержанием являются общественно значимые события, процессы, т. е. массовые обыденные знания о групповом прошлом. Это знание важно не столько своей познавательной функцией, сколько легитимизацией социального порядка, поддержания социальных образцов и групповой идентификации, что обеспечивает социальный консенсус и формирует социальные ожидания. Знания о прошлом должны обеспечивать ориентацию во времени и социальном пространстве. Поэтому объектом исследований должна быть не фактологическая наполненность исторических знаний, а общее представление об историческом процессе [3, с. 6–8]. При этом необходимо учитывать, что массовые представления о прошлом основаны на личном опыте и социально обусловленных знаниях.

И. М. Савельева и А. В. Полетаев отмечают, что распространение исследований коллективной памяти (а не массовых представлений о прошлом) ведет к антропоморфизации общества в научных работах. Единственно возможный предмет анализа так называемой «исторической памяти» И. М. Савельева и А. В. Полетаев видят в образах, в которых когда-то жила коллективная память и в которых она существует в наши дни, а также в способах политизации прошлого.

И. М. Савельева и А. В. Полетаев делят источники формирования социальных представлений о прошлом на устные (мифы, легенды и т. д.), визуальные и аудиовизуальные (мемориальные сооружения, коммеморации, кинофильмы, театральные представления, телепередачи), а также письменные. В современном обществе наибольшее влияние имеет вторая группа источников.

В структуре социальных представлений о прошлом выделяются три параметра: оценка значимости того или иного компонента прошлого (периода, события, личности и т. д.), степень интереса к разным компонентам прошлого и уровень конкретных знаний об этих компонентах. Темпоральная структура обыденных знаний о прошлом определяет соотношение знаний по периодам. Второй важной структурной характеристикой массовых представлений о прошлом является их распределение по «масштабу» – от семейной истории до всемирной. Третья характеристика относится к тематической структуре обыденного знания [4, с. 26–29].

Данные авторы обращают внимание на существование, так называемых, маркеров в социальных представлениях о прошлом, которые задают опорные точки в исторических знаниях и, как правило, выявляются в ходе соцопросов. Существует несколько типов маркеров: названия исторических событий и имена исторических личностей; хронологические маркеры (эпохи, века, десятилетия); культурные артефакты, присутствующие в настоящем, но ассоциирующиеся с прошлым (архитектурные сооружения, произведения искусства и т. д.). Маркеры покрывают историю неравномерно, в соответствии с распределением интереса к прошлому. По времени они смещены к настоящему, по пространственному охвату – в сторону национальной истории [4, с. 36–37].

Источниками изучения обыденных знаний о прошлом являются письменные (чаще принадлежащих перу узкого круга интеллектуалов, что снижает их репрезентативность), индивидуальные воспоминания (сбором и обработкой которых занимается устная история), контрольные тесты и опросы молодежи с целью проверки усвоения ими программ по истории, а также опросы общественного мнения. Данные источники могут говорить о содержании обыденных знаний, но не раскрывают механизмов их формирования и функционирования. При этом знаниевый компонент не является единственно определяющим, большое значение имеет эмоциональная окраска массовых представлений.

Объективность результатов соцопросов также вызывает сомнения у И. М. Савельевой и А. В. Полетаева. В большинстве случаев респондентам навязывается некоторое мнение как в формулировках вопросов, так и в наборе предлагаемых ответов. Они приходят к выводу, что соцопросы отражают мнение респондентов по поводу исторических представлений организаторов опроса [3, с. 12]. В принципе авторы выражают некоторый скептицизм относительно возможности реконструкции социальных представлений о прошлом, поскольку они сильно дифференцированы по различным социальным стратам и довольно интенсивно изменяются во времени. И чем более сложным является изучаемое общество, тем больше названные факторы обесценивают результаты исследований.

Оригинальную концепцию представил Я. Ассман, который проанализировал культуру памяти у древних обществ, в том числе способы создания воображаемого образа через постижение своего прошлого, что формирует не только чувство единства у членов общества, но и чувство единства с уже ушедшими поколениями. Прошлое, по его мнению, и возникает лишь в силу того, что к нему обращаются. Я. Ассман отмечал, что «коллективы не обладают памятью, но обуславливают память своих членов» [5, с. 36]. Память формируется у человека в результате коммуникации и социализации, она индивидуальна ввиду своей уникальности (комбинации воспоминаний), но социальна по своему происхождению. Все понятия, идеи, образы Я. Ассман назвал «фигурами воспоминания», которые представляют собой «культурно сформированные, общественно обязательные «образы воспоминания». Поэтому коллективная память является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом настоящего.

Коллективная память функционирует в двух модусах: коммуникативной и культурной памяти. Коммуникативная память является «живой» памятью, охватывает биографические воспоминания, которые связаны с недавним прошлым трех-четырех поколений. Культурная память имеет дело с так называемыми обосновывающими воспоминаниями, относящимися к абсолютному прошлому. Она специально учреждается, носит символический и мифологический характер и институционализирована. Воспоминания, составляющие содержание культурной памяти, призваны обосновывать идентичность группы.

Несмотря на все теоретические и терминологические расхождения, есть вопрос, в решение которого все ученые, обратившиеся к изучению феномена социальной памяти, едины. Это роль общих представлений о прошлом в конструировании национальной идентичности и самосознания.

Прошлое является основой формирования чувства уникальности, неповторимости, отличности

друг от друга как у людей, так и народов. Г. Люббе обозначает индивидуальность, базирующуюся на истории (в значении событий прошлого), идентичностью. «Идентичность – это ответ на вопрос, кто мы такие» [6]. И этот ответ заключен в нашем прошлом, в историях, которые отличают нас. «Идентичность не является результатом действия. Она – результат истории» [6]. Национальная идентификация создается благодаря социальной памяти, определяющей историческую индивидуальность населения той или иной местности, региона, страны. Без этой цементирующей основы люди, проживающие на территории государства, остаются просто населением.

Именно на создание условий для осознания гражданами страны своей отличности от других и собственного своеобразия направлена «политика памяти». В рамках реализации этой политики абсолютной нормой является непропорциональное соотношение всемирной и национальной истории в школьном образовании или социальной памяти. В сознании группы событийная насыщенность и значимость произошедшего в своем прошлом приобретает гипертрофированные размеры. Можно сказать, что в целях создания социального общего в государстве национальная история рассматривается в увеличительное стекло. Отечественная история связывает индивида с конкретным пространственно-временным и социальным ареалом, задавая систему координат и ориентиров, в рамках которых он может осуществлять социальное взаимодействие.

Под влиянием актуальной социально-политической ситуации (часто для сплочения народа) может происходить стихийная или специально организованная деформация социальной памяти. Например, какие-то события могут представляться в общественном сознании непропорционально их значимости для непосредственных участников (значение может преувеличиваться либо преуменьшаться). И связано это с тем, что со временем события могут переоцениваться, исходя не только из их результатов, но и последствий, а также оцениваться с перспективы их роли, скажем, в формировании государственности. При этом актуализация массовых представлений о прошлом не всегда означает их преднамеренную фальсификацию или мифологизацию в угоду политическим режимам либо идее построения национального государства. Обыденные знания о прошлом не столько политизированы, сколько укоренены в современности.

В какой степени социальные представления о прошлом выполняют идентификационную функцию, каким образом они укоренены в настоящем и как используются для организации социального пространства и социального взаимодействия – эти вопросы в современном социально-гуманитарном знании остаются достаточно дискуссионными. Вместе с тем в период значительного общественного переустройства анализ этих проблем приобретает особое значение, поскольку позволяет более обоснованно подойти к формированию «национальной идеи», по поводу которой многие годы не угасают публичные споры на постсоветском пространстве.

Различные подходы к предмету исследований (изучение формы или содержания памяти), применение различного научного инструментария и опора на различные эпистемологические принципы научного знания ведут к получению часто сложносоотносимых результатов анализа феномена коллективной памяти. При этом очевидные сложности и недостатки данных исследований, а также спорность полученных результатов не влияют на популярность темы памяти в среде гуманитариев. Причиной этому является то, что работы, посвященные социальной памяти, приближают ученых к ответу на вопрос о достоверности исторического знания. Но для того, чтобы ответ на этот вопрос стал более определенным, необходимо изучить проблему соотношения индивидуального и коллективного исторического сознания, механизмы формирования и замещения коллективных представлений о прошлом, а также взаимосвязь и взаимовлияние социальной памяти и исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артог, Ф. Время и история. «Как писать историю Франции?» / Ф. Артог; пер. Е. Э. Ляминой // Анналы на рубеже веков. – М.: XXI век – Согласие, 2002. – 282 с.

2. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 28 с.

3. Савельева, И. М. Знают ли американцы историю? / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – Ч. 1. – 48 с.

4. Савельева, И. М. Знают ли американцы историю? / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – Ч. 2. – 56 с.

5. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

6. Любе, Г. Историческая идентичность / Г. Любе // Вопросы философии [Электронный ресурс]. – 1994. – №4. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/lyubb_istid.php. – Дата доступа: 07.02.2012.

Вольга Матусевіч

АСНОЎНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА ВЫВУЧЭННЯ САЦЫЯЛЬНАЙ ПАМЯЦІ

Рэзюмэ

Артыкул прысвечаны аналізу сучаснай тэорыі памяці ў сацыяльна-гуманітарных навуках. Аўтар аналізуе асноўныя падыходы і дасягненні ў вывучэнні сацыяльнай памяці ў заходнееўрапейскай і расійскай навуцы, а таксама ролю і значэнне калектыўнай памяці для стварэння нацыянальнай ідэнтычнасці. Нацыянальная ідэнтычнасць, па меркаванні аўтара, заснавана на сацыяльнай памяці, якая вызначае гістарычную індывідуальнасць нацыі. Без гэтай асновы людзі, што пражываюць на тэрыторыі дзяржавы, застаюцца проста насельніцтвам. Аўтар прыходзіць да высновы, што на сучасным этапе ў замежнай гуманітарнай навуцы феномен сацыяльнай памяці тэарэтычна недастаткова распрацаваны, што ў спалучэнні з міждысцыплінарным характарам даследаванняў часта прыводзіць да сур'ёзных супярэчнасцей у навуковых дыскусіях.

Volha Matusevich

THE BASIC APPROACHES IN STUDYING OF SOCIAL MEMORY

Summary

The article is devoted to the analysis of the basic approaches and achievements in studying of phenomenon of memory in the Western European and Russian Arts. The author compares concepts of various kinds of memory, defines their specificity. Importance and a role of social memory for formation of national identity are examined in the article. The author comes to conclusion that there is an insufficient theoretical readiness of a phenomenon of collective memory in the humanitarian science. According to the author, national identification is created thanks to social memory defining historical individuality of the population. Without this cementing basis people, that live in a state, remain the population but do not become the nation.

Поступила 19.12.2012 г.

УДК 930.1

Николай Миницкий (Минск, Беларусь)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Современный этап развития исторической науки и образования на постсоветском пространстве характеризуется существенными достижениями, противоречивым развитием и наличием разрывов между различными отраслями знания, в том числе между наукой и образованием. Образы (модальности) науки и образования подвергаются постоянному пересмотру, что обусловлено сравнительно быстрой сменой социально-экономических условий и духовно-ценностных ориентиров общества. Соответственно этому меняются парадигмы, концепции, роль исторических наук и исторического образования. Изменяется и когнитивный образ науки, поскольку когнитивные модели являются неотъемлемой частью социальной реальности, более того, они во многом формируют, конструируют саму реальность [11, с. 22–23]. В настоящее время когнитивный подход значительно расширил свой методологический потенциал и превратился в одно из четырех инновационных научных направлений мировой науки (нано-, био-, инфо- и когитотехнологии).

К числу теоретико-методологических достижений представителей гуманитарных наук, в том числе и историков, следует отнести поворот от «единственно правильной» теории к плюрализму мнений, отказ от линейного стиля мышления и обращение к многомерности, переход от принципа исключительности к принципу дополнительности, от умения слушать только себя к восприятию иных взглядов. Сравнительно меньше успехов имеется в преодолении разрывов между теорией и практикой, идеальными нормами и жизненными реалиями, фундаментальной наукой и ее прикладной реализацией в историческом образовании.

Главное направление данного исследования – выявление диалектической связи фундаментальных достижений гуманитарных наук с образовательной практикой историка. Решение этой проблемы представляется нам весьма актуальным для устойчивого динамического развития современного общества. В разнообразии исследовательской тематики современных гуманитариев зафиксирована проблема реализации абстрактного теоретического знания в практике исследования и обучения. Средством решения проблемы нами предлагается «переплавка» методологических принципов и теоретических подходов в способы и приемы обработки эмпирических данных. Подобный подход обычно увязывают с пересмотром научного инструментария историков. Обращение к терминологии, парадигмам, теоретико-методологическим концепциям обусловлено разнообразием точек зрения на пути дальнейшего развития исторической науки и образования на территории всего постсоветского пространства.

По нашему убеждению, для настоящего этапа развития познания эффективным средством перевода («переплавки») теоретических концептов в методику познавательных действий являются когнитивные практики. Основой для реализации этого процесса является практико-ориентированная теория и ее конечный результат – модели. Главный инструмент когнитивных практик – концептуальные когнитивные модели и алгоритмы познавательных действий по их конструированию и применению. От эмоциональной составляющей фигуры речи, через ее концептуальный смысл к познавательному действию – такова суть новой когнитивной парадигмы, сформулированной и обоснованной российским психологом В. П. Зинченко [5, с. 375–434]. На наш взгляд, парадигма «слово, образ, действие» полностью отражает ситуацию современного познавательного процесса как в науке, так и в гуманитарном образовании.

Теоретико-методологическим основанием когнитивных практик, имеющих прикладной характер, является когнитивный подход. Современные философы и методологи уделяют большое внимание теме междисциплинарности когнитивных исследований в гуманитарных науках. Заметим, что само определение когнитивных наук в их современном виде трактуется как «междисциплинарный подход, объединяющий исследователей познания, главным фокусом внимания которых стала проблематика закономерностей приобретения, преобразования, представления (репрезентирования) хранения и воспроизведения информации» [6, с. 133]. К наиболее значимым результатам когнитивной междисциплинарности в последнее время следует отнести выделение специальных наук: когнитивной социологии, когнитивной психологии, структурной лингвистики, исторической информатики.

Собственно когнитология (когитология) как наука разделяется на теоретическое (теория когнитивного подхода) и прикладное направление (когнитивные практики). Применение когнитивных практик в гуманитарном образовании возможно лишь на меж- или полидисциплинарной основе. На наш взгляд, междисциплинарность в гуманитарных науках и

образовании постепенно превращается в полидисциплинарное явление. Например, представление (репрезентация) знаний в образовательной практике не может обойтись без обращения к визуализации знания, отражающей единство философии, логики, дидактики, информатики и дизайна. В результате чего и появились понятия «визуальное мышление», «инфодизайн», «логико-графическая схема», «когнитивная карта», «дидактический дизайн» и др.

На базе когнитивного подхода исследуются не только формальные, но и сущностные проблемы исторического познания. К ним в первую очередь относится определение предмета исторической науки. С когнитивных позиций предметом исторического познания является не столько история как повествование, сколько история как исследование, точнее, методы построения исторического знания. Разделение истории на повествовательную, объяснительную и прагматическую началось еще в античную эпоху (Геродот – Фукидид – Полибий). Для современного процесса обработки исторических данных важно не описание самого метода и тем более не история его эволюции, а модель метода, познавательный инструмент науки (когнитивные конструкты). Историки чаще всего ориентируются на бинарное представление междисциплинарности, т. е. ее теоретико-содержательное и логико-методологическое наполнение.

В состав инструментария когнитивного подхода в историческом исследовании, на наш взгляд, входят: парадигма (исходное понятие), базовые и преходящие понятия. Эта система когнитивных модальностей составляет трехуровневую модель понятий (концептов) и отражает теоретико-содержательный аспект познаваемой реальности или ее онтологию. Операциональный аспект когнитивного подхода состоит из методов познавательной деятельности, логических приемов и способов обработки информации.

Каково же соотношение различных видов познавательной деятельности в современной исследовательской и образовательной практике историков? Обратимся к конструированию исторического научного знания в диссертационных работах. Отметим, что в Беларуси за последние десять лет преобладание теоретико-содержательных исследований над методологическими стало абсолютным. В работах первого плана ссылки на использование тех или иных методов в большинстве случаев носят формальный характер. Они зачастую не содержат сведений о том, какой результат достигнут при помощи того или иного метода. Поэтому совершенно справедливым является требование ВАКа Беларуси об увязке описания методов исследования в диссертации с процедурой и результатами исследования. Невыполнение этих условий приводит к тому, что диссертационные работы порой носят описательный эмпирический характер, что нашло отражение даже в терминологии и названиях тем. Названия диссертационных работ рекомендуется избирать так, что бы в них отражалось взаимодействие темы, объекта, предмета и цели исследования [1, с. 274–275].

Вероятно, корректировку этой ситуации необходимо начинать с создания научно-методической базы и подготовки кадров, способных освоить глубинные пласты науки. В связи с этим следует считать положительным явлением чтение специальных курсов по методологии истории и выход в свет соответствующих белорусских учебников. Тем самым ученые делают качественно новые шаги в развитии теории и методологии исторической науки в Беларуси. Дальнейшему совершенствованию учебной литературы по методологии истории будет способствовать увеличение внимания к когнитивным практикам – построению и практическому применению операционных моделей знания. В обоснование этого предложения обратимся к последним исследованиям, содержащим оценку роли когнитивного подхода в гуманитарных науках и его реализации в историческом образовании.

На формирование методологических позиций историков, без сомнения, окажут принципиальное влияние теоретические разработки проблемы применения когнитивного подхода к гуманитарному знанию, которые содержатся в коллективной монографии «Когнитивный подход» (М., 2008), а также в авторских работах О. М. Медушевской «Теория методологии когнитивной истории» (М., 2008) и Л. А. Микешиной «Диалог когнитивных практик» (М., 2010). В этих исследованиях изложены важные идеи для построения научного и образовательного гуманитарного, в том числе и исторического знания. Довольно широко представлен диапазон реализации когнитивных идей: от исходных парадигм до прикладных исследований в сфере информационных технологий. С позиций когнитивистики гуманитариям предложены оригинальные трактовки доказательства научности гуманитарных дисциплин, актуальности исследования проблем представления знания, многомерности моделирования когнитивных процессов, операциональности и социальной востребованности гуманитарного знания. Все это, вне сомнения, отвечает запросам современного общества о единстве фундаментального и прикладного аспектов знания.

Обратимся к конкретному рассмотрению важнейших для историка теоретических выводов из названных исследований. Л. А. Микешина рассматривает когнитивные практики в сфере получения, обработки и применения гуманитарного знания. В ее трактовке когнитивная практика – это когнитивная структура человеческой деятельности, включающая объемный и многоуровневый познавательный процесс (восприятие, представление, продуцирование и интерпретация), а также результат знания [8, с. 11]. Автор выделяет две исходные традиции в гуманитарном познании: рассудочно-рациональную и экзистенциально-антропологическую, а также рассматривает диалог когнитивных практик этих традиций, что яв-

ляется оригинальным явлением в современной гуманитарной эпистемологии.

Л. А. Микешина считает основополагающими в познавательной практике человека два фундаментальных принципа: доверие к субъекту познавательной деятельности и мнение о том, что целостный познающий человек есть целостная философия познания [8, с. 15]. Практический результат анализа этих познавательных позиций завершается общим выводом о значимости когнитивных практик. Они позволяют «осуществлять различные формы диалога и взаимодействия, а также оптимизировать, сокращать процедуру получения знания, делать ее более экономной, стремясь, например, заменить простой перебор наблюдаемых объектов (сплошное наблюдение) рациональными приемами обобщения и экстенсификации знаний» [8, с. 17].

Историков-исследователей и педагогов эта методологическая установка предостерегает от абсолютизации описательной истории, что важно не только в научном исследовании, но и в обучении. Издержками такого подхода становится описательный характер научных исследований, а так же непомерные объемы информации в учебных изданиях и, как следствие этого, недостаток времени для обучения. В итоге одностороннее увлечение объема информации приводит субъекта, желающего получить образование, к приобретению лишь суммы знаний. За пределами образования оказываются принципы и способы познавательной деятельности, способность к творчеству.

Эту особенность видят и современные белорусские педагоги. В монографии И. И. Циркуна и В. И. Пунчик «Интеллектуальное саморазвитие будущего педагога: дидактический аспект» (Минск, 2008) обращено внимание на недостаточную логическую подготовку учащихся и студентов и необходимость включения логико-методологических знаний в содержание обучения [13, с. 19, 71]. Познавательным средством выхода из создавшегося положения, по мнению авторов, являются репрезентативные когнитивные структуры, о применении которых довольно подробно и в операциональном стиле излагается в монографии этих авторов [8, с. 14–136]. Подобная позиция отразила важный прикладной момент реализации когнитивных практик в образовательной системе.

Большой теоретический и практический интерес для создания когнитивных моделей и информационных технологий представляют идеи Л. А. Микешиной о формах представления знаний. Обращение к этой проблеме она начинает с модульности. «Модули – это «первокирпичики», из которых знания складываются, это «зародыши», прорастающие новым знанием и способами его использования» [8, с. 133]. В этом смысле знания представляют собой когнитивные матрицы, имеющие различные формы (схемы, сценарии, фреймы, гипертексты, тезаурусы и т. п.), что представляет собой информационное наполнение модуля.

Модульное представление учебного знания – довольно известная тема для белорусских исследователей [14]. В. В. Вишневский, формулируя задачи оптимизации содержания социально-гуманитарного образования в вузах, подчеркивает важность модульного подхода и предлагает деление гуманитарного образования на отдельные модули [2, с. 20]. Наполнение модуля социально востребованным содержанием образования, способами его обработки и формами представления стало актуальной задачей современного гуманитарного образования. Развивая эту идею, отметим, что дальнейшее совершенствование модульной технологии связано с выходом на теорию и практику когнитивистики гуманитарного познания.

На наш взгляд, к основным перспективным направлениям когнитивного построения модульного комплекса исторического знания относятся: 1) «…выделение особого типа гуманитарного знания – интегративных когнитивных моделей, служащих структурообразующим средством построения содержания исторической науки и образования; 2) применение инновационных способов психолингвистической обработки исторического текста, позволяющего воспринимать информацию на сознательном и подсознательном уровнях; 3) теоретическое обоснование взаимодействия вербально-логической и знаково-символической форм представления знания» [10, с. 202]. Полагаем, что эти факторы должны быть учтены в разработке фундаментальных теоретико-методологических основ содержания гуманитарного образования.

Особое теоретическое и практическое значение для историка-исследователя и преподавателя имеет монография О. М. Медушевской «Теория методологии когнитивной истории», которая специально посвящена историкам. Этот фундаментальный по значимости предложенных идей труд получил широкий резонанс в научных кругах представителей различных гуманитарных наук: историков, философов, культурологов. Участники круглого стола, состоявшегося 13 декабря 2008 года в Историко-архивном институте РГГУ, отметили новаторский подход автора в постановке и решении проблем исторической науки и образования. Особое внимание было уделено обсуждению идей О. М. Медушевской о сущности и предмете исторической науки, ее верификации, парадигмах, способах познавательной деятельности, взаимодействии науки и образования.

Обратимся к рассмотрению представлений автора, составляющих образовательный аспект исследования, поскольку они тесно увязаны с современным состоянием исторической науки. Когнитивному аспекту исторического образования посвящена специальная глава названной книги. В ней автор выделяет общий вектор развития исторического образования: переход приоритета от традиционной нарративистско-транслирующей парадигмы образования к когнитивно-информационной [7, с. 288, 313]. По мнению О. М. Ме-

душевской, основная образовательная проблема состоит в том, что определенный для усвоения объем заранее подготовленного исторического знания излагается подобно литературе в повествовательном жанре, а методы его получения или верификации не рассматриваются. «…Подобная образовательная модель ориентирует историка не на получение нового знания, но на создание традиционного повествовательного произведения» [7, с. 291]. Ответ на вопрос, что в связи с этим надо изменить, О. М. Медушевская начинает с формулировки понятия научности, которое влияет на образ исторической науки, формирует общее концептуальное пространство и воспроизводит науку в разнообразии учебных курсов [7, с. 293].

Понятие научности рассматривается автором в связи с историей, т. е. решается один из «вечных» вопросов: является ли история наукой. Ответ позитивен – история есть наука, поскольку ее основные черты – системность, доказательность, наличие предмета, цели и задач исследования. Здесь срабатывает метод аналогии, поскольку эти же факторы присущи и любой другой гуманитарной науке. Основное же качество современной исторической науки – это формирование новой парадигмы, обновление теории и методологии, появление моделей, обучающих методам исследования. Базируясь на этих основах, историческая наука обращается к ценностям точного знания и доказательности, понимая, что этот подход дает возможность эффективного взаимодействия с представителями других областей знания [7, 305]. Таким образом, опираясь на методы других гуманитарных наук, история сама приобретает признак научности, что составляет одну из ее основных черт. В этом смысле она не может обойтись без когнитивного подхода и диалога когнитивных практик.

Историческое познание очерчено наличием двух соперничающих тенденций: традиционной, направленной на трансляцию определенной суммы знания, и инновационной – отличительный признак которой состоит в производстве нового знания. Обе тенденции формально объединяют набор событий и поиск способов построения знания, а разъединяют критерии его отбора и способы конструирования. Если представители первой тенденции взяли на вооружение идеи нарративной истории, то вторые обращаются к проблемам осмысления прошлого, его интерпретации и оценивания исторической информации. По мнению О. М. Медушевской, формирование современного образа университетской науки связано в первую очередь с добычей нового знания. Задача образования показать, «как помогает достичь цели ее метод, как обучить им пользоваться для получения эффективного, реального и относительно завершенного результата» [7, с. 313]. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что современная фундаментальная наука должна формировать целостную картину мира, обучить методу получения новой, надежной, системной информацией, обучить умению самостоятельно создавать интеллектуальный продукт [7, с. 316]. Это стратегические цели современной науки и образования.

Очень близки к такой постановке образовательных проблем взгляды белорусских ученых представителей различных направлений гуманитарных наук, связанных с образованием. В Республике Беларусь проблемы структурной реорганизации гуманитарного знания стали особенно актуальными в связи с сокращением сроков обучения в вузах. В связи с этим главное внимание обращено на необходимость повышения качества образования, реализацию фундаментальных достижений гуманитарных наук, связь теоретико-методологических положений с практикой исследования и обучения. Названные приоритеты сформулированы в статьях первого заместителя Министра образования Республики Беларусь А. И. Жука «Новое качество социально-гуманитарной подготовки выпускников высших гуманитарных институтов» [3] и «Тенденции и перспективы развития национальной системы высшего образования» [4].

В статье М. И. Вишневского «Вопросы оптимизации содержания социально-гуманитарного образования в вузах» к числу средств повышения гуманитарного образования отнесены фундаментализация и практическая направленность преподавания социально-гуманитарных дисциплин, выделены наиболее значимые для всех гуманитариев проблемы. Автор делает вывод о необходимости создания «имеющего единые мировоззренческие и идеологические основания цикла вузовских учебников» [2, с. 22].

Каким же должно быть историческое образовательное знание? В свете обозначенных задач, на наш взгляд, следует сосредоточить усилия на разработке образовательных концепций, которые учитывают новые тенденции в развитии исторической науки: концептуальность, системность, репрезентативность, операциональность, доказательность, фундаментальность и практичность. Для исторической науки необходим перенос приоритета с нарративистского подхода на информационно-когнитивный. Подлежит обновлению и сама трактовка когнитивной обработки и представления знания. В когнитивном подходе к образованию термин «знания» не идентичен элементу «знания, умения, навыки» и имеет ряд особенностей. Главнейшая из них – это утверждение того, что когнитивная модель не описывает объект «как он есть», а имеет вид условной схемы-алгоритма и обладает междисциплинарным характером [6, с. 142].

Применение когнитивного подхода меняет направленность и функции учебной литературы. Нам нужны учебные пособия не только, представляющие готовую структуру содержания исторического знания (сумму знания), но и дающие возможность осмыслить методы конструирования содержания обучения. Идея создания таких поисковых учебных пособий была известна еще в античности. Так, Авл Гелий утверждал: «…Все это написано не столько для

обучения, сколько с целью побуждения к учению, и читатели этой книги, словно заимев точное описание примет, смогут затем, если им будет угодно, продолжить исследование той или иной проблемы, отыскав книги либо учителей».

Обращаясь к современной дидактической литературе по истории можно сказать, что ее цель состоит в том, чтобы раскрыть связь теоретического знания с социальной практикой, показать пути самостоятельного получения интеллектуального продукта, что создавало бы предпосылки к социализации знания. Достижение этой цели видится в разработке адаптированного к запросам практики инструментария, который занял бы промежуточное место между оригинальными текстами научной теории и методами построения исторического знания. Название этого инструментария – когнитивные схемы (карты) или конструкты знаний.

Это особая разновидность схем, выражающая единство вербального, визуального и эмоционального компонентов, открытость и доступность учебной информации. Популярность когнитивных карт связана с тем, что в рамках когнитивного подхода, подобная форма представления знаний оценивается как фактор стабильности и упорядоченности содержания. Она выступает «как смысловой скелет чувственного образа, позволяющий интегрировать различную по модальности, времени, локализации информацию в единое целое» [8, с. 137].

Исследователи утверждают, что когнитивная карта позволяет преодолеть противопоставление субъекта и объекта, учесть влияние проводимого исследования на социальный объект и контролировать обратное воздействие социального процесса на включенного в него исследователя [12, с. 82]. Весьма показательно то, что когнитивный подход и когнитивные карты (ментальные модели) нашли применение в стратегическом менеджменте различных отраслей науки, производства и обучения [15].

Применение когнитивных форм представления исторического знания в учебном процессе находит все больше и больше сторонников среди учителей различных учебных дисциплин как в России, так и в Беларуси. Однако в своем большинстве современная учебно-методическая литература сориентирована на традиционную нарративистско-транслирующую повествовательную парадигму, формально-логический способ мышления и выборочную форму тестирования. Подобный вывод сделан нами на основании анализа современной учебной литературы по концептуальному построению содержания и формам представления исторического знания [9, с. 3–9].

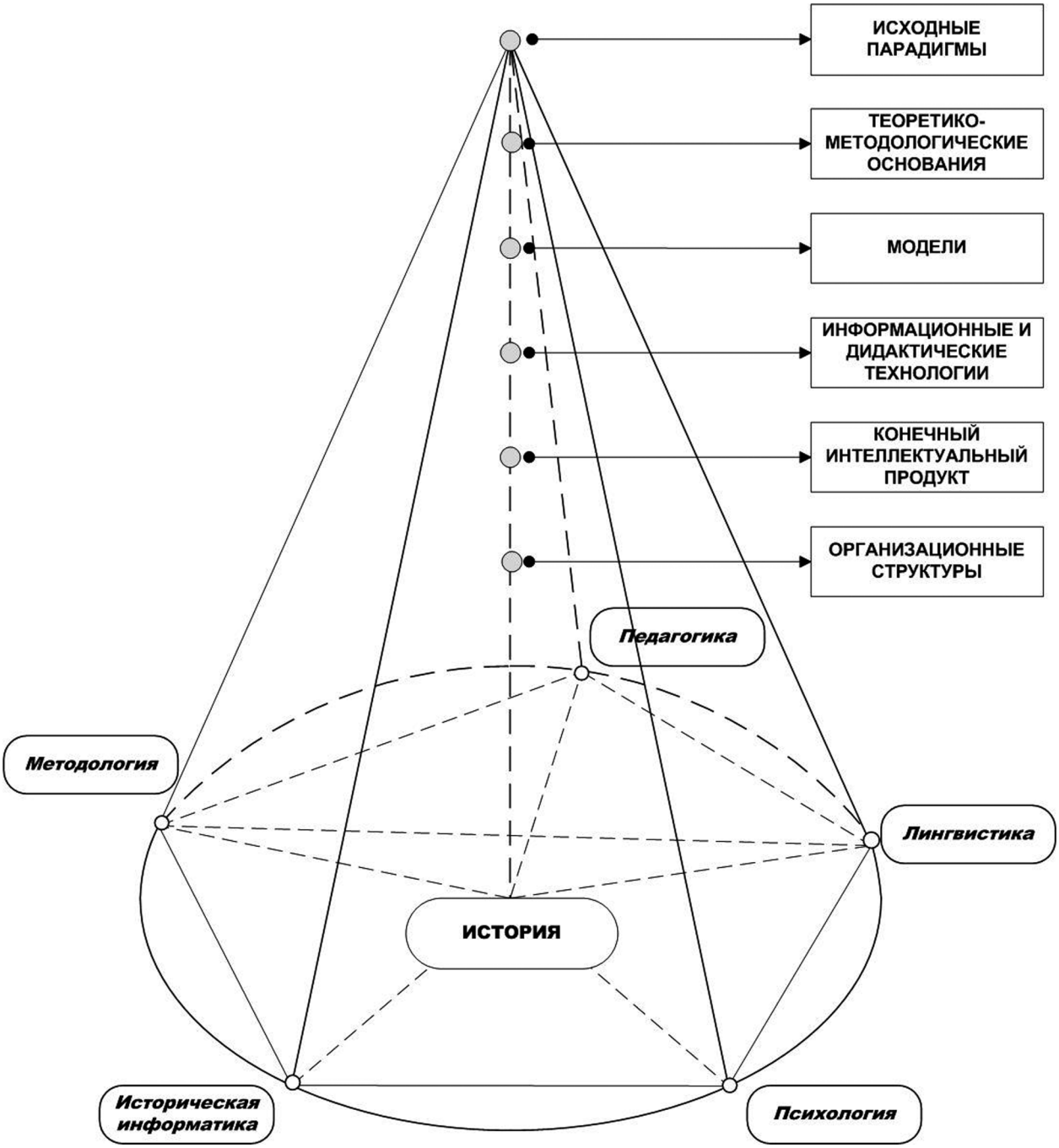
Попытка конструирования исторического образовательного знания на основе применения когнитивного подхода и когнитивных практик представлена автором этой статьи в проекте «Конструирование содержания исторического образования», выполненном по гранту БРФФИ (№ Г10-025 от 01. 05. 2010 г.) и подготовленного по этой теме учебного пособия.

В современной исторической науке на основе когнитивного подхода происходит формирование новых научных и образовательных концепций, суть которых состоит в укреплении позиций истории как науки и образовательной дисциплины. Этому способствует система когнитивных модальностей, которая, на наш взгляд, включает: 1) исходные парадигмы (понятия, концепты, метафоры); 2) теоретико-методологические основания (принципы, методы, концепции, концептуальные подходы); 3) модели (конструкты, структуры, схемы, когнитивные карты); 4) информационные и дидактические технологии, исследовательские методики, алгоритмы познавательных действий, информационные матрицы (тезаурусы, гипертексты, фреймы, семантические сети); 5) конечный интеллектуальный продукт: образовательные услуги (обучение, повышение квалификации, научная и методическая литература); 6) организационные структуры (лаборатории интеллектуальных технологий, менеджмент интеллектуального продукта).

Схема модели (набор наук может быть вариативным) выглядит следующим образом (см. рисунок).

Перспективный выход из ситуации разрыва науки и образования – это обращение ко всему диапазону когнитивных средств от исходных парадигм до создания интеллектуального и образовательного продукта. Указанные факторы в состоянии обеспечить достаточно прочную связь между фундаментальными и прикладными аспектами исторической науки и образования. Разрабатываемые российскими и белорусскими учеными концепции научного и образовательного исторического знания служат теоретико-методологической основой для создания многомерных дидактических технологий – образовательного направления, которое активно развивается в настоящее время в России и Беларуси.

Эти технологии имеют прикладной характер, поскольку связаны с реализацией когнитивных практик – инновационным направлением в современном гуманитарном знании и образовании. Когнитивные практики – прорывное направление в современном гуманитарном образовании, напрямую работающее на создание интеллектуального научного и образовательного продукта. Путь от создания концепций до их реализации время не одного года и он будет успешно пройден лишь при должном уровне согласования интересов заказчика, производителя и потребителя образовательных услуг. Разработка инноваций должна вестись с созданием условий для их внедрения и учетом предполагаемой эффективности результата.

Система когнитивных модальностей (идея принадлежит Н. И. Миницкому, дизайн – А. В. Солодиловой)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бермус, А. Г. Введение в гуманитарную методологию: научная монография / А. Г. Бермус. – М.: «Канон+», «Реабилитация», 2007. – 336 с.

2. Вишневский, М. И. Вопросы оптимизации содержания социально-гуманитарного образования в вузе / М. И. Вишневский // Вышэйшая школа. – 2011. – № 6. – С. 19–22.

3. Жук, А. И. Новое качество социально-гуманитарной подготовки выпускников высших гуманитарных институтов / А. И. Жук // Вышэйшая школа. – 2011. – № 1. – С. 5–10.

4. Жук, А. И. Тенденции и перспективы развития национальной системы высшего образования / А. И. Жук // Вышэйшая школа. – 2011. – № 6. – С. 3–5.

5. Зинченко, В. П. Гетерогенез творческого акта: слово, образ и действие в «котле cogito» / В. П. Зинченко // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация»», 2008. – С. 375–434.

6. Кучер, Е. Н. Познание познания: когнитивные науки / Е. Н. Кучер // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 375–434.

7. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.

8. Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л. А. Микешина. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 575 с.

9. Миницкий, Н. И. Когнитивные модели и информационный дизайн в конструировании учебной литературы по истории // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2011. – №6. – С. 3–9.

10. Миницкий, Н. И. Методы построения научного и образовательного исторического знании / Н. И. Миницкий. – Минск: БГПУ, 2006. – 2003 с.

11. Огурцов, А. П. Образы образования. Западная философия образования. XX век // А. П. Огурцов, В. В. Платонов. – М.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2004. – 520 с.

12. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов: учеб. пособие для высших учебных заведений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.

13. Циркун И. И. Интеллектуальное саморазвитие будущего педагога: дидактический аспект / И. И. Циркун, В. И. Пунчик. – Минск: БГПУ, 2008. – 254 с.

14. Учебно-методический комплекс: модульная технология разработки: Учеб.-метод. пособие // А. В. Макаров [и др.]. – Минск: РИВШ БГУ. – 2001. – 118 с.

15. Ходкинсон, Д. П. Компентентная организация: психологический анализ процесса стратегического менеджмента / Д. П. Ходкинсон, П. Р. Сперроу. – Харьков: изд-во гуманитар. центр, 2007. – 392 с.

Мікалай Мініцкі

ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКА КАГНІТЫЎНАГА ПАДЫХОДУ Ў ГІСТАРЫЧНЫМ ДАСЛЕДАВАННІ І АДУКАЦЫІ

Рэзюмэ

У артыкуле зроблена спроба пабудаваць кагнітыўную мадэль гістарычных ведаў, знойдзены яе метатэарэтычныя асновы, вызначаны базавы і мінучы ўзроўні. Аўтар лічыць, што галоўным аперацыйным сродкам гістарычнага пазнання з'яўляюцца кагнітыўныя структуры, якія ўтрымліваюць сэнсаўтвараючы пачатак, базавыя мадэлі і катэгарыяльны апарат.

Mikalai Minitski

THEORY AND PRACTICE OF THE COGNITIVE APPROACH IN HISTORICAL RESEARCH AND EDUCATION

Summary

The author made an attempt to build the cognitive model of historical knowledge. has been made Metatheoretical foundations of this model is found. The basic level is defined. The author considers that the operational means of historical cognition are the cognitive structures that contain the metaconcept the basic models and categorical apparatus.

Поступила 19.12.2012 г.

УДК 39–055.1(479)(091)«18/19»

Дзмітрый Моніч (Мінск, Беларусь)

МУЖЧЫНА Ў ПРАЦАХ БЕЛАРУСКІХ ЭТНОГРАФАЎ КАНЦА XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Канец XIX – пачатак XX ст. характарызуюцца шматлікімі даследаваннямі ў этнаграфічнай навуцы Беларусі. У гэты перыяд узрастае цікавасць да традыцыйнай культуры народа, павялічваецца колькасць беларускіх этнографаў, якія збіраюць палявы матэрыял і праводзяць яго навуковы аналіз. Па прычыне недастатковага этнаграфічнага вывучэння Беларусі ў ранейшыя часы, даследчыкі імкнуліся назапасіць палявы матэрыял, што, у сваю чаргу, паўплывала на накірункі даследаванняў азначанага перыяду – яны былі накіраваны на комплекснае вывучэнне матэрыяльнай і духоўнай культуры беларусаў. Сярод айчынных этнаграфічных даследаванняў канца XIX – пачатку XX ст. не існуе асобных прац прысвечаных мужчыне, дадзенае пытанне разглядаецца ў сукупнасці з іншымі.

Вялікую спадчыну ў выглядзе апісання жыцця і быту беларускага мужчыны пакінуў у сваіх працах Мікалай Якаўлевіч Нікіфароўскі. У 1892–1898 гг. у 8 частках былі надрукаваны «Очерки Витебской Белоруссии». У 1892 г. пабачыла свет другая частка нарысаў «Дудар і музыка». У дадзенай працы Нікіфароўскі акрэслівае асноўныя рысы музычнай службы і сцвярджае, што дударом і музыкаю становяцца выключна мужчыны [6, с. 18, 27]. Аўтар таксама апісвае паводзіны мужчын на танцах, характарызуе іх як сціплыя і цнатлівыя ў адносінах да жанчын [6, с. 28].

У 1895 г. у Віцебску былі надрукаваны «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности». У дадзенай працы Мікалай Якаўлевіч акрэслівае элементы знешняга выгляду мужчыны: адзенне з яго разнастайнымі атрыбутамі і спосабам нашэння [7, с. 127, 130, 132–134]. Штодзённае жыццё беларускага мужчыны, расклад дня адлюстраваны ў яго працоўных абавязках [7, с. 57, 64, 149, 387, 398–399, 416].

У 1897 г. была надрукавана фундаментальная праца Мікалая Якаўлевіча Нікіфароўскага «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах». Аўтар сабраў вялікую колькасць прыкмет і забабонаў, што суправаджалі жыццё беларускага мужчыны. Мікалай Якаўлевіч занатаваў павер'і, што прадказвалі нараджэнне хлопчыка [8, с. 1, 7, 11, 30], а таксама абрады, якія былі накіраваны на тое, каб у сям'і нарадзіўся сын [8, с. 18]. Дзяцінства і сталенне хлопчыка ў дадзенай працы Нікіфароўскага адлюстраваны ў назвах, якія яму давалі бацькі ў розныя перыяды жыцця [8, с. 46–47]. Вялікая колькасць павер'яў звязана з выбарам нявесты, сватаннем і вясельнай абраднасцю [8, с. 49, 50, 55, 61]. Аўтар занатаваў таксама пэўныя забабоны, што адлюстроўваюць адносіны да войска самога рэкрута і членаў яго сям'і [8, с. 87–88]. Нікіфароўскі ў сваёй працы змясціў шмат матэрыялу, дзе апісана праца мужчыны, звязаныя з ёй павер'і і абрады [8, с. 101–106, 108, 113–118, 136–137]. Асобна адзначана роля мужчыны, як гаспадара ў сямейнай абраднасці, тыя функцыі, якія ён спаўняў падчас розных свят [8, с. 228, 229, 232, 233, 237]. Мікалай Якаўлевіч таксама занатаваў павер'і, забабоны і абрады, звязаныя са смерцю і пахаваннем мужчыны [8, с. 285, 293–294, 296].

У асобнай кнізе Нікіфароўскі сабраў апісанне асвячоных прадметаў і абраднасці, якая мае адносіны да іх. «Освященные предметы и отношение к ним простонародья Витебской Белоруссии» былі надрукаваны ў 1903 г. у Віцебску. Падчас спаўнення абраднасці ў дні царкоўных свят мужчына адыгрываў галоўную ролю: вырабляў прадметы, насіў для асвячэння ў царкву, дабраслаўляў імі ўсіх членаў сям'і, хатнюю жывёлу і гаспадарчыя пабудовы, а таксама выкарыстоўваў іх у сямейных абрадах [5, с. 2–4, 9–10, 16].

У 1907 г. у Віцебску была надрукавана праца Мікалая Якаўлевіча Нікіфароўскага «Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе». Аўтар адзначыў, што мужчына, як галава сям'і, падвяргаецца большаму ўплыву нячысцікаў [4, с. 14]. Першынство мужчыны і яго кіруючая роля ў хатняй гаспадарцы падкрэсліваецца тым, што дамавік мае зносіны толькі з ім, а калі домам пачынае кіраваць жанчына – дамавік паслабляе сваю апеку, альбо ўвогуле спыняе [4, с. 37–39].

Быт беларуса апісаны ў 8 выпуску «Белорусского сборника» Еўдакіма Раманавіча Раманава, які пабачыў свет у 1912 г. Мужчына апісаны ў кантэксце штодзённага і святочнага жыцця беларускай сям'і, вялікая ўвага ў працы нададзена абраднасці. Аўтар занатаваў святы народнага і царкоўнага календара, апісаў сямейныя абрады і функцыі, якія выконвае мужчына пры іх адпраўленні [9, с. 70, 122, 127, 162, 181, 189, 210, 229, 316]. Роля мужчыны, яго першынство ў сям'і падкрэсліваецца пры апісанні застольнага этыкету [9, с. 39, 69]. Асобная ўвага звяртаецца на асноўныя падзеі ў жыцці чалавека: нараджэнне, вяселле і пахаванне [9, с. 323, 325]. Ад самага нараджэння

дзіцяці яго пол уплывае на радзінную абраднасць, тыя дзеянні, якія выконвае бабка-павітуха [9, с. 325]. Пасля нараджэння бацька спаўняе асноўную ролю пры выбары кумоў, яго кашулю выкарыстоўваюць падчас хрышчэння [9, с. 326, 331]. Некалькі слоў тэксту адносяцца да знешняга выгляду хлопчыкаў, іх адзення [9, с. 23–24]. Асобная ўвага ў кнізе нададзена гульням дзяцей. Апісваючы правілы гульні, аўтар зрэдку паказначае хто ў яе гуляе – хлопчыкі ці дзяўчынкі, аднак у некаторых месцах ён адзначае, што ў іх гуляюць таксама і дзяўчынкі, таму можна зрабіць выснову, што ў асноўным хлопчыкі гулялі асобна ад дзяўчынак [9, с. 556–588]. Пасля спаўнення 21 года і службы ў войску хлопцу пачыналі шукаць нявесту [9, с. 378–381]. Пры выбары нявесты і сватанні асноўную ролю пры прыняцці рашэння адыгрываюць ба́цькі жаніха і нявесты [9, с. 382, 392]. Пра жыццё дарослага мужчыны распавядаецца пры апісанні яго працы і гаспадаркі [9, с. 12, 16, 268]. Вялікая ўвага ў тэксце нададзена апісанню пахавальнай абраднасці: падрыхтоўка мужчыны-нябожчыка да пахавання, яго адзенне, месца, дзе ставяць труну [9, с. 524–525, 529–533]. Еўдакім Раманавіч таксама занатаваў паводзіны мужчыны на пахаванні, яго паставу [9, с. 525, 534].

У даследаванні Мітрафана Віктаравіча Доўнара-Запольскага «Белорусская свадьба и свадебные песни» пры апісанні вяселля вялікая ўвага надаецца ролі мужчыны ў ім. Аўтар адзначае, што хлопцы становяцца жаніхамі недзе каля 20 год, што, у сваю чаргу, абумоўлена жаданнем бацькоў, каб ён паспеў прывесці нявестку (працоўныя рукі) у сваю сям'ю да пачатку вайсковай службы [2, с. 4–5]. Апісаны таксама абрад зняцця абутку жонкай з ног мужа ў знак сваёй пакорнасці [2, с. 24]. Мітрафан Віктаравіч тлумачыць прычыну таго, што хлопцы ідуць у прымы, апісвае правы, якімі яны карыстаюцца ў новай сям'і, і адзначае з якой сацыяльнай групы мужчыны часцей становяцца прымакамі [2, с. 6].

Роля мужчыны і яго функцыі ў вясельнай абраднасці беларусаў адзначаны ў артыкулах Іванова і Сцепанца, якія былі надрукаваны ў «Записках Северо-Западного отдела Императорского русского географического общества» ў 1910 і 1912 гг. адпаведна [3; 16].

Пра ролю і функцыі мужчыны ў абрадах пакінуў інфармацыю ў сваёй працы «Пережитки древнего миросозерцания у белорусов» Адам Ягоравіч Багдановіч. На старонках свайго даследавання аўтар апісвае ўдзел мужчын у разнастайных абрадах падчас святкавання царкоўных і народных свят [1, с. 86, 122, 168], адзначае сямейны статус мужчыны, яго першынство [1, с. 143].

Багаты матэрыял пра жыццё і быт беларускага мужчыны змешчаны ў казках, што сабраў Аляксандр Казіміравіч Сержпутоўскі падчас экспедыцый у Слуцкім Палессі. Увесь занатаваны матэрыял аўтар апублікаваў у дзвюх кнігах: «Сказки и расказы белорусов-полешуков», 1911 г. і «Казкі і апавяданьні беларусаў з Слуцкага павету», 1926 г. Асноўнымі інфарматарамі з'яўляліся мужчыны, бо, як тлумачыць у прадмове сам аўтар, яны менш саромеюцца [13, с. 4]. Дадзеная акалічнасць дазваляе паглядзець на светапогляд беларускіх мужчын праз іх казкі і апавяданні.

У казках, змешчаных у зборніку, адлюстравана жыццё беларускага мужчыны ў сям'і і грамадстве, яго праца, быт. Асноўная тэма сацыяльна-бытавых казак – узаемаадносіны мужа і жонкі, дзе асуджаецца слабахарактарнасць, высмейваецца нездольнасць мужчыны быць галавою сям'і [13, с. 89, 105; 15, с. 20, 22, 44, 200, 225]. Заканчэнне апавяданняў дадзенага жанру падобнае – мужчына становіцца гаспадаром у сям'і, жонка і дзеці падпарадкоўваюцца яму [13, с. 60, 120, 254; 15, с. 45].

У казках прасочваецца ўсё жыццё мужчыны: нараджэнне, яго сталенне, ініцыяцыя, выбар жонкі, сямейнае жыццё і старасць. Апісаны гаспадарчыя абавязкі, якія выконвалі хлопчыкі, іх паступовая змена з узростам і набыццём новых навыкаў [13, с. 58, 239]. Сабраныя Сержпутоўскім апавяданні адлюстроўваюць ролю мужчыны ў грамадстве, яго статус у розныя перыяды жыцця [13, с. 239].

У грунтоўным даследаванні «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў» Аляксандр Казіміравіч сабраў разнастайныя павер'і і прымхі, якія суправаджалі жыццё мужчыны ад нараджэння да смерці. Пададзена тлумачэнне сноў і розных здарэнняў, што прадказваюць нараджэнне хлопчыка ў сям'і [14, с. 69–70, 184], апісаны знешні выгляд жанчыны і яе фізічны стан падчас цяжарнасці хлопчыкам [14, с. 169], а таксама абрады, якія выконваюць бацькі, калі ў іх доўгі час нараджаюцца толькі дзяўчынкі [14 с. 178]. Нараджэнне хлопчыка і абрады, якія спаўняюць бацькі, кумы і бабка-павятуха суправаджаюцца вялікай колькасцю забабонаў і прымхаў [14, с. 172, 174, 178–180]. У сваёй кнізе Сержпутоўскі апісвае ролю мужчыны ў сямейнай абраднасці, яго дзеянні падчас розных святаў (Вербная нядзеля, Вялікдзень, Купалле, Каляды) [14, с. 72, 126, 129-131, 137, 141], а таксама адзначае, што пры адсутнасці святара на фэсце яго ролю спаўняюць старыя мужчыны [14, с. 142]. Штодзённае жыццё мужчыны апісана забабонамі, што звязаны з яго працай [14, с. 87, 88, 124] і хатнім бытам [14, с. 147, 158, 163, 185].

Інфамацыя пра знешні выгляд і працу беларускага мужчыны Палесся змешчана ў працах Ісака Абрамавіча Сербава «Вічынскія паляне. Матэрыяльная культура. Этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся», «Белорусы-сакуны» і «Поездки по Полесью 1911 и 1912 года». У сваіх даследаваннях аўтар занатаваў назіранні за працай хлопчыкаў: узрост, у якім яны пачынаюць працаваць, іх абавязкі [12, с. 77]. Сербаў адзначыў, што ўсю хатнюю працу мужчына выконвае самастойна і толькі зрэдку звяртаецца за дапамогай да спецыяльных майстроў [12, с. 31]. Пры апісанні знешняга выгляду і адзення аўтар адзначае, што вялікае значэнне мае пояс, без якога мужчына не выходзіць за парог сваёй хаты [11, с. 2; 12, с. 45, 47].

Роля мужчыны, як галавы сям'і падкрэсліваецца тым, што ён займае галоўнае месца за сталом, жанчыны не сядаюць, а стаяць побач [10, с. 12; 11, с. 10], у іншым сваім даследаванні Сербаў заўважаў, што месцы за сталом займаюць без захоўвання якіх-небудзь праў старшынства, аднак, жанчына ніколі не сядзіць на лаве вышэй мужчыны [12, с. 75].

Такім чынам, прааналізаваны шэраг крыніц прыводзіць да наступных высноў: у працах беларускіх этнографаў канца XIX – пачатку XX ст. мужчына разглядаецца ў кантэксце апісання жылля, адзення, гаспадарчых заняткаў і вераванняў беларусаў; у цэнтры ўвагі даследчыкаў знаходзіцца дарослы мужчына, недастаткова паказаны перыяды дзяцінства, юнацтва і старасці; фрагментарныя згадкі пра мужчыну ў працах вышэйзгаданых аўтараў сведчаць аб недастатковай ўвазе этнографаў да дадзенай тэмы.

ЛІТАРАТУРА

1. Богданович, А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов. Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно: Губернская Типография, 1895. – 186 с.
2. Довнар-Запольский, М. В. Белорусская свадьба и свадебные песни: этнографический этюд М. Запольского / М. В. Довнар-Запольский. – Киев: Типография А. Давиденка, 1888. – 38 с.
3. Иванов, В. В. Крестьянская свадьба в Витебской Белоруссии // Записки Северо-западного отдела Императорского русского географического общества / ред. Д. И. Довгялло. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1910. – Кн. 1. – С. 162–175.
4. Никифоровский, Н. Я. Нечистики / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Паньков, 1995. – 85 с.
5. Никифоровский, Н. Я. Освященные предметы и отношение к ним простонародья Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: типолитогр. насл. М. Б. Неймана, 1903. – 26 с.
6. Никифоровский, Н. Я. Очерки Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – 1892. Вып. 2: Дудар и музыка. – 33 с.
7. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / сост. Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская типография, 1895. – 552 с.
8. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский, действительный член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и действительный член Витебского губернского статистического комитета / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. – 307 с.
9. Романов, Е. Р. Белорусский сборник: в 9 т. / Е. Р. Романов. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912. – Т. 8: Быт белорусса. – 601 с.

Сербов, И. А. Белоруссы-сакуны. Краткий этнографический очерк / И. А. Сербов. – Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1915. – 180 с.

10. Сербов, И. А. Поездки по Полесью 1911 и 1912 года / И. А. Сербов. – Вильна: Типография Типография Иосифа Завадзкаго, 1914. – 51 с.
11. Сербаў, І. А. Вічынскія паляне: матэрыяльная культура: этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся / прадм. Т. А. Навагродскі, Я. А. Пясоцкая. – Мінск: БФК, 2005. – 88 с.
12. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павета. – Л.: Коштам Ін-та бел. культура, 1926. – 252 с.
13. Сержпутоўскі, А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / прадм. У. К. Касько; маст. В. Р. Мішчанка – Мінск.: Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
14. Сержпутовский, А. К. Сказки и рассказы белорусов-полешуков / А. К. Сержпутовский. – СПб.: Типо-Литография К. Л. Пентковскаго, 1911. – 185 с.
15. Степанец, Б. Крестьянская свадьба в Южном Полесьи (этнографический очерк) // Записки Северозападного отдела Императорского русского географического общества / ред. Д. И. Довгялло. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1912. – Кн. 3. – С. 265–294.

Дмитрий Монич

МУЖЧИНА В РАБОТАХ БЕЛОРУССКИХ ЭТНОГРАФОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Резюме

Статья посвящена мужчинам в работах белорусских этнографов конца XIX – начала XX в. Автор анализирует степень освещения данной темы и контекст ее отображения в этнографических исследованиях. В заключение сделан вывод о недостаточном внимании этнографов к вопросу мужчины при описании материальной и духовной культуры белорусов.

Dzmitryj Monich

MAN IN THE WORKS OF BELARUSIAN ETHNOGRAPHERS AT THE END OF THE 19th AND BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

Summary

The article is devoted to the question of man in the works of Belarusian ethnographers at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The author analyzes the degree of coverage of the given theme and the context of its presentation in ethnographic research. In summary a conclusion is made about insufficient attention of ethnographers to the question of man in the description of the material and spiritual culture of the Belarusians.

Паступіў 19.12.2012 г.

УДК [913 (091):930.2(460)]

Валерия Новоселова (Минск, Беларусь)

ПРОБЛЕМА ФИКТИВНЫХ И НЕФИКТИВНЫХ ТЕКСТОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ТРАКТАТА «КНИГА ЗНАНИЙ»)

Географические открытия, а впоследствии их описание – «Книги путешествий» занимали очень важное место в мировоззрении средневекового человека. Паломники, торговцы, послы, рыцари и люди различного происхождения объезжали и часто не единожды разные страны, и при случае оставляли записи своих путешествий, которые включали не только реальные факты, но и фантазии авторов. Однако при анализе данных трактатов возникает целый ряд вопросов, связанных с проблемой фиктивных и нефиктивных текстов. Под названием «Книга путешествий» скрывается целый пласт литературы, у которой много вариантов и моделей: рассказы о паломничестве (примитивные итинерарии и описания Святой Земли, или более современные и персональные книги паломничества Рикольдо да Монтекроче или Бурчарда де Монте Сион начала XIII века), рассказы миссионеров и послов (посольства в Монголию францисканцев Иоанна де Плано Карпини и Вильгельма Рубрука в 1245 и 1253 годах, или более фантазийные описания Востока Одорико Порденоне и монаха Хорданус), рассказы путешественников и искателей приключений (чьей классической моделью является «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, конца XIII века в своей первой редакции), рассказы о воображаемых и фальшивых путешествиях («Приключения Сэра Джона Мандевиля» Джона Мандевиля) [6, с. 15–36]. Данные тексты могли служить для продвижения работы миссий, использоваться в качестве путеводителей или же для распространения информации.

В географических обзорах присутствует ряд основных компонентов, которые позволяют определить степень правдивости информации, что помогает идентифицировать тексты как реальные записки путешественников (Иоанна де Плано Карпини, Вильгельма Рубрука, Марко Поло) или имажинерные произведения (Джона Мандевиля). Тем не менее существуют тексты, в которых реальные фактологические данные граничат с вымышленными сведениями. Одним из таких произведений является испанский географический трактат XIV века «Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире, и о их эмблемах и гербах». В данном докладе рассматривается этот малоизвестный источник, который отображает определенные реалии средневековой картины мира. Целью доклада является анализ параметров фиктивных и нефиктивных текстов и определение этих характеристик в географическом трактате XIV века «Книге знаний».

Для того, чтобы определить место «Книги знаний» среди средневековой литературы о путешествиях данное произведение было подвергнуто анализу, учитывая схему испанского исследователя Михеля Анхеля Переса Приего для анализа средневековых «Книг путешествий».

В «Книгах путешествий» основой для рассказа является маршрут путешествия. Во всех средневековых книгах данного жанра, начиная с итинерариев и заканчивая книгами о вымышленных путешествиях, все литературное пространство занимает структурное описание маршрута от пункта отправления до конечной точки прибытия. С данной точки зрения маршрут описанный автором «Книги знаний» является весьма ценным и интересным. Рассказчик совершает путешествие условно разделенное на три этапа: один по Западной Европе (возвращается в Испанию), второй по Восточной Европе и странам Востока, третий по Африке и Азии (возвращаясь в Севилью).

Не менее важным пунктом является хронологический порядок путешествия, т. е. время, которое длится путешествие, с отчетом о развитии и истории путешествия. Естественно, что это не носит такого характера, как в хрониках или биографиях, однако происходящие события должны умещаться в определенные хронологические рамки. Очевидно то, что существует прямая зависимость между четкими хронологическими рамками, особенно если они связаны с определенными историческими событиями, и правдивостью рассказа о каком-либо путешествии. Автор «Книги знаний» дает только одну персональную дату: дату своего рождения (1305 год) и упоминает лишь несколько исторических событий, которые могут очертить примерные хронологические рамки, среди которых: война между каталонцами и генуэзцами, по мнению ученого Мартина де Рикера: февраль 1352 года – март 1360 года [8, с. 319], и события, связанные с завоеванием острова Лансароте, по мнению исследователя Марии Хесус Лакарра, после 1385 года [3]. В тексте так же отсутствуют сведения о времени, которое автор затратил на все путешествие, или хотя бы на передвижение из одного пункта в другой, или на пребывание в каком-либо месте (хотя и говорит о том, что останавливался в одиннадцати местах). Он

ограничивается короткими фразами: так долго, некоторое время и т. д. Это может быть связано с тем, что автор не совершал путешествия, и поэтому не имел представления.

Но если говорить об определяющей или крайне важной характеристике – это пространственный порядок, как его называет Михель Анхель Перес Приего, описание мест, в которых побывал автор [5, с. 226]. «Книга знаний» охватывает очень большой территориальный пласт, что отображено уже в названии: «Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире, и о их эмблемах и гербах», однако во многих случаях автор ограничивается простым перечислением главных городов, гор, рек или островов, что не дает нам оснований для восприятия данной информации как эмпирической.

Довольно часто в книгах о путешествиях город является отправной точкой для развития описания итинерария: города выстраиваются в непрерывную цепь, и их описание связывает весь рассказ в целом. Существует определенная схема описания, которая, как считает Михель Анхель Перес Приего, происходит от древней традиции риторики, примером которой являются тексты IV века *Excerpta rhetorica*, особенно часть *de laudibus urbium* [5, с. 227]. Согласно которым описание должно иметь следующие аспекты: возраст и основатели города (*urbium laudem primum conditoris dignitas ornat*), географическое местоположение и фортификационные постройки (*de specie moenium locus et situs, qui aut terrenus est aut maritimus et in monte vel in plano*), плодородие земель и наличие водных ресурсов (*tertius de fecunditate agrorum, largitate fontium*), обычаи населения (*moribus incolarum*), здания и памятники особого значения (*tum de his ornamentis, quae postea accesserint*), выдающиеся личности (*si ea civitas habuerit plurimosnobiles viros, quorum gloria lucem praebeat universis*); в качестве завершающего элемента используется сравнение, что являлось характерным для всего эпидейктического жанра (*in his quoque faciemus breviter comparationem*) [7, с. 585–589]. Данная схема была распространенной в Средневековье при описании городов и стран [1, с. 228–229]. Однако не всегда авторы книг о путешествиях соблюдали порядок вышеперечисленных элементов.

В «Книге знаний» данная информация представлена весьма поверхностно и описание любого места не занимает больше параграфа, язык – довольно скудный (используются одни и те же прилагательные). Рассматриваемые территории населенные или ненаселенные, большие или маленькие; климат холодный, умеренный или жаркий; земли обильные или бесплодные. Без объяснения причин автор делает выводы об опасности или привлекательности мест. Стандартные, безличные слова и минимальная информация указывают на то, что автор мог брать данные из *mappamundi*, которые широко использовались в европейском Средневековье. Например: автор не упоминает никаких памятников, за исключением церкви Святой Софии в Константинополе, но и ее описание – типичное графическое изображение, характерное для карт данного периода. Относительно жителей различных мест комментарии автора сводятся к их физическим свойствам, степени развития, религии. По религиозной принадлежности люди делились на христиан и нехристиан, у последних было несколько категорий: схизматики, некатолические христиане или греческие христиане; а нехристиане были названы идолопоклонниками или «людьми без религии, которые не соблюдают заповеди». Автор не дает дальнейших описаний и не рассказывает о религиозных практиках. Внешне люди либо красивые, либо черные, а описание одежды и вовсе отсутствует. О поведении автор говорит как о жестоком или гнусном, без какого-либо объяснения. Большинство людей – простодушны, но персы и жители некоторых частей Индии – умны, опять же без видимых на то причин. Качество и количество комментариев автора о людях, которых он встречал во время своего путешествия, не убеждают читателя в том, что описание является результатом собственно пережитого опыта.

Отдельным элементом, который использовался в книгах о путешествиях, привлекал внимание и занимал умы средневековых людей, был фантастический – «чудеса» (*mirabilia*), часто это отражалось даже в названиях («*Mirabilia Descripta»* епископа Иордана). «Чудеса» были связаны с чем-либо необыкновенным, что было невозможно увидеть, и конечно же с легендами о Востоке. В период Средневековья лидирующей идеей была концепция о необыкновенном, неведомом и немыслимом Востоке, которая распространилась очень быстро благодаря различным каналам: энциклопедическим знаниям (бестиариям, лапидариям, тезаурусам), легендам об Александре Македонском, которые оказывали огромное влияние, и сверх того о Пресвитере Иоанне в Индии [5, с. 230]. Все эти сведения вместе со сказочными людьми, животными и растениями стали часто использоваться в книгах о путешествиях, но особое место они занимали в книгах о вымышленных путешествиях. И так как люди Средневековья не разграничивали научную и вымышленную информацию, они были идеальной аудиторией для книг о путешествиях в дальние страны. Естественно то, что автор «Книги знаний» не мог обойти этот элемент средневековой литературы, в трактате описаны следующие «чудеса»: люди без шеи, головы которых лежат на груди, живущие в *Noruega*; лающие люди, у которых были собачьи головы и ноги, собакоголовые из *Tartaria*; антиподы, люди которые живут на противоположном краю земли, известном как жаркая зона, и поэтому черны от солнечного ожога; птицы на острове *Hibernia*, которые растут на хорошо поливаемых деревьях и очень вкусные в вареном или жаренном виде, грифоны на острове *Java*, и муравьи величиной с котов, которые откапывали самородки для стройки муравейников на Золотой Реке. Иногда для придания весомости сво-

им описаниям автор использует следующие фразы: «мудрый человек сказал мне это», «они утверждают что», «я слышал изумительные вещи», «они показали мне», «они рассказали мне другие секреты», но при описании явно фантастических явлений «людей без шеи» автор утверждает «но я их не видел».

Автор «Книги знаний» возможно обладает научными познаниями описываемого им периода. Он прибегает к астрономии, информируя читателя, что она была открыта в Персии. Дату своего рождения он определяет по нескольким календарям: еврейскому, христианскому, мусульманскому и т. д. Он знает, что на севере шесть месяцев дня и шесть ночи. Автор так же упоминает семь климатов четыре раза, концепция, которая появилась в Средневековье благодаря Макробию. Однако данными сведениями изобилуют и *mappamundi*, которые могли являться источником для написания трактата.

В книгах о путешествиях повествование – линейное и непрерывное, протагонистом в данных произведениях является один персонаж (индивидуальный или коллективный, реальный или вымышленный), который чаще всего и выступает рассказчиком. Эта тождественность между протагонистом и рассказчиком и определяет первое лицо как форму представления рассказа. Этот прием и использует автор «Книги знаний», который сочетает сухие географические сведения с персональным, возможно выдуманным, опытом путешествий, при помощи повторения глаголов первого лица, единственного числа (отправился, покинул и т. д.), иногда автор использует глаголы первого лица множественного числа для того, чтобы обозначить наличие компаньонов в некоторые периоды путешествия. Хотя эти компаньоны упоминаются единожды и только по профессии, они обычно купцы, на кораблях которых он плавал. Использование первого лица делает рассказ несомненно более привлекательным для читателя и помогает передавать реальный или вымышленный опыт без участия повествователя [4, с. 162–163]. И естественно позволяет создать иллюзию участия читателя, так как для него важным являются не только географические сведения, но и каждодневный опыт, наблюдения путешественника и условия, в которых все происходило. Данный прием обладает еще и функцией освидетельствования и подтверждения, что усиливает правдоподобность и подлинность повествования, поэтому логично то, что к нему прибегали авторы книг о путешествиях. Присутствие автора в произведении – это характерная черта для всех средневековых книг о путешествиях, обычно читатель идентифицирует автора с собой.

Общая характеристика для средневековых книг о путешествии – личный отчет о пережитых трудностях и радостях (климате, условиях проживания, качестве пищи, болезнях, сложностях, связанных с передвижением, с риском и опасностями путешествия и т. д.), описанных на фоне интересного географического *пейзажа*, при этом географические данные часто отодвигаются на второй план, а наиболее важным представляется личный компонент [2, с. LI]. В географическом трактате «Книга знаний» происходит перестановка данных элементов, автор вообще опускает какие-либо детали, связанные с личным опытом или оценкой окружающего, и вместо этого делает акцент на перечислении мест, которые он посетил и на описании геральдической составляющей своего путешествия. Несмотря на отсутствие персонального компонента, автору удается выработать определенную структуру и свой стиль описания.

Относительно лексической составляющей описания «Книги знаний» необходимо сказать, что она весьма ограничена и примитивна, основной глагол – *рассказывать*, иногда путешественник употребляет глаголы *говорить* и *называть*. Иногда он использует повелительное наклонение глагола *знать*, при обращении к читателю. Отдельный интерес представляет терминология, связанная с путешествием, в тексте отсутствует глагол *путешествовать* или существительное *путешествие*, существительные в принципе не задействованы в описании путешествия. Автор использует глаголы: *пересекать*, *покидать*, *приезжать*, *отправляться*, *двигаться*, *проходить*, *направляться*, и упоминает лишь два способа путешествия: *по морю*, на разных видах морского транспорта, и *по земле* только на верблюдах.

Стоит выделить геральдический компонент, с его детальным описанием и графическим отображением, что можно расценить как основную задачу автора «Книги знаний», для которой географический компонент является лишь предтекстом, особенно если учитывать используемый автором язык геральдики.

Таким образом, пример «Киги знаний» можно расценивать как необходимый этап в развитии проблематики фиктивных и нефиктивных текстов по исторической географии Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Curtius, E. R. Literatura europea y Edad Media latina / E. R. Curtius. [Electronic resource]. – 1998. – Mode of access: http://openlibrary.org/works/OL10219560W/Literatura_Europea_y_Edad_Media_Latina. – Date of access: 15.03.11.

2. El libro del conoscimiento de todos los reinos =The book of the knowledge of all kingdoms / Ed., translation and study by N. F. MARINO. – Tempe: Arizona Center for medieval and renaissance studies, 1999. – 138 p. – (Medieval and renaissance text and studies; 198).

3. Lacarra, M. J. El Libro del conoscimiento de todos los reinos del mundo: la lectura sapiencial de un libro de viajes imaginarios // Memorabilia: Boletín deLiteratura-Sapiencial. [Elrctronic resource]. – 2000. – № 4. – Mode of access: http: // parnaseo. uv. es / memorgral / Portada4. htm. – Date of access: 10.01.2011

4. May, G. L' autobiographie / G. May. – Paris: Presses universitaires de France, 1979. – 229 p.

5. Perez Priego, M. A. «Estudio literario de los libros de viajes medievales.» / M. A. Perez Priego [Elrctronic resource] // Epos. – 1984. – № 1. – 217–239. – Mode of access: http://e-spacio.uned.es/fez/eserv.php?pid=bibliuned:Epos-E4299187-3BCF-9E33-B6FF-816BE99E-605F&dsID=PDF. – Date of access: 2.10.10.

6. Richard, J. Les récits de voyages et de pélerinages / J. Richard. – Turnhout: Éditions Brepols, 1981. – 256 p.

7. Rhetores latini minores. Ex codicibus maximam partem primum adhibitis / Ed. C. Halm. – Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1863. – 658 p. – Mode of access: http: // openlibrary. org / books / OL6494264M / Rhetores_Latini_minores. – Date of access: 25. 08. 12.

8. Riquer, M. «La heráldica en el Libro del conocimiento y el problema de su datación» / M. Riquer // Dicenda. – 1987. – № 6. – P. 313–319.

Валерыя Навасёлава

ПРАБЛЕМА ФІКТЫЎНЫХ І НЕФІКТЫЎНЫХ ТЭКСТАЎ У ГІСТАРЫЧНАЙ ГЕАГРАФІІ СЯРЭДНЯВЕЧЧА (НА ПРЫКЛАДЗЕ ІСПАНСКАГА ТРАКТАТА «КНІГА ВЕДАЎ»)

Рэзюмэ

У геаграфічных трактатах Сярэднявечча ёсць асноўныя характарыстыкі, якія дазваляюць ідэнтыфікаваць фіктыўныя тэксты і адасобіць іх ад кніг рэальных падарожжаў. Аднак існуюць тэксты, у якіх рэальныя даныя перамяжоўваюцца з фантазіямі аўтара, адным з такіх тэкстаў з'яўляецца іспанскі геаграфічны трактат «Кніга ведаў». Аўтар артыкула аналізуе гэту крыніцу, паслядоўна разглядае асноўныя характарыстыкі сярэдневяковых ітынерарыяў і вылучае іх у дадзеным творы.

Walerija Navasiolava

THE PROBLEM OF FICTITIOUS AND REAL TEXTS IN THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE MIDDLE AGES (IN TERMS OF THE SPANISH GEOGRAPHICAL TREATISE «THE BOOK OF KNOWLEDGE»)

Summary

In the medieval geographical treatises there are main characteristics, which help to identify fictitiousness of the texts and separate the itineraries (Iohannes de Plano Carpini, Guillaume de Rubrouck, Marco Polo) from the imaginary travels (John Mandeville). Nevertheless there are texts, in which real facts are contiguous with fictitious information. One of these works is the Spanish geographical treatise of the XIV century «The book of Knowledge». The author of the article studies this unrenowned source. In the article the main characteristics of the medieval travel books have been consecutively analyzed and marked out in «The book of Knowledge».

Поступила 19.12.2012 г.

УДК [94(476)«18/19»/092]

Виктор Острога (Минск, Беларусь)

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ В РАБОТАХ БЕЛОРУССКИХ ИСТОРИКОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Новая и Новейшая история Германии привлекала внимание белорусских исследователей еще с начала 1920-х гг. Именно в этот период историческая германистика стала второй по популярности после полонистики в рамках исследований по всеобщей истории в БССР. За весь советский период в этой области увидели свет свыше 110 публикаций, из них около 20 монографических работ. Стоит отметить и достаточно устойчивый интерес к проблемам немецкой истории, особенно в 1920-е годы и 1970–1980-е гг. В настоящее время не имеется публикаций, где проводится историографический анализ данной сферы исследований. В этом и заключается актуальность и новизна настоящей работы.

В довоенный период эта тематика стала приоритетной не случайно. События в Германии вызывали сильную заинтересованность в Советском Союзе. Как отмечал в 1924 г. И. В. Сталин: «Победа революции в Германии есть обеспечение победы международной революции» [1]. Поэтому изучение германской истории стало актуальным среди исследователей [2]. Но в межвоенный период белорусских обществоведов больше всего интересовала Новая история Германии, в первую очередь деятельность германской социал-демократии.

Известным специалистом по германской истории считался профессор БГУ В. Н. Перцев. Объектом его пристального внимания была Пруссия. В частности, он исследовал историю влиятельной прусской династии Гогенцоллернов. Его первой работой по приезду в Беларусь стала крупная статья «Историческая идеология Бисмарка», в которой он пришел к выводу, что Бисмарк представлял исторический процесс подобно процессам в живом организме. А вмешательство в ход истории ему представлялось аналогично осторожным воздействиям воспитателя, который во всем действует соответственно нуждам доверенного ему воспитанника [3]. В журнале «Историк-марксист» (1927 г.) было отмечено, что эта работа – «единственная в полной степени научная работа по Новой истории за последние три года из провинциальных вузов» [4].

Но В. Н. Перцев занимался исследованиями в привычном ему направлении и формате. А вот молодые историки сразу изучали «классовые битвы». Так, профессор Е. И. Ривлин исследовал историю германской социал-демократии 90-х годов XIX в. Он изучил внутриполитическую борьбу в СДПГ, вскрыл причины идейного расхождения в партии, дал характеристику и анализ взглядов К. Либкнехта, К. Каутского, А. Бебеля [5].

Отдельные аспекты деятельности германских социал-демократов исследовали И. В. Герчиков и Б. Быховский. В работах белорусских исследователей были даны характеристики К. Марксу, Ф. Лассалю, Ф. Мерингу, Р. Люксембург, Р. Вагнеру, делались попытки проанализировать их взгляды. Но не все эти работы равны по своей научной ценности. Так, исследования И. В. Герчикова характеризуются глубиной разработок, широким использованием иностранных источников, что редко встречалось в работах того времени. Ученый проанализировал взгляды «титана истории XIX в.», основателя Всегерманского рабочего союза Ф. Лассаля на государство [6]. Он уделил внимание и изучению некоторых аспектов творчества немецкого композитора Р. Вагнера, о политических мотивах творчества которого написал большую статью. В ней автор высказывает предположение, что Вагнер не только своими произведениями, но и непосредственной деятельностью способствовал канцлеру Бисмарку и Вильгельму, так как был большим сторонником «доброго короля» [7].

В 1922 г. философ из БГУ С. Я. Вольфон опубликовал статью «Маркс и Лассаль в переписке с Г. Гейне», в которой были помещены три ранее известные письма Маркса и Лассаля к Гейне. Это позволило более полно представить характеры трех известных личностей [8]. В форме дорожных заметок С. Я. Вольфсон опубликовал статьи о своих впечатлениях во время поездок по Германии. В конце путешествия автор приходит к выводу, что страна находится на распутье и ее ожидает «незавидная перспектива» [9].

С начала 1930-х гг. активность белорусских германистов заметно снизилась. В это время усилилось внимание к исследованиям фашизма. Среди работ можно отметить монографию Н. А. Коноплина «Фашизм и фашистское государство» [10]. Автор сделал вывод, что наличие такого явления, как фашизм, свидетельствует об умирании всего капиталистического строя.

Публикации по германской истории в этом периоде оказались сосредоточенными практически на проблемах истории социал-демократии и ее лидеров. Так, Я. Фейгельсон изучал взгляды Э. Бернштейна [11]. Я. Коринец в книге об Ю. Мархлевском отметил, что в тяжелое время, когда германские социал-демократы предали принципы пролетарского интернаци-

онализма, он «призывал поднять компанию протеста против позора» [12].

Вопросы истории немецкой науки XIX в. отразил в своих энциклопедических статьях В. Н. Перцев, посвященных историку Ф. Рауме, предпринимателю К. Ф. Штуме, прусскому консервативному деятелю и ученому Ф. Ю. Штале.

Во второй половине 1930-х гг. исследований по немецкой истории проводилось крайне мало. К примеру, доцент БГУ Л. М. Шнеерсон активно работал над кандидатской диссертацией «Позиция России в вопросе об объединении Германии в 1848–50 гг.» [13].

Заметим, что в этот период исследовалась в основном германская история XVII–XVIII вв. Так, профессор В. Н. Перцев к юбилейному выпуску «Ученых записок БГУ» подготовил статью «Крестьяне в Пруссии в конце XVIII в. и начале XIX в.». Примерно в это время Л. М. Шнеерсон закончил свою работу «Об одном источнике по истории революции 1848 года в Германии» [14].

В послевоенный период белорусская школа исторической германистики стала известной в Советском Союзе. За весь послевоенный период было опубликовано свыше 80 работ. Причем исследования были достаточно фундаментальны и около 2/3 всех публикаций составляли монографические исследования. Исследовательская работа началась в 1950-х гг. и достигла своего пика в 1970-е годы. Тематические исследования белорусских германистов были очень разноплановы. Это проблемы революционного движения в Германии периода Новой истории, Веймарской республике, профсоюзного движения в 1920–1930-х гг., история политических партий, деятельность Эрнста Тельмана, история ГДР, ФРГ, проблемы неонацизма, развитие науки и многие другие.

Особенностью исследований был большой интерес к межвоенной истории. Этой области было посвящено около трети работ. Одним из первых трудов, характеризовавших межвоенный период была брошюра Д. С. Климовского «Германский импеиализм – злейший враг Польши» (1953 г.). Позднее он продолжил свои исследования. Крупнейшим исследователем немецкой истории периода Веймарской республики был профессор БГУ Г. М. Трухнов [15]. П. А. Шупляк детально исследовал деятельность германских профсоюзов в первой половине 1930-х гг. [16]. Остальные исследователи К. М. Петухов, И. Ф. Карасюк, Л. Н. Гаранин и другие изучали различные аспекты рабочего движения, антифашистскую борьбу. В 1989–1990 гг. Г. А. Космач опубликовал результаты своих исследований по деятельности буржуазных партий Веймарской Германии [17].

На всем протяжении послевоенного периода белорусские исследователи интересовались жизнью и деятельностью немецкого антифашиста Э. Тельмана, в первую очередь это – Б. Зельцар, Д. Климовский и другие.

После раздела Германии на два государства – ФРГ и ГДР – у историков появилась новая тематика. Но интерес к капиталистической Германии был несколько большим, нежели к социалистической. В этой области среди наиболее распространенных тем стали: ФРГ как очаг военной наряженности, рабочее движение, деятельность политических партий, проблемы неонацизма, развитие науки. Однако раскрывались эти темы очень критично. Зачастую работы были выдержаны в своего рода «обвинительном» и «разоблачительном» стиле. Первые публикации появились в начале 1960-х гг. и «разоблачали» реваншизм и милитаризм Западной Германии [18]. Активно вскрывал «агрессивную политику западногерманского империализма» О. А. Ясинский. М. Г. Елисеев и М. А. Ермолицкий исследовали партийную систему ФРГ. Социальные проблемы аграрного сектора изучал И. В. Прудник. О западногерманском неонацизме и реваншизме писали Л. Эльш, Р. Колчанов и Ю. И. Коваленко [19].

В советский период важной задачей историков было «разоблачение буржуазных фальсификаций истории». Итоги подобной работы отражены в статьях Н. П. Левиной и К. М. Петухова [20]. Исследования о рабочем движении Западной Германии и его авангарде – Коммунистической партии Германии проводили А. Н. Егоров и другие авторы.

Первые работы по истории ГДР появились в начале 1950-х гг., ранее, чем по истории ФРГ [21]. Одними из популярных в буквальном смысле тем, стали юбилеи создания социалистической Германии [22]. О рабочем классе ГДР и его роли в управлении государством писали Л. С. Дудинский и В. М. Писарев [23]. СЕПГ и ее роль в строительстве социалистической ГДР также была в центре внимания белорусских германистов. В частности, предметом изучения являлся опыт развития системы образования в ГДР.

Новая история Германии в сравнительном плане была представлена десятком исследований. Первый очерк германской истории XVIII в. опубликовал академик В. Н. Перцев [24]. Историю рабочего движения в германских государствах исследовали О. Г. Радькова, Л. Н. Гаранин, Н. В. Шульгина, М. А. Беспалая. Роль германских государств в международных отношениях в XIX в. продолжал изучать профессор Л. М. Шнеерсон [25]. В корпусе белорусской советской исторической германистке имеются и исследования о выдающихся немецких мыслителях – Фридрихе Фребеле и Фридрихе Ницше.

Таким образом, белорусские советские историки проводили активные исследования по истории Германии. Тематический диапазон их был достаточно широк. Было издано значительное количество публикаций, что позволяет констатировать формирование к 1970-м гг. одной из лучших в СССР белорусской школы исторической германистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталин, И. В. О компартии Польши // И. В. Сталин. – Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 1952. – Т. 6. – С. 266–267.

2. К событиям в Германии. Что нужно знать русскому кретьянину о Германской революции. – Витебск: Изд-во Витгубкома РКП(б), 1923. – 34 с.

3. Перцев, В. Н. Историческая идеология Бисмарка / В. Н. Перцев // Працы БДУ. – 1925. – № 6–7. – С. 175–184.

4. Вайнштейн, О. Л. Научно-исследовательская работа по истории Западной Европы в советских вузах в 1924–26 гг. по их публикациям / О. Л. Вайнштейн // Историк-марксист. – 1927. – Т. 3. – С. 212.

5. Ривлин, Е. И. История германской социал-демократии / Е. И. Ривлин. – Минск, 1928.

6. Герчыкаў, І. В. Фердынанд, як Рэвалюцыянер і Чалавек / І. В. Герчыкаў // Полымя. – 1925. – № 1. – С. 201–215.

7. Герчыкаў, І. В. Гісторыка-палітычныя матывы творчасці Рыхарда Вагнера / І. В. Герчыкаў // Полымя. – 1926. – №7. – С. 152.

8. Вольфсон, С. Я. Маркс и Лассаль в переписке с Г. Гейне / С. Я. Вольфсон // Труды БГУ. – 1922. – № 2/3. – С. 296–303.

9. Вальфсон, С. Я. Нямеччына, 1924 год / С. Я. Вальфсон // Полымя. – 1924. – № 4. – С. 130–143.

10. Канаплін, М. А. Фашызм і фашысцкая дзяржава / М. А. Канаплін – Мінск: БДВ, 1930. – 191 с.

11. Фейгельсон, Я. Змаганне плыняў у германскай сацыял-дэмакратыі (1896–1903 гг.) Я. Фейгельсон // Марксысцкі зборнік. – 1931. – Кн. 2. – С. 110–135.

12. Корынец, Я. Юльян Мархлеўскі (Карскі), жыццё і рэвалюцыйная дзейнасць / Я. Корынец. – Менск: БДВ, 1931. – 38 с.

13. Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ) РБ Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 750. – Л. 14, 483.

14. НА РБ Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 737. – Л. 94.

15. Трухнов, Г. М. Революционный подъем в Германии (конец 1918 – середина 1921 гг.) / Г. М. Трухнов. – Минск: Высшая школа, 1963. – 204 с.; Трухнов, Г. М. Классовая борьба в Германии в 1922–1923 гг. / Г. М. Трухнов. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 243 с.

16. Шупляк, П. А. Наступление германских монополий на права рабочего класса в период мирового экономического кризиса (1929–32) / П. А. Шупляк // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – Сер. 3. – 1973. – № 2. – С. 25–31; Шупляк П. А. Государственный переворот 20 июля 1932 г. в Пруссии и позиция немецких профсоюзов / П. А. Шупляк // Вопросы истории. – 1979. – № 6. – С. 62–72.

17. Космач, Г. А. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики: идеология и политика немецкой демократической партии в 1918–1929 гг. / Г. А. Космач. – Минск: Университетское, 1989. – 190 с.; Космач, Г. А. Тактика правящих буржуазных партий Германии в период компании 1925 года по избранию имперского президента / Г. А. Космач. – // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – Сер. 3. – 1990. – № 1. – С. 27–29.

18. Кудрашоў, В. ФРГ – галоўны ачаг ваеннай бяспекі ў Еўропе / В. Кудрашоў // Камуніст Беларусі. – 1961. – № 4. – С. 55–60; Пономарев, В. Западногерманский суд спасает недобитых гитлеровцев / В. Пономарев // Коммунист Белоруссии. – 1963. – № 3. – С. 63–68.

19. Елисеев, М. Г. Между конфрантацией и разрядкой. СвДП в партийной системе ФРГ: проблемы «восточной» политики / М. Г. Елисеев. – Минск: Университетское. – 1989. – 334 с.; Ермолицкий, М. А. Углубление процессов дифференциации в социал-демократической партии Германии в 1969–1976 гг. / М. А. Ермолицкий // Вопросы истории. – 1979. – № 6. – С. 98–108.

20. Левіна, Н. П. Фальсіфікацыя гісторыі ўсенароднай барацьбы ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны ў сучаснай буржуазнай гістарыяграфіі ФРГ / Н. П. Левіна // Вес. АН БССР, сер. грамад. навук. – 1974. – № 4. – С. 65–71; Петухоў, К. М. Аб некаторых пытанях фальсіфікацый буржуазнымі гісторыкамі ФРГ руху Супрацыўлення ў гады другой сусветнай вайны / К. М. Петухоў // Вес. АН БССР, сер. грамад. навук. – 1974. – № 4. – С. 59–64.

21. Вертаградаў, Р. Трэцяя гадавіна ўтварэння Германскай Народнай Рэспублікі / Р. Вертаградаў, Г. Гаўрылаў // Блакнот агітатара. – 1952. – № 18. – С. 32–40; Сперанскі, І. Будаўніцтва сацыялізма ў ГДР / І. Сперанскі. – Мінск: Дзяржвыд. БССР. – 1957. – 76 с.; Сердюков, А. М. ГДР строит социализм / А. М. Сердюков, С. Б. Куваев. – Минск, 1960. – 36 с.

22. Снапкоўскі, У. Е. Па шляху міру і сацыялізма (Да 30-годдзя утварэння ГДР) / У. Е. Снапкоўскі // Вес. АН БССР, сер. грамад. навук. – 1979. – № 5. – С. 52–60; Маркевич, А. А. ГДР: 40 лет социалистического созидания / А. А. Маркевич. – Минск: Веды, 1989. – 27 с.

23. Дудинский, Л. С. Рабочий класс Рабочий класс – ведущая сила строительства развитого социалистическог общества в ГДР / Л. С. Дудинский // Весн. Беларус. дзярж. ун-та, Сер. 3. – 1975. – № 1. – С. 48–53; Писарев, В. М. Совершенствование системы государственного управления в процессе строительства социалистического общества в ГДР (1971–1975 гг.) / В. М. Писарев // Вопросы истории. – 1977. – Сб. 4. – С. 156–165.

24. Перцев, В. Н. Очерк истории Германии XVIII века / В. Н. Перцев. – Минск: Изд-во Белорусского университета, 1959. – 80 с.

25. Шнеерсон, Л. М. Прусія і паўднёвая Германія пасля Аўстра-прускай вайны 1866 г. Л. М. Шнеерсон // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. – 1969. – № 2. – С. 26–31.

Астрога Віктар

НОВАЯ І НАВЕЙШАЯ ГІСТОРЫЯ ГЕРМАНІІ Ў ПРАЦАХ БЕЛАРУСКІХ ГІСТОРЫКАЎ САВЕЦКАГА ПЕРЫЯДУ

Рэзюмэ

У артыкуле разглядаюцца пытанні даследавання новай і навейшай гісторыі Германіі ў працах гісторыкаў БССР (1923–1991 гг.). Адзначаецца, што ў савецкі перыяд па гэтай тэме апублікавана больш за 110 пазіцый, якія ахоплівалі шырокі тэматычны спектр. Даследаванні датычыліся як ГДР, так і ФРГ. У 1970-я гг. сфарміравалася адна з лепшых у СССР – беларуская гістарычная школа германістыкі.

Viktar Astroha

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY OF GERMANY IN THE WORKS OF BELARUSIAN HISTORIANS OF THE SOVIET PERIOD

Summary

The article considers the questions of study of modern and contemporary history of Germany in the works of historians of the BSSR (1923–1991). It is noted that during the Soviet period more than 110 publications in this area were published. They had a wide thematic range. Work related to the history of the GDR and the FRG. The Belarusian school of Germanic studies, one of the best in the USSR, was formed in the 1970th.

Поступила 18.12.2012 г.

УДК 314 (476)

Вольга Папко (Мір, Беларусь)

УЛІКОВАЯ ДАКУМЕНТАЦЫЯ Ў ДАСЛЕДАВАННІ ПРАБЛЕМЫ ШЛЯХЕЦКАЙ СЯМ'І XIX – ПАЧАТКУ XX ст. (НА ПРЫКЛАДЗЕ СПІСАЎ ШЛЯХТЫ ВАЎКАВЫСКАГА ПАВЕТУ)

Сям'я адыгрывала ў жыцці шляхціца, як і любога чалавека, вырашальную ролю. Цікавыя звесткі можа прадставіць колькасны аналіз такіх масавых крыніц, як спісы павятовай шляхты. Для аналізу намі былі ўзяты спісы шляхты Ваўкавыскага павета ў XIX – пачатку XX ст., якія захоўваюцца ў НГАБ у Гродна. Першы са спісаў часоў панавання Расійскай імперыі быў складзены ў 1796 г. пасля трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай. Ён уключае 562 асобы з указаннем іх нерухомасці ці яе адсутнасці [5].

Наступны храналагічны спіс шляхты таксама датаваны супрацоўнікамі архіва 1796 г. Аднак на самой справе даныя, якія ў ім утрымліваюцца, адносяцца да 1831–1836 гг. Гэта вельмі падрабязны дакумент, дзе пазначаўся глава шляхецкай сям'і, яго жонка і дзеці, часам маці або сёстры, іх узрост, маёнткі, якія яму належылі і месца жыхарства [4].

Нягледзячы на тое, што гады нараджэння многіх асоб, згаданых у спісе, высветліць цяжка, даныя аб узросце дазваляюць зрабіць вельмі цікавыя высновы. Калі сыходзіць з думкі, што ў адной сям'і правільна паказана розніца ва ўзросце паміж яе членамі, то, ведаючы год нараджэння аднаго яе прадстаўніка, можна вылічыць гэтыя даты і для іншых членаў з вялікай доляй верагоднасці гэтых звестак. Пола-ўзроставы і колькасны склад шляхецкай сям'і рэгіёна, традыцыя надання імёнаў таксама адлюстраваны ў гэтым дакуменце.

Важнай крыніцай для генеалагічнай часткі дадзенага даследавання з'яўляецца «Спіс патомнай шляхты Ваўкавыскага павета» за 1910 г. У ім змешчаны прозвішчы некалькіх соцен шляхціцаў і спіс іх бліжэйшых родзічаў. Колькасць інфармацыі аб тым ці іншым родзе ўскосна дае ўяўленне, як доўга яго прадстаўнікі жылі на землях Ваўкавыскага павета. Большасць шляхціцаў на гэтых землях паходзіла з родаў Рэчы Паспалітай. Колькасць рускіх дваран былі значна меншай. Спіс не ўтрымлівае інфармацыі аб гадах нараджэння і смерці шляхціцаў, аднак дазваляе збудаваць простыя генеалагічныя дрэвы, якія складаюцца часам з двух-трох пакаленняў. Некаторыя сем'і прадстаўлены чатырма пакаленнямі. Верагодна, спіс 1910 г. з'яўляецца чыставым і дапоўненым варыянтам папярэдняга спіса 1830-х гг. У ім не пазначаўся ўзрост шляхціцаў, таму што даныя гэтыя былі неактуальнымі (у спісе змешчана шмат людзей, якія на момант яго складання ўжо памерлі). Многае, што ў папярэднім спісе з'яўляецца дадаткам (занатавана на скорую руку і не вельмі разборліва), у спісе 1910 г. ужо запісана адным почыркам, хаця і ў ім ёсць допісы.

У спісе адсутнічаюць прозвішчы даволі вялікай групы шляхецкіх сем'яў. З'яву гэтую можна растлумачыць натуральнымі прычынамі: міграцыя насельніцтва, выгасанне родаў. Спіс 1910 г. складаецца з 185 граф, у якіх змешчана 130 прозвішчаў. Агульная колькасць прадстаўнікоў шляхты, якія згадваюцца ў спісе, налічвае 1168 чалавек, з якіх 799 мужчын і 369 жанчын [6].

Першая праблема, з якой сустракаліся бацькі пасля нараджэння дзіцяці – наданне яму імя. Па каталіцкіх традыцыях вельмі часта давалі некалькі імёнаў. Ва ўмовах крэсовага шматмоўя чалавек прызвычайваўся адгукацца на некалькі варыянтаў свайго імя. Дзіця, якому надавалася ў касцёле імя Ян, у рускіх дакументах і на дзяржаўнай службе называўся Іванам, меў і версіі свайго імя, якія паходзілі з іншых еўрапейскіх моў. Так Цэцылія Талочка ў сям'і называлася проста Цэсяй, аднак часам яе маці звала на французскі манер «Сесіль», калі была ёю незадаволена [9, с. 19]. Трывалай была традыцыя надаваць дзецям імёны ў гонар іх продкаў: часцей бабуль і дзядуль, радзей – бацькоў. Другое і наступныя імёны таксама мелі нейкае значэнне ў гісторыі рода і часцей за ўсё належылі таксама родзічам.

Спісы шляхты, выяўленыя намі ў архіве, дазваляюць зрабіць цікавыя высновы аб тым, якія мужчынскія і жаночыя імёны былі найбольш папулярнымі ў шляхецкім асяроддзі ў XIX – пачатку XX ст. «Спіс патомнай шляхты Ваўкавыскага павета» за 1910 г. быў прааналізаваны намі на прадмет выяўлення і рэдкіх імёнаў. Прасочваецца тэндэнцыя скарачэння колькасці імёнаў, якія надаваліся дзецям. Магчыма, на гэта зрабіла ўплыў даволі доўгае знаходжанне ў межах Расійскай імперыі, дзе існавала традыцыя выкарыстання імя па бацьку і не было прынята насіць па два і болей імёнаў. Колькасць імёнаў у дзяцей графа В. Красіцкага самая вялікая ў «Спісе». Тры яго сыны мелі па 5 імёнаў, два – па 3, адзін – 7 імёнаў. Дачка графа мела тры імёны. Пяць з шасці сыноў графа мелі адно і тое ж – Адам.

Імёны шляхціцаў у спісе прадстаўлены ў розных рэдакцыях. Магчыма, яны і ўспрымаліся як розныя. У сям'і Развадоўскіх сустракаліся адпаведна «Спіса» Іван і Іаан, Іосіф і Восіп. Сустракаюцца як Іосіфа, так

і Юзэфа, Фадзей і Тадэвуш. У «Спісе» сустракаецца 103 жоночыя імёны і 134 мужчынскія (улічваліся толькі першыя імёны, не ўлічваліся імёны па бацьку). Сярод жаночых імёнаў больш за палову былі рэдкімі: 45 з іх сустракаліся па адным разе, 18 – па два, 7 – па тры разы. Самымі папулярнымі былі: Ганна – сустракаецца 21 раз, Іосіфа (Юзэфа) – 16 разоў, Марыя – 14, Сафія – 12. Значная частка мужчынскіх імёнаў таксама сустракаецца па адным разе – 51 імя, па два – 22, па тры – 14 імёнаў. Самымі папулярнымі мужчынскімі імёнамі ў асяроддзі патомнай шляхты былі Іван (Ян) – 56 чалавек, Іосіф (Юзаф, Восіп) – 53, Аляксандр – 40.

Цікавая заканамернасць праглядваецца ў прынцыпах выкарыстання імёнаў. У адрозненне ад нашых часоў, значна больш было імёнаў, якія насілі мужчыны і жанчыны: Адольф – Адольфа, Адальфіна; Каміл – Каміла, Уладзіслаў – Уладзіслава, Люцыян – Люцыяна, Ігнацый – Ігнацыя, Юзаф – Юзэфа, Вікенцій – Вікенція, Казімір – Казіміра, Ксаверый – Ксаверыя, Людвік – Людвіка, Раман – Раманія. Гэты спіс можна працягваць [6].

Паваротным момантам у жыцці шляхціца і шляхцянкі быў шлюб. Да яго арганізацыі падыходзілі вельмі сур'ёзна. Сувязі будучых родзічаў улічваліся, калі шляхта пачынала выбіраць будучую жонку для сваіх сыноў. У статуце ВКЛ 1588 г. сцвярджалася аб тым, што ў шлюбе жонка атрымлівала стан свайго мужа: «Калі б шляхціц нешляхцянку сабе няроўную ўзяў, тады як тую нешляхцянку жонку сваю, так і дзяцей сваіх, з ёю набытых, сабою і шляхецтвам сваім робіць высакароднымі. І такія жонкі і дзеці іх павінны быць прызнанымі сапраўднымі шляхціцамі» [8, с. 48]. Статут ВКЛ 1588 г. агаворваў, што ў некаторых выпадках статус шляхцянкі праз шлюб мог не толькі павышацца, але і паніжацца [8, с. 220]. У Расійскай імперыі змены статусу жанчын у шлюбе агаворваліся ў «Жалаванай грамаце дваранству» (1785 г.). Жанчыны праз шлюб маглі павысіць свой статус, але пры шлюбе з прадстаўніком ніжэйшых сацыяльных слаёў шляхцянка ў сваім статусе не губляла (праўда яе прывілеі не перадаваліся ні мужу, ні дзецям у такім шлюбе [10]. Гэта правіла знайшло адлюстраванне і ў наступных заканадаўчых дакументах.

Аднак жонкі-нешляхцянкі не былі з'явай распаўсюджанай у XIX ст. Згадкі аб такіх шлюбах з прадстаўніцамі падатковых саслоўяў у дакументах рэдкія. Калі сустракаюцца такія прыклады, то тычацца вельмі беднай шляхты, якая фактычна па сваім родзе заняткаў і матэрыяльным становішчы набліжалася да сялян або мяшчан. Шмат такіх прыкладаў сустракаецца ў родзе Рудзеўскіх-Калупайлаў і Матыевічаў-Мацкевічаў, жонкі якіх былі мяшчанкі або сялянкі [3, арк. 20, 25, 59, 61]. У фармулярных спісах служачых і пасямейных спісах шляхты асобна пазначалася саслоўе, з якога паходзіць жонка, яе дзявочае прозвішча і веравызнанне, радзей – год яе нараджэння і заключэння шлюбу.

Цікавыя звесткі аб узроставых характарыстыках сужэнцаў падае спіс 1830-х гг. На жаль, нельга прааналізаваць даныя аб усіх сем'ях, таму што ў некаторых з іх не пададзены ўзрост жонкі. Аднак большасць з сямейных пар у гэтым спісе можна выкарыстаць для некаторых абагульняючых аналізаў. Мы налічылі 111 такіх пар, якія сталі падставай для колькаснага аналізу.

Даволі складана на падставе дадзеных дакументаў меркаваць аб узросце, у якім было прынята ўступаць у шлюб, не маючы ў сваім распараджэнні вялікай колькасці метрычных запісаў аб шлюбе. Аднак вядома, што мінімальны ўзрост калі можна было браць шлюб агаворваўся: 1) царкоўнымі правіламі (у праваслаўнай царкве ўзрост шлюбнага паўналецця для мужчын быў 15 год, а для жанчын 12 (13) год, у каталіцкай – для мужчын 14, жанчын – 12 год, у евангеліцкай – 16 год для ўсіх) [11]; 2) дзяржаўнымі законамі. Статут ВКЛ 1588 г. для жанчын усталёўваў узрост шлюбнага паўналецця 13 гадоў [12, с. 33]. Толькі ў 1830 г. у Расійскай імперыі шлюбны ўзрост быў афіцыйна падвышаны (для мужчын 18 гадоў, для жанчын 16 гадоў). Гэта норма знайшла адлюстраванне ў Зводзе законаў Расійскай імперыі 1832 г. [11].

Спісы шляхты Ваўкавыскага павета паказваюць розны ўзрост уступлення ў шлюб. У спісе 1830-х гг. згадваецца сям'я 19-гадовага Эдуарда Сассуліча, які меў за жонку 15-цігадовую Фёклу Стычыневу [4, с. 5]. Крыніцазнаўчая база для правядзення аналізу даволі вузкая. Аднак у пачатку XX ст. год уступлення ў шлюб і ўзрост маладых пазначаўся ўжо ў фармулярных спісах служачых. Сярод гэтых дакументаў знаходзім наступныя звесткі. Маршалак шляхты Ваўкавыскага павета Б. М. Палеолаг меў за жонку ўдаву, з якой ажаніўся ў 32 гады, калі нявеста мела 25 гадоў [1, с. 1–2]. Іншы маршалак, С. У. Альдэнборгер ажаніўся ў 30 гадоў, калі яго нявеста мела 21 год. Засядацель дваранскай апекі А. П. Швоб ажаніўся ў 26 гадоў, яго нявесце на той момант было 23 гады. Яго сын Павел, журналіст той самай апекі, уступіў у шлюб у 35-гадовым узросце, яго нявеста мела 18 гадоў. Другі засядацель – М. А. Уладычанскі – у 32 гады ўзяў за сябе сваю аднагодку. Трэці засядацель, які ў 1910 г. служыў у той самай апецы, А. А. Багушэвіч ажаніўся ў 24 гады з 16-гадовай Алімой Раеўскай [2, с. арк. 20, 27, 32–36, 50–53].

Сярэдняя розніца ва ўзросце паміж мужам і жонкай ў прааналізаваных намі сем'ях складае 11,3 гады. Сустракаецца толькі адзін выпадак, калі муж з жонкай былі аднагодкамі і 9 выпадкаў, калі іх падзялялі 1–2 гады. Нярэдка паміж мужам і жонкай была вельмі вялікая розніца. Пры розніцы ў 20 і болей гадоў муж і жонка фактычна адносіліся да розных пакаленняў. Быў выпадак, калі Іван Жалкоўскі (69 гадоў) быў старэйшым за сваю жонку Юстыну з Быхаўцаў (38 гадоў) ажно на 31 год. 30 гадоў было паміж Антонам Чапліеўскім і яго жонкай Фёклай з Кржыжаноўскіх. Сем'і з 25-гадовай розніцай ва ўзросце сустракаюц-

ца ў спісе часцей. Гэты ўзрост падзяляў Феліцыяна Вейса (62) і Іосіфу з Бергеляў (37), Ксаверыя Завішу (73) і Марыяну з Адынцоў (47), В. М. Карозу (50) і Вікторыю з Сакалоўскіх (25) і інш.

Выпадкі, калі жонка была старэйшай за свайго мужа, былі вельмі рэдкімі. На 5 гадоў была старэйшай за свайго мужа Зыгмунта Камінскага (42) яго жонка Юзэфа з Мазеўскіх (47). Відаць, іх шлюб быў заключаны адносна позна, бо мелі яны дваіх малых дзяцей: сына Іова 12 гадоў і дачку Марыю 10 гадоў [4, арк. 1 адв., 5 адв., 10 адв., 13, 15, 27 адв.] Гэта быў адзіны выпадак, зафіксаваны намі сярод 111 сем'яў у спісе шляхты 1830-х гг.

Аналіз розніцы ва ўзросце паміж мужам і жонкай даў наступныя вынікі: 45 сем'яў (40,5 %) мелі розніцу ад 0 да 9 гадоў; 54 сям'і (48,9 %) – ад 10 да 19 гадоў; 12 сем'яў (10,9 %) – болей за 20 гадоў). З вялікай доляй верагоднасці можна гаварыць пра тое, што многія шлюбы з вялікай розніцай ва ўзросце былі для мужчын другімі, заключаліся, калі іх першыя жонкі паміралі. Даволі тыповай для шляхецкага асяроддзя была сітуацыя, якая склалася ў сям'і бацькі К. Каліноўскага. Калі яго маці Вераніка Рыбінская памерла, яму было 5 гадоў. Бацька ажаніўся другі раз з Ізабэлай Лазарэвіч. Ад двух шлюбаў бацька Каліноўскага, Сямён Сцяпанавіч, меў 18 дзяцей [7, с. 449].

Развод у тыя часы быў рэдкай з'явай. На падставе крыніц бачна, што адзін шляхціц, які развёўся са сваёй жонкай Кацярынай з роду Мелінаў, быў ваўкавыскі маршалак шляхты граф Ксаверый Грабоўскі, які займаў гэтую пасаду ў 1830–1840 гг. [4, арк. 1].

Такім чынам, аналіз спісаў шляхты Ваўкавыскага павета дае магчымасць высветліць некаторыя сямейныя традыцыі: наданне імёнаў, іх колькасць, розніца ва ўзросце паміж мужам і жонкай, колькасць дзяцей у сям'і і іншыя.

ЛІТАРАТУРА

1. НГАБ у г. Гродна. Фонд. 2. – Воп. 37. – С. 1165.
2. НГАБ у г. Гродна. Фонд. 91. – Воп. 1. – С. 17.
3. НГАБ у г. Гродна. Фонд. 91. – Воп. 1. – С. 32.
4. НГАБ у г. Гродна. Фонд. 91. – Воп. 1. – С. 49.
5. НГАБ у г. Гродна. Фонд. 91. – Воп. 1. – С. 51.
6. НГАБ у г. Гродна. Фонд. 332. – Воп. 2. – С. 3.
7. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыкл даведнік / Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: БелЭн, 1995. – 671 с.
8. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. – Мінск: Беларусь, 2005. – 206 с.
9. Ciszewska, C. Gawkda o tym, co byio… Wspomnienia. – Kazimierza Wielka: Nowa Nidzica, 2009. – S. 19.
10. Анофранка, Н. В. Інтэграцыя прадстаўніц вышэйшага саслоўя беларуска-літоўскіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі і рэгуляванне іх прававога статусу (канец XVIII – першая палова XIX ст. / Н. В. Анофранка // Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя і этнакультурныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. Да 150-годдзя скасавання прыгоннага права ў Расійскай імперыі: матэрыялы рэспубл. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 4 сакавіка 2011 г. / БДПУ імя М. Танка; рэдкал. А. І. Андарала [і інш.] – Мінск, 2011. – С. 36–39.
11. Анофранка, Н. В. Мадэль шлюбных адносін у расійскім заканадаўстве (першая палова XIX ст.) / Н. В. Анофранка // Вес. Нац. Акад. навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 2005. – № 5. – Ч. 2. – С. 6–8.
12. Гардзіенка, Н. С. Становішча жанчыны-шляхцянкі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVIII ст.: дыс.... канд. гіст. навук: 07. 00. 02 / Н. С. Гардзіенка. – Мінск, 2003. – 113 с.

Ольга Попко

УЧЕТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬИ XIX – НАЧАЛА XX ст. (НА ПРИМЕРЕ СПИСКОВ ДВОРЯНСТВА ВОЛКОВЫССКОГО УЕЗДА)

Резюме

В статье проведен анализ информационных возможностей документов учета в исследовании истории дворянской семьи на конкретном примере архивных источников – списков дворянства Волковысского уезда Гродненской губернии. Автор делает вывод о некоторых традициях дворянской семьи, ее организации и функционировании.

Volha Papko

THE RECORDS IN THE STUDY OF THE PROBLEMS OF A NOBLE FAMILY IN 19th – EARLY 20th CENTURY (ON EXAMPLE OF NOBILITY LISTS OF VAUKAVYSK DISTRICT)

Summary

The article contains the analysis of information opportunities of documents accounting in the investigation of the history of a noble family on a specific example of archival sources – nobility lists of Volkovysk county, Grodno province. The author makes conclusions on some traditions of a noble family, its organization and functioning.

Паступіў 19.12.2012 г.

УДК 930.2:476(058.244)«20/21»

Юрий Присяжнюк (Черкаси, Україна)

ШЛЯХИ ОПТИМІЗАЦІЇ МЕТОДОЛОГІЧНИХ ПІДХОДІВ ДОСЛІДЖЕННЯ СЕЛЯНСТВА БІЛОРУСІ XIX–XX стст.

Селянство – це верства, стан («клас», але й світ), який ще зовсім нещодавно був головним постачальником людських ресурсів, «духу господарності», у цьому відношенні слугував своєрідним донором воєн, революцій, реформ, проектів соціальної інженерії; зрештою, визначав факт існування та самобутність таких країн як Білорусь. Не менша його роль у конструюванні / винаході традиції, народу шляхом «приписування тих чи інших особливостей» [1, с. 31]. Щодо найближчого майбутнього, то хоча більшість істориків пророчать відносно швидку загибель традиційного села (дехто навіть називає це «емпіричною реальністю», що вже відбулася), італійський вчений А. Граціозі припускає, що селянські суспільства можуть ще тривалий час, а можливо і в довшій перспективі, ліпше бути пристосованими до життя. У будь-якому разі селянин епохи модерності – це ключова постать «в усій Центрально-Східній Європі» [1, с. 27].

Розквіт європейської історіографії селянства припав на 1960-ті рр. і був пов'язаний зі студіями Т. Шаніна, Дж. Скотта та інших визнаних тепер фахівців. Вони небезуспішно спробували дати визначення цьому «незручному класу», максимально адаптувавши його тлумачення до можливостей гуманітарних наук. У будь-якому разі з того часу всі серйозні дослідники почали констатувати вищезгадану виняткову роль села. Мета нашої розвідки набагато скромніша – окреслити деякі шляхи щодо сучасної оптимізації методологічних підходів дослідження селянства Білорусі XIX–XX ст. Певну складність у викладенні заявленої проблеми становить, вочевидь, недостатньо вичерпна обізнаність автора з білоруською історіографією селянства, надто новітньою [2].

Свої міркування пов'язуємо з результатами «інтернаціонального» форуму, проведеного редакційною колегією часопису «Україна Модерна» (К., 2010, № 6). Серед піднятих на ньому дискусійних проблем виокремимо назву «селянська нація» (чи містить таке окреслення евристичний потенціал та ін.), особливості методик і підходів дослідження «специфічної» селянської історії, насамкінець питання «деселянизації» XX ст. як складника загального процесу модернізації. Очевидно, що цей перелік охоплює лише деякі, актуалізовані на початку XXI ст. напрями наукових інтересів, тоді як загальний контекст набагато ширший, про що свідчить доволі вдала назва форуму – «Безмежне село». Приємно відзначити, зокрема й у руслі теми нашої розвідки, що в цьому форумі істориків-аграрників участь узяв білоруський колега С. Токць, який побудував своє бачення піднятих проблем на самобутньому досвіді «націоналізації» власне білоруського селянства [1, с. 36–39].

Отож, спочатку невеличке резюме про співвідношення села (селянства) і нації як взаємопов'язаних речей в епоху модерності на, так би мовити, місцевому матеріалі. Коли йдеться про творення концепту білоруської минувшини, історик має бути особливо обережним із терміном «селянська нація», бо в цьому разі урбанізація прийшла «надто пізно» – лише наприкінці 1970-х рр. міське населення країни чисельно перевищило сільське. Традиція Білорусі як об'єкт дослідження цінна в тому, що знайомить зі спільнотою, яка і емпірично, і інтелектуально репрезентує феномен т. зв. «наздоганяючої» модернізації. Водночас вона, її осмислення дають підстави серйозно підважувати висновки західноєвропейської історіографії щодо трактування відповідних процесів. Дещо категорично про це пише польський колега Ґ. Маркєвіч, коли веде мову про традицію України: «Якщо говорити про українське суспільство, то не може бути й мови про еволюцію в усвідомленні власної національної ідентичності в XIX ст., оскільки в XIX ст. вона лише почала виникати» [3, s. 347].

Іншими словами, в білоруському досвіді вертикального (народного) націотворення традиція надто повільно й однобічно «руйнувалася» модерном, ба більше, як могла пристосовувала його під себе, тому цей процес варто так і сприймати, і тлумачити. Саме ж білоруське село навіть на початку XX ст. залишалося переважно в полоні патріархальних устоїв і цінностей, що означало, по-перше, потенційну можливість (бодай гіпотетично) кількох варіантів подальшого національного самовираження, по-друге, попередню відмову у стовідсотковій вірності будь-якому із них. Тож сама спроба інтелектуального «підтягування» білоруського націотворення на етнічній основі під англійську, французьку і навіть польську кальки є дещо штучною у методологічному аспекті, хоча така заувага аж ніяк не покликана підважувати бажання сучасних білорусів до європейської (чи євразійської) інтеграції.

Узагалі історику варто прагнути до конструктивного порозуміння в термінології, хоча робити це доволі складно навіть тоді, коли він сам закликає до цього. Згадувана «селянська нація» і дотепер одних ображає, інших нібито влаштовує, але за умов на-

дання певних алгоритмів інтерпретації. Сучасна білоруська нація (як і українська, на яку звертає увагу французький дослідник Д. Бовуа) «через певні обставини має специфічні риси, пов'язані з історичними випробуваннями селянства» [1, с. 25]. Чимало клопоту і з, здавалося б, звичним понятійним арсеналом. Приміром, потребують уточнення, а де треба, то й глибокого аналізу такі терміни як «селянський рух» (варіативно стихія, бунт, рушійна сила революції), співвідношення «модерного» і «міського» та ін.

На наш погляд, треба остаточно відмовитися від погляду на селян як на темних, заскорузлих, «некультурних» людей… Здається, словосполучення «культурна відсталість» у характеристиці сільського люду взагалі втрачає свою епістемологічну привабливість. Принаймні антропологічний підхід, навіть після нещодавно отриманої на свою адресу порції критики від «постгуманітаристів», мотивує це вповні однозначно [4, с. 163–166]. Таким же анахронізмом виглядають послуги позитивістів та романтистів. Ідеалізовані фрагменти селянського образу сьогодні сприймаються як майже антинаукові вкраплення до тексту. Тобто симпатії / антипатії, позитиви-негативи у ставленні суб'єкта до об'єкта потребують якісного переосмислення. Відповідно багато історій (крадіжок, шахрайства, сварок, пиятики та ін. «недоліків») мають втрачати свою маргінальну прописку.

Окрема увага селянській політичній програмі (відтак світоглядним уявлення та імперативам), яка мала власний предикат «революційної пертурбації» суспільства: націоналізації землі – ні, соціалізації (чорному переділу) – так; місцевому ринку – так, капіталізму як торгівлі землею та спекулятивній діяльності – ні. А ще людина села багато потребувала від держави: закону, стабільності, порядку (передусім як соціальної справедливості), самоврядування на місцях, але при мінімальному втручанні чиновників. Селянин прагнув толерантності в питаннях релігії, звичаїв, традицій, мови, тобто усього, тісно пов'язаного з його усталеним повсякденним.

Фактично будь-який політичний режим епохи модерності стикався з проблемою, яку можна окреслити відсутністю рівноправного ставлення до села. А тут відкривається цікавий напрям досліджень, який ми визначаємо концептом компромісу як своєрідного чинника існування (менше процвітання, більшою мірою виживання) селян. Проблематику очікуваних студій розуміємо максимально широко – діалог культур, трактований у межах від власне культурного взаємовпливу сторін до звичної для «сільського мовчуна» ролі підтакувача будь-яким діям зверху.

Визнаючи факт, що селянство було більше об'єктом, аніж суб'єктом модернізації, що насаджувалася владою, а історіографія, у свою чергу, зробила в цій царині не так уже й багато, бо надто залежала від панівної ідеології, настав час поглянути на хліборобa-простолюдина як на суб'єкта. Зрозуміло, досліднику треба буде долати численні стереотипи соціально-економічної парадигми, вчитися спиратися на технології мікроісторії (індивідуальні випадки), історії повсякдення, інтелектуальної історії (останню розуміємо насамперед як розширення епістемологічної оптики завдяки поміщицької та ін. «правд» про селян). Відтак нове дихання має отримати соціальна історія, яка за останній час дещо втратила свою пізнавальну привабливість. Адже правові, а надто господарські екскурси тепер позбуватимуться ролі «фундаменту» історичного розвитку, порівняно більше потраплятимуть у залежність від тих же людських уявлень, стереотипів мислення, звичок, рефлексій. Кажучи лаконічніше, економіка визнаватиме свою вторинність від культури, на чому свого часу аргументовано наголошували представники французької історіографії XX ст. При цьому треба готуватися до зустрічі з численними мікросвітами, скажімо повсюдними міфами, які наскільки густо «проросли» в світобаченні не таких уже й «німих», як здавалося раніше, селян, що минула реальність постає напрочуд «каламутною». А, отже, завдання моделювання її істориком, котрий щоразу ставитиме за мету виявити на його погляд найсуттєвіше («сіль минулого»), занадто ускладнюється. Важкість розуміння й описання посилюватиметься існуючими історіографічними образами «раніше винайденого» селянства. З усією мозаїчністю та калейдоскопічністю, які передусім позначають «спонтанність і недоокресленість образів, а загалом – історичної наукової візії» [5, с. 24]. Відтак дослідник і надалі приречений долати «прірви культур» минулого і сьогодення.

Зрозуміло, що справа не лише в емпириці патріархально-спрощеного сприйняття й тлумачення дійсності селянами тоді, коли вони вже переставали бути середньовічною «мовчазною більшістю», так чи так включалися в національні та революційні рухи, масштабні проекти суспільних перетворень (зокрема й небачене в домодерний час маніпулювання їхнім світоглядом і, навіть, «малопіддатливою» ментальністю). Серед чинників, які регулювали соціальне поводження селян, варто виокремити страх, котрий, якщо розуміти його в контексті відповідного історичного континууму, у багатьох-багатьох значеннях не позбувався своїх суспільних ролей часів кріпосного права. Показово, що в радянську добу мешканці села нерідко продовжували (звичайно, кулуарно) називати сільських керівників «панами». Тим самим проводили пряму «культурну» паралель сучасних їм зверхників із колишніми поміщиками та їхніми управителями. Такою ж мірою синдром тотальної залежності зберігся, бодай ще більш локально, і в новітній період. Частими є випадки, коли селяни, які досягли 70–80-річного віку, «до сих пір бояться» екс-голову колгоспу, котрий, як це має місце у відомому авторові випадку, уже перебуває на порозі свого 90-ліття. Свої відчуття пояснюють надмірно негативними рисами характеру цієї людини, хоча, як здається, для історика тут відкрито значно ширше поле для наукової

рефлексії. Для початку його можна сформулювати як проблему самобутньої шляхетності селянина.

Щодо джерельної бази: приблизно до епохальної за глибиною та наслідками емансипації середини XIX ст. селянство здебільшого залишалося «мовчазним», надалі ж його голос звучить дедалі гучніше. Проте навіть у документах XX ст. не має підстав безапеляційно довіряти всьому, що зафіксовано в промовах, зверненнях, скаргах, проханнях, репліках. Частогусто селянин говорив «чужою мовою», надто тоді, коли робив це публічно.

Історики ще досить обережно зачисляють радянський період до епохи модерності (новітню історію продовжують датувати з 1914–1917 рр., що не зовсім виправдано). Але, вочевидь, настав час розширити погляд на термін «модернізація», вийти за рамки, так би мовити, ленінського плану будівництва соціалізму, реалізованого Сталіним та його наступниками. «Більшовицький» модерн по-білоруськи поставатиме як різновид соціальної інженерії, спрямованої на численне селянство, котре модернізували, а за багатьма ознаками маргіналізували. Ситуацію почасти рятували такі чинники як внутрішня міграція. «Шукання щастя на стороні» (за межами батьківської оселі), «мандрування країною» збереглися дотепер. Ба більше, деінде доповнилися закордонними вояжами.

У XX ст. серед керівників регіонального та загальнодержавного рівня можемо спостерігати багато тих, кого можна назвати «селянськими синами». Це окреме поле для студій. Хоча історії розчарувань, безпеки, захисту широкого загалу у цьому сенсі є продуктивнішими для пізнання. Крім того, інтелектуальна історія, як одна з найвпливовіших методологічних парадигм сучасної історіографії, має розширити територію дослідження шляхом залучення «місцевого знання» селян, яке ґрунтувалося на практиці, досвіді, кон'юнктурних уявленнях.

Оптимізація методології дослідження селянства Білорусі виглядатиме малопереконливою, якщо не передбачатиме творення нових синтезів. Їхню тематику можна окреслити взаємодією традиційного села зі світами, які репрезентують урбанізоване середовище, церкву, військо, поліцію / міліцію, мистецтво, виховання тощо. Не втрачають своєї привабливості світ цінностей та поверхово з'ясовані на сьогодні типи ідентичностей. Однак ключовим, як видається, має бути концепт «ментального перетікання» селянина. Йдеться про межі «розселянення», тобто своєрідні рубежі та мозаїку перемін, коли він починав читати газети, отримувати освіту, використовувати новітню техніку, запозичувати міський спосіб життя тощо [1, с. 34]. Водночас, мова йде про феномен збереження білоруським містянином рис, властивих саме селянському соціальному типові [1, с. 39].

Отже, історія білоруського селянства епохи модерності має поставати насамперед як історія людей (з урахуванням новітніх підходів, зокрема й дискусійної ідеї відходу від гуманістичної візії людини як міри всіх речей та центру зацікавлень), а не революцій, кооперативів, колгоспів, МТС, тим більше не підмінятися описами «технологій функціонування» цих структур. Завдання максимум – прояснити загадковості картини світу селян, ширше – дослідити культуру цих «трудяг-сніпов'язів» в її антропологічному схопленні, передусім як способу життєдіяльності, системи покладання смислів, як «сукупності інформації, якою володіли її носії… та зразки поведінки, використовуваних в її межах» [1, с. 33]. Навіть часткові успіхи обіцяють тут серйозні перспективи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Докладніше див. : «Незручний клас» у модернізаційних проектах. Форум // Україна модерна (Безмежне село). – Київ, 2010. – Чис. 6 (17). – С. 9–44.

2. Кілька публікацій автора, підготовлених у рамках держбюджетної теми «Історична наука України, Польщі, Білорусі в контексті модерного націотворення: компаративний аналіз» (номер держреєстрації 0109U002865), виконаної на кафедрі історії та етнології України Черкаського національного університету ім. Б. Хмельницького протягом останніх років, зрозуміло, не охоплюють усього розмаїття методологічних проблем сучасних селянознавчих студій у Білорусі. Див. : Присяжнюк, Ю. П. Ідея синтезу в модерній білоруській історіографії селянства / Ю. П. Присяжнюк // Гілея : науковий вісник : Зб. наук. пр. – Вип. 43 (№ 1). – Київ: ВІР УАН, 2011. – С. 198–204 та ін.

3. Markiewicz, G. Świadomość państwowa Polaków i Ukraińców na przejomie XIX–XX wieku / G. Markiewicz // Historia – mentalność – tożsamość. Miejsce i rola historii oraz historyków w życiu narodu polskiego i ukraińskiego w XIX i XX wieku / Pod red. J. Pisulińskiej, P. Sierżęgi, L. Zaszkilniaka. – Przeszów : Widawnicnwo uniwersytetu Przeszówskiego, 2008. – S. 335–347.

4. Доманська, Е. Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле / Е. Доманська ; пер. з польськ. та англ. В. Склокіна ; наук. ред. В. Склокін, С. Троян. – Київ: Ніка-Центр, 2012. – 264 с.

5. Киридон, А. Конструювання механізмів історичного мислення / А. Киридон, С. Троян // Вжосек В. Історія – Культура – Метафора. Постання некласичної історіографії; Про історичне мислення. – Київ: Ніка-Центр, 2012. – 296 с.

Юрый Прысяжнюк

ШЛЯХІ АПТЫМІЗАЦЫІ МЕТАДАЛАГІЧНЫХ ПАДХОДАЎ ДАСЛЕДАВАННЯ СЯЛЯНСТВА БЕЛАРУСІ XIX–XX стст.

Рэзюмэ

Актуальнасць тэмы абумоўлена задачай удасканалення тэарэтыка-метадалагічных падыходаў даследавання гісторыі сялянства, якое на працягу апошніх стагоддзяў заставалася галоўным пастаўшчыком чалавечых рэсурсаў.

У кантэксце «разгортвання завалаў» існуючай метадалогіі, аўтар прапаноўвае ў першую чаргу звяртаць увагу на гісторыю ўяўленняў, міфаў, а таксама праблемы адаптацыі, міграцыі, маргіналізацыі сялян.

Выконваючы сваё прафесійнае прызначэнне, гісторык абавязаны так асвайваць прадуктыўныя парадыгмы, выкарыстоўваць «моц дакументаў», каб максімальна магчыма праходзіць у свет культуры.

Yuryj Prysyazhnyuk

WAYS OF OPTIMIZING THE METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH OF THE BELARUSIAN PEASANTRY IN THE 19th AND 20th CENTURIES

Summary

The importance of this issue is reinforced by the need to improve theoretical and methodological approaches to research on the history of the peasantry which during the past centuries were the main supplier of human resources, in this relation it was like a catalyst for wars, revolutions, reforms (projects of social engineering). Finally, it determined the fact of existence and originality of such countries like Byelorussia.

In the context of optimizing research methodology in the study of Belarusian peasantry, the author suggests paying attention to the history of ideas, identities, myths and the problems of adaptation, migration, marginalization.

The historian must acquire productive paradigms and use «the power of documents». This will allow for both maximum realization into the world of culture and avoidance of the influence of worldview ideas and political conjunctures which touched the hearts of the peasants too.

Паступіў 19.12.2012 г.

УДК 061(476)(091)«18»

Марианна Соколова (Минск, Беларусь)

КОМПАРАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК «КОНТРОЛИРУЕМОЕ СРАВНЕНИЕ» В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ В XIX в.

В изучении истории Беларуси «безгосударственного периода», когда территория современной суверенной республики входила сначала в состав Речи Посполитой, а затем – Российской империи, существует фундаментальная проблема выявления конкретно-исторической специфики процессов, происходивших на этой территории, по отношению к основным тенденциям развития названных выше государств в целом. Не является исключением в этом отношении и история общественных движений XIX в. Историки a priori рассматривают события, связанные с упомянутыми выше общественными движениями, как уникальные и, опираясь на эмпирические данные, почерпнутые из мемуарной литературы, полицейских «дознаний», периодики и статистических отчетов, концентрируют внимание на «насыщенном описании» отдельных событий или процессов, связанных с историей общественных движений (своего рода «исторических локальностей», имевших место на определенной территории в определенный период времени). Предполагается, что из подробного воспроизведения с очевидностью следуют их специфика и уникальность. В редких случаях исследователи прибегают к параллельному описанию сходных феноменов, проявлявшихся на «белорусских землях» и за их пределами, что действительно позволяет продемонстрировать некоторые отличия. Однако вопрос о том, что именно определяет уникальность исследуемых событий или процессов, остается без ответа. В лучшем случае историки ограничиваются «сличением явлений, существовавших по разные стороны государственной или национальной границы», игнорируя то, что «наличие сравнительного рассмотрения отдельных фактов еще не свидетельствует о компаративном подходе». В целом приходится констатировать, что выявление конкретно-исторической специфики общественных движений XIX в. на территории Беларуси на основе «контролируемого сравнения» находится на периферии исследовательских интересов и остается слабо освоенной практикой.

Между тем компаративный подход, основанный на так называемом «контролируемом сравнении» – специфическом качественном методе исследования, базирующимся на четком следовании логике выявления сходства и различий для интерпретации событий прошлого, позволяет выйти за рамки «национальных непреложностей», дать четкую характеристику уникальности одной «исторической локальности» на фоне другой (или других) и обосновать конкретно-историческую специфику исследуемого явления. Данный подход включает две стратегии: сравнение нескольких отдельных случаев (cases) и сравнение большого числа феноменов, событий или процессов, основанное на выделении переменных (variable oriented). Сравнение, основанное на переменных, позволяет на основе анализа множества случаев, выделенных по ряду критериев, сформулировать предположения о макрокаузальных зависимостях. Сравнение же отдельных случаев разрешает более эффективно выявить различия, специфику каждой из сравниваемых исторических локальностей на основе их «насыщенного описания» [5].

Первый шаг при реализации компаративного подхода для выявления конкретно-исторической специфики общественных движений состоит в четкой концептуализации понятия. Различные определения будут иметь важные теоретические последствия, поскольку параметры таких определений станут ключевыми элементами сравнительной стратегии.

На втором этапе контролируемого сравнения осуществляется четкая формулировка проблемы (задачи). В самом общем виде такие задачи могут быть сформулированы как причинный анализ, выявление сходства и различий, проверка теории. Конкретизируя задачу выявления специфики (уникальности) того или иного явления белорусской истории, можно сказать, что, по сути, мы пытаемся ответить на вопрос: какие именно тенденции исторического процесса в его различных аспектах привели к формированию той конфигурации структур, процессов и явлений, которая стала основой «появления» современной суверенной Беларуси.

Третий этап – определение историко-географического ареала движения через помещение его в более широкий контекст (в том числе и пространственный). Особая актуальность данной проблематики для исследователей истории общественных движений обусловлена как тем, что территория Беларуси в современных границах – результат, с исторической точки зрения, недавних процессов, так и тем обстоятельством, что белорусский этнос формировался, существуя в границах различных государств. В историографии общественных движений Беларуси XIX в. попытки сравнения основываются на достаточно традиционном выделении государств в качестве географических и даже временных рамок сравнений

(например, общественные движения в Российской империи), в результате чего возникает иллюзорное противоречие между невозможностью «разорвать» генетические ряды и структуры или «разделить «связанные истории», с одной стороны, и, что более важно, объяснить специфику определенного общественного движения – с другой. Вот почему исследование динамики границ исторического региона, позволяя выйти за пределы современных геополитических представлений и обеспечивая «визуализацию» исторического, дает возможность увидеть структуры и сложные исторические взаимосвязи, существовавшие вне рамок современных суверенных национальных государств и, тем самым, создает предпосылки для эффективной реализации сравнительно-исторических стратегий. С исторической точки зрения, регионы формируются процессами «longue duree» и существуют достаточно долго, однако их границы подвижны и изменчивы. Историко-географические деления являются одновременно: 1) историческим пространством со специфическими политическими, экономическими и культурными структурами, 2) «изобретением», инструментом политики и отражением властного дискурса, 3) формой локализации исследовательской проблемы (модернизация, глобализация и т. п.).

Определение границ историко-географического «ареала» чрезвычайно важно для ответа на вопрос, в какой степени содержание и характер того или иного общественного движения на территории Беларуси в XIX – начале XX в. были обусловлены непосредственно локальной проблематикой, а в какой – «наложением» российской, польской или – в более широком контексте – европейской традициями. Для решения этой задачи полезным может быть введение такого понятия, как «регионность» (regionness), подразумевающего степень способности акторов увидеть и осознать процесс формирования специфического региона и артикулировать интересы регионального развития. Ясно, что историк начинает работу, отталкиваясь от современной ему «карты регионов», однако в процессе исследования (тем более компаративного) необходимо учитывать историчность и степень их легитимации. В связи с этим возникает проблема сравнительного анализа каналов сотрудничества различных движений в контексте их эмпирически определяемых историко-географических ареалов, а также сопоставления процесса разворачивания этих связей на фоне динамики регионности различных уровней. Существенное значение имеет также анализ степени осознанности пространственных границ формальных и неформальных социальных сетей, составляющих основу движений. Этот подход позволяет уйти от определения таких «универсальных» движений, как социалистическое или либеральное через характеристики национальных движений, создавая тем самым предпосылки для формально упорядоченного их сравнения [2; 4; 6].

Четвертый этап – корректное выделение единиц и параметров (характеристик) сравнения. На наш взгляд, продуктивными при компаративном анализе общественных движений могут служить единицы анализа, в систематизированном виде представленные Д. Карамани [3].

Во-первых, это функциональные единицы сравнения, формируемые как на уровне индивидов, так и на уровне организаций. Использование функциональных единиц анализа предполагает сравнение стилей коммуникации лидеров движений, моделей их поведения, влияния этих моделей поведения на функционирование движения и пр. Компаративное исследование может концентрироваться на сравнении функционирования и структуры, либерального и социалистического движений на территории Беларуси в рамках Российской империи, на сравнении идеологий и структуры социалистического движения на территории Беларуси и в Царстве Польском, или, например, в Британии. Сравниваться могут и движения в трех и более странах. Иными словами, раскрыть такую специфику общественных движений в Беларуси в XIX – начале XX в. возможно на основе сравнения трех «пространственных срезов»: (1) две и более территориальные единицы в пределах современных границ Беларуси; (2) в рамках региона – Беларусь – Литва, Беларусь – Россия, Беларусь – Польша; (3) в контексте европейских движений

Во-вторых, это территориальные единицы. Наиболее типичными единицами анализа в этом случае при изучении общественных движений XIX – начала XX в. являются государства. Гораздо реже при этом исследователи обращают внимание на сравнение общественных движений в различных губерниях, регионах и т. п. Практически неосвоенными являются практики выделения территориальных единиц не в соответствии с «объективными» административными или государственными границами, а на основе «необъективных характеристик», например, плотности католического, протестантского и православного населения, уровня урбанизации, сети образовательных учреждений, наличия промышленных центров.

Следует учитывать, что компаративный подход предполагает сравнение не исторических явлений и процессов как таковых в их целостности, а отдельных «эпизодов» этих процессов, что порождает конфликты синхронной и диахронной логик. На этом основывается важность выделения четвертого типа единиц анализа – темпоральных. История любого общественного движения представляет собой, в сущности, его жизненный цикл, развернутый как темпоральное сравнение стадий развития общественного движения, что подчеркивает важность корректного осуществления компаративного анализа в исторических исследованиях. Здесь, прежде всего, следует упомянуть о необходимости различения между «моментами прошлого» и «периодами времени». В первом случае (в определенный «момент про-

шлого») мы можем зафиксировать максимум характеристик общественного движения, взятого во всей целостности и с учетом «насыщенного описания» контекста в конкретные моменты времени, которые определяются нашей исследовательской задачей и концептуальными рамками исследования. Во втором случае для выявления периодов мы можем руководствоваться как «объективными» (законодательство, переписи населения, периоды между активными выступлениями участников движения), так и «необъективными» (теоретические основания периодизации) критериями. При этом особое внимание следует обратить на то, что сопоставимые структуры, институты или идеологии в различных социальных контекстах могут относиться к разным историческим периодам. Таким образом, возможны, при соответствующем обосновании, сравнения сходных (синхронных) и различных (диахронных) социальных контекстов. Например, если предположить, что рабочее движение является результатом индустриализации, то временные параметры сравнения определяются сходными стадиями развития индустриализации, а не синхронными движениями в различных странах.

Следующая задача заключается в том, чтобы обозначить характеристики, которые будут сравниваться (параметры сравнения). На этом этапе очень важно принимать во внимание различие между областью исследования («исследовательские участки», по терминологии Ч. Рэйджина) и «теоретическими понятиями». Первые имеют отношение прежде всего к уровню эмпирических данных. Теоретические единицы сравнения определяются содержанием исследовательской проблемы. Так, например, при поиске ответа на вопрос о том, какие условия определяют распространение идеологических инноваций в различных национальных и/или региональных контекстах, в качестве параметров сравнения могут рассматриваться условия среды (например, темпы экономического роста), институциональный контекст (например, состояние правящих элит), последовательность действий (пропаганда идеологий) и т. п.

Анализ историографии общественных движений XIX в. в Беларуси позволяет прийти к выводу о том, что серьезной проблемой для «контролируемого» сравнительного анализа может стать не столько недостаток эмпирических данных, сколько неадекватное использование «теоретических единиц анализа» – концептные натяжки. Процесс формирования таких натяжек, по Д. Сартори, выглядит следующим образом: «объем понятия возрастает за счет размывания содержания» (содержание неопределенно из-за отсутствия опоры в виде каких-либо специфических характеристик), и вместо «общего концепта» получается концептуально расплывчатое и туманное «общее место», что имеет своим следствием тривиальность, а, следовательно, и бесполезность сравнения. Вот почему необходимо создать набор характеристик («переменных»), соответствующих конкретному историческому явлению и периоду. При этом нельзя отказываться от универсальных понятий («концептов высшего уровня»), при выработке которых «любые содержательные компоненты приносятся в жертву требованию всеохватности – в пространстве, во времени или даже и в том, и в другом» (в предельном случае такой концепт должен сохранить хотя бы один относительно точный атрибут). Ведь именно такие понятия определяют принципиальную основу сопоставимости различных феноменов. Далее, переходя к подробному описанию каждого случая, исследователь использует «концепты низшего уровня», которые «предполагают конкретизированную, даже конфигуративную концептуализацию», поскольку для них «точность содержания важнее широты охвата». За этим следует анализ допустимости эмпирического обобщения ряда характеристик на предмет выявления возможного сходства исследуемых единиц анализа («концепты среднего уровня»). Оставшиеся «неохваченными» элементы и составят искомую специфику. Соотношение перечисленных выше уровней концептуализации параметров Д. Сартори назвал «лестницей абстракций» и показал, что формирование корректных теоретических единиц анализа напрямую зависит от правильного движения по этой лестнице. В качестве примеров можно сослаться на демонстрацию американским исследователем необходимости различать концепты «мобилизация» и «участие» при сравнении общественных движений [1].

Корректная работа с характеристиками (параметрами) движений, определяемых как совокупность формализованных единиц анализа, позволяет увидеть не только отличительные качества, но и соотношение их с точки зрения специфичности и репрезентативности.

Таким образом, именно такое «контролируемое» сравнение позволяет выявить конкретно-историческую специфику общественных движений, существовавших и развивавшихся на территории Беларуси в XIX – начале XX в., исходя из их имманентных характеристик, а не на основе искусственных ограничений, связанных с современными геополитическими представлениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сартори, Д. Искажение концептов в сравнительной политологии / Д. Сартори // Полис. 2003. – № 3. – С. 67–71; № 4. – С. 152–160; № 5. – С. 65–75.

2. Downs, R. Maps in minds: reflections on cognitive mapping / R. Downs, D. Stea. – New York: Joanna Cotler Books, 1977. – 204 p.

3. Caramani, D. Introduction to the comparative method / D. Caramani. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 2008. – 144 p.

4. Hettne, B. Theorising the rise of regionness / B. Hettne, F. Soderbaum // New Political Economy. – 2000. – № 3. – P. 457–474.

5. Ragin, C. The Comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strategies / C. Ragin. – California-Berkley: Univ. of California Press. 1989. – 218 p.

6. Troebst, S. What's in a historical region: a teutonic perspective / S. Troebst // Europ. rev. of history. – 2003. – Vol. 10. – P. 173–188.

Марыана Сакалова

КАМПАРАТЫЎНЫ ПАДЫХОД ЯК «КАНТРАЛЯВАНАЕ ПАРАЎНАННЕ» Ў ДАСЛЕДАВАННІ ГІСТОРЫІ ГРАМАДСКІХ РУХАЎ БЕЛАРУСІ Ў XIX ст.

Рэзюмэ

У артыкуле паказана, што карэктная кампаратыўная праца з характарыстыкамі (параметрамі) рухаў, якія вызначаюцца як сукупнасць фармалізаваных адзінак аналізу, дазваляе ўбачыць не толькі адметныя якасці, але і суадносіны іх з пункта гледжання спецыфічнасці і рэпрэзентатыўнасці. Менавіта такое «кантраляванае» параўнанне дазваляе выявіць канкрэтна-гістарычную спецыфіку грамадскіх рухаў, якія існавалі і развіваліся на тэрыторыі Беларусі ў XIX – пачатку XX ст., зыходзячы з іх іманентных характарыстык, а не на падставе штучных абмежаванняў, звязаных з сучаснымі геапалітычнымі ўяўленнямі.

Marianne Sakalova

COMPARATIVE APPROACH AS A «CONTROLLED COMPARISON» IN THE STUDY OF THE HISTORY OF SOCIAL MOVEMENTS IN BELARUS IN THE 19th CENTURY

Summary

Correct work with the characteristics (parameters) of movements, defined as formal units of analysis, allows a researcher not only to indicate specific characteristics of these movements, but to understand their complex interconnections. It is a «controlled» comparison that reveals historical specificity of social movements which functioned in Belarus in XIX – early XX century on the basis of their inherent characteristics instead of artificial presuppositions of current geopolitical views.

Поступила 20.12.2012 г.

УДК 320.1

Анастасия Солодилова (Минск, Беларусь)

КОГНИТИВНЫЕ ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

В статье рассмотрен один из аспектов проблемы применения абстрактного теоретического знания к практике гуманитарного исследования: подобраны инструментарий и механизмы когнитивной формализации исторического знания. В качестве предмета исследования выступают ставшие уже классическими методы конструирования и представления гуманитарного знания: гипертекст, тезаурусы и фреймы. Они широко применяются и в исторических исследованиях, но до сих пор не нашли системного изложения и теоретико-методологического обоснования с позицией когнитивного подхода. В связи с этим раскрывается общность и специфика их когнитивных структур в обработке и представлении исторического знания.

Нами сделана попытка увязать логическую структуру тезауруса, гипертекста и фрейма с логикой исторического исследования посредством конструирования когнитивных моделей знания. На наш взгляд, когнитивные модели могут служить эффективным средством перевода теоретического знания в информационные технологии. Обращение к когнитивному моделированию способствует единству фундаментального и прикладного знания, позволяет обрабатывать и представлять историческое знание в вербальных и визуальных формах, что значительно расширяет познавательные возможности.

Предлагаемое исследование открывает возможность более эффективной обработки и использования информации не только в научных, но и в образовательных целях, поскольку оно направлено на развитие логического мышления учащихся и реализацию деятельности подхода в обучении.

С точки зрения информационных технологий знания – это формализованная информация, на которую ссылаются в процессе логического вывода. Различают декларативные знания (совокупность сведений о качественных и количественных характеристиках конкретных объектов, явлений и их элементов, представленных в виде фактов и эвристик) и процедурные знания (это методы, алгоритмы, программы решения различных задач, последовательности действий (в выбранной проблемной области) – они составляют ядро баз знаний) [9, с. 114].

Представление знаний – это когнитивная формализация и структурирование, с помощью которых отражаются характерные признаки знаний: внутренняя интерпретируемость, структура, связность с помощью специально разработанных моделей. Классификаций таких моделей существует достаточное количество. Одна из самых распространенных представлена в работах Д. А. Поспелова [3, с. 4–29].

Для формализации знаний могут быть использованы: логические модели (дедуктивные и индуктивные модели), сетевые (простые, иерархические, однородные и неоднородные, функциональные, семантические, фреймовые, сценарии), продукционные и др. Главными признаками являются: универсальность, наглядность представления знаний, однородность; реализация в модели свойства активности знаний, открытость; возможность отражения структурных отношений, наличие механизма «проецирования» знаний на систему семантических шкал, возможность оперирования нечеткими знаниями, использование многоуровневых представлений (данные, модели, метамодели). Эти признаки не всегда в полной мере присущи моделям, их существует большое количество [13, с. 39].

Понятие тезауруса, основные положения. Одной из когнитивных моделей является тезаурусное представление. По скольку тезаурус является системой связанных между собой понятий, являющихся образами предметной области реального мира, его можно назвать «понятийной картиной мира». Тезаурус – это знание, представленное в виде понятий и отношений между ними, определенным образом структурированное и организованное, т. е. максимально полный объем лексики, организованной по тематическому принципу с отражением определенного набора базовых семантических отношений. Это идеографический словарь, т. е. словарь, в котором статьи упорядочены не по алфавиту, а по степени смысловой близости [7, с. 26; 12, с. 6–7].

Тезаурусная проекция расчленяется на тематические узлы (совокупность дескрипторов), которые моделируют темы. Тематический узел состоит из главного дескриптора и связанных с ним по тезаурусу дескрипторов текста. Все полученные тематические узлы делятся на основные, локальные и упоминавшиеся. Между понятиями существуют отношения типа: род – вид, часть – целое, которые в тезаурусе выражают иерархию, иногда – выше-ниже. Ассоциативные отношения в тезаурусе выявляют связи, существующие между двумя смежными, но не имеющими иерархических отношений, понятиями [7, с. 30–32].

Обратимся к конкретному примеру – модели культурологического подхода «природа – человек – об-

щество». Ее основные параметры выглядят следующим образом:

I. Природа
- I. 1. Природная среда
  - I. 1–5 Климат, почва, географическое положение, природные богатства, население
- I. 2. Материальная культура
  - I. 2. 1–4 Занятия людей, орудия труда, обработка металлов, развитие городов
- I. 3. Мироздание
  - I. 3. 1–3 Время, пространство, космос

II. Человек
- II. 1. Взаимодействие человека с самим собой
  - II. 1.1–2 Личностные характеристики, ролевые маски
- II. 2. Коммуникация человека с человеком
  - II. 2. 1–2 Межличностные отношения, микрогруппы

III. Общество
- III. 1. Социальная среда
  - III. 1. 1–6 Структура общества, государство, племя, род, семья, общественная и частная жизнь
- III. 2. Духовная культура
  - III. 2. 1–4 Виды духовной деятельности, ценности, идеалы, нравственность
- III. 3. Человечество
  - III. 3.1–3 Историческое пространство, историческое время, историческая память [10, с. 41].

В данном случае тезаурусная проекция расчленяется на тематические узлы, которые моделируют исходный и базовый уровни темы «Модель культурологического подхода». Тематический узел состоит из главных дескрипторов (исходных понятий) «природа – человек – общество» и связанных с ними дескрипторов (базовых понятий): 1) природная среда, материальная культура, мироздание; 2) взаимодействие человека с самим собой, коммуникация человека с человеком; 3) социальная среда, духовная культура, человечество. Далее следует третий уровень понятий – они детализируют базовый уровень и относятся к аскрипторам. Между уровнями понятий существуют родовидовые отношения, которые отражают иерархию. Внутри одного уровня понятия связи основываются на ассоциативных отношениях – эти связи, существующие между двумя смежными понятиями, не имеют иерархических отношений.

В. В. Морковкин выделяет три типа идеографических словарей: идеографический тезаурус, учебный идеографический (тематический) словарь и аналогический словарь [12, с. 26–27]. Ю. Н. Караулов рассматривает два типа тезаурусов: общеязыковые и информационно-поисковые, уточняя, что принципиальной разницы между ними не имеется. Главным отличием является предмет их действия, т. е. различие между термином и словом [6, с. 253–255].

Алгоритм тезаурусного моделирования выглядит следующим образом:

Исследование слова-термина как системы (от понимания части к пониманию целого и наоборот).

Разделение слова-термина на словообразовательные элементы.

Анализ в слове-термине многосложности компонентов и связей.

Выделение смысла и основных признаков каждого элемента слова, различия и сходства между этими элементами.

Приведение взаимопринадлежащих элементов к единству (от многозначности к однозначности).

Определение значения слова-термина в диалектической связи со смежными областями. Выявление внеконтекстных связей, выход за рамки предметной области. Определение положения слова-термина в терминосистеме [16].

Таким образом, данный метод дает возможность осуществить междисциплинарный перенос фрагментов теоретического знания, по аналогии с другими дисциплинами действовать в своей предметной области и т. п., так осуществляется метапредметность нового знания.

В итоге можно выделить некоторые характерные особенности тезаурусов: иерархичность, наличие четко заданного начала, творческое переосмысление, разнообразие и изменчивость, интерактивность, интегративность, метапредметность, открытость, динамичность, вариативность, фрагментарность [8, с. 94–95].

Тезаурус выступает как инструмент поиска в информационно-поисковых системах, как источник специальных знаний в узкой или широкой предметной области, как способ описания и упорядочения терминологии предметной области. Он трансформирует, обновляет и расширяет источниковую базу исследований, фрагментирует и структурирует знания. Тезаурус дает возможность овладеть метаязыком; сформировать языковую компетентность. В тоже время с помощью тезауруса исключаются неактуальные понятия, вышедшие из обихода в предметной деятельности. Это универсальное средство, фиксирующее рефлексию исследователя о создаваемых им понятиях.

Примером использования тезауруса может стать словарь исторических понятий, связанных, естественно, по смыслу и имеющих некую иерархию. Например, тезаурус данной статьи будет включать в себя следующие дескрипторы (когнитивные образы представления исторического знания, гипертекст тезаурус и фрейм) и ряд недескрипторов (идеографический словарь, претекст, посттекст, гиперссылка, слот, протофрейм и т. д.).

Тезаурус позволяет исследователю качественно раскрыть многообразие смысловых связей передачи контекста, углубиться в смысл передаваемых слов, вплоть до контекста целостной теории.

Понятие гипертекста. Основные положения. Гипертекст – это механизм нелинейной связи отрывков текста, переходов между ними, принцип организации информационных массивов для быстрого поиска информации. Генезис понятия идет от первых попыток создания новых систем структурирования текстовой информации, основанных на особенностях естественного для человеческого мозга ассоциативного, а не формально-логического мышления. Современную концепцию гипертекста и сам термин разработал Теодор Нельсон. По его мнению, гипертекст – это компьютерная среда, содержащая цепь узлов (фреймов), в которой заданные автором ассоциативные связи порождают трехмерное информационное пространство, по сути своей развивающееся адекватно направлениям обработки информации и выработки идей человеческим мозгом [17].

Алгоритм построения гипертекста выглядит следующим образом:

Расчленение текста на части (темы); оформление центрального пути прочтения гипертекста от главы к главе, выделение отдельных, наиболее существенных слов (терминов) для возможности предоставления другого пути прочтения, соединение ссылок с существующими темами. Данный алгоритм построения гипертекста, таким образом, состоит из двух этапов: начальный авторский по созданию гипертекста, далее идет этап соавторской работы потребителя информации, происходит дополнение уже существующего и появление нового конечного гипертекста.

Структурно гипертекст можно разделить на несколько основных блоков. Это актуальный текст – основной текст автора. Претекст – это тексты, без знания которых невозможно понимание актуального текста. На претекст и делают ссылки из актуального текста для получения дополнительной информации. Посттекст – это тексты, созданные читателями после прочтения актуального текста (написание статьи, ответ на уроке и т. п.). Прецендентные тексты – это стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре, и поэтому допускаются особые формы их использования, они не нуждаются в специальных ссылках [17, с. 15–16]

Гипертекст состоит из следующих компонентов: информационный материал (подразделяется на информационные статьи, состоящие из заголовка статьи и текста); тезаурус гипертекста (в отличие от традиционных тезаурусов-дескрипторов тезаурус гипертекста содержит не только простые, но и составные наименования объектов, в гипертексте весь поисковый аппарат реализуется как тезаурус гипертекста); список главных тем; алфавитный словарь (перечень наименований всех информационных статей в алфавитном порядке).

В качестве основных элементов гипертекста выступают: 1) отдельная информационная единица (файл является основой структуры гипертекста, такие отдельные блоки текста называют текстоны) и 2) средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой (гиперссылка). Гиперссылка является основополагающим структурным элементом гипертекста, средством связи между его фрагментами. В пределах гипертекстовой ссылки различают: а) источник ссылки – часть текста, текстовое или графическое изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран; б) объект ссылки – новый текст или изображение, появляющиеся в результате активизации ссылки [11, с. 22].

Гиперссылки сами по себе неактивны как смысл, они становятся смысловыми узлами текста только тогда, когда читатель устанавливает внутритекстовые связи; обнаруживает межтекстовые связи и видит внетекстовые. Таким образом, гипертекст получает свою форму – форму ризомы – нелинейной, подвижной, конфигуративной структуры (отсутствует стержень, множество переплетающихся корней, среди которых нет главного) [14, с. 163–164].

Среди характерных особенностей гипертекста следует отметить его ассоциативность; фрагментарность, которая является основой для нелинейного восприятия гипертекста; многомерность и вариативность (соединение в пределах гипертекста разного рода информации: аудио, визуальной и текстовой. Однако при этом гипертекст составляет собой целостную структуру. В отличие от тезауруса и фрейма он иерархичен и не имеет четко заданного центра. Ему также присущи бесконечность, интерактивность и взаимное творчество автора и пользователя [14, с. 164].

Среди недостатков гипертекста следует отметить, что некоторые специалисты не рекомендуют применять гипертекст и гипермедиа на первоначальном этапе обучения. Делать это стоит только тогда, когда материал прочно усвоен учащимися, в противном случае нелинейное представление информации только запутает и затруднит ее усвоение. Данные исследований свидетельствуют, что электронные гипертексты оказываются наиболее полезными для поиска и воспроизводства информации, а не для ее переработки по ходу чтения [1, с. 12–17].

Таким образом, гипертекст является наиболее сложной многогранной системой интеграции возможностей различных носителей (условный вербально-письменный текст и мультимедиа), формирующей принципиально новый тип коммуникаций. Гипертекст дает возможность сформировать из базы данных связные, упорядоченные тексты на интересующие темы; контролировать качество и выявлять в них смысловые разрывы. Исследователь с помощью гипертекста переносит существующую в его сознании сети идей в информационное пространство.

В настоящее время в сфере образования активно используются нелинейные формы представления информации – учебные и научные гипертексты и мультимедиатексты. В мультимедиатексте объединенные

общей тематикой видеоизображение, письменный учебный текст, компьютерная графика, одновременно обращенные к понятийно-логической и образно-эмоциональной структурам психики учащихся. Чтение гипертекстовых источников способствует развитию смыслопоисковой активности студентов. Специфика гипертекста состоит в возможности самостоятельного выбора подхода к изучению или созданию материала с учетом своих индивидуальных способностей, знаний и уровня подготовки. [19, с. 13].

Область применения гипертекстовых технологий очень широка. Это издательская деятельность, библиотечная работа, обучающие системы, разработка документации, справочных руководств, баз данных, баз знаний и т. д. Гипертекстовые системы хорошо приспособлены для создания информационных систем в плохо структурированных предметных областях.

Ярким древнейшим примером гипертекста является Библия, которая как текст снабжена ссылками, ее не читают по порядку, а в соответствии с церковным календарем. Из художественной литературы это «Хазарский словарь» Милорада Павича.

Понятие фрейма. Основные положения. Фрейм (от англ. frame – рамка) – это способ организации представлений, хранимых в памяти. Он соответствует таким понятиям, как схема в когнитивной психологии, ассоциативные связи, семантическое поле. Фреймы организуют наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение. Эта модель представления знаний основывается на теории фреймов М. Минского и представляет когнитивную модель памяти человека [5].

Р. В. Гурина предлагает понимать под фреймом совокупность единиц, организованных вокруг событийного концепта, например действия, процесса и т. п. Единицы, структурирующие фрейм, содержат основную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Процесс понимания всегда сопровождается свертыванием и поступает на хранение в память в свернутом виде – в виде таблиц, схем, фреймов. В этом состоит основной смысл фреймовой организации знаний. Методика фреймовой организации знаний сводится к выбору способов фреймирования, составлению алгоритмов действий, конструированию фреймовых опор [2, с. 185].

Согласно Л. В. Кореевой, фреймовый способ систематизации и наглядного отображения учебной информации основывается на выявлении существенных и стереотипных связей между элементами знания и создании достаточно «жесткой» и универсальной структуры, используемой для структурирования содержания обучения. Новая информация встраивается в существующие когнитивные схемы, преобразует их и формирует новые когнитивные схемы и интеллектуальные операции. При этом устанавливаются связи между известными понятиями и способами действий и новыми знаниями, возникает структура нового знания. В процессе разработки учебно-методических материалов с помощью фреймов можно осуществлять контроль степени обобщения содержания обучения, дублирование вербальной информации образной и наоборот, чтобы при необходимости звенья логической цепи были полностью восстановлены обучающимися [4, с. 9].

Различают фреймы-образцы, фреймы-экземпляры, фреймы-структуры, фреймы-роли, фреймы-сценарии, фреймы-ситуации. Система связанных фреймов может образовывать семантическую сеть. Фреймы могут быть представлены в форме идеальной картинки, структуры данных для представления стереотипных ситуаций, аспектуальной ситуации, системы языковых средств, рамки, схемы, как алгоритм и т. д. [4, с. 6–8].

Под структурой фрейма понимается способ использования схемы, типичной последовательности действий, ситуативная модификация фрейма [3, с. 14]. Фрейм имеет имя (название) и состоит из слотов. Слоты – это незаполненные (нулевые) позиции фрейма. Если у фрейма все слоты заполнены – это описание конкретной ситуации. В отличие от моделей других типов во фреймовых моделях фиксируется жесткая структура информационных единиц, которая называется протофреймом. В общем виде структура информационных единиц выглядит следующим образом:

Имя фрейма: «Восстание 1830–1831 гг. на территории Беларуси».

Имя слота 1. «Причины». Значение слота 1. (Недовольство шляхты разделами Речи Посполитой, нарушения царским правительством Конституции 1815 г.).

Имя слота 2. «Цели». Значение слота 2. (Независимость Речи Посполитой в границах 1772г.).

Имя слота 3. «Участники». Значение слота 3. (Ядро повстанцев – шляхта, студенты, офицеры-поляки, католическое и униатское духовенство, большинство крестьян по принуждению).

Имя слота 4. «Основные этапы». Значение слота 4. (март-апрель 1831 г. – начало восстания. Кульминация восстания-битва за Вильну 19. 06. 1831 г. Август 1831г. подавление восстания).

Имя слота 5. «Итоги». Значение слота 5. (многочисленные аресты, ссылки и конфискация имущества участников. Политические последствия) [15, с. 146–148].

Примером фреймовой модели представления исторического знания может выглядеть табл. 1.

Примером фрейма – линейной матрицы может служить ось времени, на которой хронологически отмечены основные этапы восстания 1830–1831 гг. на территории разных белорусских уездов.

Значением слота может быть практически что угодно (число, текст, ссылки, символы). Таким образом, механизм построение фреймовой модели состоит из двух этапов: 1) задать имя фреймам и слотам; 2) заполнить слоты.

Таблица 1. **Пример фреймовой модели**

Историческое событие	Причины	Цели	Участники восстания	Основные этапы	Итоги
Восстание 1830–1831 гг. на территории Беларуси	Недовольство шляхты разделами Речи Посполитой, нарушения Конституции 1815 г.	Независимость Речи Посполитой в границах 1772г.	Шляхта, студенты, католическое и униатское духовенство, большинство крестьян по принуждению	03–04.1831 г. – начало. Кульминация – битва за Вильну 19.06.1831г. 08.1831г. подавление восстания	Аресты, ссылки и конфискация имущества участников. Политические последствия.

Связи между фреймами задаются значениями специального слота с именем «связь». Незаполненный фрейм называется протофреймом, а заполненный – экзофреймом. Совокупность фреймов, моделирующая какую-либо предметную область, представляет собой иерархическую структуру, в которую фреймы собираются с помощью родовидовых связей. На верхнем уровне иерархии находится фрейм, содержащий наиболее общую информацию, истинную для всех остальных фреймов. Различают статические и динамические системы фреймов. В системах первого типа фреймы не могут быть изменены в процессе решения задачи, а в системах второго типа это допустимо [3, с. 14].

Основными функциями фреймовой модели представления знания являются: формализация, категоризация и визуализация знания; увеличение объема памяти, скорости мыслительных операций; структурирование учебной информации, установления иерархии и связей ее элементов; визуализация и акцентирование внимания, предоставление алгоритма выполнения задачи; формирование и развитие учебных умений, освоение, упорядочивание и систематизация знаний по данной дисциплине, установление закономерностей событий или процессов; смысловая и информационная компрессия, что повышает эффективность восприятия смысла информации, развитие логического, проблемного, творческого мышления обучающихся [4, с. 6–8].

Фрейм содержит в себе как явную (четко схематично представленную), так и скрытую, подразумеваемую информацию, что делает его очень экономным способом организации информационных процессов, позволяет повысить скорость обработки информации, увидеть то, что было скрыто для исследователя в базе знаний.

Сравнивая логику построения тезауруса, гипертекста и фрейма выделим общие и специфические черты. К первым относятся: творческое переосмысление, разнообразие и изменчивость, интерактивность, интегративность, метапредметность, междисциплинарность, открытость, динамичность, вариативность.

Ко вторым – ограниченность фрейма и бесконечность гипертекста. Механизм гипертекста строится по принципу нелинейности и особенностях ассоциативного мышления, а не формально-логического (на чем базируются фрейм и тезаурус). В отличие от гипертекста тезаурус и фрейм обладают достаточно строгой иерархией и имеют четко заданный центр. Если фрейм и тезаурус рекомендуется применять на первоначальном этапе обучения и разработки исследования, то использование нелинейного представления информации гипертекста может затруднить ее усвоение. Представим эти характеристики в следующей табл. 2.

Представление знания с помощью когнитивных образов типа фрейма, тезауруса или гипертекста в

Таблица 2. **Тезаурус, гипертекст, фрейм: сравнительная характеристика**

Характеристика	ТЕЗАУРУС	ГИПЕРТЕКСТ	ФРЕЙМ
Иерархичность	+	–	+
Четко заданный центр	+	–	+
Бесконечность	+	+	–
Творческое переосмысление	+	+	+
Разнообразие, изменчивость	+	+	+
Интерактивность	+	+	+
Интегративность	+	+	+
Открытость, динамичность	+	+	–
Непоследовательность	+	+	–
Нелинейность	+	+	–
Антропоцентричность	+	+	+
Многомерность	+	+	+
Вариативность	+	+	+
Междисциплинарность	+	+	+

отличие от привычных форм позволяет осуществить обоснование нового видения знания, отличное от традиционных гносеологических представлений о познавательной деятельности, в частности на уровне восприятия, понимание природы которого является квинтэссенцией для учения о познании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева, Н. В. Проблемы понимания гипертекста / Н. В. Беляева // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы IV Междунар. Березинских чтений. Вып. 14. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. – 312 с.
2. Гурина, Р. В. Фреймовые схемы-опоры как средство интенсификации учебного процесса / Р. В. Гурина // Школьные технологии, – 2004. – №1. – С. 184–195.
3. Искусственный интеллект. Справ. в 3 т. / Под ред. Д. А. Поспелова. – М.: Радио и связь, 1990. – 304 с.
4. Кореева, Л. В. Комплексный подход к использованию фреймирования учебной текстовой информации в образовательном процессе школы для слабослышащих учащихся. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: //school-rau.ru/_private/Evrika1.htm. – Дата доступа: 17.10.2012.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
6. Лафтими, И. Общая характеристика и критерии классификации словаря тезаурусного типа / И. Лафтими // Молодой ученый. – 2011. – №12. Т. 1. – С. 252–255.
7. Лукашевич, Н. В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 512 с.
8. Луков, В. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках / В. А. Луков, В. А. Луков // Гуманитарные науки: теория и методология. 2004 – №1. – С. 93–100.
9. Масленникова, Е. Фреймовое представление семантики текста / Е. Масленникова // Лингвистический вестник. – Вып. 2. – Ижевск: УМО «Sancta lingua», 2000. – С. 114–124.
10. Миницкий, Н. И. Конструирование и представление содержания учебного курса истории древнего / Н. И. Миницкий, О. И. Ханкевич // Преподавание истории древнего мира: учеб.-метод. пособие. – Минск: Редакция журнала «Адукацыя і выхаванне». – С. 3–93.
11. Моисеенко, Е. В. Лаврушина Информационные технологии в экономике. – Владивосток: ВГУЭС, 2005. – 235 с.
12. Морковкин, В. В. Идеографические словари. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 71 с.
13. Смагин, А. А. Интеллектуальные информационные системы: учеб. пособие / А. А. Смагин, С. В. Липатова, А. С. Мельниченко. – Ульяновск: УлГУ, 2010. – 136 с.
14. Соболева, О. В. Понятие и основные характеристики гипертекста / О. В. Соболева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 12(55). – С. 163–164.
15. Солодилова, А. В. Организация восстания 1830–1831гг. на территории Дисенского уезда // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. – Вып. 15. Гуманитарные науки. – Новополоцк: ПГУ. – 2006. – С. 146–148.
16. Фролова, Н. Г. Метод тезаурусного моделирования как способ упорядочения научной терминологии / Н. Г. Фролова // Русская культурно-речевая традиция в философской и педагогической мысли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cross-apk.ru/domens/krt/index.php?chen=doklad. – Дата доступа: 17.10.2012.
17. Чилингир, Е. Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект / Е. Ю. Чилингир // Вест. Слав. культур. – № 1 (XIX). – М.: ГАСК, 2011. – С. 15–22.
18. Шилина, М. Г. Интернет-гипертекст общественных связей: характеристики, особенности, тенденции развития / М. Г. Шилина // Медиаскоп. – М.: МГУ. – №2. – 2010. – С. 23–25.
19. Шулер, И. В. Развитие читательской культуры личности в условиях современной информационной среды (на материале обучения в вузе): автореф. дис. канд. педаг. наук: 13.00.01 / И. В. Шулер. – Тюмень, 2011. – 26 с.

Настасся Саладзілава

КАГНІТЫЎНЫЯ ФОРМЫ ПРАДСТАЎЛЕННЯ ГІСТАРЫЧНЫХ ВЕДАЎ У ІНФАРМАЦЫЙНЫХ ТЭХНАЛОГІЯХ

Рэзюмэ

У якасці прадмета даследавання выступаюць такія метады канструіравання і прадстаўлення гуманітарных ведаў, як гіпертэкст, тэзаурус і фрэйм.

Установлена, што кагнітыўныя мадэлі з'яўляюцца эфектыўным сродкам пераводу абстрактных тэарытычных ведаў на мову інфармацыйных тэхналогій. Зроблена выснова аб тым, што кагнітыўнае мадэліраванне дазваляе больш якасна апрацоўваць і выкарыстоўваць інфармацыю, не толькі ў навуковых, але і адукацыйных мэтах.

Nastassia Saladzilava

COGNITIVE FORMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE PRESENTATION IN INFORMATION TECHNOLOGIES

Summary

The subject of the study is such methods of construction and presentation of humanities as hypertext, thesaurus and frame.

It was found out that cognitive models are an effective means of transferring abstract theoretical knowledge into the language of information technologies. The conclusion is that cognitive modeling allows more qualitative processing and usage of information, not only in science, but also for educational purposes.

Поступила 20.12.2012 г.

УДК 930’06:94:348(476)«19»

Кацярына Саўчык (Гомель, Беларусь)

ПРАБЛЕМА КАРЭЛЯЦЫІ ПРАВАВОГА КАНТЭНТУ З УМОВАМІ РЭАЛІЗАЦЫІ КАНФЕСІЙНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў БССР У СУЧАСНЫХ ГІСТАРЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ

Пытанні прававой рэгламентацыі дзейнасці рэлігійных арганізацый у той ці іншай ступені закранаюцца ва ўсіх створаных за апошні час навуковых працах па канфесійнай гісторыі Савецкай Беларусі, што адназначна сведчыць аб актуалізацыі праблемы атрымання гісторыкамі вынікаў у дадзеным даследчыцкім накірунку.

Названая праблема вынікае не толькі са зразумелага натуральнага факта, што спецыялістам у галіне гісторыі бракуе досведу ў галіне юрыспрудэнцыі. Пры гэтым вельмі часта блытаніна ў элементарных паняццях, у прыватнасці наяўнасць такіх грубых памылак, як змяшчэнне пад загалоўкам «Грамадзянскае заканадаўства» агляду змен, унесеных у Канстытуцыю БССР 1978 г. і падатковае заканадаўства [1, с. 64–65], а таксама спасылкі на артыкулы дэкрэта «Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы», прынятага СНК РСФСР 23 студзеня 1918 г. (далей – Дэкрэт 1918 г.) [2], і пастановы УЦВК і СНК РСФСР «Аб рэлігійных аб’яднаннях» (далей – Пастанова 1929 г.) [3] у той час, як у названых дакументах прававыя нормы сістэматызаваны па пунктах, а не па артыкулах, дэманструюць не столькі недахоп юрыдычных ведаў у даследчыкаў, колькі праяўленую імі неўважлівасць [4, с. 8–9].

Да больш сур’ёзных памылак, якія маюць канцэптуальны характар, неабходна аднесці выкарыстанне ў навуковых працах у якасці гістарычнай крыніцы выключна агульнасаюзнай нарматыўна-прававой базы і падмену тлумачэння зместу прававых норм іх апісаннем. Так, П. У. Бубноў, аналізуючы падзеі ў Мінску, звязаныя з адабраннем у Рускай праваслаўнай царквы маёмасці, спасылаецца толькі на Дэкрэт 1918 г., нічога не гаворачы пра пастанову, прынятую СНК ССРБ і надрукаваную ў газеце «Известия» ЦВК ад 11 студзеня 1922 г. № 2 [5]. Акрамя таго, даследчык не знаёмы і з Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 27 лютага 1977 г., якім было зацверджана Палажэнне аб рэлігійных аб’яднаннях [6], бо сцвярджае, што Пастанова 1929 г. дзейнічала з невялікімі зменамі, прынятымі ў 1975 г., ажно да 1990 г. (!) [7, с. 61]. Насамрэч не ў БССР, а ў РСФСР Пастанова 1929 г. з’яўлялася адзіным нарматыўна-прававым дакументам, які рэгуляваў дзейнасць рэлігійных арганізацый да 25 кастрычніка 1990 г., калі быў уведзены ў дзеянне Закон РСФСР «Аб свабодзе веравызнанняў». Гэту ж памылку (вызначэнне рубяжа дзеяння Пастановы 1929 г. у БССР 1990-мі гадамі), робіць і У. І. Навіцкі [8, с. 328].

Па-першае, бясспрэчна, што на рэспубліканскім узроўні адпаведныя прававыя акты ствараліся на аснове агульнасаюзных, але іх нельга атаясамліваць, бо яны не былі поўнасцю ідэнтычнымі і прымаліся ў розныя гістарычныя перыяды. Таму пры правядзенні адпаведнага крыніцазнаўчага аналізу ў гістарычных даследаваннях прымяненне спецыяльных юрыдычных метадаў (у дадзеным выпадку – параўнальна-прававога, які дазваляе суадносіць агульныя і асаблівыя ўласцівасці асобных элементаў прававых сістэм) з’яўляецца прынцыповай справай.

Па-другое, сам па сабе факт прыняцця нарматыўна-прававога акту не азначае яго аўтаматычнага ўвядзення ў дзеянне і паўсюднага прымянення. Зыходзячы з гэтага, даследчык павінен не толькі рэканструяваць гістарычную рэальнасць выключна на аснове зместу юрыдычных дакументаў, але ўлічваць і існаваўшую ў разглядаемы перыяд юрыдычную практыку. Менавіта фармальна-юрыдычны метад як спосаб даследавання дзяржаўнаправавых з’яў дазваляе пазбегнуць такога роду навуковых памылак. У якасці прыкладу ігнаравання міждысцыплінарных падыходаў пры спробах рэканструкцыі асноў пабудовы дзяржаўна-канфесійных узаемаадносін у БССР можна прывесці пункт гледжання А. А. Гаранскага і С. У Мандрык, якія, правільна вызначыўшы заканчэнне тэрміна дзеяння Пастановы 1929 г. у БССР 1977 годам, бачаць прычыну адсутнасці адпаведнага беларускага законапраекту у тым, што ў 1930-я гг. «у асяроддзі партыйна-дзяржаўных функцыянераў распаўсюдзілася меркаванне, што ва ўмовах курсу на поўнае знішчэнне рэлігіі няма патрэбы ў стварэнні агульнасаюзнага заканадаўства ў галіне рэлігіі і органа для правядзення яго ў жыццё і кантролю за яго выкананнем» [4, с. 9]. Але, улічваючы, што ў 1928 г. сакратар ЦК КП(б)Б В. Кнорын зрабіў заяву аб тым, што «… мы з той агромністай задачай, якая перад намі стаіць – распаўсюджванне антырэлігійнага ўплыву на рабочы клас, не справіліся» [9, с. 260], а Пастанова 1929 г. азнаменавала, паводле шырока распаўсюджанага ў навуковай літаратуры меркавання, «далейшы наступ дзяржавы на рэлігію» [10, с. 169], лагічна было б чакаць, што беларускія ўлады ўхопяцца за гэты сродак знішчэння рэлігійных арганізацый абедзвюма рукамі, а не будуць спадзя-

вацца, што поўнае знішчэнне рэлігіі адбудзецца без прыняцця адпаведных заканадаўчых актаў.

На практыцы ж у БССР дадзены прававы акт непасрэдна не прымяняўся і прычына такіх дзеянняў улад бачыцца ў наступным. Устанаўленне кантролю за рэлігійнымі арганізацыямі, забарона ўсялякай царкоўнай дзейнасці па-за сценамі храмаў, забарона ствараць групы для навучання рэлігіі, замацаваныя Пастановай 1929 г., не былі навеламі савецкага заканадаўства (гл. пп. 29, 30, 31, 33 Інструкцыі 1918 г. [11, с. 83–84]). Галоўным зместам названага дакумента і істотнымі новаўвядзеннямі сталі дакладна распрацаваны парадак рэгістрацыі, дзейнасці і ліквідацыі рэлігійных абшчын, а таксама вызначэнне кампетэнцый кожнага органа ўлады ў гэтым працэсе. Кіраўніцтва БССР магло распачаць рэгістрацыю рэлігійных арганізацый на сваёй тэрыторыі ў адпаведнасці з палажэннямі Пастановы 1929 г. і без імплементацыі – выкарыстанне нарматыўных актаў РСФСР у якасці саюзнага заканадаўства ў 1930-я гг. з'яўлялася агульнапрынятай практыкай, але не зрабіла гэтага. Беларускія ўлады прынцыпова адмовіліся ад прыняцця адпаведнага закона не таму, што лічылі яго непатрэбным, а каб не даць магчымасці рэлігійным арганізацыям дзейнічаць на законных падставах.

Што датычыцца пасляваеннага перыяду, то са стварэннем у 1943–1945 гг. Саветаў па справах Рускай праваслаўнай царквы і па справах рэлігійных культаў пры СНК СССР парадак рэгістрацыі і дзейнасці рэлігійных арганізацый пачалі вызначацца не Пастановай 1929 г., а інструкцыямі і пастановамі названых саветаў. У дадзеным кантэксце сцвярджаць, што Пастанова 1929 г. «мела юрыдычную сілу» на тэрыторыі БССР у пасляваенны час толькі на падстве таго, что не было прынята новых заканадаўчых актаў, якія б рэгулявалі ўзаемаадносіны паміж дзяржавай і рэлігійнымі арганізацыямі, а таксама, аналізуючы яе палажэнні, рабіць высновы аб становішчы абшчын вернікаў (!) [4, с. 9], тое ж самае, што прачытаўшы арт. 99 Канстытуцыі 1937 г. сцвярджаць, што ў 1940–1970-я гг. грамадзяне БССР мелі свабоду сумлення і былі вольныя ў пытаннях адпраўлення рэлігійных культаў.

Такім чынам, ад сучаснага даследчыка акрамя здольнасці зразумець змест прынятых у разглядаемы гістарычны перыяд нарматыўных дакументаў патрабуецца таксама дакладнае разуменне асаблівасцей прававога рэгулявання дзяржаўна-канфесійных узаемаадносін у БССР, і ў гэтым істотную дапамогу павінны былі б адыграць вынікі грунтоўных прававых даследаванняў па дадзенай праблематыцы, якія, на жаль, у айчыннай гістарыяграфіі пакуль адсутнічаюць. Найбольш актыўна прававы і арганізацыйны аспекты рэалізацыі савецкімі ўладамі канфесійнай палітыкі распрацоўваюць расійскія даследчыкі [12–14], але іх высновы датычацца галоўным чынам агульнасаюзнага кантэксту і пры выкарыстанні беларускімі даследчыкамі ў якасці навуковага апірышча патрабуюць свайго пераасэнсавання з улікам асаблівасцей канфесійнай сітуацыі на Беларусі.

Тым не менш зыходзячы з агульных тэндэнцый развіцця сучаснай навукі ў накірунку пашырэння міждысцыплінарнасці, неабходна адзначыць, што адэкватнае выкарыстанне спецыялістамі-гісторыкамі нарматыўна-прававой базы ў якасці крыніцы магчыма выключна пры ўмове авалодання імі базавымі юрыдычнымі ведамі і адпаведнымі спецыяльнымі юрыдычнымі метадамі даследавання. Гэтага патрабуе неабходнасць перамяшчэння ў навуковых працах акцэнту з тэксталагічнай рэальнасці на рэальнасць камунікацыйную і павышэння дасведчанасці аўтараў у прадмеце, які яны абралі для вывучэння.

ЛІТАРАТУРА

1. Горанский, А. О. Изменения в советском законодательстве о культах. 1965 – середина 1980-х гг. (на материале БССР) / А. О. Горанский // Беларусь : государство, религия, общество : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск–Жировичи, 7.06.2007 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск. духовн. академ. им. Святителя Кирилла Туровского ; редкол. : протоиерей В. Антоник [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2008. – С. 63–67.

2. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет СНК РСФСР от 23. 01. 1918 г. // О религии и церкви. – Минск : Беларусь, 1983. – С. 79–80.

3. О религиозных объединениях : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 г. (с изм. и доп. от 23.06.1975) // О религии и церкви. – Минск : Беларусь, 1983. – С. 92–103.

4. Гаранскі, А. Рэформа прыходскага кіравання 1961 г. і яе наступствы ў Беларусі / А. Гаранскі, С. Мандрык // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 11. – С. 8–16.

5. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Постановление СНК ССРБ // О религии и церкви. – Минск : Беларусь, 1983. – С. 80–81.

6. Положение о релизиозных объединениях: утв. Указом Президиума ВС БССР от 27.02.1977 г. и Законом БССР от 01.03.1977 г. // Свод законов БССР. Т. 1. – Минск : Беларусь, 1984. – С. 403–411.

7. Бубнов, П. В. Административные и экономические формы борьбы с церковью в советское время / П. В. Бубнов // Беларусь : государство, религия, общество : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск–Жировичи, 7.06.2007 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск. духовн. академ. им. Святителя Кирилла Туровского ; редкол. : протоиерей В. Антоник [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2008. – С. 60–63.

8. Навіцкі, У. Разгром рэлігійных арганізацй / У. Навіцкі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. –Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – С. 328–335.

9. Навіцкі, У. Барацьба з рэлігіяй / У. Навіцкі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. – С. 249–260.

10. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

11. О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: Постановление Народного комиссариата юстиции (инструкция) от 24.08.1918 г. [извлечение] // О религии и церкви. – Минск : Беларусь, 1983. – С. 83–84.

12. Петюкова, О. Н. Правовое регулирование деятельности Русской православной церкви в 1917–1943 гг. / О. Н. Петюкова. – М. : Финакадемия, 2009. – 392 с.

13. Марченко, А. А. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР / прот. А. Марченко. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2010. – 328 с.

14. Иванченко, С. В. Организационные формы и правовые механизмы взаимоотношений институтов Русской православной церкви и государства в России / С. В. Иванченко // Вест. Моск. ун-та МВД России. – 2011. – № 1. – С. 89–91.

Екатерина Савчик

ПРОБЛЕМА КОРЕЛЯЦИИ ПРАВОВОГО КОНТЕНТА С УСЛОВИЯМИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В БССР В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Резюме

В статье анализируются работы современных белорусских ученых-историков, в которых авторы затрагивают вопросы правового регулирования деятельности религиозных организаций в БССР. Отмечается, что при использовании правовой базы в качестве исторического источника исследователи не должны опираться исключительно на текст принятых в изучаемый период нормативно-правовых актов, а в обязательном порядке учитывать и их правоприменительную практику. Также обращается внимание на наличие в рассмотренных работах некоторых методологических ошибок, что однозначно свидетельствует о необходимости включения в методологический инструментарий историка, занимающегося данной проблематикой, специальных юридических методов исследования.

Katsiaryna Sauchyk

THE PROBLEM OF CORRELATION OF LEGAL CONTENT WITH THE CONDITIONS OF THE IMPLEMENTATION OF THE RELIGIOUS POLICY IN THE BSSR IN MODERN HISTORICAL RESEARCH STUDIES

Summary

Articles of the modern Belarusian historians, which cover the legal regulation of the activity of religious organizations in the BSSR, are analyzed. It is concluded that researchers need to address not only the contents of the laws, but also their practical application. Also draws attention to the presence in the above papers some methodological errors. To avoid these errors the author proposes to use in research not only specific historical methods, but also legal ones.

Паступіў 20.12.2012 г.

УДК 930.2

Владимир Сидорцов (Минск, Беларусь)

НАУЧНО-ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Что такое «понятие», или «концепт», вытесняющий «понятие»? В чем смысл понятий «научная проблема», «цель», «концепция», наконец, «резюме»? На эти и подобные вопросы можно слышать различные ответы. У каждого, как говорят, «своя правда». Тогда под вопросом оказывается сама историческая наука, в лучшем случае – это искусство.

Практика исторического исследования и образования (в частности защита диссертаций и нередкие попытки распространения научно-исторической активности в сферу работы со школьниками) показывает следующее:

– в первом случае чрезмерно свободное (ничем не ограниченное) использование терминов и словосочетаний, неоправданное расширение контекста понятий, появление собственной терминологии, которая не носит характер обобщений;

– во втором случае явную дискредитацию научного подхода среди подрастающего поколения, когда работа представляется довольно легкой, поверхностной, выполняется за школьников другими лицами, например аспирантами, еще не овладевшими методологией научного творчества.

Сложившееся отношение к научно-исторической деятельности порождает проблему, настоятельно требующую разрешения. И это касается всех трех основных видов исторического исследования.

1. Доминирующего фактографического (фактологического) исследования, когда из собранной источниковой базы «вылущиваются» факты, производится их систематизация и обработка, делаются соответствующие выводы. Такой характер присущ почти всем кандидатским и докторским диссертациям, защищаемым в отечественных советах.

2. Аналитического исследования, представляющего собой рассуждение по поводу собранного фактического материала, вводимого в научный оборот, и его обобщения. Такой характер присущ диссертациям, тематика которых выходит на современные проблемы. В 2011 г. в совете БГУ по специальности «история международных отношений и внешней политики» была защищена кандидатская диссертация В. В. Василькова «Политика Италии в регионе Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки в 2001–2009 гг.» [1].

В диссертации раскрывается эволюция политики двух итальянских кабинетов – правительства коалиции «Дома свободы» во главе с Сильвио Берлускони и правительства левоцентристского блока, возглавляемого Романо Проди в условиях формирования нового, глобального, миропорядка. Автор показал различие в действиях кабинетов, когда первый, делая ставку на альянс с Вашингтоном, принимал жесткие амбициозные решения, вызывавшие недовольство оппозиции и значительных кругов общественности, а второй, балансируя между США и странами «старой» Европы, поддерживал активную роль ЕС и проводил более взвешенную политику в арабо-израильском конфликте.

Однако основное внимание В. В. Васильков сконцентрировал на преемственности их действий в направлении усиления веса Италии в миротворческих процессах, в частности на Ближнем Востоке. Рассуждения в диссертации по этому вопросу убеждают читателей в том, что ведущим фактором Рима был его отказ от «какого-либо участия в силовой интервенции». Несмотря на следование в фарватере США, Рим в исследуемый автором период «заявил о себе как об активном международном посреднике в процессах ближневосточного мирного урегулирования». Наметившаяся тенденция проявляла себя и в последующее время, что отвечало конституционным принципам страны.

3. Теоретического исследования, посвященного раскрытию некоей проблемы как элемента определенной концепции (парадигмы). Примером может быть кандидатская диссертация В. Н. Сергеева «Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа», защищенная в совете Института истории НАН Беларуси. Фактически она посвящена более широкому применению теории Н. Лумана в исторических исследованиях.

В диссертации реализовано требование инновационного подхода в научно-исторической сфере деятельности, в которой первостепенное значение приобретает углубление теоретико-методологических основ социального анализа. Вслед за Н. Луманом В. Н. Сергеев концентрирует внимание на соотношении «исследователь–источник» – этом немаловажном поле взаимодействия, имеющем самостоятельное значение, и этого нельзя не учитывать в историческом исследовании. Диссертация может служить серьезным контраргументом таких явлений, как явное неприятие исторической синергетики, слепое преклонение перед источником, сплошное отождествление события и факта и др. [2].

В каждом случае исследование проходит три стадии или этапа, в том числе такие, как:

а) сбор источников и выборка из них (опубликованных и неопубликованных, нарративных и образных, официальных и мемуарных);

б) создание источников базы исследования, ее систематизация в соответствии с заданным планом;

в) анализ источниковой информации посредством применения адекватных методов (традиционных и нетрадиционных, в том числе инновационных, обусловленных как междисциплинарным, так и полидисциплинарным подходами, вытекающими из ситуации происходящей интеграции наук).

Весьма ответственным, хотя и недостаточно оцениваемым со стороны молодых исследователей, является первый этап, на который, при серьезном отношении к нему, приходится не менее 70% всего времени, затрачиваемого на исследование. На это обстоятельство справедливо указывает российский историк-методолог Л. Н. Мазур, подробно рассматривая первый этап в своем учебном пособии, признанным в Российской Федерации лучшим среди пособий по гуманитарным дисциплинам за 2010 год [3]. Именно на этом этапе определяются понятийный аппарат с его категориями (общими и непосредственно относящимися к предмету исследования), концепциями и методами анализа.

Заметим, своеволие в этом отношении в нашей исторической науке проникло даже в формулировки тем диссертаций. Вот один из примеров. В апреле текущего года в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Гродзенскія кляштарныя хронікі як крыніца па гісторыі Гродна другой паловы XVII – XVIII ст.». Сразу же возник вопрос, что значит «кляштарныя хронікі»? В автореферате, в самом его начале, они определяются как «наратыўныя помнікі, якія ствараліся пры манастырах і былі прысвечаны апісанню гісторыі манастырскай супольнасці ў храналагічнай паслядоўнасці» [4]. Такое определение созвучно со статьей в Энциклопедии истории Беларуси, где кляштарами называются монахи-миссионеры католических монастырей, встречавшиеся на территории Беларуси в XIII в. Однако подтверждение приведенному определению мы не находим в диссертационном исследовании. Этого и не может быть.

Название «кляштарные» происходит от латинского claustrum – закрытое место, замок, т. е. монастырь. Значит, речь должна идти о монастырских хрониках. Эта оплошность не исключает достоинств диссертации. В ней налицо стремление автора не просто к комплексному, а к системному анализу хроник, раскрытие в них ментальной стороны содержания, обращение соискателя к близкому ее занятиям дискурс-анализу и др.

Аналогичным образом поступает историк, работающий в системе среднего общего и специального образования, однако с учетом специфики работы в школе, училище, техникуме и др. (имеется в виду современное психолого-педагогическое обеспечение занятий, объем программы, состояние класса). Первый этап такой работы может заключаться (как вариант) в межпредметной подготовке учащихся к восприятию материала очередного урока. Второй этап работы предполагает предоставление учащимся плана нового урока с его логическим обоснованием и третий этап – изложение соответствующей информации с акцентом на доказательности ее отбора.

Понятийный аппарат исследования истории – система языка исторической науки, отражающая ее переход от описательности к сущностно-абстрактному знанию. В целом понятийный аппарат включает такие элементы, как:

1) категория – общее понятие, характеризуемое высоким уровнем абстракции, например закономерность и особенность, содержание и форма, система и модель, структура и функция;

2) собственно понятие – логическое суждение о свойствах и отношениях конкретных объектов и предметов исторического познания (вытесняется «концептом» – смысловым содержанием имени, т. е. содержанием понятия), в том числе:

– проблема (научная) – теоретический или практический (конкретно-исторический) вопрос, требующий исследования;

– цель – основная идея, предвосхищающая результат исследования;

– гипотеза – научное предположение, необходимое, чтобы ориентироваться в конкретных действиях (не блуждать «в потемках»);

– положение (выносимое на защиту) – элемент, на который обращает внимание исследователь в достижении цели;

– концепция – ведущая мысль научного труда;

– заключение / выводы – обобщения, вытекающие из анализа представленного материала. (В заключении текста требуется раскрыть значимость диссертационного исследования. Это значит реализовать принцип ценности в истории, который на практике игнорируют соискатели ученых степеней. Принципы объективности, историзма, а в последнее время и системности, так или иначе проводят в диссертациях, а принцип ценности в истории замалчивают, подвергают открытой или скрытой критике. Принципом ценности в истории является не просто выбор насущной темы для изучения, но и предоставление конкретных и адресных рекомендаций по использованию выдвинутых положений и сделанных выводов. История – это политика, обращенная не в прошлое, а в настоящее и будущее. Руководствуясь этим принципом, нельзя не признать, например, практической ценности докторской диссертации Э. С. Ярмусика по истории римско-католической церкви в Беларуси);

– резюме – изложение не того, о чем написано в диссертации, а того, что в ней утверждается, от фр. resume – суть;

3) термин – название понятия (применительно к методологии это, например, принцип или метод или структура);

4) дефиниция – определение термина.

Основными способами определения понятий являются обобщение и абстрагирование. На пути к достижению этой цели обращаются к методам.

На первом этапе имеются в виду главным образом приемы библиографического, а затем и архивного поиска (осуществляется посредством тех или иных путеводителей); способы аналитико-синтетической переработки информации и проведение выборки; методы анализа исторических источников (унифицированное анкетирование, информационно-целевой анализ); использование социологического инструментария (приемы устной истории, социологический опрос и наблюдение и др.).

На втором этапе проводится моделирование. Конструируются различного рода модели:

– текстовые модели, в частности описательные, в том числе формализованные (хроники) и неформализованные (биографии, монографии, словари);

– числовые модели, в том числе статистические (сводки, группировки, таблицы, графики), вариационные и динамические ряды;

– схемы;

– карты.

На третьем этапе, решающем, применяются хорошо известные традиционные специальные исторические методы, унаследованные из области естествознания и адаптированные к нуждам социальной истории. Их определили при выходе исторической науки из состояния кризиса, постигшего историю почти 100 лет назад (некоторые белорусские историки продолжают довольствоваться ими, манипулируя своей приверженностью к классике). Однако их перечень на этом только начинается. Современность уже давно продиктовала потребность в значительном расширении методов исторического познания.

Вторая мировая война, принесшая человечеству невиданные жертвы, показала ничтожную ценность личности. Возник большой вопрос: неужели человек рождается для того, чтобы умереть, а не для того, чтобы созидать, делать жизнь краше. В поисках ответа на этот вопрос историки пришли к выводу о необходимости расширения поля исторического исследования, ввести в него самого человека с его внутренним миром, а не ограничиваться структурами, отображающими результаты деятельности личности, человеческих сообществ и всего социума в целом.

К сожалению, отечественные историки, даже в докторских диссертациях, проходят мимо этого, не замечают тех поворотов (антропологического, лингвистического, постколониального и др.), которые произошли во второй половине XX в. в мировой историографии. Примером такого 50-летнего теоретико-методологического «отставания» является защищенная в июне 2012 г. в совете БГУ на соискание ученой степени доктора исторических наук диссертация «Политика социального реформизма в британских доминионах в последней трети XIX – начале XX в.» [5].

Совет БГУ проголосовал «за», поскольку работа выполнена в полном соответствии с методологическими рекомендациями, заявленными экспертным советом ВАК по истории. Тем более, что как сама диссертация, написанная с позиций «вчерашнего дня», так и ее защита произвели весьма благоприятное впечатление на членов совета. Естественно, дезориентированный соискатель не смогла ответить на оказавшиеся неожиданными для нее вопросы, непосредственно связанные с современным научно-понятийным обеспечением исторического исследования.

Фактически проблемной в нашей науке является периодизация. Опуская вопрос об общей периодизации, остановимся на «предметной». Стремление соискателей ученых степеней к периодизации «своего» предмета изучения порою выливается в искусственные (несерьезные) построения. Это происходит из-за незнания элементарных правил в выявлении временных рубежей и использовании соответствующей терминологии в развитии тех или иных исторических явлений. Например, ставя одной из задач разработку «научной периодизации политики Великобритании по германскому вопросу в 1979–1990 гг.», соискатель степени кандидата исторических наук предложил четыре периода, хотя по всем канонам в решении этой проблемы в данном случае напрашивается не четыре, а только два периода [6].

Прежде всего, следует иметь в виду:

1) смысл понятия «периодизация» (от слова «период» – основной структурной единицы общественного развития, отражающей качественное своеобразие определенного отрезка исторического времени);

2) разграничение понятий периодизации (по нисходящему тренду, это «век»–«эпоха»–«этап» или «стадия»–«период») [7].

Требования к исполнению периодизации от их вида. Если иметь в виду не простой, а составной вид, к которому относится вышеприведенный пример, то они сводятся к следующим принципам:

1) единому принципу деления событийного ряда, соответствующему наиболее значимой тенденции развития;

2) распределению отрезков времени, отвечающему информационному материалу;

3) достаточно определенным границам между периодами, маркируемым значимыми событиями, выделение которых осуществляется с использованием причинно-следственных связей;

4) известным познавательным ограничениям;

5) возможности выделения внутренних промежутков в рамках наличных исторических отрезков;

6) рассмотрению выделенных отрезков как соразмерных и внутренне пропорциональных [7].

В условиях интеграции наук неизбежно расширение научно-понятийного аппарата любой отрасли знания и в большей степени историографии, поскольку она вводит в поле своего исследования внутренний мир личности. Перед историком стоит задача не просто ознакомления с достижениями философии, социальных и иных наук, а определенного овладения (с целью использования) их понятийным аппаратом. В этой связи обращает на себя внимание диссертация А. С. Табачкова на соискание ученой степени доктора философских наук [8], недавно защищенная в Институте философии НАН Беларуси. В этой диссертации нашла отражение созданная автором экзистенциально-феноменологическая концепция онто-гносеологической основы исторического познания. Ее ценность для нас определяется, по крайней мере, двумя обстоятельствами: недооценкой методологии истории со стороны отечественных историков и отсутствием должного междисциплинарного подхода в обучении историческим специальностям. Разработка метатеоретической методологии исторического исследования, в русле которой находится данная диссертация, свидетельствует о практическом значении указанной проблемы и дает философское обоснование ее неотложного решения.

К слову, вынуждены указать на центральное противоречие, преследующее читателей на протяжении всего ознакомления с исследованием А. С. Табачкова. Заявляя о том, что его работа рассчитана на применение в кругу историков, она из-за «специфически» философского языка не сможет найти распространения в аудитории историков, если, конечно, не будет «переведена» с «паратеоретического» на хотя бы теоретический исторический язык. (Чего только стоит неоднократно употребляемый в ней пассаж: «паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий»!).

Историкам, и не только им, необходимо тесное взаимное сотрудничество с философами и специалистами других научных дисциплин в решении всевозможных проблем, возникающих в современных условиях. На заседании означенного совета, в котором в качестве официального оппонента участвовал и автор данной статьи, была подтверждена потребность в налаживании постоянных междисциплинарных контактов между специалистами, работающими в различных сферах научного знания, в освоении ими научно-понятийного аппарата.

Пусть наша деятельность будет иметь действительно научный, ориентированный на практику характер! А современные энциклопедии и энциклопедические словари помогут нам в этом. Наука – это точность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильков, В. В. Политика Италии в регионе Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки в 2001–2009 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.15 / В. В. Васильков. – Минск : БГУ, 2011. – 124 л.

2. Сергеев, В. Н. Теория коммуникации Н. Лумана как метод исторического анализа : дис. … канд. ист. наук : 07.00.09 / В. Н. Сергеев. – Минск : ИИ НАНБ, 2008. – 140 л.

3. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие / Л. Н. Мазур. – 2-е изд. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.

4. Паўлоўская, Г. Г. Гродзенскія кляштарныя хронікі як крыніца па гісторыі Гродна другой паловы XVII – XVIII ст. : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.09 / Г. Г. Паўлоўская. – Гродна : ГрДУ, 2012.

5. Семёнова, Л. Н. Политика социального реформизма в британских доминионах в последней трети XIX – начале XX в. : автореф. дис. … д-ра истор. наук : 07.00.03 / Л. Н. Семёнова. – Минск : БГУ, 2012.

6. Ковяко, И. И. Политика Великобритании по германскому вопросу в 1979–1990 гг. : автореф. дис. … канд. истор. наук : 07.00.03 / И. И. Ковяко. – Минск : БГУ, 2012.

7. Сидорцов, В. Н. Опыт периодизации отечественной истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – Мінск : БДУ, 2012. – Вып. 7. – С. 165–169.

8. Табачков, А. С. Онто-гносеологические основания метатеоретической методологии исторического исследования : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.01 / А. С. Табачков. – Минск : ИФ НАНБ, 2012. – 224 л.

Уладзімір Сідарцоў

НАВУКОВА-ПАНЯЦІЙНЫ АПАРАТ ГІСТАРЫЧНАГА ПАЗНАННЯ

Рэзюмэ

Паказана надзённая праблема распрацоўкі і ўдасканалення навукова-паняційнага апарату ў ходзе сучаснага гістарычнага даследавання. Канстатаваны стан праблемы ў беларускай гістарычнай навуцы. Разгледжана навуковая мова гісторыка, віды і этапы навукова-гістарычнай творчасці, яе тэарэтыка-метадалагічнае забеспячэнне. Тэкст носіць практыка-арыентаваны характар.

Uladzimir Sidartsou

SCIENTIFIC AND CONCEPTUAL SYSTEM OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Summary

The article pays attention to the problem of working out and improvement of scientific and conceptual system of modern historical research. The problem is shown on the example of Belarusian historical science. The author examines the scientific language of historians, types and stages of scientific historical creative work, its theoretic and methodological basis. The article is practically oriented.

Поступила 20.12.2012 г.

УДК 930.1

Николай Смехович (Минск)

ЦЕННОСТИ ШКОЛЫ «АННАЛОВ…» ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

К концу XIX в. в Западной Европе сложились три философских учения, которые предложили свой методологический инструментарий. Это были диалектический материализм, неокантианство и позитивизм. Диалектический материализм и неокантианство развивались в Германии, а позитивизм – во Франции. На базе неокантианства в Германии утвердилась баденская методологическая школа, а на базе диалектического материализма выросло учение К. Маркса и Ф. Энгельса. В свою очередь, сторонники О. Конта начали разрабатывать социологию.

Однако позитивисты были в стороне от проблем исторической науки. В результате к концу XIX в. во Франции история оставалась искусством, носила фрагментарный характер, страдала мелкотемьем, напоминала литературу, которая переписывала эпизоды из французских исторических хроник.

Кризис во французской историографии особенно усилился в 1870-х годах. После франко-прусской войны французские интеллектуалы не могли найти ответ на вопрос: почему Франция потерпела военное поражение от Германии, которая уступала ей по уровню развития? Для большинства исследователей стало очевидным, что во Франции история должна стать научной, а еще лучше системной, методологической дисциплиной.

Методологический кризис, охвативший французскую историографию, привел к тому, что часть историков предложила реализовать новый творческий проект, который мог бы объединить историческое, экономическое и социальное знание о жизни человека на основе позитивизма. На этой базе значительно позднее – 15 января 1929 г. – началось издание журнала «Анналы экономической и социальной истории».

В период с 1929 по 1968 г. предпочтение в «Анналах…» отдавалось проектам по экономической и социальной истории. Да это и понятно. В 1930-х годах во Франции, как и во всем мире, «бушевал» экономический кризис, Западная Европа была охвачена массовыми социальными движениями и протестами. С 1968 по 1974 г. в приоритете были история ментальная и антропологическая история. Последняя наряду с историей культуры занимала ведущую позицию в публикационной и исследовательской тематике «Анналов…» до 1994 г.

После Второй мировой войны еще более актуальной стала проблема ценности человеческой жизни. В трудах одного из основателей «Анналов…» М. Блока эта проблема обрела статус методологической детерминанты, которая положила начало новому взгляду на исторический процесс. Философы-материалисты всегда оперировали обобщающими категориями: народ, трудящиеся, класс, партия. В такой методологической стратегии не было видно самого человека, его жизнь не имела ценности, она была своего рода инструментом, приспособленным для реализации замыслов силы, известной как историческая необходимость и социальная закономерность.

Однако историческая необходимость и социальная закономерность, как и другие категории, например закон стоимости, законы диалектики – это лишь научные абстракции, инструменты исследовательского анализа, а не самодовлеющие социальные силы, которые автоматически определяют развитие исторического процесса. Или, например, регулируют отношения, в том числе рыночные, в обществе.

На это обстоятельство еще в 1930-е годы обратил внимание Ж. Ле Февр – приверженец Дюркгейма. Он критиковал материалистов за то, что при интерпретации исторических событий они увязли в абстракциях, апеллировали к категориям излишне общего характера. Со своей стороны, вместо истории, сфокусированной на идеях, которые базировались на принципах историзма, объективности и причинной обусловленности, Ж. Ле Февр предложил рассматривать поведение человека, группы, массы в конкретном социальном контексте и искать ответ на вопрос: каковы мотивы человеческого поведения? [3, с. 67].

Взамен истории классовой борьбы, Ж. Ле Февр предложил изучать историю отдельных крестьянских волнений, восстаний, городские бунты, революционные события. Только не в ключе детерминанты классовая борьба–локомотив истории, а в русле парадигмы: менталитет–социальный конфликт–изменение условий жизни. Проще говоря, Ж. Ле Февр выдвинул методологическую альтернативу историзму. Эта альтернатива была связана с позитивистским взглядом на историю, который опирался на понимание и описание истории цивилизации на принципах изучения изменчивости социальных факторов [3, с. 67].

Однако в 1930-х годах эта инициатива Ж. Ле Февра не получила поддержки, она оставалась невостребованной. Ситуация изменилась лишь через 30 лет, к концу 1960-х годов. В мае 1968 г., когда в Париже бунтовала молодежь, приверженцы «Анналов…» актуализировали методологические новации Ж. Ле Февра. Действительно, в 1968 г. «идеи и способ поведения» молодых французских бунтарей до-

вольно хорошо накладывались на «социальный контекст», так как парижская молодежь не стремилась к революционному изменению социального порядка. Она добивалась лишь лучшей жизни.

После 1968 г. на страницах «Анналов...» начали публиковать работы по истории ментальности, которые, с одной стороны, способствовали тому, что предмет исторической науки значительно обогатился новой тематикой. Историки начали изучать тематику, связанную с историей семьи, историей обычаев, обрядов и традиций, присущих этносам и нациям, историей сексуальности, положением женщин в обществе и семье, влияние детства на становление человеческой личности, в том числе и политических деятелей [5, с. 95].

Если взять историю политических партий и общественных движений, историю рабочего класса, то вместо безликих масс «героями» исторических трудов становятся лидеры партий, их политические судьбы, а на смену понятию «классовая борьба» приходят понятия «нравы политизированной группы», «повседневная жизнь рабочего человека», «сознание трудящихся», «жизненные ценности экономкласса» и т. п.

Параллельно с историей ментальности началось триумфальное шествие другого направления историографии – исторической антропологии. «Историческая антропология сфокусировала свое внимание на проблемах, близких собственно антропологии: на системе родства, а позднее – на мифологии и процессе сотворения символов».

Ситуацию, связанную с методологическим кризисом, историческая наука суверенной Республики Беларусь пережила в конце XX – начале XXI в. Суть кризиса состоял в том, что старый категориальный аппарат белорусской историографии оказался не в состоянии найти ответ на вопрос: почему идея социальной справедливости, положенная в основу советской социально-экономической модели, и базирующаяся на принципе моральной равноценности человеческой личности, потерпела поражение? В результате историческая литература, наработанная в советский период истории, устарела.

Начался трудный процесс переосмысления прошлого, создания нового поколения научной и учебной литературы по истории. При этом возник вопрос: на какой методологической основе осуществлять научные исследования? Большая часть историков восприняла неопозитивистскую методологию, другие стали ориентироваться на неокантиантство в форме феноменологии. Работы, выполненные с опорой на принципы неопозитивизма, например монография И. М. Игнатенко «Революция в историческом процессе. Очерки», показали, что классовая борьба, революции как формы социальной модернизации могут быть не только локомотивом истории, но и препятствием на пути поступательного прогресса народов.

В 1990-е годы белорусские исследователи обратили пристальное внимание на ценности школы «Анналов…». В числе первых были историки БГУ во главе с В. Н. Сидорцовым. В эти годы начали разрабатывать историю ментальности. Проблемам национальной ментальности посвятили статьи И. В. Бусько – «Национальный менталитет и проблема ментальной «однородности», Т. И. Баталко – «Белорусский характер в свете национальной культуры», В. В. Карпинский – «Постноменклатурная ментальность в сознании общества переходного типа», А. Б. Мискевич – «Экологическое сознание в укреплении национального менталитета»; И. Сороковик – «Адметнасці фарміравання беларускай нацыі», Н. В. Смехович – «Нацыянальная ідэя беларусаў» [6, с. 226]. Многие статьи по ментальной истории принадлежат перу В. Г. Мазеца и других сотрудников Института истории.

Ментальную тематику разрабатывали не только историки, но и философы, культурологи, социологи. Затем начали появляться монографические работы. В первую очередь следует назвать труды Л. М. Лыча, который начал работать над ментальной тематикой в начале 1990-х годов. Его книги «Міжнацыянальныя дачыненні на Беларусі (верасень 1943 – кастрычнік 1964 г.)», «Нацыянальная ідэя беларусаў: тэарэтычны и практычны аспекты» служат большім вкладом в отечественную историографию. Нельзя не упомянуть монографию А. В. Унучека «“Наша ніва” і беларускі нацыянальны рух», в которой проанализирована идеология белорусского национального движения в начале XX в. [7].

Ментальная история оказалась настолько актуальной и востребованной, что в дальнейшем ее разработка была поддержана институтами власти в форме государственного заказа. Государственная программа научных исследований, которую Институт истории совместно с вузовскими учеными разрабатывал на протяжении 2005–2010 гг. именовалась «История белорусской нации, государственности и культуры». Эту тематику научные коллективы Института истории НАН Беларуси, Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы НАН Беларуси совместно с учеными системы Министерства образования Республики Беларусь продолжают разрабатывать и по государственной программе научных исследований на 2011–2015 гг.

В итоге на смену докладам, тезисам научных конференций, материалам журнальных статей пришли произведения монографического формата. Одним из них является коллективная монография в двух книгах «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.». Этой монографии вполне обоснованно можно было бы дать название «История белорусской нации и государственности» [2].

Несколько иная ситуация сложилась в отношении антропологической истории. Антропологические исследования в Беларуси начали развиваться на профессиональной основе в 1965 г., когда в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук была создана группа антропологов. Не-

сомненно, исследования белорусских ученых под руководством Л. И. Тегако, выполненные по антропогенезу, этнической антропологии, морфологии – основным направлениям антропологической науки, привели к появлению монографических трудов, учебной литературы, что позволило заложить фундамент отечественной антропологической школы. Сегодня белорусские антропологи являются частью коллектива Института истории. Они взялись за решение новой задачи – подготовки кадров по специальности «Историческая антропология». Это новое направление в развитии отечественной исторической науки.

Важной частью научных исследований стали работы по изучению положения женщин в обществе и семье. Лидером в изучении гендерной тематики стала И. Чикалова. На уровне статей проблему разрабатывали Н. Мушинский, М. Гардукевич, С. Рогач, С. Сендер, А. Бородуля, Ф. Храмцова и многие другие авторы. В целом по проблеме были подготовлены коллективные труды, учебно-методические пособия [1, с. 164, 166, 170, 172, 182].

Над гендерной тематикой продолжают работать историки БГУ, БГПУ им М. Танка, ГрГУ им. Я. Купалы и других вузов нашей страны. Однако оставалась проблема освоения этой проблематики, особенно по отечественной истории XVII–XIX вв., на более глубоком и содержательном уровне – диссертационных работ. В Институте истории стараниями Н. Анофренко, тема «Жанчыны дваранскага саслоўя Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.» и Р. Алехнович, тема «Становішча жанчын ВКЛ (другая палова XV – першая палова XVI ст.)», которые завершают работу над диссертационными исследованиями, этот пробел в значительной степени будет восполнен.

Нельзя не остановиться на одном очень важном моменте. Школа «Анналов…» термин условный. Это не ученые, их ученики и труды. Школа «Анналов…» в смысловом содержании означает только одно – это исследовательское пространство, открытое для новых самых разнообразных по тематике авторских проектов [4, с. 285]. Это дух творческого поиска.

За период с 1991 г. по 2010 г. в Республике Беларусь сложилась национальная историческая школа. Как в классическом отношении: ученые, их труды и ученики, так и в инновационном – дух творческого поиска. Мы, на мой взгляд, об этом почему-то мало говорим, хотя все присутствующие на конференции – это представители национальной исторической школы.

В связи с этим невозможно обойти молчанием проблему периодизации белорусской историографии. Использование периодизации: досоветская, советская, постсоветская говорит лишь об одном – примитивизме, скудости мысли и отсутствии методологии в этом вопросе. Напомню, что в советское время использовалась терминология – дореволюционная, дооктябрьская. Предлагаю рассмотреть такой вариант периодизации: историография периода Российской империи, белорусская советская историография, историография национальной исторической школы.

Очевидно одно – дух творческого поиска очень востребован в нашей историографии. Работы много. Нового осмысления требует понятийный аппарат. Мы широко используем словосочетание «социально ориентированная экономика», не задумываясь над тем, что рыночная экономика может и должна быть эффективной, конкурентоспособной. А вот институты государственной власти, бюджет страны могут быть социально (или либерально) ориентированными.

Другой пример. При разработке проблемы белорусской государственности мы пришли к выводу, что государственность и государство не идентичные понятия. Но такое понятие как «государственность» в исторической литературе, и не только нашей страны, отсутствовало. Поэтому у многих возникал вопрос – идеология белорусской государственности – это идеология чего? Этот вопрос до сих пор вызывает дискуссии. Историки долгое время не были готовы к решению указанной проблемы. Но, к нашей чести, на сегодня она решена.

К числу актуальных можно отнести понятие «белорусская модель социально-экономического развития». То, как это понятие рассматривают авторы различных учебных пособий, прежде всего по идеологии белорусской государственности, без недоумения и сожаления нельзя читать.

И последнее. Поиск предметной альтернативы политической истории, истории глобальной, который проводился на страницах исследовательского проекта «Анналов…», позволил значительно расширить «горизонты» исторической науки. Результатом этого поиска стало рождение новых историографических направлений, в том числе в белорусской историографии.

Однако возврат к историческим предметным истокам, обозначенным еще в период античности, также был неизбежным. Одной из последних инициатив «Анналов…» был проект под названием «Места памяти». «Идентичность Франции» – знаковый труд Ф. Броделя, который остался незавершенным. Закономерным было и то, что в 1994 г. «Анналы…» сменили свое кредо. Вместо призыва – «экономика, общество, цивилизация» – они начертали: «история, социальные науки». Это значит, что «переболев» проблемой «маленького человека», завершив блуждание в так называемых постмодернистских поворотах, историческая наука Франции вновь вышла на широкую магистраль – вернулась к изучению политической и социальной истории, истории народа в самобытности поколений, национальных традиций и ценностей [6, с. 226].

Отмечу, что изучение белорусской идентичности – это одна из наиболее актуальных проблем отечественной историографии. Ее разработка находится в центре внимания сотрудников Института истории

НАН Беларуси. Над этой темой работают историки БГУ, БНТУ, других вузов республики.

Однако и здесь немало трудностей. Нас постоянно подталкивают к изучению только социальной истории. А это зачастую мелкотемье, и, как следствие, – отсутствие востребованности исследований. В то же время определенные научные круги, присвоившие себе право на истину в последней инстанции, стремятся пресечь разработку тематики по политической истории, поскольку историк должен давать оценку политическому правлению периода исследования. Скажу прямо, если и дальше мы не будем проводить разработки по политической истории, долгосрочной перспективы у истории как науки не просматривается.

Может быть, есть необходимость обсудить проблему на очередной нашей конференции по теме: «Методология изучения истории Беларуси: проблема белорусской идентичности».

ЛИТЕРАТУРА

1. XXI : актуальные проблемы исторической науки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / редкол. : В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2004. – 343 с.

2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Кн. 1. – 584 с.

3. Ревель, Ж. История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов» / Ж. Ревель // Новая и новейшая история. – 1998. – № 6. – С. 64–87.

4. Рохас, К. Критический подход к истории французских «Анналов» / К. Рохас. – М. : Круг, 2006. – 336 с.

5. Рохас, К. Историография в XX веке. История и историки между 1948 и 2025 годами / К. Рохас. – М. : Круг, 2008. – 164 с.

6. Смехович, Н. В. Теоретико-методологические основы исторического исследования (на примере западной историографии второй половины XX века) / Н. В. Смехович // Гіст.-археалаг. зб. – Мінск : Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2008. – Вып. 24. – С. 223–229.

7. Унучак, А. У. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.) / А. У. Унучак. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 186 с.

Мікалай Смяховіч

КАШТОЎНАСЦІ ШКОЛЫ «АННАЛАЎ…» ДЛЯ ВЫВУЧЭННЯ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

Рэзюмэ

Аўтарам разгледжаны даследчыцкія праекты, якія былі рэалізаваны ў межах французскіх «Анналаў…» і пачалі развівацца ў беларускай гістарыяграфіі ў перыяд з 1991 г. па 2010 г. Асноўны акцэнт зроблены на неабходнасці далейшай метадалагічнай распрацоўкі катэгарыяльнага апарату айчыннай гістарычнай навукі.

Mikalaj Smiakhovich

«ANNALS…» SCHOOL VALUE FOR STUDYING THE HISTORY OF BELARUS

Summary

The author considers research projects in Belarusian historiography in 1991–2010, that have been implemented under the influence of French «Annals» school. It is emphasized that further methodological development of categorical apparatus acquires great importance in this context.

Поступила 20.12.2012 г.

УДК [930+342.5]

Степан Темушев (Минск, Беларусь)

ПРОБЛЕМА ОСМЫСЛЕНИЯ НАЛОГОВО-ДАННИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ В ИСТОРИОГРАФИИ

Проблему функционирования налогово-данническ ой системы необходимо отнести к числу приоритетных при изучении развития древнерусской государственности. Эффективная система наполнения княжеской казны являлась непременным условием стабильности всех сфер жизни общества, охваченного государственной организацией. Еще в середине XIX в., обращаясь к изучению истории финансов России, Д. А. Толстой писал: «мы не будем иметь полной прагматической истории нашего отечества, пока не будут разработаны материалы по всем отраслям государственного управления» [18, с. V]. Между тем до настоящего времени к проблеме развития государственного фиска в домонгольской Руси обращались немногие исследователи и при этом, главным образом, в обобщающих работах по древнерусской истории, специальных монографических исследований (за исключением значительно устаревшей работы Ю. А. Гагемейстера) создано не было.

К числу важнейших задач, которые приходилось решать историкам-медиевистам при осмыслении проблемы развития налогово-данническ ой системы Древней Руси, а значит и белорусских земель в период раннего и высокого Средневековья, относились определение роли княжеской власти в сборе налогов-дани, выяснение круга должностных лиц, осуществляющих фискальную функцию, а также реконструкция механизма изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя.

В историографии исследуемой проблемы существует почти неоспариваемый вывод о значительной, даже доминирующей роли князя в сборе налогов-дани на протяжении всего домонгольского периода древнерусской истории. Только князь был единственным адресатом дани и мог по своему усмотрению распоряжаться собранными средствами, как, впрочем, и освобождать население от налоговых тягот (об этом единодушно свидетельствуют источники). Не была исключением и Новгородская боярская республика. Рассматривая общее состояние Древней Руси (по терминологии историка – «России») в период с XI до XIII в. Н. М. Карамзин писал: «Между тем древний устав Рюриковых времен не был отменен: везде, и в самом Новегороде, Князь судил, наказывал и сообщал власть свою Тиунам; объявлял войну, заключал мир, налагал дани» [5, с. 466]. О безусловной власти князя во всех сферах управления писал М. П. Погодин: «Сидеть, держать, ходить, водить, рядить – вот такими словами можно определить некоторым образом круг княжеских действий, по крайней мере домашних: сидеть – владеть, сажать – давать власть, держать – управлять, ходить – собирать дань, водить – назначать, рядить – распоряжаться» [8, с. 80]. С. М. Соловьев отмечал, что князь «первый период существования русского общества» должен был сам с дружиной ездить к восточнославянским племенам для сбора дани, и только эта дань «была первоначальным видом подчиненности племени одной общей власти, связи с другими соподчиненными племенами» [16, с. 197]. В позднейший период именно князь, налагавший подати, назначал из числа приближенных к себе людей и слуг «для отправления разных должностей» «в посадники, тиуны и т. п.» [17, с. 11]. В представлении В. О. Ключевского собираемая князем дань представляла в то же время и «материал его [князя] торговых оборотов», поэтому киевский князь «не переставал еще быть вооруженным купцом». При этом правитель делился данью со своей дружиной, «которая служила ему орудием управления, составляла правительственный класс» [6, с. 166–167]. «Необходимым элементом государственного устройства всех древнерусских земель» называл князя М. Ф. Владимирский-Буданов [1, с. 44]. Однако со временем князь «в управлении (как и в суде) заменяет себя тиунами, управлявшими от его лица» [1, с. 82]. О том же писал и М. А. Дьяконов: «Самым главным правительственным органом был сам князь» [4, с. 132].

Кто же входил в тот круг лиц, которым князь перепоручал функцию сбора налогов-дани? В историографии этот вопрос решался в целом однообразно. Принципиальное отличие можно обнаружить, во-первых, в определении происхождения тех или иных должностей (являлось ли их появление инициативой княжеской (государственной) власти или же они были созданы местными сообществами и их начало следует искать в родоплеменной, догосударственной эпохе), а во-вторых, в разделении должностей на общегосударственные (земские) и собственно княжеские (дворовые, вотчинные).

Уже в первой половине XIX в. появилось первое специальное исследование, посвященное истории налогов в России. Это работа Ю. А. Гагемейстера «Разыскания о финансах древней России». В ней автор намечает эволюцию в развитии налогово-данническ ой системы Древней Руси домонгольского периода,

отмечая непременное личное участие в осуществлении фискальной функции на раннем этапе развития государственности восточных славян. Со временем же функция сбора налогов перешла к особым «чиновникам» [2, с. 50]. Эти сборщики налогов находились на полном обеспечении населения, отчего длительное их пребывание в одном месте оказывалось тягостным для населения [2, с. 51, 52].

Крупнейший представитель так называемой юридической школы В. И. Сергеевич [9, с. 415] наиболее четко сформулировал нераздельность государственного и дворцово-вотчинного управления: «Нашей древности было совершенно чуждо принципиальное различие органов государственного управления от органов управления частными делами князя» [14, с. 387]. Вследствие этого равно как «хозяйственный двор князя был судебно-правительственным местом, так и органы управления княжеским хозяйством были судьями и администраторами» [14, с. 388]. Главной фигурой в княжеском хозяйстве по представлению В. И. Сергеевича являлся тиун, который, будучи «домашним слугой, мог выступать в качестве ключника, судьи, конюшего, мог заведовать земледельческим хозяйством (тиун сельский, или ратайный) [14, с. 391]. В целом В. И. Сергеевич не различал ситуации с судопроизводством и фиском в домонгольской Руси, в Московском великом княжестве и даже Московском царстве, широко используя для своих выводов материалы столь разных периодов: «XI век и XVII-й, Киев, Москва и Соловки – все те же порядки» [13, с. 175].

Другой представитель «юридической школы» М. Ф. Владимирский-Буданов в своем «Обзоре истории русского права» отмечал невозможность разделения «частно-хозяйственных» и государственных органов в Древней Руси. По мнению ученого, ключевой фигурой в финансовом управлении являлся дворский («Управление дворского заменяло собой все последующие органы финансового управления») [1, с. 82]. Дворский относился к одному из разрядов тиунов (выделяются и огнищные тиуны), которые управляли по поручению и от имени князя. В подчинении у дворских находились ключники. Отмечает ученый и существование в Древней Руси органов «специального финансового управления» – данщиков и мытников [1, с. 82]. Рассматривая местное управление М. Ф. Владимирский-Буданов обнаруживал его двойственность. Считая десятичную систему земской, он противопоставлял ее дворцовой, княжеской. Поэтому, по мнению историка, от «народных тысяцких» следовало отличать «княжих тысяцких», а также «пригородных тысяцких», заменявших посадников [1, с. 84–85].

Наиболее обстоятельно рассмотрел функции упоминаемых в письменных источниках должностных лиц государственного и дворцово-вотчинного управления Древней Руси М. А. Дьяконов. В целом, характеризуя состояние государственного аппарата Древней Руси домонгольского периода, историк отмечал, что в нем «нельзя подметить никакой системы, никакого распределения правительственных задач между органами управления» [4, с. 131]. Еще одна характерная особенность, выделяемая ученым, – «смешение интересов и целей частных с общественными и государственными» [4, с. 131]. Однако, несмотря на крайнюю простоту управления, князь не мог обойтись без помощников не только в отдельных пунктах своей земли, но и в стольном городе. В качестве таких помощников «в суде и хозяйстве» выступали тиуны [4, с. 135]. Рассматривая прослеживаемую по источникам децимальную систему в домонгольской Руси, ученый отмечал ее древнее происхождение («Сотни – это сохранившийся пережиток исконного военного деления»). Между тем, по его мнению, сотские, в отличие от тысяцких, были скорее финансовыми правителями, нежели военачальниками [4, с. 135].

Советская историческая наука в изучении рассматриваемой проблемы в целом следовала выводам дореволюционной историографии, однако принципиально изменилась оценка сущности налогов-дани: утвердилось мнение о постепенной трансформации дани как платы покоренных племен завоевателю в феодальную ренту. В представлении Б. Д. Грекова у восточных славян уже с IX в. формируется крупное частное землевладение в виде княжеских и боярских вотчин, что являлось важнейшим признаком феодальных отношений. Отодвинув генезис феодальных отношений в глубь веков Б. Д. Греков попытался снять проблему существования рабовладельческого уклада [15, с. 93]. Важно отметить, что ученый не смешивал организацию княжеской вотчины с государственным управлением. Во главе княжеской вотчины, по его мнению, стоял представитель князя – боярин-огнищанин, а при нем состоял «сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений» – «подъездной княж». При этом тиуны находятся в распоряжении огнищанина. Кроме названного выше круга лиц «высшего административного аппарата княжеской вотчины» Б. Д. Греков к княжеской администрации относил княжеских старост – «сельского» и «ратайного» [3, с. 145].

Наиболее полно теория трансформации дани в феодальную ренту нашла отражение в трудах С. В. Юшкова. По мнению ученого, этот процесс заключался: 1) «в постепенном захвате земель племен и народов, обложенных данью, и превращении этих земель в феодальные владения князей и их слуг»; 2) «в постепенном усложнении как способов сбора дани, так и состава ее»; 3) «в раздаче дани князьями своим боярам и церковным учреждениям, что фактически ведет к передаче им крестьянства и крестьянских земель» [20, с. 285–286]. Начало этого процесса С. В. Юшков обнаруживал в XI в., а к XII в. «сложились те сборы и повинности, которые входят в состав типичной феодальной ренты» [20, с. 286, 287]. С именем С. В. Юшкова справедливо связывают начало детального и си-

стематического исследования генезиса феодализма в России [15, с. 86]. Отметим также, что после работ Ю. А. Гагемейстера и М. А. Дьяконова именно у С. В. Юшкова проблема развития налогово-даннической системы в Древней Руси получила наиболее обстоятельное рассмотрение. Ученый обратил внимание на характерную черту истории налогово-даннической системы Древней Руси – неопределенность терминологии. С учетом этого обстоятельства рассматривается сущность различных видов налогообложения – прямых налогов, повинностей и пошлин [20, с. 384–390].

В представлении крупнейшего советского специалиста по древнерусской истории Б. А. Рыбакова совершенно разделялись органы государственного управления и аппарат управления крупных феодальных вотчин. Эти вотчины совершенно не были связаны между собой и в значительной степени были свободны от контроля государства [10, с. 428].

На современном этапе изучения проблемы развития налогово-даннической системы в Древней Руси, несмотря на отсутствие обобщающих работ, все же можно отметить определенные достижения. Определенной вехой в изучении древнерусского данничества стала монография И. Я. Фроянова [19]. Различные аспекты функционирования налогово-даннической системы в домонгольской Руси затронул в своих работах принципиальный оппонент И. Я. Фроянова М. Б. Свердлов [11, с. 221]. Важнейшую роль в общественно-политических процессах ученый отводит институту княжеской власти. Именно князь оказывается ключевым элементом формирующейся государственной организации и инициатором складывания административного аппарата. «Не определенная территория – земля или город – создавали княжеский стол, а князь, его резиденция и княжеский стол создавали стольный город, княжество и «волость» [12, с. 524]. Именно князь в своем стольном городе осуществлял административные и судебные функции. При отсутствии же в городе князя его функции передавались посаднику. Посадники назначались князем и в мелкие города, где призваны были не только осуществлять административно-судебное управление, собирать подати, но и подавлять сопротивление недовольных властью [12, с. 525–526]. В институте тысяцкого ученый также видел представителя княжеской администрации. Тысяцкие, по его мнению, назначались князьями из среды служилой знати, в крупных городах – из потомственной знати [12, с. 527, 529]. Интереснейшие выводы сделаны в последнее время В. А. Кучкиным о происхождении и сущности децимальной системы в Древней Руси. Историк считает, что начавшая складываться в конце X в. система десятских и сотских не была связана с догосударственным строем восточных славян, а также и с «крестьянским миром». Данная система начала складываться в то время, когда древнерусские князья отказались от походов на соседние богатые страны и перешли к «более интенсивной эксплуатации собственного населения» [7, с. 423]. Десятские и сотские происходили из княжеского окружения и первоначально составляли одно целое с боярами, гридями и нарочитыми мужами [7, с. 423–424].

Таким образом, в обширной историографии проблемы функционирования системы налогообложения домонгольской Руси было сделано несколько принципиально важных выводов. Прежде всего, необходимо обратить внимание на отсутствие четкого разделения должностных лиц государственной и частной княжеской (дворцово-вотчинной) администрации. Значительную ценность представляет также вывод о создании децимальной (десятичной) системы уже в государственный период, ее связь с фискально-судебными функциями государства. Между тем остается неопределенным круг лиц, занимавшихся сбором налогов-даней, их взаимодействие между собой, а также конкретный набор обязанностей лиц, входивших в административно-судебный аппарат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – 3-е изд., доп. – СПб.; Киев : Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1900. – 667 с.

2. Гагемейстер, Ю. А. Разыскания о финансах древней России / Ю. А. Гагемейстер. – СПб. : При Императорской Академии наук, 1833. – 247 с.

3. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. – 568 с.

4. Дьяконов, М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси / М. Дьяконов. – СПб. : Наука, 2005. – 383 с.

5. Карамзин, Н. М. История государства Российского. В XII т. / Н. М. Карамзин; под ред. А. Н. Сахарова. – М. : Наука, 1991. – Т. II–III. – 832 с.

6. Ключевский, В. О. Сочинения. В 9 т. / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1987. – Т. I : Курс русской истории. – 572 с.

7. Кучкин, В. А. Десятские и сотские Древней Руси / В. А. Кучкин // Древняя Русь : очерки политического и социального строя / А. А. Горский [и др.]. – М. : Индрик, 2008. – С. 270–425.

8. Погодин, М. П. Древняя русская история до монгольского ига. В 3 т. / М. П. Погодин. – М. : В Синодальной типографии, 1871. – Т. 1. – 402 с.

9. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 938 с.

10. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1993. – 592 с.

11. Свердлов, М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М. Б. Свердлов. – Л. : Наука, 1983. – 238 с.

12. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. – СПб. : Академический проект, 2003.– 736 с.

13. Сергеевич, В. И. Древности русского права / В. И. Сергеевич. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1903. – Т. III. – 496 с.

14. Сергеевич, В. И. Русские юридические древности / В. И. Сергеевич. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. – Т. I. – 555 с.

15. Советская историография Киевской Руси. – Л. : Наука, ленинград. отд., 1978. – 279 с.

16. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Голос, 1993. – Кн. I, т. 1–2 : История России с древнейших времен. – 752 с.

17. Соловьев, С. М. Сочинения. В 18 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Голос, 1993. – Кн. II, т. 3–4 : История России с древнейших времен. – 768 с.

18. Толстой, Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II / Д. А. Толстой. – СПб. : В типографии Константина Жернакова, 1848. – 258 с.

19. Фроянов, И. Я. Рабство и данничество у восточных славян / И. Я. Фроянов. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 512 с.

20. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. – М. : Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1949. – 543 с.

Сцяпан Цемушаў

ПРАБЛЕМА АСЭНСАВАННЯ ПАДАТКОВА-ДАННІЦКАЙ СІСТЭМЫ ДАМАНГОЛЬСКАЙ РУСІ Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Рэзюмэ

Разгледжаны асноўныя падыходы да ацэньвання характару падатковай сістэмы Старажытнай Русі ў гістарыяграфіі. Акцэнт зроблены на вызначэнні кола асоб, якія ўдзельнічалі ў зборы падаткаў-даніны. Звернута ўвага на прызнанне гісторыкамі непадзельнасці органаў дзяржаўнага і вотчыннага (прыватнага) кіравання ў Старажытнай Русі. Выяўляецца прынцыповае адрозненне гістарыяграфіі савецкага перыяду ад дарэвалюцыйнага, што можна заўважыць ў вызначэнні сутнасці падаткаў-даніны як феадальнай рэнты. Робіцца выснова аб недастатковай распрацоўцы ў гістарыяграфіі праблемы выяўлення кола асоб, якія займаліся зборам падаткаў-даніны.

Stsiapan Tsemushau

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING THE TAX-TRIBUTE SYSTEM IN PRE-MONGOL RUSSIA IN HISTORIOGRAPHY

Summary

The article examines the main approaches to the assessment of the nature of the tax system in the historiography of ancient Russia. Emphasis is placed on identifying the individuals who participated in the collection of taxes, tribute. A fundamental difference between historiography of the Soviet and pre-revolutionary period, which is to determine essence of the tax-tribute as feudal rent, is detected. It is concluded that there is the lack of research in the historiography such problem as definition of the individuals who collected taxes-tributes.

Поступила 21.12.2012 г.

УДК [930.2(476)]

Сяргей Токць (Гродна, Беларусь)

ПАРАДЫГМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Паняцце «навуковая парадыгма» першым выкарыстаў у сваёй вядомай працы «Структура научных революций» (1962) амерыканскі гісторык навукі Томас Кун [4], які разглядаў яе ў якасці прызнанай навуковай супольнасцю мадэлі пастаноўкі і вырашэння навуковых праблем, сістэмы анталагічных пастулатаў, утвараючых пэўную карціну свету. Інакш кажучы, калі канкрэтны даследчык выбірае пэўную праблему і метадалогію яе вырашэння, дык абапіраецца пры гэтым і на нейкае пэўнае ўяўленне аб карціне свету, а ядро, ці матрыца, даследчыцкай праграмы вызначае, якія праблемы ў прынцыпе падлягаюць вывучэнню, а якія не маюць ніякага сэнсу ў рамках дадзенай праграмы. Гістарычнае развіццё навуковай дысцыпліны, паводле канцэпцыі Куна, палягае на пераходзе ад адной пануючай пэўны час парадыгмы да наступнай, што і выступае сутнасцю навуковых рэвалюцый [3].

Як піша польскі метадолаг гістарыяграфіі Ян Паморскі, у метадалагічных працах тэрмін «парадыгма» звычайна ўжываецца ў наступных сэнсавых кантэкстах: 1) як сінонім «навуковай супольнасці» ў кунаўскім значэнні гэтага тэрміна; 2) як матрыца дысцыпліны, ці сімвалічныя генералізацыі, анталагічныя перакананні і эўрыстычныя правілы, каштоўнасці, які складаюць вызнаваны прыхільнікамі дадзенай парадыгмы ідэал навукі, а таксама ўзорныя прыклады вырашэння навуковых праблем; 3) у гнасеалагічным сэнсе, як спосаб бачання свету, характэрны для дадзенай навуковай супольнасці; 4) як збор метадалагічных правілаў і парадаў, якія кіруюць канкрэтнай даследчыцкай практыкай у рамках дадзенай навуковай супольнасці [12, s. 33].

Сваю канцэпцыю Томас Кун у першую чаргу прымяркоўваў да аналізу развіцця дакладных, прыродазнаўчых навук, але таксама лічыў яе прыдатнай і да вывучэння гістарыяграфіі (ён нават удзельнічаў у адмысловым навуковым семінары, прысвечаным гэтаму пытанню [12, s. 34]). У сацыяльна-гуманітарных навуках паняцце парадыгмы ўключае ў сябе: прыняцце нейкай агульнай карціны свету; прызнанне некаторых асобых агульных прынцыпаў абгрунтаванасці і даставернасці ведаў адносна сацыяльных з'яў і працэсаў; прыняцце пэўнага кола праблем, якія падлягаюць ці не падлягаюць даследаванню ў рамках дадзенай парадыгмы. Напрыклад, даследчыкі сацыялагічнай тэорыі ў большасці сыходзяцца на тым, што сацыялогія з'яўляецца поліпарадыгмальнай навуковай дысцыплінай. Інакш кажучы, у яе рамках адначасова функцыянуе некалькі канкурыруючых тэарэтычных парадыгмаў і, адпаведна, некалькі супольнасцей даследчыкаў, якія падзяляюць агульныя прынцыпы і пастулаты, характэрныя для пэўнай парадыгмы. Напрыклад, вядомы амерыканскі тэарэтык Джордж Рытцэр вылучае тры асноўныя метапарадыгмы ў сацыялогіі: сацыяльных фактаў, сацыяльных канструкцый і сацыяльных паводзін, кожная з якіх сцвярджае ўласную анталогію сацыяльнага свету, а таксама і метадалогію яго даследавання [7, с. 571–572]. Праблема, аднак, заключаецца ў тым, што сярод тых жа даследчыкаў сацыялагічнай тэорыі няма згоды наконт парадыгмальнай структуры ўласнай дысцыпліны і кожны амаль вылучае сваю ўласную версію.

Ці можна весці дыскусію пра парадыгмальную структуру сучаснай гістарычнай навукі? Многія даследчыкі гістарыяграфіі выкарыстоўваюць у сваіх працах альбо сам тэрмін парадыгма, альбо іншыя паняцці – школа, накірунак, гістарычны светапогляд, якія ў прынцыпе маюць у іх даследваннях значэнне, блізкае да кунаўскага разумення тэрміна «парадыгма». У прынцыпе большасць аўтараў сыходзіцца на тым, што першай навуковай парадыгмай у гістарыяграфіі можна лічыць гістарызм, які сфарміраваўся найперш у Германіі, а галоўную ролю ў яго станаўленні адыграў заснаваны ў 1810 г. Берлінскі ўніверсітэт. У той час гістарыяграфія стала акадэмічнай навуковай дысцыплінай, а яе выбітныя прадстаўнікі, а ў першую чаргу Леапольд фон Ранке, імкнуліся ў сваіх даследаваннях адпавядаць дамінуючым тады прынцыпам навуковасці. Вядомы даследчык еўрапейскай гістарыяграфіі Джордж Іггерс назваў гістарызм «гістарычным светапоглядам» [8, s. 21], а брытанскі аўтар Дональд Келлі ўпрост выкарыстаў адносна яго тэрмін «парадыгма» [9, s. 196].

Таксама большасць даследчыкаў пагаджаецца з тым, што сапраўды рэвалюцыйны пераварот у гістарыяграфіі XX ст. быў звязаны з развіццём знакамітай французскай школы «Анналаў…», а таксама і розных іншых кірункаў, якія цяпер часта аб'ядноўваюць пад назвай «новая» гісторыя. Гэты пераварот атаясамліваўся з адмовай ад традыцыйнай апісальнай школы гістарызму, зваротам ад даследавання падзей да даследавання структур. І вось тут ужо сярод даследчыкаў гістарыяграфіі пачынаюцца спрэчкі, якія часта могуць проста заблытаць звычайнага гісторыка-эмпірыка, які адгукнуўся на заклік сваіх калег метадолагаў і вырашыў заняцца

метадалагічнай самаадукацыяй. Напэўна, найбольш ясную і пераканаўчую канцэпцыю выклаў Джордж Іггерс у сваёй працы «Гістарыяграфія XX стагоддзя» [8]. Ён вылучаў у развіцці еўрапейскай гістарыяграфіі пасля закату эры дамінацыі гістарызму такія галоўныя накірункі, як школа «Анналаў…», марксісцкая школа і школа нямецкай сацыяльнай гісторыі. Як піша польскі метадолаг Ян Паморскі, у амерыканскай гістарыяграфіі, якая развівалася незалежна ад еўрапейскай і паводле сваіх унутраных тэндэнцый, выявілася яшчэ большая шматстайнасць школ і накірункаў: «сацыяльная навуковая гісторыя», «новая эканамічная гісторыя», «новая палітычная гісторыя», вусная гісторыя і г. д. [11, s. 79–110].

Ужо на мяжы 1960–70-х гадоў вышэйакрэсленыя пануючыя кірункі еўрапейскай гістарыяграфіі, якія часта аб'ядноўвалі пад агульнай назвай «сацыяльная гісторыя», пачалі адчуваць выразныя праявы крызісу, асабліва пад ударамі постмадэрнісцкай крытыкі, што паставіла пад пытанне прэтэнзіі гісторыкаў на навуковасць. Рэакцыяй на гэтыя крызісныя з'явы стала зараджэнне італьянскай мікрагісторыі, нямецкай гісторыі штодзённасці і іншых новых накірункаў. Гісторыкі таксама пачалі актыўна цікавіцца метадалагічнымі падыходамі культурантраполагаў, а ў першую чаргу – працамі амерыканскага даследчыка Кліффарда Гірца [2] і яго метадам «шчыльнага апісання». У выніку пачаліся спробы стварэння новага кірунку – антрапалагічнай гісторыі.

Некаторыя даследчыкі сучаснай гістарыяграфіі якраз схільны бачыць у яе развіцці ў другой палове XX ст. працэссы фарміравання дзвюх асноўных тэарэтычных парадыгмаў гістарычнай навукі – сацыяльнай гісторыі і антрапалагічнай гісторыі. Для парадыгмальнай матрыцы сацыяльнай гісторыі стала характэрным уяўленне пра структурыраваны характар даследуемай гісторыкам рэчаіснасці і вынікаючы адсюль жа дэтэрмінізм у развіцці гістарычных працэсаў. З эпістэмалагічнага пункту гледжання для гэтага падыходу характэрны дагмат пошуку Ісціны (праўды) і пастулат аб'ектыўнага, згоднага з прынцыпамі пазітывісцкага сцыентызму пазнання гістарычных з'яваў. Тэорыя для сацыяльнага гісторыка ўтварае рамкі даследавання і звычайна запазычваецца з сацыяльных навук (напрыклад, Тэорыя мадэрнізацыі), асноўнымі метадамі даследавання становяцца кампаратывістыка і квантыфікацыя, а прадметам даследавання – вялікія сацыяльныя групы [10, s. 190].

Для парадыгмальнай матрыцы антрапалагічнай гісторыі, у сваю чаргу, характэрны анталагічны плюралізм: даследуемая рэчаіснасць няспынна канструюецца ў мностве культур. З эпістэмалагічнага пункту гледжання найважнейшая роля адводзіцца мове, а мінулае гісторыку трэба проста паспрабаваць зразумець як іншую культуру. Пошукі аб'ектыўнай ісціны ўяўляюцца ў рамках гэтай парадыгмы пазбаўленымі ўсялякага сэнсу. Папулярнымі даследчымі метадамі з'яўляюцца «шчыльнае апісанне» Кліффарда Гірца, тэарэтычныя падыходы французскіх аўтараў П'ера Бурдзьё і Мішэля Фуко [10, s. 191].

Лёгка заўважыць, што парадыгма антрапалагічнай гісторыі ўспрыняла многія постмадэрнісцкія ідэі, а галоўная ўвага ў рамках гэтай парадыгмы звернута на даследаванне шырока зразумелай культуры. Неўзабаве таксама з'явіўся і сам тэрмін «новая культурная гісторыя», які ўвайшоў ва ўжытак у канцы 1980-х гадоў. Пад такой назвай выйшаў у свет зборнік навуковых прац, складзены амерыканскім гісторыкам Лінн Хант. Як піша Пітэр Бэрк, сёння новая культурная гісторыя з'яўляецца асноўнай формай культурнай гісторыі, а, магчыма, і гісторыі ўвогуле. Адна з галоўных рыс парадыгмы «новай культурнай гісторыі» на думку дадзенага аўтара – гэта тэарэтычнасць, імкненне тлумачыць самыя розныя праблемы і з'явы [1].

У апошнія дзесяцігоддзі ў гістарыяграфіі назіраецца відавочны трэнд на збліжэнне сацыяльнай і антрапалагічнай гісторыі ў рамках сацыяльна-культурных падыходаў. Але гэта зусім не просты і далёка не беспраблемны шлях. У 1970–80-я гады пад сацыяльнай гісторыяй разумелі такую форму гістарычнага даследавання, у цэнтры ўвагі якой знаходзіліся сацыяльныя групы, іх узаемаадносіны, іх роля ў эканамічных і культурных структурах і працэсах. Сацыяльныя гісторыкі выкарыстоўвалі ў сваіх працах пераважна тэорыі сярэдняга ўзроўню, запазычаныя з сацыяльных навук, і колькасныя метады [5, с. 61]. У той час праводзілася даволі жорсткая палеміка паміж тэарэтыкамі сацыяльна-структурнай гісторыі і гістарычнай антрапалогіі: «…сложилась ситуация отнюдь не мирного сосуществования двух парадигм: социально-структурной истории и антропологически ориентированной социально-культурной истории» [5, с. 43]. І тут, натуральна, існавалі вельмі сур'ёзныя праблемы тэарэтыка-метадалагічнага характару, пра што выказваўся вядомы нямецкі гісторык Юрген Кокка: «Как убедительно соединить социальную и культурную историю, но при этом не получить ни социальную историю, в которой нет культуры, ни легковесный культурализм, – вот один из тех больших вопросов, над которым стоит поломать голову» [3, с. 118].

Тым не менш, як сцвярждае расійскі гісторык Ларана Рэпіна: «Если на рубеже 1970–1980-х гг. в дискуссиях историков основной акцент делался на противопоставление исторической антропологии и социологизированной истории, то к середине 1980-х ситуация изменилась в пользу комбинации двух познавательных стратегий. Стало очевидным, что для исторического объяснения недостаточно выяснить те представления и ценности, которыми люди руководствовались или могли руководствоваться в своей деятельности. Задача состояла в том, чтобы выявить факторы, определявшие содержание и изменение этих представлений и ценностей» [6, с. 243]. У метадалагічным плане гэта знайшло адлюстраванне ў камбініраваным выкарыстанні сістэмна-структурнага (структурна-нарматыўнага) і сацыякультурнага (фенаменалагічнага,

інтэрпрэтатыўнага ці канструктывісцкага) даследчыцкіх падыходаў. У сацыяльнай гісторыі адбываецца пераход ад сацыяльна-структурнай да сацыяльна-культурнай гісторыі, звязаны з распаўсюджаннем метадаў культурнай антрапалогіі, сацыяльнай псіхалогіі, лінгвістыкі, фарміраваннем цікавасці да мікрагісторыі, вяртаннем ад аналізу пазаасабовых структур да вывучэння індывіда і асобных жыццёвых сітуацый [6, с. 249]. Нараджаецца «новая сацыяльная гісторыя», якая вылучыла задачу «интерпретации прошлого в терминах социальности, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними» [5, с. 62].

У гэтай новай сацыяльнай гісторыі базавыя канцэпцыі сацыяльнай структуры, культуры і індывіда ўжо не разглядаюцца і разумеюцца як асобныя анталагічныя існасці, але як узаемазвязаныя аспекты ці вымярэнні сацыяльнага ўзаемадзеяння і паводзін людзей: «…социальная история в ее новейшем модусе, ориентированная на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, превратилась в своей основе в историю социокультурную» [5, с. 62]. Напрыклад, Марцін Дзінгес прапанаваў уласную версію «новай культурнай гісторыі» і вылучыў ідэю, што культура выступае своеасаблівым медыумам, які ўспрымае ўздзеянні з боку іншых сфер грамадства (эканамічнай, сацыяльнай, палітычнай, рэлігійнай) і іх структурыруе [3, с. 105]. Свой даследчы праект ён назваў «культурнай гісторыяй штодзённасці», а галоўнай тэарэтычнай пасылкай абраў тэорыю «стыляў жыцця», распрацаваную на грунце сацыялагічных паняццяў «стыляў паводзін». Стылі жыцця, на думку Дзінгеса, можна вызначыць як «структурированные во времени и пространстве модели образа жизни, которые зависят от ресурсов (материальных и культурных), от типа семьи и хозяйства, а также от ценностных установок» [3, с. 105].

Як сцвярджае Ларана Рэпіна, пераарыентацыя сацыякультурнай гісторыі ад сацыяльнай гісторыі культуры да культурнай гісторыі сацыяльнага прадугледжвае канструяванне сацыяльнага быцця праз культурныя практыкі, магчымасці якіх вызначаюцца і абмяжоўваюцца практыкамі штодзённых адносін. Галоўная задача даследчыка заключаецца ў тым, каб паказаць, якім чынам суб'ектыўныя ўяўленні, думкі, здольнасці і жаданні індывідаў рэалізуюцца ў прасторы магчымасцей, абмежаванай аб'ектыўнымі, створанымі папярэднімі культурнымі практыкамі калектыўнымі структурамі. Гісторык, які арыентуецца на сацыякультурны падыход, павінен перш за ўсё уявіць, як людзі паводзілі ў мінулым сябе адносна іншых у рэальных сітуацыях жыццёвых зносін, прычым у самых розных абставінах шырокага спектра – ад нармальных ад анамальных [6, с. 252].

Гэтая пераарыентацыя, як нам уяўляецца, сталася сёння актуальнай і для беларускіх гісторыкаў. Бурлівыя дыскусіі паміж прыхільнікамі розных парадыгмаў вывучэння мінулага ў заходняй гістарыяграфіі не выклікалі асаблівага рэзанансу ў нашай навуковай супольнасці. Між тым дадзеная праблема, на наш погляд, з'яўляецца не такой ужо абстрактнай і далёкай ад эмпірічнай даследчыцкай практыкі, як гэта можа падавацца на першы погляд. Вельмі цікавым уяўляецца ідэнтыфікацыя «навуковых супольнасцей» (у кунаўскім значэнні гэтага тэрміна) сярод беларускіх даследчыкаў паводле такіх крытэрыяў, як канцэптуалізацыя прадмета даследавання, выкарыстанне explicite акрэсленай тэорыі, выкарыстанне квантыфікацыі, пабудова мадэляў, арыентацыя на тлумачэнне, пастаноўка і спраўджванне гіпотэз, спосаб пабудовы наратыву і г. д. Зрэшты, гэта найперш выступае заданнем для метадолагаў, якія павінны больш актыўна даследаваць працы менавіта беларускіх аўтараў. Але і кожны гісторык-эмпірык таксама з'яўляецца адначасова і метадолагам, а рэфлексія над уласным даследчыцкім варштатам ёсць неабходная умова яго творчага развіцця.

ЛІТАРАТУРА

1. Берк, Питер. Историческая антропология и новая культурная история / Питер Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – С. 64–91.

2. Гирц, К. Интерпретация культур / Клиффорд Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004.

3. Дингес, М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» / М. Дингес // Одиссей. Человек в истории. – М., 2000. – С. 96–124.

4. Кун, Томас. Структура научных революций / Томас Кун. – М. 1975.

5. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Круг, 2011.

6. Репина, Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004.

7. Ритцер, Джордж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер. – СПб.: Питер, 2002.

8. Iggers, G. G. Historiografia XX wieku / G. G. Iggers. – Warszawa: PWN, 2010.

9. Kelley, D. R. Granice historii. Badanie przeszłości w XX wieku / D. Kelley. – Warzsawa: PWN, 2009.

10. Kurkowska-Budzan, M. Historia zwykłych ludzi: Współczesna angielska historiografia dziejów społecznych / M. Kurkowska-Budzan. – Kraków, 2003.

11. Pomorski, J. Historyk i metodologia / J. Pomorski. – Lublin: UMCS, 1991.

12. Pomorski, J. Paradygmat «New Economic History». Studium z teorii rozwoju nauki historycznej / J. Pomorski. – Lublin: UMCS, 1995.

Сергей Токть

ПАРАДИГМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Резюме

Понятие научной парадигмы активно используется в методологии истории. В современной историографии можно выделить несколько парадигм. Обычно исследователи выделяют парадигмы социальной истории и исторической антропологии. В последние годы все более популярным становится социально-культурный подход.

Siarhej Tokts

PARADIGMATIC STRUCTURE OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Summary

The notion of a scientific paradigm is widely used in the methodology of history nowadays. Modern historiography has several scientific paradigms. Usually researchers select the paradigm of social history and historical anthropology. In recent years more and more popular was a socio-cultural approach.

Паступіў 20.12.2012 г.

УДК 94(470+571:44)«1812»:930.1(476)

Елена Филатова (Минск, Беларусь)

ВОЙНА 1812 г. В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Политическая и военная история западных губерний Российской империи конца XVIII – начала XIX в. в советское время мало исследованы. Однако за последние 20 лет не только российская, польская, но и белорусская историография значительно изменились.

К 150-летию войны 1812 г. в Беларуси была издана монография Е. Корнейчика [6], который в основном уделил внимание военным действиям между французской и русской армиями на территории Беларуси, партизанскому движению на территории Беларуси и в некоторой степени затронул деятельность французских оккупационных властей. Долгое время эта работа была единственной по данной проблеме.

С начала 1990-х годов историю войны 1812 г. начали исследовать довольно интенсивно [1–24]. Кроме традиционного изучения боевых операций воюющих сторон исследовали и другие акспекты войны: деятельность временного профранцузского правительства, участие высшего сословия западных губерний на стороне Наполеона, пересмотрели взгляды на партизанское движение, отношение населения к войне и т. д.

Можно выделить следующие основные направления исследований.

1. Практически каждая монография и диссертация останавливается на историографии, есть и отдельные разделы в историографических работах [4, 5, 7, 15, 21, 24].

2. Изучение различных аспектов военной истории (для нашей территории: отступление и наступление армий, бои под Миром, Островно, Березиной и др.) [9, 14, 15, 24]. Так же военно-политические аспекты войны рассмотрены в работах, посвященных разведке и планам России и Франции накануне войны и во время войны [3, 4, 8, 11, 17, 20, 24].

О. Яновский в предисловии в книге, в которой опубликованы проекты польского генерала М. Сокольницкого, обращает внимание на то, что все его усилия «нельзя расценивать иначе как представления патриота-поляка о путях и средствах возрождения польской государственности. Поэтому, умышленно унижаясь и лебезя перед сильным, поступаясь честью офицера и поляка (чего стоит призвание на свои земли внешних сил и дележ с ними национального достояния), М. Сокольницкий вынужден склонить свою голову перед возможным избавителем… от российского владычества» [17, с. 9].

3. Уделено внимание биографиям участников войны 1812 г., не только русских, но и французов. Пересмотрена оценка роли императоров: российского – Александра I и французского – Наполеона, через призму использования западных губерний для осуществления внешней политики [3, 5, 13, 14]. Так, А. Ерошевич писал, что Александр I подчинил «польскую проблему» решению главных внешнеполитических задач Российской империи. Он проводил непоследовательную и противоречивую политику заигрывания с аристократией и шляхетскими кругами этих губерний. В целом считает А. Ерошевич, в зависимости от общественно-политического и международного положения, Александр I проводил гибкую политику в западных губерниях, приспосабливался к новым социально-экономическим и общественно-политическим явлениям, использовал земли бывшей Речи Посполитой в целях укрепления международного престижа Российской империи и своих личных амбиций [3, с. 96].

4. Возможно, менее всего исследователи обращали внимание на социально-экономическую жизнь общества белорусско-литовских губерний накануне, во время и после войны. Такого рода тематика была популярна в советское время. Можно отметить в данном направлении только диссертацию Ю. Литвиновской [7] и работу А. Самовича о военнопленных наполеоновской армии [16].

5. Изучена история конфессий и участие духовенства католической, униатской и православной церквей в войне 1812 г. [7].

6. Привлекает внимание и разработка тематики, посвященная поискам кладов на территории Беларуси. Интерес вызывают монографии И. Груцо [1, 2], которые читаются как интересный исторический детектив. Они основаны не только на процессе поиска кладов, но и на комплексе исторических документов. Автор считает, что «разработка версии местонахождения любого клада позволяет восстановить историческое прошлое, и в этом его главное, а не побочное значение» [2, с. 440].

7. Новым является и изучение состояния памяников, посвященных войне 1812 г. [10, 24].

8. Обращают на себя внимание и отдельные работы краеведов, посвященные конкретному региону. Так, В. Лякин уделил внимание деятельности корпуса Ф. Эртеля на Мозырщине в годы войны [12, 13].

9. Полемика о названии войны.

Споры, называть ли войну 1812 г. «Отечественной» на территории белорусско-литовских губерний в российской историографии началась еще в конце 1980-х годов, а в белорусской – в начале 1990-х го-

дов. Так, российский исследователь Н. Троицкий писал, что термин «Отечественная» применительно к войне 1812 г. был введен в научный обиход А. И. Михайловским-Данилевским в 1839 г., и что до него никто из историков ни в каком исследовании «Отечественной» войну 1812 г. не называл [19]. В своем исследовании А. Ерошевич поддержал эту точку зрения [5]. Об этом свидетельствует ряд работ, изданных после войны (Ахшарумов Д. И. Описание войны 1812 года. Спб., 1819; Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. Спб., 1823–1824. Ч. 1–2; Окунев Н. А. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. Спб., 1833; Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Спб., 1839).

В. Швед и С. Донских отмечали, что вопрос об участии белорусов в войне 1812 г. был очень популярен в начале 1990-х годов, когда белорусский читатель впервые узнал, что белорусы сражались не только в российской армии, но и на французской стороне. По подсчетом авторов в наполеоновских войнах принимали участие приблизительно 32 тыс. жителей Литовско-Гродненской губернии. Из них 83% служили в российской армии и 17% – на стороне Наполеона [24, с. 221, 222]. Однако после споров первой половины 1990-х годов эта полемика заглохла и каждый исследователь решал для себя, каким названием ему пользоваться, о чем свидетельствует и список литературы.

В связи с 200-летним юбилеем войны возобновилась и старая полемика, которая нашла отражение в белорусской и российской историографии. Споры, которые идут не только в белорусской, но и в российской историографии, не всегда корректны.

На сайте http: // zapadrus. su / 2012-04-11-14-59-43. html можно ознакомиться с материалами конференции в Бресте 22 июня 2012 г. «Отечественные войны Святой Руси», посвященной «200-летнему юбилею Отечественной войны 1812 г.». В значительной степени выступления на этой конференции посвящены философско-православному осмыслению понятия «Отечественная война» в истории вообще. Авторы в основном сделали ссылки на работы такого же плана. Нет упоминаний о современных белорусских исследованиях этой войны, а их около 20 только диссертаций и монографий, а также разделы в коллективных работах, сборники статей и документов, публикации в журналах и газетах. В основном и современная российская историография по войне 1812 г. не обращает внимания на наши исследования или они не доходят до российских историков. Забытыми остались и дореволюционные исследования, сборники документов, переписка, многочисленные воспоминания участников событий 1812 г. И в ряде случаев исследования по войне 1812 г., написанные в дореволюционное время, более объективны, чем современные исследования.

Сохраняются и публикуются различные точки зрения, что не мешает дальнейшему исследованию этой проблемы и патриотическому воспитанию молодежи, которой эта война интересна не в учебниках и научных исследованиях, а в деятельности исторических клубов и ролевых играх.

Война 1812 года как историографическая проблема остается столь же дискуссионной, сколь и актуальной. Меняются времена и подходы к проблеме, но по-прежнему на оценку этой войны влияют как объективные, так и субъективные мотивы. К сожалению, встречаются дилетантские публикации, авторы которых не интересуются архивными и опубликованными источниками. Однако наряду с такими работами есть все же интересные исследования, содержащие новые подходы к данной проблеме.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Груцо, И. А. Судьба московских трофеев Наполеона в Отечественной войне 1812 года / И. А. Груцо. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2004. – 187 с.

2. Груцо, И. А. Сокровища Наполеона / И. А. Груцо. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 496 с.

3. Ерашэвіч, А. Палітычныя праекты адраджэння Рэчы Паспалітай і Вялікага княства Літоўскага ў палітыцы расійскага царызму напярэдадні вайны 1812 г. / А. Ерашэвіч // Гіст. альманах. – Гародня, 2002. – Т. 6. – С. 84–96.

4. Ерашэвіч, А. У. Вайна 1812 г. і Беларусь / А. Ерашэвіч // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII пачатку XX ст. : праблемы, здабыткі, перспектывы. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – С. 108–130.

5. Ерашэвіч, А. У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.) : дыс.... канд. гістар. навук : 07.00.02 / А. У. Ерашэвіч. – Мінск, 2003. – 106 л.

6. Корнейчик, Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г. / Е. Корнейчик. – Минск : Госиздат БССР, 1962. – 134 с.

7. Литвиновская, Ю. И. Беларусь в войне 1812 года : социально-экономический аспект : дыс.... канд. гіст. навук : 07. 00. 02 / Ю. И. Литвиновская. – Минск, 2004.

8. Лукашевич, А. М. Белорусские земли как вероятный театр военных действий. Изучение, инженерная и топографическая подготовка (70-е годы XVIII в. – 1812 г.) / А. М. Лукашевич. – Минск : БГУ, 2010. – 319 с.

9. Лукашэвіч, А. М. Беларусь напярэдадні і ў час вайны 1812 г. : вучэб.-метад. комплекс / А. М. Лукашэвіч. – Мінск : БДУ, 2004. – 291 с.

10. Лукашевич, А. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси / А. Лукашевич. – Минск : Харвест, 2021. – 288 с.

11. Лукашевич, А. М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810 – 1812 гг.) / А. М. Лукашевич // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе : материалы Междунар. науч. конф. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2002. – С. 46–59.

12. Лякин, В. А. Гроза двенадцатого года над Полесьем / В. А. Лякин. – Минск : «Четыре четверти», 2009. – 208 с.

13. Лякин, В. Мозырь в 1812 году : ист. хроника / В. Лякин. – Минск : БелСОЭС «Чернобыль», 2005. – 208 с.

14. Мазинг, Г. Ю. Березина, год 1812-й / Г. Ю. Мазинг, Л. Ф. Ерусалимчик. – Минск : Полымя, 1991. – 127 с.

15. Несцярчук, Л. М. Баявыя дзеянні 3-й Заходняй рускай арміі ў Айчынную вайну 1812 года на тэрыторыі Беларусі : дыс.... канд. гістар. навук : 07. 00. 02 / Л. М. Несцярчук. – Мінск, 1996.

16. Самович, А. Л. Военнопленные наполеоновских войн в западных губерниях России / А. Л. Самович. – Минск : Минсктиппроект, 2008. – 87 с.

17. Сокольницкий, М. «Исполнено по высочайшему повелению…» / М. Сокольницкий. – Минск : БГУ, 2003. – 151 с.

18. Толеренок, С. В. Создание французскими оккупационными властями государственных структур ВКЛ (1812 год) / С. В. Толеренок. – Минск : ИСПИ, 1998. – 19 с.

19. Троицкий, Н. А. Современная историография Отечественной войны 1812 г. Новое в научной полемике и этике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www/sgu.ru/files/wodes/9869/08.pdf. – Дата доступа : 17. 10. 2012.

20. Філатава, А. Пытанне дзяржаўнасці ў геапалітычных працэсах і грамадскім жыцці беларускалітоскіх зямель (канец XVIII – сярэдзіна 60-х гадоў XIX ст.) / А. Філатава, М. Смяховіч // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII пачатку XXI ст. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 196–226.

21. Філатава, А. М. Беларускія землі ў палітычных падзеях канца XVIII – XIX ст. : калейдаскоп гістарыяграфічных контраверсій / А. М. Філатава, В. В. Яноўская // На шляху станаўлення беларускай нацыі : гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – С. 106–139.

22. Французска-руская вайна 1812 года : Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд : Матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 лістап. 2002 г. / адк. рэд. К. І. Козак, В. В. Швед. – Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2003. – 269 с.

23. Французская рэвалюцыя і лёсы свету : Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. гадавіне Французскай рэвалюцыі (1789–1799 гг.), Мінск, 21–22 крас. 1999 г. / пад рэд. У. С. Кошалева, У. Н. Сідарцова. – Мінск : БДУ, 1999. – 348 с.

24. Швед, В. В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў / В. В. Швед, С. У. Данскіх. – Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы, 2006. – 252 с.

Алена Філатава

ВАЙНА 1812 г. У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Рэзюмэ

Артыкул прысвечаны сучаснай беларускай гістарыяграфіі па гісторыі вайны 1812 г. Вылучаны асноўныя накірункі праведзеных даследаванняў. Дадзеная праблема і ў наш час застаецца як актуальнай, так і дыскусійнай, бо зберагаюцца і друкуюцца розныя пункты гледжання на яе.

Alena Filatava

THE WAR OF 1812 IN THE MODERN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary

The article is devoted to the modern Belarusian historiography of the history of the war of 1812. Main directions of research are highlighted. This problem in our time remains both relevant and debatable, as different points of view are published.

Поступила 21.12.2012 г.

УДК 930.1(476)

Алена Фірыновіч (Мінск, Беларусь)

ФАРМІРАВАННЕ «ДАКУМЕНТАЛЬНАГА КАПІТАЛУ» СЛАВЯНСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ПАЎСТАННЯ 1863–1864 гг.

Паўстанне 1863–1864 гг. закранула шэраг лёсавызначальных пытанняў, якія і сёння застаюцца актуальнымі ў гісторыі многіх народаў (беларусаў, літоўцаў, палякаў, украінцаў, рускіх). Ступень важнасці падзеі падкрэслівае гістарычная памяць аб ёй у шырокіх колах грамадскасці. Найбольш знакавыя даты, звязаныя з рэаліямі 1863–1864 гг., адзначаюцца навуковымі мерапрыемствамі, грамадскімі акцыямі ўшанавання памяці ўдзельнікаў падзей, выклікаюць бурныя абмеркаванні на інтэрнэт-форумах. Тым не менш сама праблема цалкам і асобныя яе складаючыя (палітычны, сацыяльна-эканамічны, культурны аспекты) вызначаюцца вялікай колькасцю супрацьлеглых ацэнак і падыходаў да іх, як на штодзённым (папулярным), так і на навуковым узроўні. Такая палярнасць выклікана многімі фактарамі. Немалаважную ролю сярод іх адыгрывае спецыфіка фарміравання дакументальнай базы ў гістарыяграфіі тэмы.

Комплекс крыніц па гісторыі паўстання 1863–1864 гг. назапашваўся паступова. У залежнасці ад дзяржаўнай унутрыпалітычнай і знешпалітычнай сітуацыі, запатрабаванняў грамадскасці, метадалагічных падыходаў гістарычнай навукі ў гэтым працэсе прысутнічалі як прагрэсіўныя (станоўчыя), так і рэгрэсіўныя (адмоўныя) з'явы. Аналіз ступені выкарыстання эмпірычных матэрыялаў і іх інтэрпрэтацыі ў тэматычных даследаваннях дазваляе вылучыць пяць храналагічных этапаў фарміравання «дакументальнага капіталу» праблемы і прынцыпаў яе выкладання: 1) другая палова XIX – пачатак XX ст.; 2) 1920–50-я гады; 3) 1960-я гады; 4) 1970–80-я гады; 5) 1990-я гады – пачатак XXI ст.

Другая палова XIX – пачатак XX ст. характарызуецца адсутнасцю дакладных спасылак, аднапланавым выбарам корпусу дакументаў урадавага ці паўстанцкага паходжання, перавагай палітычных перакананняў і жыццёвых пазіцый аўтараў над навуковымі заключэннямі. У выніку ў польскамоўных публікацыях пераважаюць паўстанцкая публіцыстыка, справаводчая дакументацыя палітычных партый, успаміны ўдзельнікаў паўстанцкага руху, а ў рускамоўных – матэрыялы афіцыйнага справаводства дзяржаўнага апарату Расійскай імперыі, тагачасная перыёдыка і ўспаміны вышэйшага кіраўніцтва. Прывядзём яскравы прыклад гэтага з базы крыніц даследаванняў А. Гілера (польскага грамадска-палітычнага дзеяча) і В. Ратча (расійскага дарэвалюцыйнага даследчыка). Так, А. Гілер у дадатках да «Гісторыі паўстання польскага народу ў 1861–1864 гг.» апублікаваў вялікую колькасць арыгінальных крыніц. У першым томе ён цалкам падаў змест «Лістоў з-пад шыбеніцы», у другім змясціў 26 дакументаў наступнага характару: адрасы ад імя польскага ўрада, насельніцтва, Андрэя Замойскага, папы Пія IX да цара Аляксандра II, дэкрэты, пастановы, інструкцыі і адозвы паўстанцкага кіраўніцтва да народу, урадаў Еўропы і г. д. [16, с. 340–370]. У даследаванні В. Ратча пераважна сустракаюцца цытаты і спасылкі на цыркуляры, распараджэнні, інструкцыі М. Мураўёва за май 1863 – люты 1864 г., рапарты, справаздачы і ведамасці членаў дзяржаўных органаў расійскай адміністрацыі [12]. Хаця ў яго асабістым фондзе ў Расійскай Нацыянальнай бібліятэцы (Санкт-Пецярбург) прысутнічаюць копіі, літаграфіі, асобныя нумары, вытрымкі польскай нелегальнай перыёдыкі, агітпрадукцыі. Нават Г. Кісялёў, які з беларускіх навукоўцаў найбольш поўна прапрацаваў рукапісны збор В. Ратча, здзіўляўся наяўнасці надзвычай «багатай калекцыі дакументаў т. зв. Літоўскага правінцыяльнага камітэта» [7, с. 128].

Такая абмежаваная выбарка дакументальнага комплексу з'яўляецца даволі тыповай для выданняў другой паловы XIX – пачатку XX ст., што тлумачыцца ідэйным супрацьстаяннем у напісанні гісторыі паўстання 1863–1864 гг. Яркую карціну гэтай барацьбы на навуковым узроўні дэманструе выказванне А. Мілавідава: «…вековая борьба русской и польской народности в Северо-Западном крае переходит преимущественно на культурную почву и важнейшим ее орудием становятся школа, книга, наука. В частности, к решению о правах на обладание краем призывается также наука историческая, и люди враждебных лагерей призывают к ответу вещественные и письменные памятники старины…» [5, с. XIII].

Аднабаковае прадстаўніцтва дакументальнага корпуса значна паўплывала на спектр аналізаваных праблем і інтэрпрэтацыю паўстання 1863–1864 гг. Польскі бок імкнуўся паказаць гераізм сваіх суайчыннікаў у «нацыянальна-вызваленчай барацьбе супраць Расійскай імперыі» [17, 18]. Расійскія гісторыкі ў якасці галоўнага аб'екта даследавання абралі сістэму кіравання, а ў якасці мэты – апраўданне яе рэакцыйнасці ў дачыненні да «Паўночна-Заходняга Краю» [4, 12].

У сувязі са знешнімі абставінамі і ўнутрыпалітычнай сітуацыяй у Расійскай імперыі (рэвалюцыі, Першая сусветная вайна) другі перыяд на-

запашвання тэматычнай базы крыніц пачынаецца з невялікім храналагічным адрывам. Ён ахоплівае 1920–50-я гады і вылучаецца пашырэннем кола выкарыстоўваемых крыніц дакументамі ведамасных інстанцый польскага і расійскага ўраду, ужываннем асабістых архіваў сучаснікаў падзей (палітыкаў, літаратараў) і папярэдніх даследчыкаў, засяроджваннем увагі на падзеях 1863–1864 гг. менавіта ў беларуска-літоўскім рэгіёне, зараджэннем тэматычнай біяграфістыкі і рэгіяналістыкі, панаваннем класавага падыходу ў асвятленні сутнасці паўстання.

Згодна з бібліяграфічнымі спісамі тагачасных публікацый, аўтары (Я. Віткоўскі, У. Ігнатоўскі, Ф. Турук, І. Цвікевіч і інш.) актыўна выкарыстоўвалі дакументы з былога ЦДАКР (цяпер Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі ў Маскве) фонда 109 «Его Императорского Величества собственной канцелярии. Отделение III. О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях». Частку гэтых матэрыялаў супрацоўнікі Польскага сектара Інбелкульта апублікавалі ў зборніку дакументаў, сама назва якога падкрэслівала навуковыя прыярытэты 1920-х гадоў (рэгіяналістыка): «1863 г. на Міншчыне» [1]. Яго камплектацыя грунтавалася на даследчых задачах, і асноўны масіў крыніц прадстаўлены службовай перапіскай – рапартамі жандарскага штаб-афіцэра Мінскай губерні, ваенных начальнікаў і начальнікаў жандарскіх праўленняў Пінскага, Ігуменскага, Навагрудскага і іншых паветаў, данясеннямі Мінскага губернатара. Уведзены ў навуковы абыходак дакументальны комплекс па сваім паходжанні і разнастайнасці відаў не з'яўляўся наватарскім. Аднак яго ўнікальнасць заключалася ў сістэматызацыі крыніц па тэрытарыяльным прынцыпе, навізне іх інфармацыйнага патэнцыялу, які датычыўся непасрэдна беларускай тэрыторыі. Калекцыю копій выяўленых матэрыялаў Я. Віткоўскі стварыў у архіве Інбелкульта, на аснове якой базіраваліся ўсе пазнейшыя працы.

Нягледзячы на агульны факталагічны і дакументальны фундамент, аналітычныя заключэнні гісторыкаў па праблеме атрымоўваліся розныя. Адны з іх (У. Ігнатоўскі, Я. Віткоўскі, І. Цвікевіч), падкрэсліўшы наяўнасць рэгіянальных асаблівасцей падзей 1863–1864 гг., у рамках марксісцкай метадалогіі надалі ім характар «класавай барацьбы супраць паноў і нацыянальна-вызваленчай супраць царызму» [6], а ў правадыры «беларускай аграрна-саслоўнай рэвалюцыі» залічылі К. Каліноўскага [13]. Другія (С. Агурскі) працягвалі канстантаваць «шляхецка-клерыкальныя шавіністычныя асновы» рэалій 1860-х гадоў [2]. Прычына такіх яўных фальсіфікатаў, як адзначае сучасны беларускі даследчык Дз. Караў, крыецца ў тым, што «политический элемент в этих работах доминировал над целями научного исследования. Очень слабо и фрагментарно использовались источники» [10, с. 7]. Падобную ацэнку працам 1920-х гадоў даў В. Шалькевіч: «Характерная черта этих работ – сравнительно узкая источниковедческая база, недостаточная методологическая зрелость. Поэтому 20-е годы важны для нас не своими достижениями, а своими исканиями, постановкой многих проблем…» [14, с. 35].

У 1960-я гады назіраецца масавае ўзбагачэнне корпуса тэматычных матэрыялаў з архіваў Літвы, Польшчы, Расіі, часткова Беларусі, выданне зборнікаў дакументаў, комплекснае выкарыстанне розных відаў крыніц, прысутнасць максімума факталогіі і мінімума аналітыкі, падпарадкаванасць высноў матэрыялістычнаму падыходу.

У 1960-я гады сумеснымі намаганнямі польскіх і савецкіх гісторыкаў складзена 5 зборнікаў дакументаў з цэнтральных архіваў СССР, Польшчы, Літоўскай ССР і БССР. Гэта быў міжнародны археаграфічны праект паводле дамовы аб навуковым супрацоўніцтве паміж АН СССР і Польскай АН, падпісанай 28 сакавіка 1957 г. Выданнем серыі зборнікаў «Паўстанне 1863 г. Матэрыялы і дакументы» займалася спецыяльна створаная камісія, у склад якой увайшлі супрацоўнікі Інстытута славяназнаўства АН СССР В. Каралюк, І. Мілер, намеснік кіраўніка Галоўнага архіўнага праўлення МУС СССР Л. Якаўлеў. Польскі бок прадстаўлялі супрацоўнікі Інстытута гісторыі Польскай АН С. Кеневіч, Э. Халіч і адзін з кіраўнікоў Галоўнай дырэкцыі дзяржаўных архіваў Польшчы К. Канарскі. Крытэрыі і прынцыпы падбору матэрыялаў указваліся ў інфармацыйным лісце камісіі, дзе строга дэкларавалася, што «в центре внимания должны стать важнейшие проблемы развития прогрессивных идей, революционных связей польского народа и народов СССР, революционной борьбы масс, а не тот круг вопросов, который искуственно выпячивался дворянско-буржуазной националистической историографией Польши и России» [15, с. 276]. У выніку так і атрымалася. Першая публікацыя сфарміравана з дакументаў, якія адносяцца да ўнутрыпалітычнай сітуацыі на тэрыторыі Літвы і Беларусі ў 1861–1862 гг.; другая прысвечана руска-польскім сувязям канца 1850-х – пачатку 1860-х гадоў. У ёй найбольш поўна прадстаўлена агітацыйна-публіцыстычная літаратура рэвалюцыйных арганізацый. Перапіска намеснікаў Каралеўства Польскага склала змест трэцяга зборніка. Яго фундаментальнае значэнне самі аўтары акрэслілі як базу «для осмысления и оценки политики царизма по отношению к Польше, охваченной революцией» [9]. Чацвёрты зборнік закрануў грамадска-палітычныя рухі адпаведнага перыяду ва Ўкраіне. Пяты непасрэдна датычыўся паўстання 1863–1864 гг. у Беларусі і Літве. Сюды ж можна далучыць публікацыі мемуарных нататак удзельнікаў падзей 1863–1864 гг. Даследчыкі правялі грунтоўную пошукавую і археаграфічную працу. Апошняй надавалася вялікая ўвага, бо яна была распрацавана Г. Кісялёвым (кіраўнік адной з групы складальнікаў зборніка) «Памятка по археографической обработке документов серии сборников «Восстание 1863 г.» [15]. Аднак патрэбна адзначыць наяўнасць нераў-

намернасці асвятлення падзей і праблему адбору дакументаў, на якую звярталі ўвагу даследчыкі яшчэ ў 1960-я гады. Так, адзін з рэцэнзентаў серыі публікацый (М. Улашчык) зазначаў, што «событиям в Украине, где восстание было выражено слабее, посвящено 2 тома, в то время как центру восстания – Литве – один том» [15, с. 261].

Навуковыя казусы ўзнікалі і ў высновах гісторыкаў. Іх ацэнкі не адпавядалі інфармацыі апублікаваных крыніц, што выклікала неабходнасць карэкцыі наяўных канцэпцый і тэндэнцый. Тыповым стала пазбяганне многімі аўтарамі аналітычных заключэнняў наконт самых спрэчных пытанняў (сацыяльнага і нацыянальнага) у гісторыі падзей 1863–1864 гг. Тым не менш 1960-я гады сталі своеасаблівай мяжой у распрацоўцы праблемы. Менавіта ў гэты перыяд, як адзначаюць сучасныя гісторыкі, «…состоялось начало поворота к научному исследованию этих проблем (паўстання 1863–1864 гг. – *А. Ф.*). Наконец, исторические реконструкции начали опираться на достаточно широкий репрезентативный круг исторических источников» [10, с. 10–11]. Аднак марксісцкая метадалогія абумоўлівала канцэптуальны бок гістарыяграфічнай спадчыны вывучэння паўстання 1863–1864 гг. у беларуска-літоўскіх губернях. Надзвычай праўдападобную карціну тагачаснай гістарычнай навукі апісаў А. Мальдзіс у адной з прадмоў да паўторнага выдання ў 2009 г. працы Г. Кісялёва «Сейбіты вечнага»: «Памятаецца, што напачатку 1963 г. у Мінску прайшлі сціплыя юбілейныя сходы і навуковыя пасяджэнні. Атмасфера на іх была напружаная: каб не дай бог, нехта сказаў лішняе. А што магло быць лішняе, крамольнае? Характарыстыка паўстання не як сацыяльна-мужыцкага, а як нацыянальна-вызваленчага…» [8, с. 6].

1970–80-я гады вызначаюцца распрацоўкай комплексу статыстычных матэрыялаў, верыфікацыяй выяўленых збораў і іх перавыданнем, засяроджваннем увагі на дапаўняльнай функцыі інфармацыйных магчымасцей другасных дакументаў (фальклорныя, літаратурныя, навукова-папулярныя творы), разглядам сацыяльных аспектаў праблемы і пашырэннем яе біяграфічнага напрамку.

Упершыню грунтоўныя статыстычныя падлікі комплексу дакументаў ўліковага і вопіснага характару (алфавіты судовага аддзела аўдытарыяту Віленскай ваеннай акругі, Віленскай следчай камісіі, канфармацыйныя матэрыялы аўдытарыяцкага дэпартамента Ваеннага Міністэрства) правялі ў сваіх даследаваннях С. Байкова (Самбук) і В. Зайцаў. На думку навукоўцаў, аб'ектыўнасць выбраных крыніц заключалася ў мэце іх складання, а менавіта – для службовага карыстання, дзе фальсіфікацыя не была выгаднай, бо заблытвала б саміх жа службоўцаў. У той жа час адзначана непаўната даных некаторых спісаў. Тым не менш гэта адзіны від дакумента, які дазваляе правесці колькасныя разлікі. Абапіраючыся на атрыманыя лічбы, С. Байкова прыйшла да высновы, што «наиболее активной силой восстания 1863 г. на территории Белоруссии следует считать демократические слои города и деревни независимо от их сословия…» [3, с. 252].

Для сучаснага перыяду (1990-я гады–нашы дні) стан дакументальнага комплексу публікацый характарызуецца шэрагам якасных змяненняў. Па-першае, гісторыкі сталі больш абапірацца на першакрыніцы, корпус якіх значна пашырыўся дакументамі з беларускіх архіваў (НГАБ і НГАБГ). Публікацыі адрозніваюцца комплексным выкарыстаннем дакументаў рознага паходжання (афіцыйнага і апазіцыйнага), месца складання (унутранага і знешняга), адміністрацыйнага ўзроўню (губерні, павета, воласці), рознай сістэмы справаводства (ваеннай, дыпламатычнай, судова-следчай), галоснасці (сакрэтнай і несакрэтнай), што паўплывала на разгляд асноватворных аспектаў (сацыяльнага, рэлігійнага, узроставага, прафесійнага) праблемы з улікам спецыфікі беларуска-літоўскага рэгіёна. Па-другое, структура крыніц па спосабе фіксацыі дапоўнілася графічнавыяўленчымі матэрыяламі і фотадакументамі. Патрэцяе, інтэнсіўны прагрэс міждысцыплінарных падыходаў, асабліва выкарыстанне матэматычных мадэляў і колькасных метадаў, дазволіў найбольш аптымальна і карэктна выкарыстоўваць разнастайную дакументацыю ўліку – паліцэйскую, гарадскую, сельскую статыстыку. Гэта станоўча адбілася на распрацоўцы гісторыі рэпрэсій і палітыкі дэпартацыі. Па-чацвёртае, усведамленне гісторыкамі навуковай важнасці першакрыніц стварыла неабходны імпульс для інтэнсіфікацыі аналізу калекцый і месц іх захоўвання [11], выдання асобных дакументаў, зборнікаў і мемуараў [10].

Такім чынам, аналіз дакументальнай базы гістарыяграфіі паўстання 1863–1864 гг. сведчыць, што яна складвалася паступова – ад аднабаковага выкарыстання эмпірычных матэрыялаў да комплекснага падыходу ў іх верыфікацыі. Працэс замаруджвання карэктнага аналізу ўведзеных у навуковы абыходак крыніц залежыў ад вядучых метадалагічных падыходаў у гістарычнай навуцы і ад палітычных рэалій. Гэта абумовіла дыскусійнасць тэмы і наяўнасць ў ёй дыяметральна супрацьлеглых пазіцый: ад поўнага ігнаравання падзеі да вызначэння яе як апорнага пункту ў нацыятворчых працэсах беларускага народа.

ЛІТАРАТУРА

1. 1863 г. на Міншчыне (Материалы отдела III отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии) / Инбелкульт. Польский отдел. Историческая комиссия; собр. и обраб. Я. Витковский, О. Яневич, Л. Лех. – Минск : Инбелкульт, 1927. – Вып. 1. – 216 с.

2. Агурский, С. Х. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917) / С. Х. Агурский. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1928. – 348 с.

3. Байкова, С. М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии / С. М. Байкова // Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран). – М. : Наука, 1970. – С. 22–253.

4. Берг, Н. В. Записки Н. В. Берга о польских заговорах, 1831–1862 / Н. В. Берг. – М. : Изд-во «Русского архива», 1873. – 382 с.

5. Виленский временник / сост. : А. И. Миловидов. – Вильна : Губернская типография, 1913–1915. – Кн. 6 : Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию в пределах Северо-Западного края. В 2 ч. – Ч. 1. – 464 с.

6. Ігнатоўскі, У. 1863 год на Беларусі. Нарыс падзей / У. Ігнатоўскі // Зап. аддз. гуманіт. навук. Працы Ін-та гіст. навук. – Мінск : БелАН, 1930. – 274 с.

7. Кісялёў, Г. Старонкі вялікага жыцця / Г. Кісялёў // Полымя. – 1963. – № 1. – С. 127–140.

8. Кісялёў, Г. В. Сейбіты вечнага. Артыкулы пра беларускіх пісьменнікаў і дзеячоў рэвалюцыйнага руху 1863 г. / Г. Кісялёў. – Мінск : Медысонт, 2009. – 542 с.

9. Переписка наместников Королевства Польского в 1861 г. / под ред. С. Кеневича. – Вроцлав; Краков : Из-во ПАН, 1964 г. – С. XXII.

10. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863–1864 гг. : сб. документов / сост. Т. Ю. Афанасьев [и др.]; под ред. Д. В. Карева. – Брест : Академия, 2006 – 404 с.

11. Радзюк, А. Р. Фонды ваенна-павятовых начальнікаў як крыніца па гісторыі развіцця і падаўлення нацыянальна-вызваленчага руху падчас паўстання 1863–1864 гг. (па матэрыялах Гродзенскай губерні) / А. Р. Радзюк // Архіварыус : зб. навук.-папул. паведамл. і арт. – Мінск, 2010. – Вып. 8. – С. 17–182.

12. Ратч, В. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. В 2 т. / В. Ратч. – Вильна : Типография губернского правления, 1867–1868. – Т. 1. – 260 с.

13. Цьвікевіч, Ів. Кастусь Каліноўскі (к 60-ці годдзю яго смерці). Біяграфічна-гістарычны нарыс / Ів. Цьвікевіч // Полымя. – 1924. – № 2. – С. 3–18.

14. Шалькевіч, В. Ф. Кастусь Каліноўскі / В. Ф. Шалькевіч. – Мінск : Газета «Голас Радзімы», 1985. – 127 с.

15. Шумейко, М. Ф. Из истории подготовки международных археографических публикаций / М. Ф. Шумейко // Беларус. археаграф. штогоднік. – 2010. – № 11. – С. 276–289.

16. Giller, A. Historja Powstania Narodu Polskiego w 1861–1864 r. W 4 t. / A. Giller. – Paryż : Księgarnia Luxemburgska Ulica de Tournon, 16, 1867–1871. – T. 2. – 370 s.

17. Limonowski, B. Historya powstania narodu polskiego 1863 i 1864 / B. Limonowski. – 2-e wyd. – Lwów : Nak. Wyd-wo Polskiego, 1880. – 518 s.

18. Przyborowski, W. Dzieje 1863 roku. Przez autora «Historyi dwóch lat». W 3 t. / W. Przyborowski. – Kraków : Nakład i druk W. L. Anczyca i spółki, 1897–1902. – T. 2. – 512 s.

Елена Фиринович

ФОРМИРОВАНИЕ «ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КАПИТАЛА» СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг.

Резюме

Проведен анализ формирования источниковой базы славянской историографии восстания 1863–1864 гг., выделены хронологические этапы этого процесса, определены факторы, детерминирующие в специфике каждого из периодов, и их особенные черты.

Alena Firynovich

FORMATION OF SLAVIC HISTORIOGRAPHY «DOCUMENTAL ASSETS» OF THE 1863–1864 UPRISING

Summary

Analysis of formation of Slavic historiography source base of 1863-1864 uprising is conducted in the article, chronological stages of this process are marked out, and factors determining specificity of each stage and their particular features are identified.

Паступіў 21.12.2012 г.

УДК 316.343–058.13(470+571)(091)

Ксенія Церашкова (Мінск, Беларусь)

ДА ПЫТАННЯ АБ ВЫЗНАЧЭННІ ПАНЯЦЦЯ «МЯШЧАНЕ» Ў ЗАКАНАДАЎСТВЕ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ

Феномен мяшчанства як сацыяльнай групы, якая звязана з сацыяльнай прасторай, часам, а таксама спецыфічнай структурай занятасці знайшоў шырокае асвятленне ў гістарычнай і сацыяльна-філасофскай думцы. Пры гэтым накіраванасць даследаванняў у значнай ступені знаходзілася ў залежнасці ад вызначэння і выкарыстання канкрэтнай тэрміналогіі ў адносінах да пэўнага грамадства і гістарычнага перыяду. У сувязі з тым, што паняцце «мяшчане» выражала ступень інтэграванасці пэўнага сацыяльнага слоя ў сістэму грамадскіх адносін і яго адмежаванасць ад іншых суб'ектаў сацыяльнай структуры грамадства пры вывучэнні сацыяльна-эканамічнай гісторыі прынцыповае значэнне набывае працэс станаўлення і ўдакладнення дадзенага паняцця ў заканадаўчых крыніцах.

Паняцце «места» атрымала распаўсюджанне на тэрыторыі Польшчы ў XIII ст. у сувязі з прынцыповымі зрухамі ў сацыяльна-палітычным і эканамічным развіцці паселішчаў рэгіёна пад уплывам нямецкай каланізацыі і пераймання узораў нямецкага права. Па сваім прававым і гаспадарчым уладкаванні, а таксама тапаграфічных аспектах новае «места», заснаванае на прынцыпах самакіравання, канцэптуальна адрознівалася ад гандлёва-рамеснага паселішча папярэдняга тыпу [5, с. 59–60]. Функцыянаванне новай тэрытарыяльна лакалізаванай формы арганізацыі жыццядзейнасці грамадства, што склалася гістарычна, у сваю чаргу, выклікала неабходнасць у выпрацоўцы адпаведнай тэрміналогіі ў адносінах да самога грамадства. У выніку гэтага, як вытворнае ад «miasto» (у значэнні – «miejsce») у польскай мове ў XIV ст. узнік назоўнік «miescic», які пазней па аналогіі з тапаграфічнымі найменнямі трансфармаваўся ў «mieszczanin» («mieszczanstwo», «mieszczanstwo») [16, с. 151]. Паступова тэрміны «места», «мяшчане» ўвайшлі ва ўжытак на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага, затым у больш позні перыяд тэрмін «мяшчане» быў пераняты ў лексіку Маскоўскай дзяржавы пры змяненні свайго першапачатковага вызначэння.

Паняцце «мяшчане» ў адносінах да пэўных катэгорый насельніцтва ў Маскоўскай дзяржаве выкарыстоўвалі з XVII ст. як абазначэнне іншаземнага паходжання жыхароў канкрэтнага паселішча за Срэценскімі варотамі Землянога вала на поўначы Масквы – мяшчанскай слабады, укамплектаванай ў пачатку 1670-х гадоў у асноўным палоннымі, захопленымі падчас вайны 1654–1667 гг. з Рэччу Паспалітай [3, с. 85]. Неабходна таксама адзначыць, што дадзенае паняцце ў яго першапачатковым значэнні захавалася на былых тэрыторыях Вялікага Княства Літоўскага, якія да канца XVII ст. увайшлі ў склад Маскоўскай дзяржавы.

Менавіта ў перыяд праўлення Аляксея Міхайлавіча тэрмін «мяшчане» ўваходзіць у палітыка-прававы зварот у адносінах да абазначэння гандлёва-прамысловых колаў гарадскога насельніцтва. Так, згодна з загадам ад 19 сакавіка 1649 г. «О запрещении мещанам закладывать дворы свои, построенные в Мещанской слободе» вызначэнне «мяшчане» замацавалася за так званымі чорнымі градскімі людзьмі – сацыяльным слоем, які займаў дастаткова нізкія пазіцыі ў структуры гарадскога насельніцтва (у асноўным – дробныя гандляры і рамеснікі) [7, № 546]. Разам з тым у акрэслены перыяд для абазначэння дадзенай катэгорыі гарадскога насельніцтва па-ранейшаму больш шырока выкарыстоўвалі вызначэнне «пасадскія», якія складалі найбольш шматлікую частку гарадскіх гандлёва-прамысловых колаў [6, с. 119]. З прыняццем Саборнага Укладання 1649 г. пачаўся працэс заканадаўчага афармлення сацыяльнай стратыфікацыі насельніцтва гарадоў. У нарматыўным акце пасадскія былі выдзелены ў асобную сацыяльную групу шляхам прадстаўлення манапольнага права на гандаль і промыслы пры ўмове замацавання за пасадам. Такім чынам, пасадскія атрымалі спадчыннасць сацыяльнага статусу, карпаратыўную арганізацыю [7, № 1].

Аснова сацыяльнай стратыфікацыі гарадскога насельніцтва Расійскай імперыі як сістэмы прыкмет і крытэрыяў сацыяльнага расслаення, якая вызначала сацыяльную структуру гарадскога насельніцтва, была закладзена ў выніку пераўтварэнняў Пятра I, а затым замацавана рэформамі Кацярыны II. Заканадаўства Пятра I зафіксавала размежаванасць асноўных сацыяльных груп у структуры гарадскога насельніцтва. Асноўныя правы і абавязкі розных катэгорый насельніцтва былі вызначаны ў такім нарматыўным акце, як «Регламент или устав Главного магистрата» ад 16 студзеня 1721 г., у якім былых пасадскіх падзялялі на рэгулярных і нерэгулярных грамадзян паводле маёмаснага цэнзу і структуры занятасці [8, № 3708].

Пры гэтым паняцце «мяшчане» традыцыйна суадносілася з катэгорыяй так званых рэгулярных

грамадзян. У складзе гэтай сацыяльнай катэгорыі такімі прававымі актамі, як «Регламент или устав Главного магистрата», «Инструкция Магистратам» названы банкіры, купцы, гарадскія дактары, лекары і аптэкары, шкіперы купецкіх караблёў, залатых і срэбных спраў майстры, мастакі і рамеснікі, арганізаваныя ў цэхі па прафесійнай спецыялізацыі. У адрозненне ад рэгулярных нерэгулярныя грамадзяне, ці «подлыя людзі», якія не валодалі капіталам, прафесійнай спецыялізацыяй і не былі запісаныя ў цэхі, зараблялі шляхам найма на працу і не мелі права ўдзельнічаць у самакіраванні. Дваранства, духавенства і разначынцы, якія жылі ў гарадах, таксама не лічылі грамадзянамі і гарадскім грамадствам, бо адносілі іх ў адпаведнасці з існуючым заканадаўствам да катэгорыі нерэгулярных грамадзян [8, № 3708; 9, № 4624].

Канчатковаму афармленню мяшчан як асобнай сацыяльнай групы ў структуры гарадскога насельніцтва садзейнічала далейшая кадыфікацыя права пры Кацярыне II. Трэба адзначыць, што ў паўсядзённай практыцы і нарматыўных актах паняцце «мяшчане» ў шырокім сэнсе да канца XVIII ст. працягвалі выкарыстоўваць у якасці абазначэння ўсяго гарадскога насельніцтва. У дадзены перыяд не было выпрацавана дакладнага вызначэння і размежавання такіх паняццяў, як «гарадавы абывацель», «грамадзянін», «мешчанін». Імкненне Кацярыны II стварыць у Расійскай імперыі на заходне-еўрапейскі манер tiers-état – «сярэдні род людзей» уваходзіла ў супярэчнасць з натуральнай дыферэнцыяцыяй гарадскога насельніцтва ў цэлым і яго гандлёва-прамысловых колаў у прыватнасці [2, с. 417].

Так, паняцце «мяшчане» ў «Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения» 1767 г. выкарыстоўвалі ў шырокім сэнсе ў адносінах да гарадскога насельніцтва, якое займалася рамяством, гандлем, мастацтвам, навукай [10, № 12949, арт. 359]. Па сваёй сутнасці дадзенае паняцце ў такім вызначэнні набліжаецца да вызначэння «рэгулярных грамадзян» у «Регламенте или уставе Главного магистрата» 1721 г. У іншым месцы Наказа паняцце «мяшчане» адносілася да так званага сярэдняга роду людзей – сацыяльнага слоя, які ў структуры грамадства знаходзіўся паміж дваранамі і сялянамі, а яго прадстаўнікі займаліся мастацтвам, навукай, гандлем, мараходствам і рамёствамі [10, № 12949, арт. 380]. Разам з тым да «сярэдняга роду людзей» акрамя прадстаўнікоў гарадскіх гандлёва-прамысловых колаў былі аднесены выхадцы са свецкіх і духоўных вучылішчаў і выхавацельных устаноў, якія не з'яўляліся дваранамі, а таксама дзеці прыказчыкаў [10, № 12949, арт. 381–382].

Прынцыпы саслоўнага падзелу, акрэсленыя маніфестам «О высочайше дарованных разным сословиям милостям, по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» ад 17 сакавіка 1775 г., праіснавалі без радыкальных змен да 1917 г. [1, с. 71–72]. З дадзенага маніфеста вынікае, што пры вылучэнні асобных сацыяльных груп гарадскога насельніцтва ў аснову стратыфікацыі быў закладзены маёмасны цэнз – аб'яўлены капітал, ад якога, у сваю чаргу, залежала падаткаабкладанне. Вызначэнне «мяшчанства» ў заканадаўчым акце выкарыстоўвалі ў адносінах да катэгорыі гарадскіх абывацеляў, якія не валодалі капіталам ў 500 рублёў і выплочвалі падушную подаць [11, № 14275, арт. 47]. Дыферэнцыяцыя ў асяродку гандлёва-прамысловага насельніцтва праходзіла па падатковых адзінках: у адносінах да мяшчан падатковай адзінкай заставалася «душа», да купцоў – вызначаны працэнт са зваротнага капіталу. Да мяшчан адносілася пераважная частка былых пасадскіх, якія не аб'явілі ўстаноўленых купецкіх капіталаў і не запісаліся ў рамесныя цэхі. Дадзенае становішча было зацверджана Сенацкім загадам «О сборе с купцов, вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала, и о разделении их на гильдии» ад 25 мая 1775 г., які ўсталяваў механізм раздзялення такіх катэгорый насельніцтва, як купецтва і мяшчанства, а таксама акрэсліў шляхі пераходу з адной катэгорыі гарадскіх абывацеляў у другую [10, № 14327]. Такім чынам, у межах саслоўя гарадскіх абывацеляў больш выразна акрэслілася дзяленне на асобныя групы – купецтва, мяшчанства і цэхавых.

Працэс прававога афармлення розных катэгорый гарадскога насельніцтва атрымаў заканадаўчую рэгламентацыю «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованная грамота городам 1785 г.») Кацярыны II ад 21 красавіка 1785 г. Катэгорыя гарадскіх абывацеляў у Гарадавым палажэнні Жалаванай граматы 1785 г. у шэрагу выпадкаў пазначана пад агульным паняццем «мяшчане», аднак у больш позніх заканадаўчых актах да гэтай катэгорыі адносіўся выключна ніжэйшы разрад саслоўя гарадскіх абывацеляў [12, № 16187; 13, № 241]. Гарадавое палажэнне жалаванай граматы падзяляла гарадскіх абывацелей на шэсць разрадаў. Паняцце «мяшчане» ў шырокім сэнсе ў Грамаце вызначана як «гарадавыя абывацелі», «сярэдняга роду людзі». Да вызначэння паняцця «мяшчане» ў вузкім сэнсе набліжаецца тлумачэнне аднаго з разрадаў саслоўя гарадскіх абывацеляў – «пасадскіх» – сталага гандлёва-прамысловага насельніцтва гарадоў, якое не адносілася да іншых разрадаў у межах дадзенага саслоўя [12, № 16187, арт. 80–91].

Заканадаўчыя акты канца XVIII ст. заклалі прававую аснову сацыяльнай стратыфікацыі гарадскога насельніцтва Расійскай імперыі, садзейнічалі як размежаванню суб'ектаў сацыяльнай структуры, так і выпрацоўцы адпаведнай тэрміналогіі. Як ужо было адзначана, паняцце «мяшчане» ў акрэслены перыяд выкарыстоўвалі ў шырокім сэнсе для абагуленага абазначэння «гарадавых абывацелей», «сярэдняга роду людзей», «грамадзян», у вузкім – непасрэдна да канкрэтнай сацыяльнай групы ў межах саслоўя гарадскіх абывацеляў – гандлёва-прамысловых колаў,

якія не валодалі капіталам ў 500 рублёў і выплочвалі падушную подаць.

Сацыяльная структура расійскага грамадства ў цэлым, у тым ліку і прынцыпы сацыяльнай стратыфікацыі ў межах саслоўя гарадскіх абывацеляў, выпрацаваныя ў канцы XVIII ст., атрымалі больш дакладнае вызначэнне ў сувязі з выхадам у 1832 г. IX тома «Свода законов Российской империи» («О состояниях»), паводле якога ўсе «прыродныя абывацелі» Расійскай імперыі складаліся з «чатырох галоўных радоў людзей»: дваранства, духавенства, гарадскіх і сельскіх абывацеляў. Кожнае з чатырох саслоўяў, у сваю чаргу, было падзелена на больш дробныя разрады [13, арт. 1–2]. Класіфікацыя саслоўяў, закладзеная ў аснову IX тома «Свода законов Российской империи» («О состояниях»), захавалася ў апошнім выданні гэтага тома, выдадзеным у 1899 г., нягледзячы на тое, што ў канцы XIX ст. ужо немагчыма было так паслядоўна, як ў 1832 г., правесці саслоўны прынцып [15, с. 73–74]. Канчаткова саслоўны падзел грамадства быў скасаваны ў першай чвэрці XX ст. дэкрэтам УЦВК і СНК ад 11(24) лістапада 1917 г. «Об уничтожении сословий и чинов» [1, с. 71–72].

Паводле законаў «О состояниях», паняцце «мяшчане», ці «пасадскія», выкарыстоўвалі ў адносінах да асобнай сацыяльнай катэгорыі ў складзе саслоўя гарадскіх абывацеляў. Пры гэтым падкрэслівалася, што ў адрозненне ад Гарадавога палажэння Жалаванай граматы 1785 г., дзе дадзенае паняцце ў шырокім сэнсе абазначала гарадскіх абывацеляў у цэлым, паняцце «мяшчане» ў зборы законаў адносілася выключна да ніжэйшага разраду гарадскіх абывацеляў. Мяшчане з'яўляліся адной са складаных частак саслоўя гарадскіх абывацеляў, да якой магчыма прымяненне такой катэгорыі, як саслоўная група ці саслоўны разрад [13, арт. 241].

Доказам прыналежнасці да саслоўя гарадскіх абывацеляў у цэлым па-ранейшаму заставаўся запіс у гарадавой кнізе, пасведчанне аб занясенні сям'і ў гарадавую абывацельскую кнігу, выпіска з гарадавой абывацельскай кнігі і шэраг іншых дакументаў. Акрамя таго, была распрацавана сістэма дакументавання прыналежнасці да асобнай групы мяшчан ў межах саслоўя гарадскіх абывацеляў (спісы мяшчанскай управы і ўпраўныя пасведчанні) [4, с. 18]. У адрозненне ад іншых катэгорый гарадскіх абывацеляў, такіх, як купецтва і цэхавыя, мяшчанства з'яўлялася саслоўнай групай у больш вузкім сэнсе, прыналежнасць да якой перадавалася па спадчыне і не была абумоўлена выкананнем пэўных умоў. Сістэму сацыяльнага кантролю ў асяродку саслоўнага разраду мяшчан на працягу XIX ст. рэгулявалі шэрагам заканадаўчых актаў, згодна з якімі мяшчанства складалася з мяшчанскага грамадства, якое з'яўлялася важным механізмам рэгулявання жыццядзейнасці ўнутры гэтай саслоўнай групы [14, арт. 563–574].

Такім чынам, пераняцце ва ўжытак паняцця «мяшчане» ў Маскоўскай дзяржаве супала з пачаткам працэсу прававога афармлення гандлёва-прамысловых колаў гарадскога насельніцтва ў асобную сацыяльную катэгорыю. Далейшай выпрацоўцы прынцыпаў дыферэнцыяцыі гарадскога насельніцтва і размежаванню самастойных адзінак у яго структуры садзейнічала кадыфікацыя права ў Расійскай імперыі пры Пятры I і Кацярыне II. Паралельна з фарміраваннем асобных суб'ектаў сацыяльнай структуры адбываўся працэс удакладнення адпаведнай тэрміналогіі. Вызначэнне паняцця «мяшчане», выпрацаванае ў канцы XVIII ст., набыло пэўную адназначнасць у якасці тэрміналагічнай адзінкі ў заканадаўстве Расійскай імперыі з 1830-х гадоў і захоўвала дадзенае канкрэтнае значэнне ў прававой сферы да першай чвэрці XX ст.

ЛІТАРАТУРА

1. Декреты Советской власти : сборник. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории Акад. наук СССР. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 626 с.

2. Дитятин, И. И. Устройство и управление городов России. В 2 т. / И. Дитятин. – СПб. : Типография П. П. Меркульева, 1875. – Т. 1 : Введение. Города России в XVIII столетии. – 508 с.

3. Звягинцев, Е. Слободы иностранцев в Москве XVII века / Е. Звягинцев // Ист. журн. / Ин-т истории Акад. наук СССР. – 1944. – № 2–3. – С. 81–86.

4. Конькова, А. Ю. Формирование и развитие систем документации жизнедеятельности населения России XVIII – начала XX веков : автореф. дис.... канд. ист. наук : 05. 25. 02. / А. Ю. Конькова; Ист.- архивн. ин-т РГГУ. – М., 2004. – 28 с.

5. Макараў, М. Д. Ад пасада да магдэбургіі : прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. / М. Д. Макараў. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – 248 с.

6. Плошинский, Л. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен / сост. Л. О. Плошинским. – СПб. : Типография Э. Веймара,1852. – 286 с.

7. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е. В 45 т. – СПб. : тип. II отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 1. – 1029 с.

8. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е. В 45 т. – СПб. : тип. II отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 6. – 818 с.

9. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е. В 45 т. – СПб. : тип. II отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 7. – 925 с.

10. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е. В 45 т. – СПб. : тип. II отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 18. – 1033 с.

11. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е. В 45 т. – СПб. : тип. II отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 20. – 1034 с.

12. Полное собрание законов Российской империи : собрание 1-е. В 45 т. – СПб. : тип. II отд. Собств. его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 22. – 1168 с.

13. Свод законов о состоянии людей в государстве. – СПб. : тип. II отд. Собств. его императорского величества канцелярии,1833. – 373 с.

14. Свод законов Российской империи : издание 1899 года. – СПб. : Гос. типография, 1899. – Т. 9 : Законы о состояниях. – 412 с.

15. Філатава, А. М. Саслоўная палітыка / А. М. Філатава // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XIX ст. : праблемы, здабыткі, перспектывы / Н. В. Анофранка [і інш.]; навук. рэд. В. В. Яноўская; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – С. 66–77.

16. Ludat, H. Nazwa «miasto» w językach słowiańskich // Słowianie – Niemcy – Europa : wybór prac / Herbert Ludat. – Marburg; Poznań : Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2000. – S. 140–168.

Ксения Терешкова

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «МЕЩАНЕ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Резюме

На основе изучения источников законодательства проанализированы особенности процесса правового оформления торгово-промышленных кругов городского населения Российской империи в отдельную социальную категорию и разработки соответствующей терминологии.

Ksenya Tereshkova

TO THE ISSUE OF THE DEFINING OF THE TERM «MESCHANIE» IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE

Summary

The peculiarities of the process of the legal formation of commercial and industrial circles of urban population in the Russian Empire as a separate social category and the proper terminology developments are analyzed on the basis of the study of legislation sources.

Паступіў 21.12.2012 г.

УДК 930.1:159.955.4

Людмила Ширко (Барановичи, Беларусь)

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В настоящее время историографии как отрасли исторического знания придается все возрастающее значение в деле его организации и совершенствования. В среде научного сообщества существует несколько определений этого понятия. В данной работе за основу будет взято определение историографии как специальной исторической дисциплины, занимающейся изучением истории исторической науки.

Для того чтобы раскрыть содержательные аспекты данного направления исторической науки, необходимо определить цель его функционирования. Итак, цель функционирования историографии – осуществление научной рефлексии, т. е. критическое исследование содержания самого исторического научного знания, анализ методов и приемов получения научных результатов, процедуры обоснования научных концепций и теорий. Таким образом, предметом историографии является история исторической науки, а главной функцией историографии – научная рефлексия процесса исторического познания. Следовательно, рефлексии принадлежит основополагающая, системная роль в контексте самой историографии. В связи с этим необходимо более внимательно рассмотреть данное явление.

Рефлексия (от лат. reflexio – обращение назад) – это функция человеческого мышления, которая реализует базовое его свойство, а именно способность к самосознанию. Проблема рефлексии впервые была поставлена Сократом [4, с. 565–574], согласно которому предметом знания может быть лишь то, что уже освоено человеческим разумом. Платон [4, с. 565–574] раскрывает важность самопознания. Аристотель [2] рассматривает рефлексию как атрибут божественного разума, который в своей чистой теоретической деятельности полагает себя в качестве предмета и тем самым обнаруживает единство предмета знания и знания, мыслимого и мысли, их тождество.

В философии Плотина [19, с. 578–589] самопознание – единственная функция ума. Фома Аквинский [3] отмечает необходимость рефлексии над актами мышления. Автономность рефлексии как способа организации знания была впервые осмыслена в «Метафизических размышлениях» Декарта [9, с. 155]. Локк [14, с. 129–160] расширяет область рефлексии, полагая, что и чувства могут послужить ее источником. Л. Вовенарг [5, с. 10] в рефлексии видит исходную точку суждений и оценок, а Лейбниц [12, с. 51, 81–83] усматривает в ней способность, которой нет у животных, и проводит различие между восприятием-перцепцией и апперцепцией-сознанием. В его концепции рефлексия становится самостоятельным актом мысли, определяющим его специфику, и выступает как способность монад к апперцепции, к осознанию мыслью своих актов и их содержания.

Кант [10, с. 316] полагает, что именно благодаря рефлексии производится образование понятий, он различает логическую и трансцендентальную рефлексию. У Фихте [15, с. 96–144] рефлексия трактуется как наукоучение, т. е. как рефлексия научного знания о самом себе. Шеллинг [18, с. 396] отмечает, что в высшем акте рефлексии ум размышляет одновременно и об объекте, и о самом себе.

Гегель [6, с. 112, 118–119; 7] рассматривает рассудочную рефлексию как необходимый момент познавательного процесса и выделяет три ее типа: полагающую, которая соответствует описательным наукам; внешнюю, или сравнивающую, которая отражает господство в науке метода сравнения; определяющую, которая фиксирует моменты сущности в их самостоятельности и обособленности друг от друга.

С. Кьеркегор [11, с. 267–277] обращает внимание на принципиальное отличие между формами рефлексии и проводит различие между объективным и субъективным мышлением. Объективное мышление безразлично к мыслящему субъекту, рассчитывает во всем на результат, а субъективное мышление имеет другой тип рефлексии, где она принадлежит именно этому субъекту и никакому другому.

Рефлексия становится центральным понятием в европейской философии конца XIX – начала XX в. Гуссерль [8] придает рефлексии значение универсальной методологической функции и выделяет две ее формы – естественную и феноменологическую, или трансцендентальную. М. Хайдеггер [16, с. 184, 380] истолковывает рефлексию как мышление о мышлении и видит в ней орудие истолкования бытия сущего. М. Фуко [1] отмечает, что рефлексия имеет дело с языком и письмом, которые задним числом фиксируют и передают пережитое. Неотомисты, различая психологический и трансцендентальный виды рефлексии, обосновывают с ее помощью различные формы знания. Психологическая рефлексия ориентирована на область антропологии и психологии. Трансцендентальная рефлексия подразделяется на логическую (абстрактно-дискурсивное познание) и онтологическую (направленность на бытие).

В советской философии XX в., особенно в 1970-е годы, проблема рефлексии стала предметом философ-

ско-методологических исследований. С ее помощью В. А. Лекторский [13, с. 251–302] и В. С. Швырев [17] выявили уровни методологического анализа, Г. П. Щедровицким показана специфика методологии как исследования средств и техники работы, как способа организации методологического мышления и деятельности, который «приобщает индивидуальное мышление и индивидуальную деятельность к социальному, общечеловеческому» [20, с. 449–514]. К началу 1980-х годов появились различные варианты построения ряда научных дисциплин на базе понятия рефлексии, прежде всего психологии, психотерапии, педагогики. Однако нас будет интересовать историография как проявление рефлексивной функции исторической науки. Поскольку в историографии рефлексия играет основополагающую, системообразующую роль, необходимо проследить и обосновать развитие данной научной дисциплины с позиций рефлексирующего сознания.

Итак, на каком основании мы можем утверждать, что историография является проявлением рефлексивной функции исторической науки?

Анализируя взгляды целого ряда выдающихся ученых, видно, что рефлексию они определяли, как атрибут человеческого разума, функцию ума, источник выводного знания, форму мышления. А так как в основе разума, ума, знания лежат мыслительные процессы, то и определим рефлексию как базовую функцию человеческого мышления. Суть ее заключается, как уже было сказано выше, в способности к осознанию, т. е. в знании о самом себе (психологическая составляющая рефлексии), а также в мышлении о мышлении (трансцендентальная рефлексия). Так как мы занимаемся проблемами научного знания, то нас, прежде всего, будет интересовать трансцендентальная рефлексия. Выделяют две ее основные формы: объективную / онтологическую, направленную на бытие, и субъективную / логическую, так называемое абстрактно-дискурсивное знание.

В процессе мышления человеческое сознание порождает новые знания. Наука как продукт человеческого мышления несет в себе все его атрибутивные свойства, в том числе и рефлексивность. Какая же форма рефлексии реализуется в процессе формирования исторического знания? Поскольку предметом истории как науки является прошлое человечества, то здесь мышление направлено на объективную реальность, на изучение процессов и явлений человеческого бытия в прошлом. Следовательно, формирование истории как науки осуществляется с участием объективной / онтологической формы рефлексии, направленной на предмет мысли.

Какая же форма рефлексии реализуется в формировании историографического знания? Поскольку предметом историографии является история исторической науки, то здесь мышление направлено на критическое исследование содержания самого исторического научного знания, его формирования и развития, изучение становления исторической мысли, анализ методов и приемов получения научных результатов, процедуру обоснования научных концепций и теорий. Следовательно, здесь мы имеем дело с субъективной / логической (абстрактно-дискурсивной) формой рефлексии, направленной на саму мысль.

Чем же обусловлено появление историографии? В системе исторического знания первоначально проявляет себя онтологическая (или объективная) рефлексия, направленная на изучение процесса развития человеческого общества в контексте исторического времени и пространства. На определенном этапе развития исторического знания возникает необходимость его осознания, и тогда проявляет себя логическая (субъективная) рефлексия, направленная на изучение процесса исторического познания.

Чем обусловлена эта необходимость? Существует мнение, что рефлексия возникает в момент трудностей в функционировании практики, в нашем случае – в процессе развития исторического знания. Что в данном случае может стать моментом трудностей в процессе развития исторического знания? Здесь можно назвать очень многое, что требует специального исследования. Однако главная трудность, способная вызвать кризисный момент в развитии науки – это накопление больших объемов научной информации и знаний, требующих их осмысления, что и рождает субъективную научную рефлексию (историографию).

Почему так уж необходимо осмысление накопленных знаний? Чтобы наука могла развиваться дальше, не топтаться на месте. Она нуждается, как и любая другая область человеческой деятельности, в систематизации, дифференциации, критическом переосмыслении, избавлении от балласта устаревших точек зрения, концепций, ошибочных взглядов, позиций, суждений, всего того, что мешает дальнейшему научному развитию. Всякое научное знание нуждается в объективной оценке сделанного с тем, чтобы определить поле будущих исследований, а также в прогнозе тенденций его дальнейшего развития. Что касается работы с научной информацией, то она требует дополнительных значительных усилий, если учесть, что в настоящее время процессы ее накопления чрезвычайно ускорились, имеет место бурный рост ее количества, так называемый информационный взрыв. Решением проблемы ее критического осмысления также занимается историографическая мысль.

Большой материал для критического осмысления дает методологическая составляющая, источниковедческая база, вопросы организации исторической науки. Однако рефлексия является не только критической, но и эвристической формой познания, так как именно в процессе историографического анализа происходит не только дифференциация и систематизация имеющегося, но и получение нового знания. Как это происходит? И здесь на первый план в рефлексии выступает методология. Научное мышление носит индуктивно-дедуктивный характер. Индуктив-

ный метод познания преобладает в контексте объективной рефлексии, когда мысль движется от конкретного (явления, события) к абстрактному (научному факту), что свойственно исторической науке. Дедукция же присуща субъективной рефлексии, когда мы имеем движение мысли от абстрактного (в форме научной мысли) к конкретному (выводному знанию) в форме новых оценок, определений, тенденций, закономерностей, структуры и т. д. Таким образом, происходит выход субъективной рефлексии за пределы существующей системы знания и порождение нового знания.

Однако восхождение от абстрактного к конкретному, обладая большей всеобщностью, способно раскрывать категориальную структуру науки, ее фундаментальные основы, что придает историографическому знанию универсальную форму и предоставляет возможность рассматривать рефлексивность в качестве принципа научного познания историографии. Здесь очевидно, что рефлексивность как принцип научного познания указывает на необходимость упорядочения имеющихся знаний (дифференциацию, систематизацию), осуществление их оценки, а также на выявление причинно-следственных связей, тенденций и закономерностей развития. Таким образом, данный принцип, реализуя ретроспективный взгляд, дает возможность не только обозреть прошлое, оценить его вклад в настоящее, но и выявить пути развития в будущем. Он универсален, так как отвечает на вопросы: Откуда идет наше знание? Что представляет оно собой сейчас? Куда сможет направиться в будущем? Как принцип научного познания рефлексия реализует себя в рамках следующих функций: ретроспективной (анализ уже выполненных действий), оценочной (анализ предмета) и проспективной (прогнозирование предстоящих действий).

Есть смысл говорить также и о различных типах рефлексии в зависимости от их методологической составляющей. Так, Гегель выделяет полагающую рефлексию, которая соответствует описательным наукам. В контексте историографии подобный тип рефлексии представлен библиографическим анализом, в основе которого лежат такие методы познания, как анализ и синтез. Следующий тип представлен сравнительной рефлексией, которая отражает господство в науке метода сравнения, а также индукции и дедукции, аналогии и представлена в историографии в форме оценочных умозаключений. И определяющий тип рефлексии, фиксирующий сущностные моменты предмета познания, в основе которого лежат методы структурно-функционального анализа, методы восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, обобщения, систематизации. В историографии данный тип рефлексии принимает участие в выделении причинно-следственных связей, закономерностей, тенденций развития, определении понятий.

Что представляет собой историография с точки зрения структурной ее организации? Процесс становления и развития данной области научного знания осуществляется параллельно с дифференциацией соответствующих иерархических структур. Этот процесс связан, прежде всего, с иерархией целей, которые ставит перед собой ученый-историограф в процессе своей исследовательской деятельности.

Если целью научных изысканий становится рефлексия отдельных проблем исторического исследования или освещение творчества ученого-историка, то такое исследование можно назвать проблемной историографией. Если же целью ученого является рефлексия отдельных направлений исторических исследований (например, историографии истории культуры), то такое исследование является отраслевой историографией. И, наконец, если цель исследования – рефлексия исторической науки за определенный период времени, то такое исследование можно отнести к фундаментальной историографии. Очевидно, что степень обобщения исторической мысли в направлении от проблемной к фундаментальной историографии возрастает, следовательно, растет и уровень концептуального мышления.

Таким образом, историография как история исторической науки имеет целью своего функционирования осуществление научной рефлексии исторического знания: его методологии, проблем исторического источника, организации исторической науки. Рефлексивность наделяет историографию такими атрибутивными свойствами, как критичность, эвристичность, инновационность, универсальность и реализует себя в контексте следующих функций: ретроспективной (анализ уже выполненных действий), оценочной (анализ состояния предмета) и проспективной (прогнозирование предстоящих действий). Уровень историографического анализа представлен полагающей (библиографическое описание), сравнительной (в форме оценочных умозаключений) и определяющей (выделение закономерностей, тенденций развития) рефлексией. На основе рефлексивного анализа целей историографического исследования можно осуществить его структурную дифференциацию в форме проблемной, отраслевой и фундаментальной историографии. Таким образом, историография как молодая отрасль научного знания обладает значительным потенциалом для своего будущего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова, Н. С. Концепция «археологического знания» М. Фуко / Н. С. Автономова // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 142–150.

2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1975–1983. – Т. 2 : Категории. – 688 с.

3. Боргош, Юзеф. Фома Аквинский / Юзеф Боргош. – М., 1975. – 183 с.

4. Бородай, Т. Ю. Платон // Античная филисофия : энцикл. словарь / Акад. наук, Ин-т философии; [Е. В. Афанасин [и др.]; отв. ред. М. А. Солопова]. – М. : Прогресс–Традиция, 2008. – 895 с.

5. Вовенарг, Л. Введение в познание человеческого разума. Фрагменты. Критические замечания. Размышления и максимы / Л. Вовенарг. – Л. : Наука, 1988. – 437 с.

6. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. В 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Соцэкгиз, 1959. – Т. 4 : Система наук, ч. 1 : Феноменология духа. – С. 112, 118–119.

7. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. В 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.; Л. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1929. – Т. 1 : Энциклопедия филисофских наук, ч. 1 : Логика. – 440 с.

8. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб. : Наука; Ювента, 1998. – 315 с.

9. Декарт, Р. Сочинения. В 2 т. / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1 : Метафизические размышления. – 654 с.

10. Кант, И. Сочинения. В 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3 : Критика чистого разума. – 799 с.

11. Кьеркегор, С. Страх и трепет : пер. с дат. / С. Кьеркегор. – М. : Республика, 1993. – 383 с.

12. Лейбниц, Г. В. Сочинения. В 4 т. / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1983. – Т. 2 : О врожденных понятиях. – 686 с.

13. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – М. : Наука, 1980. – Гл. 4 : Рефлексия над знанием и развитие познания. – 359 с.

14. Локк, Джон. Избранные философские произведения. В 2 т. / Джон Локк. – М. : Соцэкгиз, 1960. – Т. 1. – 754 с.

15. Фихте, И. Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи : пер. с нем. / И. Г. Фихте. – Минск : ООО «Попурри», 1998. – 480 с.

16. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 445 с.

17. Швырев, В. С. Анализ научного познания : основные направления, формы, проблемы / В. С. Швырев. – М., 1988. – 175 с.

18. Шеллинг, Ф. И. Й. Сочинения. В 2 т. / Ф. И. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1 : Система трансцендентального идеализма, О мировой душе... и др. – 638 с.

19. Шичапин, Ю. А. Плотин / Ю. А. Шичапин // Античная философия : энцикл. словарь / Акад. наук, Ин-т философии; [Е. В. Афанасин [и др.]; отв. ред. М. А. Солопова]. – М. : Прогресс; Традиция, 2008. – 895 с.

20. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.

Людміла Шырко

ЗМЯСТОЎНЫЯ АСПЕКТЫ ГІСТАРЫЯГРАФІЧНАЙ РЭФЛЕКСІІ

Рэзюмэ

Навуковая рэфлексія адыгрывае галоўную ролю ў рэалізацыі гістарыяграфічнага пазнання і надзяляе яго такімі ўласцівасцямі, як крытычнасць, эўрыстычнасць, інавацыйнасць, універсальнасць. Метадалогія рэфлексіўнага аналізу дазваляе пашырыць патэнцыял гістарыяграфіі як галіны гістарычных ведаў.

Ludmila Shyrko

SUBSTANTIAL ASPECTS OF A HISTORIOGRAPHIC REFLECTION

Summary

Scientific reflection plays the leading role in the realization of historiography and develops such qualities like criticism, innovation, universality. Methodology of reflective analysis allows widening the potential of historiography as a brunch of historic knowledge.

Поступила 21.12.2012 г.

УДК 75.046.03(476):930.2

Михал Яноха (Варшава, Польша)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ИКОНОПИСИ

В статье представлена точка зрения искусствоведа и католического богослова, которому близка традиция богословия православного. Почему польский римо-католический священник занимается белорусской иконописью? Ответ на этот вопрос и сложен и прост. Сложен, во-первых, потому, что православная церковь – это сестра католической церкви (в Беларуси это очевидно), а сестру надо знать; во-вторых, православная традиция – это часть традиции Вселенской Церкви. С одной стороны, вопрос сложен еще и потому, что белорусское наследие – это часть наследия Речи Посполитой, польско-литовского государства, в том числе и современной Польши. Многие иконы, которым посвящена статья, находятся сегодня в Польше. С другой стороны, ответ на этот вопрос прост: автор данной статьи занимается белорусской иконописью и искренне любит Беларусь.

Обратим внимание на несколько проблем, связанных с исследованиями белорусской иконы. Некоторые из них принадлежат более широкому явлению, такому, как белорусское церковное искусство.

Источники и их классификация.

Письменные источники. Среди письменных источников, непосредственно и опосредованно касающихся икон, наибольшим интересом исследователей пользуются акты синодов и протоколы епископских визитаций храмов, составленные в униатской церкви [29, 31, 34, 36] и в католической церкви [36] под влиянием Тридентского Собора. Широко используются также российские работы XIX в. [42]. Там находятся ценные исторические информации, но использование их требует серьезного критического отношения интерпретатора, поскольку их писали чаще всего, опираясь на вполне определенные идеологические позиции.

Произведения искусства. Для искусствоведа основным источником исследований остается само произведение искусства. Чем является белорусская икона? Это икона, которая возникла на территории исторических земель Беларуси (или по соседству с ними) и связана с белорусским этносом и белорусской культурой [35].

Классификация историко-стилистическая.

Иконы, возникшие на территории исторических земель Беларуси можно разделить на четыре основные группы [15, с. 21–47; 16, с. 290–291; 18, с. 29–46].

К *первой группе* принадлежат иконы, написанные белорусскими иконописцами в местных художественных мастерских, предназначенные для православных и, с XVII в., униатских церквей. Самые древние из них относятся к рубежу XV / XVI вв. Важной границей здесь являются разделы Речи Посполитой, а особенно ликвидация унии в 1839 г. На белорусских землях, отошедших к Российской империи, наблюдается значительное изменение художественного языка. Белорусские иконы возникли и сохраняются на территории сегодняшней Беларуси, Польши (особенно Подлясья), Литвы и России (главным образом Смоленщины) [38–41, 50–53, 59].

Ко *второй группе* принадлежат иконы, связанные со старообрядцами, которые, покидая Россию из-за преследований, оседали во второй половине XVII – XVIII в. на территории Великого Княжества Литовского [18, с. 7–20; 26], главным образом на землях сегодняшнего литовско- и латышско-белорусского пограничья (беспоповцы), а также на белорусско-украинском пограничье (поповцы), прежде всего в Ветке. Многие их этих икон, написанных начиная с XVIII в., сохранились до сего дня в молельнях и домах старообрядцев, разбросанных по деревням вдоль сегодняшних литовско- и латышско-белорусской и белорусско-украинской границ, другие находятся в музеях и частных коллекциях. Стилистически и иконографически иконы эти принадлежат к русскому искусству или, по крайней мере, с ним связаны. Основным центром старообрядческой иконописи в Великом Княжестве Литовском была Ветка. Часть икон написана на территории ВКЛ, некоторые были привезены из России. Иконы, привезенные из России, мы выделяем в третью группу.

В *третью группу* входят импортированные объекты, главным образом из Московского Государства [6; 15, с. 36–43; 28; 36]. Они попали в Великое Княжество Литовское, прежде всего, как военные трофеи (московская компания), некоторые были куплены или подарены. Многие из них попали в католические церкви, где были и продолжают быть окружены особым культом. Только малое число икон было импортировано с территории Византии и Балкан. Начиная с XIX в., особенно после ликвидации унии, приходит время массового ввоза русских икон, написанных в мастерских Петербурга и Москвы для новопостроенных церквей или для бывших униатских церквей, перестроенных в неовизантийском или «московском» стиле. Рубежом является 1917 г.

Четвертая группа – это современные иконы [13, 14, 21, 30, 63, 64]. Важной границей является 1991 г. –

начало свободы вероисповедания. К этой группе вернемся в конце статьи.

Предметом нашего интереса будут иконы, принадлежащие к первой и ко второй группе. Белорусские иконы находятся в православных и униатских церквях, римо-католических костелах и музеях на территории Беларуси, Литвы, Польши и России [45, 46, 48].

Немногое сохранилось из богатого наследия белорусской живописи. Частые войны, а особенно времена советской оккупации и Вторая мировая война, уничтожили большую часть этой живописи. Наш образ, опирающийся на немногочисленные сохранившиеся памятники, решительно неполон.

Стоит вспомнить и о феномене, который до сих пор не был предметом изучения: иконы, задержанные на границе. С 1989 г. в Польшу попадает значительное число икон, задержанных таможенниками на границе. В подавляющем большинстве это русские иконы небольшого размера, среди которых имеются также и белорусские иконы, что относительно икон XIX в. не так просто определить. Иконы, владельцев которых нельзя однозначно определить (а таковых подавляющее большинство), становятся государственной собственностью и передаются на хранение в музеи. Большое количество белорусских икон находится в собраниях музеев: Национального музея в Варшаве, Музея Южного Подлясья в Белой Подляске, Музея икон в Супрасле (отдел Музея Подляского в Белостоке), Музея Вармии и Мазур в Ольштыне и Музея – Замок Гурков в Шамотулах. Только небольшая их часть стала предметом научного исследования.

Благодаря консерваторским работам и связанными с ними открытиями, многие плохо сохранившиеся иконы входят в научный обиход.

Почти до конца XX в. научные исследования в Беларуси и Польше происходили в обособлении, ограниченные государственным кордоном. С 1991 г. появилась возможность научного сотрудничества. Поэтому необходимо создать международную исследовательскую программу, которая займется историей белорусской иконописи, охватывающей памятники, сохранившиеся на территории сегодняшней Беларуси, Польши, Литвы и России. Создание инвентарной базы позволит проводить дискуссии о границах и специфике белорусского художественного региона, его внутреннем делении на художественные школы и мастерские, а также его отношениях с ближайшим украинским регионом и соседними регионами восточной традиции (Молдавия, Псков, Новгород, Москва) и традиции западной (через польское посредничество).

Белорусские иконы и церковное искусство являются элементом более раннего феномена, каковыми были икона и церковное искусство в Речи Посполитой. Необычайно четко прослеживается родство икон с территории Великого Княжества Литовского и юго-восточной Польши, а также Руси Коронной (Украины). В связи с этим напрашивается вопрос об основательности деления на белорусскую и украинскую икону [9, 22, 37, 57]. Если деление правомерно, то какое между ними отличие? Это один из самых важных вопросов, на которые до сих пор нет однозначного ответа. И следующий вопрос: можно ли термин *Slavia Orthodoxa*, используемый в области лингвистических исследований, отнести к исследованиям церковного искусства? Наконец, какое место занимает белорусская икона в контексте церковной живописи поствизантийской эпохи [8]? Ее изменения определяются возрастанием западного влияния, начиная с эпохи Ренессанса.

Классификация хронологическая. Полезной оказывается классификация конвенциональная, по столетиям:

XV–XVI вв. – период влияний с юга, через посредничество Молдавии и, конечно же, Украины и влияний с севера, из Новгорода Великого и Пскова. В конце XVI в. начинается влияние итальянского ренессанса через посредничество Польши.

XVII в. – время встречи византийско-русской традиции с усиливающейся западной традицией ренессанса и барокко, время оригинального синтеза, называемого белорусским барокко.

XVIII в. – победа западной традиции, когда икона стала похожа на польскую сакральную живопись.

XIX в., особенно после ликвидации унии в 1839 г. и до 1917 г., – время переориентировки белорусской иконописи на русские, более академические образцы.

В этом контексте важной проблемой является Брестская уния и ее влияние на белорусскую иконопись. В научных исследованиях отношение к Брестской унии часто связано с вненаучными факторами. С искусствоведческой точки зрения, уния является очень важным фактором: с одной стороны, для процесса окцидентализации белорусской иконописи и церковного искусства, а с другой для процесса формулирования его самосознания, которое можно назвать «между востоком и западом». Это часть распространенного в поствизантийском мире процесса соединения православной и католической церкви, продолжением которого является Ужгородская уния в Закарпатье (1638) [12] и Трансильванская уния в Альба Юлия (1700). Этот процесс имеет свои уровни: политический, богословский, социальный и культурный. Что касается уровня культурного, уния подтолкнула процесс окцидентализации, который происходил во всем православном мире. Эта проблема в отнесении к живописи появляется в последние годы в польской [3, 10, 23, 24] и украинской литературе [33, 37], но в белорусских исследованиях она почти отсутствует.

В этом контексте возникает вопрос: оправдан ли термин «униатская икона»? Присутствие определенных иконографических сюжетов, связанных с унией, несомненно [19, 24]. Здесь появляется много вопро-

сов, связанных с ролью чудотворных икон, особенно Богоматери, почитаемых в католических, униатских и православных храмах, и их взаимном влиянии [1, 4, 32, 54–56, 60, 65–68]. Какую роль сыграла церковная гравюра в распространении новых западных мотивов? [2, 9, 11] Какую роль сыграло вероисповедание в деятельности иконописцев и их мастерских в эпоху барокко? [43; 47; 52, с. 5–19; 58; 61; 62]. Список вопросов можно продолжать.

Терминология. В контексте исследований белорусской (и украинской) культуры часто использовали термины: полонизация, латинизация и окцидентализация [35, с. 109–219].

Термин *«полонизация»* относится, прежде всего, к материи языка и обозначает влияние польского языка на белорусский язык. В иконных инскрипциях это очевидно в XVI и XVII в. В иконах XVIII в. белорусский язык часто уступает место польскому.

Термин *«латинизация»* относится к литургии и богословию и обозначает влияние латинской литургии на литургию византийскую и католической теологии на русское богословие [27].

Термин *«окцидентализация»* обозначает процессы, происходящие на всех уровнях материальной и духовной культуры, начиная с эпохи ренессанса во всем православном мире, от Крита и островов Средиземного моря вплоть до Соловецких островов на Белом море [7]. Этот процесс проявляется также в виде латинизации, особенно в униатских церквях, а на территории Польши в форме полонизации.

Стоит добавить, что вместе с процессом окцидентализации белорусской культуры происходил процесс ориентализации культуры польской [25], хотя эти процессы не были симметричны – окцидентализация оказалась сильнее.

С конца XVIII в. начинается процесс *русификации*. Этот термин относится ко времени Российской империи и охватывает много областей политики и культуры.

Методология. Икона является духовно-художественным феноменом, находящимся на границе искусства и религии, в связи с чем требует многопланового методологического восприятия. В области истории искусства, по всей видимости, обязательным является соединение методов, разработанных для исследования западноевропейского искусства с методами, которые будут адекватны богословию иконы, в основе своей определенному Седьмым Вселенским Собором, а особенно разработанными и углубленными в работах русских религиозных мыслителей XX в. (Флоренский, Булгаков, Евдокимов, Успенский, Мейендорф), а также богословами (Лосский, Флоровский). Постулат объединения многих способов восприятия иконы, конечно же, относится не только к изучению белорусской иконы, но и ко всей области изучения византийского и поствизантийского искусства. Будучи феноменом культурного пограничья, белорусская икона требует от исследователя знания как православного, так и католического богословия [5, 44]. Вообще, это вопрос, которому можно посвятить отдельное исследование.

Икона – это важный источник для исследователей других гуманитарных наук, прежде всего исторических, филологических и этнографических.

Об иконе как историческом источнике и о принципах ее интерпретации в категории реализма написано в статье [20]. Реализм иконы опосредован, конвенционален, историчен и исторически изменяем. Икона приносит много ценной информации для историков различных дисциплин культуры: архитектуры, истории костюма, литургики и др.

Для филолога икона с ее инскрипциями, является бесценным лексикографическим материалом в области письма, грамматики, словообразования и исторического развития языка [17]. Кажется, этот материал, также как подобные инскрипции на произведениях прикладного искусства и архитектуры, в значительной мере еще ждет своего специального исследования.

Для этнолога и этнографа икона является неисчерпаемым кладезем знаний о народном фольклоре, вере, обычаях, материальной культуре и ее эволюции, а также живучести основных тематических линий.

Современная икона – сюжет, который требует особого методологического подхода. Стоит обратить внимание, что интенсивное развитие иконописи в Беларуси и в Польше (масштаб и формы которого остаются еще неизвестными) является частью более общего феномена – возрождения иконы в странах православной традиции (особенно в искалеченных коммунизмом). Это явление выходит за границы православия [63], касаясь не только греко-католической Церкви, но и почти всего пространства христианской культуры [30, 64], в особенности католической [13, 14, 21]. Вслед за этим развитием идет более глубокая научная рефлексия. Современная иконопись как тема исследований остается *terra incognita*. Не входит она в сферу исследований византинистов, ограниченных исторически сложившейся методологией, рассматривающей икону как реликт минувшей эпохи. Не понимает ее также и большинство исследователей истории искусства и современной культуры, зачастую являющихся узниками своих схем развития искусства и индивидуальности художника. Творчество отдельных художников, развитие монастырских и светских иконописных мастерских, все более многочисленные церковные и индивидуальные проекты и заказы – все это является источником бесценной информации, которая через некоторое время, не будучи зафиксированной и описанной, будет утрачена. Современная икона может быть необыкновенно интересным полем для исторических, богословских, искусствоведческих, а также социологических, культурологических и психологических исследований. Трудно переоценить значение интернета в этой области.

Постулируя включение современной белорусской иконописи в область исследований белорусско-

го искусства и культуры, мы обретаем особое пространство, в котором открывается смысл духовного богатства Беларуси, объединяющего искусство и богословие, которые, к сожалению, были разделены на протяжении десятилетий (при коммунистическом режиме).

ЛИТЕРАТУРА

1. Baniulytė, A. The Cult of the Virgin Mary and its Images in Lithuania from the Middle Ages until the seventeenth Century / A. Baniulytė // Acta Academiae Artium Vilnensis 25. – 2002. – Nr IV. – P. 176–177.

2. Biskupski, R. Przemiany ikonograficzne i rola wzoru w malarstwie ikonowym XVII wieku / R. Biskupski // Materiały Muzeum Budownictwa Ludowego w Sanoku 16. – 1980. – P. 50–62.

3. Biskupski, R. Sztuka Kościoła prawosławnego i unickiego na terenie diecezji przemyskiej w XVII i pierwszej połowie XVIII wieku / R. Biskupski // Polska–Ukraina. – 1994. – Vol. 2. – P. 351–370.

4. Chomik, P. Kupiatycka ikona Matki Bożej. Historia i literatuta / P. Chomik // Białystok : Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2008.

5. Dąb-Kalinowska, B. Ikony i obrazy / B. Dąb-Kalinowska. – Warszawa : DIG, 2000.

6. Dąb-Kalinowska, B. Między Bizancjum a Zachodem. Ikony rosyjskie XVII–XIX wieku / B. Dąb-Kalinowska. – Warszawa : PWN, 1990.

7. Deluga, W. Byzance après Byzance : upadek czy nowa epoka w sztuce cerkiewnej Chrześciajńskiego Wschodu / W. Deluga // Ars longa. Prace dedykowane pamięci profesora Jana Białostockiego / ed. M. Poprzęcka. – Warszawa : Arx Regia, 1999. – P. 187–200.

8. Deluga W. Études comparatives de la peinture postbyzantine en Europe Centrale / W. Deluga // Byzantinoslavica. Revue Internationale des Études Byzantines LVI. – Praha, 1996.

9. Deluga, W. Malarstwo i grafika cerkiewna w dawnej Rzeczypospolitej / W. Deluga. – Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2000.

10. Deluga, W. Przemiany w ikonografii Kościoła greckokatolickiego w XVIII wieku / W. Deluga // Czterechsetlecie zawarcia Unii Brzeskiej 1596–1996 : Materiały sesji naukowej zorganizowanej, Toruń, 28–29 list. 1996 r. / ed. S. Alexandrowicz, T. Kempa. – Toruń, 1998. – P. 147–155.

11. Deluga, W. W kręgu sztuki Kościoła wschodniego. Metoda porównawcza w studiach nad rytownictwem i malarstwem XVI i XVII wieku / W. Deluga // Polska–Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa / red. S. Stępień. – Przemyśl : Południowo-Wschodni Instytut Naukowy. – 1994. – T. 2. – S. 327–334.

12. Házad ékessége. Görögkatolikus templomok, ikonok, ikonosztázok Magyarországon / ed. L. Puskás. – Nyíregyháza : Görögkatolikus Hittudományi Főiskola. – 1991. – Phot. 3.

13. Ikona dziś. Katalog wystawy i materiały konferencji w Warszawie na Służewie 2–12 czerwca 2008 / red. E. Jackowska-Kurek. – Warszawa : Miasto Stołeczne Warszawa, 2008.

14. Janocha, M. Dar Wschodu dla Zachodu. Kilka uwag o współczesnej ikonie w Kościele katolickim / M. Janocha // Dziedzictwo chrześcijańskiego Wschodu i Zachodu. Między pamięcią i oczekiwaniem / red. U. Cierniak, ks. J. Grabowski. – Częstochowa : In-t Filologii Obcych, 2006. – S. 247–255.

15. Janocha, M. Ikony w Polsce. Od średniowiecza do współczesności / M. Janocha. – Warszawa : Arkady, 2008.

16. Janocha, M. Ikony zachodnioruskie na terenie Polski / M. Janocha // Dziedzictwo unii brzeskiej / red. R. Dobrowolski, M. Zemło. – Lublin; Supraśl : Collegium Suprasliense, 2012. – S. 289–328.

17. Janocha, M. Język napisów na ikonach na terenie Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku a problem identyfikacji etnicznej i wyznaniowej / M. Janocha // Naród – Religia – Język : materiały z konferencji, Łódz, 17–19 maja 2010 / red. A. Ceglińska-Gajda. – Łódź : Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie, 2010. – S. 252–257.

18. Janocha, M. Malarstwo ikonowe w Wielkim Księstwie Litewskim. Przegląd problemów badawczych / M. Janocha // Eikon staroobrzędowy : Przemiany w sztuce ikonowej na obszarze ziem ruskich Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII–XVIII wieku : materiały z konferencji naukowej 17–19. V. 2005 / Dom Pracy Twórczej w Wigrach; red. M. Olejnik, J. Tomalska. – Szamotuły : Muzeum – Zamek Górków w Szamotułach, 2008. – S. 29–46.

19. Janocha, M. Niektóre aspekty ikonografii unickiej na terenie Rzeczypospolitej / M. Janocha // Śladami unii brzeskiej / red. R. Dobrowolski, M. Zemło. – Lublin; Supraśl : Collegium Suprasliense, 2010. – S. 495–543.

20. Janocha, M. Obraz życia codziennego i praktyk liturgicznych Wielkiego Księstwa Litewskiego w ikonie białoruskiej / M. Janocha // Iškilmės ir kasdienybė Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ir jos kontekstuose. – Vilniaus : Vilniaus dailės akademijos leidykla, 2009. – Ser. : Acta Academiae Artium Vilnensis. – N 54. – S. 108–122.

21. Janocha, M. Pictura sacra nova et vetera / M. Janocha // Musica sacra nova. – Warszawa : Stowarzyszenie «Musica Sacra», 2007. – S. 357–365.

22. Janocha, M. Ukraińskie i białoruskie ikony świąteczne w dawnej Rzeczypospolitej. Problem kanonu / M. Janocha. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2001. – Review : В. Грыцкевич, Кантакты і дыялогі (Мінск). – 2002. – Nr 5–6 (77–78). – P. 58–60.

23. Janocha, M. Unia Brzeska a malarstwo ikonowe XVII wieku. Dialog wyznań czy dialog kultur? / M. Janocha // Sztuka i dialog wyznań w XVI i XVII wieku : materiały sesji Stowarzyszenia Historyków Sztuki, Wrocław, listopad 1999 / ed. J. Harasimowicz. – Warszawa : Arx Regia 2000. – P. 399–415.

24. Janocha, M. Wpływ brzeskiej unii kościelnej na refleksję o sztuce oraz ikonografię malarstwa cerkiewnego w XVII i XVIII wieku / M. Janocha // Polska–Ukraina. 1000 lat sąsiedztwa. ed. S. Stępień. – Przemyśl : Południowo-Wschodni Instytut Naukowy. – 2000. – Vol. 5. – P. 239–262.

25. Karpowicz, M. Sztuka polska XVII wieku / M. Karpowicz. – Warszawa : Wydawnictwo Artystyczne i Filmowe, 1975.

26. Kobrzeniecka-Sikorska, G. Ikony staroobrzędowców w zbiorach Muzeum Warmii i Mazur / G. Kobrzeniecka-Sikorska. – Olsztyn : Muzeum Warmii i Mazur, 1993.

27. Kowalczyk, J. Latynizacja i okcydentalizacja architektury greckokatolickiej XVIII w. // Biuletyn Historii Sztuki 42. – 1980. – Nr 3–4. – P. 347–362. – Phot. 2, 4, 5.

28. Kruk, M. Ikony-obrazy w świątyniach rzymskokatolickich dawnej Rzeczypospolitej / M. Kruk. – Kraków : Collegium Columbinum, 2011.

29. Księga wizyty dziekańskiej dekanatu podlaskiego / opr. J. Maroszek, W. Wilczewski. – Białystok : Białostockie Towarzystwo Naukowe, 1966.

30. Rogozińska, R. Ikona w sztuce XX wieku / R. Rogozińska. – Warszawa : WAM, 2009.

31. Skoczylas, I. Sobory eparchii chełmskiej XVII wieku / I. Skoczylas. – Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2008.

32. Stankiewicz, D. Bielska ikona Bogurodzicy / D. Stankiewicz // Над Бугом и Нарвою 5б. – 1994. – P. 20–22.

33. Stepowyk, D. Unia Brzeska i rozwój ukraińskiego malarstwa ikonowego w XVI i XVII w. / D. Stankiewicz // Polska Sztuka Ludowa. Konteksty 50. – 1996. – Nr 3–4. – P. 43–49.

34. Sygowski, P. Unicka archidiecezja «Polsko-połocka» w świetle wizytacji z lat 1789–1790 / P. Sygowski // Zachodnioukraińska sztuka cerkiewna / red. J. Giemza. – Łańcut : Muzeum-Zamek, 2004. – T. II. – S. 385–465.

35. Topolska, M. B. Społeczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku / M. B. Topolska. – Poznań; Zielona Góra : Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2002.

36. Wilczewski, W. F. Rzeczy «ruskie–moskiewskie» w kościołach rzymskokatolickich diecezji wileńskiej w świetle akt wizytacyjnych i inwentarzy z XVII wieku / W. F. Wilczewski // Ser. Byzantina. – 2007. – T. V. – S. 106–121.

37. Александрович, В. Релігійна мистечька культура України XVII століття : нова религийна ситуація, нове мистечтво / В. Александрович // Берестейска Унія і українська культура XVII століття : матеріали Третіх «Берестейских читань», Львів, Київ, Харків, 20–23 червня 1995 р. / ed. Б. Гудзяк. – Львів, 1996.

38. Быцева, І. М. Стылістыка і характар разных арнаментаваных фонаў у старабеларускім жывапісе / І. М. Быцева // Помнікі старажытнай беларускай культуры : новыя публікацыі. – Мінск : Беларусь, 1984. – С. 43–50.

39. Ветер, Э. И. Об особенностях белорусского иконостаса / Э. И. Ветер // Художественное наследие 34. – 1978. – Nr 4.

40. Ветер, Э. И. Памятники живописи, связанные с развитием ренессанса в Белоруси / Э. И. Ветер // Памятники культуры. Новые открытия 1981. – М., 1983. – С. 213–216.

41. Вецер, Э. І. Асаблівасці групы твораў жывапісу канца XVI – першай паловы XVII ст. / Э. І. Вецер // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Мінск, 1989. – С. 24–26.

42. Вецер, Э. І. Літаратурныя і дакументальныя крыніцы для вывучэння беларускага старажытнага жывапісу XII–XVIII стст. / Э. І. Вецер // Библиотечное дело и библиография в Белоруссии. – Мінск, 1974. – С. 236–250.

43. Высоцкая, Н. Ф. Жывапіс барока Беларусі / Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : БелЭн, 2003.

44. Высоцкая, Н. Ф. Изучение памятников искусства Беларуси XIV–XVIII вв. : метод. рекомендации / Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : Беларусь, 1994.

45. Высоцкая, Н. Ф. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў / Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : Беларусь, 1992.

46. Высоцкая, Н. Ф. Иконопись и алтарная живопись Беларуси XII–XVIII веков / Н. Ф. Высоцкая. – Минск : Беларусь, 2012.

47. Высоцкая, Н. Ф. Мастакі і малярскія цэхі ў Беларусі XVI–XVIII стст. / Н. Ф. Высоцкая // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1976. – Т. 2. – С. 47–50.

48. Высоцкая, Н. Ф. Пластыка Беларусі XII–XVIII стагоддзяў / Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : Беларусь, 1983.

49. Высоцкая, Н. Ф. Станковы жывапіс XVIII ст. / Н. Ф. Высоцкая // Свод памятников истории и культуры Белорусии. – Минск, 1999. – С. 262–279.

50. Духан, Н. О программе и составе иконостасов Белоруси XVII–XVIII веков / Н. Духан // Советское славяноведение. – 1988. – Т. 2. – С. 70–84.

51. Жывапіс Беларусі XII–XVIII стагоддзяў / сост. Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : Беларусь, 1980.

52. Іканапіс Заходняга Палесся XVI–XIX стст. / ред. В. Ф. Шматаў. – Мінск : Беларус. навука, 2002.

53. Музей Старажытнабеларускай культуры / под ред. А. А. Ярашевіч. – Мінск : Беларусь, 2004.

54. Нацыянальны санктуарый Маці Божай Будслаўскай / под ред. В. Бурлака. – Мінск : «Про Хрыстo», 2009.

55. Пискун, Ю. Богородиця Замилування «Рімсько-Лідська» в українському і білоруському іконописі XVII ст. / Ю. Пискун // Волинська ікона : питання історії вивчення, дослідження та реставрації : матеріали IV наук. конф. – Луцьк, 1997. – С. 63–64.

56. Пискун, Ю. Чудотворные иконы Богоматери в Белорусии, на Украине и в России в XVII веке. Обзор литературы и постановка вопроса справительно-исторического исследования / Ю. Пискун // Филевские чтения : тез. конф. – М., 1977. – С. 42–44.

57. Питателева, Е. В. Некоторые вопросы становления барочных форм украинских иконостасов : к

проблеме украинско-русских художественных связей / Е. В. Питателева // Филевские чтения-1993. – М., 1994. – Т. 7. – С. 83–89.

58. Пуцко, В. Иконопись Белоруссии XV–XVIII веков в контексте восточноевропейского сакрального искусства византийской традиции / В. Пуцко // Наш радавод : Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII – нач. XX стст. : матэрыялы Міжнар. наук. канф. – Гродна, 1992. – Т. 4, part. 1.

59. Тэмперны жывапіс Беларусі канца XV–XVIII стагоддзяў у зборы Дзяржаўнага мастацкага музея БССР : каталог / ред. Н. Ф. Высоцкая. – Мінск : Беларусь, 1986.

60. Хадыка, А. Ю. Да атрыбуцыі «Маці Боскай» з Крывошына / А. Ю. Хадыка // Помнікі мастацкай культуры Беларусі : новыя даследаванні. – Мінск, 1989. – С. 40–44.

61. Хадыка, А. Ю. Рэнесанс у беларускім новым іканапісе / А. Ю. Хадыка, Ю. В. Хадыка // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраждэння. – Мінск, 1994. – С. 62–70.

62. Шчэкаціхін, М. М. Матэрыялы да гісторыі беларускага малярства XVIII сталецьця : збор Віцебскага Аддзяленьня Беларускага Дзяржаўнага музею / М. М. Шчэкаціхін // Віцебшчіна. – Віцебск, 1925. – Т. 1. – С. 26–36; 1928. – Т. 2. – С. 147–167.

63. Языкова, И. Се творю все новое. Икона в XX век / И. Языкова. – М. : La Casa di Matriona, 2009.

64. Яноха, М. Ікона на Заході / М. Яноха // Нерукотворний образ. Ікони Юрія Новосельського і архетипи / red. M. Bogucki. – Kraków : DjaF, 2006. – S. 76–99.

65. Ярашэвіч, А. А. Абразы Маці Божай на Палессі як сімвал агульнай беларуска-украінска-польскай культурнай прасторы / А. А. Ярашэвіч // Культура беларуска-польска-украінскага сумежжа. – Брест, 1998.

66. Ярашэвіч, А. А. Іконаграфічны тып Багародзіцы Рымскай у Беларусі і Украіне ў 17–18 стст. // Волинська ікона : питання історії вивчення, дослідження та реставраціію : матеріали IV наук. конф. – Луцьк, 1997. – С. 64–66.

67. Ярашэвіч, А. Маці Божая Снежная ў Беларусі / А. Ярашэвіч. – Мінск : «Про Хрысто», 2003.

68. Ярошевич, А. А. Западноевропейские иконографические типы (изводы) Богоматери в Белорусской живописи 17–18 стст. / А. А. Ярошевич // Филевские чтения : тез. конф. – М., 1977. – С. 76–78.

Міхал Яноха

НЕКАЛЬКІ ЗАЎВАГ ПРА МЕТАДАЛОГІЮ ДАСЛЕДАВАННЯ БЕЛАРУСКАГА ІКАНАПІСУ

Рэзюмэ

Беларускі іканапіс мы можам падзяліць на наступныя групы: 1) іконы, якія былі створаны на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў XVст. (найбольш старажытныя асобнікі з тых, што захаваліся) – XVIII ст.; 2) іконы стараверaў, якія перасяляліся ў ВКЛ, ратуючыся ад пераследу ў Расіі; 3) іконы прывазныя, большай часткай з Расіі, у якасці падарункаў, пакупак і інш.; 4) сучасныя іконы, створаныя асабліва пасля 1991 г. Маштабы гэтай з'явы застаюцца недаследаванымі да гэтага часу.

Ранейшыя даследаванні беларускага мастацтва, у тым ліку іканапісу, вызначаліся ідэалагічным фактарам. Русіфікацыя былога ВКЛ абмежавала вывучэнне культуры і адначасова зрабіла «велікарускую» перспектыву амаль абавязковай у навуцы савецкага перыяду. Беларускія вучоныя засяроджваюцца на творах мастацтва, якія захаваліся на сучаснай тэрыторыі Беларусі. Іконы з адзінай культурнай прасторы, якія захаваліся ў Літве, Польшчы і Расіі, не выпадаюць з поля зроку даследчыкаў. Акрамя таго, большай частцы такіх даследаванняў не хапае шырокага еўрапейскага кантэксту. У выніку ўплыву палітычных і ідэалагічных фактараў вялікі культурны рэгіен паміж Нёманам, Дзвіной і Дняпром быў і ў пэўнай ступені застаецца белай плямай у гісторыі еўрапейскага мастацтва.

Michał Janocha

SOME REMARKS ON THE METHODOLOGY IN THE RESEARCH OF THE HISTORY OF BELARUSIAN ICONS

Summary

We can divide the Belarusian icons into four groups: 1) the icons painted in the territory of Great Duchy of Lithuania between the XVth (the oldest preserved examples) and the XVIII cent.; 2) the icons related to the Old-Believers, who escaped persecutions in Russia and settled in the GDL; 3) the icons imported, mostly from Russia, as gifts, purchases, or booties; 4) modern icons, painted especially after 1991. The scope of this phenomenon remains unresearched, thus far.

Former research of Belarusian art, including icon painting, was determined by ideological factors. Russification of the former GDL limited the studies of cultural and, by the same token, imposed the «Great Russian» perspective almost mandatory to scholarship of the Soviet period. The Belarusian scholars focus on the works preserved in the territory of the today's Belarus. Icons from the same cultural milieu that have been preserved in Lithuania, Poland, and Russia do not fall within the scope of this research. Moreover, much of this scholarship lack broader European context. As a result of political and ideological factors the vast artistic region between the rivers Niemen, Dvina, and Dnieper has been and to certain degree still is a blank spot within European art history.

Поступила 21.12.2012 г.

АРХЕАЛОГІЯ

УДК 903.023

Галина Поплевко (Санкт-Петербург, Россия)

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО ЛЕПКЕ ПРОФИЛИРОВАННОЙ КЕРАМИКИ[1]

Одним из направлений работы экспериментально-трасологической экспедиции ИИМК РАН в 2011 г. было проведение экспериментов по моделированию керамических форм эпохи неолита на Нижнем Дону и эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе. Программа экспериментальных исследований по керамике включала такие этапы, как: 1) подготовка глины к применению; 2) приготовление глиняного теста; 3) лепка сосудов; 4) сушка сосудов; 5) обжиг сосудов.

Основной целью исследований была апробация разных способов лепки баночных и профилированных сосудов. Важнейшей задачей при моделировании и лепке сосудов является подготовка глины к применению. Процесс приготовления глины к применению был неоднократно описан [1–7]. В экспериментах в основном были использованы красная, синяя, серая и белая глины. Источники глины расположены линзами в береговой части Дона, напротив острова Поречный, на мысу которого находится неолитическое поселение Ракушечный Яр. Влажную глину накопали из небольших линз, выходящих прямо в русло реки. Влажную глину вначале перетирали руками, чтобы удалить мелкие камешки или другие включения, а затем выбивали деревянной колотушкой 10–15 раз. После этого глиняную массу выбивали руками 10–15 раз, после чего ее 10 раз месили, как тесто, руками, затем заворачивали во влажную ткань и оставляли в тазу, укрыв целлофаном. Так была обработана и приготовлена к применению вся глина. Далее брали небольшие комки влажной глины и добавляли в нее различные примеси: мелкий речной песок в разных пропорциях для каждой порции глины. Помимо песка использовали илистую глину после ее отстаивания. Также в качестве примесей использовали метелки камыша. Основной задачей было опробовать разные концентрации указанных примесей и их сочетания. После каждого экспериментального замеса глины оставляли пробные образцы-«таблетки» в качестве эталонов использованной глины для последующего экспериментального исследования.

Ранее по результатам проведенных экспериментально-трасологических исследований была описана и представлена методика проведения экспериментальных исследований, включающая этап подготовки глины [4]. Подготовка глины к применению включает следующие действия: 1) перетирание руками влажной глины или растирание на абразивной плите каменным растиральником сухих комков глины (рис. 1: *а*); 2) перебивание перетертой глины деревянной колотушкой 10–15 раз (рис. 1: *б*); 3) выбивку глины вручную 10–15 раз (рис. 1: *в*); 4) скатывание глины в цилиндр (рис. 1: *г, з*) и вылеживание ее в течение 8–14 дней. В 2011 г. были проведены экспериментальные исследования по моделированию лепной ленточной керамики. Основные исследования по лепке керамики состояли из таких направлений, как: 1) моделирование сосудов на поверхности или внутри твердой формы-основы при изготовлении баночных форм сосудов, характерных для раннего и среднего этапов существования неолитического поселения Ракушечный Яр; 2) моделирование профилированных форм сосудов, характерных для разных неолитический культур и для эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе.

Первое направление экспериментальных исследований по лепке керамики включало моделирование процесса изготовления сосудов баночных форм. Лепка сосуда происходила в следующей последовательности: сначала брали баночную форму-болванку, накрывали ее влажной тканью. Затем брали кусок влажной глины и проводили раскатывание глиняного теста в жгуты. После этого проводили уплощение жгутов пальцами рук в ленту, один край которой дополнительно уплощали по всей длине. Уплощение делали для последующего склеивания с другой также уплощенной лентой. Для лучшего склеивания обеих лент уплощенную часть ленты смазывали жидкой глиной – шликером. Начало лепки вели от донца к устью сосуда. Для этого на поставленной вверх дном болванке-форме баночного сосуда, укрытой влажной тканью, делали кольцевой налеп из ленты у донца формы. Края первой ленты частично разглаживали на поверхность донца, образуя загиб. Затем готовили плоское круглое донце сосуда и приклеивали его. Один край каждой следующей ленты смазывали жидким тестом – шликером, а потом приклеивали к предыдущей ленте, находящейся на твердой основе – форме будущего сосуда. Стыки лент хорошо разглаживали руками и костяными лопаточками – до гладкой ровной поверхности (рис. 1: *д–ж*).

[1]Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 10-06-00096а.

Рис. 1. Приготовление глины к формовке (*а–г, з*) и лепка баночных сосудов на основе (*д–ж*)

Затем готовили следующую ленту и прилепливали к сосуду. Лепку вели лентами разной ширины: от 1,5 до 2,5 см. После изготовления сосуда его поверхность хорошо разглаживали влажными руками до скольжения рук по поверхности, когда образовывался очень тонкий слой отмученной влажной глины. Готовый сосуд оставляли для подсушивания. Орнамент под венчиком сосуда наносили либо сразу, либо по слабо подсохшей поверхности, в зависимости от приема орнаментации: наколы, прорезной или прочерченный орнамент. Сосуд снимали с формы после подсыхания его в течение от 30 минут до 1,5 часов и более, что зависело от влажности исходного глиняного теста, из которого вели лепку. Для жирной глины время сушки было более коротким, чем для тощих глин. В этой же последовательности вели лепку сосудов и внутри твердой формы-основы при изготовлении сосудов баночной формы, только в этом случае форму-основу покрывали влажной тканью на внутренней поверхности. В процессе лепки внутреннюю поверхность будущего сосуда сразу же разглаживали руками и костяными лопаточками, а после слабого подсыхания сосуд вынимали из формы и проводили выравнивание внешней поверхности руками и лопаточками. Очень хорошо проводить лощение по слабо просушенной поверхности, тогда глина еще податлива и легко уплотняется ее структура. Такая обработка дополнительно уплотняет стенки сосудов и улучшает их плотность и влагостойкость. Длительность сушки зависит от сорта и качества глины, ее жирности и характера отощителей. Во время сушки необходимо периодически поворачивать сосуды и следить, чтобы не было трещин.

Второе направление экспериментальных исследований включало моделирование профилированных сосудов эпохи неолита и ранней бронзы. Были опробованы разные приемы лепки без основы остродонных и плоскодонных сосудов. Лепку сосудов вели лентами, расплющенными из раскатанных жгутов, разной ширины: от 1,5 см до 2,5–3,0 см. Раскатывание лент проводили на деревянной доске деревянной скалкой (рис. 2: *г*). Таким образом проводили двойное уплотнение глиняной массы: первое – при раскатывании глины в жгут, а второе – при раскатывании его в ленту скалкой на доске. Происходило равномерное уплотнение всей поверхности ленты. После такой обработки в стенках сосудов в изломе исключены пустоты и поры. Тесто получается плотное, одинаковой толщины по всей длине стенки сосуда. Разглаживание поверхности сосудов проводили сразу же в процессе лепки, как влажными руками, так и деревянными и костяными лопаточками. Интересными оказались эксперименты по изготовлению форм сосудов, близких по форме майкопским и новосвободненским сосудам. Эти исследования проводили с использованием разных приемов моделирования с использованием твердой основы: 1) лепка из двух форм-полусфер, выполненных на твердой основе снаружи ее (рис. 3: *а–г*); 2) лепка из двух форм-полусфер, выполненных внутри твердой основы; 3) лепка с использованием формы-полусферы для нижней части сосуда (внутри нее), а верхняя его часть выполнена ручной лепкой (рис. 4: *г–е*); 4) лепка внутри основы-полусферы при изготовлении верхней части сосуда, а нижняя его часть выполнена с помощью ручной лепки лентами; 5) лепка ручным способом всей формы сосуда (рис. 2: *а–в*, *ж–з*; 4: *а–в*, *ж–з*); 6) лепку нижней части сосудов внутри твердой формы-основы и ручную лепку верхней части сосуда проводили отдельно, а затем делали наложение верхней части сосуда на нижнюю часть формы (склейка обеих частей сосуда) (рис. 3: *д–з*). Все сосуды были изготовлены ленточным способом. Стыки лент смазывали жидким раствором глины: для лучшего склеивания стыков и исключения пустот на местах стыков. Первые два приема основаны на одновременном изготовлении двух полусфер с внешней или внутренней стороны формы-основы. Форму снаружи или изнутри предварительно покрывали влажной тканью, а затем на ней или внутри нее изготовляли полусферу сосуда. Далее слегка подсохшие две части сосуда смазывали шликером на краях будущих стыков и склеивали друг с другом. Линию стыка выравнивали изнутри и с внешней стороны. Верхнюю часть сосуда изготовляли с отверстием на дне формы, так как при соединении обеих форм устье сосуда должно быть открытым. Далее проводили выравнивание обеих сторон сосуда. Сосуд ставили для подсыхания до кожетвердого состояния, а затем к его устью приклеивали ленты и оформляли горло. Готовили венчик необходимой высоты и профиля, затем приклеивали его к устью, смазанному жидкой глиной. Готовый сосуд ставили для сушки в помещение или укрытие, где исключалось воздействие на него прямых солнечных лучей и сквозняков.

Третий и четвертый способы предполагают использование формы-основы при изготовлении верхней или нижней части профилированного сосуда. Здесь также можно использовать форму-основу полусферу будущего сосуда, как с внешней, так и с внутренней стороны. В отличие от вышеуказанных первых двух приемов, лепку третьим и четвертым способами выполняют также с помощью формы, но лепят только половину сосуда, а вторую его часть продолжают лентами без использования основы. В третьем способе вручную оформляют верхнюю часть сосуда и венчик его, а в четвертом – круглое или плоское дно сосуда. После слабого подсыхания сосуд вынимают из формы и проводят разглаживание поверхности сосуда, находившейся внутри основы. Внутреннюю часть сосуда разглаживают сразу же в ходе лепки. При четвертом способе лепки сосуд слабо просушивают, вынимают из формы и ставят на дно, а затем к нему приклеивают ленты для оформления горла сосуда и его венчика.

Пятый способ моделирования полностью выполняют ручной лепкой – лентами с выравниванием обеих сторон сосуда в процессе его изготовления.

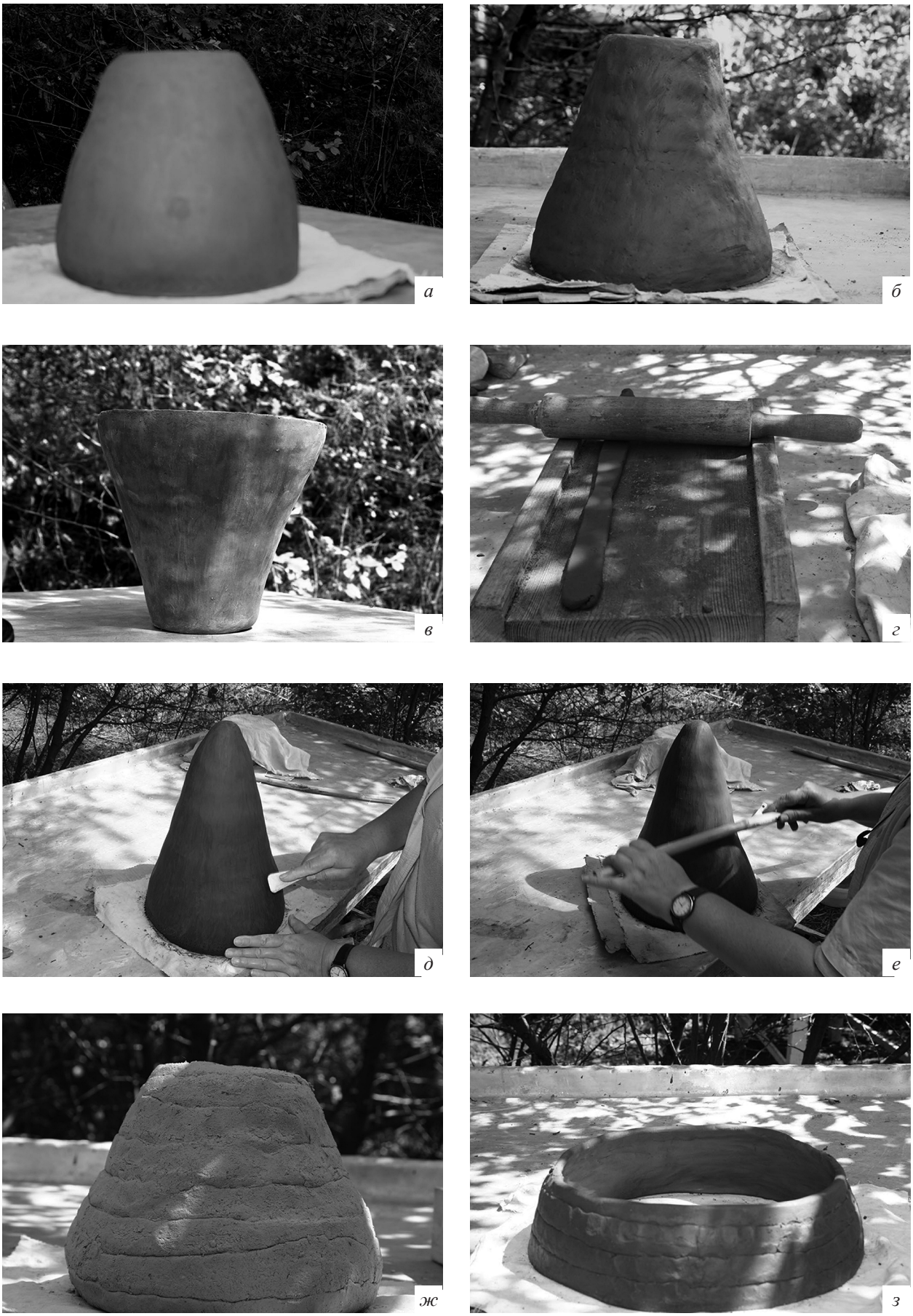

Рис. 2. Лепка сосудов без основы (*а–в*, *д–з*) и раскатывание лент на деревянной основе (*г*)

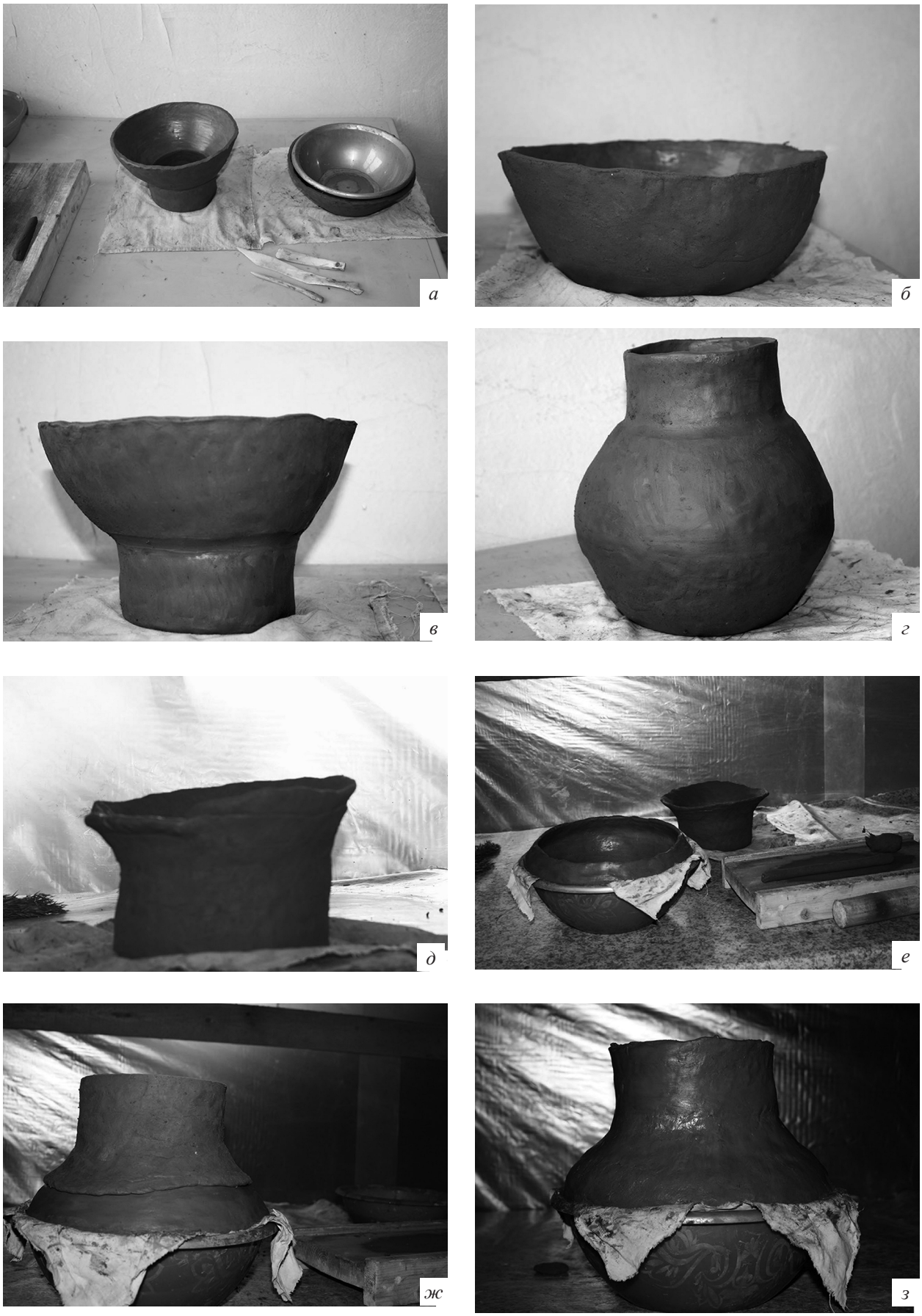

Рис. 3. Лепка сосудов без основы (*а–в*), нижней части профилированного сосуда внутри основы-полусферы (*г–е*) и сосуда без использования основы (*ж*, *з*)

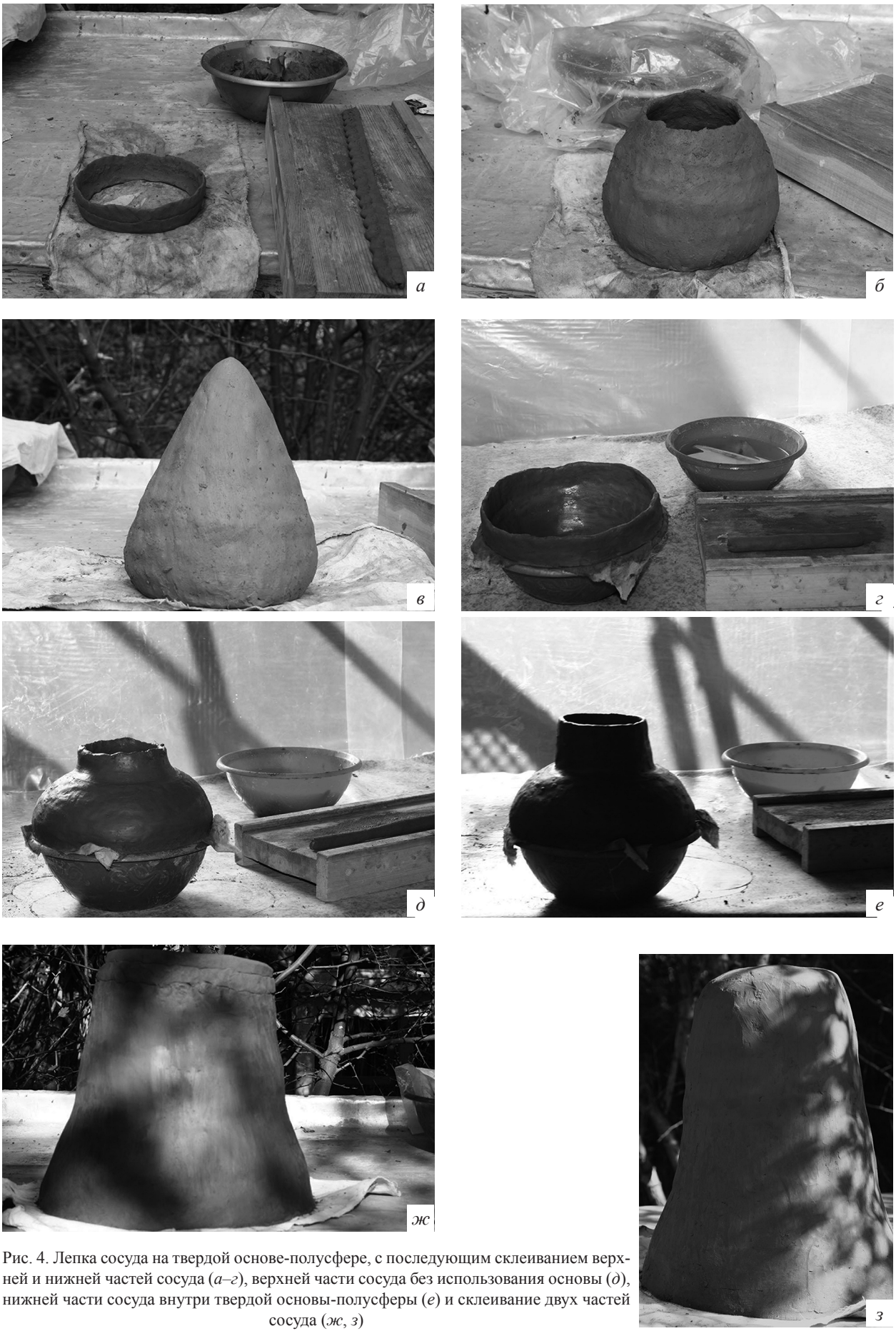

Рис. 4. Лепка сосуда на твердой основе-полусфере, с последующим склеиванием верхней и нижней частей сосуда (*а–г*), верхней части сосуда без использования основы (*д*), нижней части сосуда внутри твердой основы-полусферы (*е*) и склеивание двух частей сосуда (*ж*, *з*)

Шестой способ моделирования состоит из лепки нижней части сосудов внутри твердой формы-основы. Верхнюю часть сосуда лепят лентами отдельно, без использования формы-основы, начиная от венчика, до широко оформленных плечиков сосуда. Затем делают наложение-склеивание верхней части сосуда на нижнюю его часть, находящуюся в форме-основе (склейка обеих частей сосуда) (рис. 3: *ж*, *з*). После склеивания обеих частей тщательно разглаживают места стыков и всю поверхность сосуда. По еще влажной поверхности наносят орнамент, если необходимо нанести слабо прочерченный орнамент, то его следует наносить по уже просушенной поверхности.

В 2011 г. экспериментально были изготовлены сосуды разных форм и размеров. Это были крупные баночные сосуды с широким устьем (рис. 1: *д–ж*; 2: *а–в*), остродонные сосуды (рис. 2: *д*, *е*; 4: *а–в*), колоколовидные сосуды (рис. 4: *ж*, *з*). Процесс изготовления колоколовидных сосудов показан на рис. 2: от приготовления раскатанных на деревянной доске лент до их склеивания от венчика ко дну (рис. 2: *г*, *з*).

После сушки всех сосудов выкопали яму для проведения обжига костровым способом. Глубина ямы – примерно 70 см, диаметр – 1,2 м. На дно ямы положили деревянные бревна диаметром примерно 13–18 см, для того чтобы они служили теплоизоляционным слоем и сохраняли тепло. На бревна уложили слой сухих стеблей камыша, на который поставили крупные сосуды вверх дном. На сосуды положили толстый слой сухого камыша и сверху на него уложили вверх дном более мелкие баночные сосуды. Все сосуды в яме покрыли слоем сухого камыша до заполнения краев ямы и выше ее на 30 см. Затем сверху положили сухие сосновые плахи и развели костер, который горел непрерывно сильным пламенем в течение 8 часов. Следует отметить, что примерно последние 4 часа костер поддерживали связками сухого камыша, которые давали очень сильное пламя и высокую температуру. После чего прогоревший костер оставили на 2 суток для остывания, однако этого оказалось мало для завершения процесса. Тогда было принято решение провести ускоренное охлаждение костровой ямы. Для этого убрали золу от камыша и часть углей до тонкого слоя над керамикой. К сожалению, ускоренное охлаждение привело к растрескиванию части сосудов, но это позволило проследить процесс формирования трещин стенок сосудов (при растрескивании), полученных ручной лепкой из лент. Поскольку для описания стенок сосудов необходимо проводить намеренное раскалывание сосудов, то экспериментальным исследованиям растрескивание стенок сосудов не помешало. Эксперименты убедительно показали, что растрескивание лепных сосудов идет не по лентам, а произвольно. В единичных случаях можно было увидеть растрескивание по лентам, это было в том случае, если в процессе формовки сосуда не использовали шликер (жидкую глину) для смазывания стыков лент. Исследование стенок керамики показало, что при описанном процессе формовки сосудов стенки готовых сосудов после обжига получаются плотными, у них равномерная толщина, нет видимых пор и пустот на сломе. Последующее петрографическое и трасологическое изучение экспериментальной керамики позволит более подробно описать полученные результаты и привести микроморфологические характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поплевко, Г. Н. Экспериментальное моделирование керамических форм эпохи неолита / Г. Н. Поплевко // Геология, геоэкология, эволюционная география. – СПб. : Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2010. – С. 173–176.

2. Поплевко, Г. Н. Эксперименты по лепке и обжигу лепной керамики / Г. Н. Поплевко // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии : материалы Междунар. науч. конф., Самара, 17–18 июня 2011 г. – Самара : ПГСГА, 2011. – С. 24–27.

3. Поплевко, Г. Н. Методика экспериментальных исследований по моделированию лепной керамики / Г. Н. Поплевко // Труды III (XIX) Всерос. археолог. съезда. Великий Новгород–Старая Русса. – СПб.; М. ; Великий Новгород : ОАО «Новгородский технопарк», 2011. – Т. II. – С. 399–401.

4. Поплевко, Г. Н. Эксперименты по лепке сосудов из разных глин на твердой основе / Г. Н. Поплевко // Экология древних и традиционных обществ : сб. докл. конф. – Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 136–139.

5. Поплевко, Г. Н. Эксперименты по формовке и обжигу лепных керамических сосудов / Г. Н. Поплевко // Проблемы археологии Кавказа (к 70-летию Ю. Н. Воронова) : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ю. Н. Воронова. – Сухум : РУП «Дом печати», 2011. – С. 45–52.

6. Поплевко, Г. Н. Экспериментальное моделирование керамики эпохи неолита / Г. Н. Поплевко // Археолог. зап. – Ростов-на-Дону : Донское археолог. обво, 2012. – Вып. 7. – С. 342–353.

7. Поплевко, Г. Н. Экспериментальное моделирование профилированной керамики / Г. Н. Поплевко // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа : исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения : материалы Междунар. науч. конф. – Махачкала : ИД «Мавраевъ», 2012. – С. 117–119.

Галіна Паплёўка

ЭКСПЕРЫМЕНТЫ ПА ЛЕПЦЫ ПРАФІЛЯВАНАЙ КЕРАМІКІ

Рэзюмэ

Прадстаўлены вынікі эксперыментальных даследаванняў па фармоўцы неалітычных сасудаў слоікавых формаў, якія зроблены з дапамогай формы-асновы і без яе. Разгледжаны шэсць спосабаў фармоўкі прафіляваных сасудаў. Лепку сасудаў праводзілі стужачным спосабам. Коратка апісаны працэсы падрыхтоўкі глінянай масы, фармоўкі сасудаў і абпалу сасудаў кастровым спосабам.

Galina Poplevko

EXPERIMENTS ON MODELING OF SHAPED POTTERY

Summary

The paper presents the results of experimental research on forming of Neolithic vessels form, manufactured with the help of the form of-basis and without it. Six receptions for forming shaped vessels are reviewed. Pottery vessels had belt way. The article briefly describes how to prepare the clay mass and forming blood vessels. The process of firing vessels in the fire is described.

Поступила 21.02.2013 г.

УДК 903/904(477)«00/01»+39(477)«00/01»

Максим Челноков (Киев, Украина)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ МЕЖДУ ДНЕСТРОМ И ДОНОМ В РАННЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Этнокультурные процессы, проходившие в раннеримское время на территории лесостепного Поднепровья, безусловно, оказали решающее влияние на генезис славянского материального комплекса. Становление славянства не проходило в изоляции. В него оказались вовлечены и сыграли свою немаловажную роль кельто-германские и, возможно, кочевнические этнокультурные элементы. Вероятно, именно включение данных культурных компонентов и обусловило своеобразие славянских диалектов в сравнении с балтскими говорами, входившими с ними в одну языковую область.

До недавнего времени лидирующее положение в изучении проблемы дезинтеграции первичного балто-славянского массива играло языкознание. Однако выделение на территории Поднепровья и бассейнов Дона и Северского Донца ряда горизонтов раннеримского времени позволяет говорить о выдвижении археологии на ведущие позиции в решении этого вопроса. Впрочем, о завершении формирования в археологических исследованиях картины этнокультурных процессов, сопровождавшей выделение славянских языков, говорить все еще преждевременно.

Наиболее важным препятствием для создания стройных, непротиворечивых концепций этногенеза на территории лесостепи между Днестром и Доном в раннеримское время является недостаточный уровень исследованности отдельных регионов и / или неудовлетворительное качество публикаций уже полученного археологического материала. Эта проблема дает о себе знать прежде всего при установлении характера взаимосвязей между позднезарубинецкими и «лесными» памятниками. Решение этой проблемы, по мнению многих специалистов, может пролить свет на ряд существенных аспектов славянского этногенеза. Так, планомерные работы по изучению памятников I–II вв. н. э. в одном из наиболее важных в данном отношении районов – Припятском Полесье, были начаты только в 2000-х годах [4]. Выявленные материалы доказали безосновательность поддерживаемой К. В. Каспаровой гипотезы о полном отсутствии зарубиноидных памятников в данном регионе в позднезарубинецкое время. Впрочем, результаты этих довольно ограниченных по масштабам исследований все еще являются недостаточными для построения детальных схем этнокультурного развития региона в раннеримское время [3].

Проблемы того же плана существуют в изучении позднезарубинецких памятников типа Грини–Вовки. По происхождению данные древности, очевидно, связаны с лесной зоной Восточной Европы. Не занимая четко очерченного ареала, они заметно отличаются от окружающих группировок лютежского и почепского типов, являя собой свидетельства определенных, довольно заметных миграций «лесного» населения на юг. Вместе с тем окончательного выделения аналога памятников типа Грини–Вовки на землях Южной Беларуси, из которых они предположительно «выплескиваются» на территорию лесостепного Поднепровья, пока что не произошло. Возможно, к подобному кругу древностей относится поселение Погост, расположенное, впрочем, значительно севернее – на р. Одров поблизости от Орши, где во время археологических разведок вместе с груболепной керамикой с расчесами обнаружена фибула, близкая к типу Альмгрен 84 [24, с. 75]. Горшки с орнаментированной штриховкой поверхностью и профилировкой, близкой по форме как позднезарубинецким памятникам, так и древностям типа Абидня, зафиксированы в материалах поселения Симоновичи на р. Птичь, верхний горизонт которого можно датировать второй половиной II в. н. э. [17].

По мнению А. М. Медведева, тезис о генетической связи памятников типа Грини–Вовки с зарубинецкими древностями типа Кистени–Чечерск, отстаиваемый А. М. Обломским, все еще требует надежного обоснования, принимая во внимание хронологический хиатус между ними, зафиксированный на материалах могильника Юрковичи [2, с. 297]. Вместе с тем А. И. Дробушевский, несмотря на отсутствие надежного датирующего материала, склонен рассматривать древности чечерского типа в качестве переходного горизонта, который отражает процесс трансформации классической зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья в позднезарубинецкие древности [15, с. 123]. Завершение этого процесса ознаменовало появление своеобразных памятников типа Симоновичи [14].

А. А. Егорейченко указывает на факт прекращения четко фиксируемых контактов племен культуры штрихованной керамики с более южными областями после распада классической зарубинецкой культуры [18, с. 38]. Попадание в ареал распространения культуры поздней штрихованной керамики таких

предметов, как глазчатая фибула с городища Ивань, подковообразная фибула с эмалями из Малышек и сильнопрофилированные фибулы из городищ Кащеличи и Мысли, по мнению А. А. Егорейченко, следует связывать скорее с западными влияниями. Впрочем, подобная позиция противоречит недавно обнаруженным материалам, которые позволяют говорить скорее об усилении контактов между «зарубинцами» и «штриховиками» в раннеримское время [3].

Таким образом, памятники типа Грини–Вовки остаются наименее изученной позднезарубинецкой группировкой, которая не образует четко очерченной группы ни в одном из регионов Поднепровья. На них обнаружены лишь два жилища: по одному полуземляночному, с центральным опорным столбом, раскопанные на поселениях Грини и Вовки. Этот факт может указывать на высокую мобильность групп населения, оставившего памятники данного типа.

Несколько разнятся также мнения специалистов относительно их хронологии и ареала распространения. В то время как Р. В. Терпиловский ограничивает время их существования преимущественно второй половиной II в. н. э. [48, с. 49], А. М. Обломский [32] и М. Б. Щукин [55] относят к данному горизонту некоторые киевские комплексы с керамикой, орнаментированной расчесами (Абидня, Верхнестриженское-3, Мена-5).

С изучением начальных этапов славянского этногенеза и решением вопроса дальнейшей судьбы позднезарубинецких культурных традиций тесно связана проблема атрибуции довольно своеобразных верхнеднепровских памятников типа Абидня–Тайманово [49]. Поселения и могильники III–V вв. н. э. вблизи Могилева, исследованные Л. Д. Поболем еще в 1960-е годы, принесли довольно значительный объем археологических материалов, которые все еще остаются опубликованными только частично [2, с. 296]. Это не дает возможности уверенно судить об их культурной принадлежности. Очевидной является лишь их близость наряду с киевскими памятниками к кругу культур лесной зоны. К сожалению, исследования, сопоставимые по масштабам с работами Л. Д. Поболя 1970-х годов, на памятниках киевской культуры Верхнего Поднепровья в дальнейшем не проводились. За исключением поселения Щатково на Березине, Абидня и Тайманово остаются, по сути, единственными раскопанными широкими площадями памятников верхнеднепровского локального варианта киевской культуры. На определенном этапе исследования Л. Д. Поболь, в отличие от абсолютного большинства исследователей киевской культуры, считал Абидню и Тайманово простым продолжением зарубинецких памятников региона, сообщая также о нескольких сотнях расположенных на землях Юго-Восточной Беларуси пунктов с подобным материалом [43].

Не исключено, что именно недостаточной степенью археологического обследования соответствующих ареалов на предмет наличия памятников позднелатенского и раннеримского времени, следует объяснять почти бесследное, за исключением разрозненных находок ребристых лощеных мисок в мощинской культуре, исчезновение почепских памятников [34]. Выяснению судьбы почепских древностей Нижнего Подесенья препятствует ненадлежащий уровень исследования и публикаций довольно интересных комплексов с поселения первых веков нашей ээры Белый Груд [53].

Возможно, недостаточным объемом источниковедческой базы следует объяснять неуловимость «пшеворских» традиций посеймского региона, связанных с памятниками типа Харьевка, в древностях последующего времени [36]. Яркие пшеворские элементы, характерные для раннеримских памятников этой культуры, фиксируются на позднезарубинецких комплексах бассейна Псла, расположенных недалеко от области распространения поселений типа Харьевка. Однако конкретные направления пшеворских миграций в обоих случаях фиксируются пока что невыразительно – в виде разрозненных находок центральноевропейских фибул и шпор на пути продвижения довольно мобильных военизированных групп. Единственным памятником, который доказывает присутствие собственно пшеворских племен на территории Посеймья, выступает Мутинский могильник [19]. Учитывая высокий социальный статус погребенных на нем дружинников, не исключено наличие других, пока что необнаруженных, пшеворских памятников в бассейне Сейма.

В рамках современного состояния источниковедческой базы не находит удовлетворительного объяснения факт распространения в Верхнем Подонье изделий круга выемчатых эмалей, которые в раннеримское время были характерны, прежде всего, для памятников типа Картамышево-2–Терновка-2 [20]. Спорной остается культурная атрибуция могильника с кремациями, обнаруженного на III Чертовицком городище. Р. В. Терпиловский, отмечая схожесть зафиксированного здесь погребального обряда с обрядом киевской культуры, указывает на невозможность четкой культурной атрибуции этого памятника, на котором отсутствуют какие-либо предметы инвентаря за исключением посуды скифо-сарматских форм [48, с. 39]. А. М. Обломский считает его специфическим памятником ритуального характера, возникшим в результате контактов позднескифских и позднезарубинецких племенных группировок в верхнедонском регионе [35].

Лишь начинается изучение весьма своеобразных памятников типа Шапкино–Инясево. По мнению А. А. Хрекова, набор прихоперской посуды по таким показателям, как пропорции, соотношения форм, орнаментация и технология изготовления, является переходным от позднезарубинецкого керамического комплекса Днепровского Левобережья типа Картамышево-2–Терновка-2 к раннекиевской керамике

типа Шишино-5, Шмырево, Приоскольское-2 [51]. К этому выводу подталкивает сравнительно поздняя датировка некоторых прихоперских комплексов. Так, на поселении Репное обнаружена круглая железная пряжка с плоским язычком удлиненно-подтреугольной формы типа С 13 по Р. Мадыде-Легутко, датированная А. А. Хрековым III в. н. э. [50, с. 106].

Несколько отличную позицию касаемо инясевских древностей занимают Я. П. Мулкиджанян, Д. В. Акимов и А. М. Обломский. Так, поясные пряжки, известные с могильника Инясево, которые имеют близкие северокавказские аналогии, по мнению Д. В. Акимова следует датировать широко: III–IV вв. н. э. [1, с. 17]. Я. П. Мулкиджанян, отталкиваясь главным образом от особенностей керамического комплекса раскопанного ним поселения Борисоглебское-4, представленного, впрочем, лишь мелкими обломками, датирует памятник второй половиной II – серединой III в. н. э., и соотносит его с раннекиевскими поселениями Днепровского Левобережья [30, с. 172].

Принимая во внимание данные замечания, А. М. Обломским предложено пересмотреть тезис об исключительно позднезарубинецком характере инясевских древностей. По мнению исследователя, они включают как позднезарубинецкий, так и раннекиевский горизонты. Следовательно, такие памятники, как могильник Инясево и поселение Борисоглебское-4 следует считать раннекиевскими. Они представляют отдельный, хоперский локальный вариант киевской культуры, характеризуемый в силу своей изолированности рядом архаических зарубинецких черт [37, с. 43]. Особенно они заметны на могильнике Инясево, где, несмотря на сравнительно позднюю датировку памятника, зафиксирован погребальный обряд, который существенно отличается от захоронений киевской культуры, сохраняя при этом элементы, присущие погребениям классического этапа зарубинецкой культуры. К числу зарубинецких элементов на памятнике относятся: залегание кальцинированных костей в виде компактной линзы, их расположение в анатомическом порядке, сравнительно многочисленный инвентарь почти во всех погребениях, четкие границы могильных ям, которые имеют продолговатую форму, наличие посудин-приставок (пог. 7). Подобные черты отмечаются также на позднезарубинецком могильнике Рахны, в целом отличающемся от памятников киевской культуры.

Р. В. Терпиловский в отличие от А. М. Обломского, основываясь главным образом на параллелях в керамическом комплексе, отмечает заметное сходство инясевских памятников и древностей типа Картамышево-2–Терновка-2, не исключая датировку этой группы второй половиной II в. н. э. [48, с. 33].

Не до конца понятным остается этнокультурный контекст появления на территории Украины в конце позднего предримского – в начале раннеримского времени ряда очагов, связанных с черной металлургией, сходных с производственными центрами Закарпатья и Свентокшиских гор. Так, первые исследователи Уманского центра, учитывая его размещение вблизи черняховского поселения, датировали появление комплекса III–IV вв. н. э. [25]. Впоследствии в научной литературе была предложена позднезарубинецкая атрибуция производственных центров под Уманью, основывающаяся, впрочем, лишь на нескольких обломках керамики, обнаруженных в пункте Умань I [41, с. 208]. Дальнейшие археологические исследования в районе Умани, проведенные на металлургическо-кузнечном очаге Синица I и поселении Синица II, которые вероятнее всего и связаны с «рабочими площадками» местного металлургического центра, предоставив существенную новую информацию касаемо технологических аспектов производства, оставили, впрочем, вопрос этнокультурной атрибуции данных комплексов до конца нерешенным. В то время, как авторы раскопок, поддержанные, в частности, С. В. Воронятовым [12, с. 58], продолжают относить Уманский центр к числу позднезарубинецких памятников [39, с. 112], ведущие исследователи последних, А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский, по итогам личного ознакомления с немногочисленными керамическими материалами поселений рубежа эр в районе р. Синица пришли к выводу об отсутствии в их составе характерных для позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта остроребериых мисок с прямыми венчиками. Вместе с тем среди мисок из Синицы представлены экземпляры с венчиками, подграненными с внутренней стороны, в равной мере присущие как классическим зарубинецким памятникам Среднего Поднепровья, так и поенешти-лукашевской культуре [33, с. 32].

Таким образом, этнокультурный контекст появления Уманского металлургического центра, как и схожих производственных очагов поблизости от сел Пидвысоке Кировоградской области [40] и Кихти Житомирской области [38], учитывая бедность культурного слоя данных памятников, отображающих их связь с узкоспециализированной ремесленной деятельностью, требует дальнейших поисков. В частности, только по подъемным материалам можно составить представление о поселении Синица I, в отличие от производственного комплекса Синица II, который был подвергнут стационарным раскопкам.

Скорее всего, недостаточной обследованностью на предмет памятников позднего предримского и раннеримского времени ряда районов дунайско-днестровского региона следует объяснять существующую неопределенность в вопросе финала поенешти-лукашевской культуры. По крайней мере, материалы таких памятников, как могильник Долиняны [46], погребение из Рекэтэу и поселение Великая Слободка [7], подталкивают к пересмотру господствовавшую долгое время концепцию о полном разгроме поенешти-лукашевских племен вследствие походов Буребисты в середине I в. до н. э. Два наиболее поздних погребения могильника Долиняны по находкам

наконечников ножен от римских гладиусов типа Майнц датируются I в. н. э. Таким образом, фаза III могильника не находит соответствий на других известных памятниках поенешти-лукашевской культуры, которые в это время уже прекращают функционировать. Особенности зафиксированного на этом памятнике погребального обряда вынудили некоторых исследователей сомневаться в его принадлежности к поенешти-лукашевской культуре [42]. Так, 78% из 58 изученных на могильнике погребений представляют безурновые кремации. Это крайне нетипично для поенешти-лукашевской культуры, где фиксируется полное преобладание урновых погребений. Не исключено, что ряд особенностей памятника можно объяснить миграцией в конце I в. до н. э. на территорию Северной Буковины носителей нижнеодерской группы ясторфских древностей.

Не в последнюю очередь недостаточным объемом источников объясняется очевидная на данном этапе исследования неопределенность терминологического аппарата, при помощи которого специалисты обозначают те или иные восточноевропейские археологические группировки раннеримского времени. Так, в отношении памятников так называемого зубрицкого типа используются понятия, как группы, так и культуры. Д. Н. Козак склонен рассматривать зубрицкие памятники в качестве сравнительно гомогенной части единого венедского массива, формирующегося в I–II вв. н. э. на территории от Днепровского Левобережья до Поднестровья [21, с. 30]. В то же время В. Н. Войнаровский указывает на незавершенность интеграции восточно-пшеворского и зарубинецкого массивов в рамках зубрицких комплексов, четко различая пшеворский и зарубинецкий компоненты даже на одном из поздних памятников, демонстрирующем переходные зубрицко-черняховские черты, датированном IV в. н. э. на поселении Гряда I [8, с. 80; 10].

По мнению М. Б. Щукина, опиравшегося в своих построениях помимо археологических источников на лингвистическую концепцию балто-славянского диалектного единства [54, с. 285–286], в становлении позднезарубинецких памятников решающим являлся вклад лесных культур. Элементы, связанные с культурами лесной зоны, в позднезарубинецких материалах проявляются настолько выразительно, что позволяют говорить о полной утрате позднезарубинецкими памятниками ряда черт, связанных с классическим периодом. Данный трансформационный процесс обусловил их культурный переход из «третьего мира» латенизированных «мисочных» культур Средней Европы в «четвертый мир» балтских «горшечных» безфибульних культур по образцу днепро-двинской, юхновской и поздней культуры штрихованной керамики [57, с. 60–61]. Представленные аргументы, по М. Б. Щукину, доказывают нецелесообразность использования устоявшегося термина «позднезарубинецкие памятники» для обозначения горизонта Рахны–Почеп. Более подходящим, по мнению исследователя, является понятие «постзарубинецкие памятники». Ему отдают предпочтение, в частности, исследователь древностей типа Шапкино-Инясево А. А. Хреков [50] и С. В. Воронятов [11].

По-разному отдельными специалистами оценивается структура киевских памятников, сформированных на позднезарубинецком субстрате. Если Р. В. Терпиловский склонен говорить о киевской культуре, гомогенной в основных чертах материального комплекса по всей территории ее распространения [48], то М. В. Лопатин и О. Г. Фурасьев, выделяя новый западнодвинский ареал распространения киевских памятников, представленный синкретическими древностями типа Узмень–Заозерье, которые объединяют черты памятников позднезарубинецкого культурного круга типа Грини–Вовки с днепро-двинскими и верхнеднепровскими киевскими элементами, предпочитают термин «киевская культурно-историческая общность» [27, с. 5]. М. Б. Щукин выразил сомнение относительно гомогенности субстрата, на базе которого сформировались среднеднепровский, деснинский и верхнеднепровский локальные варианты данного археологического образования [55].

Недостатком целенаправленных археологических поисков объясняется неопределенность иерархического положения на археологической карте Восточной Европы I–II вв. н. э. таких часто трудноуловимых маргинальных образований с зарубинецкими чертами, как верхнеднепровские группировки классической зарубинецкой культуры типа Кистени–Чечерск [16], памятники среднетушемлинского типа [27, с. 85], материалы типа верхнего слоя городища Полужье [13, с. 53], древности типов Гриневичи–Вельки, Кутова–Радость и Курадово Восточной Польши и Юго-Западной Беларуси, памятники типа Грини–Вовки, позднезарубинецкие древности бассейна Хопра. Применительно к ним на современном уровне знаний почти в равной мере целесообразно использовать понятия «локальный вариант», «группа» или «горизонт».

Дискуссионной является целесообразность выделения в Поднестровье звенигородской группы памятников [54, с. 230], учитывая чрезвычайно слабую интеграцию в ее рамках дакийского, пшеворского, зарубинецкого и сарматского компонентов, которая не позволяет говорить о хотя бы частичном растворении любого из них в определенном гомогенном субстрате. Зафиксированные в рамках данных четырех этнических массивов явления сосуществования групп разнокультурного населения и товарного обмена сами по себе не позволяют говорить о едином, четко выделенном археологическом явлении. В состав этого образования М. Б. Щукиным включены погребения из Чижикова и Колоколина, погребение из Лучки, поселения Пидберизцы и Бернашивка, могильники Гоева Гора и Загуменки поблизости от Звенигорода, а также могильники Болотня и Гринев [54, с. 231]. Впоследствии, по мнению М. Б. Щукина и

Л. В. Вакуленко [6], на основе данного синкретического пшеворско-дако-сармато-зарубинецкого горизонта второй половины I в. н. э. образовывается собственно липицкая культура.

Не исключено, что незавершенность процесса интеграции дакийских и пшеворских компонентов на территории Верхнего Поднестровья можно объяснить расположением данных группировок, во всяком случае до начала заселения ими Прикарпатья, в различных природно-географических нишах. Большинство липицких памятников Верхнего Поднестровья обнаружено в границах природных регионов, главной характеристикой которых являются холмистые лесные ландшафты. Пшеворские же памятники тяготеют к плоским или несколько пересеченным ландшафтам равнинного типа, покрытым лёссовыми отложениями, типичными черноземами, темно-серыми и серыми оподзоленными почвами [47, с. 24].

Хотя принадлежность липицких памятников к дакийскому кругу культур невозможно отрицать, до сих пор не проведено исчерпывающего сравнения дакийских комплексов Поднестровья с дакийскими древностями Румынии. Вследствие этого сомнительной остается необходимость выделения отдельной липицкой культуры. Не менее дискуссионным выглядит однозначное приписывание липицких древностей племени костобоков, так как в письменных источниках отсутствуют достаточно точные для этого хронологические и территориальные привязки. До конца невыясненной является проблема коренной территории костобоков, и, в конечном итоге, их языковой атрибуции. Видимо, отсутствием дополнительных археологических изысканий следует объяснять невозможность проследить путь миграции липицких племен из коренных дакийских земель в район Верхнего Поднестровья [61].

Своеобразную группу в рамках липицких древностей образовывают богатые ингумационные погребения (Чижиков, Колоколин, Рожневые Поля), расположенные, как правило, в стороне от липицких могильников и поселений. Характер инвентаря, среди которого, наряду с явно липицкой керамикой, встречаются престижные провинциальноримские импорты, вынудил некоторых исследователей отнести их к числу памятников так называемого любешовского типа, представляющих собой погребения представителей варварской военной элиты, вовлеченной в политическую орбиту Рима [62]. Появление данного горизонта совпадает со «словацкой» волной провинциально римских импортов и датируется ступенями B1b и B1c общеевропейской хронологии.

В керамическом материале более поздних липицких поселений (Стрилки I, Ремезивцы, Майдан-Гологирский, Лыпивцы и т. д.), по мнению В. Н. Цыгилика, прослеживается определенное влияние позднезарубинецких элементов, что дало исследователю основание объединить данные памятники в так называемую гологирскую группу древностей [52, с. 217]. Впрочем, наличие «зарубиноидных» компонентов на этих поселениях некоторыми исследователями поставлено под сомнение, учитывая невыразительность керамических форм, не в меньшей мере подобных посуде пшеворской культуры [5, с. 100].

На территории Верхнего Подонья приблизительно в то же время начинает складываться противоположная по своей сути ситуация тесного симбиоза среднедонских, позднескифских и сарматских элементов [29], который, не исключено, происходил при участии определенного, хотя и незначительного, количества позднезарубинецких компонентов [31]. Глубокое взаимопроникновение данных культурных традиций в этом регионе делает актуальным вопрос разработки адекватного терминологического аппарата для описания схожих культурных явлений в дальнейшем.

Возможно, неопределенность терминологии, сложившейся в ходе изучения некоторых археологических образований I–II вв. н. э., объясняется не столько недостаточным уровнем их изученности, сколько самим характером введенного в научный оборот археологического материала. Демонстрируя в ряде случаев постепенное исчезновение позднелатенских традиций и появление отдельных провинциально римских элементов, он вместе с тем указывает на давление лесных и кочевнических племен на земледельческое население лесостепи. Данные процессы сопровождались активизацией миграций, переходом отдельных втянутых в них племенных образований к подвижному образу жизни. Эти факторы препятствовали выработке стабильных форм материальной культуры, обусловливая их отражение в археологическом материале в виде размытых образований синкретического характера, которые были включены в широкий круг связей и взаимных влияний с соседями историко-культурными образованиями. Так, одним из наиболее вероятных путей попадания к лесостепным племенам таких вещей, как глазчатые фибулы и вещи круга варварских эмалей с территории Прибалтики, могло быть посредничество лесных племен [32, с. 28–29]. Транслятором же провинциально римских и эллинистических элементов в среду оседлых племен Поднепровья, наряду с племенами пшеворской культуры, скорее всего, выступали также сарматы [11], отношения которых с зарубинецкими группировками, судя по характеру довольно ограниченного и разрозненного археологического материала, могли быть как враждебными, так и даннических.

Анализируя характер взаимовлияния автохтонных племен Восточной Европы с сарматами, следует говорить скорее о сарматизации оседлого населения, которое проявляется в Подонье даже при частичном переходе оседлых племен к кочевому скотоводству, нежели о каких-либо существенных признаках распространения земледельческого хозяйства среди сарматов [28, с. 201]. Таким образом, наличествующий археологический материал опровергает распростра-

ненные в исторической литературе клише о «превосходстве» культуры земледельцев в сравнении с кочевническим культурным комплексом, которое, якобы, всегда приводило к ассимиляции номадов земледельцами. В то же время необходимо подчеркнуть разные объемы и уровень репрезентативности археологического материала, отражающего взаимоотношения сарматов и земледельцев на территориях Поднепровья и Верхнего Подонья. Очевидно, что материалы Подонья более пригодны для постройки обоснованных теоретических моделей контакта между оседлым населением и кочевниками в римское время.

Отдельного рассмотрения требует проблема участия пшеворских племен в начальных этапах славянского этногенеза. На значительную роль населения пшеворской культуры в возникновении археологических группировок, которые следует связывать з протославянскими племенами, указывали в частности И. П. Русанова, В. В. Седов и Д. Н. Козак. При этом данными исследователями в качестве доказанного принимался тезис о полиэтничном характере пшеворской культуры, т. е. о существовании в ареале ее распространения западной группировки, представляющей племена «между кельтами и германцами», возможно, известные из античных письменных источников как лугии или вандалы, и восточного, славянского массива, соответственно, репрезентирующего протославянское племя венедов. Поскольку, во всяком случае, на раннем этапе своего развития материальный комплекс пшеворской культуры, несмотря на слияние кельтских и германских черт, отличается значительной гомогенностью, главным индикатором славянского компонента в ней было признано наличие ямных погребений с бедным инвентарем [45, с. 182]. Впрочем, подробно анализируя разные типы пшеворских погребальных памятников с территории Польши, И. П. Русанова указывала на сложность установления точного количества гипотетически славянских захоронений в каждом из пшеворских ареалов, учитывая невыразительность их инвентаря и, таким образом, возможность смены этнической атрибуции того или иного комплекса в зависимости от наличия или отсутствия мельчайших деталей. Исходя из этих предпосылок, точную этнокультурную интерпретацию большинства пшеворских погребений И. П. Русанова считала невозможной [44, с. 129–130]. М. Б. Щукин обратил внимание на ограниченность территории распространения немногочисленной керамики «спецымежского» типа, которую довольно часто используют в процессе поисков прототипов форм раннесредневековой славянской посуды [56]. Решительно отрицает наличие венедского, т. е. протославянского, компонента в составе пшеворских древностей и большинство польских археологов [9].

Даже принимая тезис о ямных погребениях пшеворской культуры как славянских, остается нерешенным вопрос о роли ее «венедского» компонента в генезисе памятников зубрицкого типа, которые, в соответствии с концепциями В. Д. Барана и Д. Н. Козака, выступили субстратом верхнеднестровских протославянских древностей типа Черепин–Теремцы. Большинство из тех немногих достоверно пшеворских погребений, которые исследованы на западно-украинских землях, являются урновыми. Они часто сопровождаются типичным для германского круга культур инвентарем в виде ритуально поврежденных предметов вооружения и шпор [26]. На западно-украинских землях, в отличие от территории Польши, пшеворские погребения не образуют крупных могильников – они представлены единичными, разрозненными объектами, которые располагаются отдельно или на могильниках липицкой культуры. Эти данные указывают на подвижность пшеворских мигрантов, которая, очевидно, объяснялась их значительной военной активностью [23, с. 13]. Два ямных погребения пшеворской культуры, известные на одном из липицких могильников неподалеку от Звенигорода (усадьба Великача), являются скорее исключением. Возможно, количество пшеворских ямных погребений, обнаруженных на западно-украинских землях, может увеличиться, если к их числу отнести некоторые комплексы с могильника Болотня, на котором процент ямных погребений в сравнении с другими липицкими памятниками является наибольшим.

Таким образом, на материалах погребальных памятников с достоверно установленной культурной принадлежностью значительное участие гипотетического «венедского» элемента в пшеворской миграции на западноукраинские земли не прослеживается. Вероятно, в данном случае следует говорить не о встрече двух частей венедского массива [9, с. 338], а скорее о венедско-германском симбиозе, выраженном в виде древностей зубрицкого типа. В этой связи интересным представляется отсутствие данных о каких-либо контактах между зарубинецкими племенами и пшеворской культурой в I в. до н. э. – I в. н. э., когда в Полесье их ареалы были разделены только р. Горынь на востоке и средним течением правых притоков р. Припять на севере [22, с. 113].

Результатами новых исследований не подтверждается также выдвинутая еще в 1980-х годах и поддержанная рядом польских археологов гипотеза о наличии тесных контактов, датированных ранее середины I в. н. э., между пшеворской и классической зарубинецкой культурами в рамках так называемой черничинской группы [58, s. 45–143]. В своих недавних работах Т. Домбровская склоняется к рассмотрению черничинских памятников в качестве одной из латенизированных группировок, связанных, прежде всего, с ясторфскими древностями [59, s. 212]. В подобном ключе в настоящее время рассматривает памятники этого типа и А. Коковский [60, s. 182–183].

Вероятно, более продуктивны поиски «венедского» элемента, связанного, скорее всего, с зарубинецким компонентом, в керамических материалах пшеворских поселений на западноукраинских зем-

лях. Впрочем, вопрос как общего этнокультурного районирования пшеворской культуры в целом, так и роли разных ее компонентов в становлении древностей зубрицкого типа, удастся решить лишь после исчерпывающего рассмотрения конкретных черт соответствующих пшеворских комплексов. Сделанные до этого попытки подобных исследований в настоящее время позволяют очертить лишь приблизительный круг требующих решения проблем, связанных с этнокультурным районированием пшеворских древностей, учитывая предположительно венедскую атрибуцию отдельных пшеворских группировок.

Подытоживая вышеизложенное, можно утверждать, что основным препятствием в изучении этнокультурных процессов раннеримского времени в лесостепи между Днестром и Доном является ограниченность источниковедческой базы. Она вызвана, в частности, наблюдающимся в последнее время общим падением интереса к «славянской» археологии в целом и раннеримским древностям Поднепровья в частности. Позднезарубинецкие памятники, анализ которых имеет ключевое значение в вопросе об истоках формирования славянского материального комплекса, исследованы неравномерно. Картина эталонного материального комплекса в Среднем Поднепровье составлена исходя из довольно скудного числа находок. Основная их часть происходит из раскопок двух поселений, информация об одном из которых опубликована лишь частично. Только начинается исследование памятников позднезарубинецкого горизонта на территории Полесья. Видимо, именно на данной территории и следует искать часть предпосылок, обусловивших своеобразие позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта. Незначительным остается объем информации о своеобразных памятниках типа Грини–Вовки и Шапкино–Инясево. Важность дальнейшего изучения этих древностей обусловлена их промежуточным хронологическим положением между позднезарубинецкими и киевскими памятниками. Эта их особенность позволяет предполагать существование некоего, все еще нечетко очерченного, промежуточного позднезарубинецко-раннекиевского горизонта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов, Д. В. Лесостепное Подонье на рубеже древности и средневековья (III–-V вв. н. э.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07. 00. 06 / Д. В. Акимов ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001. – 22 с.

2. Археалогія Беларусі. У 4 т. / рэдкал. : М. В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1997–2001. – Т. 2 : Жалезны век і ранняе сярэднявечча / В. І. Шадыра [і інш.]. – 1999. – 502 с.

3. Белявец, В. Г. Беларускае Заходняе Палессе ў перыяд правінцыйнарымскіх уплываў – стан и перспектывы даследаванняў / В. Г. Белявец // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. – Warszawa, 2004. – С. 227–265.

4. Белявец, В. Г. Матэрыялы перыяду рымскіх уплываў з паселішча Курадава I / В. Г. Белявец, В. С. Вяргей // ГАЗ. – 2005. – № 20. – С. 87–106.

5. Бидзиля, В. И. Липицкая культура / В. И. Бидзиля, И. П. Русанова // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / В. И. Бидзиля, И. П. Русанова. – М., 1993. – С. 96–104.

6. Вакуленко, Л. В. Этнокультурная ситуация в Верхнем Поднестровье в I–II вв. н. э. / Л. В. Вакуленко // Древние славяне и Русь : сб. науч. тр. / Ин-т археологии НАН Украины ; под ред. П. П. Толочко. – К., 1989. – С. 22–34.

7. Винокур, И. С. Об историко-культурной интерпретации памятников Среднего Поднестровья рубежа и первых веков новой эры / И. С. Винокур, В. Ф. Мегей // Древние славяне и Русь : сб. науч. тр. / Ин-т археологии НАН Украины ; под ред. П. П. Толочко. – К., 1989. – С. 14–22.

8. Войнаровський, В. М. [Рецензія] / В. М. Войнаровський // Археологія. – 2009. – № 4. – С. 79–86. – Рец. на кн. : Козак Д. Н. Венеди / Д. Н. Козак. – К. : Ін-т археології НАН України, 2008. – 470 с.

9. Войнаровський, В. М. [Рецензія] / В. М. Войнаровський // МДАПВ. – 2006. – Вип. 10. – С. 334–343. – Рец. на кн. : Wandalowie. Strażnicy bursztynowego szlaku. Katalog wystawy. – Lublin ; Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. – 374 с.

10. Войнаровський, В. М. Керамічний комплекс виробничого поселення IV ст. н. е. Гряда I поблизу Львова / В. М. Войнаровський // МДАПВ. – 2010. – Вип. 14. – С. 296–312.

11. Воронятов, С. В. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра / С. В. Воронятов // РА. – 2012. – № 1. – С. 69–81.

12. Воронятов, С. В. Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр : некоторые параллели в моделировании взаимоотношений кочевого и оседлого населения / С. В. Воронятов // материалы Пятой кубанской археолог. науч. конф. / Куб. гос. ун-т, НИИ археологии Куб. гос. ун-та ; редкол. : Б. А. Раев [и др.]. – Краснодар, 2009. – С. 57–60.

13. Дробушевский, А. И. К типологическому соотношению городищ эпохи раннего железа Восточной Беларуси и Брянщины / А. И. Дробушевский // Русский сборник. – 2009. – Вып. 5. – С. 45–55.

14. Дробушевский, А. И. Памятники чечерской группы (типа Кистени–Чечерск) и древности Верхнего Поднепровья периода римских влияний / А. И. Дробушевский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в епохи римских влияний и Великого переселения народов : сб. науч. тр. / Гос. военно-ист. и прир.

муз.-зап. «Куликово поле», Ин-т археологии РАН ; под. ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. – Тула, 2012. – С. 306–329.

15. Дробушевский, А. И. Погребальные памятники рубежа н. э. Нижнего Посожья / А. И. Дробушевский // ГАЗ. – 1996. – № 9. – С. 119–129.

16. Дробушевский, А. И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры / А. И. Дробушевский // Краеведческие записки (К 80-летию Гомельского областного краеведческого музея) : сб. науч. ст. / Гомельский обл. краевед. Музей ; под. ред. А. И. Дробушевского. – Гомель, 2000. – С. 49–77.

17. Дубицкая, Н. Н. Раннеславянское селище Симоновичи на р. Птичь / Н. Н. Дубицкая // Старажытнасці Бабруйшчыны. – 1998. – Вып. 1. – С. 5–17.

18. Егорейченко, А. А. Центральная и северная Беларусь в первой половине I тыс. н. э. // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология) : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. ; под. ред. А. А. Егорейченко. – Минск, 1998. – С. 36–45.

19. Жаров, Г. В. Дружинный могильник рубежа эр на Сейме / Г. В. Жаров, Р. В. Терпиловский // Inter Ambo Maria : Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю : тез. докл. Междунар. конф., Симферополь, октябрь 2012 г. / Таврич. нац. ун-т, Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий» ; под ред. И. Н. Храпунова. – Симферополь, 2012. – С. 306–312.

20. Зиньковская, И. В. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей / И. В. Зиньковская // РА. – 2011. – № 2. – С. 72–80.

21. Козак, Д. Н. Венеди / Д. Н. Козак. – К. : Ін-т археології НАН України, 2008. – 470 с.

22. Козак, Д. Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.) / Д. Н. Козак. – К. : Наук. думка,1992. – 176 с.

23. Козак, Д. Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі / Д. Н. Козак. – К. : Наук. думка, 1984. – 131 с.

24. Колосовский, Ю. В. Памятники киевской культуры в Оршанском Поднепровье / Ю. В. Колосовский, А. С. Куропаткин // Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–V вв. н. э. : сб. науч. ст. / Ин-т археологии РАН ; под ред. Н. В. Лопатина. – М., 2002. – С. 75–82.

25. Кропоткин, В. В. Новый центр железоделательного производства III–IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга / В. В. Кропоткин, В. Е. Нахапетян // СА. – 1976. – № 3. – С. 317–325.

26. Кропоткин, В. В. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская область) / В. В. Кропоткин // КСИА. – 1974. – Вып. 140. – С. 51–56.

27. Лопатин, Н. В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. / Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев. – М. : Ин-т археологии РАН, 2007. – 252 с.

28. Медведев, А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья) / А. П. Медведев. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1990. – 220 с.

29. Медведев, А. П. Феномен верхнедонских могильников в контексте позднесарматских и лесостепных культурных традиций / А. П. Медведев // Материалы и исследования по археологии Юга России. – Ростов-на-Дону, 2011. – Вып. III. – С. 264–279.

30. Мулкиджанян, Я. П. Поселение Борисоглебское-4 в Прихоперье / Я. П. Мулкиджанян // Археология восточноевропейской лесостепи. – 1998. – Вып. 12. – С. 169–179.

31. Обломский, А. М. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья / А. М. Обломский, Т. В. Томашевич // КСИА. – 1993. – № 207. – С. 48–55.

32. Обломский, А. М. О характере миграций населения Центральной и южной Беларуси в лесостепь в римское время / А. М. Обломский // ГАЗ. – 1996. – № 10. – С. 26–32.

33. Обломский, А. М. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга / А. М. Обломский // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.) – М., 2010. – С. 16–35.

34. Обломский, А. М. Памятники типа Почеп / А. М. Обломский // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–II в. н. э.) / А. М. Обломский. – М., 2010. – С. 45–53.

35. Обломский, А. М. Позднезарубинецкие и позднескифские памятники к востоку от Днепра как два этнокультурных массива / А. М. Обломский // Город и степь в евро-азиатской зоне : тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящ. 75-тилетию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова / Ин-т археологии РАН, Ист. фак. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова ; под ред. В. В. Мурашевой. – М., 2006. – С. 78–81.

36. Обломський, А. М. Посейм'я у латенський час / А. М. Обломський, Р. В. Терпиловський // Археологія. – 1994. – № 3. – С. 41–51.

37. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). / А. М. Обломский [и др.] ; под общ. ред. А. М. Обломского. – М. : Ин-т археологии РАН, 2007. – 320 с.

38. Паньков, С. В. Металлургия железа племен Восточной Волыни (Житомирщины) рубежа и первой половины I тыс. н. э. / С. В. Паньков // СА. – 1992. – № 1. – С. 192–197.

39. Паньков, С. В. Нові техніко-технологічні дослідження залишків стародавньої чорної металургії та металообробки в околицях с. Синиця / С. В. Паньков, В. Й. Манічев, Д. П. Недопако // Археологія. – 2003. – № 2. – С. 108–113.

40. Паньков, С. В. Новий центр стародавнього екстенсивного залізодобування в центральній Україні / С. В. Паньков, Д. П. Недопако // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. – 2000. – Вип. 4. – С. 120–126.

41. Паньков, С. В. О развитии черной металлургии на территории Украины в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. / С. В. Паньков // СА. – 1982. – № 4. – С. 201–213.

42. Пачкова, С. П. Про культурну належність могильника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині / С. П. Пачкова // Археологія. – 1984. – № 47. – С. 99–101.

43. Поболь, Л. Д. К проблеме этногенеза славян : анализ археологических культур железного века Белорусского Полесья / Л. Д. Поболь // Полесье и этногенез славян : предварительные материалы и тез. конф. / Моск. гос. ун-т, Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР ; под ред. Н. И. Толстого. – М., 1983. – С. 18–19.

44. Русанова, И. П. Этнический состав носителей пшеворской культуры / И. П. Русанова // Раннеславянский мир. Материалы и исследования : сб. науч. ст. / Ин-т археологии АН СССР ; под ред. С. А. Плетневой, И. П. Русановой. – М., 1990. – С. 119–150.

45. Седов, В. В. Славяне в древности / В. В. Седов. – М. : Науч.-производств. Благотворит. об-во «Фонд археологии», 1994. – 344 с.

46. Смирнова, Г. И. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.) / Г. И. Смирнова, В. Ф. Мегей // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 156–171.

47. Стеблій, Н. Я. Природне середовище в процесах заселення Північно-Західної України (I ст. до н. е. – сер. I ст. н. е.) / Н. Я. Стеблій // Вісн. Ін-ту археології. – 2006. – Вип. 1. – С. 16–26.

48. Терпиловский, Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. / Р. В. Терпиловский. – Люблин : Изд-во Ун-та Марии Кюри-Склодовской, 2004. – 220 с.

49. Фурасьев, А. Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян / А. Г. Фурасьев // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. –2009. – ТГЭ. – Вып. 69. – С. 26–38.

50. Хреков, А. А. Постзарубинецкая стоянка у с. Репное / А. А. Хреков, И. Н. Дьяченко // Археологическое наследие Саратовского края. – 2009. – Вып. 9. – С. 105–111.

51. Хреков, А. А. Этнокультурная ситуация в правобережных районах Саратовского Поволжья в первой половине I тыс. н. э. / А. А. Хреков // Археология восточноевропейской лесостепи. –2006. – Вып. 4. – С. 150–157.

52. Цигилик, В. М. Поселення Стрілки I : результати дворічних досліджень / В. М. Цигилик, В. В. Касюхнич, Р. Т. Грибович // Археолог. дослідження Львівського ун-ту. – 2004. – Вип. 7. – С. 205–234.

53. Шевченко, Ю. Ю. Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры / Ю. Ю. Шевченко // Stratum plus. Петербургский археолог. вестн. (Европейская Сарматия. Сборник статей к 60-летию Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина) / СПб. гос. ун-т ; под ред. М. Ю. Вахтиной, Ю. Г. Виноградова. – СПб. ; Кишинев, 1997. – С. 121–137.

54. Щукин, М. Б. На рубеже эр (Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе) / М. Б. Щукин. – СПб. : Фарн, 1994. – 324 с.

55. Щукин, М. Б. Реплика по поводу киевской культуры / М. Б. Щукин // Европейская Сарматия. XIV чтения памяти Анны Мачинской : сб. науч. тр. / СПб. гос. ун-т ; под ред. Д. А. Мачинского. – СПб., 2011. – С. 239–244.

56. Щукин, М. Б. Рождение славян // STRATUM : Структуры и катастрофы : сб. науч. ст. / редкол. : И. В. Манзура [и др.]. – СПб., 1997. – С. 110–147.

57. Щукин, М. Б. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян / М. Б. Щукин // Славяне : этногенез и этническая история : сб. науч. тр. / Ленинград. гос. ун-т ; под ред. Г. С. Лебедева. – Л., 1989. – С. 56–62.

58. Czopek, S. Grupa czerniczyńska – prezentacja i analiza źródeł / S. Czopek // Prace i Materiały Zamojskie. – 1991. – T. 3. – S. 45–143.

59. Dabrowska, T. Materyały kultury zarubinickiej z ziem polskich / T. Dabrowska // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / T. Dabrowska. – Warszawa, 2004. – S. 209–226.

60. Kokowski, A. Kontinuität und Diskontinuität der Besiedlung in der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und in der römischen Kaiserzeit am Beispiel des Hrubieszów-Beckens / A. Kokowski // Přehled výzkumů. – 2009. – Roč. 50, č. 1–2. – S. 181–212.

61. Popa, A. Bemerkungen zur Archaologie und Geschichte der Kostoboken und ihres Feldzuges auf der Balkanhalbinsel / A. Popa // Thrace in the Graeco-Roman World, Proceedings of the 10th International Congress of Thracology, Komotini–Alexandroupolis, 18–23 October 2005 / Centre for Greek and Roman Antiquity, National Hellenic Research Foundation ; ed. A. Iakovidou. – Athens, 2007. – P. 474–486.

62. Popa, A. Einige Bemerkungen zum frühkaiserzeitlichen Prunkgrab von Kolokolin in der heutigen Ukraine / A. Popa // Germania. – 2004. – № 82/2. – S. 491–509.

Максім Чалнакоў

НЕКАТОРЫЯ ПРАБЛЕМЫ ВЫВУЧЭННЯ ЭТНАКУЛЬТУРНЫХ ПРАЦЭСАЎ ЛЕСАСТЭПАВАЙ ЗОНЫ ПАМІЖ ДНЯСТРОМ І ДОНАМ Ў РАННЕРЫМСКІ ЧАС ПА ДАНЫМ АРХЕАЛОГІІ

Рэзюмэ

У артыкуле прадстаўлена спроба аналізу некаторых праблем, звязаных з даследаваннем этнакультурных працэсаў лесастэпу паміж Днястром і Донам у раннерымскі час. Важнасць гэтага даследавання абумоўлена

шэрагам фактараў. Найбольш відавочным з іх з'яўляецца неабходнасць вылучэння вытокаў славянства, якія, верагодней за ўсё, суадносяцца з познезарубінецкімі старажытнасцямі. Не менш цікавай уяўляецца праблема вылучэння «лясных» элементаў у фарміраванні культуры раннегістарычных славян. Важнае значэнне мае таксама рэканструкцыя гісторыі кельцка-германскіх і сармацкіх плямёнаў на дадзенай тэрыторыі, якая ў шматлікіх момантах шчыльна звязана са станаўленнем славянскіх народаў. Мы ня можам цалкам выключыць істотную ролю ў этнагенезе славян пэўных пшэворскіх і пост-паянэшці-лукашоўскіх элементаў.

Несумненна, што ў вырашэнні згаданых вышэй пытанняў археалагічныя даследаванні адыгрываюць вырашаючую ролю. Аднак, нягледзячы на наяўнасць шэрагу адносна нядаўніх навуковых распрацовак, сучасны стан крыніцазнаўчай базы пакідае жадаць лепшага. Шырокае кола праблем усё яшчэ чакае свайго вырашэння. Сярод іх – пытанне аб ўдзеле «лясных» элементаў у станаўленні познезарубінецкіх старажытнасцей, аб фінале паянэшці-лукашоўскай культуры ды гістарычным лёсе насельніцтва, якое пакінула помнікі тыпу Хар'ёўка.

Maxim Chelnokov

SOME PROBLEMS IN THE STUDY OF ETHNO-CULTURAL PROCESSES OF THE FOREST-STEPPE ZONE BETWEEN DNIESTER AND DON DURING EARLY ROMAN PERIOD ACCORDING TO ARCHEOLOGICAL DATA

Summary

The article provides the analysis of some problems related to research of ethno-cultural processes on forest-steppe territories between Dniester and Don during Early Roman Period. The importance of this kind of research is stipulated by number of factors. The most obvious of them is a necessity of deeper studies of Slavic roots mainly presented in Late Zarubintsy antiquities. Role of forest traditions in shaping of Slavs seems to be not less interesting. We cannot completely rule out noticeable participation of certain Przeworsk and post-Poienesti-Lukasevka elements in development of Early Slavs.

Undoubtedly, the role of archaeology concerning above-mentioned problems is decisive. But despite of this fact and some relatively recent scientific efforts state of actual source base is far from satisfactory. A broad set of questions still remains unanswered. Among them are problem of forest element participation in development of Late Zarubintsy antiquities, issue of final Poienesti-Lukasevka antiquities, question of Przeworsk-influenced Harievka type antiquities historical fate.

Поступила 03.04.2013 г.

УДК [94+902/904(476)(082)]

Георгій Штыхаў (Мінск, Беларусь)

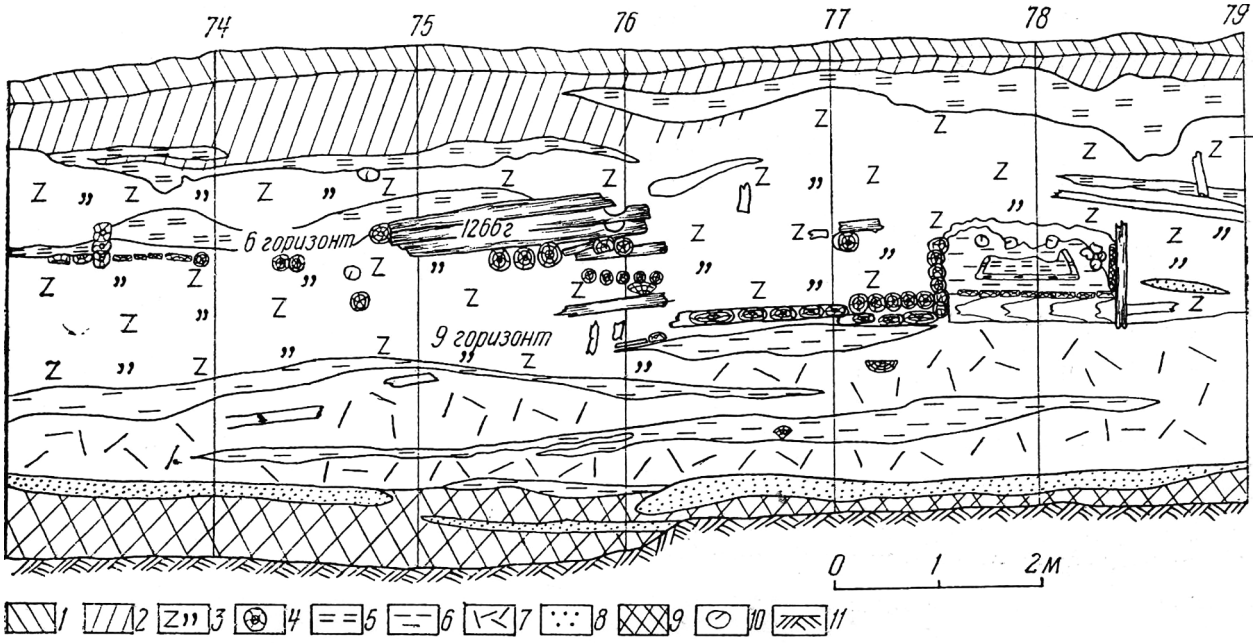
А. Р. МІТРАФАНАЎ – ДАСЛЕДЧЫК ПОЛАЦКА: ПЫТАННІ ДАТАВАННЯ КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТАВАННЯЎ ВЕРХНЯГА ЗАМКА

У 1950-я гады за некалькі гадоў да 1100-гадовага юбілею горада Інстытутам гісторыі Акадэміі навук Беларускай ССР былі арганізаваны сістэматычныя археалагічныя раскопкі старажытнага Полацка. У 1958 г. даследаванні Полацкай археалагічнай экспедыцыі праводзілі ў паўднёвай частцы Верхняга замка за 20 метраў на захад ад Сафійскага сабора (начальнік экспедыцыі К. М. Палікарповіч). Работамі ў раскопе кіраваў А. Р. Мітрафанаў.

Агульная плошча паўднёвага раскопу I складала 400 м^2 (20 × 20 м), таўшчыня культурнага напластавання – 2,2–2,6 м. Пласт баласту на глыбіню 0,7–0,8 м вырашылі зняць бульдозерам. Ніжэй ішоў слой чорнага колеру, у якім выяўлена значная колькасць кафлі. На мацерыку апынуліся рэшткі двух драўляных пабудоў, датаваныя часам не раней за XVI ст. Прасочаны рэшткі падлогі і развалы глінабітных печаў. Побач з прадметамі XVI–XVIII стст. сустрэты нешматлікія рэчы часоў Кіеўскай Русі: шкляныя пацеркі і бранзалеты, шыферныя праселкі, касцяныя грабяні. Надзея знайсці тут выразны пласт часоў Русі і Полацкага княства не спраўдзілася [3, 4].

У 1959 г. ва ўсходняй частцы Верхняга замка быў закладзены раскоп II (гл. малюнак) памерамі 20 × 16 м (начальнік экспедыцыі А. Р. Мітрафанаў). Плошча 320 м^2 была падзелена на 80 квадратаў. Магутнасць культурнага слоя дасягала 5,6 м. Раскрыццё культурных напластаванняў, якія былі насычаны вільгаццю, трэскамі і гноем, праводзілі гарызантальнымі пластамі па 20 см.

А. Р. Мітрафанаў узяў на сябе абавязак па рэштках драўляных канструкцый вывучаць і фіксаваць культурныя напластаванні паводле будаўнічых гарызонтаў. Пад будаўнічым гарызонтам ён разумеў (на прыкладзе супрацоўнікаў Ноўгарадскай экспедыцыі) комплекс сінхронных драўляных збудаванняў і ўсяго таго, што знаходзілася паміж яго страхой (гарызонтам, якія ляжаў вышэй) ды яго пасцеллю, гэта значыць узроўнем залягання найбольш нізкіх частак наземных драўляных збудаванняў, што вызначалі сабой дзённую паверхню часоў іх узвядзення. Таўшчыня культурнага напластавання, якая адпавядала будаўнічаму гарызонту ва ўмовах усходняй часткі Верхняга замка, складала ад 0,1 да 0,5 м. У Ноўгарадзе дагэтуль выкарыстоўваецца тэрмін «ярус». А. Р. Мітрафанаў для полацкіх старажытнасцей прапанаваў назву «будаўнічы гарызонт». У раскопе II А. Р. Мітрафанаў вылучыў 14 будаўнічых гарызонтаў. Гэта было значнае дасягненне ў методыцы раскопак сярэдневяковага Полацка. Разам з тым у датаванні гарызонтаў ўзнікалі спрэчныя пытанні.

Профіль паўночнай сценкі. Раскоп II. Наслаенні № 3 – слой дрэва і шчэпак XIII ст. Верхні замак. Полацк. 1960 г.

А. Р. Мітрафанаў выклаў свае папярэднія высновы пра даследаванні ў навуковым артыкуле (не быў надрукаваны) [5]. Папярэдняе археалагічнае датаванне будаўнічых гарызонтаў падзялялася ўсімі супрацоўнікамі Полацкай экспедыцыі Інстытута гісторыі, у тым ліку і аўтарам гэтых радкоў, што знайшло нейкае адлюстраванне ў тэксце кнігі, прысвечанай юбілею Полацка [6].

Паводле А. Р. Мітрафанава, мяжа XII–XIII стст. павінна праходзіць паміж гарызонтамі VIII і IX. Для такой думкі былі некаторыя асновы: у напластаванні, якое было ніжэй гарызонта IX сустрэчана найбольшая колькасць шкляных залачоных пацерак, характэрных для XI–XII стст.

Аднак датаванне полацкіх старажытнасцей, прапанаванае А. Р. Мітрафанавым, сустракалася з такімі фактамі, растлумачыць якія немагчыма без удакладнення храналогіі гарызонтаў на Верхнім замку. Інакш трэба было прыняць тое, што ў Полацку імітацыйныя формы для ліцця пустацелых упрыгажэнняў з'явіліся ўжо ў канцы XI ст., у той час як у Ноўгарадзе іх узнікненне адносіцца да канца 1170–80-х гадоў; жалезныя наканечнікі стрэл у выглядзе вузкай падоўжанай лапатачкі – зрэзні, існаванне якіх на Русі раней 1240-х гадоў нідзе не адзначана, у Полацку апынуліся ў пласце XII ст. і г. д.

На Верхнім замку ў некаторых гарызонтах мелася дрэва, прыдатнае для дэндрахраналагічнага аналізу. Узятыя спілы былі адпраўлены ў лабараторыю дэндрахраналогіі Інстытута археалогіі АН СССР. Даследаванне правёў Б. А. Колчын [2].

Даты сячэння бярвёнаў наступныя: гарызонт VI – 1264, 1266–1267, 1268, 1271, 1246 г.; гарызонт VIII – 1256 г.; гарызонт IX – 1236, 1238 1244, 1243–1245, 1246 г. Спілы ад бярвёнаў частаколаў гарызонта XIII, дакументаваныя і зафіксаваныя, Б. А. Колчын назваў у публікацыі «беспаспортными». Яны мелі дату сячэння 1206 і 1207 г. і павінны быць уключаны ў агульную шкалу.

Такім чынам, ва ўсходняй частцы Верхняга замка на долю аднаго XIII ст. прыходзіцца таўшчыня напластавання 2,6 м, у той час як астатнім дзевяці стагоддзям гісторыі засялення Верхняга замка належыць культурны пласт не большы за гэты. Такога прэцэдэнта археалогія ўсходнеславянскіх гарадоў дагэтуль не ведала. З 1240-х гадоў шчыльнасць забудовы значна павялічваецца, а ўтварэнне культурнага слоя выглядае выключна хуткім. Працягласць існавання аднаго будаўнічага гарызонта складала ў сярэднім 10 гадоў. Спусташальныя пажары знішчалі пабудовы. Верагодна, небяспека частых нападаў у перыяд феадальнай раздробленасці садзейнічала шчыльнай канцэнтрацыі насельніцтва ў асобных частках тэрыторыі Полацка.

Прычыны такой здзіўляючай дыспрапорцыі культурных напластаванняў цяжка растлумачыць. Але тое, што яна сапраўды была, яшчэ раз пацвярджаюць вынікі распрацоўкі раскопу IV, закладзенага ў 1967 г. (начальнік экспедыцыі Г. В. Штыхаў) у 80 м на паўночны ўсход ад раскопаў II, III. Плошча раскопу IV – 162 м^2, стратыграфія падобна на стратыграфію раскопаў II, III. Пры новых раскопках прымянялі методыку, выпрацаваную А. Р. Мітрафанавым.

Даследаванне дрэва з раскопу IV зрабіла Н. В. Чарных у лабараторыі дэндрахраналогіі Інстытута археалогіі ў Маскве. Абсалютныя даты сячэння вывучаных бярвёнаў наступныя: гарызонт IV – 1287, 1299, 1300 г.; гарызонт VII – 1263, 1266 г.; гарызонт VIII – 1246, 1249, 1253–1300 гг.; гарызонт IX – 1235, 1241, 1243, 1247, 1250 г.; частакол № 1 – 1227, 1235, 1236 г.; гарызонт X – 1207, 1232, 1236 г.; гарызонт XI – 1222 г.; гарызонт XII – 1196, 1204, 1206 г. [8, с. 55].

Атрыманыя матэрыялы ў 1967 г. пацвердзілі прапанаванае намі раней датаванне полацкіх старажытнасцей. Таўшчыня «слоя дрэва» XIII ст. у раскопе IV складае 1,8 м – прыкладна палову агульнай магутнасці культурнага слоя ў 3,5 м.

Такім чынам, А. Р. Мітрафанаў абгрунтавана вылучыў будаўнічыя гарызонты ў раскопе II (1959–1960 гг.) на Верхнім замку ў Полацку, а недакладнасці ў іх датаванні былі выпраўлены ў выніку дэндрахраналагічнага вывучэння драўлянага матэрыялу маскоўскім даследчыкам Б. А. Колчыным [8, с. 52–53].

Варта прыгадаць, што полацкія краязнаўцы-аматары ў 1920–50-х гадах выказалі гіпотэзу, быццам у 1563 г. пры пабудове Стралецкага (Ніжняга) замка па загаду Івана Грознага было прарэзана новае рэчышча р. Палата, у выніку чаго памеры гарадзішча значна паменшыліся і яно апынулася на правым беразе ракі. Сур'ёзных аргументаў у пацвярджэнне гэтай думкі краязнаўцы не прывялі [7, с. 20]. Вельмі магчыма, што р. Палата змяніла сваё рэчышча ў незапамятныя часы.

А. Р. Мітрафанаў справядліва лічыў Верхні замак асноўным дзядзінцам Полацка XI–XIII стст. [5]. Некаторыя сучасныя археолагі выказваюць спрэчную думку, што Верхні замак пачаў выконваць ролю дзядзінца Полацка толькі ў першай палове XIV ст. [1, с. 40].

Найбольш верагодна, першапачаткова дзядзінец Полацка быў на гарадзішчы, а з сярэдзіны XI ст. – на Верхнім замку, падзеленым на дзве часткі: епіскапскую (у ёй жыў епіскап) і княжацкую (дзе знаходзіўся князь ды быў пабудаваны княжацкі храм і церам). Увогуле, у Полацку існавала не менш трох месцаў размяшчэння княжацкіх рэзідэнцый: гарадзішча, Верхні замак, слабада Бельчыца.

Аляксей Рыгоравіч Мітрафанаў (1912–1988) унёс сваю лепту ў археалагічнае даследаванне Полацка, асабліва Верхняга замка. Яго методыка вылучэння будаўнічых гарызонтаў старажытнага горада будзе яшчэ доўгія гады запатрабавана беларускай археалагічнай навукай.

ЛІТАРАТУРА

1. Дук, Д. В. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.) / Д. У. Дук. – Наваполацк: ПДУ, 2010.

2. Колчин, Б. А. Дендрохронология древнего Полоцка / Б. А. Колчин // Новое в советской археологии. – М., 1965.

3. Митрофанов, А. Г. Дневник Полоцкой археологической экспедиции 1958 г. / А. Г. Митрофанов // ААНД Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Арх. № 100.

4. Митрофанов, А. Г. Отчет о раскопках Полоцкой археологической экспедиции Института истории АН БССР в 1959 г. / А. Г. Митрофанов // ААНД Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Арх. № 203.

5. Митрофанов, А. Г. Топография, стратиграфия и хронология древнего Полоцка, 1961 г. Машинопись / А. Г. Митрофанов // ААНД Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Арх. № 124.

6. Полоцк: исторический очерк к 1100-летию города. – Минск, 1962.

7. Тарасаў, С. В. Полацк IX–XVII стст. Гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. – Мінск, 1998.

8. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г. В. Штыхов. – Минск, 1975.

Георгий Штыхов

А. Г. МИТРОФАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОЛОЦКА: ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТОВАНИЙ ВЕРХНЕГО ЗАМКА

Резюме

А. Г. Митрофанов впервые и обоснованно выделил «строительные горизонты» в раскопе II (1959–1960 гг.) на Верхнем замке в Полоцке. Неточности в их датировке были исправлены Б. А. Колчиным.

Georgij Shtykhov

A. MITROFANOV – THE RESEARCHER OF POLOTSK: QUESTIONS OF CULTURAL LAYERS DATING ON THE UPPER CASTLE

Summary

A. Mitrofanov was the first who reasonably identified «building horizons» in the trench 2 (1959–1960) on the Upper castle in Polotsk. B. A. Kolchin has corrected inaccuracies in their dates.

Паступіў 18.03.2013 г.

УДК 903(476)«679»

Александр Егорейченко (Минск, Беларусь)

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ БЕЛАРУСЬ В СЕРЕДИНЕ–ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛИЩА ЗАЗОНЫ)

Браславское Поозерье, занимающее северо-запад Беларуси, является одним из достаточно хорошо изученных в археологическом отношении регионов. Исследования здесь ведутся с определенными перерывами на протяжении свыше 130 лет. Тем не менее не все эпохи изучены равномерно. Так, до сих пор остается белым пятном весь каменный век и период ранней бронзы. Благодаря исследованиям Л. В. Дучиц и автора данной статьи стало возможным охарактеризовать эпоху поздней бронзы и железного века [5; 6, с. 163–182; 8]. Сравнительно неплохо изучен и древнерусский период [1, с. 95–106; 2, с. 218–222]. А вот время, предшествующее славянской колонизации этого края, равно как и начальный период славянского освоения исследованы недостаточно. Определенные наработки по периоду середины–второй половины I тысячелетия н. э. были сделаны В. И. Шадыро, изучавшим селище второй половины I тысячелетия. н. э. Тарилово [14, с. 10]. В целом поселенческая структура ранних славян остается в этом регионе слабо изученной.

В 1995–2000 гг. археологическая экспедиция Белорусского государственного университета проводила раскопки городища у д. Зазоны Браславского р-на Витебской обл. Укрепленное поселение находится на южной окраине деревни, на вершине холма-останца высотой 10–12 м над уровнем окружающей местности. Оно было выявлено в конце XIX в. Ф. В. Покровским. В дальнейшем неоднократно осматривалось (Л. В. Алексеев, М. М. Чернявский, В. И. Шадыро и др.), однако его изучение вплоть до 1995 г. не проводили [7, с. 22–26]. Как выяснилось по результатам первого сезона раскопок, городище содержало напластования не только I тысячелетия до н. э. – начала I тысячелетия н. э., но и второй половины I – начала II тысячелетия н. э. В этой связи было принято решение провести шурфовку окружающей местности с целью обнаружения селища, синхронного поздним отложениям культурного слоя городища. Известно, что подобные неукрепленные поселения в бассейнах Западной Двины и Немана, как правило, сопутствуют холмовым городищам эпохи поздней бронзы и железного века.

Как показало предварительное обследование, селище было расположено с северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон подножия холма, на котором находилось городище. Большая его часть в настоящее время занята огородами местных жителей и недоступна для изучения. В юго-восточной части, свободной от посадок, был заложен шурф размерами 1 × 3 м, который выявил достаточно мощный культурный слой (до 0,8 м). Стратиграфически он распадался на два горизонта. Под дерном залегал суглинок коричневого цвета с примесью мелких углей и вкраплений угля толщиной 0,25 м. По-видимому, его образование было связано с оползанием склона холма. Ниже залегал черный супесчаный слой, насыщенный до материка большим количеством лепной керамики. Здесь же были выявлены бронзовое многоспиральное пластинчатое кольцо, фрагменты железного шила и биконического глиняного пряслица.

Начиная с 1996 г. и вплоть по 2000 г., в юго-восточной части было исследовано 312 м^2 селища. Мощность культурного слоя на вскрытой территории колебалась от 0,3 м до 1,0 м. В предматериковом и материковом слоях обнаружено большое количество разновременных и разноплановых материковых ям, закономерность в расположении которых проследить не удалось.

Напластования селища позволили выявить два этнокультурных горизонта, стратиграфически не расчленяющиеся между собой. Нижний был связан древностями балтов середины–третьей четверти I тысячелетия н. э., для которых была характерна преимущественно гладкостенная, частично облитая и шероховатая керамика. Второй горизонт связан с появлением славян, с так называемой культурой псковско-смоленских длинных курганов. Нами будет охарактеризован ранний этап, с которым связан достаточно многочисленный комплекс находок, позволяющий сделать ряд определенных выводов.

Подавляющую часть находок из нижних горизонтов культурного слоя, равно как и из верхних, составляли обломки лепных сосудов. По технике обработки внешней поверхности свыше 90% фрагментов принадлежало гладкостенным сосудам, остальные – облитым и шероховатым сосудам. По форме все сосуды были разделены на баночную (рис. 1; рис. 2: *1–3*) и слабопрофилированную (рис. 2: *4, 5*) посуду. Сосуды баночной формы доминировали. Они имели вертикальный или слегка загнутый вовнутрь венчик. У некоторых венчиков этой группы имелся косой срез с внутренней стороны. Орнаментация отсутствовала. Меньшая часть горшков представлена слабопрофилированной формой. Она характерна как для гладкостенных, так и для облитых и шероховатых сосудов. Для них характерен короткий отогнутый наружу вен-

чик. Орнаментация у этой категории горшков также отсутствовала.

Вещевой комплекс ранних напластований селища представлен разнообразными изделиями, изготовленными из железа, бронзы и глины. Находки из железа характеризуют прежде всего орудия труда. Так, при раскопках найдена серия рабочих ножей с прямой спинкой. У них лезвие переходит в черешок с внутренней стороны либо плавно, либо с достаточно выраженным уступом (рис. 3: *8–10*). Обращает на себя внимание тот факт, что многие ножи несут следы длительного употребления – у них сильно сработана рабочая часть. В коллекции ножей имеется один экземпляр с волютообразными окончаниями. Нож имеет хорошую сохранность без видимых признаков сработки (рис. 4: *5*). В одной из волют неайдено бронзовое колечко, к которому, по-видимому, крепилась трапециевидная подвеска. Подобные факты неоднократно были зафиксированы на других памятниках. Как предполагает Р. С. Минасян, волютообразные ножи появились в VI в. н. э. на территории Польши. Среди наиболее близких аналогий можно отметить находки из раскопок памятников банцеровской культуры [13, рис. 35: *1*, *2*, рис. 52: *17*; 14, табл. 18: *16*; 15, табл. 12: *16*]. Согласно Р. С. Минасяну, ножи такого типа продолжали использовать еще на протяжении VIII в. н. э. [10, с. 148–151], однако, по-видимому, более прав Е. А. Шмидт, который не выводит находки из Заозерья за рамки начала VIII в. н. э. [15, с. 67].

Орудия уборки урожая представлены серпами. К сожалению, большая их часть фрагментирована. Тем не менее по имеющимся материалам можно выделить два типа серпов. Часть из них имеет архаичные формы со слабо изогнутым лезвием, уходящие в предшествующую эпоху, которая связана с культурой поздней штрихованной керамики и днепро-двинской культурой (рис. 3: *6*). Один из целиком сохранившихся серпов имел резко загнутый конец лезвийной части. С внутренней стороны в месте перехода в черенок имелся отчетливый выступ (рис. 4: *8*). Подобный тип жатвенного орудия труда относится к первой группе по классификации Р. С. Минасяна [11, рис. 1: *IA*] либо к III типу по классификации В. И. Шадыро [14, с. 53, табл. 13: *4*, *8*]. Аналогичные серпы широко известны в Прибалтике и Белорусском Подвинье [11, рис. 3: *A*; 13, рис. 58: *6*; 14, табл. 13: *I*]. В отношении хронологии этих серпов нет единства мнений. Р. С. Минасян относил их к раннему железному веку, а точнее к I–IV вв. н. э. Такая хронология, на наш взгляд, ошибочна – ни в культуре поздней штрихованной керамики, ни в днепро-двинской подобные серпы не встречаются. В свою очередь, Ю. А. Краснов предложил очень широкую хронологию этих орудий труда – I–начало II тысячелетия н. э. [7; 9, с. 73]. В реальности подобные серпы могут быть датированы временем, не выходящем за пределы середины–третьей четверти I тысячелетия н. э.

Среди находок были найдены и топоры. К сожалению, все они представлены обломками лезвий

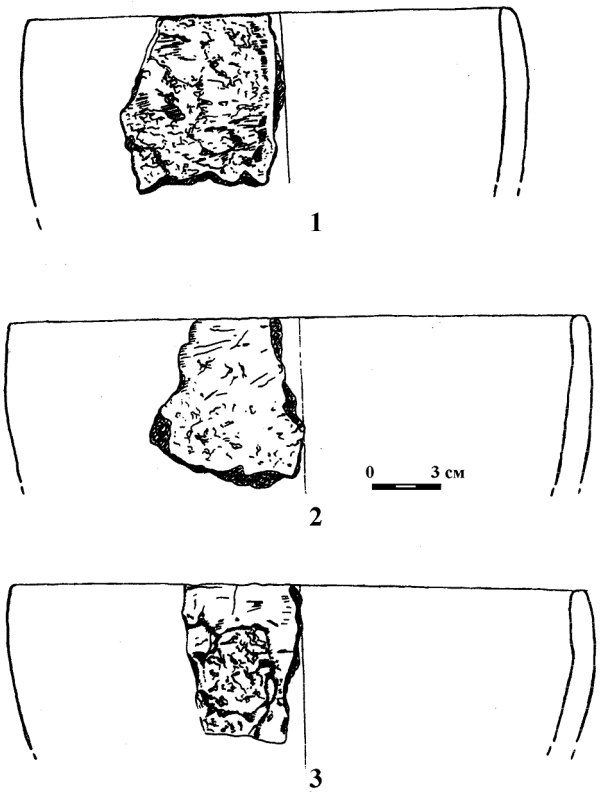

Рис. 1. Баночная гладкостенная посуда (*1–3*). Селище Зазоны

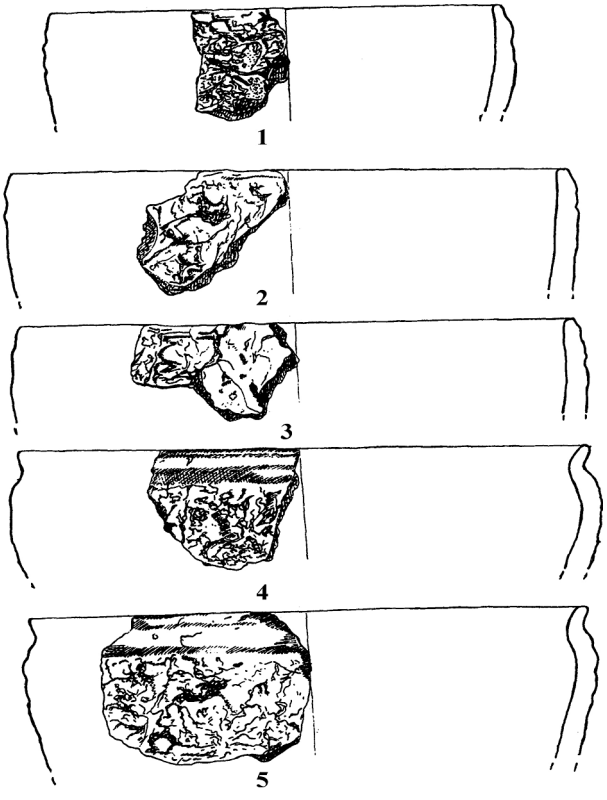

Рис. 2. Облитая керамика (*1–5*). Селище Зазоны

(рис. 3: *1*), поэтому их характеристика невозможна. Часто встречающимися изделиями из железа были шилья. Все они имеют традиционную форму. У них круглая в сечении рабочая часть и квадратный в сечении черенок (рис. 3: *4*).

Среди средств индивидуальной рыбной ловли имеются железные крючки. У них цевье скручено в кольцо, жало на конце крючка отсутствует (рис. 3: *5*, *7*). Впрочем, оно скорее всего просто не сохранилось.

О наличии верхового коня и воинов-всадников свидетельствуют две находки. Одна из них представлена фрагментом кольца от удил (рис. 3: *3*). Вторая представляет собой классическую пластинчатую шпору с загнутыми в крючки концами (рис. 3: *11*). Подобные находки типичны для лесной полосы Восточной Европы в рассматриваемое время [13, рис. 52: *19*, рис. 54: *6*, рис. 58: *27–29*; 14, табл. 15: *40–42*; 15, табл. 7: *1*, *3*, *4*, *6*, *7*].

Собственно оружие в материалах раскопок селища представлено единичными находками. Среди них найдены два втульчатых наконечника стрел. Один из них имеет широко распространенную двушипную форму пера (рис. 4: *4*). Подобные стрелы были характерны практически для всех культур лесной зоны середины–третьей четверти I тысячелетия н. э. [3, рис. 1: *6–8*; 14, табл. 15: *12–15*, *18–27*]. Второй наконечник имеет листовидную форму пера (рис. 4: *3*). Аналогии ему мне неизвестны.

Из железа обитатели селища изготовляли и пряжки. Одна из них имела овальную форму с утолщением передней части (рис. 4: *1*). Такие экземпляры имели широкое хождение в Центральной и Восточной Европе в фазе D [8, табл. 59: *8*; 24, tabl. XVIII: *13*, *16*; 19, taf. XVIII, taf. LXI, taf. LXIV; 23, taf. 15: *2*, *7*, *11*, taf. 16: *5* и др.]. Вторая пряжка относится к категории двучастных (рис. 4: *2*). От нее уцелела прямоугольная рамка с прогибом. Подобные экземпляры имели довольно длительное хождение. Они появились в западнобалтийской культуре в фазе C1b и бытовали до конца фазы D [20, ryc. 8: *8*, s. 111; 21, s. 371]. Еще одну пряжку можно отнести к числу одночастных прямоугольных с прогибами на двух противоположных сторонах (рис. 4: *6*). Как полагает Е. А. Шмидт, такие пряжки появились в VII в. н. э. (Никодимово), но получили максимальное распространение позднее, в VIII – начале X в. [15, с. 71]. В Литве аналогичные экземпляры также в большей степени были характерны для VIII–IX вв. [18, p. 56].

Изделия из бронзы представлены исключительно из этого металла. Среди ранних находок особый интерес представляет браслет с расширенными концами, которые орнаментированы ромбическими и крестообразными линиями (рис. 5: *10*). Подобные украшения были распространены в IV–VII вв. на широкой территории: от Германии до Волги [15, с. 82, 83]. Ближайшие аналогии этому браслету происходят из клада, обнаруженного В. И. Шадыро на городище Клишино, и на селище Городище [13, рис. 51: *27*; 14, рис. 19: *3*].

Не менее интересна еще одна находка – кольцо с незамкнутыми концами. Его лицевая поверхность покрыта четырьмя линиями штампованного орнамента (рис. 5: *11*). Складывается впечатление, что кольцо сделано из обломка браслета. У него лишь один сохранившийся слегка суженный конец. Браслеты подобного типа были характерны для территории Литвы в фазе D [22, p. 104].

Не исключено, что уже с ранними слоями селища связаны небольшие по размеру трапециевидные под-

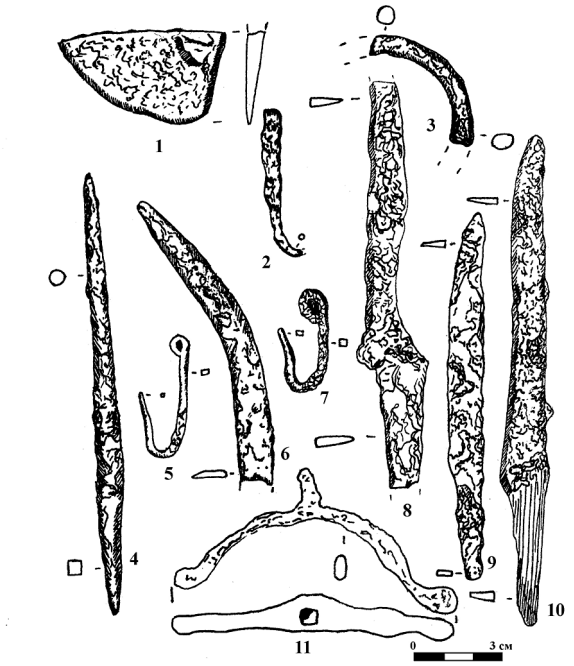

Рис. 3. Железные изделия (*1–11*). Селище Зазоны

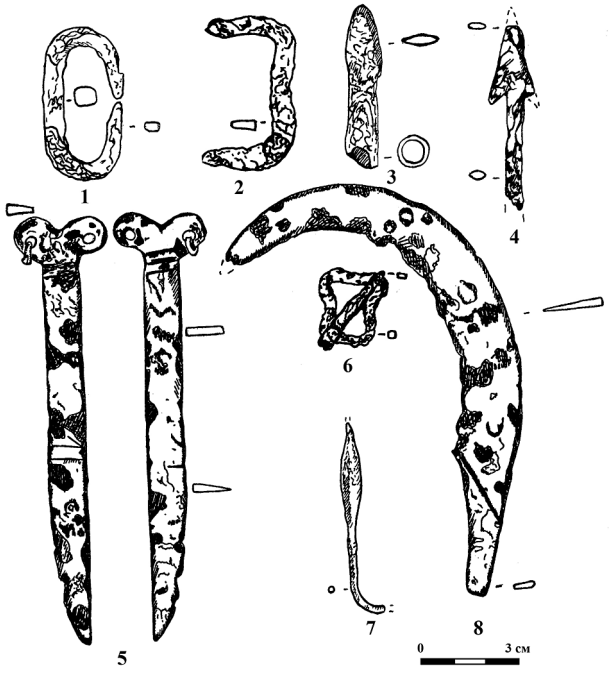

Рис. 4. Изделия из железа (*1–8*). Селище Зазоны

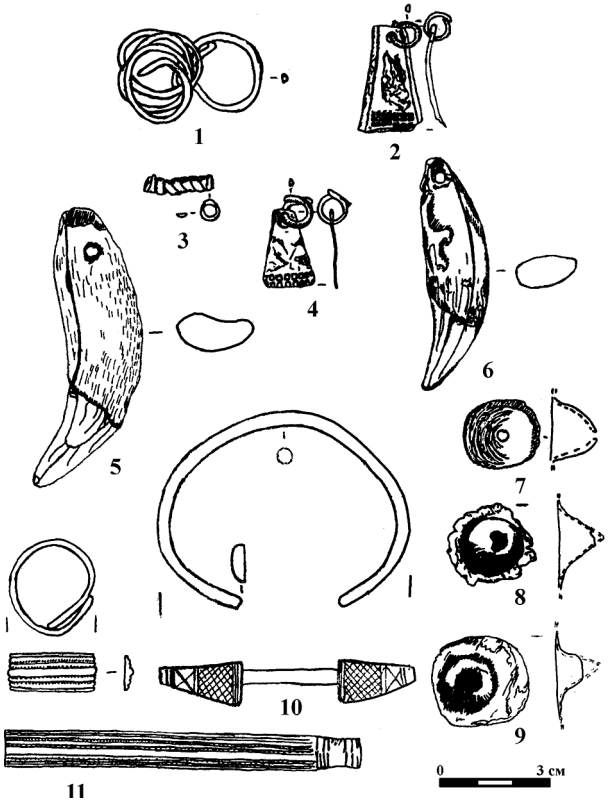

Рис. 5. Изделия из бронзы (*1–4*, *7–11*) и кости (*5, 6*). Селище Зазоны

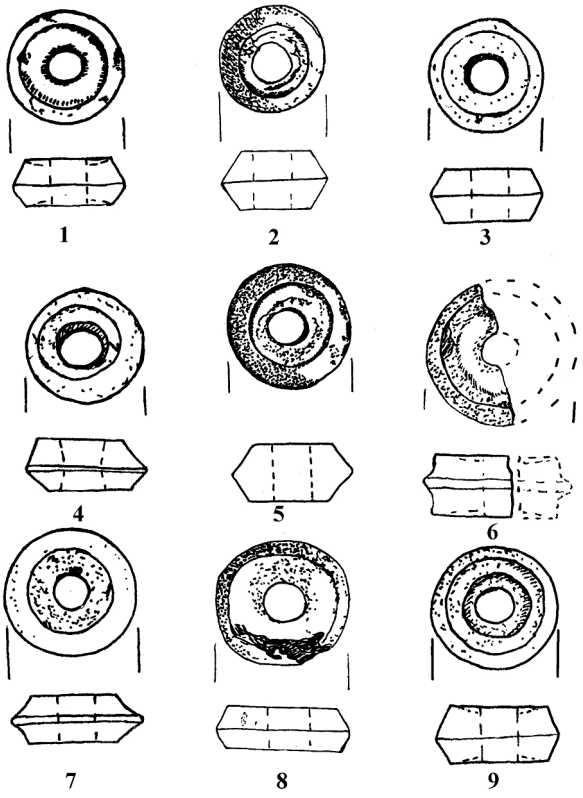

Рис. 6. Глиняные пряслица (*1–9*). Селище Зазоны

вески со штампованным орнаментом по основанию (рис. 5: *2*, *4*). Известно, что они были выявлены на ряде памятников банцеровской и тушемлинской культур [12, рис. 2: *9*; 13, рис. 52: *21*; 16, с. 22, 23, табл. 12: *8*, *11*, *13*; 17, с. 171]. И. О. Гавритухин, проводивший специальное исследование этих украшений, полагает, что они были характерны для Центральной и Восточной Европы в VII в. н. э. В более позднее время они встречаются только в культуре смоленско-полоцких длинных курганов [4, с. 43–56].

Среди других бронзовых украшений следует отметить многоспиральные кольца и пронизки (рис. 5: *1*, *3*). Подобные украшения имели широкое распространение во многих культурах на протяжении длительного времени.

Завершают характеристику бронзовых изделий селища небольшие умбоновидные бляшки (рис. 5: *7–9*). Сходные изделия известны по раскопкам в Прудниках [14, табл. 20: *23*, *24*].

К числу сакральных предметов относятся амулеты из клыков диких животных. Обитатели селища изготовляли такие подвески преимущественно из клыков медведя (рис. 5: *5*, *6*).

Большую серию находок составляли глиняные пряслица, имевшие в большинстве случаев биконическую в сечении форму и относительно большое отверстие (рис. 6). Многие из них находят полное соответствие в древностях банцеровской культуры.

Выводы

1. Исследованиями была затронута юго-восточная окраина селища.

2. Селище было основано в конце IV – начале V в. н. э., спустя примерно 150 лет после прекращения активного использования городища.

3. По-видимому, в VIII в. н. э. на смену балтскому населению пришли носители культуры смоленско-полоцких длинных курганов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Л. В. Раскопки древнего Браслава / Л. В. Алексеев // КСИА. – 1960. – Вып. 81. – С. 95–106.

2. Археалогія Беларусі. У 4 т. / рэдкал. : М. В. Біч (старшыня) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1997–2001. – Т. 3 : Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я. Г. Звяруга [і інш.]. – 2000. – 554 с.

3. Вергей, В. С. Поселения пражской культуры Белорусского Полесья / В. С. Вергей // Труды VI Междунар. конгр. славянской археологии, Новгород, 26–31 авг. 1996 г. В 5 т. / Ин-т археологии РАН ; редкол. : Н. Н. Гринёв [и др.]. – М., 1997. – Т. 3 : Этногенез и культурные контакты славян. – М., 1997. – С. 28–38.

4. Гавритухин, И. О. Маленькие травециевидные подвески с полоской из пресованных точек по нижнему краю / И. О. Гавритухин // Гіст.-археалаг. зб. / Ін-т гісторыіі АН Беларусі. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 43–58.

5. Дучыц, Л. У. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIII стст. / Л. У. Дучыц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 120 с.

6. Дучиц, Л. В. Городище Ратюнки / Л. В. Дучиц, А. Г. Митрофанов // Гіст.-археалаг. зб. / Ін-т гісторыіі АН Беларусі. – Мінск, 1994. – № 5. – С. 163–182.

7. Егорейченко, А. А. Городище и селище Зазоны / А. А. Егорейченко // Браслаўскія чытанні : матэрыялы IV навук.-краязнаўчай канф., Браслаў, 24–25 крас. 1997 г. / Браслаўскае музейнае аб'яднанне, Браслаўскае краязнаўчае т-ва ; рэдкал. : К. Шыдлоўскі [і інш.]. – Браслаў, 1997. – С. 22–268.

8. Егорейченко, А. А. Культуры штрихованной керамики / А. А. Егорейченко. – Минск : Университетское, 2006. – 207 с.

9. Краснов, Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / Ю. А. Краснов // МИА. – 1971. – № 174.

10. Минасян, Р. С. Железные ножи с волютообразным навершием / Р. С. Минасян // Проблемы археологии. – 1978. – Вып. 2 – С. 148–152.

11. Минасян, Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р. С. Минасян // АСГЭ. – 1978. – Вып. 19. – С. 74–85.

12. Митрофанов, А. Г. Банцеровское городище / А. Г. Митрофанов // Белорусские древности : докл. к конф. по археологии Белоруссии, Минск, янв.–февр. 1967 г. / АН БССР, Ин-т истории ; редкол. : В. Д. Будько [и др.]. – Минск, 1967. – С. 243–261.

13. Митрофанов, А. Г. Железный век Средней Белоруссии / А. Г. Митрофанов. – Минск : Наука и техника. – 1978. – 160 с.

14. Шадыра, В. І. Беларускае Падзвінне (I тыс. н. э.) / В. І. Шадыра. – Мінск : Беларус. навука. – 2006. – 150 с.

15. Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. / Е. А. Шмидт. – Смоленск. – 2003. – 296 с.

16. Шмидт, Е. А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII веков / Е. А. Шмидт. – Смоленск. – 2008. – 255 с.

17. Шут, К. П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии / К. П. Шут. – Минск, 1966. – 182 с.

18. Butėnas, E. Sagtys iš rytų lietuvos pilkapių (tipai, paskirtis) / E. Butėnas // Lietuvos Archeologija. – 1999. – № 18. – P. 37–56.

19. Jaskanis, J. Cecele, Ein Graberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen / J. Jaskanis. – Krakow : Seceja, 1996. – 118 s.

20. Madyda-Legutko, R. Metałowe cześci pasów na obszarze kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wplywów rzymskich / R. Madyda-Legutko // Wiadomości Archeologiczne. – 1983. – T. XI–XIII, Z. 1. – S. 21–36.

21. Madyda, R. Sprązki I okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim / R. Madyda // Materialy starozytne i wczesnośredniowieczne. – Warszawa, 1977. – T. IV. – S. 351–412.

22. Michelbertas, M. Mikužių kapinyno (Klaipėdos rajonas) radiniai / M. Michelbertas. – Archseologia Lituana. – 2005. – N 6. – P. 94–111.

23. Nowakowski, W. U źródeł etnogenezy Bałtów I Słowian wenetowie Tacyta w świetle archeologii / W. Nowakowski // Concordia : studia ofiarowane J. Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin / Inst. Archeologii Uniw. Warszawskiego ; pod red. W. Nowakowskiego i A. Szeli. – Warszawa, 1996. – S. 187–191.

24. Prahistoria ziem polskich. W 5 t. / pod red. W. Hensla. – Wrocław : Zakl. nar. im. Ossolińskich, 1978–1981. – T. V : Późny okres lateński I okres rzymski / pod red. J. Wielowejskiego ; Polska Akad. Nauk. Inst. Historii Kultury Materialnej. – 1981. – 493 s.

Аляксандр Егарэйчанка

ПАЎНОЧНА-ЗАХОДНЯЯ БЕЛАРУСЬ У СЯРЭДЗІНЕ–ТРЭЦЦЯЙ ЧВЭРЦІ І ТЫСЯЧАГОДДЗЯ Н. Э. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ СЕЛІШЧА ЗАЗОНЫ)

Рэзюмэ

У 1995–2000 гг. археалагічнай экспедыцыяй Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ажыццяўляліся раскопкі старажытнага паселішча культуры штрыхаванай керамікі каля в. Зазоны Браслаўскага р-на Віцебскай вобл. Апісаны ніжні гарызонт. На падставе археалагічных раскопак можна сцвярджаць, што неўмацаванае паселішча было заснавана ў канцы IV – пачатку V ст. н. э. і дзейнічала каля 150 год пасля таго, як гарадзішча спыніла сваё існаванне. Верагодна, у VIII ст. н. э. на змену балцкаму насельніцтву прыйшлі прадстаўнікі культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў.

Alexander Yegoreichenko

NORTH-WESTERN BELARUS IN THE MIDDLE–THE THIRD QUARTER OF THE I MILLENNIUM AD (BASED ON THE MATERIALS OF THE ZAZONY SETTLEMENT)

Summary

In 1995–2000 archaeological expedition of the Belarusian State University conducted the excavations of the ancient site of culture of hatched ceramics near the village Zazony, Braslav district, Vitebsk region. The article describes the lower horizon. Investigation was conducted on the south-eastern edge of settlement. Based on the excavations carried out on the Zazony settlement, the unfortified settlement was founded from the end of the IV to the beginning of the V century A.D. following about 150 years after the hill fort was ceased to use. Apparently, in the VIII century AD the Baltic population has been replaced by the culture of the Smolensk-Polotsk long barrows.

ХРОНІКА

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ» В 2012–2013 ГОДАХ[1]

25 января 2012 г. состоялись организованные совместно с Институтом языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову (к 50-летию научной деятельности).

14 февраля 2012 г. состоялся организованный совместно с редакцией газеты «Звязда» «круглый стол» на тему «История Победы: недопущение фальсификаций Великой Отечественной войны, чествование подвига партизан и подпольщиков».

15 февраля 2012 г. состоялся организованный совместно с представителями североамериканской и украинской исторической школы «круглый стол» на тему «История белорусской государственности в американской и украинской историографии».

17 февраля 2012 г. состоялся «круглый стол», организованный совместно с редакцией газеты «Советская Белоруссия» и посвященный развитию гуманитарной науки в Республике Беларусь.

15 марта 2012 г. состоялся организованный совместно с Экзархатом Белорусской Православной Церкви, международным благотворительным фондом «Семья–Единение–Отечество», Центральной научной библиотекой имени Я. Коласа, Институтом социологии НАН Беларуси и Институтом философии НАН Беларуси «круглый стол» на тему «Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь».

16 марта 2012 г. состоялся организованный совместно с редакцией газеты «Советская Белоруссия» «круглый стол» на тему «Белорусско-польские отношения: взгляд в будущее».

21 марта 2012 г. в информационно-выставочном центре Центральной научной библиотеки имени Я. Коласа НАН Беларуси состоялась презентация первой части двухтомного издания «История белорусского государственности в конце XVIII – начале XXI вв.», а также других новейших изданий ученых Института истории НАН Беларуси. К мероприятию отделом редких книг и рукописей библиотеки была организована выставка «Белорусская государственность: страницы истории (конец XVIII – первая половина XX вв.)», на которой было представлено около 150 документов, связанных с историей формирования и становления белорусской национальной идеи, белорусской государственности.

23 марта 2012 г. в Национальной библиотеке Беларуси состоялся «круглый стол», посвященный 75-летию со дня рождения главного научного сотрудника Института истории НАН Беларуси, доктора исторических наук, лауреата Государственной премии Республики Беларусь Георгия Яковлевича Голенченко.

23 марта 2012 г. состоялся организованный совместно с редакцией газеты «Звязда» «круглый стол» на тему «На чем основана государственность Беларуси?»

19 апреля 2012 г. в информационно-выставочном центре Центральной научной библиотеки имени Я. Коласа НАН Беларуси состоялась презентация альбома «Археологическое наследие Беларуси», который раскрывает богатство и своеобразие культуры белорусских земель с глубокой древности и до конца XVIII в., а также отражает весь спектр хозяйственно-производственной деятельности, быта, культурной и духовной жизни людей, живших на территории нашей страны в разные эпохи, их связи с внешним миром.

4 мая 2012 г. совместно с Белорусским государственным педагогическим университетом имени Максима Танка, комитетом по образованию Мингорисполкома, управлением образования администрации Московского района г. Минска, Представительством Россотрудничества в Республике Беларусь, ГУО «Гим-

[1]Подготовил ученый секретарь Института истории НАН Беларуси, кандидат исторических наук А. П. Соловьянов.

назия № 174 г. Минска» проведена V Международная молодежная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исторической памяти народа».

10–11 мая 2012 г. проведена Международная научно-практическая конференция «Результаты археологических исследований на территории Беларуси в 2011 году».

22–23 мая 2012 г. в г. Полоцке состоялась Международная научная конференция «Полацк ў гісторыі і культуры Еўропы». Организаторами научного форума выступили Национальная академия наук Беларуси, Отделение гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Институт истории НАН Беларуси, Министерство образования Республики Беларусь, Полоцкий государственный университет, Полоцкий городской исполнительный комитет, Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник.

24 мая 2012 г. проведена республиканская научно-практическая конференция «Газета “Звязда” ў грамадска-палітычным і культурным жыцці Беларусі: (да 95-годдзя заснавання і 70-годдзя першага падпольнага выхаду “Звязды” ў гады Вялікай Айчыннай вайны)». Организаторами научного мероприятия выступили Национальная академия наук Беларуси, Отделение гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Институт истории НАН Беларуси, редакция газеты «Звязда».

25 мая 2012 г. в д. Гольшаны Ошмянского района Гродненской области состоялась V Международная научно-практическая конференция «Гісторыка-культурная спадчына Ашмяншчыны». Мероприятие организовали Институт истории НАН Беларуси и Ошмянский районный исполнительный комитет.

29 мая 2012 г. в Минском областном институте развития образования с участием ученых Института истории НАН Беларуси состоялся «круглый стол» на тему: «И живы памятью столетий…», посвященный событиям Великой Отечественной войны.

5 июня 2012 г. совместно с Посольством Исламской Республики Иран проведен «круглый стол», посвященный жизни и деятельности Рухолла Мусави Хомейни.

12–13 июня 2012 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Россия, Беларусь, Украина: история, современность, будущее (к 1150-летию зарождения российской государственности)», организованная совместно с Представительством в Республике Беларусь Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

25–27 июня 2012 г. совместно с Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Центральной научной библиотекой имени Я. Коласа проведена Международная научно-практическая конференция «Экология человека в решении социальных проблем прошлого и современного общества».

29–30 июня 2012 г. в г. Бресте совместно с Брестским областным исполнительным комитетом, Брестским государственным университетом имени А. С. Пушкина, Брестским областным краеведческим музеем проведена республиканская научно-практическая конференция «Брестчина: прошлое и современность (к 30-летию археологического музея “Берестье”)».

25–27 июля 2012 г. в г. Могилеве состоялась Международная научно-практическая конференция «Отечественная война 1812 года в судьбах народов России и Беларуси (к 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года)». Мероприятие организовали Отделение гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Институт истории НАН Беларуси, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь – Российский центр науки и культуры в Минске, Музей истории Могилева, Могилевский государственный университет.

20 августа–2 сентября 2012 г. совместно с Германской службой академических обменов DAAD проведена летняя школа «Центральная и Восточная Европа в Первой мировой войне: взгляд из Беларуси».

6–7 сентября 2012 г. совместно с Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Минским городским исполнительным комитетом и Минским городским институтом развития образования проведена Международная научно-практическая конференция «Минск и минчане: 10 веков истории. Источники по истории города (к 945-летию Минска)».

14 сентября 2012 г. в д. Жировичи Слонимского района Гродненской области состоялась Международная конференция «Святые земли белорусские: София Слуцкая». Мероприятие организовали Отделение гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Институт истории НАН Беларуси и Минская духовная академия имени Святителя Кирилла Туровского.

17 сентября 2012 г. в Белорусском государственном педагогическом университете имени М. Танка состоялась презентация сборника документов и материалов «Польша–Беларусь. 1921–1953 гг.: сборник документов и материалов».

23 сентября 2012 г. депутатом Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь избран заместитель директора по научной работе Института истории НАН Беларуси Марат Геннадьевич Жилинский.

5–6 октября 2012 г. совместно с Пинском городским исполнительным комитетом проведена республиканская конференция «История Пинска: от древности до современности (к 915-летию первого летописного упоминания города)».

9 октября 2012 г. проведена Международная научно-практическая конференция «Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы».

18 октября 2012 г. в Центральной научной библиотеке имени Я. Коласа состоялась презентация коллективной монографии «История Белорусской железной дороги. Из века XIX в век XXI».

19 октября 2012 г. совместно с Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Копыльским районным исполнительным комитетом и Гродненским государственным университетом имени Я. Купалы в Копыле проведена республиканская научно-практическая конференция «Копыль. История города и региона (к 360-летию придания привилегия на магдебургское право Копылю)».

25–26 октября 2012 г. совместно с историческим факультетом Белорусского государственного университета проведена Международная научная конференция «Железный век и раннее средневековье Беларуси и сопредельных территорий (к 100-летию со дня рождения археолога и преподавателя БГУ А. Г. Митрофанова)».

26 октября 2012 г. совместно с Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Кореличским районным исполнительным комитетом проведены X Кореличские краеведческие чтения «Знаменитые роды Кореличчины».

6 ноября 2012 г. совместно с российским фондом «Историческая память» проведен международный «круглый стол» на тему «Нацистская истребительная политика: перспективы изучения, база источников, проблемы памяти».

21 ноября 2012 г. совместно с Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси проведена Международная научно-практическая конференция «Государственное строительство в Республике Беларусь: исторический опыт и традиции (1991–2000 гг.)».

7 декабря 2012 г. совместно со Слонимским районным исполнительным комитетом проведена Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие Слонимщины и пути ее практического использования (к 760-летию основания Слонима)».

7 февраля 2013 г. в рамках XX минской Международной книжной выставки-ярмарки состоялась презентация второй книги уникального фундаментального издания «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.».

15 февраля 2013 г. состоялся «круглый стол», организованный совместно с редакцией газеты «Звязда», на тему «Хатынь: усенародны боль і памяць».

28 февраля 2013 г. директор Института истории НАН Беларуси Вячеслав Викторович Данилович и депутат Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь Марат Геннадьевич Жилинский приняли участие в презентации книги «Сын белорусского народа Петр Машеров» в Представительстве Россотрудничества в Республике Беларусь – Российском центре науки и культуры в Минске.

5 марта 2013 г. состоялся «круглый стол», организованный совместно с Коммунистической партией Беларуси и МГОС РГОО «Белорусское общество «Знание», на тему «Белорусская государственность в конце XIX – начале XXI веков (к 115-летней годовщине первого съезда РСДРП)».

26 марта 2013 г. совместно с Отделением гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, Республиканским общественным объединением «Белая Русь» проведен научно-практический семинар на тему «История белорусской государственности».

4–5 апреля 2013 г. в рамках мероприятий, посвященных Дню единения народов Беларуси и России, состоялись встречи ученых Института истории НАН Беларуси, Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси с представителями Департамента образования правительства Москвы, Национально-культурной автономии «Белорусы Москвы», директором Московского института развития образования М. М. Лазутавай, ректором Пензенского института развития образования Г. М. Беларыбкиным.

11 апреля 2013 г. заведующий отделом археологии первобытного общества, кандидат исторических наук, доцент В. Л. Лакиза на заседании Бюро Президиума НАН Беларуси назначен на должность заместителя директора по научной работе Института истории НАН Беларуси.

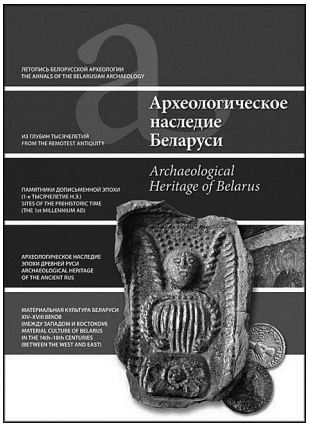
25–26 апреля 2013 г. совместно с историческим факультетом УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» проведена Между-

народная научная конференция «Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI вв.)».

7 мая 2013 г. совместно с «Белорусским экзархатом русской православной церкви» Представительством Россотрудничества в Республике Беларусь, Белорусским государственным педагогическим университетом имени Максима Танка, управлением образования администрации Московского района г. Минска и гимназией № 174 г. Минска проведена VI Международная молодежная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исторической памяти народов».

6–7 июня 2013 г. совместно с «Белорусским экзархатом русской православной церкви» проведена Международная научная конференция «Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России и Украины: выбор цивилизационного пути».

ВЫДАННІ ДЗЯРЖАЎНАЙ НАВУКОВАЙ УСТАНОВЫ «ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ» Ў 2011–2012 ГАДАХ[1]

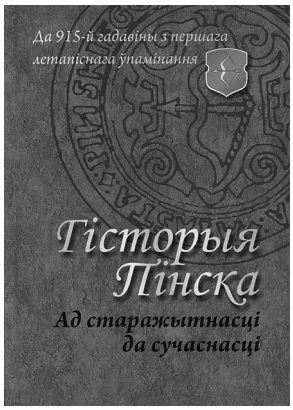

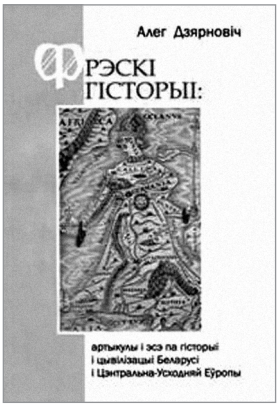
Археологическое наследие Беларуси = Archaeological Heritage of Belarus / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; сост., авт. вступ. ст. О. Н. Левко; науч. ред. А. А. Коваленя, О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 192 с. : ил.

Издание подготовлено по материалам, хранящимся в научных археологических фондах и представленным в археологической научно-музейной экспозиции Института истории НАН Беларуси. Содержит уникальные экспонаты, переданные учеными Института истории и исследователями, работающими в сфере образования и культуры, в государственные и ведомственные музейные экспозиции страны. Включает материалы, хранящиеся в музеях Минска, Полоцка, Витебска, Могилева, Гомеля, Гродно, Орши, Толочина, Шклова, Ветки и других населенных пунктов. Знакомит с материалами, раскрывающими богатство и своеобразие культуры белорусских земель с глубокой древности и до конца XVIII в., а также отображает весь спектр хозяйственно-производственной деятельности, быта, культурной и духовной жизни людей, населявших территорию нашей страны в разные эпохи, их связи с окружающим миром. Предназначена для научных работников, преподавателей учебных заведений, сотрудников музеев и всех, кто интересуется краеведением.

Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці : да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / А. М. Літвін [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2012. – 711 с.

Упершыню на вялізным дакументальным матэрыяле са шматлікіх айчынных і замежных архіваў даследуецца гістарычнае аблічча горада Пінска ад старажытнага часу да сучаснасці: планіроўка, архітэктура, структура кіравання, паўсядзённае жыццё насельніцтва, перспектывы горада. Прыводзяцца факты, тлумачацца падзеі, якія адбываліся ў рэчаіснасці, паказаны механізм зараджэння г. Пінска, яго станаўлення і развіцця, даецца ацэнка гаспадарча-эканамічнага, сацыяльна-палітычнага і культурнага значэння горада на розных этапах ад старажытнасці да сучаснасці. Разлічана на гісторыкаў, археолагаў, краязнаўцаў, работнікаў музеяў, выкладчыкаў і студэнтаў, а таксама ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі, гісторыяй Палесся і яго сталіцы – Пінска.

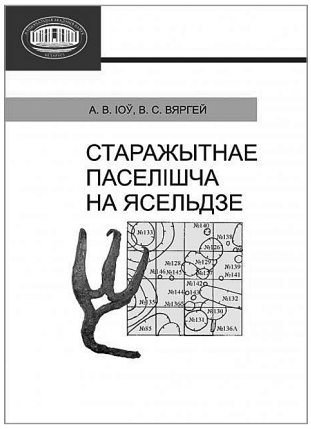

Дзярновіч, А. І. Фрэскі гісторыі : Артыкулы і эсэ па гісторыі і цывілізацыі Цэнтральна-Усходняй Еўропы / А. І. Дзярновіч. – Мінск : РІВШ, 2011. – 246 с.

Навуковае выданне прысвечана гістарычнай і цывілізацыйнай спецыфіцы рэгіёна Цэнтральна-Ўсходняй Еўропы. Раскрыта шырокае кола праблем: аспекты палітычнай гісторыі ВКЛ, культурныя сувязі беларускіх зямель і ВКЛ у цэлым, гісторыя Мінска, гісторыка-філасофскія праблемы і інш. Размешчаныя ў кнізе артыкулы датычацца не толькі беларускіх, але і балцкіх зямель ВКЛ, што спрыяе павышэнню цікавасці да беларускай гістарыяграфіі з боку замежных даследчыкаў.

[1]Падрыхтаваў вучоны сакратар Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук А. П. Салаўянаў.

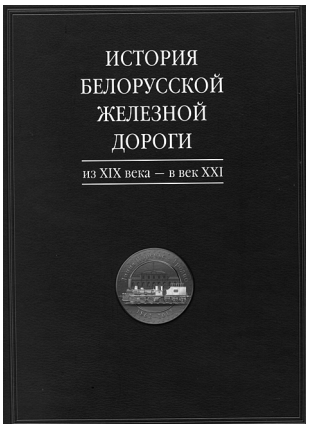

Іоў, А. В. Старажытнае паселішча на Ясельдзе / А. В. Іоў, В. С. Вяргей. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 175 с.

В издании представлены материалы многолетних археологических исследований поселения в д. Городище Пинского района. Охарактеризованы этапы его заселения от эпохи финального палеолита до Нового Времени. Показано, что наибольшего расцвета поселение достигает в IX – начале XI в., когда оно становится значительным торговым и ремесленным центром на Полесье. Важную роль в социальной и экономической жизни жителей поселения сыграло его расположение на одном с ключевых отрезков водного торгового пути из Прибалтики в Византию и арабский Восток.

История Белорусской железной дороги. Из XIX века – в век XXI / В. В. Яновская [и др.]. – Минск : Маст. літ., 2012. – 955 с.

В книге предпринята попытка раскрыть процесс становления железнодорожной сети на территории Беларуси, осветить ее жизнедеятельность в годы военно-политических конфликтов (Первая мировая, польско-советская, Вторая мировая войны) и межвоенное время, проследить основные процессы модернизации и современного состояния Белорусской железной дороги как неотъемлемой части народно-хозяйственного комплекса Республики Беларусь. Для создания истории Белорусской железной дороги было использовано большое количество опубликованных и неопубликованных источников, выявленных в архивохранилищах Беларуси, России, Украины и Литвы.

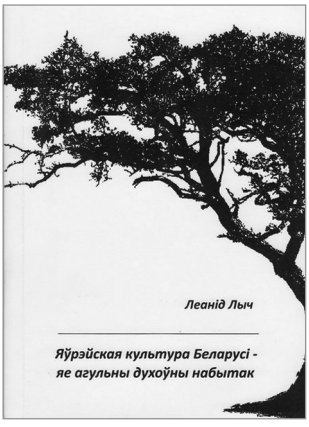

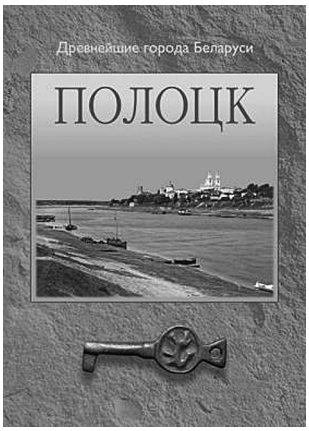
Кенько, П. М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников / П. М. Кенько. – Минск : Беларус. наука, 2012. – 172 с.

Книга посвящена анализу предметов, относящихся к поясным наборам I–XIII вв., с территории Беларуси. В работе собран и систематизирован материал из могильников, городищ, селищ и музейных коллекций. Подробно описаны все типы пряжек, ременных наконечников, накладок, соединительных колец, крючков и обоймиц. Сведения о поясном наборе населения Беларуси сопоставляются с аналогичными находками в соседних странах.

Лыч, Л. Яўрэйская культура Беларусі – яе агульны духоўны набытак / Л. Лыч. – Мінск, 2012. – 122 с.

В книге освещается история еврейской культуры Беларуси от момента появления данного этноса на ее территории и по настоящее время. Должное место отведено показу как общего, так и отличительного в судьбе еврейской и белорусской культур в условиях, когда над ними нависла реальная угроза полного упадка в результате целенаправленной государственной политики русификации; рассматриваются пути освобождения этих двух культур из-под ее негативного влияния.

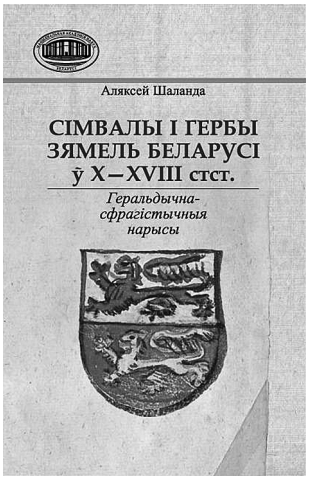

Полоцк : Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О. Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 743 с. : ил. – (Древнейшие города Беларуси).

В данной монографии на основе более чем 80-летнего (1928–2011 гг.) историко-археологического исследования Полоцка раскрываются древнейшие страницы истории города, приводятся факты, выдвигаются гипотезы, обосновываются события, имевшие место в действительности. Рассматриваются механизм зарождения Полоцка, его становление и развитие, дается толкование ряду исторических событий и оценка хозяйственно-экономического, социально-политического и культурного значения города на разных этапах эпохи средневековья и раннего нового времени.

Шаланда, А. Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст. : геральдычна-сфрагістычныя нарысы / А. Шаланда. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 182 с. : іл.

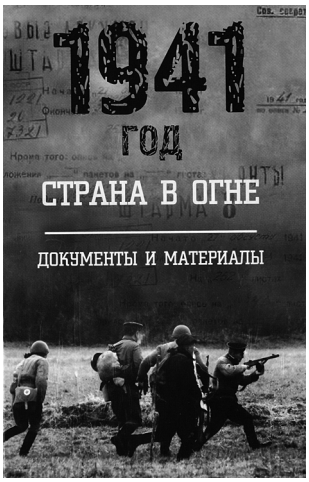
Издание посвящено земельной символике и геральдике Беларуси на протяжении существования трех ее государственных образований в X–XVIII вв. – Полоцкого государства, Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского и Речи Посполитой. Исследуются символика и геральдика полоцких государственных образований, истоки и складывание герба «Погоня», гербы на харугвах белорусско-литовского войска в битве под Грунвальдом 1410 г., «гербовые войны» между ВКЛ и Польшей накануне и после Люблинской унии 1569 г., великие печати ВКЛ Стефана Батория и династии Вазов, а также гербы Смоленского и Новоградского воеводств. Книга адресована историкам, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется историей и геральдикой Беларуси.

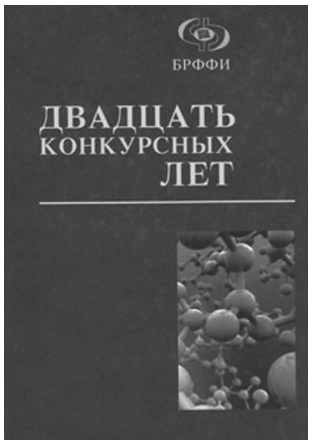
1941 год : Страна в огне. В 2 кн. – М. : ОЛМА Пресс, 2011. – Кн. 1 : Очерки. − 720 с.

Документы первой части издания отражают основные события, приведшие ко Второй мировой войне, характеризуют приготовления Германии к нападению и ведению войны на уничтожение против СССР, раскрывают усилия советского государственного и военного руководства по отражению агрессии.

1941 год : Страна в огне. Историко-документальное издание. В 2 кн. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2 : Документы и материалы. – 720 с.

В сборник включены документы и материалы, отражающие события кануна и начала Великой Отечественной войны в Беларуси. Особенное внимание уделено показу боевых действий лета 1941 г. на территории Белорусской ССР. Основу сборника составили документы из государственных архивов Минска и Москвы, в том числе материалы фондов трофейных немецких документов.

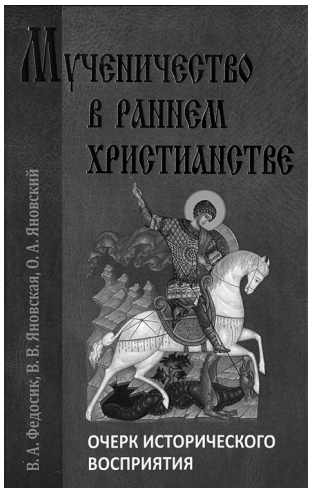
Двадцать конкурсных лет (БРФФИ: 1991–2001 гг.) / Белорус. респ. фонд фундамент. исслед. ; под общ. ред. В. А. Орловича. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 941 с.

Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ) успешно работает уже 20 лет. Результаты фундаментальных исследований, осуществляемых при поддержке БРФФИ практически по всем направлениям науки, являются основой для проведения ориентированных и междисциплинарных фундаментальных и прикладных исследований. В последние годы БРФФИ активно проводит конкурсы совместных исследовательских проектов белорусских и зарубежных ученых, что для Фонда является значимой формой интеграции белорусских исследователей в международное научное сообщество. Данный юбилейный сборник включает разделы, посвященные истории создания и развития деятельности фонда. Особое место занимают научные статьи признанных ученых Беларуси, победителей первого конкурса 1991–1992 гг., а также справочные материалы, иллюстрирующие деятельность БРФФИ в 1991–2011 гг. Книга адресована широкой научной общественности и специалистам, интересующимся историей белорусской науки и ее достижениями.

Федосик, В. А. Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция) / В. А. Федосик, О. А. Яновский, В. В. Яновская, А. А. Торканевский. – Минск : БГУ, 2012. – 171 с.

В книге исследуются деяния раннехристианских мучеников в реалиях античного социума. Анализируется восприятие их подвигов за веру в античном обществе христианами средневековой Европы и нашими современниками.

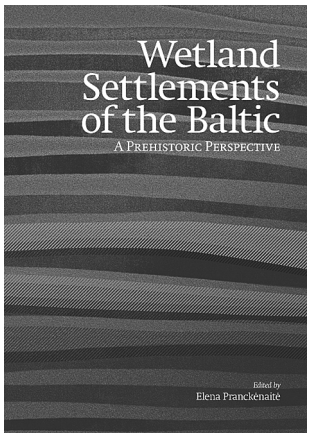
Федосик, В. А. Мученичество в раннем христианстве : очерк исторического восприятия / В. А. Федосик, В. В. Яновская, О. А. Яновский. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2011. – 255 с.

В книге освещены античные реалии, в которых действовали раннехристианские мученики и исповедники (святые Георгий, Татиана, Валентин, Николай, Вера, Надежда, Любовь и София и др.), а также современное восприятие их образов.

Полацк, 1150 : фотаальбом / склад. У. П. Свентахоўскі [і інш.] ; рэд. савет: А. М. Косінец [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.

В издании представлены фотографии наиболее знаменательных и памятных мест города Полоцка. Дана краткая историческая справка развития города.

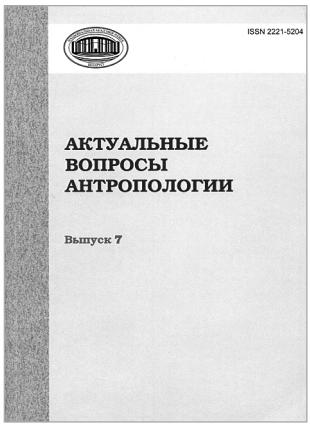

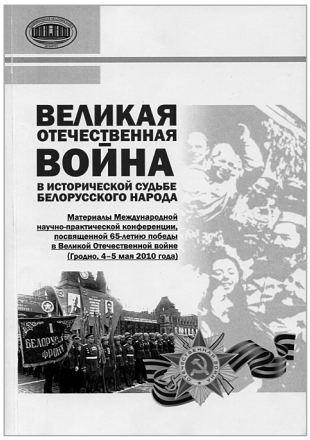
Wetland Settlements of the Baltic : A Prehistoric Perspective / ed. by Elena Pranckėnaitė. – Vilnius : Standartų Spaustuvė, 2011. – 183 p. (Мокрыя паселішчы Балтыі: дагістарычныя перспектывы / пад рэд. Алены Праскінайтэ. – Вільнюс : Standartų Spaustuvė, 2011. – 183 с.) (Charniauski, M. Belarusian Wetland Settlements in Prehistory / M. Charniauski, M. Kryvaltsevich. – Chapter 6. – P. 113–131. = Чарняўскі, М. Беларускія «мокрыя» паселішчы ў дагістарычны перыяд / М. Чарняўскі, М. Крывальцэвіч. – 1,7 печ. л.)

В монографии подводятся итоги и определяются перспективы и проблемы в области мокрой и подводной археологии первобытных периодов в регионах Балтии. Рассматриваются эмпирические материалы и региональные истории мокрой археологии, специфика методов исследования, анализируются интерпретационные концепции и гипотезы, обращается внимание на проблемы взаимодействия человека и природы. Работа состоит из разделов, каждый из которых посвящается результатам исследования в области первобытной мокрой археологии в той или другой стране (Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Беларуси, Литве, Польше, России, Германии). В Разделе 6, который посвящен мокрой археологии Беларуси, рассматриваются торфяниковые, озерные полевые, затопленные поселения каменного и бронзового веков на территории Южной Беларуси (Н. Н. Кривальцевич) и Белорусского Поозерья (Макс. М. Чернявский)

Актуальные вопросы антропологии : сборник научных трудов / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – Вып. 7. – 491 с.

Наряду с теоретическими проблемами антропологической науки в статьях сборника рассматриваются возможности прикладного применения генетических и морфологических маркеров для профориентации и прогнозирования различных состояний. Представляет интерес для антропологов, философов, криминалистов, биологов, медиков, историков, этнографов и других специалистов, интересующихся проблемами человека.

Великая Отечественная война в исторической судьбе белорусского народа : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию победы в Великой Отечественной войне, Гродно, 4–5 мая 2010 г. / НАН Беларуси, Ин-т истории, Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы ; Департамент по архивам и делопроизводству Мин. юстиции Респ. Беларусь ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 421 с.

В сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война в исторической судьбе белорусского народа», которая состоялась в Гродненском государственном университете имени Якуба Коласа в связи с 65-летием победы в Великой Отечественной войне. Сборник адресован специалистам в области всеобщей истории, преподавателям, учащимся высших и средних учебных заведений, а также всем любителям военного прошлого нашей Родины.

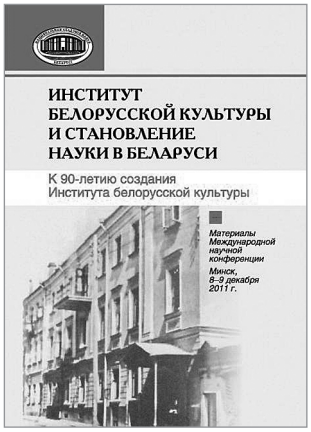

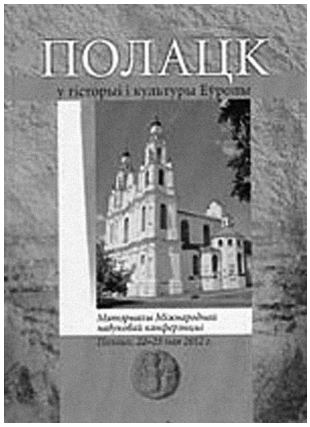
Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Вып. 27. – 343 с.

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі працягвае выданне «Гістарычна-археалагічнага зборніка». У гэтым выпуску змешчаны артыкулы гісторыкаў і археолагаў краіны, прысвечаныя актуальным праблемам айчыннай гісторыі і метадалогіі гістарычных даследаванняў. Таксама друкуюцца матэрыялы, якія ўтрымліваюць вынікі навуковых даследаванняў супрацоўнікаў Інстытута гісторыі за 2010–2011 гг. Выданне разлічана на настаўнікаў, прафесійных вучоных-гісторыкаў, студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў, творчую інтэлігенцыю, шырокае кола чытачоў, неабыякавых да айчыннай гісторыі; рэкамендуецца для выкарыстання ў навукова-даследчай працы і вучэбным працэсе.

Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 8–9 дек. 2011 г. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 769 с.

Сборник содержит материалы Международной научной конференции «Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси. К 90-летию создания Института белорусской культуры», которая прошла 8–9 декабря 2011 г. в Минске. В издание включены результаты современных исследований представителей различных областей научного знания, касающиеся вопросов развития белорусской науки и культуры.

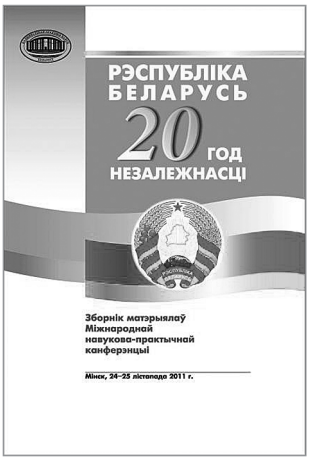
Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 639 с. : іл.

В издании представлены основные итоги научного исследования зарождения и становления государственности на территории Беларуси, прослежены связи письменных памятников и археологических материалов начального ее периода, развитие древних городов и культуры Полоцкой земли. В сборнике с учетом новейших источников представлены публикации об археологическом исследовании Полоцка, его становлении и развитии на разных этапах: от эпохи средневековья до нового и новейшего времени – на основе архивных материалов, роли города в истории и культуре Европы.

Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь: материалы круглого стола 15 марта 2012 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Белорусская Православная Церковь, МБФ «Семья–Единение–Отечество». – Минск : Бонем, 2012 г. – 138 с.

Книга содержит доклады участников круглого стола «Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь», состоявшегося в Минске 15 марта 2012 г. Его организаторами выступили: Национальная академия наук Беларуси, Белорусская Православная Церковь, МБФ «Семья–Единение– Отечество». В работе круглого стола приняли участие ученые, преподаватели, священнослужители, общественные деятели. Книга будет полезна специалистам, занимающимся проблемой обеспечения национальной и, в частности, демографической безопасности, вопросами взаимодействия религиозных организаций и государства, противодействия проникновению и деятельности на нашей территории деструктивных культов и сект.

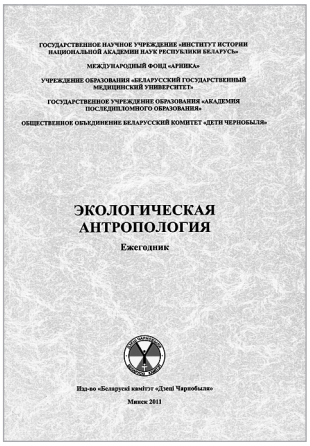

Рэспубліка Беларусь. 20 год незалежнасці : зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24–25 лістап. 2011 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 574 с.

Представлены материалы Международной научно-практической конференции, которая была проведена 24–25 ноября 2011 г. на базе Института истории НАН Беларуси и Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Издание рассчитано на историков-исследователей, преподавателей, студентов и всех интересующихся новейшей историей Беларуси.

Экологическая антропология. Ежегодник / гл. ред. Л. И. Тегако ; Ин-т истории Нац. акад. наук Беларуси, Межд. Фонд «Арника», Бел. гос. мед. ун-т, Акад. последипл. образ., ООО «Белорусский комитет “Дети Чернобыля”». – Минск : Беларускі камітэт «Дзеці Чарнобыля», 2011. – 532 с.

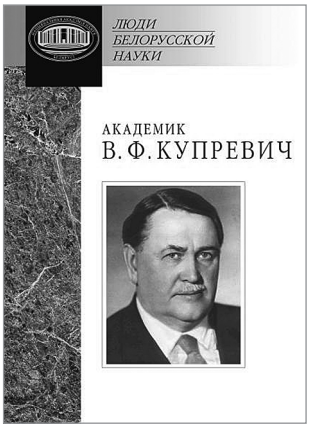

В сборнике отражены результаты многолетних исследований постчернобыльской ситуации специалистами различного профиля. Три раздела сборника («Чернобыль: 25 лет. Как это было…», «Ресурсы преодоления последствий Чернобыльской катастрофы: опыт, проблемы, перспективы» и «Перспективы и механизмы устойчивого развития в постчернобыльский период») содержат более 150 статей, посвященных анализу современного состояния и решению гуманитарных, биологических и медицинских проблем. В издании сборника принимали участие И. И. Саливон (член редакционной коллегии), О. В. Марфина (член редакционного совета), Н. И. Полина (член секретариата).

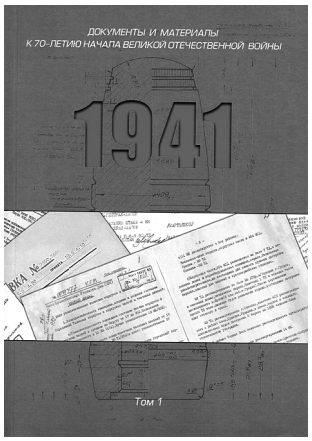
Тегако, Л. И. Современная антропология / Л. И. Тегако, А. И. Зеленков ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 263 с.

В данной работе освещены основные проблемы антропологической науки с позиции интеграции гуманитарных и биологических знаний. Представлены новые междисциплинарные направления в антропологии – социокультурное, психологическое, экономическое и другие. Обращено внимание на социальные проблемы современности.

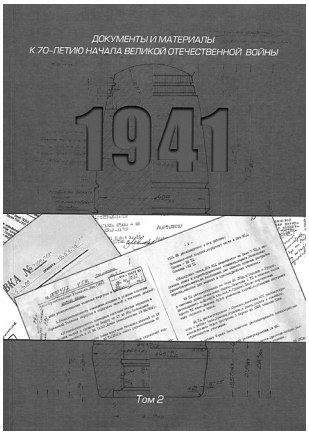
Академик В. Ф. Купревич. Документы и материалы / сост.: Н. В. Токарев. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 320 с.

В сборник включены документы и материалы, отражающие жизнь и деятельность ученого-биолога, президента Академии наук БССР, академика В. Ф. Купревича (1897–1969). Основу сборника составляют документы из государственных архивов Минска и Санкт-Петербурга. Показано становление В. Ф. Купревича как ученого, его вклад в науку, научно-организационная деятельность на посту президента АН БССР (1952–1969), что позволяет осветить многие вопросы организации и развития советской науки.

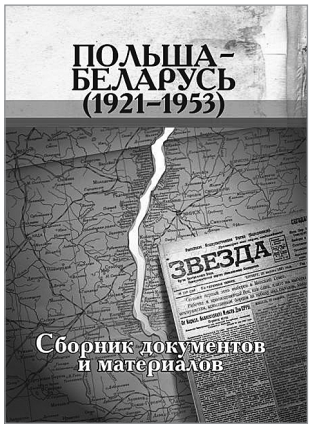
1941 : Документы и материалы : к 70 летию начала Великой Отечественной войны. В 2 т. / А. М. Литвин [и др.] ; сост.: Ю. А. Никифоров [и др.]. – СПб. : ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2011. – Т. 1. – 415 с. – (Сборники Президентской библиотеки).

В сборник включены документы и материалы, которые позволят читателям яснее представить ход событий и атмосферу кануна и начала Великой Отечественной войны. Материалы, вошедшие в книгу, охватывают период с декабря 1940 по июль 1941 г. и отражают особенности предвоенного политического кризиса, готовность государств к войне, причины поражений Красной Армии летом 1941 г., дипломатические маневры лидеров противоборствующих держав, показывают повседневный быт солдат на фронте и ситуацию в советском тылу, оккупационную политику захватчиков, партизанскую борьбу и т. д. Ряд документов публикуется впервые.

1941 : Документы и материалы : к 70 летию начала Великой Отечественной войны. В 2 т. / А. М. Литвин [и др.] ; сост.: Ю. А. Никифоров [и др.]. – СПб. : ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2011. – Т. 2. – 575 с. – (Сборники Президентской библиотеки).

В сборник включены документы и материалы, которые позволят читателям яснее представить ход и атмосферу кануна и начала Великой Отечественной войны. Материалы, вошедшие в книгу, охватывают период с декабря 1940 по июль 1941 г. и отражают особенности предвоенного политического кризиса, готовность государств к войне, причины поражений Красной Армии летом 1941 г., дипломатические маневры лидеров противоборствующих держав, повседневный быт солдат на фронте и ситуацию в советском тылу, оккупационную политику захватчиков, партизанскую борьбу и т. д. Ряд документов публикуется впервые.

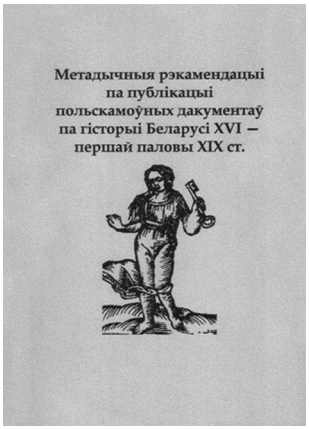
Польша–Беларусь (1921–1953) : сборник документов и материалов / сост.: А. Н. Вабищевич [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 423 с. : ил.

В сборнике представлены оригинальные архивные документы, которые отражают различные аспекты польско-белорусских отношений в 1921–1953 гг. Издание рассчитано на профессиональных историков и широкий круг общественности, всех, кто интересуется историей Беларуси.

Біябібліяграфія вучоных Беларусі. Георгій Васільевіч Штыхаў : да 85-годдзя з дня нараджэння / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. В. У. Мядзведзева ; навук. рэд. А. А. Каваленя. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 95 с.

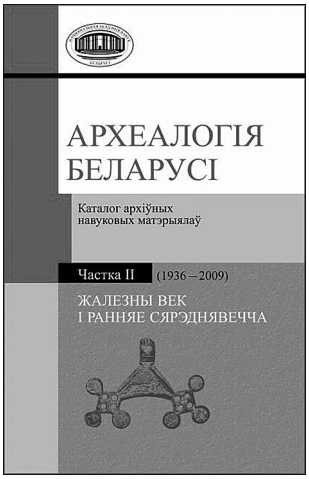
В издании собраны биографические и библиографические сведения об известном белорусском археологе и историке докторе исторических наук, профессоре Г. В. Штыхове, которому в 2012 г. исполнилось 85 лет. В книгу включены: очерки научной биографии, литература о жизни и деятельности юбиляра, хронологический указатель трудов ученого, списки архивных материалов исследователя и научных работ, выданных под его редакцией.

Шаланда, А. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі польскамоўных дакументаў па гісторыі Беларусі XVI – першай паловы XIX ст. / склад. А. Шаланда. – Мінск : БелНДІДАС, 2012. – 47 с.

В издании изложены основные принципы, методы и приемы публикации рукописных источников на польском языке, созданных на белорусских землях ВКЛ, Речи Посполитой и Российской империи в XVI – первой половине XIX в. Рассматриваются вопросы написания предисловия к археографическим вопросам, подготовки текста исторических источников, составления научно-справочного аппарата. В основу положены обобщающий опыт политарной публикации рукописных польскоязычных источников в Беларуси, России, Украине и Литве, а также методические разработки в области эдиционной археографии в Польше и других европейских странах.

Археалогія Беларусі : каталог архіўных навуковых матэрыялаў. У 3 ч. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; склад., анат. В. У. Мядзведзева. – Ч. 2 : (1936–2009). Жалезны век і ранняе сярэднявечча. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 187 с.

В работе собраны, систематизированы, обобщены и проанализированы все имеющиеся архивные научные и научно-технические археологические материалы по периодам железного века и раннего средневековья с 1936 по 2009 год. Научная значимость данной книги заключается в том, что в ней введены в оборот новые материалы, которые представлены с подробными расширенными аннотациями, необходимыми для полноценного изучения и использования в научно-исследовательских работах. Важным результатом данной работы является также то, что она представляет значительные научные материалы для использования в теоретических и практических целях широкому кругу исследователей.

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. Тэкст артыкула падаецца ў рэдакцыю часопіса на электронным носьбіце і ў двух якасна надрукаваных (на аркушах фармата А4) экзэмплярах, аб'ёмам да 0,5 друкаванага аркуша праз 1,5 інтэрвала (у гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, фотаздымкі, малюнкі і спіс літаратуры) у адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

• матэрыял артыкула павінен знаходзіцца ў адным файле;

• матэрыял артыкула павінен быць набраны ў тэкставым рэдактары МЗ Word-95-MS Word-2003 стылем «Обычный», шрыфтам Times New Roman памерам 14 пунктаў;

• назва артыкула павінна быць набрана малымі літарамі (за выключэннем абрывіятур);

• у артыкуле ўказваюцца: прозвішча, імя і імя па-бацьку, вучоная ступень і званне аўтара (аўтараў), арганізацыя, якую ён (яны) прадстаўляе, горад;

• назва файла, які ўтрымлівае тэкст артыкула, павінна супадаць з першымі 8 літарамі прозвішча аўтара лацінскім шрыфтам і мець стандартнае расшырэнне DOC;

• фотаздымкі і малюнкі, якія змяшчаюцца ў артыкуле, акрамя гэтага павінны знаходзіцца ў асобным файле ў расшырэнні TIF.

2. Да артыкула павінна быць прыкладзена рэкамендацыя аддзела ці кафедры і рэцэнзія спецыяліста ў пэўнай галіне – доктара альбо кандыдата навук, рэферат на рускай мове, калі артыкул на беларускай мове (альбо на беларускай мове, калі артыкул на рускай мове), рэзюмэ на англійскай мове. У рэферат і рэзюмэ ўваходзяць пераклад назвы малымі літарамі (за выключэннем абрывіятур), прозвішча і імя аўтара (аўтараў) ў адпаведнасці з пашпартам.

3. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).

4. Літаратура і крыніцы, выкарыстаныя ў артыкуле, друкуюцца на асобнай старонцы спісам, а спасылкі ў тэксце абазначаюцца парадкавым нумарам у квадратных дужках па схеме: [1, с. 25–31]. Спіс літаратуры і крыніц афармляецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК Рэспублікі Беларусь.

5. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці з'яўляецца навізна і інфарматыўнасць артыкула. Калі па рэкамендацыі рэцэнзента артыкул вяртаецца аўтару на дапрацоўку, то дапрацаваны рукапіс зноў разглядаецца рэдкалегіяй і датай паступлення лічыцца той дзень, у які рэдакцыя атрымала яго канчатковы варыянт.

6. Аўтар артыкула нясе адказнасць за накіраванне ў рэдакцыю матэрыялаў, якія былі раней апублікаваны ў друку, альбо якія прыняты да друку іншымі выданнямі.

7. Рэдакцыйная калегія не спаганяе з аўтараў плату за друкаванне артыкулаў і іншых матэрыялаў.

8. Рэдакцыйная калегія дае магчымасць першачарговага друкавання артыкулаў асобам, якія з'яўляюцца аспірантамі, дактарантамі і суіскальнікамі навуковай ступені ў год завяршэння навучання, што павінна быць адлюстравана ў рэцэнзіі.

УВАГА!

1. Электронны носьбіт не павінен ўтрымліваць любых пабочных файлаў, што не маюць дачынення да прадстаўляемых у рэдакцыю матэрыялаў.

2. Пры невыкананні ўказаных патрабаванняў матэрыялы могуць не прымацца да публікацыі.

Навуковае выданне

ГІСТАРЫЧНА-АРХЕАЛАГІЧНЫ ЗБОРНІК

Выпуск 28

Рэдактары *Н. Т. Гаўрыленка, Т. С. Клімовіч*
Мастацкі рэдактар *А. М. Свірыдзенка*
Тэхнічны рэдактар *В. А. Тоўстая*
Кам'ютарная вёрстка *М. Э. Малярэвіч*

Падпісана да друку 20.09.2013. Фармат 60×84 1/8. Папера афсетная. Друк лічбавы.
Ум. друк. арк. 36,27. Ул.-выд. арк. 36,2. Тыраж 150 экз. Заказ 176.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
Рэспубліканскіе ўнітарнае прадпрыемства «Выдавецкі дом «Беларуская навука».
ЛИ № 02330/0494405 ад 27.03.2009. Вул. Ф. Скарыны, 40, 220141, г. Мінск.